

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 5 (71). № 1

**Симферополь
2019**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № 1 от 22 января 2019 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 22.01.2019. Формат 70x100/16.

29,33 усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/248.

Дата выхода в свет 04.03.2019.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 349

**ПОЖАРНЫЙ УСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1857 Г. КАК
ОСНОВА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО ФЛОТА В XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Губченко А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В данной статье рассмотрена правовая политика в сфере пожарной безопасности торгового флота Российской империи периода XIX–XX в. Так автор рассмотрел основные нормы Пожарного устава 1832 г. и переизданного Пожарного устава 1857 г., вошедший в Свода законов Российской империи 1857 г., нормы которого также регулируют пожарную безопасность на воде. Автор проводит анализ, что указанные законы были положены в основу иных распорядительных актов Российской Империи и локальных нормативно-правовых актов различных торговых портов Российской Империи, которые еще детальней устанавливали норма противопожарной безопасности, с учетом особенностей каждого торгового порта, и их дальнейшее усовершенствование. Таким образом, автор приходит к выводу, что благодаря изданным Пожарным уставам, первая половина XIX в., является ключевой эпохой в истории возникновения и развития правовой политики Российского государства в области пожарной безопасности на торговом флоте.

Ключевые слова: Пожарный устав, нормы противопожарной безопасности, торговый флот, порт, судно, огонь, взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества.

Проблема изучения и осмысления исторического опыта в области правовой политики в сфере обеспечения пожарной безопасности является актуальной и на современном этапе развития научной мысли. Ученые-правоведы высказывают разные точки зрения по поводу способов совершенствования правовой политики в области пожарной безопасности, а реалии действительности современного мира «заставляют» тщательнее проводить исторический анализ для дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего меры противопожарной безопасности Российской Федерации.

Следует указать, что вопросы, связанные с правовым и организационным регулированием мер противопожарной безопасности, освещаются в трудах Малько А. В., Ковалевой Н. И., Немченко С. Б., Смирновой А. А., Опариной И. И.

Роль, значение правового обеспечения противопожарной безопасности трудно переоценить, поскольку со временем масштабы, количество и негативные последствия от пожаров значительно возросли, по причине развития промышленности и иных факторов. Однако и в XIX в. уже уделяли внимание необходимости соблюдению мер противопожарной безопасности, путем издания нормативно-правовых актов, регулирующих данную проблему.

Для истории правовой политики Российского государства в области пожарной безопасности и борьбы со стихийными бедствиями, ключевой эпохой является первая половина XIX в. [1, с. 83]. Именно в этот период вершиной законодательной деятельности государства по систематизации нормативно-правовых актов в сфере борьбы с пожарами стало создание свода уставов пожарных, вошедших в состав свода законов Российской империи 1832 г. В этом нормативно-правовом акте были систематизированы и обобщены положения узаконений, изданных в предшествующие эпохи по вопросам обеспечения пожарной безопасности [1, с. 85].

В 1857 году Уставы Пожарный был переиздан. Содержавшиеся в нем нормы в области обеспечения пожарной безопасности претерпели некоторые изменения, появились новые нормы, санкции, были исключены некоторые статьи не актуальными во второй половине XIX в.

«Устав Пожарный» представлял собой своего рода консолидированный акт, вошедший в себя все действующие до того и не утратившие силу узаконения, вошедшие в состав Полного собрания законов Российской империи. Документ был разделен на главы, отделения и статьи, после каждой из которых помещалась краткая ссылка на узаконения из состава Полного собрания законов Российской империи [2, с. 124].

В Пожарном уставе от 1857 г. уделялось внимание и предотвращению пожаров на воде, так в главе второй «О мерах предосторожности от пожаров» в третьем отделении «О предосторожностях от пожаров на воде» статьями 49-59 были установлены правила противопожарной безопасности на корабле, судне и в торговом порту.

Торговый флот во все времена являлся одним из важным фактором успешного развития внешней торговли, экономики и транспортной системы государства в целом. Не был исключением и период XIX - XX в.

В связи с тем, что основная застройка в России вплоть до XIX в. осуществлялась деревянными строениями, торговые порты также были построены из дерева, что повышало их уровень пожароопасности и, в условиях постепенного перехода судоходства на паровой ход, требовало совершенствования и установление противопожарных мер безопасности.

Таким образом, Пожарный устав 1857 г. был основополагающим нормативно-правовым актом по установлению правил противопожарной безопасности на торговых портах, учитывая их важность и масштабы возможных негативных последствий.

Статьями Пожарного устава от 1857 г. (далее - Устав) устанавливалась необходимость особой осторожности, порядок пользования, а при определенных обстоятельствах и запрет в пользовании огнем, зажженной свечей. Так, согласно статье 49 Устава, устанавливалось, что на кораблях и судах необходимо иметь всемерную осторожность от огня. Корабельным судовым служителям и матросам запрещается ходить в интрюм или на корабле или судне с зажженной свечью или иным светильником, без особого приказанья от корабельщика или судовщика, штурмана или кормчего; корабельщики и судовщики не должны посылать служителей и матросов в интрюм без особенной надобности, но только в случае крайней необходимости, наблюдая притом всевозможную осторожность (ст. 50); в каюте огонь необходимо было держать на плоском шандале, налив на дно для предосторожности воды (ст. 51); был установлен строжайший запрет иметь огонь на судах, плывущих каравана-

ми по Волге через Вышневолоцкий канал до С.Петербурга (ст. 57); плывущим на судах караванами по реке и останавливающимся при берегах у лесных дач, дозволялось разводить огонь и ночью, но так, чтобы он был раскрываем не ближе двух сажен от стоящего или лежащего леса, чтобы для этого место избиралось неподалеку от дороги, и очищено от листьев, травы и тому подобного, чтобы огонь сообщаться не мог, и чтобы при оставлении места, он был потушен (ст. 58); запрещалось на судах, останавливающимся у Рыбинских и Нижегородской пристаней, держать огонь, курить трубки, ходить с зажженными свечами и носить с огнем самовары (ст. 59).

Отдельно оговаривалось ограничение курения на указанных объектах. Так, согласно ст. 52 Устава табак разрешалось курить только на верхней палубе и то не иначе, как над обрезом с водой (ст. 52), а во время загрузки и выгрузки товаров с купеческих кораблей, курение было запрещено (ст. 55).

Определялся и особый порядок вхождения в морскую гавань, порт, пристань, так согласно статье 53 Устава, купеческим кораблям разрешалось входить в купеческую гавань только после того, как когда порох и другие опасные вещи были выгружены. А в соответствии со статьей 55 Устава, во время загрузки и выгрузки товаров с купеческих кораблей, было приказано наблюдать всевозможную предосторожность от огня: табаку не курить, смолы не разогревать и огонь вечером часу в восьмом или девятом гасить, кроме каюты шкипера, где разрешалось иметь лампаду или свечу, как сказано выше в статье 51.

Согласно статье 56 Устава, корабельщикам и судовщикам, пришедшим в порт, в общую гавань или пристань, предписывалось не иначе варить себе пищу, разогревать смолу и деготь, как в особо для этого отведенных местах или кухнях; а где таковых не было, то в обывательских домах или на порожних ботах или лодках в отдалении от гавани, порта и пристани.

Так же уделялось отдельное внимание кораблям, судам, баржам, груженными опасными веществами. Так согласно статье 54 Устава, корабли, суда и баржи, нагруженные маслом или салом, равно как и те, на которых были нагружены круховая (негашеная) известь, или другие опасные вещества, должны были становиться в отдалении от других кораблей и судов и выгружаться в определенном для них особом месте [3, с. 54-55].

Отделение первое «О пожарах от неосторожности» главы шестой «О взыскании и наказаниях за несоблюдение предосторожностей от пожара и за причинение огня» Пожарного устава от 1857 г., устанавливала меру ответственности за нарушенные предписанный данного нормативно-правового документа.

В соответствии со ст. 115 Устава, за хождение на судне или корабле с огнем или курение трубки не в указанном месте, было предусмотрено штраф в размере трехдневной платы в пользу портовой больницы.

За держание огня на судах, плывущих караванами через Вышневолоцкий канал до С.Петербурга, был предусмотрен штраф в размере пятидесяти рублей (ст. 116).

За держание огня на судах при Рыбинских и Нижегородской пристанях с виновного взыскивался штраф в размере ста рублей, из которых двадцать пять рублей отдавали открывателю, или доказчику данного преступления (ст. 117). Выдача двадцати пяти рублей открывателям или доказчикам, полицейским служителям или частным людям производилась, если они явно уличили держателя на судне огня,

пойманного в том каким-либо видимым образом, как например, с зажжённой трубкой, свечою, самоваром с огнем и тому подобными доказательствами [3, с. 64].

Предписания Пожарного устава 1857 г. были положены в основу иных распорядительных актов Российской Империи и локальных нормативно-правовых актов различных торговых портов Российской Империи, которые еще детальней устанавливали норма противопожарной безопасности, с учетом особенностей каждого торгового порта, в дореволюционный и в после революционный периоды.

Так в соответствии с п. 57-63 Изложения противопожарного постановления из действующих временных правил для плаванья по внутренним водяным путям. (Изд. 1883 года и дополнения к нему). В 1890 г. распоряжением министра путей сообщения, объявленным Правительствующему сенату, действие временных правил должно впредь до изменения их [3], было установлено, что в предупреждение пожарных случаев, не разрешалось на непаровых судах, гонках и плотках употребление огня, равно как и курение табаку: а) во время остановок на пристанях; б) при плаваньи караванами; в) в каналах; г) при проходе через искусственные сооружения; д) в так называемых казенках; е) на судах с легковоспламеняющимися веществами, и ж) во всех тех случаях, когда, в виду особых обстоятельств, как-то: сильного ветра, скопления судов в одном пункте, и т.п., это признавалось необходимым местным судоходным начальством (п. 57).

В примечании к данной статье устанавливалось, что деревянные суда, служившие для перевозки наливом керосина, нефти или иных легковоспламеняющихся минеральных масел, не должны были использоваться как плавучие пристани и, вообще, не должны были останавливаться в местах скопления судов, могущих иметь у себя огонь в любое время [3].

Для приготовления пищи на бечевниках искусственных водяных путей и вообще в узких местах разрешалось разводить огонь лишь на подветренной стороне, или в местах, указанных местным судоходным начальством (с. 32) (п. 58).

После приготовления пищи костры непременно должны были заливаться водой до последней искры (п. 59).

Кроме того, устанавливалось, что все суда должны были иметь необходимое количество швабр и по одному ведру на каждые 2.000 пуд. груза; во всяком случае, никакое судно не должно было иметь менее 6 ведер. К каждому ведру должна была быть привязана веревка, не мене 10 аршин длиною, и если ведра были деревянные, то они всегда должны были быть наполнены водой (п. 60).

Примечанием к этой статье устанавливалось, что осадка судов с легковоспламеняющимися веществами должна была быть с запасом не менее указанного в примечании к п. 67 (см. ниже).

Устав предписывал, чтобы все суда, нагруженные керосином и другими легковоспламеняющимися веществами, помещали наполненные последними бочки под палубу; размещение же их на палубе разрешалось только в том случае, если сверх их была устроена сплошная деревянная крыша, поддерживаемая постоянно в смоченном водой сыром состоянии (п. 61), что должно было обеспечить герметичность и предотвратить возможный разлив горючих веществ.

Чтобы паровые и другие суда и плоты заблаговременно могли принимать надлежащие против пожара меры предосторожности, суда с горючими и вообще легко-

воспламеняющимися веществами должны были, как во время плавания, так и во время стоянки, поднимать на мачте, на высоте не менее 20 футов, над корпусом судна, днем – красный флаг, поднятый и [4, с. 33] растянутый так, чтобы он был виден и при безветрии, а ночью красный огонь в шарообразном фонаре, устроенном так, чтобы огонь освещал ясным, однообразным и непрерывающимся светом весь горизонт на расстоянии, по крайней мере, полутора верст. На судах с мачтами недостаточной вышины, или не имеющих вовсе мачт, указанные сигнальные флаги и фонарь поднимались на специально устроенном для этого флагштоке, не ниже 15 фунтов над корпусом судна (п. 62).

Примечанием к этой статье устанавливалось, что по прибытии к пристани судна, нагруженного легковоспламеняющимися веществами, караванный или шкипер должен был немедленно заявлять о том судоходному начальству, которое указывало ему место, где должно быть остановлено судно.

На судах, нагруженных легковоспламеняющимися веществами, в сигнальном или отличительном металлическом фонаре, полагалось использовать исключительно стеариновые свечи или растительное масло (п. 20). Фонарь следовало зажигать на берегу или на лодке и в зажжённом уже виде приносить на судно. Средства для добывания огня, нужного для зажигания фонарей, вверяли одному из наиболее надежных судовых рабочих (п. 63) [4, с. 34].

Для проведения более тщательного сравнительного анализа, рассмотрим некоторые основные предписания локальных нормативно-правовых актов торгового флота. Так, в соответствии со ст. 96 Обязательного Постановления Рижского порта от 1910 г., огонь на судах позволялось иметь: а) шкиперам для собственного их использования, или для рабочих во время плавания судов во время их стоянки; б) в кухонных очагах, плитах, каминах и печах для прогревания кают и приготовления пищи и в самоварах; судам в одиночку стоящим или плавающим, имеющим отдельные шкиперские пассажирские каюты и кухни; в) зажигать свечи без фонарей дозволялось только в каютах морских и речных судов; г) на каботажных парусных судах, стоящих в Андреевской гавани и других тесных гаванях, а также скопившихся у пристаней, разрешалось курить табак только на верхней палубе; варка же пищи производилась в специально устроенных для этого береговых кухнях, а на самих каботажных парусных судах она строго запрещалась.

Не разрешалось употребление огня на судах: а) на стапелях у хлебных пристаней, у буяна на сенных барках; б) на судах, нагруженных легковоспламеняющимися веществами; в) судам, стоящим у городской набережной выше Карловского шлюза [5, с. 31]

Подводя итог, следует сделать вывод, что значение Пожарного устава для становления законодательства о пожарной безопасности в нашей стране сложно переоценить. В нем были систематизированы и обобщены положения узаконений, изданных в предшествующие эпохи по вопросам обеспечения пожарной безопасности, требования пожарной безопасности для строений, в лесах, на судах и т.д., правила поведения на пожаре [3, с. 16-17].

В силу ряда экономических и политических причин, торговый флот играл важное значение в Российской империи. В связи с этим, было необходимо установление привил противопожарной безопасности в торговом порту, судах, что и было сделано Пожарными уставами 1832 г. и 1857 г. В дальнейшем, основополагающие про-

тивопожарные нормы были перенесены в иные распорядительные акты и локальные нормативно-правовые акты торговых портов, с учетом особенностей развития науки, промышленности и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XIX-XX в. уже уделялось должное внимание необходимости предотвращения, ликвидации пожаров в торговом флоте, во избежание негативных последствий, что является одним из важных направлений правовой политики каждого государства.

Список литературы:

1. Смирново А. А. У истоков формирования правовой политики российского государства в сфере обеспечения пожарной безопасности: материалы круглого стола. Санкт-Петербург. 4 июня 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. - СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. - 310 с.
2. Смирнова А. А., Опарина Т. И. Место Пожарного устава в системе законодательства российской империи о пожарной безопасности // Научно - аналитический журнал "Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России". 2013. №3. - 160 с.
3. Пожарный устав Российской империи: хрестоматия. / под общ. ред. В. С. Артамонова; сост. Э.Н. Чижиков, С. Б. Немченко, А. А. Смирнова, Т. И. Опарина, Н. И. Уткин, Е. А. Титова. 2-е изд., доп., испр. - СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. - 264 с.
4. Сборник узаконений и правительственных распоряжений о предосторожностях и мерах против пожаров на судах и пристанях на внутренних водных путях России, заведываемых Министерством Путей Сообщения. Составил инженер А. Сакович 2-й. СПб. Тип. Бр. Пантелеевых, 1892 г.
5. Собр. узак. И распоряж. Правит. 1890 г., №36, ст. 320, стр. 752.
6. Собр. узак. и распор. Правительства за 1891 г., №103, ст. 1055.
7. Обязательные Постановления Рижского порта от 1910 г.

Gubchenko A.A. Firefighter the charter of the Russian Empire in 1857 as the legal basis for fire safety of the merchant fleet of the XIX-XX Century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 3-8.

This article discusses the legal policy in the field of fire safety of the merchant fleet of the Russian Empire from the XIX-XX century. So the author reviewed the basic norms of the Fire Regulations of 1832 and the reissued Fire Regulations of 1857, included in the Code of Laws of the Russian Empire of 1857, the norms of which also regulate fire safety on water. The author analyzes that these laws were used as the basis for other administrative acts of the Russian Empire and local regulatory acts of various commercial ports of the Russian Empire, which set the fire safety standard more detailed, taking into account the characteristics of each commercial port, and their further improvement. Thus, the author concludes that, thanks to the Fire Charters issued, the first half of the 19th century is a key epoch in the history of the emergence and development of the legal policy of the Russian state in the field of fire safety in the merchant navy.

Keywords: Fire regulations, fire safety regulations, merchant fleet, port, ship, fire, explosives and flammable substances.

Spisok literatury:

1. Smirnov A.A. U istokov formirovaniya pravovoj politiki rossijskogo gosudarstva v sfere obespecheniya pozharnoj bezopasnosti: materialy kruglogo stola. Sankt-Peterburg. 4 iyunya 2014 goda / pod obshch. red. E.H.N. CHizhikova, A.V. Mal'ko, S.B. Nemchenko; sost. A.A. Smirnova, N.I. Utkin. - SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet GPS MCHS Rossii, 2016. -310 s.
2. Smirnova A.A., Oparina T.I. Mesto Pozharnogo ustava v sisteme zakonodatel'stva rossijskoj imperii o pozharnoj bezopasnosti // Nauchno - analiticheskij zhurnal "Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii". 2013. №3. – 160 s.
3. Pozharnyj ustav Rossijskoj imperii: hrestomatiya. / pod obshch. red. V.S. Artamonova; sost. E.H.N. CHizhikov, S.B. Nemchenko, A.A. Smirnova, T.I. Oparina, N.I. Utkin, E.A. Titova. 2-e izd., dop., ispr. - SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet GPS MCHS Rossii, 2015. - 264 s.
4. Sbornik uzakonenij i pravitel'stvennyh rasporyazhenij o predostorozhnostyah i merah protiv pozharov na sudah i pristanyah na vnutrennih vodyanyh putyah Rossii, zavedyvaemyh Ministerstvom Putej Soobshcheniya. Sostavil inzhener A. Sakovich 2-j. SPb. Tip. Br. Panteleevykh, 1892 g.
5. Sobr. uzak. I rasporyazh. Pravit. 1890 g., №36, st. 320, str. 752.
6. Sobr. uzak. i raspor. Pravitel'stva za 1891 g., №103, st. 1055.
7. Obязatel'nye Postanovlenie Rizhskogo porta ot 1910 g.

УДК 34:930.25

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

Гундериц Г. А., Латышева Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В современной России накоплен существенный опыт по сохранению культурно-исторического наследия, проводятся работы по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Необычайно возрос интерес общественности к истории нашей страны, особо пристальное внимание привлекают вопросы сохранения памятников исторического наследия. Поэтому, задействовав инструментальные возможности, мы предприняли попытку анализа действующего законодательства с целью определения принадлежности архивного документа и информации, находящейся в данных документах, к категории культурной ценности и исторического наследия народа.

Ключевые слова: культурная ценность, архивный документ, информация, источник культурного наследия, объект культурно-исторической ценности.

В жизни любого народа особое место занимает культурное наследие. Уникальная ценность объектов культурного наследия для всего многонационального населения Российской Федерации заключается в сохранении культурно-национальной самобытности. Только через призму собственной национально-культурной и национально-государственной идентичности мы можем постараться сохранить свое место в общемировом пространстве, как на уровне лично-корпоративном, так и на уровне государственном.

Очевидно, что архивные документы являются документальным источником информации о зарождении и развитии культуры и истории нашего государства через призму развития общества, а хранителем является единый архивный фонд Российской Федерации (свои материалы сосредоточил в архивных учреждениях) был образован Декретом СНК от 1 июня 1918 г. «О реализации и централизации архивного дела», подписанным В. И. Лениным). Сеть архивов построена по принципу административно-территориального деления государства. Ее состав следующий: центральные государственные архивы с материалами общественного значения, краевые, областные, местные, окружные, городские и районные архивы, подчиненные местным архивным органам, а также архивы различных ведомств [3, с. 148].

Постараемся рассмотреть юридические аспекты понятия «культурная ценность». Так, Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [5], регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Закон направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этниче-

ских общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры. Безусловно, источником информации о зарождении и развитии культуры являются архивные документы.

В вопросе о рассмотрении правового регулирования архивного документа как культурно-исторической ценности в первую очередь необходимо проанализировать две смысловые части – архивные документы и культурные ценности. Поэтому, прежде всего, необходимо дать краткое определение этим понятиям, а в их развитии осветить юридические и организационные аспекты этой темы, выявить степень удельного веса архивных документов в системе общероссийских культурных ценностей.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» под архивным документом понимается материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства» [6].

По своей сути они являются многофункциональными информационными объектами, которые имеют множество общественно значимых функций. В Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» закреплено следующее определение: «Документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель» [7]. Архивные документы – это средство управления социальными, политическими, идеологическими и любыми иными общественными процессами; в них фиксируется воля определенных общественных структур и персон; через эти текстовые регуляторы, начиная с законов и кончая свидетельствами о рождении, реализуются законодательные, управленческие, научные, производственные и другие общественные задачи. Но не будем забывать, что архивные документы закрепляют и защищают имущественные интересы и права собственников (как частных, так и государственных), удостоверяют необходимые для функционирования общества юридические факты, которые регулируют те или иные социальные, политические и хозяйственные ситуации, и, сами по себе, как это определено Гражданским кодексом Российской Федерации, являются составной частью любого имущественного комплекса юридического лица [6].

В статье 7 Федерального закона от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О ввозе и вывозе культурных ценностей» дается довольно подробный перечень предметов, относящихся к культурным ценностям. Архивы в этом законе кодифицируются как один из объектов, относящихся к культурным ценностям. Наряду с ними, в законе перечисляются редкие рукописи и документальные памятники, хотя, в нашем представлении, они также относятся к архивным документам. Не вступая в спор с законодателем, отметим, что архивные документы были впервые в отечественном законодательстве отнесены к общероссийским культурным ценностям, и это принципиально важно. Вместе с тем нельзя не отметить, что ни международные, ни российские правовые акты не формулируют концептуального подхода к

определению того, какие именно архивные документы являются культурными ценностями. Тем не менее можно попытаться с помощью метода сравнительного анализа найти в этом вопросе некие предварительные ориентиры. В частности, для ряда категорий культурных ценностей, обладающих, как и архивные документы, некоторым знаково-информационным и социокультурным потенциалом и являющихся продуктом письменной цивилизации (книги, эпиграфика, печати, монеты, медали и пр.) в Конвенции ЮНЕСКО 1970 года употребляются такие квалифицирующие признаки, как редкие, старинные и представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный и т. п.)» [1]. В частности, говорится о том, что к культурным ценностям относятся старинные предметы более, чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати, а также редкие рукописи и старинные книги (без обозначения их хронологического рубежа). Выделение этих признаков в международных нормативно-правовых актах в целом соотносимо с критериями древности и времени создания документов, применяемых при выявлении отечественными архивистами комплексов уникальных и особо ценных документов.

Несомненно, при сравнении текстов законодательных актов в странах СНГ выявляется, что законы определяют в явном или опосредованном виде национальные архивные фонды как национальное достояние, важную часть культуры, а архивные документы как источник исторической информации [4, с. 109].

Основываясь на опыте выявления уникальных документов в крупнейших федеральных архивах, с известной долей осторожности можно предположить, что практически все подобные документы одновременно являются и культурными ценностями. Несколько иначе выглядит ситуация с документами, квалифицируемыми в отечественном архивоведении как особо ценные. В частности, по современным представлениям, к особо ценным относятся документы о разработке и принятии законов, составляющих законодательную базу российских регионов, но их квалификация в качестве культурных ценностей достаточно сомнительна, так как типовой, хотя и важный, законодательный процесс, если не брать самые ранние периоды становления национальной государственности, не имеет по международно-правовым актам существенного значения для культурного наследия каждого народа. Отметим, что под последним, с позиции международного права, понимаются памятники и объекты материальной и духовной культуры, которые имеют «выдающуюся универсальную ценность» с точки зрения истории, искусства, науки и эстетики (природной красоты). Опыт работы отечественных архивистов по выявлению особо ценных документов наглядно показывает, что далеко не все из них обладают вышеперечисленными характеристиками ценности.

Одновременно с тем, в составе Архивного фонда Российской Федерации, есть группы документов, не относящихся по совокупности критериев к уникальным и особо ценным, но в то же время не без основания могущих быть причисленными к культурным ценностям [2 с.114].

Во-первых, это документы, имеющие яркое и высокоэстетичное художественное оформление, особенное по своему художественному стилю, композиции, графике, дизайну. Художественные особенности документов являются, как известно, одним из критериев определения особо ценных документов, который применяется, прежде

всего, к документам ранних периодов истории и документов личного происхождения. В противовес этому хронологический горизонт архивных документов как культурных ценностей ничем не ограничивается: это могут быть документы самых последних десятилетий (например, электронные документы с оригинальной компьютерной графикой), в том числе официального происхождения (в частности, художественно-конструкторские разработки различных институтов и конструкторских бюро 60-х-90-х годов 20 века).

Во-вторых, к ним с известным основанием относятся документы, которые фиксируют процесс создания, реставрации или консервации памятников истории и культуры – исторических городов, архитектурных ансамблей, церковных зданий и т. п. Если объект официально признан памятником истории и культуры, то и комплект научно-технической и аудиовизуальной документации, который создается вокруг этого памятника, тоже должен быть, на наш взгляд, признан культурной ценностью (назовем в этой связи, в частности, такие разновидности проектных и научных документов, как альбомы историко-архитектурных обследований памятников архитектуры, истории и культуры; научно-реставрационные обоснования; проекты архитектурно-художественного убранства объектов реставрации и пр.). Вероятней всего, к культурным ценностям следует отнести не все аудиовизуальные документы, отображающие в форме кино-, фото-, видеосъемок памятники истории и культуры, а лишь сделанные с подлинным художественным мастерством: в отображаемом объекте должен наглядно присутствовать момент творческого переосмысления действительности, высокохудожественное решение, эстетический подход. Что же касается управленческой документации, характеризующей памятники истории и культуры, то их отнесение к культурным ценностям пока выглядит проблематичным.

В-третьих, квалификации в качестве культурных ценностей также заслуживают архитектурные, дизайнерские, градостроительные и садово-парковые проекты зданий, сооружений, малых архитектурных форм, которые обладают ярко выраженным творческим началом, необычностью проектных и художественно-колористических решений, особой пластичностью и вписанностью в культурные ареалы территорий.

В-четвертых, признание того, что в данном документе содержится получившее правовую охрану в виде патента или авторского свидетельства художественно-творческое или художественно-конструкторское решение, также является, на наш взгляд, аргументом для рассмотрения вопроса об отнесении этого документа к категории культурных ценностей. К таким документам, в частности, относится заявочная документация на промышленные образцы, которые обозначают художественно-конструкторское решение изделия, образца техники и пр., определяющее его внешний вид (эстетику изделия), и на товарные знаки, т. е. художественно-символическое обозначение различных видов продукции.

Однако уже сейчас, по нашему мнению, очевидно, что представление об архивном документе как о культурной ценности отнюдь не тождественно понятиям уникальный и особо ценный документ.

Постановка этой проблемы имеет определенное познавательное значение, потому что архивы при таком подходе мы воспринимаем не только и не столько как совокупность определенных исторических источников, но и как очаг культуры,

транслирующий историческое наследие цивилизации и духовное богатство человечества.

Одно из важных свойств архивных документов – быть органической частью общечивилизационных и культурных ценностей нации, образующих фонд ее духовного наследия и определяющих ее самобытность и интеллектуальный прогресс.

Наконец, одна из самых общеизвестных функций архивных документов, считавшаяся едва ли не единственной, быть источником реконструкции прошлого, познания истории ушедших и уходящих эпох в развитии человечества, т. е. историческими источниками. Многообразие функций архивного документа вышеперечисленным списком не исчерпывается, но это тема специального изучения.

Таким образом, архивные документы, которые содержат информацию об объектах культурных ценностей, также целесообразно отнести к культурным ценностям и закрепить в перечне статьи 3 Федерального закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» как объект культурного наследия.

Кроме того, более четкое ранжирование документов по категориям ценности (уникальные документы, особо ценные документы, документы как культурные ценности, исторически ценные документы, документы практической, утилитарной ценности) позволит обогатить теорию ценности архивных документов.

Список литературы

1. Конвенция ЮНЕСКО 1970 года (Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 года № 8423-ХІ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900836> (дата обращения: 23.11.2018).
2. Латышева Е. В. Архивный документ: проблемы культурной ценности и культурного наследия // Документация в информационном обществе: архивоведение и документоведение в современном мире: доклады и сообщения на XXIII Международной научно-практ. конф. посвященной 50-летию ВНИИДАД, 15–16 ноября 2016 г. / Росархив. ВНИИДАД. – М., 2017. – С. 109–115.
3. Латышева Е. В., Назарчук Т. Б. Архивные документы как источник по сохранению и изучению культурного наследия Крыма // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 146–150.
4. Латышева Е. В. К вопросу о культурной ценности архивного документа // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее, посвященной памяти профессора Т. В. Кузнецовой» Сост. Конькова А. Ю., Кукарина Ю. М. – М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2017. – С. 105–111.
5. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.11.2018).
6. Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об архивном деле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.11.2018).
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.11.2018).

Gunderich G. A., Latysheva E. V. On legal regulation of the archival document as a cultural and historical value // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 9-14.

In contemporary Russia, a substantial experience has been gained in preserving the cultural and historical heritage, and work is being carried out to identify, restore and use historical and cultural monuments. The interest of the public to the history of our country has unusually increased, and issues of preserving monuments of historical heritage have attracted particular attention. Therefore, using the instrumental capabilities, we attempted to analyze the current legislation in order to determine the belonging of the archival document and the information contained in these documents to the category of cultural value and historical heritage of the people.

Key words: cultural value, archival document, information, source of cultural heritage, object of cultural and historical value.

Spisok literatury:

1. Konventsii YUNESKO 1970 goda (Ratifikirovannaya Ukazom Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 2 fevralya 1988 goda № 8423-XI) <<http://docs.cntd.ru/document/1900836>> (posledneye poseshcheniye – 23.11.2018).
2. Latysheva Ye. V. Arkhivnyy dokument: problemy kul'turnoy tsennosti i kul'turnogo naslediya // Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve: arkhivovedeniye i dokumentovedeniye v sovremennom mire: doklady i soobshcheniya na KHKHIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf. posvyashchennoy 50-letiyu VNIIDAD, 15–16 noyabrya 2016 g. / Rosarkhiv. VNIIDAD. – M., 2017. – S. 109–115.
3. Latysheva Ye. V., Nazarchuk T. B. Arkhivnyye dokumenty kak istochnik po sokhraneniyu i izucheniyu kul'turnogo naslediya Kryma // Aktual'nyye problemy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy v izuchenii istorii, kul'tury i ekonomiki Kryma: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Simferopol': IT «ARIAL», 2017. – S. 146–150.
4. Latysheva Ye. V. K voprosu o kul'turnoy tsennosti arkhivnogo dokumenta // Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Upravleniye dokumentatsiyey: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye, posvyashchennoy pamyati professora T. V. Kuznetsovoy» Sost. Kon'kova A. YU., Kukarina YU. M. – M.: OOO «TERMIKA.RU», 2017. – S. 105–111.
5. Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 N 73-FZ (red. ot 03.08.2018) «Ob ob'yektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». Rezhim dostupa: <<http://www.consultant.ru>> (posledneye poseshcheniye – 23.11.2018).
6. Federal'nyy zakon ot 22.10.2004 № 125-FZ (red. ot 28.12.2017) «Ob arkhivnom dele v Rossiyskoy Federatsii» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». Rezhim dostupa: <<http://www.consultant.ru>> (posledneye poseshcheniye – 23.11.2018).
7. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus». Rezhim dostupa: <<http://www.consultant.ru>> (posledneye poseshcheniye – 23.11.2018).

УДК 3.08

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1803—1860 ГГ.)

Задерейчук А. А., Задерейчук И. П.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Крымский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры Российской Федерации*

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с формированием и развитием прокурорского надзора на территории Таврической губернии в первой половине XIX в. В работе рассмотрены проблемы, посвященные формированию системы прокуратуры в регионе после губернской реформы 1802 г. Отдельно изучено правовое регулирование деятельности прокуратуры в изучаемый период. Проанализированы основные направления деятельности прокуратуры в дореформенный период на территории Крыма. Дана оценка вклада отдельных прокуроров в обеспечение законности и защиты интересов государства в Таврической губернии.

Ключевые слова: история прокуратуры, прокурорский надзор, Крым, правоохранительные органы.

После ликвидации Таврической области в 1796 г. прекратила свое существование и прокуратура. С этого периода руководство прокурорским надзором в регионе осуществлялось Новороссийским губернским прокурором. Центр самой губернии находился в городе Новороссийске (так в 1797–1802 гг. назывался г. Екатеринослав). Прокурором Новороссийской губернии был назначен коллежский советник Андрей Иванович Щекутин [1, с. 382].

Однако уже 8 октября 1802 г. император Александр I осуществил новое административно-территориальное деление. Согласно его указа Новороссийская губерния делилась на три: Николаевскую, Екатеринославскую, Таврическую. В соответствии с законодательным актом в состав Таврической губернии были включены Симферопольский (Акмечетский), Перекопский, Феодосийский, Евпаторийский, Днепровский и Мелитопольский уезды. В середине XIX в. Таврическая губерния вместе с Екатеринославской и Херсонской губерниями входили в Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство.

Одновременно с территориальными изменениями указ 1802 г. предусматривал и меры по установлению в новых губерниях местной судебной системы и прокуратуры [2, с. 395]. Это ознаменовало второй этап развития прокурорского надзора на территории Таврической губернии, в состав которой входил и Крымский полуостров. Этот этап приходится на 1803–1869 гг. Следует отметить, что полноценно губерния начала развиваться с 30 июня 1803 г., когда в Симферополе было создано губернское правление из 2-х экспедиций: исполнительной и казенной. В 1802 г. прокуратура на местах была передана в ведомство созданного Министерства юстиции, а Генерал-прокурор стал одновременно и Министром юстиции.

Восстановленным губернским прокурорам император Александр I приказал осуществлять надзор за скорейшим разрешением арестантских дел, ревизовать сми-

рительные и работные дома. В этом же 1802 г. Генерал-прокурор Г. Р. Державин подписал циркулярный орден, направленный губернским прокурорам. В этом документе конкретизировались и расширялись полномочия прокуроров. В частности, он требовал к прежним ведомостям, представляемым губернскими прокурорами в Петербург (о числе решенных и нерешенных дел и о «колодниках»), прибавлять еще подробные ведомости по делам о должностных и общеуголовных преступлениях. В ведомостях о «колодниках» должны были уточняться сведения о режиме их содержания и состоянии тюрем. Прокуроры должны были докладывать «имеют ли тюрьмы необходимые к человеческой жизни выгоды, как-то: теплоту, сухость и свежий воздух, не изнуряются ли какими тяжкими сверх меры работами и проч.» [3, с. 84].

Ордер впервые возлагал на прокуроров надзор за следствием как особую сферу контроля. Они должны были наблюдать «не происходит ли где кому пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений всякого рода», но вместе с тем должны были бороться с сокрытием преступлений и послаблениями преступникам. В надзоре по делам гражданским главное внимание прокуроров должно было быть сосредоточено на соблюдении подсудности и пресечении «всякого рода притеснений и волокит» [3, с. 84].

Согласно воспоминаний современников «история Министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляла немало примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешна, но само уже возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствиями ее являлись сенаторские ревизии, несшиеся, как грозные тучи, на местность, пораженную правовую засухой» [4, с. 120].

Процесс возрождения прокурорского надзора в Таврической губернии начался сразу же после завершения административно-территориальных преобразований. Уже 15 января 1803 года по указу императора Александра I Правительствующий сенат слушал предложение Министра юстиции Г. Р. Державина «О перемещении прокурора Черноморской войсковой канцелярии Михаила Тарновского в новооткрываемую Таврическую губернию губернским прокурором». После всех бюрократических процедур 9 мая 1803 года новый прокурор отправил рапорт министру юстиции Г. Р. Державину о своем переезде в Симферополь, а 16 мая 1803 г. прибыл к исполнению своих обязанностей на посту губернского прокурора [5, л. 2–5].

В компетенцию М. В. Тарновского входил надзор за деятельностью всех судебных и административных учреждений, в т. ч. и за выборами мусульманских кадиев. Пример занятий губернского прокурора содержит опись дел за 1827 г. В ней упоминаются следующие документы: «о рапортах стряпчих о происшествиях», «о донесении государю императору об арестантах которых минул год содержания под стражей», «о государственных имуществах», «о пересылочных арестантах», «о недоимках по Таврической губернии», списки «о содержащихся арестантах за январскую треть, майскую и сентябрьскую», «по донесениям стряпчих о поступлениях в казну недоимок», «об отлучке уездных стряпчих в уезды по уголовным делам», «о представлении губернским прокурорам дел относительно поверки по Симферопольскому уезду ревизии» [6, л. 1–6]. Помощниками прокурора были губернские стряпчие уголовных и гражданских дел, уездные стряпчие. При прокуратуре была сформиро-

вана канцелярия. Ее штат состоял из регистратора, письмоводителя и двух канцелярских служащих [7, с. 68].

В делопроизводстве велись следующие дела: по рапортам уездных стряпчих о злоупотреблениях при рекрутских наборах, об исполнении судебных решений, о разборе жалоб крестьян на жестокое обращение с ними помещиков, о рассмотрении прошений заключенных в тюрьму, по опекуным делам, по протестам учреждений на определения судебных органов. Также канцелярия вела дела с генеральными отчетами прокурора министру юстиции, ведомости о движении гражданских и уголовных дел в судах, рапорты уездных стряпчих о происшествиях на местах.

Уже через семь лет после создания Таврической губернии, в 1810 г., царь обеспокоился положением дел в губернии, и, прежде всего, вопросами землепользования – «беззаконной продажей полумиллиона десятин земли». Указом от 4 мая 1810 г. была создана следственная комиссия для расследования и разбора дел о незаконной продаже земли. Перед комиссией ставилась задача изучить деятельность чиновников Таврической губернии на предмет чистоты и бескорыстия их помыслов. Она работала в течение трех лет. Были выявлены многие злоупотребления. Утверждалось, что чиновники занимались воровством и торговлей крымской землей за бесценок [8, с. 10–11].

Проблемы землепользования находились в сфере внимания губернской прокуратуры на протяжении всего исследуемого периода. Активизировалась эта работа накануне и во время проведения крестьянской реформы 1861 г. В частности, император Александр II в июле 1861 г. высочайше возложил на Министерство юстиции окончательно разобраться с многолетней проблемой Крыма вокруг спорных дел крымских татар с помещиками и казною по владению землями на полуострове.

Для выполнения поставленного государством задания Таврическому губернскому прокурору необходимо было в кратчайшие сроки истребовать от судебных мест губернии ведомости и направить в Санкт-Петербург соответствующий отчет. В нем предписывалось указать: тяжёбые дела татар с казной; тяжёбые дела о вакуфах и по искам о завещании вакуфов; тяжёбые дела татар с частными лицами.

Несмотря на срочность запроса, губернский прокурор не смог выполнить поставленную задачу в срок. Министерству пришлось несколько раз присылать требования о предоставлении отчета. Вина всецело лежала на самих судебных органах губернии, сведения собирались очень медленно. Например, Симферопольский стряпчий получил необходимую информацию от Симферопольского уездного суда только в апреле 1862 г. [9, л. 1–20].

Отдельным направлением в деятельности прокуратуры было мздоимство чиновников. Обеспокоенность императора Александра I касательно роста коррупции во власти отразилась в указе губернским прокурорам в 1811 г. «О необходимости присутствовать в коммерческих учреждениях во время продажи государственных имений, как членами этих учреждений, и подписывать журналы вместе с другими членами». Выполняя это указание, прокурор Таврической губернии дважды в год направлял в Министерство юстиции отчет о судебных тяжбах по казенному имуществу.

В 1812 г. губернским прокурорам поступило требование осуществлять надзор за своевременным выполнением рекрутской повинности.

22 августа 1813 г. новый Министр юстиции обязывал Таврического губернского прокурора предоставлять сведения о всех подсудимых, которые содержатся в городских тюрьмах и приговоры которым еще не вынесены; о всех колодниках, пересылаемых сквозь уезды и губернские города. Следуя распоряжению прокурор отправлял данные в алфавитной форме о подсудимых каждые три месяца, а о колодниках ежемесячно [10, с. 235].

С 1803 г. Прокуратура Таврической губернии готовила и отправляла в Министерство юстиции Российской империи отчеты касательно деятельности губернских учреждений. В этих документах отмечались вопросы о состоянии преступности в регионе, о количестве рассмотренных и находящихся в судах или на досудебной стадии дел [11, с. 282–283].

Таврический губернатор, прежде всего, осуществлял надзор за работой судебных и административных учреждений губернии на предмет соблюдения сроков разбирательства по уголовным и гражданским делам. Например, в 1860 г. стряпчий Симферопольского уезда отправил отчет губернскому прокурору о положении арестантов во вверенном ему районе. В присланном документе приводились данные о количестве прибывших и убывших дел, на какой процессуальной стадии находилось то или иное дело, кто выступил инициатором возбуждения уголовного дела, а также социальное происхождение подозреваемого, возраст, вид и тяжесть преступления [12].

Стряпчие уездов Таврической губернии направляли на имя губернского прокурора ежегодные или ежеквартальные отчеты о состоянии дел на вверенном им участке. В этих документах сообщалось о различных случаях, которые происходили и формах реагирования. Среди подобных случаев были бедствия вызванные пожарами, ливнями, инфекциями, а также убийства и богохульство [13].

Деятельность судебных органов Таврической губернии также находилась под надзором Таврического губернского прокурора. Например, в своем рапорте от 15 октября 1817 г. на имя министра юстиции прокурор сообщал о медленном рассмотрении дел в Таврическом гражданском и уголовном судах, прилагая предоставленные судом ведомости о течении дел. Так, в 1816 г. в суд поступило 325 дел, из которых по 243 делам были приняты решения, а 82 дела остались без рассмотрения; в 1817 г. в суд поступило 387 дел, из которых 288 дел было рассмотрено и принято решение, а 99 дел остались без рассмотрения [14, с. 79].

Прокурор губернии осуществлял ежегодный отчет о результатах своей деятельности. Помимо этого, согласно ордену Министра юстиции князя П.В. Лопухина от 27 октября 1803 г., Таврический губернский прокурор должен был каждый квартал отправлять ведомости об арестованных установленного образца. В них необходимо было указывать ведомости по присутственным местам губернии, о количестве рассмотренных и нерассмотренных дел и о колодниках с начала 1803 г. по 1 ноября 1803 г.; ведомости по губернии за полугодие о выполненных и невыполненных именных указах и решениях Правящего сената и др. По делам, которые имели резонанс, информация в столицу должна была направляться незамедлительно.

Уже в начале XIX в. Таврическому губернатору вменялось в обязанность вести работу, направленную на пресечение коррупции во вверенном ему регионе [11, с. 360–365].

Согласно распоряжения министра юстиции от 11 мая 1815 г., прокурору напоминалось о том, что увольнять с должности стряпчих уездов, перемещать их на другие должности невозможно без разрешения на то императора по ходатайству министра юстиции. В предписании Министерства юстиции от 27 мая 1831 г. говорилось о том, что прокурор и стряпчие обязаны присутствовать при засвидетельствовании состояния денежных сумм в уездных казначействах, а предписанием от 22 декабря 1844 г. – находиться при клеймении весов в городских присутственных местах Таврической губернии. Занимался прокурор губернии и надзором за тем, чтобы палаты государственного имущества составляли списки молокан и духоборцев для их дальнейшей передачи в местные гражданские палаты и суды уездов [15, с. 300–306].

Помимо осуществления надзора за делами в губернии прокуратура нередко выступала с инициативами, касающимися улучшения работы административного и судебного аппарата в регионе. Например, в связи с созданием в 1838 г. Ялтинского уезда в 1840 г. Таврическая губернская прокуратура выступила с инициативой перед Министерством юстиции об основании в Ялте уездного суда и дворянской опеки. Подобное предложение объяснялось следующим образом «без сей необходимой меры и по числу всех старых и новых дел нельзя ожидать успешного действия ни по уголовным, ни по гражданским делам, принимая во внимание, что, сверх того, жители Ялтинского уезда подвергаются многим затруднениям по совершению купчих крепостей и всякого рода крепостных актов на установленную сумму, будучи поставлены в необходимость приезжать из-за гор в Симферополь для удовлетворения сей надобности в Гражданскую Палату или с бесчисленными затруднениями и лишними издержками приискивать здесь по каждому случаю поверенного». Результатом обращений стало создание в 1841 г. в Ялте уездного суда и дворянской опеки [14, с. 80].

Важную роль в деятельности прокуратуры России играли личности прокуроров. Именно благодаря таким деятелям, как П. Ягужинский, А. Вяземский, Г. Державин, дореформенная прокуратура обрела свой статус в русском обществе. Естественно, что эффективность надзора на местах во многом зависела также от имени прокурора губернии. В Таврической губернии одним из успешных прокуроров Николаевской эпохи был А. Я. Фабр. Современники характеризовали его как «чиновника расторопного, деятельного и на которого во всем можно положиться» [16, с. 55–56]. Он, будучи ставленником генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова, всецело отдавался делу. Сам М. С. Воронцов о будущем прокуроре писал: «чиновник сей пользуется отличною репутацией всей губернии и по делам службы известен мне с самой лучшей стороны. Определение его в испрашиваемую мною должность принесет существенную пользу Таврической губернии» [17, с. 62–72].

19 ноября 1825 г. А. Я. Фабр был назначен в должность Таврического губернского прокурора. Новый прокурор требовал от подчиненных направлять усилия на уменьшение бюрократической волокиты в деятельности своего ведомства. Также обязывал стряпчих добросовестно нести службу, не допускать злоупотребления, не скрывать имеющиеся факты ненадлежащего соблюдения закона. В случае невыполнения Таврический прокурор обещал строго бороться со всеми злоупотреблениями [18].

Особое внимание А. Я. Фабр уделял надзору за положением арестантов. Например, в январе 1827 г. он писал в Министерство юстиции: «Я в особенности прилагал и прилагаю непрерывное попечение о безостановочном ходе тех дел, по коим со-

держатся под стражей арестанты, и при малейшей замеченной медлительности в губернских присутственных местах лично, а в уездных посредством уездных стряпчих о скорейшем оных производстве и решении делаю всегда настоятельные побуждения». Будучи прокурором Таврической губернии, А. Я. Фабр отслеживал и старался вовремя сообщать в Санкт-Петербург информацию о социальной обстановке в регионе, пытался предусмотреть последствия серьезных природных катаклизмов, таких как набеги саранчи, засухи, эпидемия и др. [16, с. 60].

Отдельного внимания заслуживает деятельность прокурора при коммерческих судах. В Российской империи для надзора за соблюдением законности в деятельности коммерческих судов назначали прокуроров. В его обязанности входило: представлять интересы государства, малолетних сирот, тем, кому закон запрещал самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Прокурор во время заседания суда был обязан носить мундир и шпагу. 10 марта 1808 г. был утвержден устав Одесского коммерческого суда, которым в будущем регулировалась деятельность Феодосийского, а затем Керченского коммерческого суда [16, с. 103–104].

Сам Феодосийский коммерческий суд был основан в 1819 г. Его открытие было вызвано необходимостью развития экономики и интеграции Таврической губернии в общероссийское экономическое пространство, а также потребностью создания специальных организаций для обеспечения эффективного решения судебных споров между купцами. Основание коммерческого суда в Феодосии было связано с важным торговым положением этого портового города и активной позицией купечества и местной власти [16, с. 141–142].

В 1841 г. в связи с реорганизацией Феодосийский коммерческий суд был перемещен в Керчь и переименован в Керченский коммерческий суд. Такое решение властей было вызвано стремительным развитием города как центра деловой активности Восточного Крыма и параллельного упадка торговой активности Феодосии.

7 февраля 1828 г. по просьбе феодосийского градоначальника было принято положение Комитета министров «О предоставлении прокурору Феодосийского коммерческого суда права надзора за деятельностью местных присутственных мест». Подобная практика к тому времени существовала в Таганрогском и Одесском коммерческих судах. В результате прокурор Феодосийского коммерческого суда получал право надзора за местной полицией и магистратом, что значительно усиливало его полномочия и, соответственно, авторитет и важность решений, которые им принимались [19, с. 55].

Прокурор Феодосийского коммерческого суда значительное внимание уделял решению дел, не имеющих отношения к деятельности указанного суда, что не позволяло ему эффективно исполнять свою непосредственную работу. В этой связи 7 мая 1831 г. министр юстиции подписал письмо № 4311 «О необременении прокуроров поручениями, которые не отвечают их должности». В нем, в частности, говорилось: «Прокурорам коммерческих судов хотя и были поручены некоторые расследования, но только из-за особой важности дел, из-за небольшого, по сравнению с губернскими прокурорами, круга обязанностей и ввиду того, что расследования эти могут быть проведены ими по месту их службы, поэтому прокурор Феодосийского коммерческого суда, если видел при исполнении возложенного на него предшественником своим поручения необходимость в выезде из Феодосии, должен был об-

ратиться к генералу Красовскому или ко мне с соответствующим прошением» [19, с. 60–61].

После проведения в Российской империи судебной реформы в 1864 г. в стране осуществлялась деятельность по преобразованию прокуратуры. С апреля 1869 г. функции Таврического губернского прокурора были переданы прокурору Симферопольского окружного суда [20, с. 17], что привело к новому этапу в ее развитии.

Итак, восстановление Таврической губернии привело к формированию прокурорского надзора в рамках административно-территориальной единицы. Была воссоздана должность прокурора губернии и уездных стряпчих. В период 1803–1869 гг. в Крыму существовали должности: губернского прокурора с задачей надзора за деятельностью всех судебных и административных учреждений, наблюдения за ходом разбора уголовных и гражданских дел; губернского стряпчего уголовных дел как помощника прокурора по наблюдению за ведением уголовных дел (до 1864 г.); губернского стряпчего казенных дел как помощника прокурора в рассмотрении казенных дел и надзоре за общим порядком в регионе (до 1869 г.); уездных стряпчих как региональных помощников прокурора. В дореформенный период прокуратура губернии осуществляла надзор за соблюдением законности в регионе, за исполнением законов в интересах империи, составляла ежемесячные и ежегодные отчеты о положении арестантов, эпидемиях, пожарах и других природных бедствиях. Отдельным направлением деятельности было недопущение злоупотреблений в земельных делах, улучшение работы административных и судебных органов.

Список литературы

1. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. – СПб.: Академия наук, 1802. – 399 с.
2. Пуховская А. С. Возникновение и становление органов судебной власти в Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: серия «Юридические науки». – 2010. – № 1. Т. 23 (62). С. 394–399.
3. Матюхов П. А. Правовое регулирование деятельности прокуратуры по надзору за соблюдением прав заключенных под стражу и осужденных в царской России // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 2 (92). – С. 83 – 85.
4. Казанцев С. М. История царской прокуратуры. – СПб., 1993. – 216 с.
5. ГАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 119.
6. ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 383.
7. Пащенко В. Н. Эволюция развития прокуратуры Крыму в XIX—XX вв. – Симферополь: ДИАИПИ, 2011. – 287 с.
8. Прокурорский надзор в Крыму: 1803—2007 / Ред. кол. Шемчук В., Кошман А., Бояркина Н., Бернацкий В. Симферополь: Издательский дом Скиф, 2007. С. 10—11.
9. ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1363. Л. 1—20.
10. Иванова О. А. Прокурорський нагляд у Таврійській губернії (1803—1819) // Методологічні проблеми історико-правових досліджень: матеріали XXIII Міжнародної історико-правової конференції 24–26 вересня 2010 р. – К.: «Доля», 2011. – С. 233 – 236.
11. Иванова О. А. Борьба прокуратуры Російської імперії за злочинність в країні у 1803–1917 рр. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: серия «Юридические науки». – 2011. – № 1. Т. 24 (63). – С. 281–288.
12. ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1351.
13. ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1336; ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1338.
14. Хутько Т. В. Становлення судової системи в Таврійській губернії в першій половині XIX ст. // Часопис Київського університету права. – 2013. – № 2. – С. 78 – 82.
15. Иванова О. А. Архівні джерела про взаємодію таврійського губерньського прокурора з міністерством юстиції Російської імперії // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: серия «Юридические науки». – 2010. – № 2. Т. 23 (62). – С. 300–306.
16. Бобкова О. М. А. Я. Фабр: Портрет администратора на фоне эпохи. – К., 2007. – 321 с.
17. Андросов С. А. А. Я. Фабр: штрихи к историческому портрету // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 62–72.

18. ГАРК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 369.
19. Богатир В. В. Організація та діяльність комерційних судів Таврійської губернії (1819—1898 рр.). – К.: СПД Чалчинська Н. В., 2014. – 164 с.
20. Прокуратура Криму. Історія. Персоналії. Сучасність. – Сімферополь: ТОВ «Фірма «Салта» ЛТД, 2012. – 134 с.

Zaderevchuk A.A., Zaderevchuk I.P. Implementation of public prosecutor's supervision in Taurida during the pre-reform period (1803-1860) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 15-22.

The article deals with the study of issues related to the formation and development of public prosecutor's supervision on the territory of Taurida in the first half of the 19th century. The problems that aroused in the course of creation of the prosecution system in the region after the provincial reform of 1802 are considered as well. Considerable attention is paid to the legal regulation of the functions of the prosecutor's office in the period under study. The main directions of the prosecutor's office activities during the pre-reform period on the Crimean territory are analyzed. The evaluation of the contribution of individual prosecutors to ensuring lawfulness and protecting the interests of the state in Taurida is given.

Key words: history of the prosecutor's office, public prosecutor's supervision, Crimea, law enforcement agencies.

Spisok literary

1. Mesyaceslov s rospis'yu chinovnyh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Hristova 1802. – SPb.: Akademiya nauk, 1802. – 399 s.
2. Puhovsaya A. S. Vozniknovenie i stanovlenie organov sudebnoj vlasti v Tavricheskoj gubernii // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: seriya «YUridicheskie nauki». – 2010. – № 1. Т. 23 (62). S. 394–399.
3. Matyuhov P. A. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti prokuratury po nadzoru za soblyudeniem prav zaklyuchennyh pod strazhu i osuzhdennyh v carskoj Rossii // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 2 (92). – S. 83–85.
4. Kazancev S. M. Istoriya carskoj prokuratury. – SPb., 1993. – 216 s.
5. GARK. F. 33. Op. 1. D. 119.
6. GARK. F. 13. Op. 1. D. 383.
7. Pashchenya V. N. EHvolyuciya razvitiya prokuraturu Krymu v XIX—XX vv. – Simferopol': DIAJPI, 2011. – 287 s.
8. Prokurorskiy nadzor v Krymu: 1803—2007 / Red. kol. SHeMchuk V., Koshman A., Boyarkina N., Bernackij V. Simferopol': Izdatel'skiy dom Skif, 2007. S. 10—11.
9. GARK. F. 13. Op. 1. D. 1363. L. 1—20.
10. Ivanova O. A. Prokurovskij naglyad u Tavrijskij gubernii (1803—1819) // Metodologichni problemi istoriko-pravovih doslidzhen': materialy HKHIII Mizhnarodnoї istoriko-pravovoї konferencii 24–26 veresnya 2010 r. – K.: «Dolya», 2011. – S. 233–236.
11. Ivanova O. A. Borot'ba prokuratury Rosijs'koї imperii za zlochinnisty v kraїni u 1803–1917 rr. // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: seriya «YUridicheskie nauki». – 2011. – № 1. Т. 24 (63). – S. 281–288.
12. GARK. F. 13. Op. 1. D. 1351.
13. GARK. F. 13. Op. 1. D. 1336; GARK. F. 13. Op. 1. D. 1338.
14. Hut'ko T. V. Stanovlennya sudovoї sistemi v Tavrijs'kij gubernii v pershij polovini HIIH st. // CHasopis Kiїvs'kogo universitetu prava. – 2013. – № 2. – S. 78–82.
15. Ivanova O. A. Arhivni dzhherela pro vzaemodiyu tavrijs'kogo gubernskogo prokurora z ministerstvom yusticii Rosijs'koї imperii // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: seriya «YUridicheskie nauki». – 2010. – № 2. Т. 23 (62). – S. 300–306.
16. Bobkova O. M. A. YA. Fabr: Potret administratora na fone ehpoi. – K., 2007. – 321 c.
17. Androsov S. A. A. YA. Fabr: shtrihi k istoricheskomu portretu // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2005. – № 9. – S. 62–72.
18. GARK. F. 13. Op. 1. D. 369.
19. Bogatir V. V. Organizaciya ta diyal'nist' komercijnih sudiv Tavrijs'koї gubernii (1819—1898 rr.). – K.: SPD CHalchins'ka N. V., 2014. – 164 s.
20. Prokuratura Krimu. Istoriya. Personalii. Suchasnist'. – Simferopol': TOV «Firma «Salta» LTD, 2012. – 134 s.

УДК 34:656.073"20"

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДО-СУТОЧНЫХ НОРМ ГРУЗОВЫХ РАБОТ В МОРСКИХ ПОРТАХ СССР В КОНЦЕ 30-Х ГГ. XX В.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена исследованию вопроса о правовой регламентации судо-суточных норм грузовых работ в советских портах в конце 1930-х гг. Прежде всего, автором определено значение норм погрузки-разгрузки для осуществления морских перевозок. Помимо этого, приведена классификация судо-суточных норм, а также обозначены примеры норм для обработки грузов судовыми лебедками или судовыми кранами, механизированные судосуточные нормы по каждому порту для переработки грузов береговой или плавучей портовой механизацией и др. Для рассматриваемого периода характерно существенное увеличение судо-суточных норм, однако это не всегда приносило пользу для работы порта. Погрузочные работы осуществлялись с нарушением гигиены труда грузчиков, а также грузы повреждались при погрузке их на судно или выгрузке в порт.

Ключевые слова: погрузочно-разгрузочные работы, грузчик, нормы погрузки, советский порт.

Морские транспортные перевозки являются одними из древнейших вариантов перемещения товаров, который не потерял своей актуальности и в настоящее время. Морская транспортировка различных товаров и сырья в общем мировом грузообороте занимает более 60 %. Транспортировка грузов морским транспортом и перевозки пассажиров судами – это 90 % всего объема международных перевозок [1]. Погрузочно-разгрузочные работы занимают ключевое место в сложном процессе морской перевозки грузов. Без них невозможно представить успешное выполнение договора перевозки, т.к. договор начинается с момента погрузки товаров на судно, и заканчивается с момента выгрузки товара в порту.

Что касается историографии проблемы, то следует отметить, что в изученных нами работах отечественных авторов преимущественно анализируется договор морской перевозки груза в рассматриваемый период. Однако, вопрос о правовом регулировании погрузочных работ не нашел свое детальное регламентирование. Некоторые аспекты изучаемой проблемы освещены в трудах Б. В. Змерзлого, В. А. Косовской, А. А. Петрова, А. С. Кокина, Р. С. Стояновой, В. П. Маркова, Н. И. Каминской, В. В. Тухолки, М. Л. Гольдарбайтера, А. Хенкина, И. М. Рахлиса, В. С. Турецкого, А. К. Жудро [2 – 13].

Основной задачей советских морских торговых портов являлось осуществление погрузочно-разгрузочных операций. В отличие от портов европейских стран, где грузовые работы производились частными стивидорными фирмами, советские порты сами организовывали и осуществляли в огромных масштабах разгрузку и погрузку советских и иностранных торговых судов.

Выполнение портами норм обработки судов является важнейшим качественным показателем всей их работы. Все хозяйство советского морского торгового порта

(расстановка портового оборудования и механизмов, расположение подъездных путей, складских помещений, различных служб, использование внутрипортового транспорта) и вся внутренняя организация его деятельности как хозоргана были построены таким образом, чтобы способствовать быстрейшей и высококачественной обработке проходящих в порт судов [13, с. 73 – 74].

Нормы погрузки и выгрузки определяют количество груза, которое должно быть погружено на судно или выгружено из него в течение определенного промежутка времени (часа или суток). В зависимости от того, какая единица времени положена в основу норм, различают судо-часовые и судо-суточные нормы погрузки и выгрузки [14, с. 185].

Выполнение норм грузовых работ обязательно как для организаций морского транспорта, так и для клиентуры. Обязательный характер норм грузовых работ признается также судебной-арбитражной практикой [13, с. 78].

Значение судо-суточных норм чрезвычайно велико, так как ими определяется интенсивность работы флота и портов. Заниженные судо-суточные нормы влекут непроизводительные стоянки судов в портах и, следовательно, невыполнение плана перевозок.

Соблюдение судо-суточных норм – один из самых важных показателей работы порта. Выполнить план по количеству тонн – еще мало. Так, Архангельский порт, выполняя план переработки грузов, в то же время систематически задерживал суда, не выполнял судо-суточных норм. Простой тоннажа в 1940 г. по вине этого порта лишили Северное пароходство возможности своевременно перевезти около 30 тыс. т. груза.

Как правило, в основе невыполнения норм лежит плохая организация труда, плохое использование имеющегося парка перегружателей. Стоит навести здесь порядок – и судо-суточные нормы окажутся далеко превзойденными [15].

Судо-суточные нормы устанавливались приказом Наркомморфлота и периодически пересматривались.

Приказом Народного комиссара водного транспорта СССР № 157 20 февраля 1939 г. принято Положение о судосуточных нормах в морских портах Наркомвода СССР [16].

Принятые новые судосуточные нормы должны были всемерно способствовать:

- движению судов по твердому графику, как правило с равномерным, в течение всего месяца, приходом судов в порты;
- стимулированию стахановской работе судовых команд и береговых работников;
- максимальному использованию судовой и береговой механизации за счет широкого внедрения методов стахановца т. Блудмана.

Положение о судосуточных нормах начиналось с регламентирования процесса движения судов и графика.

Итак, устанавливалось, что за два дня до начала планируемого месяца, каждое пароходство и другие организации, имеющие флот, обязаны сообщить каждому порту график подачи своего тоннажа всех видов плавания, включая суда, идущие под бункер, по которым порт не производит грузовых операций.

Как правило график должен был обеспечивать равномерную загрузку портов на протяжении месяца. В портах нахождения пароходств (Архангельск, Одесса и др.)

график судов предварительно согласовывается с портами не позднее 26 числа месяца, предшествующего планируемому. По Ленинградскому и Мурманскому портам график по всем видам заграничного плавания, независимо от принадлежности судов тому или иному пароходству, сообщается Центральным управлением морского пассажирского и сухогрузного флота (Цуморфлотом) по согласованию с Центральным управлением морских портов (Цуморпортом) за два дня до начала планируемого месяца [16, с. 2 – 3].

В тот же срок Черноморское и Азовское пароходства должны одновременно выслать портам согласованный между собой единый график по судам каботажного плавания.

По иностранному тоннажу Цуморпорт в тот же срок сообщал портам, в пределах каждой декады, план подачи зафрахтованного тоннажа по основным видам грузов.

За месяц до начала каждого квартала Цуморфлот и Цуморпорт обязан объявлять пароходствам и портам на каждый квартал количество судов (по видам плавания, специализированным причалам и грузам), которые порт должен был обработать одновременно, считая в том числе и иностранные суда. В указанную норму не входили суда, перешедшие на контрсталию.

Перед началом каждого месяца пароходствам и портам, по взаимному согласованию, предоставлялось право уточнить установленные квартальные нормы приема судов в сторону увеличения количества судов, либо замены одних судов другими по указанным выше признакам.

В случае прихода в порт принадлежащих одному пароходству судов с однородным грузом в количестве, превышающем установленную норму, пароходство должно было указать порту очередность обработки таких судов.

При одновременном приходе судов разных пароходств с однородным грузом при отсутствии для них причала, либо при отсутствии груза, очередность обработки устанавливалась начальником порта [16, с. 3 – 4].

Второй раздел Положения посвящен важному вопросу касательно предоставления информации о приходах судов.

По судам заграничного плавания капитан обязан сообщить порту назначения время прихода в порт за 24 часа, с последующим уточнением за 8 часов до прихода в порт.

Такая же информация давалась судами всех видов плавания, направляемых в порт для приема бункера.

По судам малого каботажного плавания не позже, как через 1 час после выхода из порта, а в случае длительных рейсов, не меньше чем за 24 часа, капитан должен сообщить порту назначения время, которое уточнял за 4 часа до прихода в порт.

О всяких задержках в пути, после дачи информации, капитан обязан сообщить порту назначения.

По судам малого каботажного плавания, не имеющим радиустановок, капитан через порт отправления обязан сообщить порту назначения о времени отхода судна и о предполагаемом времени прихода судна.

По судам, не имеющим радиустановок, прибывшим в порт с опозданием против срока, указанного капитаном в его извещении из порта отправления, – стальнойное время считалось с момента действительного начала грузовых работ, но не позднее начала ближайшей смены [16, с. 4 – 5].

В первоначальной информации капитаны должны указывать количество и род груза по люкам, количество тяжеловесов с указанием их веса, длиномеров с указанием длины и палубный груз. По массовым грузам – наименование грузополучателя и название железной дороги для перевалочных грузов. Кроме того сообщается о неисправности судовых грузовых механизмов, об отсутствии на судне света, а также потребности в буксирах, лоцмане, бункере и воде.

Порт информирует судно о месте швартовки и способе производства работ (ручной или механизированной) не позднее, чем за 2 часа до прихода судна в порт.

При постановке судна под погрузку вне графика после выгрузки его в том же порту либо после выхода судна из ремонта – капитан обязан сообщить порту за 24 часа, с последующим уточнением за 8 часов до прихода в порт.

При осуществлении погрузочно-разгрузочных операций важное значение приобретает место проведения таких мероприятий. От этого зависит и сроки погрузки, и качество проводимых работ, и целостность груза. Поэтому законодатель особое внимание уделял подготовке рабочего места. Итак, указывается, что к началу грузовых работ капитан судна обеспечивает готовность всех грузовых средств судна и люков для погрузки либо выгрузки грузов [16, с. 5].

Грузоподъемность лебедок должна быть подтверждена документами Регистра. В случае несоответствия грузоподъемности лебедки весу обычного подъема данного груза – норма соответственно понижается.

По окончании грузовых операций закрытие люков по грузовым судам производится силами команды. Открытие и закрытие люков по товаро-пассажирским судам производится в Черном и Азовском морях портами, а в портах других морей – судовыми командами.

К моменту начала погрузки или выгрузки судна, порт обеспечивает подготовку груза и рабочего места рабочими, необходимым инвентарем, такелажем, транспортом и механизмами.

Погрузка грузов на судно должна производиться точно по каргоплану, составленному портом и согласованному с капитаном судна. Изменение допускается только по согласованию сторон.

Судно обязано выдавать и принимать груз в полном соответствии с каргопланом по коносаментам и маркам. Грузы должны находиться на судне в сепарированном виде, должны быть в исправной таре, иметь ясную маркировку по отдельным коносаментам и получателям.

Порт обязан грузить на судно или выгружать с него грузы по целым коносаментам, не раздробляя партий, в полном соответствии с каргопланом, не допуская смешения марок [16, с. 6 – 7].

Принятое положение акцентирует внимание и на определении стальной нормы. В свою очередь отметим, что стальная норма – в договоре морской перевозки груза срок, в течение которого перевозчик предоставляет судно для погрузки груза и держит его под погрузкой без дополнительных к фрахту платежей. Синоним – стальная норма определяется соглашением сторон, а при отсутствии такого соглашения – сроками, обычно, принятыми в порту погрузки [17].

Итак, согласно законодательству рассматриваемого периода стальная норма исчисляется:

А) для судов, приходящих по графику, в соответствии с предварительной информацией с момента готовности судна по нотису;

Б) для судов, приходящих вне графика, но в пределах установленной для каждого порта нормы судов с момента начала грузовых работ, но не позже начала следующей смены. При этом стальнойное время до начала ближайшей смены исчисляется из количества действительно работавших люков;

В) для судов, приходящих вне графика, в период, когда находящиеся в порту под грузовыми операциями суда превышают норму, порт приступает к работе с момента входа судна в норму, но стальнойное время исчисляется с начала ближайшей смены;

Г) для судов, приходящих впереди графика, в результате стахановской работы судна или порта отправления, – стальнойное время исчисляется с момента готовности судна по нотису. Если порт не в состоянии обеспечить приемку судна немедленно по нотису, вследствие скопления судов в порту сверх нормы, очередность обработки устанавливается пароходством [16, с. 7 – 8].

Бункеровка как правило производится во время грузовых операций. В тех случаях, когда бункеровка производится вне грузовых работ и в соответствии с предварительной информацией, счет стального времени под бункеровкой производится с момента, указанного в нотисе о готовности судна к приемке бункера.

Все случаи, когда бункеровка не может производиться в процессе грузовых операций (по техническим особенностям судна, либо особых свойств груза), – должны быть обязательно оговорены в основном таймшите.

На бункеровку углем судно, находящееся в порту, дает заявку порту не позднее, чем за 12 час. до начала бункеровки и на бункеровку моторным топливом – не позднее, чем за 24 часа до начала бункеровки.

В случае невыполнения капитаном судна полностью или частично обязанности по информации, исчисление стального времени производится с начала следующей смены после вручения нотиса, но не раньше, чем через 2 часа после вручения нотиса.

Не входят в стальнойное время случаи непогоды, когда фактически работы не могут производиться, если к моменту начала непогоды еще не истекло полагающееся стальнойное время; время на подготовку судна: мойка, зачистка, уборка трюмов, газация трюмов, установка и уборка шифтинг-бордсов; время, затраченное на специальную сепарацию (устройство фальш-твиндеков и мешкование) и др. [16, с. 8].

Грузовые документы должны заготавливаться и вручаться судну по мере окончания погрузки каждой партии груза, перевозимого по отдельным коносаментам. На оформление последних документов устанавливается для грузовых судов каботажного плавания 30 минут, а для судов заграничного плавания – 1 час после окончания грузовых работ.

Обеденный перерыв (пересмены), как учтенный в судосуточных нормах, к стальному времени не добавляется.

Грузовые работы в портах, как правило, производятся в три смены, за исключением портов на Черном море: Севастополь, Очаков, Скадовск, Хорлы, Ялта, Евпатория, Судак, Геленджик, Анапа, Сочи, Джубга, Сухуми – рейд, Адлер, Гагры, Гудауты, Очемчиры; пункты Березанского и Киркинитского заливов, Ленкорань, Азербайджанская – Астара, Гасан-Куули и рейдовых пунктов Дальнего Востока, в

которых грузовые работы производятся в две смены. В связи с этим для указанных портов установлены сниженные судосуточные нормы.

По срочным товаро-пассажирским судам грузовые работы производятся в соответствии с установленным расписанием, вне зависимости от времени суток за исключением конечных пунктов, где работа производится в пределах стоянки по расписанию, причем порт обеспечивает полную выгрузку и погрузку всего имеющегося по каргоплану груза [16, с. 10 – 11].

Для расчета стояночного времени судна в порту по нормам, полагающимся для производства всех операций по каждому отдельному рейсу, а также фактически затраченного времени, судно совместно с портом составляет таймшит по форме, установленной Наркомводом. Таймшит – судовой документ, составляемый в портах, в котором производится расчет времени, необходимого на грузовые операции в данном порту, и ведется учет фактически затраченного времени [18].

Таймшиты выписываются в трех экземплярах, из которых два остаются на судне, а один экземпляр вручается порту немедленно по подписании.

В тех случаях, когда погрузо-разгрузочные работы производятся портом, таймшит подписывается капитаном судна и начальником погрузочного участка порта или диспетчером и скрепляется в надлежащих случаях подписью клиента.

Если погрузочно-разгрузочные работы производятся механизмами или рабочими клиента, то таймшит подписывается судном и клиентом, а в надлежащих случаях и инфлотом.

Подписанный судном и начальником погрузочного участка или диспетчером таймшит является бесспорным расчетным документом для пароходства и порта. Ни одна из сторон не вправе уклоняться от подписания таймшита. После подписания таймшит исправлению не подлежит [16, с. 11 – 12].

Итак, перейдем непосредственно к нормам погрузки-разгрузки согласно действующему на то время положению.

Судосуточные нормы устанавливались трех видов:

А) нормы для обработки грузов судовыми лебедками или судовыми кранами общие для всех портов;

Таблица № 1. Суточные нормы при производстве работ судовыми механизмами [16, с. 22].

Классы	Количество люков				Люкосуточная норма
	5	4	3	2	
I	675	60	435	00	170
II	850	00	535	70	210
III	965	00	615	25	240
IV	270	050	810	60	315
V	450	200	30	40	360
VI	630	350	050	20	405

Б) механизированные судосуточные нормы по каждому порту для переработки грузов береговой или плавучей портовой механизацией;

К таким портам относились Одесский, Николаевский, Херсонский, Феодосийский, Новороссийский, Потийский, Мариупольский, Бердянский, Ростовский, Бакинский, Махач-Калинский, Красноводский, Владивостокский, Ленинградский.

Приведем пример определения механизированных судосуточных норм для одного из самых крупных советских портов – Новороссийского.

Таблица № 2. Механизированные судосуточные нормы. Новороссийский порт [16, с. 30].

	Все суда, кроме азовских двухлючных	Азовские двухлючные шхуны
Зерно тяжелое элеватором	6000 тонн	3000 тонн
Зерно тяжелое плавэлеватором	–	700 тонн
Руда	1600 тонн	800 тонн
Уголь, кроме плиты, – углеперегрузателем	1400 тонн	1000 тонн
Песок – углеперегрузателем	–	1000
Уголь бункеровки – углеперегрузателем без разноски, в час	60 тонн	–
Тяжеловесы плавкраном	300 тонн	–

В) специальные судосуточные нормы для отдельных грузов по каждому порту в отдельности, применяемые независимо от способа переработки.

Специальные судосуточные нормы для грузов, перерабатываемых как судовыми лебедками, так и береговыми механизмами были регламентированы для Одесского, Николаевского, Феодосийского, Новороссийского, Батумийского, Мариупольского, Бердянского, Приписного пункт Геническа, Ростовского, Таганрогского, Ейского, Керченского, Ленинградского, Мурманского, Архангельского, Беломорских портов, а также Печорского.

Рассмотрим нормы погрузки для одного из таких портов – Одесского.

Таблица № 3. Специальные судосуточные нормы для грузов, перерабатываемых как судовыми лебедками, так и береговыми механизмами. Одесский порт [16, с. 23].

Груз	Тонны
Генэкспорт и генимпорт	750
Джут, сезаль, линтер, хлопок	900
Железо в связках длиномерное, гнутное и смешанных сортов в малом каботаже	650
Цветные металлы в болванках	1500
Чугун в чушках на экспорт	2000
Мука, сахар-рафинад	1200
Сахар-песок	1400
Цемент в бумажной таре	1350
Цемент в джутовой и бочковой таре	1450
Уголь мягкий и АС	1250
Антрацит-плита	800
Антрацит других марок, кроме плиты	1150
Гудрон в болванках	560

Лес пиленный и круглый (выгрузка в большом каботаже)	500
Ящики и неупакованные места от 100 до 1000 кг	1000

Кроме указанных выше трех основных видов норм отдельно установлены судо-суточные нормы при производстве работ механизмами для портов с двухсменной работой.

Также установлены нормы для парусномоторных судов и судов невооруженного баржевого морского флота (нормы подразделяются для закрытых и открытых портов), нормы по срочным товаро-пассажирским судам, и наконец, нормы на маневровые работы судна в порту.

Все вышеуказанные нормы и порядок исчисления стальной нормы времени не применяются в том случае, когда по чартеру на экспортно-импортные перевозки установлены более низкие нормы. В этих случаях применяются чартерные нормы.

В основу построения шкалы классов взяты грузы, подобранные по величине норм выработки [16, с. 12].

Нормы установлены для судов, вооруженных лебедками или кранами в зависимости от числа люков и их вооруженности грузовыми средствами.

К судам с полным вооружением относятся суда, имеющие на всех люках по две лебедки и по две стрелы или по одному крану. Все прочие суда считаются с неполным вооружением и для них судосуточные нормы понижаются на 10%.

При погрузке массовых грузов (зерно, уголь, графит, песок и т. п.) насыпью вручную без судовых и береговых механизмов применяются нормы только в зависимости от числа люков данного судна. В этом случае скидка на отсутствие вооруженности грузовыми средствами не производится.

При погрузо-разгрузочных работах, требующих перешвартовки судна с одного причала на другой, судосуточная норма исчисляется, согласно действующих норм по каждому причалу в отдельности и по способу переработки.

Для портов и пунктов, производящих работу наплаву в акватории порта или на рейде, нормы снижаются на 20%, если для данной работы и порта не установлены специальные нормы для работы наплаву [16, с. 13 – 14].

При отклонении коэффициента неравномерности загрузки люков ниже 0,68, нормы исчисляются по наибольшему люку. При этом расчет времени производится по люкосуточным нормам. В таймшите записывается загрузка каждого люка в отдельности.

Если судом предъявлена к погрузке только часть трюмов, судосуточная норма соответственно снижается.

Если два люка обслуживаются одной лебедкой или одним судовым краном, то для определения нормы в этом случае принимается сумма грузов, находящихся во всех люках, обслуживаемых одним механизмом.

При выгрузке грузов (и при погрузке экспортной каменной и калийной соли, хранящейся в складе и под навесами), требующих киркования, нормы снижаются на 10%.

Перешвартовка или перетяжка судна во время производства грузовых работ допускается по каждому рейсу только один раз. Дополнительная перешвартовка, производимая по требованию порта, входит в счет стальной нормы времени, установленного для грузовых операций.

Особо разрешается перешвартовка для приема бункера вне грузовых операций, для приема или сдачи рефрижераторных и огнеопасных грузов, а в Архангельске кроме того – для перехода от одного берега к другому.

Эти особые перешвартовки в стальнойное время не входят [16, с. 14 – 15].

Время ввода и вывода судов при помощи буксиров в таймшит не включается, но устанавливается согласованно между портами и пароходствами. За ввод и вывод судов устанавливается плата по твердым ставкам.

Снабжение судов пресной водой должно, как правило, производиться в процессе грузовых операций.

Заявка на снабжение водой должна быть дана капитаном порту за 12 час. В тех случаях, когда судно принимает такое количество воды, которое не может быть отпущено во время грузовых операций, – время для приема воды относится за счет судна.

Под сборными грузами малого каботажного назначения понимаются отдельные партии грузов, не превышающие 50 т каждой номенклатуры груза на судне [16, с. 15 – 16].

При производстве грузовых работ с перевеской у борта судна, установленные судосуточные нормы снижаются на 5%, при перевеске на складах скидка на перевеску не производится.

Судно обязано принимать и сдавать груз на причальных складах и на весах, выставляемых портом у борта. Скидка не применяется при производстве перевески механизированными или вагонными весами.

При работе с перцепкой с судовых лебедок на береговые краны или наоборот, применяются судосуточные нормы, установленные для береговых механизмов, со снижением на 15%.

Время, затраченное на перекладку груза в трюме, засчитывается или исключается из стального времени в зависимости от того, по чьей вине (судна или порта) производилась перекладка, что должно быть оформлено двухсторонним актом, прилагаемым к таймшиту [16, с. 16].

В Приложении к Положению о судосуточных нормах в морских портах Наркомвода СССР дана классификация грузов для определения люкосуточных и судосуточных норм. Все грузы разделены на шесть классов. Так, например, к первому классу относятся гончарные изделия, жидкость в бутылках, кукуруза в кочанах, мебель, черепица и др. Ко второму – асфальт, мандарины, радиаторы, табачные изделия в ящиках и пр. Третий класс представлен такими грузами, как балки металлические, кирпич, зерно легкое и др. Четвертый класс объединяют такие грузы как нефтепродукты в бидонах, соль (погрузка), сульфат в мешках (выгрузка), трубы и рельсы длиной до 9 м, камень ракушечный и иное. Такие грузы как мука, пропсы (кроме северных портов), руда всякая, рыба в бочках, сахар-рафинад составляют пятый класс. И, наконец, к шестому классу отнесены гравий, зерно насыпью тяжелое (не легче ячменя), металлы в чушках, кроме алюминия, песок, сахар-песок, сульфат в мешках (погрузка), уголь мягкий.

При переработке грузов, не вошедших в список, порт совместно с капитаном парохода относит данный груз к соответствующему классу, в зависимости от трудоемкости работ. Порт об этом сообщает Цуморпорту для установления нормы.

Подводя итоги нашего исследования, укажем, что правовое регулирование судосуточных норм осуществлялось посредством принятия Положения о судосуточных

нормах в морских портах Наркомвода СССР 1939 г. Судосуточные нормы подразделялись на три вида: нормы для обработки грузов судовыми лебедками или судовыми кранами общие для всех портов, механизированные судосуточные нормы по каждому порту для переработки грузов посредством механизации и специальные судосуточные нормы для отдельных грузов по каждому порту в отдельности, применяемые независимо от способа переработки. Принятое Положение существенно увеличило суда-суточные нормы. Это приводило не только к интенсивности работы в порту, но и ко многим серьезным проблемам. Прежде всего, это отражалось на качестве выполняемых работ. Погружаемые товары доставлялись с повреждениями, иногда и вовсе уничтожались.

Список литературы

1. Морская транспортировка. Russia international chamber of commerce [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/morskaya-transportirovka-vse-tonkosti-protsessa/> (Дата обращения: 13.12.2018)
2. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
3. Косовская В. А. Морская перевозка груза как частноправовой институт: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Косовская Виктория Александровна. – Санкт Петербург, 2006. – 160 с.
4. Петров А. А. Торговое мореплавание и международный механизм его регулирования: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.14 / Петров Александр Арсеньевич. – Москва, 1992.
5. Международная морская перевозка груза: право и практика / А. С. Кокин. – 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 784 с.
6. Стоянова Р. С. Правовое регулирование международных морских перевозок грузов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Стоянова Росица Стоянова. – Саратов, 2000. – 169 с.
7. Марков В. П. Проблемы договора морской перевозки груза и пути их решения // Вестник Волжской государственной академии транспорта. – № 37. – 2013. – С. 84 – 96.
8. Каминская Н. И. Грузоведение и стивидорные операции: учебное пособие / Н. И. Каминская, А. П. Шрамко. – Новороссийск: МГА им. адм. Ф. Ф. Ушакова, 2011. – 120 с.
9. Фрахтование и торговое мореплавание. Сборник статей Г. И. Именитова, С. А. Вышнепольского, А. Д. Кейлина, Д. Д. Ананьева, В. В. Тухолки, Ю. А. Авсова, А. Г. Кожевникова с пред. И. И. Хлопьянкина // под общ. ред. Г. И. Именитова. – Москва: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1927. – 314 с.
10. М. Л. Гольдарбайтер. Работа грузчиков в Одесском порту. Врачебное дело. Научный медицинский журнал. – Харьков: Научная мысль, 1925.
11. А. Хенкин. Стахановцы причалов. Опыт грузчиков Одесского порта. Москва: Издательство «Водный транспорт», 1938. – 25 с.
12. И. М. Рахлис, В. С. Турецкий. Погрузочно-разгрузочные работы без грузчиков. Москва: Издательство «Морской транспорт», 1959. – 41 с.
13. А. К. Жудро. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов СССР. – Москва: Издательство «Морской транспорт», 1957.
14. Маковский А. Л. Правовое регулирование морских перевозок грузов. – М., 1961. – 314 с.
15. Планирование работы флота и портов. Политическое управление народного комиссариата морского флота СССР. Лекция составлена Я. Б. Канторовичем // Отв. ред. М. Н. Генин. – Москва: Морской транспорт, 1941. – 56 с.
16. О судосуточных нормах в морских портах Наркомвода СССР. Приказ Народного комиссара водного транспорта № 157, 20 февраля 1939 г. – Москва: Издательство «Водный транспорт», 1939. – 40 с.
17. Стальнойное время. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/3500-Стальнойное%20время> (дата обращения: 09.12.2018)
18. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2006. – 495 с.

Spisok literatury

1. Morskaya transportirovka. Russia international chamber of commerce [EHlektronnyj resurs]. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/morskaya-transportirovka-vse-tonkosti-protssesa/> (Data obrashcheniya: 13.12.2018)
2. Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
3. Kosovskaya V. A. Morskaya perevozka gruza kak chastnopravovoj institut: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 / Kosovskaya Viktoriya Aleksandrovna. – Sankt Peterburg, 2006. – 160 s.
4. Petrov A. A. Torgovoe moreplavanie i mezhdunarodnyj mekhanizm ego regulirovaniya: dis. ... dokt. ehkon. nauk: 08.00.14 / Petrov Aleksandr Arsen'evich. – Moskva, 1992.
5. Mezhdunarodnaya morskaya perevozka gruza: pravo i praktika / A. S. Kokin. – 2-e izd. – M.: Infotropik Media, 2012. – 784 s.
6. Stoyanova R. S. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyh morskikh perevozok gruzov: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03 / Stoyanova Rosica Stoyanova. – Saratov, 2000. – 169 s.
7. Markov V. P. Problemy dogovora morskoy perevozki gruza i puti ih resheniya // Vestnik Volzhskoj gosudarstvennoj akademii transporta. – № 37. – 2013. – S. 84 – 96.
8. Kaminskaya N. I. Gruzovedenie i stividornye operacii: uchebnoe posobie / N. I. Kaminskaya, A. P. SHramko. – Novorossiysk: MGA im. adm. F. F. Ushakova, 2011. – 120 s.
9. Frahtovanie i torgovoe moreplavanie. Sbornik statej G. I. Imenitova, S. A. Vyshnepol'skogo, A. D. Kejlina, D. D. Anan'eva, V. V. Tuholki, YU. A. Avsova, A. G. Kozhevnikova s pred. I. I. Hloplyankina // pod obshch. red. G. I. Imenitova. – Moskva: Izdatel'stvo Narkomtorga SSSR i RSFSR, 1927. – 314 s.
10. M. L. Gol'darbjater. Rabota gruzchikov v Odesskom portu. Vrachebnoe delo. Nauchnyj medicinskij zhurnal. – Har'kov: Nauchnaya mysl', 1925.
11. A. Henkin. Stahanovcy prichalov. Opyt gruzchikov Odessogo porta. Moskva: Izdatel'stvo «Vodnyj transport», 1938. – 25 s.
12. I. M. Rahlis, V. S. Tureckij. Pogruzochno-razgruzochnye raboty bez gruzchikov. Moskva: Izdatel'stvo «Morskoy transport», 1959. – 41 s.
13. A. K. ZHudro. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti morskikh torgovyh portov SSSR. – Moskva: Izdatel'stvo «Morskoy transport», 1957. –
14. Makovskij A. L. Pravovoe regulirovanie morskikh perevozok gruzov. – M., 1961. – 314 s.
15. Planirovanie raboty flota i portov. Politicheskoe upravlenie narodnogo komissariata morskogo flota SSSR. Lekciya sostavlena YA. B. Kantorovichem // Otv. red. M. N. Genin. – Moskva: Morskoy transport, 1941. – 56 s.
16. O sudosutochnyh normah v morskikh portah Narkomvoda SSSR. Prikaz Narodnogo komissara vodnogo transporta № 157, 20 fevralya 1939 g. – Moskva: Izdatel'stvo «Vodnyj transport», 1939. – 40 s.
17. Stalijnoe vremya. Bol'shoj yuridicheskij slovar' [EHlektronnyj resurs]. – URL: <https://rus-big-jurisprudence-dict.slovaronline.com/3500-Stalijnoe%20vremya> (data obrashcheniya: 09.12.2018)
18. Rajzberg B. A., Lozovskij L. SH., Starodubceva E. B. Sovremennyj ehkonomicheskij slovar'. – 5-e izd., pererab. i dop.. – Moskva: INFRA-M, 2006. – 495 s.

Klimenko K. P. Legal regulation of sudo-day norms of cargo handling in the seaports of the USSR in the late 30-ies of XX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 1. – P. 23-33.

This article is devoted to the study of the question of legal regulation of the daily standards of cargo operations in the Soviet ports in the late 1930s. First of all, the author defines the value of the norms of loading and unloading for the implementation of Maritime transport. In addition, the classification sudokutoon norms, and also identified examples of rules for handling ship ship winches or cranes, mechanized sudokutoon rules for each port for cargo handling onshore or floating port mechanization etc. The period under review was characterized by a significant increase in the daily allowance, but this did not always benefit the port. Loading operations were carried out in violation of the occupational movers and the goods were damaged while loading them onto the ship or unloaded in the port.

Key words: loading and unloading operations, loader, loading norms, soviet port.

УДК 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОРСКИХ ЛОЦМАНОВ В СССР В 1969–1991 гг.

Никитина А. П.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье проведено изучение правового регулирования деятельности государственных морских лоцманов в СССР в период с 1969 по 1991 гг., на основании Кодекса Торгового Мореплавания СССР 1969 г., Положения о государственных морских лоцманах 1973 г., а также иных нормативных актах, регулирующих деятельность морских лоцманов. Произведен анализ указанных законоположений, их сравнение с ранее действующим отраслевым законодательством (положениями о морских портовых лоцманах, Кодексом Торгового мореплавания СССР 1929 г. и т.д.), отмечены новшества и особенности.

Ключевые слова: государственные морские лоцманы, правовое регулирование, Кодекс Торгового Мореплавания.

Правовому регулированию деятельности морских лоцманов в СССР уделялось 1920–1960-х гг. уделялось довольно значительное внимание, что обуславливалось различными факторами: 1) обеспечение безопасности судоходства; 2) сохранение порядка в фарватерах, каналах, торговых портах; 3) нормального функционирования торгового и промыслового флотов, как составной части экономической структуры страны. Исходя из этого, как мы знаем, в указанный период, последовательно были приняты такие нормативные акты как: «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР», положение «О государственных морских лоцманах» от 25 июля 1926 г. [1]¹, Постановление СНК СССР от 15 января 1927 г. «О портовых лоцманах» [2]², соответствующие разделы Кодекса Торгового мореплавания СССР 1929 г. [3]³, «Положение о Государственной морской лоцманской службе СССР» от 29 марта 1952 г. [4]⁴, а также множество подзаконных нормативных актов.

Однако к концу 1960-х гг. основные положения КТМ 1929 г., в связи с бурным развитием правовых и экономических отношений как в СССР, так и в мире, изменением системы управления морским транспортом, становлением общемировых стандартов в области регулирования деятельности торгового судоходства вообще и лоцманов в частности, быстрым развитием технических средств, себя, в основном, исчерпали. Предыдущие многочисленные дополнения и изменения его положения требовали, в конечном счете, проведения новой кодификации и, соответственно, нового Кодекса Торгового Мореплавания СССР.

Данная работа была завершена в 1968 г., когда и был принят второй и, как оказалось, последний КТМ СССР. В данном документе Глава V получила название «Государственные морские лоцманы» и, соответственно, была посвящена основным началам организации и регуляции лоцманской службы в стране.

В ней, уже традиционно для подобных норм СССР, указывалось, что с целью обеспечения безопасности мореплавания проводка судов на подходах к морским

портам, в пределах вод этих портов, а также между портами, независимо от флага и ведомственной принадлежности судна, осуществляется исключительно государственными морскими лоцманами.

Положение о государственных морских лоцманах отдавалось на утверждение министру морского флота СССР по согласованию с министерствами обороны и рыбного хозяйства СССР. Что же касается лоцманской службы порта, то она находилась в подчинении капитана порта (ст. 79).

Министерству морского флота СССР по согласованию с другими заинтересованными министерствами и ведомствами полагалось устанавливать районы обязательной и необязательной лоцманской проводки и доводить об этом до всеобщего сведения в обязательных постановлениях морских портов, лоциях и «Извещениях мореплавателям».

В районах обязательной проводки судно не имело права осуществлять плавание без государственного морского лоцмана.

Категории судов, освобождаемых от обязательной лоцманской проводки, устанавливались Положением о государственных морских лоцманах. В тоже время, капитан имел право в тех местах, где лоцманская проводка согласно действующим правилам не являлась обязательной, взять, если считал это необходимым, на судно лоцмана, с отнесением расходов за счет судовладельца (ст. 80).

Государственными морскими лоцманами могли быть лишь граждане СССР, удовлетворяющие требованиям, установленным в положении о государственных морских лоцманах (ст. 81).

Во время проводки судов лоцман обязан был, как и прежде, наблюдать за состоянием и правильностью ограждения фарватеров и немедленно сообщать капитану порта о любых переменах на фарватерах и об авариях с проводимыми судами; указать капитану проводимого судна на замеченные нарушения правил судоходства, обязательных постановлений и других правил, потребовать устранения замеченных нарушений, а в случае невыполнения капитаном этих или других законных требований лоцмана немедленно сообщить об этом капитану порта (ст. 82).

Время проводки судов определялось капитаном порта и объявлялось в обязательном постановлении. При этом капитан порта мог запретить проводку судов, когда безопасной проводке препятствовало состояние погоды или моря (плохая видимость, шторм, землетрясение и т. д.), а также при наличии других особых обстоятельств (ст. 83).

Ответственность за аварии, причиненные по вине государственных морских лоцманов при исполнении ими служебных обязанностей, возлагалась на морской порт, которому был подчинен лоцман. Однако, эта ответственность ограничивалась размерами аварийного фонда по данному порту, образуемого из 10 % отчислений от сумм лоцманского сбора, поступивших в предшествующем аварии календарном году (ст. 84).

Кодексом устанавливалось, что при вызове лоцмана порт обязан немедленно направить на судно государственного морского лоцмана, уведомив об этом капитана судна. В случае же невозможности направить лоцмана немедленно, порт обязан был сообщить капитану судна, когда прибудет лоцман. Как и ранее, предусматривалось, что прибывающего на судно для исполнения своих обязанностей государ-

ственного морского лоцмана может сопровождать лицо, проходящее подготовку, необходимую для занятия должности лоцмана (стажер) (ст. 85).

В свою очередь, капитан судна обязывался обеспечить быстрый и безопасный прием лоцмана и стажера на борт судна и в период проводки безвозмездно предоставлять им отдельное помещение и питание наравне с лицами командного состава (ст. 86).

Сохранилось и положение, по которому прибывший на судно лоцман обязан вручить капитану лоцманскую квитанцию установленного министерством морского флота СССР образца. В квитанцию капитаном вносятся, в частности, следующие данные: наименование судна, его флаг, осадка, длина, ширина, чистая регистровая вместимость, а также время и место приема лоцмана. Капитану полагалось отмечать в квитанции время и место окончания лоцманской проводки и при необходимости вносить замечания относительно обстоятельств, касающихся проводки судна лоцманом. Эти данные и замечания капитан должен был удостоверить своей подписью (ст. 87).

Лоцман, как и ранее, был не вправе без согласия капитана оставить судно раньше, чем поставит его на якорь, или ошвартует в безопасном месте, или выведет в море, или будет сменен другим лоцманом (ст. 88). В то же время, согласно сложившейся мировой практике, присутствие на судне лоцмана не снимало с капитана ответственности за управление судном. В случае же оставления капитаном командного мостика он обязан был указать лоцману лицо, ответственное за управление судном в его отсутствие (ст. 89).

В случае, когда капитан, приняв на судно лоцмана, действовал вопреки его рекомендациям, последний имел право в присутствии третьего лица отказаться от продолжения проводки судна (ст. 90).

С судов, пользующихся услугами государственных морских лоцманов, традиционно, взимался лоцманский сбор. Установление его размера, порядок взимания и категории судов, освобождаемых от уплаты лоцманского сбора, возлагались на министерство морского флота СССР, а в морских рыбных портах – министерством морского флота по согласованию с министерством рыбного хозяйства (ст. 91).

Капитан, вызвавший лоцмана и после прибытия последнего отказавшийся от его услуг, обязан был уплатить полностью лоцманский сбор, причитающийся за проводку, для которой был вызван лоцман (ст. 92).

Как и прежде, за неправильное объявление осадки, длины и ширины судна или его чистой регистровой вместимости капитан судна обязан уплатить штраф в размере двукратной ставки причитающегося лоцманского сбора, независимо от установленной законом ответственности за последствия, которые могли произойти из-за неверных сведений (ст. 93).

Как и прежде, капитан судна обязан был уплатить особое вознаграждение в размере, установленном министерством морского флота, в случае, когда лоцман задерживается на судне свыше двух часов вследствие необходимости догрузки или разгрузки судна, неисправности судовых механизмов, ожидания полной воды, нахождения судна в карантине и других обстоятельств, если они не вызваны действием непреодолимой силы (ст. 94).

В случае же, если лоцман был увезен проводимым им судном за пределы обслуживаемого им района, то капитан обязан был возместить лоцману стоимость обрат-

ного проезда и, кроме того, уплатить за каждые сутки пребывания его за пределами района лоцманской проводки вознаграждение, предусмотренное ст. 94 Кодекса (ст. 95).

Ну и, наконец, устанавливалось, что лоцманская служба содержится за счет средств порта, а потому лоцманский сбор, особое вознаграждение и штраф, предусмотренные ст. ст. 91, 93, 94 и 95 Кодекса, взимались портом и обращались в его доход (ст. 96) [5].

Как видно из представленного выше материала, в КТМ 1968 г. лоцманскому делу были посвящены статьи с 79 по 96 и объем их регулирования данной отрасли скорее можно охарактеризовать как обозначение основных заделов и направлений с установлением новой подчиненности лоцманской службы. Кроме того, как указано уже в ст. 79, дальнейшее, более конкретное правовое урегулирование всех необходимых для нормального функционирования лоцманского дела в стране предполагалось произвести с последующим принятием положения о государственных морских лоцманах, утверждаемых Министром морского флота СССР по согласованию с Министерством обороны СССР и Министерством рыбного хозяйства СССР.

Однако разработка и, соответственно, последующее внедрение на местах данного положения после принятия КТМ затянулось на 5 лет. И лишь 26 апреля 1973 г. Министерство морского флота СССР, за подписью тогдашнего министра Т. Гуженко, издало приказ № 74 «Об утверждении положения о государственных морских лоцманах» [6].

Данным документом, в частности, предписывалось, утвердить разработанное в соответствии со ст. 79 КТМ СССР, согласованное с министерствами обороны и рыбного хозяйства СССР «Положение о государственных морских лоцманах», а «Положение о государственной морской лоцманской службе», утвержденное ММФ 29 марта 1952 г. считать утратившим силу.

Новое положение о государственных морских лоцманах (1973 г.) состояло из 48 пунктов и двух приложений. Основная часть была традиционно разделена 3 части – общие положения, обязанности государственных морских лоцманов, взаимоотношения государственных морских лоцманов с капитанами судов.

В общих положениях повторялись многие статьи КТМ. Так ст. 1 положения повторила содержание 1 абзаца ст. 79 КТМ. Однако, закреплялось и новое разделение подведомственности лоцманов. Так, указывалось, что государственные морские лоцманы входят в состав лоцманских служб морских торговых портов и гидрографических баз министерства морского флота и морских рыбных портов министерства рыбного хозяйства СССР (далее – морские порты или гидробазы) (ст. 2). Междоуведомственная раздельность лоцманов объясняется просто – гидробазы обслуживали все торговые суда, в том числе и иностранные, а морские рыбные порты – только суда, принадлежащие СССР. Наличие же портовых лоцманов, в общем, ситуацию не изменяло.

Исходя из этого, лоцманские службы находились в подчинении капитанов соответствующих морских портов или начальников гидробаз. Непосредственное руководство лоцманскими службами возлагалось на заместителя капитана порта или старшего лоцмана (ст. 3).

Содержание лоцманских служб возлагалось за счет средств морских портов (гидробаз). Организация работы лоцманской службы устанавливалась в зависимости от конкретных условий данного порта (района) (ст. 4).

Положением были предусмотрены лишь две квалификационные лоцманские категории: государственный морской лоцман 2 класса, и государственный морской лоцман 1 класса.

Как и прежде, к претендентам на лоцманское звание выдвигались серьезные требования. Ими могли быть только граждане СССР, имеющие высшее или среднее судоводительское образование и звание не ниже капитана малого плавания (ст. 6).

Присвоение квалификационных категорий, как и ранее удостоверялось выдачей лоцманского удостоверения после проверки знаний в квалификационной комиссии в соответствии с инструкцией о порядке проверки знаний государственных морских лоцманов.

Выдача же собственно лоцманских удостоверений возлагалась на капитанов морских портов (начальниками гидробаз). В нем, в обязательном порядке, указывался разрешенный лоцману район проводки (ст. 7).

Соответственно этому, квалификационная категория государственного морского лоцмана 2 класса могла присваиваться лицам, удовлетворяющим требованиям, указанным в п. п. 6 и 7 рассматриваемого положения (ст. 8).

Что же касается присвоения квалификационной категории государственного морского лоцмана 1 класса государственным морским лоцманам 2 класса, то она могла производиться по представлению капитана морского порта (начальника гидробазы) при условии безупречной, безаварийной работы их в должности лоцмана сроком не менее пяти лет (ст. 9).

Однако, в исключительных случаях, в зависимости от судоводительского звания, стажа и опыта работы, знания района лоцманской проводки квалификационная категория государственного морского лоцмана 1 класса могла быть присвоена соответствующему специалисту ранее установленного п. 9 Положения пятилетнего срока работы или лицу, не имеющему категории государственного морского лоцмана 2 класса (ст. 10).

Устанавливалось, что государственные морские лоцманы 2 и 1 класса могли занимать должности лоцмана или старшего лоцмана соответственно.

Разграничение выполняемой работы между лоцманами возлагалось на капитана морского порта (начальника гидробазы) в зависимости от степени подготовленности лоцманов, типа и размеров проводимых судов и других факторов, отражающих конкретные условия района лоцманской проводки (ст. 11).

Для подготовки лоцманов лоцманская служба могла иметь необходимое количество стажеров. При этом, нахождение в качестве лоцманского стажера, допускалось не более одного года (ст. 12).

С XIX в. сохранялась обязательность форменной одежды лоцманов с соответствующими знаками различия (ст. 13); публикация в обязательных постановлениях по морским портам, лоциях и Извещениях мореплавателям районов обязательной и необязательной лоцманской проводки судов (ст. 14); запрет на осуществления плавания судно в районах обязательной морской проводки без государственного морского лоцмана (ст. 15); право капитана судна в районах необязательной лоцманской проводки взять на судно лоцмана с отнесением расходов за счет судовладельца

(ст. 16); определение времени проводки (круглосуточно, в светлое время суток, с полной водой и т.п.) возлагалось на капитанов морских портов (начальниками гидробаз) с объявлением в обязательных постановлениях по морским портам или в местных правилах. Они же могли запретить проводку судов, когда безопасной проводке препятствовали гидрометеорологические обстоятельства (плохая видимость, шторм, ледовые условия и т.д.), а также при наличии других особых обстоятельств (ст. 17).

Учитывая пересечение интересов разных ведомств, установление порядка лоцманской проводки судов в морских торговых и рыбных портах, имеющих смежные акватории, возлагалось на капитана морского торгового порта по согласованию с капитаном морского рыбного порта (ст. 18).

Не претерпел значительных изменений и порядок ответственности за аварию, происшедшую по вине государственных морских лоцманов при исполнении ими служебных обязанностей. Она возлагалась на морской порт (гидробазу), которым был подчинен лоцман и, согласно ст. 84 КТМ, ограничивалась размерами аварийного фонда по данному порту (гидробазе), образуемого из 10 % отчислений от сумм лоцманского сбора, поступивших в предшествующем аварии календарному году (ст. 19).

Обязанности государственных морских лоцманов существенно не изменились и лишь были несколько уточнены. Так, как и прежде, государственные морские лоцманы были призваны обеспечивать безаварийную проводку судов, а также согласно обязательным постановлениям по портам, местным правилам и указаниям дежурной службы портового надзора (гидробазы) – постановку судна на якорь или бочку и съёмку с них, швартовку судов и отшвартовку, перестановку судов в порту (ст. 20).

Как и прежде лоцманы обязаны были следить за состоянием акватории порта и по заданию капитана морского порта (начальника гидробазы) производить промер глубин на акватории порта и в пределах портовых вод (ст. 21).

В связи совершенствованием технических средств обеспечения безопасности проводки, закреплялось правило, по которому лоцманы могли проводить судна в любое время суток, если по условиям портовых или местных правил не было установлено другое, ограниченное время, а также кроме случаев, когда по стихийным условиям не обеспечивалась их безопасная проводка (спад воды, туман, ледовые условия и т.п.).

Во время проводки судов лоцманы обязывались:

а) наблюдать за состоянием и правильностью навигационного ограждения и немедленно сообщать в портнадзор (гидробазу) о всех неисправностях и недостатках; сообщать о всех аварийных случаях с проводимыми судами или с другими судами, встретившимися на пути (ст. 23);

б) следить, чтобы проводимыми судами соблюдались правила по предупреждению загрязнения моря нефтепродуктами, а также санитарные правила (выбрасывание за борт мусора и т.п.) (п. 24);

в) выполнять все законоположения и правила по охране государственных границ, портовых сооружений, фарватеров и т.п.; следить за тем, чтобы не производилось измерение глубин фарватеров, осуществлять контроль за соблюдением судами обязательных постановлений по портам (ст. 25);

г) указывать капитанам судов на все замеченные нарушения правил судоходства, обязательных постановлений по портам и других действующих правил, потребовать устранения замеченных нарушений, а в случае невыполнения капитаном этих или иных законных требований лоцмана, немедленно сообщать об этом в портнадзор (гидробазу) (ст. 26).

Как и прежде, лоцманам воспрещалось без разрешения соответствующих властей перевозить с судна на судно, с берега или на берег людей, грузы и всякого рода предметы (ст. 27).

Ну и, безусловно, устанавливалось, что в случае аварии с судном или несчастного случая с людьми в районе лоцманской проводки лоцманы обязаны принять все возможные меры по оказанию помощи (ст. 28).

В раздел III положения «Взаимоотношения государственных морских лоцманов с капитанами судов», также было включено содержание отдельных статей КТМ. Так, ст. 29 дословно повторяла ст. 85 КТМ

Однако, в отличие от КТМ, Положение предусматривало, что в случае, если судно, следующее в порт, не прибыло к месту приема лоцмана в указанное в заявке капитаном время, то лоцман, направленный на это судно, может быть использован по другому назначению. Опоздавшее судно в таких случаях обеспечивалось лоцманской проводкой в порядке очереди (п. 30).

Положение о принятии лоцмана и стажера на борт судна (ст. 86 КТМ) уточнялось в том смысле, что капитан обязан был обеспечить не только быстрый и безопасный прием лоцмана и стажера на борт судна, но и не допустить при этом повреждений лоцманского бота. Новым было и положение, по которому, во время приема и высадки лоцмана и стажера капитан судна должен держать связь с лоцманским ботом (судном) и согласовывать с ним свои действия. Кроме того, предписывалось, что с момента прибытия лоцмана и до ухода его на судне должен быть поднят флажный сигнал по МСС – у меня на борту есть лоцман (п. 31).

В первые в советском морском праве также устанавливалось, что если во время приема на борт судна или ухода с судна, а также во время проводки с лоцманом или стажером произойдет несчастный случай, то судовладелец обязывался возместить причиненный ущерб в порядке и размере, установленном законом (ст. 32). Ранее судовладелец нес ответственность лишь за удержание лоцмана на судне более обусловленного времени.

Также, впервые устанавливалось, что в случае непогоды, когда было невозможно высадить лоцмана с лоцманского бота на идущее с моря судно, по согласованию с капитаном последнего лоцман мог осуществить проводку методом лидирования до места, где было возможно принять лоцмана на борт судна. Метод лидирования, по согласованию с капитаном судна, мог быть применен и при выводе судна из порта. При этом, между судном и лоцманским ботом следовало обеспечить надежную связь (п. 33).

Статья КТМ 1968 г. о лоцманской квитанции частично была воспроизведена в п. 34 Положения, с предоставлением капитану судна права дополнительно указать в квитанции свои замечания относительно обстоятельств, касающихся проводки судна лоцманом.

Новыми были также и положения, согласно которым:

а) капитану судна, впервые прибывающему в порт, лоцман должен был вручить обязательное постановление по порту (местные правила) (ст. 35);

б) капитан судна обязан по требованию лоцмана предоставлять ему бесплатное пользование судовой радиостанцией для связи по вопросам его служебной деятельности (ст. 37);

в) при возникновении обстоятельств, отражающихся на безопасности лоцманской проводки (ухудшение видимости, туман, уменьшение глубин на фарватере и т.п.), капитан судна обязан по требованию лоцмана использовать в мере, указанной лоцманом, средства судового электрорадионавигационного оборудования (эхолот, радиолокатор, радиопеленгатор и др.). При наличии в районе проводки береговой радиолокационной станции лоцман в этих случаях обязан был воспользоваться ее услугами (ст. 38).

Ст. 89 КТМ, по условию которой присутствие лоцмана на судне не снимало с капитана ответственности за управление судном, получила в Положении дополнения. В ней теперь подчеркивалось, что лоцман является только советчиком капитана, а последний лишь использует практические знания лоцмана и его опыт плавания в данном районе. При этом все приказания рулевому и в машину капитан должен был отдавать лично. В случае, когда в целях ускорения выполнения маневра капитан разрешал лоцману самому отдавать приказания, то тогда они считались как выполненные по приказанию капитана, за которые он нес ответственность.

Положение, по которому при уходе капитана с мостика он обязан указать лоцману лицо, ответственное за управление судном в его отсутствие, сохранялось (п. 39).

В новом Положении было развито правило, согласно которому если капитан, приняв на судно лоцмана, не следовал его рекомендациям, последний имел право в присутствии третьего лица отказаться от продолжения проводки судна. Лоцман же обязывался потребовать, чтобы об этом было записано в судовом журнале и в лоцманской квитанции. Кроме того, лоцман должен был, по возможности немедленно, сообщить о происшедшем в портнадзор (гидробазу).

Однако, и после отказа от проводки лоцман обязан был оставаться на мостике и, если капитану потребовались сведения, необходимые для безопасного плавания, он обязывался сообщать их. Однако, если же капитан требовал, чтобы лоцман возобновил проводку судна, то он был не вправе отказаться и должен был продолжить проводку (п. 40).

Впервые устанавливалось, что в случае сомнения в правильности рекомендаций лоцмана, капитан вправе отказаться от его услуг. При этом, в районе необязательной лоцманской проводки он мог, а в районе обязательной проводки – обязан был вызвать другого лоцмана. В последнем случае, по возможности, капитан должен был остановить движение своего судна (п. 41).

Существовавший и ранее запрет на оставление судна лоцманом без согласия капитана прежде, чем оно не будет в безопасном месте поставлено на якорь, ошвартовано, выведено в море или пока лоцман не будет сменен другим лоцманом, дополнялось уточнение, по которому штатное место оставления судна лоцманом в море могло быть изменено по условиям погоды или другим причинам. О чем следовало поставить в известность своевременно капитана (п. 42).

Новое звучание получило и положение о лоцманском сборе. Так, устанавливалось, что с судов, пользующихся услугами морских лоцманов, в том числе и при

методе лидирования, взимается лоцманский сбор в установленном порядке. Это относилось и к случаям, когда один лоцман осуществлял проводку нескольких судов, следующих друг за другом. Основанием для взыскания с судна лоцманского сбора служила лоцманская квитанция, подписанная капитаном судна или радиотелеграфное подтверждение (п. 43).

Ст. 92 КТМ полностью вошла в п. 44 Положения, об случаях отказа капитана вызвавшего лоцмана и после прибытия, последнего отказавшегося от его услуг. Точно также как ст. 93 в п. 45 (санкции за неправильно указанные капитаном в квитанции данные); а ст. 94, о задержке лоцмана на судне, в п. 46; а ст. 95 (об увозе лоцмана и его стажера) в п. 47.

П. 48 о лоцманском сборе, особом вознаграждении и штрафе (см. ст. 96 КТМ), дополнялась упоминанием наряду с морскими портами гидробаз.

В приложении к Положению были изданы образцы лоцманского удостоверения и лоцманская квитанция.

Проведя краткий анализ положения 1973 г., следует указать, что оно, построено на базе норм КТМ 1968 г., и в отличие от положения 1952 г., в полной мере отразило все технические и организационные нововведения в данной сфере, стараясь максимально уравновесить права лоцманов и капитанов проводимых ими судов.

Отдельно следует указать на следующее. Дореволюционные уставы лоцманских обществ устанавливали четкую систему наказаний для провинившихся своих членов. В советских же положениях находим лишь упоминание о возмещении ущерба произошедшего по вине лоцмана. На самом же деле и в советский период существовали варианты административной и уголовной ответственности лоцманов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение данного вопроса лишь укажем, что согласно Уставу о дисциплине работников морского транспорта [7], данный документ распространялся на плавсостав судов Министерства морского флота, работников предприятий, осуществляющих спасательные, судоподъемные и дноуглубительные работы, а также на работников военизированной охраны, гидрографического предприятия, учебных заведений, Регистра СССР и его инспекций, портов, управлений флота, пароходств, всесоюзных объединений и центрального аппарата, а также на работников учебных заведений, Всесоюзного объединения «Совфрахт».

На других работников морского транспорта распространялись Правила внутреннего трудового распорядка.

В уставе, кроме прочего, устанавливалось, что начальники пароходств, территориальных и специализированных управлений флота, портов, директор Регистра СССР, капитаны судов транспортного флота, руководители предприятий и организаций могли налагать взыскания в виде замечания, выговора и строгого выговора и на тех подчиненных им работников, которые назначены на должность вышестоящим начальником (ст. 18).

В завершение рассмотрения правового регулирования лоцманского дела в СССР в 1969–1991 гг., следует указать, что в портах СССР лоцманский сбор взимали с чистой регистровой вместимости судна за проводку по каналу, фарватеру и между портами за пределами их акваторий, за расстояние проводки и с осадки судна по установленной ставке в один конец. Сверх исчисленной таким образом суммы дополнительно взимали за каждый фут осадки сверх 15 футов. За ввод судна в порт с внешнего рейда и швартовку у причала или отшвартовку от него и вывод судна на

внешний рейд лоцманский сбор взимали по установленным для этого ставкам и в установленном порядке. Отдельные размеры ставок лоцманского сбора были установлены за проводку ледоколов, буксиров и буксируемых ими несамоходных судов или плотов. В ставку лоцманского сбора также были включены расходы по доставке лоцмана на борт судна и на берег с борта судна, а также платы за предоставление шлюпки со швартовщиками и за работу швартовщиков для захода и разности швартовов.

Согласно ставкам сборов и плат за услуги, оказываемые иностранным судам в морских портах СССР, лоцманский сбор взимался со всех судов, фактически пользующихся услугами лоцманов. От уплаты лоцманского сбора освобождались военные и госпитальные суда. Взимание лоцманского сбора производилось по чистой регистровой вместимости судна. Суда вместимостью менее 1000 регистровых тонн считались за 1000 т.

Лоцманский сбор за проводку судов подходными к порту каналами и фарватерами взимался с регистровой тонны за каждую милю проводки в один конец. За ввод судна в порт и вывод его из порта лоцманский сбор взимался по специальным ставкам.

Также в СССР был принят прејскурант № 11-01 «тарифы на перевозки грузов морским транспортом в каботажном плавании», тоже предусматривающий оплату работы лоцманов [8, с. 120-122].

Список литературы

1. Кодекс Торгового мореплавания СССР 1929 г. // Электронный ресурс – режим доступа - КонсультантПлюс. - <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения 20.08.2018).
2. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР (утв. Указом Президиума ВС СССР от 17.09.1968) // Электронный ресурс – режим доступа - КонсультантПлюс – URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения 9.10.2018).
3. Постановление СНК СССР от 25.07.1926 «Положение о государственных морских лоцманах» // Электронный ресурс – режим доступа - URL: <https://www.lawmix.ru/sss/16357> (дата обращения 20.09.2018).
4. Постановление СНК СССР от 15 января 1927 г. «О портовых лоцманах» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР // Электронный ресурс – режим доступа - URL: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3175.htm (дата обращения 20.08.2018).
5. Приказ Минморфлота СССР от 26.04.1973 N 74 «Об утверждении Положения о государственных морских лоцманах». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4353#08636067031100809 (дата обращения 20.08.2018).
6. Устав о дисциплине работников морского транспорта // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12125.htm (дата обращения 08.09.2018).
7. Прејскурант № 11-01. Тарифы на перевозки грузов морским транспортом в каботажном плавании // Ассоциация лесопользователей Приладожья, Поморья и Прионежья. – URL: www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/transport/35/prejskurant--11-01--tarify-na-perevozki-gruzov-morskim-transportom-v-kabotazhnom-plavanii.html (дата обращения 9.09.2018).
8. Костылев Г. А. Положение о Государственной морской лоцманской службе СССР от 29 марта 1952 г. Г.А. Костылев // Сборник нормативных актов по морскому транспорту. – М.: Транспорт, 1968. – С. 120–122.

Nikitina A. P. Legal regulation of sea pilots in the USSR in 1969-1991 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 1. – P. 34-44.

The article studies the legal regulation of the activities of the state sea pilots in the USSR in the period from 1969 to 1991, based on the code of merchant Shipping of the USSR in 1969, The regulations on the state sea pilots in 1973, as well as other regulations governing the activities of sea pilots. The analysis of these regulations, comparing them with the previously existing laws of the industry, marked by innovations and peculiarities.

Key words: state sea pilots, legal regulation, merchant shipping Code.

Spisok literatury

1. Kodeks Torgovogo moreplavaniya SSSR 1929 g. // EHlektronnyj resurs – rezhim dostupa - Konsul'tantPlyus. - <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (data obrashcheniya 20.08.2018).
2. Kodeks torgovogo moreplavaniya Soyuzo SSR (utv. Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 17.09.1968) // EHlektronnyj resurs – rezhim dostupa - Konsul'tantPlyus – URL: <http://www.consultant.ru/document> (data obrashcheniya 9.10.2018).
3. Postanovlenie SNK SSSR ot 25.07.1926 «Polozhenie o gosudarstvennyh morskikh locmanah» // EHlektronnyj resurs – rezhim dostupa - URL: <https://www.lawmix.ru/sss/16357> (data obrashcheniya 20.09.2018).
4. Postanovlenie SNK SSSR ot 15 yanvarya 1927 g. «O portovyh locmanah» // Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR// EHlektronnyj resurs – rezhim dostupa - URL: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3175.htm (data obrashcheniya 20.08.2018).
5. Prikaz Minmorflota SSSR ot 26.04.1973 N 74 «Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennyh morskikh locmanah». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4353#08636067031100809 (data obrashcheniya 20.08.2018).
6. Ustav o discipline rabotnikov morskogo transporta // Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12125.htm (data obrashcheniya 08.09.2018).
7. Prejskurant № 11-01. Tarifny na perevozki gruzov morskim transportom v kabotazhnom plavanii // Associatsiya lesopol'zovatelej Priladozh'ya, Pomor'ya i Prionezh'ya. – URL: www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-deyatelnost/transport/35/prejskurant--11-01--tarify-na-perevozki-gruzov-morskim-transportom-v-kabotazhnom-plavanii.html (data obrashcheniya 9.09.2018).
8. Kostylev G. A. Polozhenie o Gosudarstvennoj morskoy locmanskoj sluzhbe SSSR ot 29 marta 1952 g. G.A. Kostylev // Sbornik normativnyh aktov po morskomu transportu. – M.: Transport, 1968. –S. 120–122.

УДК 368

РАЗВИТИЕ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В РОССИИ

Иващенко Е. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной работе исследуется процесс эволюции правового регулирования института морского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи. В ходе исследования автор приходит к выводу, что нормативная база морского страхования в России к началу XX в. значительно устарела и даже более того, большинство отечественных норм перестали использоваться на практике, вместо чего страховщики обращались к Гамбургским правилам 1867 г.

С целью модернизации отечественного законодательства по морской торговле, как известно, в 1902 г. было создано Особое совещание, начавшее свою деятельность с предварительного сбора материала, включая консультации с представителями страховых обществ и переводы иностранных уложений. Проект нового закона о морском страховании был закончен в 1907 г. Весь проект закона о морском страховании содержал 81 статью и должен был составлять заключительную главу Уложения о торговом мореплавании, которое, как известно, так и никогда не вступило в силу, однако послужило опытом кодификации уже для составления советского Кодекса Торгового Мореплавания 1929 г.

Ключевые слова: морское страхование, Российская империя, проект, страховые и пароходные общества.

События Крымской (Восточной) войны (1853 – 1856 гг.) и последующий за этим экономический спад значительно затормозили развитие системы морского страхования.

Однако, во многом именно благодаря принятию выше рассмотренных правил для морского страхования 1846 г., страхование грузов в России как самостоятельный вид имущественного страхования развивается с 1860 – 1870 – гг. со страхования речных (волжско-каспийское направление), а потом и морских перевозок (Азовское, Черное, Балтийское и Белое моря). Более интенсивно морское страхование стало развиваться с 70-х и 80-х годов XIX в., когда за это дело взялись крупные акционерные компании страхования от огня, включив в сферу своих операций и морское страхование.

В то же время, появляются новые формы организации морского страхования. Так, кроме специализированных обществ в него включаются пароходные общества. В частности, можно указать, что 3 августа 1856 г. был принят устав Русского Общества пароходства и торговли [1, с. 623]. Пар. 13 этого документа гласил, что «Общество может, если признает выгодным, открыть на общем законном основании, Страховое Отделение для морского и речного страхования товаров, перевозимых на пароходах и судах своих» [1, с. 625]. Указанное общество воспользовалось таким правом и до конца своего существования самостоятельно страховало грузы, перевозимые на своих судах.

Следует также упомянуть и то, что морское страхование в России понималось как часть транспортного страхования, которое, в свою очередь, определялось как

страхование товаров и судов. Первое разделялось на страхование: а) сухопутное, б) речное, в) морское; второе разделялось на страхование: а) речных судов, б) морских судов. По действующим правилам акционерных компаний, речное и морское страхование как товаров, так и судов, отвечало за убытки от несчастий с судами, если последние происходили на объявленном во время заключения договора страхования пути и независимо от воли страхователя.

Шершеневич Г. Ф. указывал, что «Под именем торгового страхования понимается договор, в силу которого одно лицо (страховщик), за определенное вознаграждение, обязывается возместить ущерб, какой может понести имущество другого лица (страхователя) от заранее предусмотренного несчастного события.

Таково в сущности определение, даваемое ст. 2199 т. X ч. 1. Действующее законодательство не содержит вовсе норм, регулирующих отношения по страхованию... Подробно нормировано лишь морское страхование (т. XI ч. 2 Уст. торг. стт. 558-606). Зато многочисленные правила содержатся в акционерных уставах страховых обществ...» [2, с. 198].

Не имея возможности и потребности рассматривать уставные акты всех компаний, действовавших на страховом морском рынке России в XIX в., тем не менее, остановимся на некоторых из них.

12 июня 1870 г. был утвержден «Устав для морского, речного и сухопутного страхования под наименованием «Русский Лойд. Правление этого общества размещалось в Петербурге, а его учредителями выступили: Бухард Фиксен, Евгений Жибер, Карл Швабен, Григорий Елисеев, торгующий под фирмой братья Елисеевы, Александр Елисеев, Юлий Ротермунд, торгующий под фирмой А. В. Ротермунд, Эдуард Тюрстиг, представитель торгового дома Амсус Симонзен и К и Григорий Растеряев (п. 1).

Этому обществу предоставлялось производить, за условленную плату, страхование пароходов, кораблей, вагонов и всякого рода тяжестей, а равным образом фрахтов и денег, уплаченных в счет фрахта или провозной платы, от всяких опасностей: а) при морском плавании; б) при плавании по озерам, рекам и каналам, и с) при сухопутной перевозке.

В примечании к данному пункту, что правда устанавливалось, что не могут быть предметом страхования документы и бумаги государственные и частные (п. 2).

Правление общества, как уже указывалось, размещалось в С.-Петербурге, в других городах – его агентства (п. 3). Капитал общества определялся в 1 мил. руб. разделенных на 2000 акций с возможным дальнейшим увеличением [4, с. 787]. Данное общество имело право принимать и перестрахования по делам в п. 2 указанным (п. 29). Интересно и то, что общество оговорило себе право «отказаться от предлагаемых ему застрахований и в таком случае не обязано объявлять причину своего отказа» (п. 20).

По принятой в это время практике, предусматривалось, что основной капитал, равно как и запасный капитал страхового общества должны быть вносимы в государственные кредитные установления или обращаемы в фонды, пользующиеся гарантией правительства. Свободными, ежедневно поступающими суммами правление должно было распоряжаться так, чтобы они прирастали процентами.

Для немедленного удовлетворения страхователей следующим в случае несчастия вознаграждением, правление общества всегда должно было иметь в наличности не менее 50.000 руб. (п. 22) [4, с. 788].

Следует, очевидно, указать, что обязательство держать средства на счетах государственных кредитных учреждений и в фондах, пользующихся гарантией правительства давало возможность не только государству использовать данные средства для своих нужд, но и служило гарантией для клиентов общества в том, что они, при соблюдении всех необходимых правил, получают, в случае наступления страховой ситуации, необходимые с общества выплаты.

Устав также предусматривал, что все споры между акционерами по делам общества и между ними и правлением или директором, а равно споры общества с другими обществами и частными лицами должны решаться на точном основании ст. 2138 и 2187 Т. X, част. 1 Свода Зак., изд. 1857 г. и 2 примечания к ст. 2138 по продолжению 1868 г. (п. 53).

Во всем прочем, относящемся до общества и в его уставе неупомянутом, оно подчинялось общим законам империи, как действующим в момент принятия устава, так и тем, какие впоследствии могли быть установлены (п. 54) (с. 792).

21 октября 1909 г. был утвержден новый «Устав страхового обществ Русский Ллойд» [5, с. 774].

Само название «Русский Ллойд» скорее всего было выбрано с рекламными целями, в том числе и для поднятия престижа этого страхового общества, позиционирование его претензий на ну же роль, что играл в Великобритании английский Ллойд. Напомним, что в этот период, к примеру, в Германии, уже действовал германский Ллойд.

Так согласно, Энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, имя Ллойда в рассматриваемый период носили в различных странах и многие другие общества, преимущественно страховые и пароходные. Ближе всего к английскому Ллойдю стоял германский Ллойд, основанный в 1868 г. в Берлине. Поставив себе задачей классификацию и регистрацию германских судов, он защищал исключительно интересы морских страхователей судовладельцев и купцов, состоящих его членами; доход от операций по классификации судов должен был лишь покрывать издержки администрации. Почти ежегодно издавался в Ростоке «Germanischer Lloyd. Internationales (Schiffs-) Register» [6, с. 341].

Однако подобные компании знали и метаморфозы в своей истории. Так, в частности, Австрийский Ллойд, основанный в Триесте в 1832 г. по образцу лондонского Ллойда, первоначально был страховым обществом, но уже в 1836 г. превратился в пароходное общество. Он поддерживал правильные рейсы с Левантом, Бразилией, Ост-Индией, Китаем, Японией, а также по Черному морю и Дунаю.

Северогерманский Ллойд — в свое время величайшее в мире общество пароходства, основанное в Бремене в 1857 г. вообще не имело отношения к страховому бизнесу. Ср. Lindeman, «Der Norddeutsche Lloyd, Geschichte und Handbuch» (Бремен, 1892).

Обращаясь же к истокам, укажем, что «Lloyd» — это общество страхования и классификации судов в Лондоне, получившее свое название от Эдуарда Л., который в конце XVII в. содержал в лондонском Сити кофейню, служившую местом собрания судовладельцев, страхователей судов, маклеров, торговцев. Для своих клиентов

Л. основал в 1696 г. газету «Lloyd's News», которая была вскоре запрещена, но возобновлена в 1726 г. под именем «Lloyd's List». Когда собрания у Л. превратились в страховое общество под названием «New Lloyd», эта газета стала его органом, сообщая сведения о прибытии и выходе судов из всех гаваней мира, о несчастиях на море, о маяках, фрахтах и т. п. С 1871 г. газета выходила под названием «Shipping and mercantile Gazette and Lloyd's List». Ллойд издавал, кроме того, еженедельный «Index» с перечнем всех судов, находящихся в плавании, и обозначением, где каждое судно в данное время находится. С 1843 г. Ллойд под новым названием «Lloyd's Register of British and foreign shipping», отказавшись от страхования судов, занялся исключительно классификацией судов: судовладелец, желавший получить так называемый «Lloyd's Patent», т. е. удостоверение о хорошей конструкции судна, его прочности и т. д., должен был строить свои суда под наблюдением специалистов из Л. — а этот Patent имеет очень большое значение при страховании судна и в других случаях [6, с. 341].

Роль английского Ллойда в деле развития, как морского страхования, так и вообще в дореволюционном развитии регулирования торгового мореплавания весьма существенна, так как многие положения и нормы им принятые практически автоматически признавались в России. Так, к примеру, в феврале 1902 г. под председательством Великого князя Александра Михайловича состоялись заседания Совета по делам торгового мореплавания на которых обсуждались меры к развитию отечественного судостроения и торгового мореплавания.

В выработанных данным советом мерах, было решено выдавать от правительства ссуды на покупку судов грузоподъемностью не менее 1000 т. «удовлетворяющих требованиям первого класса Ллойда или других, одобренных правительством» [7, л. 8 – 9].

Кроме того, в России начали разрабатывать собственные классификационные требования к судам. Так основная работа в этом вопросе была возложена на комиссию при главноуправляющем Торговым Мореплаванием и Портами. 3-го июля 1903 г. выработанные положения были утверждены главноуправляющим ТМиП.

Вырабатывая правила для пассажирских судов, предпочли остановиться на правилах, имеющих общее мировое значение и такими признали правила английского совета торговли «Boardoftrade», причем испытание корпусов, котлов и механизмов решили производить по правилам английского Ллойда [8, с. 181]. Однако, до достижения дипломатическим путем признания взаимности свидетельствованных судов и установления российской классификации административным распоряжением было предложено портовым управлениям и лицам, производящим освидетельствование судов, принимать свидетельства таких классификационных учреждений: английского Ллойда; германского Ллойда; норвежского Ллойда; бюро Веритас [7, л. 8 – 9].

В XIX в. возникают и международные специализированные организации. Так, как известно, Международный Союз морского страхования (МСОМС) / UMI — International Union of Marine Insurance / был создан в 1874 г. в Берне (Швейцария), как объединение национальных страховых организаций по инициативе Австро-Венгрии, Германии, России и Швеции. Данная организация занималась вопросами страхования судов, груза фрахта [9]. Она действует и сегодня, однако уже как доб-

ровольная ассоциация страховщиков и занимается унификацией законодательства морского страхования разных стран.

Возвращаясь к отечественному страхованию, укажем, что в 1875 г. крупнейшие страховые общества империи провели съезд, на котором выработали новые условия страхования. Последние по договоренности были обязательны только для договоров страхования, заключаемых после подписания соглашения. Страховые общества согласились действовать на одинаковых для всех условиях, последующие изменения вводились съездами страховых обществ, проводимыми трижды в год. На первых съездах были определены общие нормы тарифных ставок, надбавок к тарифам, введены единообразные приемы страхования и перестрахования и т.д. Для выполнения постановлений съездов было создано специальное бюро представителей страховых акционерных обществ – «Конвенция общего тарифа», преобразованного впоследствии в мощнейшее объединение русских страховщиков – страховой синдикат.

В 1895 г. страховые акционерные общества пришли к соглашению о взаимном перестраховании и учредили «Общество русского перестрахования» с уставным капиталом в 10 млн. рублей

Так, устав акционерного общества русского перестрахования был принят на основании указа от 9 июня 1895 года. №11835 [10, с. 440]. Учредителями этого общества выступили: «Российское страховое от огня общество, учрежденное в 1827 г.», «Второе Российское страховое от огня Общество», «Страховое от огня общество Саламандра», «С.-Петербургская компания Надежда для морского, речного и сухопутного страхования, транспортирования кладей и страхования от огня имущества», «С.-Петербургское Общество страхования от огня имущества и страхования пожизненных доходов и денежных капиталов», «Русское страховое от огня Общество», «Варшавское страховое от огня Общество», «Северное страховое Общество», «Страховое общество Якорь» и «Страховое Общество Россия» [11, с. 3 – 4].

Согласно утвержденному стандартной процедурой уставу данной организации, обществу предоставлялось принимать перестрахование как от русских страховых обществ и учреждений (акционерных, городских взаимных, земских, губернских и т.п.), так и от иностранных обществ различное имущество, в том числе пароходов и судов, грузов и фрахтов от потерь и убытков, могущих произойти по пути следования таковых по рекам, озерам, каналам, морям и при сухопутной перевозке (п. 2) [11, с. 4].

Устав общества изменялся в 1899 г. и в 1905 г. [12], однако основные изменения не коснулись задач, стоявших перед ним. После введения государственной монополии на страхование в 1918 г. это страховое общество, как и многие другие, было ликвидировано.

Кроме вышеупомянутых обществ страхования, активно действовало и созданное в 1905 г. Черноморское общество взаимного страхования судовладельцев, которое проводило страхование судов, различных грузов, а также подвижного состава железных дорог и другого имущества от возможных убытков при перевозке как в пределах Российской Империи, так и за границей.

Следует также указать, что со временем страховые компании все более привлекались к обеспечению безопасности торгового судоходства. Так, указом от 23 августа 1902 г. «Об освидетельствовании судов, плавающих на внутренних водных путях», этот процесс возлагался на специальных комиссиях из должностных лиц ве-

домства путей сообщения с представителями судовладельцев и страховых обществ (21969) [13, с. 830].

Это было вызвано в том числе и тем, что в данный период уже активно обсуждалась проблема создания отечественного регистра судов. Цель таковых регистров периода XIX в. была достаточно проста – дать возможность страховщикам как можно больше знать о каждом конкретном судне, его техническом состоянии, с целью правильного определения его стоимости, а также пригодности как вообще, так и для каждого конкретного рейса в частности.

К началу XX в. в Российской империи в круг транспортного страхования вошло также страхование ценных посылок, перевозимых по почте, от убытков, могущих произойти вследствие открытого или тайного похищения, действия огня, воды и других несчастных случаев. По правилам об этом страховании общество несло ответственность лишь за ту часть стоимости посылки, которая, по действовавшим почтовым правилам, не принималась на страх почтово-телеграфным ведомством. Значительная дороговизна страхования морских судов в акционерных обществах, которые притом нередко вовсе отказывались от приема на страхование судов, плавающих в особенно неблагоприятных условиях, побудила правительство озаботиться организацией таких учреждений, которые могли бы если не устранить вовсе, то по крайней мере ослабить неудобства страхования судов в акционерных компаниях.

В данном случае, очевидно, следует указать, что вопросы о введении государственной страховой монополии или обязательного страхования были серьезно выдвинуты в теории государства и права еще в 80-х годах XIX в. известным немецким экономистом Адольфом Вагнером. Попытки и проекты государственного монопольного страхования известны периоду начала XX в. Так, к примеру, в Италии пытались ввести монополию страхования жизни [14].

К действительно выдающимся мероприятиям в этой области принадлежит организация обязательного страхования судов в Архангельской губернии, которое находилось в ведении местного казенного управления страхования от огня сельских построек и действовало на основании высочайше утвержденного 12 мая 1897 г. временного положения «О взаимном обязательном страховании судов населения Архангельской губернии» (№14086) [15, с. 271-278].

Учитывая важность данного документа для настоящего исследования рассмотрим его подробнее. Данное положение состояло из таких основных частей: I. Основные правила взаимного обязательного страхования судов, II. Порядок заведования делами взаимного страхования судов, III. Классификация судов, IV. Средства взаимного страхования судов, V. Порядок и условия страхования и VI. Порядок и условия вознаграждения за убытки.

Анализ основных недостатков и достоинств выше рассмотренного положения позволяет выделить такие наиболее важные его достоинства. К ним мы можем отнести такие как: освидетельствование застрахованных судов раз в год и перед плаванием, с жесткими требованиями к состоянию и оснащению судна. Также к основным достоинствам можно отнести и то, что страхование судов в Архангельской губернии было возложено на государственные учреждения, так как именно государство взяло на себя те риски, на которые не шел частник.

К наиболее существенным недостаткам положения можно отнести то, что согласно данного документа страховались лишь парусные суда, стоимостью от 100

руб., автоматически исключая из этого перечня парусно-моторные и паровые суда, использование которых в условиях Севера уже тогда было весьма перспективным.

Также к недостаткам следует отнести и то, что в положении предусматривалась вариативность в ситуации выдачи премии за спасение (т.е. могли и не выдать). Учитывая, что как судно, так и груз представляли собой зачастую значительную ценность, а спасательные работы также обходились не дешево, такой подход следует считать непродуманным и противоречащим сложившейся в этот период международной морской практике.

Кроме того, повальное и обязательное страхование судов, как этого требовало выше указанное положение, отнюдь не зависело от эффективности и частоты эксплуатации судна, ведь даже если оно стояло всю навигацию у причала (не эксплуатировалось) за него собственник обязан был платить.

Отсутствовали в положении и какие-либо требования к квалификации экипажа судов. Разрешение же спорных вопросов не было предусмотрено в третейском порядке, а возложено на чиновников, что, безусловно, не могло отрицательно влиять на разумное разрешение таких ситуаций.

Однако, не смотря на вышеуказанные недостатки положения от 12 мая 1897 г., с целью определения эффективности деятельности Архангельского страхового общества можно привести такие данные. Так, в частности известно, что согласно отчету о его работе (страхование судов) за 1898 г. (1-й операционный год его работы) страховым учреждением было принято на страхование 581 судно, общей вместимостью в 23630 тонн; оценочная стоимость судов составляла 826971 руб., страховая — 616696 руб. Страховых платежей причиталось 19196 руб., вступительных взносов 6167 руб., а всего 25363 руб.; из них израсходовано было 13061 руб., в том числе 10304 руб. на выдачу страхового вознаграждения [16].

Как видно из представленных данных, обязательному страхованию подверглись в основном маломерные промысловые суда, наиболее подверженные авариям в неблагоприятных условиях Севера. Удачное же начало работы рассматриваемого общества способствовало развитию торговли и безопасности мореплавания в данном регионе.

В тоже время, следует отметить, что нормативная база морского страхования в России к началу XX в. значительно устарела и даже более того, большинство отечественных норм перестали использоваться на практике, вместо чего страховщики обращались к Гамбургским правилам 1867 г.

С целью модернизации отечественного законодательства по морской торговле, как известно, в 1902 г. было создано Особое совещание, начавшее свою деятельность с предварительного сбора материала, включая консультации с представителями страховых обществ и переводы иностранных уложений. Проект нового закона о морском страховании был закончен в 1907 г. Весь проект закона о морском страховании содержал 81 статью и должен был составлять заключительную главу Уложения о торговом мореплавании, которое, как известно, так и никогда не вступило в силу, однако послужило опытом кодификации уже для составления советского Кодекса Торгового Мореплавания 1929 г. [17, с. 7]. Более того, Загускин Н. Н. отмечает прогрессивность проекта, а также многие его положительные стороны и нововведения [18].

Список литературы:

1. Высочайше утвержденный устав Русского Общества пароходства и торговли от 3 августа 1856 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. XXXI (1856), №30813. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 18557. С. 623.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – 5-е изд. – М.: Бр. Башмакорвы, 1910. – IV. С. 198.
3. Высочайше утвержденный «Устав для морского, речного и сухопутного страхования под наименованием «Русский Ллойд» от 12 июня 1870 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. 45 (1870), №48478. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1874. – С. 787.
4. Высочайше утвержденный Устав страхового общества «Русский Ллойд» от 21 октября 1909 г. // ПСЗ, Собрание третье: Т. XXIX (1909), №32632. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1912. - С. 774.
5. Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М: Изд-во Эксмо, 2002. – С. 341.
6. Государственный архив Республики Крым, ф. 708. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 – 9
7. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – С. 181.
8. Журавлев Ю.М. Словарь-справочник терминов по страхованию и перестрахованию. – М., 1994; Словарь страховщика / Ефимов С.Л. и др.-М., 2000).
9. Высочайше утвержденный Устав акционерного Общества Русского перестрахования от 9 июня 1895 года // ПСЗ, Собрание третье: Т. XV (1895), №11835. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1899. - С. 440.
10. Устав общества русского перестрахования. – С.-Петербург, Коммерческая Скоропечатня Евг. Тиле преемн., Благовещенская пол, 5. 1895 г. - С. 3 – 4.
11. Устав Русского общества перестрахования. – С.-Петербург. Электро-типография Н. Я. Стойковой. Знамяская, 27. 1905 г. – 35 с.
12. Об освидетельствовании судов, плавающих на внутренних водных путях от 23 августа 1902 г. // ПСЗ, Собрание третье: Т. XII (1902), №21969. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1904. - С. 830.
13. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 2003. – 558 с.
14. Высочайше утвержденное Временное Положение о взаимном обязательном страховании судов населения Архангельской губернии от 12 мая 1897 г. // ПСЗ, Собрание третье: Т. XVII (1897), №14986. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1900. - С. 271-278.
15. Михаил Александрович Дьяконов. ЭСБЕ/Россия/Экономический отдел/Страхование. <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения - 13.08. 2016 г.).
16. Тиксон Я. Проект нового закона о морском страховании // Страховое обозрение. Ежемесячный журнал страховых знаний и вопросов. – СПб., 1907. – № 1. – С. 7.
17. Загускин С. Н. Законодательное регулирование морского страхования в конце XIX - начале XX в. // История государства и права. – 2008, № 23.

Ivashenko E. Development of marine insurance in the second half of XIX - beginning of XX вв. in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 45-53.

In hired the process of evolution of the legal adjusting of institute of marine insurance is investigated in the second half of XIX - beginning of XX вв. in the Russian empire. During research an author comes to the conclusion, that the normative base of marine insurance in Russia to beginning of XX of century considerably became antiquated and even further, most home norms left off to be used in practice, instead of what insurers called to the Hamburg rules 1867. With the purpose of modernisation of home legislation on sea-born trade, as is generally known, in 1902 the Special conference beginning the activity with preliminary collection of material was created, including to consultation with the representatives of insurance companies and translations of foreign codes of law. The project of new law on marine insurance was complete in 1907 All project of law on marine insurance contained a 81 article and must make the final head of Code of law about a trade seagoing

that, as is generally known, never inured so, however served experience of кодификации already for drafting of soviet Code of Trade Seagoing 1929.

Keywords: marine insurance, Russian empire, project, insurance and steamship companies.

Spisok literatury:

1. Vysochajshe utverzhennyj ustav Russkogo Obshchestva parohodstva i trgovli ot 3 avgusta 1856 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. HKHKHI (1856), №30813. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 18557. S. 623.
2. SHershenevich G. F. Uchebnik torgovogo prava. – 5-e izd. – M.: Br. Bashmakorvy, 1910. – IV. S. 198.
3. Vysochajshe utverzhennyj «Ustav dlya morskogo, rechnogo i suhoputnogo strahovaniya pod naimenovaniem «Russkij Lojd» ot 12 iyunya 1870 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. 45 (1870), №48478. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1874. – S. 787.
4. Vysochajshe utverzhennyj Ustav strahovogo obshchestva «Russkij Lloid» ot 21 oktyabrya 1909 g. // PSZ, Sobranie tret'e: T. XXIX (1909), №32632. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1912. – S. 774.
5. F. Brokgaуз, I. Efron. EHnciklopedicheskij slovar'. Sovremennaya versiya. – M.: Izd-vo EHksimo, 2002. – S. 341.
6. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym, f. 708. Op. 1. D. 1. L. 8 – 9
7. Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – S. 181.
8. ZHuravlev YU.M. Slovar'-spravochnik terminov po strahovaniyu i perestrahovaniyu. – M., 1994; Slovar' strahovshchika / Efimov S.L. i dr.-M., 2000).
9. Vysochajshe utverzhennyj Ustav akcionernogo Obshchestva Russkogo perestrahovaniya ot 9 iyunya 1895 goda // PSZ, Sobranie tret'e: T. XV (1895), №11835. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1899. – S. 440.
10. Ustav obshchestva russkogo perestrahovaniya. – S.-Peterburg, Kommercheskaya Skoropechatsya Evg. Tile preemn., Blagoveshchenskaya pol, 5. 1895 g. – S. 3 – 4.
11. Ustav Russkogo obshchestva perestrahovaniya. – S.-Peterburg. EHlektro-tipografiya N. YA. Stojkovej. Znameskaya, 27. 1905 g. – 35 s.
12. Ob osvidetel'stvovanii sudov, plavayushchih na vnutrennih vodnyh putyakh ot 23 avgusta 1902 g. // PSZ, Sobranie tret'e: T. XII (1902), №21969. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1904. – S. 830.
13. Serebrovskij V. I. Izbrannye trudy po nasledstvennomu i strahovomu pravu. Izd. 2-e, ispr. M.: «Statut», 2003. – 558 s.
14. Vysochajshe utverzhdennoe Vremennoe Polozhenie o vzaimnom obyazatel'nom strahovanii sudov nasele-niya Arhangel'skoj gubernii ot 12 maya 1897 g. // PSZ, Sobranie tret'e: T. XVII (1897), №14986. – SPb.: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1900. – S. 271-278.
15. Mihail Aleksandrovich D'yakonov. EHSBE/Rossiya/EHkonomicheskij otdel/Strahovanie. <https://ru.wikisource.org/wiki> (data obrashcheniya - 13.08. 2016 g.).
16. Tikson YA. Proekt novogo zakona o morskome strahovanii // Strahovoe obozrenie. Ezhemesyachnyj zhurnal strahovyh znaniy i voprosov. – SPb., 1907. – № 1. – S. 7.
17. Zaguskin S. N. Zakonodatel'noe regulirovanie morskogo strahovaniya v konce XIX - nachale XX v. // Istoriya gosudarstva i prava. – 2008, № 23.

УДК 340+330

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Скакун О. Ф.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье анализируется эффективность взаимодействия правовой и экономической систем государства в контексте экономико-правового методологического подхода как концептуально-методологического ядра экономического права. Приводятся мнения ученых (юристов, экономистов) по рассматриваемым вопросам. Для конкретизации знаний об эффективности взаимодействия правовой и экономической систем используется структурно-функциональный подход. Кратко освещаются особенности закономерной связи правовой и экономической систем. В центре внимания находится механизм правового регулирования в экономике, при помощи которого осуществляется перевод экономических требований на язык юридических норм и обратный процесс – трансформация юридических норм в реальные экономико-правовые отношения в обществе. Аргументируется, что эффективность действующей нормы права не может оцениваться в отрыве от других норм, которые составляют систему экономического права (отрасль права, подотрасль права, институт права) и отражают ее внутреннюю согласованность. Предлагается углубить и расширить научный анализ конкретных направлений экономического права, в частности, разработать новое научное направление «сравнительное экономическое право в правовых системах мира» как дополняющую часть сравнительного правоведения, и, после подготовки и издания соответствующей учебной литературы, ввести в качестве предмета преподавания юридических высших учебных заведений государства. Проведенный анализ фактически подтверждает актуальность и необходимость совершенствования экономико-правового методологического подхода, использования в научных исследованиях и практическом решении многочисленных проблем, возникающих на стыке права и экономики.

Ключевые слова: правовая система; экономическая система; взаимодействие систем: эффективность; экономико-правовой методологический подход; механизм правового регулирования в экономике.

Обращение к вопросу о взаимодействии правовой и экономической систем государства в контексте экономико-правового методологического подхода, продиктовано поиском того уровня эффективности их взаимного функционирования, который способен удовлетворить возрастающие требования современного общества. Экономико-правовой методологический и структурно-функциональный подходы к анализу экономико-правовой материи открывают возможность осмыслить специфику взаимодействия двух значимых систем государства (правовой и экономической) через функционирование экономико-правовых механизмов регулирования.

Название статьи начинается словами «К вопросу...» – этим подчеркивается, что, обращаясь к анализу актуальных вопросов экономического права на теоретическом уровне, автор не ставит целью повторять уже написанное экономистами и юристами, специализирующимися в области экономической теории права, однако учитывает их достижения. Цель автора – остановить внимание на принципиальном теоре-

тическом и прикладном вопросе об эффективности взаимодействия экономических и правовых систем, используя экономико-правовой методологический подход, как основной подход экономической теории права (экономики права), и в его рамках – структурно-функциональный подход, свойственный системным юридическим исследованиям. Задачи автора статьи: 1) кратко изложить трактовку учеными понятия эффективности в праве и экономике; 2) выявить структурные особенности «механизма правового регулирования в экономике» как сферы взаимодействия правовой и экономической систем.

1. Проблемы эффективности право-экономических норм служат предметом анализа многих отечественных и зарубежных ученых (А. П. Альбов, С. Р. Бекишева, Г. А. Гаджиев, Л. В. Ермолина, С. А. Кузнецова, С. А. Курочкин, А. А. Ларин, А. В. Петров, Г. Ф. Ручкина, И. А. Соловьева, Ф. Н. Фаткуллин, Р. В. Шагиева, Е. Н. Шахов и др.). На эту тему проводятся конференции, «круглые столы» (напр., «Эффективность права и модернизация экономики», 2010 г.) [1, с. 136–141].

Взаимосвязь двух разных методологических подходов – экономического в праве и юридического в экономике, экономическая эффективность как критерий оценки правовых норм – раскрываются в монографиях и учебниках (А. Г. Карапетов [2], М. И. Одинцова [3], В. Л. Тамбовцев [4], А. В. Шмаков [5] и др.). Однако при всех научных достижениях в этой области знаний имеется немало вопросов, как дискуссионных, так и таких, которые не охвачены специальным анализом. К ним относится вопрос, сформулированный в названии статьи, а также в определении ее цели и задач.

Необходимо отметить, что интерес ученых (юристов и экономистов), приступивших к изучению проблеме эффективности был сосредоточен на проблемах эффективности отдельных отраслей и институтов права, затем активно перешел к изучению правовой, в том числе экономико-правовой, нормы, минуя исследование взаимодействия правовой и экономической систем, отраслей, подотраслей и институтов права через механизмы их регулирования. Это объяснимо: в функционировании правовой и экономической систем государства нет эффекта, ожидаемого обществом, без принятой и действующей эффективной правовой нормы. Однако изучение нормы права, вне связи с другими нормами, системно образующими отрасль, подотрасль, институт права, неоправданно.

Вместе с тем понятие эффективности вообще, системы и нормы права, в частности, формулируется учеными-юристами емко и многогранно: 1) «соотношение между фактически достигнутым результатом и той целью, достижение которой предусматривалось» [6, с. 70–71]; 2) затраты, которые «связаны с поддержанием нормы и с достижением предусмотренного ею результата» [7, с. 41]; 3) средства достижения поставленных задач и «подготовленности той или иной системы, того или иного органа к реализации поставленных перед ними задач» [8, с. 8].

Экономисты, используя эмпирический метод познания действительности опытным путем, определяют понятие эффективности, как «отношение конечного результата (эффекта) к ресурсу, затраченному на его достижение», анализируют ее через две составляющие: эффективность использования конкретного ресурса и эффективность действий. Первая эффективность трактуется как «производительность, продуктивность, рентабельность». Вторая используется «применительно к действиям,

операциям, процессам» и раскрывается через «показатели результативности» [9, с. 99].

Оформившаяся экономическая теория права (благодаря трудам известных ученых) отталкивается от двух элементов понятия эффективности: «цель, которую люди стремятся достичь, и ресурсы, которые обладают ценностью» [3, 29]. Под эффективностью нормативно-правового акта понимается заложенная в нем «степень соответствия того поведения экономических субъектов, которое предписывается и поощряется данным актом, задаче максимизации стоимости, наиболее эффективного использования ресурсов» [4, с. 141].

Ценно, что большинство из современных исследователей прибегают к системной и комплексной оценке эффективности нормы права: эффективность нормы права анализируют в связи с системой норм отрасли и институтов права: «эффективность норм гражданского процессуального права — это свойство всей системы его норм [10, с. 42-44]. При анализе эффективности освобождения от уголовной ответственности, ударение ставится на необходимости учитывать весь «механизм правового регулирования освобождения от уголовной ответственности» [11, с. 248].

Краткий анализ взглядов ученых дает основания для вывода: во-первых, активизировалось использование структурно-функционального подхода к анализу нормы права и ее эффективности. Во-вторых, сформировался системно-комплексный подход к установлению эффективности нормы права в механизме правового регулирования: эффективность нормы права рассматривается в тесной связи с другими нормами правовой отрасли, подотрасли, института. В-третьих, оформился научный статус отраслей экономического права: ими стали юридические отрасли права, возникшие на стыке права и экономики (конституционное, административное, финансовое, налоговое, гражданское, трудовое, корпоративное и ряд других).

Эти и другие достижения юридической и экономической наук позитивно повлияли на развитие экономики права (экономической теории права), которая в XXI веке испытывает очередной виток своего подъема.

2. Перейдем к характеристике правовой и экономической систем, функционирующих через собственные механизмы регулирования в тесной связи друг с другом, с тем, чтобы остановить внимание на их пограничном «механизме правового регулирования в экономике», представленного системой механизмов экономико-правовых отраслей, подотраслей, институтов.

Отметим, что структуру экономической системы составляют: производственные силы; экономические отношения (собственности, производства, распределения, обмена и потребления), хозяйственный механизм (организационные структуры, формы и методы управления процессом воспроизводства, механизмы использования экономических законов и разрешения противоречий экономической системы и др.). Одни из них прямо, другие опосредованно связаны с нормой права как регулятивным основанием правовой системы. Следовательно, экономическая система как материальное звено порождения и реализации правовых норм, участвует в определении границ возможного и должного поведения субъектов права.

В свою очередь, правовая система, через большинство собственных структурных элементов (нормы и принципы права, правовые договоры, правоотношения, правовые учреждения, их правотворческая и правоприменительная деятельность и др.), связана с экономической системой.

Структурно-динамическое устройство правовой системы, каким является «механизм правового регулирования» (основные функции – регулятивная и охранительная), осуществляет перевод нормативности права в упорядоченность общественных отношений, устанавливает и поддерживает законность и правопорядок в обществе, в том числе в сфере экономических отношений, используя систему взаимосвязанных и согласованных общих правовых средств и правовых явлений. Общими правовыми средствами на макро-уровне служат норма права, акты реализации норм права, акты применения норм права, акты толкования норм права и др.; на микроуровне – «юридические дозволения, юридические обязывания, юридические запреты, поощрения, рекомендации, наказания и др.» [12, с. 771]. Правовые явления (правовое сознание, правовая культура, юридическая практика и др.), как часть правовой системы, сопутствуют общим правовым средствам.

Взаимосвязь между экономической и правовой системами возникает в результате взаимодействия их механизмов в тех областях экономического пространства, которые подвержены правовому регулированию. И только рациональное регулирование правом экономических отношений открывает возможность материально (финансово) обеспечивать деятельность их собственных структурных элементов и способствовать решению широкого круга социальных задач

Основанием совместной сферы действия права и экономики служит «механизм правового регулирования отношений в экономике»: такое название предложила Т. Я. Хабриева на упоминавшемся круглом столе «Эффективность права и модернизация экономики» (2010 г.): «Законодательство должно быть направлено на формирование правового механизма, регулирующего отношения в сфере экономики» [1, с. 137].

В научной литературе имеются иные наименования этой категории: «механизм правового регулирования в экономике», «механизм правового регулирования экономической системы», «механизм правового регулирования экономики», «механизм правового регулирования в экономической сфере», «экономико-правовой механизм». Желательно отдавать предпочтение наименованию, наиболее адекватно отражающему отнюдь не беспредельную сферу экономических отношений, которые регулируются правом. Такими категориями (почти равнозначными) являются «механизм правового регулирования в экономике», «механизм правового регулирования отношений в экономике», «механизм правового регулирования в экономической сфере». Когда же речь идет о механизме регулирования конкретной отрасли, подотрасли, института права, то в этом случае уместно применять краткое обозначение «экономико-правовой механизм...» (например, «экономико-правовой механизм природопользования»).

Цель «механизма правового регулирования в экономике» – упорядочение и совершенствование экономико-правовых отношений в обществе при помощи системы нормативно-правовых и правореализационных/правоприменительных норм в тех экономических сферах, которые связаны с производством, потреблением, обменом товаров или услуг, функционированием рыночных структур (бирж, банков, акционерных обществ), предпринимательской и коммерческой деятельностью. Это – значительная область экономического пространства, но далеко не вся: сферы экономи-

ческого саморегулирования (иначе юридической свободы) не подпадают под действие «механизма правового регулирования в экономике». Степень эффективности правового регулирования в экономике проверяется тем, насколько деятельность участников экономических отношений соответствует предписаниям правовых норм в их движении к удовлетворению частных и публичных интересов. Критерием эффективности реализации/применения правовых норм в экономической сфере служит экономический результат, который должен просчитываться еще на стадии подготовки правовых норм к принятию.

Нормы права, регулирующие экономические отношения в государстве, действуют в рамках конкретных механизмов экономико-правовых отраслей, подотраслей, институтов, составляя в целом «механизм правового регулирования в экономике». Если классифицировать нормы права по предмету и методу правового регулирования, то предстанет внушительная по количеству и содержанию система механизмов отраслей, подотраслей, институтов экономического права: «механизм правового регулирования в системе экономической безопасности», «механизм правового регулирования финансовых отношений», «механизм правового регулирования предпринимательской деятельности», «экономико-правовой механизм государственного регулирования малого бизнеса» и многие другие. Каждый из этих механизмов представляет собой структурно-динамичную систему стандартных и справедливых экономических отношений определенного вида, которые регламентируются правовыми средствами (системой норм права), исходя из оценки конкретных экономических ситуаций. Как и действенность общего механизма правового регулирования, так и результативность механизмов системы экономического права обуславливается эффективностью правотворчества (создание согласованной системы экономико-правовых норм), реализации/применения правовых норм и контроля над их исполнением.

Таким образом, одна эффективная норма, вне связи с системой таких же норм, не способна обеспечить эффективность правового регулирования экономики. Укрепление материальных основ правовой системы общества зависит от эффективности функционирования экономической системы права, которая, в свою очередь, определяется результативностью всех ее экономико-правовых механизмов. Предпосылкой и условием результативности служит рациональность (целесообразность, разумность, обоснованность) принимаемых и применяемых юридических норм в четком соответствии с экономическими обстоятельствами.

Взаимная связь правовой, экономической и других систем государства открывает перспективы дальнейшего успешного решения задач общества, достижения социальной цели государства (рост общественного благосостояния, разумное распределение ресурсов, охрана и защита экономических прав личности и общества).

Представляется, что совершенствование и использование экономико-правового методологического подхода необходимо для углубления и расширения специализированного исследования системы экономического права на уровнях отрасли, подотрасли, института. Нуждаются в уточнении свойства их механизмов. Важно исследовать вопросы не только о том, какие правовые нормы эффективны в регулировании экономики, но и как они изменяются под действием экономических причин. Желательно, чтобы отечественные ученые на конвенциональном уровне нашли решение

дискуссионного вопроса о критериях классификации отраслей экономического права на частные, публичные и смешанные.

Назрела необходимость расширить и углубить научный анализ конкретных направлений экономического права. В частности, разработать новое научное направление «сравнительное экономическое право в правовых системах мира» как дополняющую часть сравнительного правоведения, и, после подготовки и издания соответствующей учебной литературы, ввести в качестве предмета преподавания юридических вузов государства.

Список литературы

1. Волкова Н. С. Эффективность права и модернизация экономики: обзор "круглого стола" // Журнал российского права. 2010. № 2 (158). – С. 136–141.
2. Карапетов А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. М.: Изд-во: "Статут" 2016. – 526 с.
3. Одинцова М. И. Экономика права: учеб. пособие / М. И. Одинцова; Гос. ун-т. – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 430 с.
4. Тамбовцев В. Л. Право и экономическая теория: учеб. пособие / В. Л. Тамбовцев. – М.: ИНФРА-М., 2005. – 224 с.
5. Шмаков А. В. Экономический анализ права : учеб. пособие. Ч.1. / А.В. Шмаков.– Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005.– 136 с.; Шмаков А. В. Экономический анализ права: учеб. пособие. Ч. 2. / А. В. Шмаков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. – 80 с.
6. Самошенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 3. – С.70–78.
7. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40-48.
8. Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Свердловск. юрид. ин-т. – Свердловск, 1981. – 20 с.
9. Ермолина Л. В. Экономическое содержание категории «эффективность». понятие стратегической эффективности // Основы экономики, управления и права. №2 (8). – С. 98–101.
10. Курочкин С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. - М.: Норма, 2012, № 4. – С. 24–32.
11. Козак О. С. Поняття ефективності та його роль у моніторингу сучасного стану звільнення від кримінальної відповідальності в Україні // ФП. 2008. №2. С. 243–250
12. Скакун О. Ф. Теория государства и права. Энциклопедический курс. Учебник. Харьков: Эспада. 2007. – 840 с.

Skakun O. F. To the question about the effectiveness of the interaction of legal and economic systems in the context of economic and legal methodological approach // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 54-60.

The article analyzes the effectiveness of interaction between the legal and economic system of the state in the context of economic and legal methodological approach as a conceptual and methodological core of economic law. The opinions of scientists (lawyers, economists) on the issue under consideration are given and taken into account. On the basis of the system approach the features of legal and economic systems in their interrelation are specified. The main attention is paid to the mechanism of legal regulation of the economy, through which the translation of economic requirements into the language of legal norms, and the reverse mechanism – the translation of economic and legal norms in the real behavior of man and society. To concretize knowledge about the effectiveness of the interaction of legal and economic systems, the mechanism of legal regulation in the economy is analyzed as an integral part of the overall mechanism of legal regulation. It is proposed to deepen and expand the scientific analysis of specific areas of economic law, in particular, to develop a new scientific direction "comparative economic law in the legal systems of the world" as a complementary part of comparative law, and, after the preparation and publication of relevant educational literature, to introduce as a subject of teaching law higher educational institutions of the state. In fact, it confirms the relevance and the need to improve the economic and legal methodological approach used in research and practical solutions to numerous problems arising at the intersection of law and economics.

Keywords: legal system; economic system; interaction of systems: efficiency; economic and legal methodological approach; mechanism of legal regulation in the economy.

Spisok literatury

1. Volkova N. S. EHffektivnost' prava i modernizaciya ehkonomiki: obzor "kruglogo stola" // ZHurnal rossijskogo prava. 2010. № 2 (158). – S. 136–141.
2. Karapetov A. G. EHkonomicheskij analiz prava / A. G. Karapetov. M.: Izd-vo: "Statut" 2016. – 526 s.
3. Odincova M. I. EHkonomika prava: ucheb. posobie / M. I. Odincova; Gos. un-t. – Vysshaya shkola ehkonomiki. – M.: Izd. dom GU VSHEH, 2007. – 430 s.
4. Tambovcev V. L. Pravo i ehkonomicheskaya teoriya: ucheb. posobie / V. L. Tambovcev. – M.: INFRA-M., 2005. – 224 s.
5. SHmakov A. V. EHkonomicheskij analiz prava : ucheb. posobie. CH.1. / A.V. SHmakov.– Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2005.– 136 s.; SHmakov A. V. EHkonomicheskij analiz prava: ucheb. posobie. CH. 2. / A. V. SHmakov. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2008. – 80 c.
6. Samoshchenko I. S., Nikitinskij V. I., Vengerov A. B. K metodike izucheniya ehffektivnosti pravovyh norm // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. № 3. – S.70–78.
7. Pashkov A. S., YAvich L. S. EHffektivnost' dejstviya pravovoj normy (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 3. S. 40–48.
8. Sabanin S. N. Problemy povysheniya ehffektivnosti institutov osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya: Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. – Sverdlovsk. jurid. in-t. – Sverdlovsk, 1981. – 20 s.
9. Ermolina L. V. EHkonomicheskoe sodержanie kategorii «ehffektivnost'». ponyatie strategicheskoy ehffektivnosti // Osnovy ehkonomiki, upravleniya i prava. №2 (8). – S. 98–101.
10. Kurochkin S. A. Ob ehffektivnosti norm grazhdanskogo processual'nogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. - M.: Norma, 2012, № 4. – S. 24–32.
11. Kozak O. S. Ponyattya efektivnosti ta jogo rol' u monitoringu suchasnogo stanu zvil'nennya vid kriminal'noi vidpovidal'nosti v Ukraini // FP. 2008. №2. S. 243–250
12. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava. EHnciklopedicheskij kurs. Uchebnik. Har'kov: EHspada. 2007. – 840 s.

УДК 542.722.1

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ: НА ПРАКТИКЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ШАДРИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Соколова Н. В.

Шадринский государственный педагогический университет (г. Шадринск)

В современном мировом сообществе огромное значение придаётся соблюдению прав человека. Будучи широко продекларированными как на уровне ООН, так на уровне международных организаций Европы, и непосредственно РФ, права человека, тем не менее, достаточно часто нарушаются. Автор подвергает анализу проблемные аспекты правового регулирования и реального положения с соблюдением прав человека в Российской Федерации, подтверждая свои доводы реальными примерами из практики ЮК ШГПУ. Проведённый анализ позволил внести предложения о некоторых возможных направлениях их решения.

Ключевые слова: Конституция, права человека, право на охрану жизни и здоровья, право на жилище, право на труд и его достойную оплату, юридическая клиника.

Соблюдение конституционных прав человека провозглашено основным направлением деятельности, как мирового сообщества, так и Российской Федерации в частности.

В преамбуле Всеобщей Декларации прав человека подчеркивается, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира», выполнение прав, предусмотренных в Декларации «должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией» [2].

Российская Федерация, являясь членом Совета Европы, в соответствии с положениями ст. 1 Европейской Конвенции прав и свобод человека, приняла на себя обязательство соблюдать права человека считая, что они «являются основой справедливости и всеобщего мира», «соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, ... всеобщим пониманием и соблюдением прав человека» [6].

В соответствии с положениями ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства», а гарантом прав и свобод человека является президент страны (ч. 2 ст. 80 К РФ) [7].

Как свидетельствуют данные Европейского Суда по правам человека, в 2017 году Россия заняла первое место среди стран Совета Европы по количеству выявлен-

ных нарушений прав граждан. За все годы существования ЕСПЧ наибольшее количество нарушений прав человека суд нашёл в Турции – почти 3 тыс. Россия – на втором месте: с 1998 года, когда страна попала под юрисдикцию Страсбургского суда, он признал 2,1 тыс. нарушений прав человека со стороны российских властей [1]. Но это далеко не полная картина, поскольку при рассмотрении дел в ЕСПЧ не учитывается количество граждан, обратившихся в рамках одной жалобы на нарушение своих прав.

Обращение к данным доклада Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год, позволяет сделать вывод, что за год удалось защитить права более чем 250 тыс. граждан, а ведь степень защищенности прав человека «определяет социальный климат в государстве и уровень стабильности в обществе» [3].

Представляется чрезвычайно актуальным провести анализ реального положения с соблюдением прав граждан, в связи с чем обратимся в том числе и к примерам из практики Юридической клиники Шадринского государственного педагогического университета.

Из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ, в 2017 году наблюдался рост обращений по сравнению с 2016 годом о нарушении следующих видов прав: на бесплатную медицинскую помощь, на жилище, на образование и т.д., что приводит к тому, что 39 % граждан полагают, что права человека в современной России не соблюдаются [3].

Наибольшее количество нарушений прав граждан наблюдается в сфере обеспечения права на бесплатную медицинскую помощь, напрямую связанное с качеством жизни, которое, вне всяких сомнений, связано и с сокращением на 43 % (с 9479 в 2005 году до 5357 в 2016 году) количества организаций системы здравоохранения, осуществляющих медицинское обслуживание госпитализированных пациентов [3].

Согласно ст. 11 Европейской социальной хартии, каждый имеет право на охрану здоровья, в связи с чем РФ приняла на себя обязательство «принять, непосредственно или в сотрудничестве с государственными или частными организациями, соответствующие меры, направленные, в частности на:

1. Устранение, насколько это возможно, причин нарушения здоровья;
2. Предоставление услуг консультационного и просветительского характера, направленных на укрепление здоровья и поощрение личной ответственности за свое здоровье;
3. Предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний, а также несчастных случаев» [4]. Но уровень заболеваемости неуклонно растёт [5] и количество нарушений прав граждан, увы, не уменьшается.

Практика Юридической клиники ШГПУ позволяет категорически утверждать, что даже рост обращений к Уполномоченному по правам человека не отражает в полном объёме глубину существующей в этом вопросе проблемы, ведь далеко не все отчаявшиеся доходят до него... Так, только в 2018 году в ЮК были следующие обращения, связанные с одним из тяжелейших, смертельно опасных заболеваний – онкологическим.

Уровень финансовой, технологической и кадровой обеспеченности органов здравоохранения разных регионов очень различается, в связи с чем граждане России, проживающие в дотационном регионе (Курганской области в частности), вынуждены искать спасение в других регионах, где они могут получить более квалифициро-

ванную и высокотехнологичную медицинскую помощь. Но территориальное разделение бюджетов медицины не позволяет им получать помощь бесплатно в регионах вне места их постоянного проживания, если им не выделена квота на лечение. Найденный гражданами способ решения проблемы – возможность получения медицинской помощи при наличии временной регистрации в регионе нахождения медицинского учреждения, где им может быть оказана квалифицированная медицинская помощь, к сожалению, может закончиться плачевно для человека, выразившего сочувствие к смертельно больному – возможностью привлечения его к уголовной ответственности по ст. 322.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за фиктивную регистрацию гражданина России по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ [13].

Необходимо также констатировать, что даже временная регистрация вне своего постоянного места жительства может стать причиной возникновения у граждан сложностей при обращении в медицинские учреждения по месту своего постоянного проживания, поскольку, несмотря на наличие прямого указания на недопустимость отказа в предоставлении медицинской помощи в ст. 11 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8], медики отказывают в предоставлении медицинских услуг, мотивируя отказ тем, что существующее законодательство при оказании помощи лицам, зарегистрированным в другом регионе, даже временно, лишает их возможности получить оплату за оказанные услуги.

При таком положении возникает необходимость усовершенствования системы оплаты медицинских услуг, исходя из конституционного принципа равенства прав граждан, позволяющего им получать необходимую медицинскую помощь в том медицинском учреждении, которое способно оказать им ту помощь, которая может спасти их жизнь – самое ценное, что есть у человека. Ведь право человека на жизнь гарантировано всеми нормами права, указанными выше. Представляется необходимым обеспечить равные возможности для каждого гражданина в получении медицинской помощи без привязки к конкретному региону, чтобы неукоснительно соблюдались положения ст.ст. 7, 29 Всеобщей декларации прав человека и ст.ст. 17, 19, 39, 41 Конституции РФ и не допускалось дискриминации человека по признаку привязанности к конкретному региону страны.

В условиях современного государства, провозгласившего себя правовым, чрезвычайно важное значение имеет право на жилище, провозглашённое в ст. 40 Конституции России, которое малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами, а также право на его справедливую оплату.

К сожалению, вынуждена констатировать, что право на жилище граждан страны, пока остаётся, зачастую, чем-то призрачным. Как отмечает Уполномоченный по правам человека, в 2017 году только 4,9 % семей получили жилые помещения из 2542,4 тыс. семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях [3].

Материалы правоприменительной практики Юридической клиники ШГПУ свидетельствуют, что право на жилище может быть недостижимым даже в течение нескольких десятилетий. Так, N, 1941 г.р., окончила Курганский педагогический ин-

ститут, как молодой специалист по распределению была направлена на работу учителем географии в г. Шадринск. В сентябре 1966 года была поставлена на льготную очередь для получения жилой площади. Даже спустя более 45 лет с момента постановки на очередь, жилое помещение ей не было предоставлено. Много лет состояла в списке очередности (молодые специалисты) в качестве нуждающейся в жилом помещении под № 1, хотя современное жилищное законодательство такой категории льготников, как молодые специалисты, вообще не предусматривает. После обращения в суд с исковым заявлением о предоставлении жилого помещения, N была снята с очереди на его получение. Её права на получение жилья были восстановлены лишь судебным решением. Справедливости ради, следует подчеркнуть, что даже наличие судебного решения не обеспечило немедленного предоставления жилья истцу, поскольку финансовое положение муниципального бюджета большинства провинциальных городов России, увы, оставляет желать лучшего.

Аналогичные проблемы складываются и с обеспечением права на жилище такой категории граждан, как дети-сироты, которые, как провозглашено на законодательном уровне, пользуются особой защитой со стороны государства. Так, R, являющийся сиротой (умерли оба родителя), обучался на дневном отделении высшего учебного заведения. Собственного жилья не имел. В 2011 году был поставлен на учёт как нуждающийся в предоставлении жилья ребёнок, оставшийся без попечения родителей. В 2012 году он был призван для прохождения срочной военной службы в ряды Российской Армии. После демобилизации продолжил обучение в вузе и женился. Основываясь на положениях норм права, предусматривающих предоставление жилья по демобилизации из рядов вооружённых сил РФ, обращался за предоставлением жилья в Администрацию муниципального образования. В предоставлении жилья ему отказали, мотивируя тем, что на время обучения R может быть обеспечен общежитием, что временно освобождает органы власти от предоставления жилья. Лишь решением суда требования R о предоставлении жилья были удовлетворены. Исполнение судебного решения растянулось почти на год.

Подобные примеры можно приводить бесконечно.

Аналогичное положение сложилось и с соблюдением права на труд и его справедливую оплату.

Обращение к статистическим данным об уровне средней заработной платы по регионам РФ, используемой для расчёта задолженности по алиментам позволяет сделать вывод о разном уровне жизни населения регионов страны:

Таблица №1. Средняя заработная плата по федеральным округам [12].

Дальневосточный ФО	33876 рублей
Центральный ФО	33850 рублей
Уральский ФО	31769 рублей
Сибирский ФО	24113 рублей
Приволжский ФО	20370 рублей
Южный ФО	20315 рублей
Северо-Кавказский ФО	17374 рублей

Статистические данные о заработной плате по регионам позволяют сделать вывод о неравном положении граждан страны в вопросах оплаты труда, которые отличаются как в разных регионах, так и практически на одной территории в конкретном регионе. Обратимся к данным по территории Московской области, а именно: если средняя заработная плата в г. Москва составляет 53953 рублей, то в Московской области – почти вдвое меньше - 32986 рублей, а разница в заработной плате самого высокооплачиваемого региона Чукотского АО - 65034 рублей и самого низкооплачиваемого региона – Республики Дагестан - 15254 рублей – отличается более чем в 4 раза. Подобные различия обнаруживаются также в пределах одного федерального округа, а именно:

Таблица №2. Данные о средней заработной плате в Уральском федеральном округе [12].

Ямало-Ненецкий АО	64642 рублей
Ханты-Мансийский АО — Югра	49715 рублей
Тюменская обл.	28682 рублей
Свердловская обл.	25690 рублей
Челябинская обл.	23038 рублей
Курганская обл.	17429 рублей

Не вызывает сомнений, что проживание в сложных климатических зонах требует соответственного уровня заработной платы, которое обеспечивается уровнем экономического положения региона, однако, разница в заработной плате свидетельствует также о том, что бюджетная обеспеченность регионов существенно отличается и не позволяет в полном объёме обеспечить равные возможности обеспечения для граждан страны достойного существования.

Следует также подчеркнуть, что даже в рамках одного юридического лица заработная плата руководителя и простого работника могут различаться не в разы, а в десятки и сотни раз... Неоспоримо, что труд разной квалификации и в разных условиях должен быть справедливо оплачен, но, если уровень заработной платы не обеспечивает достойного существования работающего, то, думается, вряд ли такую оплату за труд можно назвать справедливой и соответствующей главному конституционному принципу – принципу равенства граждан. Такой вывод выглядит ещё более обоснованным при обращении к открытым статистическим данным об уровне жизни россиян. По данным Госкомстата на начало 2018 года за чертой бедности живут 19,3 млн. чел, т.е. 13,2 % населения страны [14]. Даже президент страны Владимир Путин назвал унизительным уровень бедности в РФ [11].

Следует подчеркнуть, что только Уполномоченным по правам человека в 2017 году было оказано содействие в защите трудовых прав более чем 13,4 тыс. граждан [3].

Будучи суверенным государством, являясь членом Совета Европы, Россия ратифицировала Европейскую социальную хартию, но лишь частично [9], а именно: приняв на себя обязательство выполнять положения данного документа, тем не менее, в ст. 4 отказалась ратифицировать п. 1, обязывающий «признать право работников на вознаграждение за труд, которое позволит обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни» [4].

Представляется, что ратификация одного этого пункта позволила бы поднять на более высокий уровень заработную плату большинства работающих в России, поскольку у работодателей появилась бы обязанность не только своевременно выплачивать заработную плату, под страхом привлечения к уголовной ответственности (ст. 145.1 УК РФ), но и устанавливать такой уровень оплаты труда, который позволял бы семьям человека труда обеспечить достойное существование.

Положение с соблюдением прав человека в России ещё слишком далеко от идеала, поскольку Уполномоченному по правам человека приходится эффективно защищать права даже сотрудников силовых структур – за 2017 год восстановлены права 1640 военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, членов их семей и гражданского персонала воинских частей [3].

Думается, что одной из причин нарушения прав человека является, в большинстве случаев, отсутствие персональной ответственности правонарушителя за свои действия перед гражданином. О массовости нарушений прав человека свидетельствуют данные доклада Уполномоченного по правам человека о том, что «за допущенные нарушения прав, свобод и интересов граждан 34 чиновника и 32 юридических лица привлечены к административной ответственности, а 40 должностных лиц – к дисциплинарной» [3], но, в соответствии с положениями ст. 1068 ГК РФ, за действия работников несёт ответственность работодатель... Именно поэтому, нарушая права гражданина, работник не боится, что допущенное им нарушение скажется на его материальном положении.

Думается, что вполне своевременно принятие нормативного акта, устанавливающего персональную ответственность должностного лица за нарушения прав граждан, в котором предусмотреть, что, в случае, если некомпетентными действиями должностного лица в результате возмещения материального ущерба и морального вреда гражданину, юридическому лицу был причинен убыток, то, в случае установления некомпетентности, чиновник подлежит дисциплинарной ответственности или увольнению с должности, а, в случае совершения им умышленных действий, нарушивших права человека, предусмотреть возможность регрессного взыскания причинённого ущерба в полном объёме. Представляется, что такой способ урегулирования конфликта будет способствовать резкому повышению заинтересованности должностных лиц в соблюдении прав граждан и компетентности при исполнении своих служебных обязанностей. Кроме того, вполне логично было бы законодательно предусмотреть возможность введения страхования ответственности юридических лиц за потенциальную возможность причинения этими действиями вреда гражданам.

Таким образом, приведённые данные свидетельствуют о необходимости наведения порядка в соблюдении конституционных прав граждан правоприменителями, а также в совершенствовании законодательного регулирования этих проблем, в частности, в части соблюдения положений ч. 4 ст. 15 Конституции России, устанавливающей, что, в случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [7].

Представляется также чрезвычайно эффективным законодательно установить персональную ответственность всех должностных лиц, допускающих нарушения прав граждан, как это установлено, например, в ст. 17 «Основ законодательства

Российской Федерации о нотариате» [10] возможность личной имущественной ответственности нотариуса за допущенные нарушения прав граждан и юридических лиц.

Список литературы

1. Алехина Маргарита. Россия стала лидером по числу признанных ЕСПЧ нарушений прав человека [Электронный ресурс] – Подробное на РБК: Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2018/5a69ebe79a7947756bc55268>. – 21.10.2018.
2. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html>. - 21.10.2018.
4. Европейская Социальная Хартия (пересмотренная) [Электронный ресурс] (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/. – 21.10.2018.
5. Заболеваемость населения по основным классам заболеваний (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#. - 20.10.2018.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ - 20.10.2018.
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100016,0&rnd=0.37510544688207603#07111987809249669>. – 20.10.2018.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. – 21.10.2018.
9. О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года [Электронный ресурс] : федеральный закон от 03.06.2009 N 101-ФЗ – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88272/. – 20.10.2018.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [Электронный ресурс] : утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.08.2018) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/. – 20.10.2018.
11. Путин назвал унижительным уровень бедности в РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/russia/putin_nazval_unizitelnyy_uroven_bednosti_v_rf. - Аргументы и факты. 23 декабря 2017 г. – 24.10.2018.
12. Средняя зарплата по России в 2018 году для расчета алиментов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yurportal.info/alimenty/srednyaya-zarabotnaya-plata-i-alimenty/>. – 21.10.2018.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – 21.10.2018.
14. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс] официальный сайт Госкомстата – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=04X5WJAjkgphsRC3IMOzIu6rVKh7InVyB CI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVCa0ZaRlVVMjlsQWRlU2ZJcTBnbU1Oal dNRC1jYVhLQVQ2Y2UzeFYzSnVQZFA4QzEwZy1leW9pd2Vsd1c0eFhxWWZHWtELW5OaDJJndN UERyS1JYdlhoOHVDQzA4VUtXWetJSUIMQ29iaVdhYXJGNllyUENFaXZONEdvZkwxZlE9PT9zaWdu PVpRNzRZS1lPU1ktVDc0TVo0czloYXVKZ25BYV96NkxZT0VQYWp4Y1ZNdHc9IiwidGl0bGUiOiJlcm9 2XzUxZy5kb2MiLCJ1aWQiOiIwIiwieXUiOiIxMjQ1NjY2MjkkNDc5OTk2OTM3Iiwibm9pZnJhbWUuOmZ hbHNILCJ0cyI6MTU0MTY4NjYzODQ1N30%3D. – 8.11.2018.

Sokolova N. V. Problem aspects of ensuring the constitutional rights of citizens of Russia: in the practice of legal clinics of Shadrin state pedagogical university // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 61-68.

In today's world community, great importance is attached to respect for human rights. Being widely declared both at the UN level, and at the level of international organizations in Europe, and directly to the Russian Federation, human rights, however, are often violated. The author analyzes the problematic aspects of legal regulation and the real situation with the observance of human rights in the Russian Federation, confirm-

ing his arguments with real examples from the practice of the South Kazakhstan State Pedagogical University. The analysis made it possible to make proposals on some possible directions of their solution.

Key words: The Constitution, human rights, the right to protection of life and health, the right to housing, the right to work and his decent pay, legal clinic.

Spisok literatury

1. Alekhina Margarita. Rossiya stala liderom po chislu priznannykh ESPCH narushenij prav cheloveka [EHlektronnyj resurs] – Podrobnее na RBK: Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2018/5a69ebe79a7947756bc55268>. – 21.10.2018.
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr
3. Doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2017 god [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html>. – 21.10.2018.
4. Evropejskaya Social'naya Hartiya (peresmotrennaya) [EHlektronnyj resurs] (prinyata v g. Strasburge 03.05.1996) – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/. – 21.10.2018.
5. Zabolevaemost' naseleniya po osnovnym klassam zabolevanij (zaregistrirvano bol'nyh s diagnozom, ustanovlennym v pervye v zhizni) http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#. – 20.10.2018.
6. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod [EHlektronnyj resurs] (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) (s izmeneniyami ot 21 sentyabrya 1970 g., 20 dekabrya 1971 g., 1 yanvarya, 6 noyabrya 1990 g., 11 maya 1994 g.) – Rezhim dostupa: ETS N 005 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ - 20.10.2018.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100016,0&rnd=0.37510544688207603#07111987809249669>. – 20.10.2018.
8. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] : federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ (red. ot 03.08.2018). – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. – 21.10.2018.
9. O ratifikacii Evropejskoj social'noj hartii (peresmotrennoj) ot 3 maya 1996 goda [EHlektronnyj resurs] : federal'nyj zakon ot 03.06.2009 N 101-FZ – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88272/. – 20.10.2018.
10. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate [EHlektronnyj resurs] : utv. VS RF 11.02.1993 N 4462-1) (red. ot 03.08.2018) – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/. – 20.10.2018.
11. Putin nazval unizitel'nyu uroven' bednosti v RF [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.aif.ru/politics/russia/putin_nazval_unizitelnyu_uroven_bednosti_v_rf. - Argumenty i fakty. 23 dekabrya 2017 g. – 24.10.2018.
12. Srednyaya zarplata po Rossii v 2018 godu dlya rascheta alimentov [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://yurportal.info/alimenty/srednyaya-zarabotnaya-plata-i-alimenty/>. – 21.10.2018.
13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] : federal'nyj zakon ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 03.10.2018) – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – 21.10.2018.
14. CHislennost' naseleniya s denezhnymi dohodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma i deficit denezhnogo dohoda [EHlektronnyj resurs] oficial'nyj sajt Goskomstata – Rezhim dostupa: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=04X5WJAjkpghsRC3IMOzlu6rVKh7InVyB CI6lnhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVCa0ZaRlVVMjlsQWRlU2ZJcTBnbU1Oal dNRC1jYVhLQVQ2Y2UzeFYzSnVQZFA4QzEwZy1leW9pd2Vsd1c0eFhxWWZHWwtELW5OaDJJtNdN UER-yS1JYdlhoOHVDQzA4VUtXWEtJSUIMQ29iaVdhYXJGNllyUENFaXZONEdvZkwxZ1E9PT9zaWduPVpR NzRZSIIPU1ktVDc0TVo0czloYXVVKZ25BYV96NkxZT0VQYWP4Y1ZNdHc9IiwidGl0bGUiOiJlcm92XzU xZy5kb2MiLCJ1aWQiOiIwIiwieXUiOiIxMjQ1NjY2MjJkxNDc5OTk2OTM3Iiwibm9pZnJhbWUOmZhbHNI LCJ0cyI6MTU0MTY4NjYzODQ1N30%3D. – 8.11.2018.

УДК 349.235:328.34

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ О ТРУДЕ И РАБОЧЕМ ВРЕМЕНИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОМИССИЯХ В РОССИИ В ПЕРИОД 1906-1915 гг.

Старостин В. А.

*Таврический колледж (структурное подразделение) Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского*

В статье изучается деятельность Государственной Думы и правительственных комиссий в России в период 1906-1915 гг. по принятию законопроектов, законодательных актов о труде и рабочем времени. С учетом проведенного исследования установлено, что нормы о труде и рабочем времени, принятые в конце XIX начале XX вв. носили антирабочий характер. Массовые волнения работников, создали социально-политические предпосылки для революционных событий 1905-1907 гг. Поэтому первым шагом для демократизации общества было создание нового органа законодательной власти – Государственной Думы. Формирование Государственной Думы должно было предотвратить развитие революционного движения. Манифест об учреждении нового выборного высшего законосовещательного учреждения – Государственной Думы был обнародован 6 августа 1905 г. Помимо Государственной Думы законопроекты об улучшении трудовых отношений и рабочего времени рассматривались в правительственных комиссиях.

Ключевые слова: рабочее время, трудовые отношения, эксплуатация труда, условия труда, правовой статус работников.

Революционные события 1905-1907 гг. в России проходили под лозунгами изменения законодательных актов о регламентации трудовых отношений и рабочего времени. Это были ключевые требования, которые приобрели массовый характер со стороны рабочих и оказали влияние на дестабилизацию социально-политической ситуации в государстве. В связи с этим, причиной массовых беспорядков, забастовок, митингов и революционных событий 1905-1907 гг. можно без преувеличения назвать «рабочий вопрос». Те законодательные акты о труде и рабочем времени, которые были приняты в конце XIX века носили откровенно эксплуататорский характер [1]. Продолжительность рабочего времени составляла 11,5 и более часов в сутки. Труд женщин и детей приравнивался к труду мужчин. Охраны труда на производствах не существовало. Бытовые условия работников были неудовлетворительными. В борьбу за права рабочих включались нелегально сформированные политические партии. Указанные факторы заставили самодержавие пойти на уступки рабочим в пересмотре законодательных актов о рабочем времени и государственного устройства России в целом.

Первым шагом к этому было создание нового органа законодательной власти – Государственной Думы. Формирование Государственной Думы должно было способствовать демократизации государственного механизма в России и предотвратить развитие революционного движения. Манифест об учреждении нового выборного высшего законосовещательного учреждения – Государственной Думы был обнародо-

дован 6 августа 1905 года [2]. Однако эта Дума не была созвана. После начала всеобщей забастовки в октябре 1905 г. самодержавию пришлось пойти на дальнейшие уступки народу и урегулирование политической ситуации. 17 октября 1905 г. был подписан Манифест [3], в котором указывалось о предоставлении населению России основных политических свобод и предоставление Думе законодательных функций. В 3 пункте Манифеста указывалось «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы».

В связи с этим, основная борьба по вопросам трудовых отношений и рабочего времени на законодательном уровне, должна была проводиться в Государственной Думе.

Вместе с этим, царское правительство отнеслось к появлению Государственной Думы неоднозначно. С одной стороны, наличие законодательных функций и возможность принятия законов позволило бы влиять на политику органов власти, с другой – формирование самого правительства должно было осуществляться Государственной Думой. Поэтому правительство не планировало делить власть с вновь организованным органом законодательной власти и стремилось к ограничению ее деятельности.

Дума I созыва проводила свою работу с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 года, после чего была распущена Николаем II.

Ключевыми положениями на рассмотрении Государственной Думы I созыва были аграрные отношения. Вопросы регламентации трудовых отношений на повестку сессии не выносились. Были приняты два законопроекта, которые были внесены правительством: об отмене смертной казни и об ассигновании 15 миллионов рублей в помощь пострадавшим от неурожая. Другие проекты к обсуждению приняты не были.

Хотя Государственной думой I созыва не были рассмотрены вопросы трудовых отношений и рабочего времени, 15 ноября 1906 года был издан закон о продолжительности рабочего времени ремесленников и служащих торгово-промышленных заведений «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» [3].

Несмотря на отсутствие в заголовке названия закона термина «рабочее время», и указании «Об обеспечении нормального отдыха...», в законе было прописано, что продолжительность рабочего дня в торговых заведениях, конторах и складах установлена 12 часов, причем служащим в заведениях, открытых более восьми часов в сутки, предоставляется перерыв для принятия пищи не менее двух часов в день. В остальных заведениях обеденный перерыв должен быть не менее половины часа. Стоит отметить, что по закону от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» [1], продолжительность рабочего времени составляла 11,5 часов в сутки. Разница в продолжительности рабочего дня – 30 минут, указывало на нежелание предпринимателей идти на уступки работникам даже в минутах рабочего времени. Стоит обратить внимание, например, на «11,5 часов», а не «11». А в торговых заведениях продолжительность составляла уже 12 часов, и это, не смотря на принятие закона в более позднее время.

В отношении сверхурочных работ в законе было указано, что обязательными сверхурочными работами служащие могут быть заняты по два часа в сутки в тече-

ние не более сорока дней в году, а также при несчастных случаях, угрожающих товару или торговому помещению. В остальных случаях служащие могут быть заняты сверхурочными работами лишь с их согласия и за особую плату. Торговля не разрешалась по воскресным дням и церковным праздникам. Безусловно, сверхурочные работы не всегда оформлялись документально. Часто рабочий день длился более 12 часов в сутки.

Законом ограничивался возраст работников: служащие обоего пола, не достигшие 17 лет, освобождались ежедневно в будние дни на 3 часа для посещения школы. Определение времени начала и окончания торговли, дальнейшего, против установленных законом норм, сокращения времени торговли (но не ниже девяти часов в будние дни, включая перерыв для принятия пищи), определение условий производства сверхурочных работ возлагался на общественные городские и губернские земские учреждения или заменяющие их установления, а при отсутствии таковых – на губернаторов [3].

Помимо Государственной Думы над законопроектами об улучшении трудовых отношений и рабочего времени работало особое совещание при Министерстве торговли и промышленности под руководством министра Д. А. Философова [4]. До этого проводилось Особое совещание под председательством М. М. Федорова (весна 1906 г.), но оно не оставило законопроектов.

В период с конца 1906 г. и в начале 1907 г. совещание разработало ряд законопроектов: 1) страхование в случае болезни, 2) страхование от несчастных случаев, 3) страхование при инвалидности, 4) сберегательные кассы обеспечения рабочих, 5) правила о найме рабочих, 6) рабочее время, 7) врачебная помощь, 8) меры поощрения строительства здоровых и дешевых жилищ, 9) промысловые суды, 10) фабричная инспекция и фабричные присутствия [4].

Д. А. Филосовов полагал, что проекты должны быть направлены в Государственную Думу. Царское правительство осознавало угрозу дестабилизации политической обстановки в стране, вызванную революционными событиями 1905-1907 гг. Поэтому создание Государственной Думы, специальных правительственных комиссий по вопросам труда и рабочего времени должно было улучшить положение рабочих.

Среди недостатков работы комиссии можно отметить отсутствие законопроекта о рабочих организациях. Этот вопрос регулировался в рамках «Временных правил» от 4 марта 1906 г., в которых указывалось о введении союзов, которые, якобы решали эту проблему. И поэтому законодательное решение вопроса можно было отложить [5].

Правительственный проект о законодательном ограничении рабочего времени с 11,5 до 10,5 часа вызвал жесткое сопротивление владельцев предприятий. Большинство из них придерживались старого, выгодного им правила: отмена всякой нормировки, с тем, чтобы это дело было предоставлено добровольному соглашению между рабочими и работодателями» [4]. Безусловно, при попустительстве органов власти и отсутствии воли к государственному регулированию механизмов рабочего времени и нормирования труда, владельцы предприятий боролись за его самостоятельное регулирование, то есть с использованием локальных нормативных актов. Самостоятельно устанавливая графики труда и рабочего времени на производстве, можно было нивелировать права рабочих, не заботиться об охране труда и страхо-

вании, устанавливать продолжительность рабочего времени по своему усмотрению.

Примером противостояния между правительством и буржуазией может служить диалог представителя правительства В. И. Тимирязева и председателя Московского общества заводчиков и фабрикантов Ю. П. Гужона. Представитель правительства Тимирязев заявлял: «... было бы актом политической мудрости пойти вперед... и сделать шаг к дальнейшему сокращению максимального размера рабочего времени... По всем соображениям, политическим и социальным, необходимо пойти вперед и сократить рабочее время, признав максимумом 10,5 часов». На что Ю. П. Гужон отвечал, что рабочие воображают, что они – хозяева предприятия, и, чтобы не разводить революции, им дают столько работы, сколько они хотят. Они дойдут скоро до того, что будут работать 6 часов, если до этого заводы не обанкротятся... Согласиться... на меньше (чем на 11,5) часов мы совершенно не можем» [4].

Попытки сокращения продолжительности рабочего времени даже на один час вызывали у хозяев предприятий негодование. Они не уступали ни минуты рабочего времени в пользу рабочих. Прибыль и личная выгода были превыше всего, в том числе государственных интересов, несмотря на массовое недовольство и революционные события. Такое же положение касалось регламентации сверхурочных работ, ночного рабочего времени и труда несовершеннолетних лиц.

Вопрос о профессиональных организациях рабочих в комиссии Д.А. Философова не обсуждался. На заседаниях комиссии были обсуждены шесть проектов из десяти. На рассмотрение Думы их внести не удалось. Д.А. Философов умер, а Государственная Дума II созыва была распущена. Так завершился очередной этап дискуссии по рабочему вопросу между правительством и предпринимателями.

В связи с изложенным, на рассмотрение Государственной Думы законопроектов, связанных с регламентацией трудовых отношений не выносилось. Поэтому улучшения положения рабочих, связанного с ограничением рабочего времени не последовало. Основной причиной такого положения было политическое противостояние правительства и нового законодательного органа.

Созданные комиссии работали над законопроектами. Основным оставался аграрный вопрос, по которому каждая фракция представила свой проект. Кроме того, Дума II созыва занималась рассмотрением продовольственного вопроса, принимала Государственный бюджет на 1907 г., призыв в армию, отмену военно-полевых судов и другие.

Итоги работы Государственной Думы II созыва: в парламент было внесено 287 правительственных законопроектов (в том числе бюджет на 1907 г., законопроект о реформе местного суда, ответственности чиновников, аграрной реформе и другие). Дума одобрила только 20 законопроектов. Из них лишь 3 получили силу закона (об установлении контингента новобранцев и два проекта помощи пострадавшим от неурожая).

Выборы в Государственную Думу III созыва проходили осенью 1907 г., ее работа началась 1 ноября 1907 г. Важным итогом деятельности по улучшению фабричного законодательства и социальной сферы рабочего класса стали законы по страхованию рабочих в случаях травматизма, инвалидности, заболеваний, изданные 23 июля 1912 года [6]. На обсуждение законопроект был представлен председателем комиссии Е. Е. Тизенгаузенем. В своей речи он сообщил, что принятие закона носит «пер-

востепенное экономическое, общественное и государственное значение» для решения рабочего вопроса.

Законодательные итоги V сессии (15.10.1911-9.6.1912), в отличие от сессий прошлых созывов имели более комплексные результаты. Были изданы законы о страховании промышленных рабочих. Результаты работы правительства Столыпина и оценка работы совещания изложена в двух документах. Первый – доклад Г.С. Касперовича «Совету съездов представителей промышленности и торговли от 6 июня 1908 г.», второй – «отчет Триполитова Петербургскому обществу заводчиков и фабрикантов от 30 мая 1908 г.» [7].

Особенно подробно Г.С. Касперович остановился на тех изменениях, сделанных совещанием, которые «приобретают особое значение и вместе с тем заслуживают особого внимания». Законопроект о страховании от несчастных случаев, по его мнению, остался таким же, каким его выпустили еще при Д.А. Filosofove. Дело в основном свелось к тщательному редактированию. Законопроект же об обеспечении на случай болезни, наоборот, «представляет значительную разницу» по сравнению с первоначальной редакцией, и прежде всего в том, что он объединяет «два прежних отдельных проекта – страхование от болезни и о врачебной помощи рабочим, причем постановка последнего вопроса радикально изменилась». Изменение это, как видно из дальнейших объяснений, было произведено в пользу промышленников. Согласно проекту, владельцы предприятий должны были давать лишь первоначальную врачебную помощь. Что же касается больничного лечения, «осуществление которого могло бы быть особенно затруднительным для владельцев промышленных предприятий», то предусматривалась лишь их денежная ответственность перед лечебными заведениями в размере действительной стоимости этого лечения.

За период работы Государственной Думы IV созыва было проведено пять сессий: две из них пришлись на довоенный период и три – на период первой мировой войны. Первая сессия продолжалась с 15 ноября 1912 г. по 25 июня 1913 г. (было проведено 81 заседание), вторая – с 15 октября 1913 г. по 14 июня 1914 г. (было проведено 111 заседаний). В период первой и второй сессий в Думу было внесено свыше 2000 законопроектов. Всего же к 9 декабря 1916 г. в Думу было внесено 2625 законопроектов, а рассмотрено 1239 [7].

Конфронтация между партиями и правительством не давала возможности для конструктивной работы по принятию законов. В ходе заседаний Думы это проявлялось в оппозиционных правительству голосованиях, в попытках оппозиции выступать с самостоятельными законодательными инициативами. В марте 1914 г. либеральное крыло Думы предприняло попытку объединения всех прогрессивных сил, включая левых либералов, трудовиков и социал-демократов, чтобы выдвинуть требования реформ, но дальше взаимной информации и временных блоков дело не сдвинулось.

Вступление России 1 августа 1914 г. в войну повлияло на работу Государственной Думы и внутривластную борьбу. В первые два года работы Государственной Думы IV созыва царское правительство сохраняло главенствующее положение, основываясь на использовании интересов помещиков-землевладельцев и буржуазии. Правительство поддерживали два большинства: право-октябристское (283 голоса) и октябристско-кадетское (226 голосов). Но позже положение изменилось в связи с требованием депутатов разъяснений от правительства причин поражения в

войне. С правовой точки зрения наступил момент, когда государственная власть в России должна была отчитаться за социальное, экономическое, политическое положение в государстве. Ведение войны вызвало ослабление самодержавия, что позволило усилить позиции Государственной Думы как органа власти.

В августе 1915 года в рамках Думы был создан «Прогрессивный блок» (межпартийное объединение) для более организованного давления на правительство с целью побудить его вести войну до победного конца и тем самым предотвратить назревающую в стране революцию. Для этой цели депутаты планировали создать новое правительство общественного доверия, изменить методы управления страной [7].

В ответ на создание Прогрессивного блока 3 сентября царь издал указ о закрытии заседаний Думы. В последующих сессиях вопросы рабочего времени не рассматривались.

С учетом изложенного можно сделать выводы, что законодательная деятельность Государственной Думы, как вновь созданного законодательного органа, была ограничена субъективными и объективными причинами. Конфронтация между правительством и Думой не позволяли проводить эффективную работу по вопросам трудовых отношений и рабочего времени. В сфере своих полномочий Дума была ограничена. В итоге основные законы регламентации труда и рабочего времени не подверглись кардинальным изменениям вплоть до октября 1917 года. Кроме того, право пересмотра основных законов не было предоставлено Думе, и оно осталось исключительным правом царя. Непосредственное внесение законопроектов императором могло осуществляться через правительство.

Механизм принятия законов не был полностью урегулирован. Законопроекты, которые должны были дорабатываться в комиссиях, оставались без рассмотрения и в Думу не попадали. Примером может служить законодательная деятельность Государственной Думы I созыва, на рассмотрение которой было внесено 16 правительственных законопроектов и столько же депутатских. Важнейшие законопроекты правительства: о реформе местного суда, усилении судебной ответственности чиновников, расширении крестьянского землевладения и другие. Депутаты Думы, в связи с противодействием правительству, оставили его важнейшие проекты без рассмотрения. Депутатами обсуждались различные идеи улучшения положения рабочих, сокращения рабочего времени, но разработка на их основе законопроектов была затруднительной из-за конфронтации с правительством. Партийно-политическая борьба и фракционные споры также снижали эффективность работы. Поэтому всего два депутатских проекта вышли из комиссий: об отмене смертной казни и об ассигновании 15 миллионов рублей на помощь пострадавшим от неурожая.

Государственная дума II созыва одобрила только 20 законопроектов (о штате аппарата Думы, об ассигновании средств на помощь пострадавшим от неурожая) и отклонила 6 (об усилении наказаний за антиправительственную деятельность). Остальные законопроекты не были рассмотрены (54 не направлялись после доработки). Из 29 проектов, одобренных Думой, только 3 получили силу закона (об установлении контингента новобранцев и 2 проекта о помощи пострадавшим от неурожая). Вопросы трудовых отношений и рабочего времени не рассматривались.

И только результатом деятельности Государственной Думы III созыва по улучшению фабричного законодательства и социальной сферы рабочего класса, стали страховые законы обеспечения рабочих в случаях травматизма и болезней.

Начало первой мировой войны изменило обстановку в Государственной Думе. Партийно-политическая борьба обострилась. Ключевые вопросы трудовых отношений и рабочего времени были отодвинуты на другой план. Ведение войны подрывало экономику России. Самодержавие утрачивало политическое влияние. Перечисленные факторы раскрывали дополнительные возможности законодательных инициатив для Государственной Думы.

Наличие конфронтации политических партий и правительства не давало позитивных изменений в экономическом, политическом и социальном положении в государстве. Крайнее сопротивление крупных предпринимателей решению вопросов рабочего времени способствовало нарастанию недовольства среди рабочих масс, что часто приводило к открытым вооруженным столкновениям.

Нелегальные и полунелегальные политические партии, и группы подрывали основы самодержавия террористическими актами, покушением и убийством чиновников, служащих, полицейских. Что осложняло ситуацию и способствовало напряжению общественно-политической жизни в стране.

Принятые законодательные акты о рабочем времени не исполнялись на предприятиях. Владельцы предприятий, крупные промышленники всячески обходили законы, толковали и применяли их в свою пользу. Увеличение продолжительности рабочего времени, сверхурочные работы, необоснованное увеличение штрафов для рабочих было повсеместным явлением. Небольшой штат фабричной инспекции не позволял контролировать положение дел на каждом предприятии.

Часто нормы фабричного законодательства в связи с неясным толкованием имели двоякое значение, что позволяло фабрикантам в ряде случаев легко обойти закон. Предприниматели также нередко добивались возможности применения закона в урезанном виде по решению различных инстанций в тех случаях, когда это «оказывалось нужным». Мотивировочным фактором в таких случаях являлось наличие технических особенностей предприятий, замкнутый производственный цикл и другие. Чаще всего это касалось сверхурочных работ, ночного труда, привлечения труда малолетних и женщин.

Ответственность владельцев предприятий за неисполнение законов о труде, нарушения прав рабочих, была символической и часто не отвечала характеру незаконных действий предпринимателей.

Фабричное законодательство, с учетом территориальной ограниченности, распространялись только на рабочих частных и акционерных фабрик и заводов. Под определение фабрик и заводов попадали промышленные заведения, на которых работало не менее определенного количества людей или использовались двигатели. Поэтому условия труда на множестве мелких, «ремесленных» и «кустарных» предприятий оставались вне фабричных законов. Тем более фабричное законодательство того периода не могло рассматриваться в качестве общего трудового законодательства. Не подпадал под нормы фабричного законодательства труд строительных рабочих и наемных сельскохозяйственных рабочих, лишь частично затрагивался труд транспортных рабочих. Частично фабричным законам подчинялась горная и горно-заводская промышленность – закон 03.06.1886 г. был распространен на частные

горные заводы и промыслы в 1892 г., а закон 02.06.1903 г. вводился в горнозаводской промышленности одновременно с фабрично-заводской [8].

Все казенные фабрики и заводы находились вне действия большинства фабричных законов, а труд на них регулировался постановлениями тех ведомств, в которых они числились. В большинстве случаев государственные ведомства опережали фабричное законодательство. Так, значительно опередили практику в частной и акционерной промышленности «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих» для исполнения казенных, общественных или государственных работ, принятые вскоре после отмены крепостного права, 31.03.1861 г. [8]. Правила на отдельных ведомственных заводах также существенно опережали общее законодательство.

Поэтому, фабричное законодательство принималось с большим трудом. Своевременные и дальновидные идеи о необходимости принятия фабричных законов наталкивались на упорное сопротивление, как промышленников, так и представителей правительства, и от проектов законов до их реализации проходили годы.

Однако даже наличие несовершенного фабричного законодательства о труде и рабочем времени, имело важное значение, поскольку показывало необходимость законодательной регламентации трудовых отношений в промышленном секторе, торговых и других предприятиях, улучшать права рабочих и ограждать их от произвола владельцев предприятий.

Список литературы

1. Закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собр. 3-е. 1900. Т. XVII, № 14231. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 26.09.2018)
2. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция / АН СССР. Ин-т истории СССР. Санкт-Петербургское отд-ние. - СПб. : Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – 221 с.
3. Лазаревский Н. И. Законодательные акты переходного времени: 1904-1908 гг. СПб., 1909. – 224 с.
4. Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности шталмейстера Д.А. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству. СПб., 1907. – 355 с.
5. Именной высочайший указ правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» // URL: http://constitution.garant.ru/DOC_5206.htm (Дата обращения: 26.09.2018)
6. О страховых проектах // СПб.: Прямой путь, 1912. – № 2. – 421 с.
7. Демин В.А. Государственная дума России (1906-1917): механизм функционирования. М.: Норма, 1996. – 348 с.
8. Устав о промышленном труде с правилами и разъяснениями. Свод законов Российской империи (серия историческое законодательство). Т. XI. Ч.2 / Сост. В.В. Громан. – СПб., 1999. – 630 с.

Starostin V.A. Legislative Acts on Working Time in the Activities of the State Duma and Government Commissions in Russia in the 1906-1915 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 69-77.

The article examines the activities of the State Duma and government commissions in Russia during the period 1906-1915. On the enactment of bills, legislation on labour and working time. In the light of the study, it was established that Labour and working time standards adopted at the 19th-20th century and had an anti-working character. Mass unrest of workers created socio-political prerequisites for the revolutionary events of 1905-1907. Therefore, the first step for democratization of society was the creation of a new body of legislative power – the State Duma. The State Duma formation should prevent the development of revolutionary movement. The manifest of the establishment the new elective highest legislative institution which was named

the State Duma was promulgated on August 6, 1905. The bills of improving labour relations and working hours were considered in Government commissions too.

Key words: the labour exploitation, working conditions, working hours, labour relations and the legal status of worker's.

Spisok literatury

1. Zakon ot 2 ijunja 1897 g. «O prodolzhitel'nosti i raspredelenii rabocheho vremeni v zavedenijah fabrično-zavodskoj promyshlennosti» [Law of June 2, 1897 "About Duration and Distribution of the Working Time in Establishments of Factory Industry"]// PSZ RI. C. 3-e. 1900. P. XVII, № 14231.
URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Accessed: 26 October 2018)
2. Ganelin R.Sh. Rossijskoe samodержavie v 1905 godu. Reformy i revoljucija / [Russian Autocracy in 1905. Reforms and Revolution]. AN SSSR. In-t istorii SSSR. Sankt-Peterburgskoe otd-nie. - Spb. : Nauka. S.-Peterburgskoe otd-nie, 1991. – 221p.
3. Lazarevskij N. I. Zakonodatel'nye akty perehodnogo vremeni: 1904-1908 gg. [Legislative Acts of Transitional Time: 1904-1908.] SPb., 1909. – 224 p.
4. Stenograficheskij otchet Osobogo soveshhanija pri Ministerstve trgovli i promyshlennosti pod predsedatel'stvom ministra trgovli i promyshlennosti shtalmejstera D.A. Filosofova dlja obsuzhdenija zakonoproektov po rabochemu zakonodatel'stvu [Verbatim Report of the Special Meeting of the Ministry of Trade and Industry under the Chairmanship of the Minister of Trade and Industry of the Stalmeister D.A. Filosofova to Discuss Draft Laws on Working Legislation] SPb., 1907. – 355 p.
5. Imennoj vysochajshij ukaz pravitel'stvujushhemu senatu ot 4 marta 1906 g. «O vremennyh pravilah ob obshhestvah i sojuzah» [Nominal Highest Decree of the Senate of March 4, 1906 "About the Provisional Rules on Societies and Unions"].
URL: http://constitution.garant.ru/DOC_5206.htm (Accessed: 26 October 2018)
6. O strahovyh proektah [About Insurance Projects] SPb., Prjamoj put'. – 1912. – № 2. 421– p.
7. Demin V.A. Gosudarstvennaja duma Rossii (1906-1917): mehanizm funkcionirovanija [State Duma of Russia (1906-1917): Mechanism of Functioning]. M.: Norma, 1996. – 348 p.
8. Ustav o promyshlennom trude s pravilami i razjasnenijami. Svod zakonov Rossijskoj imperii (serija istoricheskoe zakonodatel'stvo) [Charter on Industrial labor with Rules and Explanations. The Code of Laws of the Russian Empire (Series of Historical Legislation)]. T. H1. Ch.2 / Sost. V.V. Groman. – SPb., 1999. – 630 p.

УДК 340.12

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ УЧЕНИЯ О ПРАВОТОЛКОВАНИИ В НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ XIX В.

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается эволюция представлений о правотолковании в немецкой правовой доктрине в XIX в. Проанализированы труды представителей различных направлений немецкой юриспруденции, в частности: исторической школы права, юриспруденции понятий, юриспруденции интересов и неокантианства. Также уделено внимание и научной литературе на русском и английском языке по данному вопросу. Обозначены основные тезисы различных школ права по вопросу правопонимания и правотолкования, а также рассмотрены основные методологические установки и приемы толкования. Указывается на имеющиеся противоречия между различными правовыми направлениями, в особенности между юриспруденцией понятий и юриспруденцией интересов. В заключении автор высоко оценивает немецкую юриспруденцию XIX в. за ее огромный вклад в развитие учения о правотолковании и обозначает взаимосвязь немецкой правовой доктрины с современными европейскими представлениями на интерпретационную деятельность судьи.

Ключевые слова: правотолкование, историческая школа права, юриспруденция понятий, юриспруденция интересов, неокантианство, Германия, доктрина права

Немецкая юриспруденция и философия права начиная с XVIII в. оказывали большое влияние на развитие всей европейской правовой науки. Наверное, будет трудно переоценить то влияние, которое И. Кант оказал на европейскую юриспруденцию в XVIII в., точно так же невозможно недооценивать влияние Ф. Савиньи, Г. Пухты, Б. Виндшейда, Р. Иеринга, Р. Штамллера и др. немецких юристов XIX в. на европейскую юриспруденцию в целом. Целью настоящей статьи является рассмотрение эволюции взглядов на правотолкование в немецкой правовой доктрине на основании трудов наиболее выдающихся юристов XIX в. Изучение вопроса предполагает исследование не только методологии правотолкования, но и места учения о правотолковании в системе той или иной правовой концепции, что позволит более всесторонне проанализировать развитие подходов к правотолкованию в немецкой правовой доктрине, а также выявить взаимосвязь современных представлений о правотолковании с идеями, высказываемыми немецкими правоведами в XIX в.

Важнейшей фигурой немецкой юриспруденции XIX в., безусловно, является Ф. Савиньи – основатель исторической школы права, которая обозначила научную парадигму немецкой юриспруденции почти на целое столетие. Юридическая наука XIX в. не просто находилась под сильным влиянием исторической школы права и пандектистики, она представляла собой дискуссию вокруг тех идей, которые выдвинул Ф. Савиньи и его последователи.

Отвергая присущий эпохе Просвещения взгляд на право, как на самостоятельный результат конкретной исторической эпохи, представители исторической школы права, напротив, пытались соединить действующее настоящее право со старым [1, с. 297–298]. Подобно языку, религии, морали, обычаю и другим аспектам чело-

веческого бытия, право объявлялось по своему устройству изначальным атрибутом человека, а по своему развитию – продуктом истории. При этом, идея права, по мнению представителей исторической школы права, воплощается не в одном абстрактном мировом праве, а в конкретных правовых образованиях человеческих сообществ, прежде всего в нации [2, с. 18].

Центральное место в исторической теории права занимает «Народный дух» (Volksgeist), под которым понималась исторически обусловленная правовая идейная традиция и который признавался творцом права. Сначала он существует в правовом обычае – древнейшей форме права, а затем продолжает свое существование в научном праве и в законодательстве.

Как верно отметил В. Нерсесянц, намерение превзойти понимание права как произвольной людской выдумки, застывшего неизменного постулата природы и дать трактовку правовых институтов как закономерного исторического продукта общественной жизни заслуживает всяческого одобрения. Однако тут же он критикует историческую школу права за то, что в основу развития права она ставит метафизическое понятие Народного духа, которое предвосхищает последующее развитие права [3, с. 413–415]. И тут следует согласиться с мнением Э. Аннерса, что «...Савиньи – как в свое время Гроций – личность переходного периода; его «ноги» – в разных лагерях» [1, с. 300].

Тоже можно сказать и про подход Ф. Савиньи к толкованию права, оно для него является искусством, которое невозможно передать или приобрести через правила [4, с. 389]. При чем под собственно толкованием ученый понимал лишь доктринальное толкование, т. е. свободную или научную деятельность. Легальное же толкование, по мнению Ф. Савиньи, является по своей сути созданием новой правовой нормы и не может считаться толкованием в том смысле, в каком его понимает ученый. Подобных взглядов придерживались и другие представители исторической школы права, например Г. Пухта [5, с. 47] и Б. Виндшейд [6, с. 47–48].

Основное внимание Ф. Савиньи сосредоточил на вопросе толкования законов, под которым понимал деятельность, направленную на «осознание истины закона». Вторя своему учителю Г. Пухта утверждал, что толкование – это «деятельность направленная на открытие и уяснение разума закона... Эта деятельность имеет характер заимствования: она прямо направлена на простое усвоение того правила, которое хотел выразить законодатель в разъясняемом законе» [5, с. 46]. Толкователь должен был мысленно ставить себя «на место законодателя и искусственно воспроизводить в себе его деятельность» [4, с. 390]. Такой подход к толкованию законов получил в немецкой правовой доктрине название «субъективной» концепции толкования.

Тут важно отметить, что сам Ф. Савиньи различал содержание закона, выражавшее волю законодателя, и основание закона (ratio legis). Если первое являлось предметом толкования, то второе, по мнению ученого, выходит за его рамки [4, с. 392–393]. Исторически под ratio legis понимали либо высшую правовую норму, то есть высшую справедливость (aequitas), либо цель закона [7, р. 96–99]. Познание основания закона в предыдущие века широко применялось при толковании законов и правовых норм и составляло сущность так называемого телеологического подхода к толкованию, при этом Ф. Савиньи указывает на большую опасность применения основания закона при его толковании и признает такой способ по общему правилу

недопустимым, а если толкователь вынужден к нему прибегнуть для истолкования неопределенного выражения в тексте закона, то применение такого способа должно зависеть от степени достоверности основания и от степени его родства с содержанием.

Процесс толкования Ф. Савиньи раскладывал на четыре элемента: грамматический, логический, исторический и систематический. В концепции ученого эти элементы не являлись отдельными видами толкования, а лишь составными элементами единого метода толкования, которые толкователь должен был использовать в совокупности, чтобы познать истину закона [4, с. 390–392]. При этом следует немного подробнее остановиться на двух последних элементах.

Исторический элемент состоял в уяснение того нового, что было добавлено в право посредством толкуемого закона, необходимо было установить правовое состояние, существовавшее в момент принятия толкуемого закона и понять, как закон это правовое состояние изменил. Систематический элемент должен был отобразить связи толкуемого закона со всей системой права. Так как законодатель представлял себе исторический элемент и связь закона со всей системой права, то и толкователь, уяснив исторические обстоятельства и логические связи закона, сможет понять его истину [4, с. 391].

Нетрудно заметить, что подход Ф. Савиньи к толкованию балансирует на грани между собственно толкованием и правотворческой деятельностью. Ученый выделяет два случая неудовлетворительных законов, которые могут вызывать сомнения при их толковании: неопределенность выражения и неправильность выражения (когда текст закона не соответствует его истинной идеи). Относительно второго вида толкования Ф. Савиньи допускал ограничительное и расширительное толкования, при чем такая деятельность будет толкованием лишь в том случае, если она направлена «на приведение в соответствие выражения с истинной мыслью закона» [4, с. 401].

Ученый также предлагает три вспомогательных средства для разрешения таких случаев: внутренняя взаимосвязь законодательства, связь закона с его основанием и внутренняя ценность закона. Первое средство, которое должно базироваться на системном подходе к законодательству, Ф. Савиньи дополняет требованием о том, что законы, используемые для толкования неясного законодательного положения, должны «стоять перед глазами» законодателя и «дополнять его мысль». Второе средство опять отсылает нас к телеологическому толкованию, при чем даже при отсутствии «родственного основания» закона, ученый допускал использование общего основания (*aequitas*). Третье средство состояло в поиске наиболее целесообразного и разумного толкования из вариантов, полученных предыдущими средствами. Следует отметить, что эти средства необходимо было использовать последовательно. Таким образом, последующее средство применялось только в том случае, если текущее средство толкования не давало удовлетворительного результата [4, с. 400–406].

Проиллюстрированные выше воззрения Ф. Савиньи на толкование законов еще раз подтверждают его непоследовательность и переходный характер учения. Попытку добавить учению Ф. Савиньи научной точности предприняли Г. Пухта, Б. Виндшейд и другие пандектисты. Они в вопросе правотолкования придерживались взглядов Ф. Савиньи, за редкими исключениями. Например, Г. Пухта вовсе

исключал расширительное и ограничительное толкование, а Б. Виндшейд хоть и признавал расширительное и ограничительное толкование, полностью исключал изменительное толкование, хотя, как и Ф. Савиньи, допускал неправильность выражений в законе [6, с. 52–53]. Однако эти незначительные отличия не мешают нам говорить о том, что представители исторической школы права придерживались субъективной концепции правотолкования, а их воззрения на деятельность по толкованию права в теоретическом плане были близки.

В произведение «Смешное и серьёзное в юриспруденции» Р. Иеринг применил к деятельности Г. Пухты и многих других немецких ученых-теоретиков термин «юриспруденция понятий» (*Begriffsjurisprudenz*), который в современной правовой науке Германии понимается в двух значениях: во-первых, ограниченность права системой законодательства, которая не берет в расчет особенности юридической практики, особенно социальных и индивидуальных особенностей дела; во-вторых, слепая вера в неизменную концептуальность кодифицированного законодательства – вера, вызванная в основном общей научной парадигмой XIX в, ориентированной на естественные науки. Идеи, высказываемые концептуалистами, во многом предвосхищали фундаментальные положения позитивизма Г. Кельзена [8, р. 462–463].

Однако термин юриспруденция понятий вовсе не согласуется с воззрениями Г. Пухты на право, ведь не стоит забывать, что именно он ввел в научный обиход термин Народный дух, также он полностью разделял воззрения Ф. Савиньи на природу права. Термин юриспруденция понятий относится лишь к догматическому исследованию права, которое концептуалисты отделили от его исторического исследования [9, с. 125–126]. Юриспруденция понятий возвела формально-догматический метод работы с правовым материалом на совершенно новый уровень.

Правовые понятия и их обработка занимали центральное место в юриспруденции понятий. Тут следует уточнить, что предметом исследований немецких правоведов в основном выступало римское право, которому ученые пандектисты попытались придать стройную форму. Как высказывался Д. Рене: «В тот период, когда французские юристы занимались толкованием своих кодексов, немецкие юристы продолжали работы университетов над текстами римского права» [10, с. 54].

Научная обработка древнеримских юридических текстов состояла не только в их толковании или, как выразился бы Б. Виндшейд и Р. Иеринг, в низшей юриспруденции, но и в высшей юриспруденции, которая состояла в формировании упорядоченной системы правовых институтов и положений [11, с. 65]. Основным элементом этой системы были понятия, а основными приемами юридической техники выступал юридический анализ, логическая концентрация и юридическая конструкция. Краткое описание этого инструментария можно найти у Б. Виндшейда, более подробно его описывает Р. Иеринг [6, с. 55–57; 11, с. 33–105].

Среди средств достижения простоты работы с правом Р. Иеринг называет систематическое расположение материала, чем и занимались немецкие юристы в XIX в., а центральное звено этой классификации занимали понятия. Как выразался Р. Иеринг: «...систематическая классификация является родословным деревом понятий» [11, с. 29]. Р. Иеринг выделяет самостоятельные и несамостоятельные понятия. Самостоятельные понятия – это те, которые могут «...без содействия каких-нибудь

других понятий принять конкретную форму... <...> ...элементы самостоятельные касаются всегда лишь какого-нибудь специального отношения, они ограничены в пространстве, локализованы» [11, с. 46–47], например, договор купли-продажи, сервитут. Несамостоятельные понятия «...наоборот, достигают своего осуществления только в понятиях первого рода... <...> ...обладают гораздо большей применимостью, так как они не прикованы к какому-нибудь отдельному отношению» [11, с. 47], например, ошибка или недействительность.

Несамостоятельные, абстрактные понятия выводятся из самостоятельных путем выявления общих начал при изучении отдельных правоположений. Такой мыслительный процесс, по мнению Р. Иеринга, содержит в себе применение аналитического метода, хотя, безусловно, тут также присутствуют индуктивные умозаключения. Также аналитический метод должен был применяться и в судах, например, когда речь идет о составных правоотношениях. Здесь первоначальная задача судьи – разложить правоотношение на составные части. При этом ученый сравнивает процесс по принятию судебного решения с чтением, и если во втором случае для понимания используются буквы, то в первом – понятия [11, с. 48].

Логическая концентрация в свою очередь является, как утверждал Р. Иеринг, приемом противоположным юридическому анализу и состоит в поиске в массиве правовых положений общих правовых принципов. Р. Иеринг говорит об этом приеме как о «сжатии внешнего объема той массы правового материала, который создало положительное право» [11, с. 57]. Пример использования этого приема мы можем найти у Б. Виндшейда. Из двух постановлений SC. Velleianum, которые гласят, что необязательно поручительство женщины за другого и не обязательен заем, заключенный женщиной для другого, выводится общий принцип: необязательно не только формальное, но и материальное обязательство, заключенное женщиной для другого [6, с. 53].

Если два предыдущих приема в понимании Р. Иеринга относились к толкованию, низшей юриспруденции, то юридическая конструкция была средством высшей юриспруденции. Б. Виндшейд дает следующее определение этому методу: «Возведение правоотношений к лежащим в его основании понятиям называется конструкцией его» [6, с. 57]. Рассматривая право, как цельную логическую систему идей, независимо от вызвавших его к жизни потребностей, и обращая внимание по преимуществу на практическую осуществимость этих идей, то есть средства и способы установления, видоизменения, прекращения и защиты прав, юрист-догматик старается разложить сложные юридические явления на простейшие составные их части. Результатом такого изучения являются обычно некоторые постоянные группы сочетаний субъектов, объектов и способов установления, прекращения и защиты юридических отношений, которые, в свою очередь, поддаются дальнейшим обобщениям или, во всяком случае, расположению в системе подчиненных, соподчиненных и соотносительных понятий [12, с. 88–89]. Таким образом, решение конкретного юридического дела судьей должно зависеть от «полного уразумения юридических понятий» [6, с. 56].

Г. Пухта умело соединил юриспруденцию понятий с концепцией Народного духа. Если по представлению концептуалистов правовые положения понимаются в их системной взаимосвязи, как юридические тела, которые обуславливают и порождают друг друга, основывающиеся на внутренних принципах, в которых, в свою оче-

редь, содержится «зародыш» последующего развития права, то деятельность юриста состоит в раскрытии правовых положений, которые скрываются в Народном духе. «Юристами совместно выражается всеобщее народное убеждение», – утверждал Г. Пухта [5, с. 51–52].

Как мы видим, правовая доктрина выступала третьим источником права, так как именно она способна при помощи научной дедукции раскрыть скрытые до тех пор положения права. Можно выдвинуть предположение, что одной из целей концепции Народного духа было обоснование роли юристов в правотворчестве и правоприменении, так как во в. п. XVIII – п. п. XIX вв., во время разработки и принятия первых кодифицированных актов, законодателями производились попытки ограничить роль научного права в правоприменительной деятельности судей. Например, разработчики Прусского земского уложения планировали включить в его текст норму об уголовной ответственности за искажение текста закона научными комментариями. Но в итоговой редакции законодатель смягчил позицию и предписал судам впредь игнорировать научную литературу при отправлении правосудия [13, с. 162].

Стоит отметить, что позиции исторической школы права к к. XIX в. уже не были столь незыблемы. В к. XIX в. критике начала подвергаться субъективная теория правотолкования, например, К. Биндинг понимал правовую систему как «объективную силу», а правотолкование как деятельность, основанную не на «воле законодателя, но на «воле права», которая «находит свою выразительность в правовых положениях, являющихся частью целой системы права» (Op. cit.: [8, р. 466]). Более лаконично в XX в. выскажется Г. Радбрух: «Воля законодателя совпадает с волей закона» [14, с. 128].

Также, как было сказано ранее, юриспруденция понятий была раскритикована Р. Иерингом. При этом, мы можем с уверенностью сказать, что направлена она была не против юридической техники, а против возведения чисто теоретических разработок в абсолют. В произведении «Юридическая техника» Р. Иеринг предъявляет к юридической конструкции требование о «совпадении с положительным материалом» [11, с. 82], то есть любая юридическая конструкция должна основываться на положительном праве. А в произведении «Смешное и серьезное в юриспруденции» Р. Иеринг критикует современных ему юристов за создание юридических конструкций абсолютно не пригодных к применению на практике. Он отмечает: «Подчеркивание того, сколь велико значение формально-технической стороны права, юридической техники, полностью уживается с сознанием того, что конечной целью юриспруденции и всех теоретико-догматических исследований является практика» [15, с. 120-121]. Сохраняя за научным правом высокую роль в дальнейшем развитии права, Р. Иеринг ограничивает его правовым материалом, требованием простоты и практичности, а также целью общего блага.

Р. Иеринг, будучи первоначально ярым сторонником пандектистов и исторической школы права, в работе «Дух римского права на различных ступенях его развития» выявил связь права с Народным духом, однако не остановился на этом, «вместо расплывчатого «стремления» он поставил целенаправленную «волю» в качестве движущей силы права» [14, с. 34]. В его концепции право является результатом борьбы интересов. Идея о том, что в основе права лежит интерес, была воспринята и адаптирована для целей правотолкования, например, Э. Штампе и Ф. Хек еще в к. XIX в. предлагали использовать метод взвешивания интересов для разрешения

правовых споров в суде [16, с. 62–69]. Кроме того, «Юриспруденция интересов» Р. Иеринга оказала значительное влияние на развитие юриспруденции в п. п. XX в., так как он один из первых подверг сомнению тезис о внутренней самодостаточности и замкнутости системы права. Его влияние на немецкую юриспруденцию можно заметить в работах представителей движения свободного права, которое охватила немецкую юриспруденцию н. XIX в.

Также важный вклад в формирование новых правовых концепций в к. XX – н. XX в. внес Р. Штаммлер. Несмотря на то, что концепция Р. Штаммлера о «естественном праве с меняющимся содержанием» сыграла значительную роль в процессе «возрождения» естественного права и обновления естественно-правовых исследований в XX в. [17, с. 734–735], сам он был защитником формально-логического изучения права, независимого от политических или нравственных тенденций [18, с. 868–870]. Он не согласился с критикой Р. Иеринга в адрес пандектистов и посчитал, что она вызвана неверным предположением, что «содержание» права и его «понятие» суть две совершенно различные вещи, существующие совершенно самостоятельно» [19, с. 126–127].

Однако, по мнению Г. Радбруха, заслуга Р. Штаммлера состоит в том, что он предпринял новую попытку обосновать философию права с помощью кантианского дуалистического метода и допустил равноправное сосуществование принципов правовой ценности и правовой действительности [14, с. 36]. Однако «справедливое право» Р. Штаммлера выступает лишь в качестве формального метода оценки любого положительного права. Судьей этот метод применяется лишь когда его к нему отсылает сам законодатель, например, в выражениях «свободное усмотрение судьи», «справедливость», «добрые нравы» и пр. [16, с. 75–78] Несмотря на то, что Р. Штаммлер отстаивал логический примат права как «регулирующей формы» по отношению к социальным реалиям, его учение о справедливом праве оказало значительное влияние на школу свободного права, а также на дальнейшее развитие философии права.

Возвращаясь к критике концептуалистов, стоит отметить, что несмотря на приверженность представителей исторической школы права юриспруденции понятий при работе с правовым материалом, они не отказывались от связи права с другими социальными нормами и социальным контекстом. А. Кауфман и В. Хассемер видят эту связь в тезисе Ф. Савиньи и Г. Пухты, что основанием позитивного права является народное сознание (Op. cit.: [8, р. 467]). С такой аргументацией сложно согласиться, учитывая то, что под народным сознанием представители исторической школы права понимали не социальный контекст конкретного исторического периода, а историческую традицию, присущую конкретному народу, которая и определяет характер позитивного права. При этом идею об учете социального контекста в учении представителей субъективной теории толкования мы однозначна поддерживаем, хотя и с применением другой аргументации.

Для поддержки нашего мнения приведем цитату из учебника Г. Пухты «Курс римского гражданского права»: «Впрочем право не может, без опасения за собственную самостоятельность, оказывать помощь никакому направлению, враждебному нравственности и христианству; оно не должно опускаться до пособничества безнравственности; поэтому не может быть юридически оправдано и защищено деяние, представляющееся противонравственным. Тем менее, конечно, может само

право предписывать что-либо безнравственное и противорелигиозное. Но с другой стороны право, равнодушно относящееся к правилам нравственности и религии и изолирующееся, будет мертвым, непригодным для действительной жизни и неразумным отвлечением» [5, с. 62].

Также не стоит забывать, что Ф. Савиньи, Г. Пухта и Б. Виндшейд допускали толкование на основе общего основания, то есть на основании представлений о справедливости, а в случае сомнений между несколькими выводами из толкования, выбор должен отдаваться в пользу менее строго мнения. Стоит привести мнение К. Ларенца, который на основании учения Б. Виндшейда делает вывод, что толкование с учетом «действительного мнения законодателя» подразумевает под собой ничего более чем исправление законодательной воли в соответствии с требованием разумного или приемлемого значения правового положения [8, р. 466].

Как мы видим, в теоретических воззрениях немецких правоведов XIX в. не было столь большой конфронтации взглядов. Однако проблема абсолютизации формально-догматического метода в интерпретационной деятельности судей все-таки существовала. Лучше всего ее проиллюстрировал Э. Фукс, он дает подробный разбор ряда решений имперского суда и наглядно показывает до какой абсурдности может привести слепое следование догме права [16, с. 49-56]. Кроме того, поставленные Р. Иерингом и Р. Штаммлером теоретические и философские правовые проблемы требовали дальнейшей разработки и решения.

При этом немецкая юриспруденция XIX в. внесла значительный вклад в развитие учения о правотолковании. Ф. Савиньи привнес системный аспект в метод правотолкования, а Г. Пухта, Б. Виндшейд и Р. Иеринг усовершенствовали формально-догматический метод работы с правовым материалом. Идеи юриспруденции интересов оказали большое влияние на возрождение и переосмысление естественно-правовых концепций в XX в. Предложенный Э. Штампе и Ф. Хеком метод взвешивания интересов до сих пор используется на практике, например, Европейский суд Справедливости и Европейский суд по правам человека часто оперируют категорией интереса и в определенных случаях допускают отступление от формально-догматического толкования¹.

Список литературы

1. Аннерс Э. История европейского права. – М., 1994. – 397 с.
2. Гирке О. Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф.К. Система современного римского права. – М., 2011. – Т. 1. – С. 15-35.
3. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. – М., 1998. – 736 с.
4. Савиньи Ф. К. Система современного римского права. – М., 2011. – Т. 1. – 510 с.
5. Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. – М., 1874. – Т. 1. – 562 с.
6. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Общая часть. – СПб., 1874. – Т. 1. – 375 с.
7. Schröder J. The Concept and Means of Legal Interpretation in the 18th Century // Morigiwa Y., Stolleis M., Halperin J.-L. ed. Interpretation of Law in the Age of Enlightenment: From the Rule of the King to the Rule of Law. – 2011. – P. 91-105.
8. Kaufman A., Hassemer W. Enacted Law and Judicial Decision in German Jurisprudential Thought // University of Toronto Law Journal. – 1969. – Vol. 4 – P. 462-486.

¹ См., например: Дело «Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (АЕРД) и Марио Костехи Гонсалеса» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека : российское издание. М., 2015. № 2 (152). С. 124-139. ; Judgment by the European Court of Human Rights (Third Section), case of von Hannover v. Germany, Application no. 59320/00 of 24 June 2004, ECHR 2004-VI.

9. Михайлов А. М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции: XII-XIX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 203 с.
10. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности – М., 1999. – 279 с.
11. Иеринг Р. Юридическая техника. – СПб., 1905. – 105 с.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1895. – Т. 16. – 480 с.
13. Полдников Д. Ю. Нормативное значение научной доктрины и развитие частного права в германских землях до принятия германского гражданского уложения // Вестник КГУ. – 2012. – № 3. – С. 158-164.
14. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004. – 240 с.
15. Иеринг Р. Смешное и серьезное в юриспруденции // Иеринг Р. Юридическая техника. – М., 2008. – С. 114-229.
16. Завадский А. В. К учению о толковании гражданских законов. Новейшие течения по этому вопросу в немецкой литературе (школы свободного права и др.). – Казань, 1916. – 223 с.
17. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений. – М., 2004. – 944 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1903. – Т. 39а. – 960 с.
19. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. – М., 1908. – 166 с.

Strunskiy A. D. The main trends in development of studies of law interpretation in the German legal doctrine of the XIX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 78-86.

The evolution of the concepts of legal interpretation in the German legal doctrine in the XIX century is considered. The works of representatives of various schools of German jurisprudence, in particular, the historical school of law, jurisprudence of concepts, jurisprudence of interests and neo-Kantianism are analyzed. The scientific literature on Russian and English languages is also examined. The main theses of various law schools on the issue of legal understanding and legal interpretation are identified, and the main methodological guidelines and methods of interpretation are examined. It points out the existing contradictions between various legal schools, especially between the jurisprudence of concepts and the jurisprudence of interests. In conclusion, the author highly appreciates the German jurisprudence of the XIX century for its great contribution to the development of the doctrine of legal interpretation and denotes the interconnection between German legal doctrine and the modern European concepts about interpretative activity of the judge.

Key words: legal interpretation, historical school of law, jurisprudence of concepts, jurisprudence of interests, neo-Kantianism, Germany, doctrine of law

Spisok literatury

1. Anners E. Istorija evropejskogo prava. – М., 1994. – 397 с.
2. Girke O. Estestvennoe pravo i nemeckoe pravo // Savin'i F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М., 2011. – Т. 1. – С. 15-35.
3. Nersesjanc V. S. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij. – М., 1998. – 736 с.
4. Savin'i F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava. – М., 2011. – Т. 1. – 510 с.
5. Puhta G. F. Kurs rimskogo grazhdanskogo prava. – М., 1874. – Т. 1. – 562 с.
6. Vindshejd B. Uchebnik pandektnogo prava. Obshhaja chast'. – SPb., 1874. – Т. 1. – 375 с.
7. Schröder J. The Concept and Means of Legal Interpretation in the 18th Century // Morigiwa Y., Stolleis M., Halperin J.-L. ed. Interpretation of Law in the Age of Enlightenment: From the Rule of the King to the Rule of Law. – 2011. – P. 91-105.
8. Kaufman A., Hassemer W. Enacted Law and Judicial Decision in German Jurisprudential Thought // University of Toronto Law Journal. – 1969. – Vol. 4 – P. 462-486.
9. Mihajlov A. M. Formirovanie i jevoljucija idej juridicheskoy dogmatiki v romano-germanskoj tradicii: XII - XIX vv. : dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2012. – 203 с.
10. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti – М., 1999. – 279 с.
11. Iering R. Juridicheskaja tehnika. – СПб., 1905. – 105 с.
12. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. – SPb., 1895. – Т. 16. – 480 с.
13. Poldnikov D. Ju. Normativnoe znachenie nauchnoj doktriny i razvitie chastnogo prava v germanskikh zemljah do prinjatija germanskogo grazhdanskogo ulozhenija // Vestnik KGU. – 2012. – № 3. – С. 158-164.
14. Radbruh G. Filosofija prava. – М., 2004. – 240 с.
15. Iering R. Smeshnoe i ser'eznoe v jurisprudencii // Iering R. Juridicheskaja tehnika. – М., 2008. – С. 114-229.
16. Zavadskij A. V. K ucheniju o tolkovanii grazhdanskikh zakonov. Novejschie techenija po jetomu voprosu v nemeckoj literature (shkoly svobodnogo prava i dr.). – Kazan', 1916. – 223 с.
17. Nersesjanc V. S. Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij. – М., 2004. – 944 с.
18. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. – SPb., 1903. – Т. 39а. – 960 с.
19. Shtammmler R. Sushhnost' i zadachi prava i pravovedenija. – М., 1908. – 166 с.

УДК 347.97/.99

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

Хутько Т. В.

*Крымский филиал (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»*

В статье исследуется процесс модернизации судебной системы Таврической губернии в период кардинальных преобразований российской судебной системы второй половины XIX века. Проведено комплексное исследование и правовой анализ исторического опыта реформирования судебной системы в Крыму в соответствии с Судебными уставами 1864 г. Показаны тенденции общероссийской государственной политики в сфере судостроительства в Таврической губернии, обосновано, что процесс воплощения их на практике имел свои особенности, обусловленные социально-экономическим, географическим, этническим своеобразием края. Особое внимание уделено системе и структуре судебных органов Таврической губернии, их нормативно-правовому, кадровому обеспечению, финансированию, особенностям комплектования и кадровому составу, общественному восприятию судебных преобразований. Сделан вывод о том, что в процессе реформирования судебной системы Таврической губернии принимались меры правового и организационного характера, призванные обеспечить безостановочное осуществление правосудия в Крыму. Предложено использовать результаты исследования для дальнейшей разработки актуальных проблем истории государства и права России в процессе реформирования современных органов судебной власти РФ, Республики Крым.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г., органы судебной власти, судебная система, судебные органы, Судебные уставы 1864 г., окружной суд, мировой судья, мировая юстиция, Таврическая губерния.

С момента вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации на повестке дня остро встал вопрос институционально-правовых основ модернизации судебной системы Крыма. В соответствии со статьей 1 Конституции Российской Федерации Россия является правовым государством [1]. Одной из основополагающих характеристик правового государства есть самостоятельная, независимая судебная власть, основное предназначение которой заключается в эффективном обеспечении защиты гарантий прав граждан. Система судебных органов Республики Крым находится в процессе трансформации. Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью изучения историко-правового опыта реформирования судебной системы в Таврической губернии во второй половине XIX века в целях обеспечения должного правового регулирования вопросов повышения качества правосудия, эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечения доступности и открытости правосудия, повышение авторитета судебной власти в Российской Федерации и Республике Крым в частности. Проведенное исследование имеет особый научный интерес, так как вследствие буржуазных реформ второй половины XIX века в государственно-правовом развитии российского государства и общества произошли существенные кардинальные изменения, выжившие страну на новый де-

мократический путь развития, а в Таврической губернии привели к росту национально-культурного возрождения.

Современники рассматривали Судебную реформу как «школу гражданского воспитания и общественного назидания», целью которой было «дать народу равный и правый для всех суд», а средством – «возвышение судебной власти и утверждения уважения к закону» [2, с. 2–3]. Интерес исследователей к условиям и порядку внедрения положений Судебной реформы 1864 года обусловлен и тем обстоятельством, что реформа проводилась в контексте либеральных преобразований в стране и, в конечном счете, имела направленность на создание основ правового государства.

Общность целей и задач, поставленных перед государством и обществом России в середине XIX века и в наши дни, обусловило постановку схожих задач для их решения. Понимание необходимости использования историко-правового опыта проведения Судебной реформы 1864 года заложено в основу Концепции судебной реформы, принятой в 1991 году Верховным Советом РФ [3]. В соответствии с Федеральным законом от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [4] в судебной системе России были возрождены мировые суды – институт, функционировавший в Российской империи вследствие реализации положений Судебной реформы 1864 года. С конца 90-х годов XX века в РФ продолжается процесс модернизации судебной системы, трансформации ее к демократизации. Однако этот процесс пока не завершён. Модернизация судебной системы РФ продолжается на основании Постановления Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 14.12.2017) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», которая предполагает создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе; обеспечение независимости судебной системы и повышение привлекательности государственной гражданской службы в судах [5]. Игнорирование богатейшего отечественного опыта государственно-правового развития страны, модернизации судебной системы, ведет к отрицательным последствиям, повтору ошибок, препятствует выбору оптимального пути строительства правового государства. Поэтому ретроспективный историко-правовой анализ особенностей внедрения в жизнь новых судебных установлений 1864 года в Таврической губернии делает возможным использовать, с учетом современной социально-политической ситуации, его позитивные результаты при проведении судебной реформы в Российской Федерации, в том числе и в Республике Крым.

На научном уровне изучение опыта реформирования судебной системы необходимо, так как в историко-правовой литературе еще с советского периода остался принцип ее поверхностного догматического освещения, особенно относительно оценки института общих судов, присяжных заседателей, судебных следователей, судопроизводства отдельных регионов. Объективный всесторонний анализ этих проблем дает возможность восполнить пробелы в истории государства и права России. Историко-правовой анализ внедрения новых судебных органов в Таврической губернии научно актуален и с точки зрения представления первичного исторического и научно обработанного материала для дальнейших исследований в области истории государства и права России.

Среди работ исследователей, посвященных изучению и анализу институтов судебной реформы в Российской империи, автор выделяет труды ученых правоведов,

разработчиков Судебной реформы 1864 года, юристов, историков права, специалистов в области истории и теории государства и права, уголовного и гражданского процесса: А. К. Афанасьева, А. М. Бобрищева-Пушкина, Е. В. Васьковского, Б. В. Виленского, Т. У. Воробейковой, И. В. Гессена, Н. В. Давыдова, А. А. Демичева, Г. А. Джаншиева, А. Б. Дубровиной, Н. П. Ерошкина, П. А. Зайончковского, Л. Г. Захаровой, А. А. Квачевского, А. Ф. Кони, М. Г. Коротких, М. В. Немытиной, А. Ф. Поворинского, Н. Н. Полянского, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого, М. А. Филиппова, М. А. Чельцова-Бебутова, П. Ф. Щербины и др. Анализ содержания работ вышеперечисленных авторов свидетельствует, что работы, написанные в пореформенный период до революции 1917 г., имеют обзорный характер, посвященный анализу основных принципов и положений реформы; научно-исследовательский анализ реформы появляется в основном в работах, опубликованных в связи с юбилеями Судебной реформы. В научных трудах, изданных в советский период, прослеживается историко-правовой и общеисторический отпечаток, идеологическая направленность. В них освещаются история подготовки судебной реформы, ее внедрение, критика ряда ее основополагающих принципов, историография реформы и контрреформы. Исследования постсоветского периода вводят в научный оборот значительное количество новых документов, архивных материалов, значительно расширяют спектр проблем, изучаемых в контексте Судебной реформы, например, историю судебных учреждений в национальных окраинах и отдельных регионах РФ. Внедрению Судебных уставов 1864 года в Таврической губернии посвящено диссертационное исследование И. И. Полякова, отдельные аспекты создания в губернии новых органов судебной власти представлены в работах А. С. Пуховской, Н. И. Холева [6, 7, 8]. Однако, не смотря на такое большое количество научных работ, посвященных анализу и исследованию Судебной реформы 1864 года, в целом их содержание основано на общероссийских аспектах реформы. Процесс реализации положений реформы в отдельных регионах страны, в частности в Таврической губернии, освещен недостаточно, и поэтому для юристов практиков, учёных правоведов, политиков, широкой общественности данное исследование представляет значительный научный и практический интерес.

Таврическая губерния (самая южная из губерний европейской части Российской империи) входила в состав Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства. Образованная в 1802 г. в результате раздела Новороссийской губернии, Таврическая губерния делилась на восемь уездов: Бердянский, Днепровский, Мелитопольский – на материковой части; Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский – на полуострове Крым. После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг., которая продемонстрировала экономическую и техническую отсталость России, в Крыму в необходимости проведения кардинальных преобразований в социально-экономической и политической сферах общества ни у кого никаких сомнений уже не было.

20 ноября 1864 г. в России были опубликованы новые Судебные уставы, по которым вводилась система общих (государственных) судов и судов мировой юстиции для «подданных» всех сословий. В соответствии с «Введением в учреждения судебных установлений», судебная власть «принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату – в качестве верховного кассационного суда. Верховный кассационный суд (касса-

ционные департаменты Сената) учреждается для всей Империи один и именно в С.-Петербурге». Отличие судов мировой юстиции от судов общей юстиции было в том, что мировой суд «есть власть единоличная, а все судебные места суть учреждения коллегияльные» [9, с. 32].

С момента утверждения 19 октября 1865 г. Александром II «Положения о введении в действие Судебных уставов» [9, с. 18] в стране началась активная работа по внедрению в жизнь суда «скорого и равного для всех поданных» с целью «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий во всех и каждого от высшего до низшего» [10, с. 10]. Однако открытие новых судебных учреждений постоянно оттягивалось по причине так называемых «финансовых» затруднений. В 1866 г. министерством финансов на проведение судебной реформы было выделено 648000 рублей 60 коп. Государственный Совет убедил министра финансов М. Х. Рейтерна увеличить финансирование реформы до 1048000 рублей 60 коп. Отпуск всей суммы начался с 1867 г. Для сравнения на проведение военной реформы правительство ассигновало более 40000000 рублей [11, с. 125–127].

Внедрение положений Судебной реформы в Таврической губернии было обусловлено наличием специфических региональных особенностей, характерных для данного края. В частности, после присоединения Крыма к России в 1783 г. на местное самобытное землевладение и землепользование накладывалось общеимперское, что, с одной стороны, вызывало неизбежные столкновения между жителями полуострова и переселенцами из-за раздела земельных участков. Суды при рассмотрении подобных дел часто использовали нормы обычного права, что, безусловно, усложняло ситуацию. С другой стороны, в губернии практически не было крепостного права, что облегчало проведение реформы. Одной из наиболее значимых особенностей Таврической губернии, повлиявших на практику реализации Судебных уставов, был ее многонациональный и поликонфессиональный состав населения. Многоязычность народов, проживавших на территории Крыма, затрудняла судопроизводство, так как требовалось привлечение значительного количества переводчиков для работы в новых судебных учреждениях, причем переводчики были нужны для перевода с ряда различных языков: татарского, армянского, еврейского и других. Существовавшая до реформы система судопроизводства практически не допускала в процессе активной устной формы взаимодействия обвиняемых и потерпевших, что фактически опускало необходимость в общении в суде на русском языке. В отличие от других губерний Российской империи, как, например, Архангельской, Вятской, Казанской, Костромской, Олонецкой, Пензенской, Самарской, Саратовской и других, где реализовывался вариант введения мировых судебных установлений отдельно от общих [12, с. 785], в Таврической губернии Судебные уставы 1864 года вводились в полном объеме [13, с. 112].

Судебные уставы 1864 года первоначально в Российской империи вводились в 36 губерниях и областях (не считая округов Закавказского и Черноморского). Для этих губерний и областей учреждалось 7 судебных палат – в С.-Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Казани, Саратове и Тифлисе [14, с. 196]. Таврическая губерния относилась к юрисдикции Одесской судебной палаты. Согласно Временному штату судебных палат количественный состав судебного ведомства Одесской судебной

палаты составлял 41 человек. В первый состав Одесской судебной палаты, которая начала свою деятельность 2 апреля 1869 года, вошли выдающиеся деятели второй половины XIX века: старший председатель сенатор А. А. Шахматов, председатель департамента П. Н. Даневский, члены суда: Н. А. Антонович-Войшин, И. П. Аристов, В. В. Граве 1-й, М. И. Зарудный, Ф. О. Каменский, В. И. Колбасьев, А. Ф. Крушинский, прокурор И. Н. Орлов, товарищ прокурора А. О. Пржецлавский [15, с. 47].

Процесс демонтажа дореформенной судебной системы в Российской империи шел постепенно: первоначально в 1864–1866 годах в Москве и Петербурге; в 1865–1870 годах в крупных губерниях европейской части России. Если в Москве и Петербурге новые судебные учреждения были открыты соответственно 23 и 17 апреля 1866 года [11, с. 127], то только через два года 5 июля 1868 года был опубликован Указ о введении Судебных уставов от 20 ноября 1864 года в округе Одесской судебной палаты. [16, л. 107]. В Таврической губернии начались активные кропотливые подготовительные работы по открытию новых судов. По каждому уезду составлялись отдельно списки лиц, получивших право быть избранными мировыми судьями, которые публиковались в трехмесячный срок; устанавливалось количество мировых судов по каждому уезду, определялись границы судебных участков; подбирались помещения, как для мировых судей, так и для окружных судов; составлялись списки присяжных заседателей. Составление списков вменялось в обязанность временным комиссиям, которых избирали уездные земские собрания. При этом следует отметить, что уездные земства Таврической губернии испытывали сложности при отборе кандидатов в мировые судьи по причине высокого имущественного ценза, который составлял до 900 десятин земли. В связи с этим, Таврическое губернское земское собрание выступало с ходатайством о сокращении имущественного ценза до 500 десятин земли или понижении имущественного ценза на другую недвижимость с 15000 до 10000 рублей. Также выдвигалось предложение о возможности при выборе мировых судей отдавать приоритет образовательному цензу, так как в большинстве случаев кандидат в мировые судьи имел в наличии высшее образование, но не отвечал требованиям по имущественному цензу. Однако, данные предложения не были поддержаны правительством и для кандидатов в мировые судьи сохранялись требования о наличии довольно высокого имущественного ценза [13, с. 113].

Одновременно с организационным обеспечением в целях создания условий для проведения Судебной реформы в Таврической губернии рассматривались вопросы и материально-технического обеспечения новых судов. Процедура материального переустройства старых судебных мест регламентировалась ст. 29 Правил, Высочайше утвержденных 10 марта 1869 г. [16, л. 71]. Основное имущество старых судов передавалось новым судам, остальное, после распоряжения губернатора, поступало в продажу. Так, старший председатель Одесской судебной палаты сенатор А. А. Шахматов 24 марта 1869 года отправил в Симферополь указание Е. Н. Коловрат-Червинскому о необходимости привести в порядок здание окружного суда: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я предположил открыть Симферопольский окружной суд 22 будущего апреля и сам прибыть в Симферополь около 19 числа. К этому времени я просил Ваше Превосходительство сделать распоряжение,

чтобы здание окружного суда было готово для начала судебных заседаний. Сенатор Шахматов» [17, л. 5].

Проведение подготовительных работ по открытию новых судебных учреждений и закрытию прежних регламентировалось указом Правительствующего Сената от 19 марта 1869 года о закрытии прежних судебных учреждений в губерниях, где Судебные уставы вводились в полном объеме [18, л. 141-143]. В Таврической губернии на протяжении 1867–1869 годов закрывались все старые судебные учреждения, а их делопроизводство приводилось в порядок. Дела, находившиеся в рассмотрении, передавались новым судебным органам или по ним закрывалось производство, и они сдавались в архив. Дела третейских судов сдавались в архив окружного суда или нового мирового съезда, по каждому делу составлялась справка, что сделано. Проводились в порядок финансы и имущество судов: закрывались денежные книги и их отправляли на ревизию. Местные полицейские управления получили полномочия по продаже имущества прежних уездных судов [16, л. 71]. В окружной суд передавались дела, рассмотренные за предыдущие три и шесть месяцев (соответственно уголовные и гражданские). В новых судебных учреждениях прежние дела частного обвинения прекращались, истцы получали срок три месяца для их возобновления, мера пресечения по ним продлевалась на два месяца; полиции поручалось исполнение приговоров; дела подлежали рассмотрению или мировыми судьями, или прокурором окружного суда (по компетенции), мера пресечения по ним выносилась прокурором или окружным судом. Таким образом, вводя «новые порядки» в Таврической губернии, реформаторы либералы, предполагая ввести новое судопроизводство, учредить новые суды и упразднить все ранее существующие, допустили «на время обоюдное их содействие» [19, с. 3].

В Таврической губернии Ялтинский и Днепровский уездные суды прекратили деятельность 17 января 1867 года, их делопроизводство перенесли в Симферопольский и Перекопский уездные суды. 30 июня 1867 года закрылся Феодосийский уездный суд во исполнении Указа 23 мая 1867 года об упразднении Феодосийского уездного суда и передачи его делопроизводства в Симферопольский уездный суд. В конце февраля 1869 года прекратили работу Мелитопольский и Перекопский уездные суды, их судопроизводство перешло к Бердянскому и Симферопольскому уездным судам. Таким образом, 21 апреля 1869 года Симферопольско-Ялтинско-Феодосийско-Перекопско-Днепровский уездный суд ликвидировался. Демонтаж прежней судебной системы Таврической губернии завершился. Право распоряжения о закрытии прежних судебных органов получили специально уполномоченные лица, а именно: по Таврической губернии их выполнил сенатор А. А. Шахматов.

22 апреля 1869 года открылся Симферопольский окружной суд. Суд стал первой инстанцией общих судов, которая рассматривала основное количество уголовных и гражданских дел [20, с. 39]. К компетенции окружного суда, помимо непосредственно судебных функций, относились прокурорско-надзорные, следственные и нотариальные функции. Поэтому в его состав кроме судей вошли следователи, прокуроры, нотариусы [21, с. 23].

Первоначальный штат Симферопольского окружного суда составлял 25 членов судебного ведомства: председатель окружного суда, два товарища председателя, девять членов окружного суда, три секретаря окружного суда, семь помощников секретаря окружного суда, прокурор окружного суда, секретарь камеры прокурора,

старший нотариус окружного суда. Содержание штата Симферопольского окружного суда обходилось российской казне в 45800 рублей в год. В отличие от предшествующего периода, когда служащие судов влачили жалкое существование, Судебная реформа 1864 года предусматривала значительное повышение жалования судебным деятелям. Так, ежегодный оклад председателя Симферопольского окружного суда составлял 4500 рублей в год, товарища председателя – 3500 рублей в год, члена суда – 2200 рублей в год, прокурор получал 3500 рублей в год [7, с. 397–398]. Для сравнения об уровне оплаты труда судебных чиновников, можно привести сведения, что год обучения в гимназии обходился в 60 рублей, а жалование начальницы епархиального училища составляло 180 рублей в год [22, с. 102.]. Кроме того, содержание канцелярских чиновников и писцов, канцелярские расходы окружного суда оплачивались государством в размере 10000 рублей, содержание канцелярии прокурора составляло 2000 рублей, содержание писцов, заработная плата сторожей, канцелярские и расходы по устройству архива финансировались в сумме 3000 рублей. Таким образом, на содержание Симферопольского окружного суда Таврической губернии в финансовом году царским правительством выделялась сумма в 60 800 рублей. Кроме этих расходов, вне зависимости от суммы окладов для судебных следователей, «назначались квартиры и лошади для разъездов» или, в случае невозможности предоставления квартиры, «отпускались квартирные деньги» [15, с. 32 – 34].

Помимо указанных должностных лиц, в штате судебного ведомства Таврической губернии, установленного в соответствии с Временным расписанием округа Симферопольского окружного суда, служили пять товарищей прокурора, восемнадцать судебных следователей, одиннадцать судебных приставов. На их содержание государство ежегодно выделяло 43600 рублей, а на канцелярские расходы товарищей прокурора и судебных следователей определялась сумма в 500 рублей каждому. Наряду с вышеуказанными суммами, государство разрешало и дополнительное финансирование судов. По взаимному соглашению Министерства юстиции и Министерства финансов выделялись особые суммы на оплату отопления, первоначальное устройство помещений и приобретение мебели, и даже, в случае необходимости, для аренды помещений. Таким образом, если провести сравнительный анализ расходов на содержание Симферопольского окружного суда Таврической губернии с государственным финансированием современных судебных учреждений, то можно констатировать факт, что в результате Судебной реформы 1864 года Российское государство создало судебным органам финансовую независимость.

Как правило, юрисдикция окружного суда распространялась на 2–3 уезда. Симферопольский окружной суд стал исключением в системе окружных судов Российской империи. В его округ включили Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Ялтинский и Феодосийский уезды Таврической губернии, то есть весь Крымский полуостров [23, с. 169]. Днепропетровский уезд Таврической губернии отнесли к округу Херсонского окружного суда, а Мелитопольский и Бердянский уезды к Таганрогскому окружному суду. В 1869 году округ Симферопольского окружного суда был еще больше расширен: в его состав включили Мелитопольский уезд Таврической губернии [24, л. 5].

По правовому статусу окружные суды разделялись на разряды. Разряд суда определялся количеством отделений, из которых они состояли. Так, С.-

Петербургский и Московский окружные суды считались судами первого разряда, они включали по 7 и 6 отделений соответственно. Ко второму разряду относились суды, состоящие из трех или двух отделений. Симферопольский окружной суд, Екатеринбургский, Херсонский относились к судам второго разряда [25, с. 796–797].

В день открытия Симферопольского окружного суда были оглашены важнейшие кадровые документы: Высочайший указ, подтвержденный Правительствующим Сенатом 19 октября 1868 года о назначении Председателя Симферопольского окружного суда, Высочайший приказ по Министерству юстиции о назначении в Симферопольский окружной суд товарища председателя, членов суда, прокурора, судебных следователей, приказ Сената об утверждении мировых судей Таврической губернии [20, с. 41]. Все лица, вновь назначенные на судебные должности, приняли присягу. В первом составе Симферопольского окружного суда несли службу: председатель Е. Н. Коловрат-Червинский, товарищи председателя В. А. Аристов, А. И. Браилко, члены: А. К. Вистингаузен, князь Н. С. Давыдов, П. И. Кирсанов, С. О. Колб, Е. Е. Полуянский, Г. И. Супруненко, Э. О. Флуки. Н. М. Шмаков, прокурор Л. И. Грасс, товарищи прокурора: Ф. В. Адаменко, Н. А. Бороздин, А. А. Желтухин [26, с. 231–233]. Председатель Симферопольского окружного суда (до 1872 года) – опытный юрист Е. Н. Коловрат-Червинский, до назначения его на должность был членом Харьковской судебной палаты, с 1872 года назначен сенатором. Товарищи председателя: В. А. Аристов, до назначения в Симферопольский окружной суд являлся членом Тульского окружного суда, в Симферополе возглавлял первое отделение, с 1874 года был назначен председателем Елизаветградского окружного суда, с 1896 года – сенатором; А. И. Браилко – до начала работы в Симферопольском окружном суде служил прокурором Изюмского окружного суда, с 1880 года работал заместителем председателя Лубенского окружного суда. Члены окружного суда: Э. О. Флуки служил в Симферопольском окружном суде до 1870 года; князь Н. С. Давыдов служил до 1879 года, с 1879 года выполнял функции товарища председателя Лубенского окружного суда; С. О. Колб в 1870 году получил назначение в Харьковской окружной суд; Г. И. Супруненко в 1876 году назначен членом Одесской судебной палаты. Прокурор суда – Л. И. Грасс до назначения в Симферополь работал в первом составе судей Рыбинского окружного суда, затем состоял членом Курского окружного суда, с января 1869 года был назначен прокурором Таганрогского окружного суда, но вскоре переведен в Симферопольский окружной суд на должность прокурора. Товарищи прокурора: Н. А. Бороздин в 1876 году получил назначение на должность товарища прокурора Усть-Медведицкого окружного суда; А. А. Желтухин в 1870 году переведен на должность прокурора в Рязанский, потом Казанский окружной суд [26, с. 231–233]. Многие члены Симферопольского окружного суда служили в нем достаточно долго и являлись его патриотами. Так, с 1869 года по 1883 год членом суда был В. Ф. Бокариус – судебный следователь Симферопольского уезда; с 1871 года по 1892 год в суде служил В. П. Аверкиев, К. П. Вриони – с 1869 года по 1899 год, Н. А. Говоров – член окружного суда с 1870 года по 1917 год (с перерывами), И. Ф. Демерджи – с 1870 года по 1894 год, В. Р. Доличев – с 1872 года по 1886 год, В. П. Кенигсон – с 1869 года по 1894 год. В Симферопольском окружном суде служили и люди с весьма известными фамилиями – это и Б. Ю. Витте, бывший прокурор суда, и А. А. Стевен, известный деятель Таврического земства. В 1878-1894 годах председателем окружного суда был Н. А.

Анцыферов, которому после смерти было решено поставить на могиле памятник за долгую и безупречную службу [27, л. 32]. Таким образом, кадровый состав Симферопольского окружного суда свидетельствует, что в нем служили люди, оказавшиеся весьма способными воплотить в жизнь Таврической губернии основные идеи Судебной реформы.

Общественность Таврической губернии широко приветствовала открытие новых судебных учреждений. Чтобы правильно уловить настроение того времени, по мнению автора, лучше привести слова непосредственных участников тех событий. «Мы на пороге нового гласного с присяжными суда, с мировым институтом из судей, избранных всеми сословиями через своих представителей, мы вступаем в совершенно новый фазис жизни. На место прежнего суда, отжившего свое время, является новый, который должен быть судом скорым, правым, милостивым и равным для всех, и который, несомненно, сам собою внесет в общественную жизнь образовательное начало... Восторг был всеобщий; никогда, по-видимому, не выражался он так сердечно, никогда, кажется, не испытывалось столько радостных чувств, не выносились столько впечатлений за все настоящее и прошлое, как теперь, в виду совершившегося события, для всех желанного и всеми одинаково благословляемого» [28, с. 222]. Известный судебный деятель юга России Евгений Федорович Де-Росси очень метко охарактеризовал эпоху Судебной реформы и настроение общества: «То было особенное время – не только надежд, иллюзий, юношеских восторгов и увлечений, но и горделивого сознания, что свершилось, действительно, великое дело и что настал конец взяточничеству и произволу, в которых так долго тонули, как в грязи, наше общество и бюрократия. То было время светлое и блестящее в истории нашего судебного дела; время истинного торжества законности и правосудия; время, когда служители этого правосудия, вполне сознавая величие возложенной на них задачи, вносили в исполнение ее всю свою душу; время, оставившее неизгладимые следы в деятелях, на долю которых выпала счастливая участь осуществить великую реформу» [29, с. 117–118].

Новые судебные учреждения Таврической губернии оставили заметный след в истории нашей страны. Симферопольский окружной суд, открытие которого состоялось 22 апреля 1869 года, прекратил работу в ноябре 1920 года (слушание последнего гражданского дела состоялось 11 ноября, последнее уголовное дело рассмотрено 6 октября 1920 года). Суд был закрыт после освобождения Крыма Красной Армией. В Крыму стали действовать революционные трибуналы, и на смену законности на определенный исторический промежуток времени пришла революционная целесообразность.

За более чем 50 летний период работы новых судов в жизни России и в жизни Таврической губернии произошли значительные перемены. Но всегда суды в Таврической губернии, оставались такими учреждениями, в которых нарушение закона справедливо каралось, потерпевшие искали защиту нарушенных прав, виновные несли заслуженное наказание. Жители многонационального Крыма убедились в положительном воздействии Судебной реформы, а некоторые, может быть, впервые, узнали, что такое правосудие.

Принципы, провозглашенные Судебной реформой 1864 года и воплощенные на практике, доказали свою эффективность. Суд, судебные органы являются одним из главных средств защиты прав российских граждан. Современная реформа судо-

устройства и судопроизводства в Российской Федерации проводится с учетом принципов, уже реализованных во второй половине XIX в. Использование отечественного историко-правового опыта дает возможность правильно определить вероятность наступления тех или иных правовых последствий, могущих произойти в процессе трансформации российской судебной системы. Автор констатирует факт, что всестороннее, систематическое и глубокое изучение проведения Судебной реформы 1864 г. уже позволило современным российским реформаторам и практикам разработать и внедрить практические рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в этой области. В целом, научный интерес к различным аспектам внедрения Судебной реформы 1864 года в Таврической губернии диктуется потребностью, изучая прошлое, осмыслить и понять настоящее.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Основы судебной реформы (к 25-ти летию нового суда). Историко-юридические этюды. – Москва. Тип. М. П. Щепкина, 1891 г. – 432 с.
3. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=3F2727D33FB99B3F4C0E040055761933> (дата обращения 08.07.2018 г.).
4. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (в ред. от 18.04.2018 г.) «О мировых судьях в Российской Федерации» // «Российская газета». – № 242 – 22.12.1998.
5. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902391636> (дата обращения 22.06.2018 г.).
6. Поляков И. И. Организация и деятельность судебных органов Таврической губернии по судебной реформе 1864 г. (60–90-е годы XIX в.): дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 2001. – 198 с.
7. Пуховская А. С. Возникновение и становление органов судебной власти в Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». – 2010. – Том 23 (62). – № 1. – С.394-399.
8. Холев Н. И. Десятилетие мировой юстиции Керченского округа (1870–1880). – СПб., 1881. – 12 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. – Т. 8: Судебная реформа. – М.: Юридическая литература, 1991. – 496 с.
10. Записка о судебной реформе в Западном крае вообще и в частности в Киевской губернии / Составитель Н. К. Колмаков. – К., 1872. – 35 с.
11. Гессен И. В. Судебная реформа. – СПб., 1905. – 267 с.
12. Минчук О. В. Реализация судебной реформы 1864 года в Архангельской губернии: нормативные источники // Джерела права України, інших країн та міжнародної спільноти: історія та сучасність: матеріали ХХІХ Міжнародної історико-правової конференції 19-22 вересня 2013 р., м. Феодосія / ред. колегія: І. Б. Усенко, А. Ю. Иванова та ін. – Київ, Сімферополь: Універсум, 2013. – 832 с.
13. Хутько Т. В. Некоторые аспекты создания и деятельности мировой юстиции в Таврической губернии по Судебной реформе 1864 г. // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Судова реформа 1864 року в історії українського державотворення». – Х.: Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого, 2014. – С. 111–116.
14. Судебные уставы 22 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярию. Часть 3. – СПб., 1867. – 567 с.
15. Замечания сенаторов и обер-прокуроров на соображения Комиссии, Высочайше утвержденной для окончания работ по преобразованию судебной части. – СПб., 1864. – 94 с.
16. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 15, оп. 1, д. 1400.
17. ГАРК, ф. 376, оп. 1, д. 1.
18. ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 7522.

19. Курицын В. М. Буржуазные реформы государственного аппарата и развитие права России в 60 – 80 годы XIX века. – М.: АС, 1992. – 57 с.
20. Викторов А. М., Викторов Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Таврической губернии // Весы Фемиды. – 1997. – № 1. – С. 39-41.
21. Ярмыш А. Н. Судебные органы царской России в период империализма (1900–1917 гг.). – Киев: УМК ВО, 1990. – 91 с.
22. Попова А. Д. Формирование правового статуса судей: история и современность // Журнал российского права. – 2007. – № 9. – С. 97–104.
23. Киян М. Ш. Историко–правовой анализ реализации судебной реформы 1864 года на юге России // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – №10. – С. 168–171.
24. ГАРК, ф. 376, оп. 3, д. 2.
25. Итоги судебной реформы // Вестник Европы. Журнал истории политики. Книга 6. –СПб., – 1871. – 811 с.
26. Руднев С. Личный состав первых судов в Таврической губернии: дореформенного – Таврического Гражданского и Уголовного суда и учрежденного по уставам императора Александра II Симферопольского окружного суда // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. – Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства. – 1915. – № 52. – С. 232-233.
27. ГАРК, ф. 376, оп. 3, д. 106.
28. Раевский В. К пятидесятилетию судебной реформы в России // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1915. – № 52. – С. 216–225.
29. Очерк деятельности судебных учреждений Харьковского округа за истекшее тридцатипятилетие 1867–1902 гг. – Харьков: Типография и Литография М. Зирберберг, 1903. – 162 с.

Khutko T. V. The implementation of the judicial reform of the 1864 in the Taurida province // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 87-98.

The paper investigates the process of modernization of the judicial system of the Taurida province in the period of radical transformations of the Russian judicial system of the second half of the XIX century. A comprehensive study and legal analysis of the historical experience of reforming the judicial system in the Crimea in accordance with the Judicial Statutes of 1864 are carried out. The tendencies of the all-Russian state policy in the sphere of judicial system in the Taurida province are illustrated; it is proved that the process of their implementation in practice had its own characteristics due to the socio-economic, geographical, ethnic originality of the region. Special attention is paid to the system and the structure of the judicial bodies of the Taurida province, their legal and staff support, financing, features of recruitment and personnel peculiarities, public perception of judicial reforms. It is concluded that in the process of reforming the judicial system of the Taurida province, legal and organizational measures were taken to ensure the non-stop implementation of justice in the Crimea. It is proposed to use the results of the study for further development of topical problems of the history of state and law of Russia in the process of reforming the modern judicial authorities of the Russian Federation, the Republic of Crimea.

Key words: Judicial reform of 1864, bodies of judicial power, judicial system, judicial bodies, judicial statutes of 1864, district court, magistrate, magistrate's courts, Taurida province.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 04.08.2014. – № 31. – St. 4398.
2. Osnovy sudebnoj reformy (k 25-ti letiyu novogo suda). Istoriko–yuridicheskie chtyudy. – Moskva. Tip. M. P. Chepkina, 1891 g. – 432 s.
3. Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 «O Konceptcii sudebnoj reformy v RSFSR» // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=3F2727D33FB99B3F4C0E040055761933> (data obrashcheniya 08.07.2018 g.).
4. Federal'nyj zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ (v red. ot 18.04.2018 g.) «O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii» // «Rossijskaya gazeta». – № 242 – 22.12.1998.

5. Elektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy dokumentacii // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902391636> (data obrashcheniya 22.06.2018 g.).
6. Polyakov I. I. Organizaciya i deyatelnost' sudebnyh organov Tavricheskoy gubernii po sudebnoj reforme 1864 g. (60–90-e gody XIX v.): dis. ... kand. jurid. nauk. – Har'kov, 2001. – 198 s.
7. Puhovskaya A. S. Vozniknovenie i stanovlenie organov sudebnoj vlasti v Tavricheskoy gubernii // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo Seriya «Uridicheskie nauki». – 2010. – Tom 23 (62). – № 1. – S.394-399.
8. Holey N. I. Desyatiletie mirovoj yusticii Kerchenskogo okruga (1870–1880). – SPb., 1881. – 12 s.
9. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. – T. 8: Sudebnaya reforma. – M.: YUridicheskaya literatura, 1991. – 496 s.
10. Zapiska o sudebnoj reforme v Zapadnom krae voobshche i v chastnosti v Kievskoj gubernii / Sostavitel' N. K. Kolmakov. – K., 1872. – 35 s.
11. Gessen I. V. Sudebnaya reforma. – SPb., 1905. – 267 s.
12. Minchuk O. V. Realizaciya sudebnoj reformy 1864 goda v Arhangel'skoj gubernii: normativnye istochniki // Dzhirela prava Ukraïni, inshih kraïni ta mizhnarodnoi spil'noti: istoriya ta suchasnist': materiali XXIX Mizhnarodnoi istoriko-pravovoi konferencii 19-22 veresnya 2013 r., m. Feodosiya / red. kolegiya: I. B. Usenko, A. YU. Ivanova ta in. – Kiiiv, Simferopol': Universum, 2013. – 832 s.
13. Hut'ko T. V. Nekotorye aspekty sozdaniya i deyatelnosti mirovoj yusticii v Tavricheskoy gubernii po Sudebnoj reforme 1864 g. // Materiali Vseukraïns'koï naukovopraktichnoi konferencii «Sudova reforma 1864 roku v istorii ukraïns'kogo derzhavotvorennya». – H.: Nacional'nij yuridichnij universitet imeni YAroslava Mudrogo, 2014. – S. 111–116.
14. Sudebnye ustavy 22 noyabrya 1864 g. s izlozheniem rassuzhdenij, na koih oni osnovany, izdannye gosudarstvennoj kancelyariyeu. CHast' 3. – SPb., 1867. – 567 s.
15. Zamechaniya senatorov i ober-prokurorov na soobrazheniya Komissii, Vysochajshe utverzhdennoj dlya okonchaniya rabot po preobrazovaniiyu sudebnoj chasti. – SPb., 1864. – 94 s.
16. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 15, op. 1, d. 1400.
17. GARK, f. 376, op. 1, d. 1.
18. GARK, f. 27, op. 1, d. 7522.
19. Kuricyan V. M. Burzhuaznye reformy gosudarstvennogo apparata i razvitie prava Rossii v 60 – 80 gody XIX veka. – M.: AS, 1992. – 57 s.
20. Viktorov A. M., Viktorov E. A. Sudebnaya reforma 1864 g. v Tavricheskoy gubernii // Vesny Femidy. – 1997. – № 1. – S. 39-41.
21. Yarmysh A. N. Sudebnye organy carskoj Rossii v period imperializma (1900–1917 gg.). – Kiev: UMK VO, 1990. – 91 s.
22. Popova A. D. Formirovanie pravovogo statusa sudej: istoriya i sovremennost' // ZHurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 9. – S. 97–104.
23. Kiyan M. Sh. Istoriko-pravovoj analiz realizacii sudebnoj reformy 1864 goda na yuge Rossii // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka». – 2015. – №10. – S. 168–171.
24. GARK, f. 376, op. 3, d. 2.
25. Itogi sudebnoj reformy // Vestnik Evropy. Zhurnal istorii politiki. Kniga 6. – SPb., – 1871. – 811 s.
26. Rudnev S. Lichnyj sostav pervyh sudov v Tavricheskoy gubernii: doreformennogo – Tavricheskogo Grahdanskogo i Ugolovnogo suda i uchrezhdenno po ustavam imperatora Aleksandra II Simferopol'skogo okruzhnogo suda // Izvestiya Tavricheskoy Uchenoj Arhivnoj Komissii. – Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva. – 1915. – № 52. – S. 232-233.
27. GARK, f. 376, op. 3, d. 106.
28. Raevskij V. K. pyatidesyatiletiiyu sudebnoj reformy v Rossii // Izvestiya Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii. – 1915. – № 52. – S. 216–225.
29. Ocherk deyatelnosti sudebnyh uchrezhdenij Har'kovskogo okruga za istekshee tridcatipyatiletie 1867–1902 gg. – Har'kov: Tipografiya i Litografiya M. Zirberberg, 1903. – 162 s.

УДК 344

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРМИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Чибисов С. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются правовые вопросы организации советской армии на начальном этапе. Комплектование войск в дореволюционный период большевиками осуществлялось во многом стихийно и, как правило, на базе крупных предприятий и фабрик за счет активной агитационной деятельности. В условиях получения государственной власти система пополнения войск было необходимо строить на совершенно иных принципах. Кроме того, требовалось создать систему органов, призванных осуществлять отбор призывников, их распределение по родам войск, решать иные задачи комплектования. Советская власть оказалась не готова сразу предложить четкое решение поставленных вопросов. В настоящей статье рассматривается комплекс административных решений, принятых на первом этапе строительства нового государственного правопорядка. Этот период интересен тем, что некоторые принципы построения призывной компании были сохранены до конца столетия. Идентичная ситуация характерна и по отношению к системе государственных органов. В работе рассматриваются организационные и административные основы комплектования армии советской армии в период ее первоначального комплектования.

Ключевые слова: комплектование армии, советский период, организация призыва, военный комиссариат, комиссары, Бюро военных комиссаров, кадровый резерв, управленческие полномочия, агитация, военная подготовка.

Организация системы пополнения личного состава представляет собой важнейший вопрос военного права. На каждом из этапов государственного строительства публичная власть стремится обеспечить квалифицированную подготовку кадрового состава войск для обеспечения полноценной защиты от посягательств.

Комплектование армии на сегодняшний день представляет серьезную проблему. По итогам призывной компании зачастую констатируется недостаточность пополнения военнослужащими, низкий уровень готовности призывников к полноценной службе в рядах вооруженных сил.

В этом контексте особый интерес представляет советский этап развития нашей страны, поскольку в условиях существенного изменения политической парадигмы и прихода к власти вооруженным путем у большевиков появилась не менее сложная задача – сохранить возможность управления государством. В связи с этим уже в первые дни после революции публичной властью был предпринят целый ряд шагов, нацеленных на определение основных направлений комплектования армии и назначения на военно-административные должности.

Вопросы формирования армии в советский период уже являлись предметом анализа [1, 3, 4, 7, 12, 13, 15, 18, 20], однако в подобных научных трудах устанавливались иные рамки исследования и специфический, более широкий предмет, что свидетельствует о наличии элемента новизны в настоящей работе. Кроме того, автором

сделана попытка исследования проблем комплектования состава советской армии через призму политико-воспитательной работы.

Центральное значение в вопросах пополнения армии и организации призыва имели низовые органы Комиссариата по военным делам на местах, поименованные волостными, уездными, губернскими и окружными военными комиссариатами. Декретом СНК от 08.04.1918 г. было утверждено положение об этих органах. Формирование волостных военных комиссариатов осуществлялось местными советами путем утверждения конкретных кандидатур. Состав формируемого органа был немногочисленным и состоял из трех человек: руководителя органа и двух комиссаров по военным делам. Примечательно, что одна из кандидатур согласовывалась только на уровне местного органа исполнительной власти, две кандидатуры – на уровне местного законодательного органа.

Формирование уездных военных комиссариатов осуществлялось аналогичным образом с тем исключением, что избрание одного из членов военного комиссариата происходило не на основании решения органа местной исполнительной власти, а вышестоящим комиссариатом по военным делам. Такая система назначения сотрудников военного комиссариата с одной стороны должна была обеспечить большую объективность в поиске реальных специалистов, с другой – по всей видимости, была призвана обеспечить в некоторой степени систему сдержек и противовесов в условиях массового формирования органов новой власти и ее неуверенности в достаточной преданности кадров.

По крайней мере, на начальном этапе в органах, осуществлявших управленческие полномочия в области военного дела, не раз встречались серьезные межведомственные и внутриведомственные противоречия, которые приходилось разрешать на самом высоком уровне. Находясь в зависимости от уездного военного комиссара, волостной комиссар по военным делам предоставлял ему отчет о деятельности своего ведомства. Волостной военный комиссариат был важнейшей первичной структурой военной организации советского государства на начальном этапе его построения и обеспечивал фактическое выполнение множества разнородных функций.

В рамках исполнения своих полномочий волостные военные комиссариаты должны были выполнять целый ряд задач, наиболее важными из которых являлись следующие: определение годности призывников к несению военной службы и ведение системного учета обеих категорий лиц; направление лиц, признанных негодными к военной службе, на дополнительное медицинское обследование в вышестоящие комиссариаты; распределение призывников по родам войск; формирование кадрового резерва должностных лиц в вооруженных силах; установление количества нетрудоспособных иждивенцев у лиц, признанных годными к военной службе, для последующего определения объемов бюджетного финансирования, необходимого для обеспечения их льготами, гарантированными государством; организация обучения и составление перечня лиц, прошедших военную подготовку; проведение мероприятий, нацеленных на обучение призывников выполнению военных задач, включая организацию учебных сборов; выдача документов, подтверждающих факт прохождения обучения военному делу; осуществление преследования лиц в случае установления фактов их уклонения от военно-технической подготовки или сборов (в случае наличия обстоятельств временно препятствовавших прохождению подготовки, волостные военные комиссариаты были уполномочены на выдачу докумен-

тов, юридически подтверждавших обоснованность освобождения от выполнения соответствующей обязанности); формирование в провинциях так называемых «вербовочных пунктов», целью которых являлось проведение в любых формах агитации для пополнения вооруженных сил добровольцами; выполнение хозяйственных функций по отношению к пунктам сбора [5].

Для уездных военных комиссариатов по аналогии с волостными военными комиссариатами было характерно предоставление отчетности в вышестоящие структуры – губернские комиссариаты по военным делам.

Начиная с уровня уездного военного комиссариата, указанные органы обладали правом издавать распоряжения в отношении войск, имевших постоянную дислокацию на подведомственной им территории и выполнявших задачи по поддержанию порядка в рамках конкретного административно-территориального образования.

Это позволяло возложить на уездные военные комиссариаты задачу по сбору информации и разработке планов мобилизации военных частей. Многие полномочия уездных военных комиссариатов вменялись одновременно и волостным комитетам по военным делам с разницей только в территориальном охвате. Речь идет, в частности, об организации вербовочных пунктов, ведении учета лиц, годных к военной службе, выполнении хозяйственных функций и т.д.

Сообразно выполняемым задачам определялась структура указанных органов, предполагавшая наличие агитационно-вербовочного, учетного отделов, отделов снабжения, формирования и обучения.

Похожие правовой статус имели и вышестоящие комиссариаты – губернского и окружного уровня. Губернский комиссар помимо изложенного по общему правилу имел обязанности, присущие начальнику гарнизона и коменданту. Должностные лица названных органов назначались Народным комиссариатом по военным делам. Применительно к окружным военным комиссариатам со стороны органов исполнительной власти округа допускалось заявить отвод его руководителю.

В окружном комиссариате по военным делам для решения наиболее сложных вопросов учреждалось постоянное совещание, председательствующим в котором являлся руководитель данного комиссариата. Помимо военных, в работе совещания были правомочны участвовать делегаты от губернских советов округа.

Военные комиссариаты, начиная с мая 1918 г., были переподчинены новой структуре – Всероссийскому главному штабу, на который возлагалась обязанность по осуществлению административных полномочий по организации войсковых подразделений. В дальнейшем военкоматы были переданы в ведение мобилизационного отдела, которое с осени того же года получило статус управления Всероглаштаба [16].

Военные комиссары, являвшиеся членами Военных Советов, в самом декрете признавались больше политическими единицами, нежели военными чиновниками. Отсюда появились особые требования к личности военного комиссара: «Комиссары назначаются из числа безупречных революционеров, способных в самые критические минуты и в самых трудных обстоятельствах оставаться воплощением революционного долга» [5].

Устанавливая неприкосновенность военных комиссаров, законодатель объявлял оскорбление и применение насилия по отношению к указанным должностным лицам как тяжкое преступление против советской власти.

Комиссар, имея полномочия, тесно связанные с военным делом, производством, в тоже время не нес ответственность в отношении приказов исключительно военного свойства, даже в случае их визирования.

По логике законодателя в последнем случае комиссар, подписывая соответствующий приказ, исходит из существующей оперативной обстановки, т.е. действует ситуативно, но не выбирает стратегию и тактику военных действий, поскольку эти компоненты военного дела напрямую отнесены к ведению иных специализированных органов.

В тоже время в Декрете СНК РСФСР от 08.04.1918 г. провозглашалось, что приказ, подписанный военным комиссаром, подлежал исполнению вне зависимости от того, какие ресурсы и жертвы требовались для этого [5]. За исполнением приказа военный комиссар должен был следить непосредственно сам или через систему иных органов. Если же в ходе его деятельности устанавливались факты отсутствия должного контроля за исполнением управленческих актов, то в таком случае полномочия комиссара подлежали прекращению с преданием его суду.

Тем самым законодатель, предоставляя военным комиссарам широкие полномочия и создавая мощный институт гарантий ответственности за исполнение принятых ими решений, одновременно стремился продемонстрировать справедливость подходов путем создания системы противовесов в виде высокой меры ответственности самого комиссара. По существу военные комиссары представляли собой административное звено между Красной Армией и местными советами, обладая массой контрольно-надзорных функций.

Назначение комиссаров Высшего военного Совета предопределялось решением СНК РСФСР. Нижестоящие комиссары назначались путем согласования кандидатур, предложенных Высшим военным Советом с административными органами соответствующего уровня.

Комиссаров Высшего военного Совета объединяло специальное Бюро, которое осуществляло вспомогательные функции и вырабатывало руководящие инструкции для их деятельности. Помимо этого, Бюро Военных Комиссаров в случае необходимости было вправе созывать съезды военных комиссаров. Обязательная периодичность таких съездов нормативно не устанавливалась.

Формирование вооруженных сил в первые годы советской власти строилось в контексте утверждений о том, что нежелание империалистических режимов признать законность новой власти требует создание мощной армии, способной сохранить достижения, провозглашенные революцией.

В Декрете об обязательном обучении военному искусству от 22.04.1918 г. констатировалось, что «социализм имеет одной из своих основных задач освобождение от бремени милитаризма и от варварства кровавых столкновений между народами» [6]. Однако внешнеполитические обстоятельства, серьезное противодействие новой власти внутри страны требовали оперативной и массовой подготовки военнослужащих.

Решение обозначенной проблемы было найдено в объявлении всеобщей воинской повинности. Однако эта всеобщность имела исключения. Так, было признано неразумным призывать в армию представителей высших сословий, поскольку в последующем они могли использовать приобретенные навыки и допуск к оружию для создания очагов сопротивления. «Обучение военному делу и вооружение народа в

ближайшую переходную эпоху будут распространены только на рабочих и на не эксплуатирующих чужого труда крестьян» [6].

Нескрываемый аргумент о необходимости создания Красной Армии на классовой основе на протяжении всего советского этапа государственного строительства являлся фактором особой гордости как государственных чиновников, так и научной общественности [19, с. 5].

В Конституции РСФСР 1918 года отмечалось, что обеспечение надлежащего исполнения своих полномочий органами советской власти и как неотъемлемый элемент предупреждения возможности контрреволюционной деятельности возможно только в условиях «вооружения трудящихся, образования Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян», а также «разоружения имущих классов» [10].

Прохождение обязательного военного обучения было признано обязательным для лиц в возрасте от 18 до 49 лет. После завершения обучения указанные граждане получали статус военнообязанных, т.е. подлежали первоочередному призыву в случае необходимости пополнения кадрового состава Красной армии.

Подготовка к армии начиналась еще в школе. Возраст, с которого могло начинаться преподавание военного дела, определялся Наркомпросом (школьный этап). Следующая ступень военной подготовки была рассчитана на лиц в возрасте 16-18 лет (подготовительный этап). Последний, называемый «призывным», период подготовки распространялся на лиц старше 18 лет.

Военное обучение лиц женского пола осуществлялось при условии их согласия.

Первый из этапов военной подготовки осуществлялся Народным комиссариатом просвещения. Подготовительный и призывной этапы реализовывались с использованием программ и специалистов Народного комиссариата по военным делам.

Декретом от 22.04.1918 г. признавалось необходимым проводить процесс обучения военному делу с минимальным отвлечением обучавшихся от их основной работы. Указанное обстоятельство позволяло проводить обучение в кратчайшие сроки без отрыва рабочих и крестьян от производственной деятельности.

Лица, ранее задействованные в мероприятиях по военной подготовке, могли быть освобождены от повторного обучения только при условии успешной сдачи ими соответствующего экзамена, подтверждающего наличие у них достаточных компетенций в вопросах военной образования.

С принятием Конституции РСФСР 1918 года получило законодательное закрепление полномочность Всероссийского съезда Советов и ВЦИК устанавливать директивы в области управления вооруженными силами.

К моменту принятия основного государственного закона было принято несколько актов, касавшихся вопросов учета военнообязанных. Однако фактически данная система была полностью запущена только к концу 1918 – началу 1919 гг., что было связано с организационными сложностями по созданию административных органов на местах, а также с подготовкой образцов необходимых документов [8].

Вместе с тем к окончанию Гражданской войны был сформирован не только аппарат комиссариатов по военным делам, но и иных органов местного военного управления. Так, штатная численность военных комиссариатов уже в 1920 году превысила 200 000 человек [8].

Назначение на командные военные должности производилось при условии прохождения подготовки в специальных школах, а при ее отсутствии исходя из лич-

ностных качеств кандидата, проявленных в ходе боевых действий. Списки кандидатов формировались военными комиссариатами.

Вопросы назначения на отдельные должности в войсках являлись предметом широкого обсуждения. Так, информация о профессиональной деятельности кандидатов на должности командиров взводов за пять дней до назначения подлежала опубликованию в местной печати. В случае поступления аргументированных возражений относительно назначения на должность конкретных кандидатов, соответствующий военный комиссариат проверял их обоснованность и при необходимости дополнительной проверки поступившей информации исключал кандидата из числа возможных претендентов на вакантную должность.

После назначения командиру взвода назначался некий испытательный срок (шесть недель), в течение которого его действия были предметом внимания со стороны военных комиссариатов и командиров частей. В случае получения положительного заключения по итогам полуторамесячной работы командир взвода утверждался в занимаемой должности. При получении отрицательных характеристик лицо подлежало отстранению.

В таком же порядке назначался командующий состав рот и батальонов.

В случае если соответствующее воинское соединение было признано окончательно сформированным, т.е. по существу состав военнослужащих проверен на предмет поддержки новой власти, выбор командного состава осуществлялся воинским составом самостоятельно.

Это не относилось к периоду нахождения подразделений в боевых условиях. В такой ситуации вопрос назначений на руководящие должности определялся командиром соответствующего воинского формирования.

Вакансии на должности командиров частей и бригад заполнялись при непосредственном участии Народного комиссариата по военным делам на основании представлений, поданных комиссариатами дивизий. Кроме того, завершающим этапом назначения указанных должностных лиц являлось получение на то согласия со стороны высшего Военного совета.

Что же касается военных чинов уровня начальников дивизий и выше, то их назначение также было связано решением профильного Народного комиссариата и высшего Военного совета. Однако в качестве дополнительного требования законодатель устанавливал обязательность информирования о назначении указанных лиц Совет Народных Комиссаров.

Таким образом, директивами советской власти были внесены значительные новации в порядок назначения и утверждения командующего состава воинских подразделений.

В целом следует отметить, что в сложных общественно-политических, экономических условиях, в период жесткой конфронтации и вооруженного противоборства различных классов большевики смогли оперативно предложить и реализовать работоспособную и эффективную модель функционирования вооруженных сил.

Предлагая существенные льготы, расширяя перечень прав военнослужащих и одновременно широко используя институты пропаганды и агитации, советское правительство смогло заручиться поддержкой военных и сохранить тем самым свои позиции для их дальнейшего планомерного развития в более благоприятной ситуации.

Список литературы

1. Антошин А. М. Военная реформа 1924-1928 гг. – М.: редакционно-издательское отделение, 1951. – 144 с.
2. Алексеев Н. С. Ответственность за уклонение от военной службы в истории русского права и в современном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1950. – 18 с.
3. Берхин И. Б. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг. – М.: Воениздат, 1958. – 460 с.
4. Гусев Л. Н. Советская военная юстиция в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920 г.г.): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1950. – 32 с.
5. Декрет СНК РСФСР от 08.04.1918 г. «Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам» // Декреты, положения и приказы по Красной армии. Вып. 1. Пермь, 1918. С. 5-17.
6. Декрет ВЦИК от 22.04.1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» // Декреты, положения и приказы по Красной армии. Вып. 1. Пермь, 1918. С. 17-20.
7. Задонских С.И. Принципы строительства Красной Армии в 1918-1945 гг.: сущность и эволюция: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 24 с.
8. Еременко С. Военные комиссариаты России: история создания и развития // <<http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12175620%40cmsArticle>> (последнее посещение 06 июля 2018 г.).
9. Загю М., Савари А. Учебник по военной администрации и военного законоведения. – М.: Государственное военное издательство, 1926. – 478 с.
10. Конституция РСФСР 1918 года // СУ РСФСР. 1918. N 51. Ст. 582.
11. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 - декабрь 1991. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
12. Крюковских А. П. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб, 1969. – 20 с.
13. Ордин К. В. Конституционные основы организации обороны Советского государства в первой главной фазе его развития: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1952. – 28 с.
14. Основы советского военного законодательства. Учебное пособие / Под общ. ред. Кобликова А.С., Лепешкина А. И., Романова П. И., Шанина В. И. – М.: Воениздат, 1973. - 272 с.
15. Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918-1973 / Под ред. А.А. Епишева. – М.: Воениздат, 1974. – 336 с.
16. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 34. Л. 1 об.
17. Скоробогаткин К. Ф., Белоусов Л. И., Верходубов В. Д. и др. 50 лет Вооруженных Сил СССР. – М.: Воениздат, 1968. – 583 с.
18. Смирнов А. Г. Руководство Коммунистической партии деятельностью Советов по укреплению Красной Армии в 1924-1928 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 18 с.
19. Тюшкевич С. А., Зверев Б. И., Кораблев Ю. И. и др. Советские вооруженные силы. – М.: военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. – 516 с.
20. Цветков И. Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-морского флота России (1695-1945 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб, 2000. – 826 с.

Chibisov S.V. Some questions of recruitment of troops at the initial stage of the Soviet state // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – Р. 99-106.

The article deals with the organization of the Soviet army at the initial stage. Recruitment of troops in the pre-revolutionary period by the Bolsheviks was carried out largely spontaneously and usually on the basis of large enterprises and factories due to active campaigning activities. In the conditions of obtaining state power, the system of replenishment of troops had to be built on completely different principles. In addition, it was required to create a system of bodies designed to carry out the selection of recruits, their distribution by type of troops, to solve other tasks of recruitment. The Soviet government was not ready to immediately offer a clear solution to the issues raised. This article discusses a set of administrative decisions taken at the first stage of the construction of a new state order. This period is interesting because some of the principles of the draft company were preserved until the end of the century. The situation is identical with respect to the system of state bodies. The paper deals with the organizational and administrative basis of recruitment of the Soviet army during its initial recruitment.

Keywords: army recruitment, Soviet period, organization of conscription, military Commissariat, Commissars, Bureau of military Commissars, personnel reserve, managerial powers, agitation, military training.

Spisok literatury

1. Antoshin A. M. Voennaya reforma 1924-1928 gg. – M.: redakcionno-izdatel'skoe otdelenie, 1951. – 144 s.
2. Alekseev N. S. Otvetstvennost' za uklozenie ot voennoj sluzhby v istorii russkogo prava i v sovremennom prave: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – L., 1950. – 18 s.
3. Berhin I. B. Voennaya reforma v SSSR 1924-1925 gg. – M.: Voenizdat, 1958. – 460 s.
4. Gusev L. N. Sovetskaya voennaya yusticiya v gody inostrannoj intervencii i grazhdanskoj vojny (1918-1920 g.g.): Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – M., 1950. – 32 s.
5. Dekret SNK RSFSR ot 08.04.1918 g. «Ob uchrezhdenii volostnyh, uездnyh, gubernskih i okruzhnyh komissariatov po voennym delam» // Dekrety, polozheniya i prikazy po Krasnoj armii. Vyp. 1. Perm', 1918. S. 5-17.
6. Dekret VCIK ot 22.04.1918 g. «Ob obyazatel'nom obuchenii voennomu iskusstvu» // Dekrety, polozheniya i prikazy po Krasnoj armii. Vyp. 1. Perm', 1918. S. 17-20.
7. Zadonskih S.I. Principy stroitel'stva Krasnoj Armii v 1918-1945 gg.: sushchnost' i ehvoluciya: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – M., 1992. – 24 s.
8. Eremenko S. Voennye komissariaty Rossii: istoriya sozdaniya i razvitiya // <<http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12175620%40cmsArticle>> (poslednee poseshchenie 06 iyulya 2018 g.).
9. Zagy M., Savari A. Uchebnik po voennoj administracii i voennogo zakonovedeniya. – M.: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1926. – 478 s.
10. Konstituciya RSFSR 1918 goda // SU RSFSR. 1918. N 51. St. 582.
11. Korzhihina T. P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 - dekabr' 1991. – M.: RGGU, 1994. – 418 s.
12. Kryukovskih A. P. Voennaya reforma v SSSR 1924-1925 gg.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – SPb, 1969. – 20 s.
13. Ordin K. V. Konstitucionnye osnovy organizacii oborony Sovetskogo gosudarstva v pervoj glavnoj faze ego razvitiya: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – M., 1952. – 28 s.
14. Osnovy sovetskogo voennogo zakonodatel'stva. Uchebnoe posobie / Pod obshch. red. Koblikova A.S., Lepeshkina A. I., Romanova P. I., SHanina V. I. – M.: Voenizdat, 1973. - 272 c.
15. Partijno-politicheskaya rabota v Vooruzhennyh Silah SSSR. 1918-1973 / Pod red. A.A. Episheva. – M.: Voenizdat, 1974. – 336 s.
16. RGASPI. F. 73. Op. 34. L. 1 ob.
17. Skorobogatkin K. F., Belousov L. I., Verhodubov V. D. i dr. 50 let Vooruzhennyh Sil SSSR. – M.: Voenizdat, 1968. – 583 s.
18. Smirnov A. G. Rukovodstvo Kommunisticheskoy partii deyatelnost'yu Sovetov po ukrepleniyu Krasnoj Armii v 1924-1928 gg.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. – M., 1987. – 18 s.
19. Tyushkevich S. A., Zverev B. I., Korablev YU. I. i dr. Sovetskie vooruzhennye sily. – M.: voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1978. – 516 s.
20. Cvetkov I. F. Organizacionno-mobilizacionnye organy i organizacionnye struktury Voennomorskogo flota Rossii (1695-1945 gg.): diss. ... d-ra ist. nauk. – SPb, 2000. – 826 s.

УДК 347.79

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РАДИОСВЯЗИ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД В СССР

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Работа посвящена особенностям правового регулирования развития радиосвязи в постреволюционный период в СССР. Несмотря на то, что в России основы правового регулирования деятельности радиосвязи были заложены еще до захвата большевиками власти в самом начале XX в., это мало сказалось на обеспечении безопасности торгового судоходства, так как количество торговых судов, оснащенных радиостанциями, было еще крайне мало. Основная же нагрузка по внедрению и правовому регулированию радиосвязи для повышения безопасности торгового мореплавания в отечественном государстве пришлось именно в постреволюционный период. В работе рассматриваются основные правовые акты, регулирующие развитие радиосвязи в постреволюционный период в Советском государстве. Отмечается, что в связи с быстрым развитием техники, принятие нормативно-правовых актов в целях регуляции и упорядочения интенсивного внедрения радиосвязи, в том числе и на море, было весьма важным направлением работы законодателя.

Ключевые слова: радио, правовое регулирование, торговое судоходство, безопасность торгового мореплавания, морское судно, нормативно-правовой акт.

Важным этапом в повышении безопасности торгового мореплавания в начале XX века как в России, так и во всем мире стало широкое распространение и внедрение радиосвязи. Основой этого процесса служили международные радиотелеграфные конференции, активным участником которых была Царская Россия, а в дальнейшем и Советская власть. Но несмотря на то, что в России основы правового регулирования деятельности радиосвязи были заложены еще до захвата большевиками власти в самом начале XX в., это мало сказалось на обеспечении безопасности торгового судоходства, так как количество торговых судов, оснащенных радиостанциями, было еще крайне мало. Основная же нагрузка по внедрению и правовому регулированию радиосвязи для повышения безопасности торгового мореплавания в отечественном государстве пришлось именно в постреволюционный период.

Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть основные правовые акты, регулирующие развитие радиосвязи в постреволюционный период в Советском государстве после прихода большевиков к власти и оценить их роль в развитии радиосвязи, как важного элемента системы по обеспечению безопасности торгового мореплавания в рамках отечественного государства. В ходе работы учитываются исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: В. Г. Воронин, А. А. Глущенко, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, И. В. Зенкин, Б. В. Змерзлый и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В работах отечественных и зарубежных авторов исследование данного вопроса в обозначенном нами аспекте и временных рамках не проводилось или же проводилось поверхностно в рамках изучения другой проблемы. Правовое регулирование радиосвязи в обозначенный период нуждается в более детальном изучении и анализе для учета богатого и по большей части положительного исторического опыта.

Захватившие в 1917 г. в России власть большевики вполне отдавали себе отчет о важности контроля радиосвязи. Исходя из этого, 19 июля 1918 г. был подписан декрет о централизации радиотехнического дела РСФСР. Им, все радиотелеграфные станции, склады и крупные ремонтные мастерские, за исключением предусмотренных пар. 11 и 12 данного документа, переходили в ведение Комиссариата почт и телеграфов с персоналом и имуществом. Создаваемый Радиотехнический совет объявлялся совместно с органами Государственного контроля производить ревизию всех радиостанций, складов и мастерских республики и контроль над деятельностью учреждений и лиц, ведающих радиотелеграфным делом [7, с. 49].

Вторая часть декрета о централизации радиотехнического дела Советской республики предусматривала задачу централизации радиотехнического дела возложить на Комиссариат почт и телеграфов, при Радиотелеграфном отделе которого создавался особый радиотехнический совет, состоящий из ответственных работников, назначенных народным комиссаром почт и телеграфов.

Председателем Радиотехнического совета состоял народный комиссар почт и телеграфов или уполномоченный им член коллегии комиссариата [7, с. 50]. При этом, радиотехническому совету вменялось в обязанность: а) составление плана устройства и эксплуатации сети постоянных радиостанций и высший надзор за выполнением этого плана; б) согласование хозяйственно-технической деятельности различных комиссариатов; в) выработка «норм и правил» технических условий в области радиоустановок [7, с. 51].

Кроме того, учитывая специфику военного времени, декрет предусматривал, что ведению комиссариата по морским делам подлежали: а) все станции военных судов; б) все береговые станции, предназначенные для обслуживания морского транспорта, для управления флотом и его действиями, секретные, радиопеленгаторные, репетурующие, маячные и т.п. специального назначения [7, с. 52].

Последующие нормативно-правовые акты чрезвычайного периода были направлены на установление качественной и постоянной радиосвязи с дальним зарубежьем и окраинами огромной страны. Так, 30 июля 1919 г. было принято постановление Совета рабоче-крестьянской обороны, которым «для обеспечения надежной и постоянной связи центра Республики с западными государствами и окраинами республики» поручалось Народному комиссариату почт и телеграфов (далее – НКПТ) установить в чрезвычайно срочном порядке в г. Москве радиостанцию [7, с. 59-60].

17 марта 1920 г. вышло постановление Совета рабоче-крестьянской обороны о постройке центральной радиотелефонной станции в Москве [7, с. 58], а уже 21 июля 1920 г. было принято постановление Совета рабоче-крестьянской обороны об организации радиотелеграфного дела в РСФСР

Им, в целях обеспечения: а) непосредственной и постоянной радиотелеграфной связи центра РСФСР со странами, находящимися вне Европы (Америка), б) Северного района с центром и европейскими государствами и в) развития внутренних радиотелеграфных сетей федеративных республик, входящих в РСФСР, СТО поручило НКПТ:

а) построить и установить в Московском районе радиостанцию незатухающих колебаний с дугowymi передатчиками системы Паульсена и с машинами высокой частоты по проекту радиолaborатории НКПТ такой мощности, чтобы обеспечена была непосредственная и постоянная связь с Америкой;

б) восстановить радиостанцию в Детском Селе, оборудовав ее также передатчиками системы Паульсена и машинами высокой частоты для связи со всеми европейскими радиостанциями;

в) произвести переустройство Московской (Ходынской), Ташкентской, Одесской и Омской радиостанций, оборудовав их машинами высокой частоты системы инженера Вологодина;

г) изготовить необходимое количество передающих искровых радиостанций средней и малой мощности, а также приемных радиостанций, снабдив их всеми необходимыми приборами для приема затухающих и незатухающих колебаний [7, с. 61]. Все эти новые мощные, как для своего времени, радиостанции впоследствии использовались в том числе для обмена с другими странами важных для торгового судоходства метеосводок и другой информации.

С переходом страны на мирный путь развития регулирование деятельности радиоустановок в СССР была начата лишь с принятием СНК СССР постановления от 4 июля 1923 г. «О радиостанциях специального назначения».

Им, в целях развития радиосети СССР, НКПТ было предоставлено право разрешать государственным, профессиональным и партийным учреждениям и организациям на основаниях, изложенных в сем декрете, и согласно инструкции к нему. сооружение и эксплуатацию радиостанций для специальных целей (п. 1).

При этом, радиостанции специального назначения разделялись на:

- а) радиостанции промышленно-коммерческие;
- б) радиостанции, преследующие культурно-просветительные и научные цели;
- в) радиостанции любительские.

Промышленно-коммерческими считались радиостанции, предназначенные для содействия промышленным либо коммерческим задачам коллектива, их эксплуатирующего.

Культурно-просветительными считались радиостанции, которыми ведали культурно-просветительные и научные учреждения, не использующие их для извлечения коммерческой прибыли.

Любительскими считались радиостанции, не преследующие ни промышленных, ни коммерческих целей и устанавливаемые либо для развлечения, либо для любительского изучения радио дела. Принадлежность радиостанций к той или иной группе определялось НКПТ (п. 2).

Коллектив, которому разрешалось иметь радиостанцию специального назначения, становился абонентом радиосети СССР (п. 3). Абонентная плата за пользование радиосетью СССР устанавливалась НКПТ и утверждалась СНК.

Использование радиостанции специального назначения для приема или передачи корреспонденции, помимо связанной с ее специальными задачами, допускалась не иначе как с согласия на то НКПТ (п. 4).

На радиостанции специального назначения могли быть возложены и несение общегосударственных обязанностей (п. 5).

Радиостанции специального назначения должны были быть оборудованы специальными радиоприборами типов и систем, устанавливаемых НКПТ и изготовленных в пределах СССР. Отпуск предметов специального оборудования и снабжения производился на основании выданных на эти радиостанции разрешений НКПТ, причем

в целях контроля отпуска указанных предметов вводилась обязательная регистрация в НКПТ соответствующих предприятий и учреждений (п. 6).

Исключение из этого правила допускалось для радиостанций, устанавливаемых для научно-исследовательской работы с учебно-научными либо радио-производственными целями, в которых случаях могло быть допущено приобретение оборудования за границей по соглашению НКПТ с ВСНХ и Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли СССР.

Мощность радиостанций, характер и длина волны, а также диапазон и характер оборудования приемного устройства и часы работы устанавливались НКПТ. За НКПТ оставалось и право изменения установленной им мощности, длины волны и часов работы, а также диапазона приемного устройства в зависимости от изменения общих условий работы радиосети СССР (п. 7).

Как на установку, так и на эксплуатацию радиостанций специального назначения НКПТ выдавались отдельные разрешения, в которых перечислялись все условия сооружения или эксплуатации станции, которые подлежали точному выполнению (п. 8).

Радиостанции специального назначения с передающим устройством должны были обслуживаться квалифицированными радиоспециалистами, имеющими соответствующее удостоверение, выдаваемое НКПТ в установленном им же порядке (п. 9).

Радиостанции специального назначения обязаны были соблюдать, кроме условий, указанных в выданных им разрешениях, также и все правила, устанавливаемые НКПТ в отношении этих радиостанций (п. 10).

В случае нарушения интересов государства, связанных с радиосвязью, НКПТ предоставлялось право временного закрытия радиостанций, а также временного устранения от работы обслуживающих ее лиц с привлечением виновных к судебной ответственности, причем радиостанция могла быть закрыта либо лицо могло быть устранено от обслуживания радиостанции до вынесения судом соответствующего приговора (п. 11).

Нарушение правил данного декрета, заключающееся:

- а) в устройстве и эксплуатации нелегальных радиостанций;
- б) в использовании разрешенных в установленном декретом порядке радиостанций во вред СССР;
- в) в нарушении тайны радиотелеграфной корреспонденции, – каралось наказаниями, предусмотренными соответственно ст. ст. 59, 60, 62, 66, 117, 212 и 213 Уголовного Кодекса (п. 12).

Принятие нормативно-правовых актов в целях регуляции и упорядочения быстро развивающейся радиосвязи, в том числе и на море, было весьма важным направлением работы законодателя. В этом вопросе необходимо было успевать за быстрым развитием техники. Так, к примеру, в 1924 г. во время одного из рейсов парохода «Олимпик», были произведены весьма удачные опыты передачи быстродействующими аппаратами с парохода на берег со скоростью 90 слов в минуту. Этим складывались перспективы перехода к работе с быстродействующими аппаратами [8].

В Атлантическом океане, в виде опыта, телефонная радиостанция парохода «Кап Полонио» передала звуки музыки струнного квартета [9].

Впрочем, СССР также не стоял в стороне от развития сети радиосвязи. В этом же, 1924 г. в 5 верстах от Харькова в местечке «Северный Пост» (ст. Сортировочная

Южн. ж. д) Трестом слабых токов была построена для НКПС ламповая 2-килов. телеграфно-телефонная радиостанция. Она имела две мачты по 55 метров [10].

В середине 1920-х гг. все более важную роль стало играть применение радиосвязи. Своевременное оповещение о возможных изменениях погоды по радиосвязи, в первую очередь портов, становилось все более обычным делом.

Важным шагом в развитии системы обеспечения безопасности торгового судоходства стало принятие постановления СТО СССР от 21 августа 1924 г. «Правила обслуживания безопасности мореплавания и нужд торгового судоходства береговыми радиостанциями». Данный документ обязывал береговые радиостанции (указанные в специальном списке), через каждые 15 минут производить в течение 3 минут слуховое наблюдение за морем, настраивая приемные аппараты на волну в 600 метров.

При приеме и передаче сигналов времени и метеорологических бюллетеней все радиостанции должны были руководствоваться статьей 45 служебного регламента, приложенного к Международной Радиотелеграфной Конвенции 1912 г.

С восстановлением мировой экономики после 1-й Мировой войны, а также быстрым развитием радиовещания постоянно вставали все новые и новые вопросы, требующие урегулирования не только в Советском Союзе, но и на уровне всего мирового сообщества. Решению этих вопросов должна была способствовать Вашингтонская конференция 1927 г. В виду сложной политической обстановки, СССР не был приглашен на конференцию, новой радиотелеграфной Конвенции не подписывал и не принял, а по-прежнему с правовой точки зрения должен был руководствоваться положениями Лондонской конвенции 1912 года. Однако при разработке новых правил радиосвязи судовых и береговых радиостанций в СССР, Центральное управление морского транспорта и соответствующие народные комиссариаты признавали важность конференции 1927 года и считали необходимым по техническим соображениям руководствоваться разработанными и принятыми на ней правилами для переговоров на море [11, л. 17].

Таким образом, несмотря на то, что в России основы правового регулирования деятельности радиосвязи были заложены еще до захвата большевиками власти в самом начале XX в., основная нагрузка по внедрению и правовому регулированию радиосвязи для повышения безопасности торгового мореплавания в отечественном государстве пришлось именно в постреволюционный период. Захватившие в 1917 г. в России власть большевики осознавали важность развития радиосвязи в стране и активно ее развивали как путем активного технического развития сети радио, так и правовым сопровождением этой деятельности. СССР, являясь активным участником международной торговли, важную роль отводил правовому регулированию радиосвязи на море, как важному элементу по обеспечению безопасности торгового судоходства. Не смотря на сложности политического характера в международных отношениях, Советское руководство осознавало важность развития радио связи и активно внедряло в стране положения Вашингтонской Конвенции 1927 года, даже не принимая участия в ней, а соответственно и не будучи связанным вытекающими из нее международными обязательствами.

Такой подход позволил, не смотря на политические трудности международного характера для Советской власти, послереволюционную неразбериху и разруху в стране, устранить отставание в правовом регулировании обеспечения безопасности

на море от передовых морских держав, которое возникло в том числе и в сфере правового регулирования радиосвязи и достойно участвовать на равных в последующих (после Вашингтонской) радиотелеграфных конференциях.

Список литературы

1. Воронин В. Г. Административно-правовое регулирование организации и управления морской безопасностью в Российской Федерации : дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.14 / В. Г. Воронин. – Ростов н/Д., 2006. – 171 с.
2. Морское право. Учебное пособие / Гуцуляк В. Н. – М. : РосКонсульт, 2000. – 325 с.
3. Глушенко А. А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900-1917 гг.). Часть 1 из 5 / А. А. Глушенко. – СПб.: ВМИРЭ, 2005. – 193 с.
4. Гуреев С. А. Международное морское право : Учебное пособие / С. А. Гуреев, И. В. Зенкин, Г. Г. Иванов ; отв. ред. С. А. Гуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, Норма, 2011. – 432 с.
5. Зенкин И. В. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности на море : автореферат дис. на соискание учен. степени д. ю. н. 12.00.10 / И. В. Зенкин. – Москва., 1993. – 48 с.
6. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь, 2014. – 660 с.
7. Ленин В. И. О радио / В. И. Ленин. – М. : Искусство, 1973. – 183 с.
8. Быстродействующие аппараты на пароходе // Популярный журнал «Радиолобитель». – М. : ТРУД и КНИГА, 1924. – №2. – С. 21.
9. Радиовещание в открытом море // Популярный журнал «Радиолобитель». – М., 1924. – М. : ТРУД и КНИГА, 1924. – №2. – С. 21.
10. Новая телеграфно-телефонная радиостанция НКПС // Популярный журнал «Радиолобитель». – М. : ТРУД и КНИГА, 1924. – №2. – С. 52.
11. ЦГА ВМФ, ф. р-180, оп. 1, д. 677. Переписка об оборудовании морских театров страны радиомаяками и радиопеленгаторами. 09.01.1932 - 21.12.1932. 88 л.

Sharmoyants A. Legal regulation of the development of radiocommunications in the post-revolution period in the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (70). № 1. – P. 107–113.

In the work one researches the peculiarities of the legal regulation of the development of radio communications in the post-revolutionary period in the USSR. But despite the fact that in Russia the foundations of legal regulation of radio communications were laid even before the Bolsheviks seized power at the very beginning of the twentieth century, this had little effect on ensuring the safety of merchant shipping, since the number of merchant ships equipped with radio stations was still extremely few. The main burden of the introduction and legal regulation of radio communications to improve the safety of merchant shipping in the domestic state occurred precisely in the post-revolutionary period. The paper discusses the main legal acts regulating the development of radio communications in the post-revolutionary period in the Soviet state. It is noted that in connection with the rapid development of technology, the adoption of legal acts in order to regulate and streamline the intensive introduction of radio communications, including at sea, was a very important area of work of the legislator.

Keywords: radio. legal regulation, merchant shipping, safety of merchant shipping, sea craft, legal act, normative legal act,

Spisok literatury

1. Voronin V. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie organizacii i upravleniya morskoy bez-opasnost'yu v Rossijskoj Federacii : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.14 / V. G. Voronin. – Rostov n/D., 2006. – 171 p.
2. Morskoe pravo. Uchebnoe posobie / Guculyak V. N. – M. : RosKonsul't, 2000. – 325 p.
3. Glushchenko A. A. Place and role of radio in the modernization of Russia (1900-1917 gg.). Part 1 of 5 / Glushchenko. – SPb.: VMIRE, 2005. – 193 p.
4. Gureev S. A. Mezhdunarodnoe morskoe pravo : Uchebnoe posobie / S. A. Gureev, I. V. Zenkin, G. G. Ivanov ; otv. red. S. A. Gureev. – 2-e izd., pererab. i dop. – M: Infra-M, Norma, 2011. – 432 p.
5. Zenkin I. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti na more : avtorefe-rat dis. na soiskanie uchen. stepeni d. yu. n. 12.00.10 / I. V. Zenkin. – Moskva., 1993. – 48 p.
6. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale XX vv. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol', 2014. – 660 p.
7. Lenin V. I. O radio / V. I. Lenin. – M. : Iskustvo, 1973. – 183 p.
8. Bystrodeistvuiushchie apparaty na parokhode // Populiarnyi zhurnal «Radioliubitel». – M. : TRUD i KNIGA, 1924. – №2. – P. 21.
9. Radioveshchanie v otkrytom more // Populiarnyi zhurnal «Radioliubitel». – M., 1924. – M. : TRUD i KNIGA, 1924. – №2. – P. 21.
10. Novaia telegrafno-telefonnaia radiostantsiia NKPS // Populiarnyi zhurnal «Radioliubitel». – M. : TRUD i KNIGA, 1924. – №2. – P. 52.
11. TsGA VMF, f. r-180, op. 1, d. 677. Perepiska ob oborudovanii morskikh teatrov strany radiomayakami i radio-pelengatorami. 09.01.1932 - 21.12.1932. 88 l.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Абызов Р. М., Абызов К. Р., Ботвин И. В.

Барнаульский юридический институт МВД России, Алтайский край, г. Барнаул

В представленной статье проводится подробный анализ особенностей криминологического обеспечения полицейской деятельности. На основе изучения достоверности статистических данных, реальных деятельности органов внутренних дел, а также зарубежного опыта авторы приходят к выводу о том, что сегодня организация криминологического обеспечения деятельности ОВД не адекватна существующим криминогенным угрозам личности, общественному порядку и общественной безопасности. В результате, авторы вырабатывают меры по оптимизации криминологического обеспечения в полиции.

Ключевые слова: криминологическое обеспечение, деятельность полиции, органы внутренних дел, реформирование ОВД, статистика преступности.

Сегодня уже никто не скрывает того факта, что эффективность принятия управленческих решений в сфере деятельности ОВД оставляет желать лучшего. Многочисленные реформы, проводимые в системе МВД в последние годы, ощутимых результатов не дали. В 2019 г. вновь ожидается очередная масштабная реформа.

Не только гражданам, но порой ученым и практикам не понятно, почему:

- сокращаются, объединяются либо вовсе ликвидируются подразделения ОВД;
- неожиданно меняются приоритеты в борьбе с преступностью;
- управленческие решения принимаются без учёта криминологической экспертизы.

Таких «почему» можно назвать десятка полтора-два. Вместе с тем, криминологи осознали весьма важный факт, что полиция в борьбе с преступностью не может воплотить требования закона полностью, что неизбежно по двум причинам.

Во-первых, в реальной действительности полицейский сталкивается с таким количеством правонарушений, что реагировать на каждое из них должным образом физически невозможно. Поэтому полицейский выбирает: а) на какие из них он будет реагировать в первую очередь; б) на какие будет реагировать по мере возможности; в) а на какие и, вовсе, не будет реагировать.

Во-вторых, применение закона требует не только понимания, но и личной интерпретации его полицейским, особенно в неоднозначных ситуациях. На практике это неизбежно приводит к субъективизму применения норм. Сегодня до 80% всех отказных материалов готовят участковые уполномоченные полиции. Поэтому коли-

чество регистрируемых правонарушений очень сильно зависит от того, как конкретный полицейский будет оценивать ситуацию и толковать закон [1, с. 13].

Сегодня многие из существующих проблем ОВД, обусловлены, в том числе, и низким качеством криминологического обеспечения своей деятельности. Во многом это обусловлено объективными причинами, в частности:

- пробельностью и различием регионального законодательства в этой сфере;
- специфичностью факторов и характеристик конкретного региона (социально-экономических; культурно-демографических; географических и др.);
- территориальными расхождениями в основных показателях преступности.

В повседневном столкновении с криминалом правоохранители сами понимают: всю показушность в борьбе с преступностью; бессистемность в сборе криминологической информации; поверхностность анализа криминальной ситуации; бесполезность прогнозов преступности (недоверенность, формализм); рассогласованность действий между различными субъектами; неэффективность управленческих решений.

Подтверждается это и результатами опросов сотрудников ОВД относительно эффективности взаимодействия субъектов криминологического обеспечения:

- 26,0% респондентов оценили – неудовлетворительно;
- 23,0% – скорее неудовлетворительно, чем удовлетворительно;
- 38,0% – скорее удовлетворительно, чем нет;
- и только 13,0% – удовлетворительно [1, с. 15].

Для деятельности ОВД одним из главных критериев её эффективности выступает криминологическая обоснованность принимаемых организационно-управленческих решений и мер противодействия преступности. В связи с этим представляется актуальным получение новой научной информации об особенностях организации криминологического обеспечения деятельности ОВД.

Под криминологическим обеспечением сегодня понимают сбор и анализ подразделениями ОВД криминологической информации: о состоянии преступности, её причинах и условиях; о закономерностях индивидуального преступного поведения; об особенностях личности преступника и потерпевших от преступлений; и определение на их основе прогнозов возможного развития криминальной ситуации на обслуживаемой территории.

Криминологическое обеспечение деятельности ОВД по противодействию криминальным проявлениям, привычно делят на 4 информационных блока:

- а) о преступности, видах преступности и отдельных преступлениях; б) о причинах и условиях преступности, её видов и отдельных преступлений; в) о лицах, совершающих преступления либо систематически нарушающих административно-правовые нормы; и об их жертвах; г) о состоянии и результатах борьбы с преступностью, её эффективностью [2, с. 3-6].

Одной из важных проблем криминологического обеспечения деятельности ОВД является достоверность и полнота информации, включающая в себя сведения: социально экономической статистики; демографической статистики; криминальной статистики.

Не зная реального состояния социально-экономической характеристики региона, невозможно понять и оценить их влияние на состояние преступности.

Региональная и муниципальная власти, отчитываясь перед федеральным центром, приукрашивают результаты своей работы. Особенно это бросается в глаза при оценке: состояния безработицы; размеров заработных плат и пособий; уровня жизни населения территории и т.п.

Другим источником криминологической информации являются статистические данные о состоянии преступности. Сегодня это является, пожалуй, одной из самых важных и больших проблем в деятельности полиции всех стран. Недостовверные статистические данные о состоянии, структуре и динамике фактической преступности; о факторах её обуславливающих, затрудняют изучение криминальной ситуации [2, с. 3-6].

Отсюда проблемы учёта и регистрации сообщений и заявлений граждан о совершённых преступлениях и правонарушениях напрямую связаны с предыдущей – лукавой статистикой состояния социально-экономической характеристики региона.

При этом информация представлена в основном статистическими данными:

а) о количестве зарегистрированных преступлений того или иного вида; б) о количестве раскрытых и расследованных преступлений за анализируемый период в целом и по подразделениям; в) о количестве выявленных административных правонарушений; г) о результатах работы служб и подразделений ОВД и т.д.

На основе этой информации невозможно осуществить её качественный анализ, дать адекватную оценку криминальной ситуации, спрогнозировать её будущее развитие.

Более того, на практике анализ преступности чаще всего проводится в сравнении с её количественно-качественными показателями предыдущего года, что, на наш взгляд, примитивно и крайне недостаточно. Это не позволяет сгладить «шероховатости» учёта преступлений за каждый год в отдельности и вывести средние взвешенные показатели. Для большей объективности сравнение данных при таком анализе целесообразно проводить с помощью динамических рядов от 3-х до 5-ти лет и более.

Известно, что криминологическая информация концентрируется, как правило, в информационных базах: дежурной части и штаба, служб оперативно-розыскной информации и по исполнению административного законодательства, подразделений ГИБДД.

Сотрудники подразделений, непосредственно работающих на «земле»: уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции, дорожно-патрульной и патрульно-постовой служб полиции, территориальных отделений и пунктов полиции не могут оперативно использовать её в повседневной деятельности.

Важно понимать, что только достоверная и значимая криминологическая информация может повысить эффективность предупредительной деятельности. Такая информация должна объективно отражать состояние: во-первых, функционирования системы предупреждения преступлений; во-вторых, внешней среды с необходимой степенью точности.

Даже у экспертов в области криминологии сегодня нет понимания реального количества преступлений в стране, имеются только теоретически обоснованные и математически просчитанные вероятностные представления о ней. Так, например, по данным профессора С.М. Иншакова, в нашей стране каждый год совершается от 26

до 30 млн. преступных посягательств, в то время как регистрируются чуть больше 2 млн. таких деяний [3, с. 6].

Сегодня статистика преступности – это искусственно созданная информация, которая не соответствует её реальным фактическим масштабам. В основе искажения статистики лежит давно изжившая себя система оценки деятельности органов внутренних дел, поэтому статистические данные не раскрывают, а наоборот – скрывают реальную картину о преступности.

В этом вопросе интересен опыт Казахстана, где, начиная с 2012 года, МВД Республики стало регистрировать все преступные посягательства надлежащим образом. Количество преступных деяний сразу же выросло в 2-2,5 раза, кроме того, раскрываемость снизилась до 40-45%, а по отдельным видам, например, по тайным хищениям – до 10%, по открытым – до 14% и т.д. На взволнованность Парламента и Правительства РК ухудшением статистики преступности Министр внутренних дел РК заметил: «Это не рост преступности, она осталась на том же уровне, просто мы показали то, что раньше скрывали».

Следует заметить, что уже несколько лет в нашей стране ведется работа по реформированию системы учёта и регистрации преступлений органами внутренних дел. В 20-ти с лишним регионах идёт эксперимент по внедрению новой системы в масштабах всего государства. Приказом Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ до 2025 г. [4, с. 1]. Представляется, что вслед за прокуратурой такую работу активизирует и МВД России, что, в конечном счете, может привести к реальному изменению положения дел в системе учёта и регистрации преступных посягательств.

Вторая проблема в сфере криминологического обеспечения деятельности ОВД – это изучение и внедрение (использование) передового опыта полиции зарубежных стран в противодействии отечественной преступности.

Сегодня деятельность европейской полиции базируется на следующих принципах:

1. Создание организации с чёткими правилами и структурой управления;
2. Законность как главный приоритет в работе;
3. Стратегия на минимальное применение силы;
4. Повышение прозрачности и подотчетности полиции обществу;
5. Приоритетное направление - предупреждение преступлений;
6. Обеспечение общественной безопасности и контроль над преступностью

[5, с. 23].

Большинство европейских стран реформировало деятельность полиции путём: пересмотра концептуальных основ и стандартов управления; усиления профессиональной подготовки полицейских; ускорения делопроизводства и обмена информацией; переориентации на общество и открытость для гражданского контроля.

При этом наибольшее внимание они уделяют совершенствованию нормативно-правовой базы; ужесточению регламентации деятельности полицейских структур; совершенствованию форм общественного контроля над полицией. Всего этого реально не хватает российской полиции, хотя отмеченные положения декларируются в выступлениях руководства страны и МВД.

Сегодня криминогенные процессы не только на постсоветском пространстве, но и мире в целом захватывают все большее социальное пространство; ускоряют криминальное перерождение государственных институтов; интегрируют преступную субкультуру в социальную структуру общества [6, с. 4].

Эволюция глобальных, национальных и региональных угроз, постоянно меняющиеся криминальные модели требуют от правоохранительных органов постоянного обновления стратегий, приоритетов и методов работы. Уже очевидно, что ОВД нуждаются в замене модели управления, поскольку низкая эффективность правоохранительной деятельности не позволяет успешно решать поставленные перед ними задачи. Соответственно возникает потребность в новых современных подходах в противодействии преступности.

Практике борьбы с преступностью известны следующие модели правоохранительной деятельности: а) традиционная полицейская деятельность, которая предполагает в основном реагирование на инциденты и обращения граждан (75%); б) полицейская деятельность, основанная на взаимодействии с населением (15%); в) проблемно-ориентированная полицейская деятельность (7%); г) полицейская деятельность на основе оперативных данных и достоверной информации (3%) – ПДОДИ [7, с. 14-15].

ПДОДИ – относительно новая, развивающаяся концепция, в основе которой лежит тесное взаимодействие между аналитиками (криминологами) и лицами, принимающими организационно-управленческие решения, обладающими необходимыми умениями и качествами. Центральным элементом в методе ПДОДИ является систематический сбор и анализ сведений, связанных с пресечением, сокращением и устранением преступности.

Сегодня криминологи-аналитики за рубежом имеются практически во всех подразделениях полиции. Они изучают преступность и обуславливающий её причинный комплекс; личность преступника и личность жертв преступлений; всевозможные риски и опасности для граждан, связанные с преступностью; современные методы прогнозирования и предупреждения преступности.

Логично задаться вопросами: «Востребована ли эта профессия, к примеру: – в России?» «Нужен ли криминолог-аналитик в наших правоохранительных органах?» Ответ очевиден: НУЖЕН, поскольку криминолог сегодня – это, прежде всего, эксперт-аналитик, обладающий: а) специальными научными познаниями; б) профессиональным опытом в области анализа и прогноза преступности; в) современными компьютерными технологиями.

В практическом аспекте криминология вооружает специалиста знаниями и умениями для эффективного воздействия на преступность в процессе:

- изучения личности преступника или правонарушителя;
- выявления причин и условий преступлений;
- прогнозирования преступности и индивидуального преступного поведения;
- разработки и реализации мер воздействия на преступность;
- анализа эффективности мер предупреждения преступлений [8, с. 31].

При сегодняшних темпах научно-технического прогресса преступность не стоит на месте и постоянно эволюционирует. Для изучения этой «эволюции» нужны грамотные работники, с опытом практического применения.

К сожалению, современные российские криминологи – это в большинстве случаев учёные-теоретики. Практика противодействия преступности сегодня заметно оторвана от научного обеспечения и, если не развивать криминологию, то она так и останется лишь научной дисциплиной.

Вместе с тем, современный этап развития общества обусловил: а) масштабную криминализацию социально-экономической сферы; б) появление неизвестных ранее преступлений и способов их совершения [9, с. 17], что потребовало от сотрудников ОВД: новых аналитических знаний и навыков; владение современными технологиями.

Третья проблема, логически вытекающая из предыдущей, – это криминологическое обеспечение деятельности ОВД с использованием современных компьютерных технологий.

Информационные технологии способны сегодня предложить криминологу-аналитику богатейший инструментарий для: оперативного получения необходимых сведений и их обработки; повышения скорости, качества, достоверности этих данных; придания практической значимости криминологическим исследованиям.

В 2014 г. в Америке была издана книга «Будущие преступления» (Future crime) Марка Гудмана – заместителя руководителя Национального центрального бюро Интерпола в Вашингтоне, ведущего аналитика ФБР, профессора Университета. Книга Гудмана, изданная более чем в 20 странах мира, рассказывает об орудиях и инструментарии преступника будущего.

Сегодня под ударом киберпреступности оказались все: и корпорации, и мелкие бизнесмены, и отдельные граждане. Каковы особенности будущей (уже сегодняшней!) преступности? Как от них защититься простому человеку? Что может сделать государство и общество в борьбе с криминалом, наркомафией и терроризмом? Ответы на эти вопросы можно найти в книге В. Овчинского и Е. Лариной «Криминал будущего уже здесь».

Сегодня речь идёт о создании на базе современных технологий (ТИАД и ГИС) интеллектуальной среды моделирования безопасного развития региона.

ТИАД – (технологии интеллектуального анализа данных), позволяют переработать первичную (сырую) информацию с целью получения новых продуктивных знаний, необходимых для принятия решения в неожиданных ситуациях. Они рассчитаны на пользователя с минимальной компьютерной подготовкой, хорошо зарекомендовав себя в сферах борьбы с организованной преступностью; с незаконным оборотом наркотических средств; с экономическими преступлениями.

Технологии интеллектуального анализа данных обладают широчайшими возможностями в сфере противодействия преступности:

- они повышает качество и скорость расследования крупных многоэпизодных дел с сотнями фигурантов и тысячами эпизодов;
- технологии незаменимы в разведывательном анализе на этапе выдвижения версий и планирования оперативно-следственных мероприятий;
- они зарекомендовал свою сильную профилактическую сторону при определении потенциальных объектов и субъектов криминальной активности.

ГИС – (геоинформационные технологии) – это многофункциональные информационные системы, предназначенные для сбора, обработки, моделирования и анализа больших данных. Они представляют собой целый класс программных продуктов,

способных обрабатывать и анализировать данные пространственной локализации. На основе ГИС-системы разработан модуль «Crime Analyst», позволяющий:

- проводить сравнительный анализ происшествий;
- предоставлять различные способы анализа данных о преступности;
- создавать аналитические карты по показателям преступности;
- устанавливать и отображать очаги преступности на карте;
- прогнозировать место и время совершения будущих преступлений.

Российские правоохранительные органы, к сожалению, такой оперативностью пока не обладают, прогрессивными технологиями редко пользуются, поскольку наша полиция не располагает, в том числе необходимыми специалистами.

К другим видам криминологического обеспечения можно отнести: 1) мониторинг деятельности полиции по противодействию преступности; 2) криминологическую экспертизу – как универсальный инструмент оценки законности, адекватности, эффективности любого вида деятельности [10, с. 307]; 3) комплексный анализ криминальной ситуации в регионе.

Основными аналитическими материалами, характеризующими: преступность; факторы, её обуславливающие; и лиц, совершивших противоправные деяния, считаются: а) комплексный анализ деятельности ОВД за 3-6-9 месяцев и год; б) и проблемный анализ по изучению отдельных проблем и вопросов противодействия преступности на обслуживаемой территории [11, с. 43].

Сегодня комплексный анализ региональной преступности в России затруднен в силу территориальных различий её причинного комплекса. Это различия:

- а) в социально-экономических характеристиках региона;
- б) в степени криминализации и социальной запущенности населения;
- в) в особенностях практики борьбы с преступностью [12, с. 12-13].

При этом в комплексных анализах криминальной ситуации, подготавливаемых штабами, лишь:

- в 20,0% содержится информация об административных правонарушителях;
- в 20,0% имеется анализ лиц, совершивших преступления;
- в 40,0% анализируются преступления против личности;
- в 27,0% изучаются виктимологические аспекты преступности;
- в 33,0% в качестве источника информации используются результаты опроса населения [1, с. 15]. Это всё к вопросу о полноте криминологической информации.

Лишь в 80,0% комплексных анализов отражаются прогнозы развития криминальной ситуации на обслуживаемой территории, да и те: а) не имеют под собой необходимой подтверждающей аналитической базы; б) не несут в себе криминологического содержания. Приведённые данные во многом совпадают и с результатами нашего исследования, проведённого в 2016 году по заказу ГУ МВД России по Алтайскому краю [13, с. 3-7].

В большинстве комплексных анализов не находят своего отражения:

- анализ причин правонарушений и условий, обуславливающих их совершение;
- анализ эффективности проводимых профилактических мероприятий;
- конкретные предложения, направленные на стабилизацию криминологической обстановки на обслуживаемой территории.

Изучение информационно-аналитического обеспечения и ведомственных разработок, посвященных проблемам криминологического анализа криминальной ситуа-

ции, свидетельствует об отсутствии: а) как методологии проведения комплексного анализа складывающейся криминальной ситуации и прогноза её изменения; б) так и выработки управленческих мер по противодействию преступности на основе результатов анализа и прогноза преступности в регионе.

Сегодня организация криминологического обеспечения деятельности ОВД не адекватна существующим криминогенным угрозам личности, общественному порядку и общественной безопасности по следующим основаниям:

1. Отсутствует нормативная регламентация и методическое сопровождение деятельности субъектов криминологического обеспечения ОВД.

2. Отсутствуют информационные системы, позволяющие: оперативно получать и использовать криминологическую информацию; прогнозировать возможное развитие криминальной ситуации; анализировать информацию по каждому административному участку.

3. Не отражаются в планах конкретные мероприятия, направленные на: предупреждение противоправных деяний подучётных лиц; виктимологическую профилактику; взаимодействие с другими субъектами борьбы с преступностью.

4. Отсутствует система подготовки сотрудников информационно-аналитических подразделений ОВД.

Оптимизировать систему криминологического обеспечения ОВД можно, для чего необходимо:

1. Определить и нормативно закрепить перечень субъектов криминологического обеспечения, их полномочия, механизм взаимодействия между ними и систему контроля; источники криминологической информации, её объемы и носители, периодичность и своевременность поступления; оптимальную структуру, последовательность и содержание анализа криминальной обстановки и прогноза её развития.

2) Разработать информационные системы, позволяющие ОВД получать, перерабатывать, систематически пополнять и использовать криминологическую информацию на всех уровнях управления; осуществлять прогнозирование возможного развития криминальной ситуации на территории обслуживания.

3) Осуществлять накопление криминологической информации не только в информационных базах ОВД; но и по каждому административному участку территории обслуживания.

4) Разработать алгоритмы криминологического обеспечения ОВД по нейтрализации криминогенных угроз личности, общественному порядку и общественной безопасности; являющихся приоритетом предупредительной деятельности на территории оперативного обслуживания.

5) Организовать на базе образовательных учреждений МВД системы подготовки специалистов по криминологическому обеспечению ОВД; повышения квалификации сотрудников аналитических подразделений; подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктурах образовательных организаций системы МВД.

Список литературы

1. Евсеев А.В. Организация криминологического обеспечения предупреждения преступлений территориальными органами МВД России на районном уровне. автореф. дисс. на соиск. учёной степени канд. юрид. наук. М., 2016. 35 с.
2. Абызов Р.М. О роли криминальной статистики в прогнозировании и предупреждении преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Часть 1. Барнаул. БЮИ МВД России. 2017. С. 3-6.
3. Иншаков С.М. и др. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности, М., 2011. 839 с.
4. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ до 2025 г. М., 2017. 21 с.
5. Ефремова О.С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте РФ: автореф. дисс. на соиск. учёной степени канд. юрид. наук. Рязань. 2017. 22 с.
6. Радовичкий К.А. Преступность в современной России: социологический анализ: автореф. дисс. на соиск. учёной степени канд. социолог. наук. М., 2004. 23 с.
7. Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации. Серия: ДТНУ/ОСВПД, издание 13. Вена. 2017.С.14-15.
8. Зарубежный опыт использования штатных криминологов в деятельности полиции: научно-практическое пособие / Г. Лесков, С. Илий, В. Аванесян, О. Бежан. М., ВНИИ МВД России. 2011. 59 с.
9. Ботвин И.В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 23 с.
10. Фадеев В.Н. Судьба России – судьба человечества. М., 2018. 543 с.
11. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика. // Под ред. проф. Абызова Р.М. Монография. Барнаул. БЮИ МВД России. 2018. 299 с.
12. Каныгин В.И. Проблемы комплексного анализа и предупреждения преступности в регионе (по материалам Приволжского федерального округа): автор. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 12-13.
13. Абызов Р.М. Опыт Изучения комплексного анализа криминальной ситуации в регионе. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Часть 1. Барнаул. БЮИ МВД России. 2018. С. 3-7.

Abyzov R. M., Abyzov K. R., Botvin I. V. Features of criminological provision of the police // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (71). № 1. – P.114-123.

The article provides a detailed analysis of the features of criminological support of police activities. Based on the study of the reliability of statistical data, the realities of the activities of the internal Affairs bodies, as well as foreign experience, the authors conclude that today the organization of criminological support for the activities of the ATS is not adequate to the existing criminal threats to the individual, public order and public safety. As a result, the authors develop measures to optimize criminological support in the police.

Keywords: criminological support, police activity, the internal Affairs unit, the reform of the police, crime statistics.

Spisok literatury

1. Evseev A.V. Organizaciya krimonologicheskogo obespecheniya preduprezhdeniya prestuplenij territorial'nymi organami MVD Rossii na rajonnom urovne. avtoref. diss. na soisk. uchyonoy stepeni kand. yurid. nauk. M., 2016. 35 s.
2. Abyzov R.M. O roli kriminal'noj statistiki v prognozirovanii i preduprezhdenii prestupnosti // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. CHast' 1. Barnaul. BYUI MVD Rossii. 2017. S. 3-6.
3. Inshakov S.M. i dr. Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti, M., 2011. 839 s.
4. Konceptiya cifrovoj transformacii organov i organizacij prokuratury RF do 2025 g. M., 2017. 21 s.
5. Efremova O.S. Krimonologicheskoe obespechenie preduprezhdeniya prestuplenij v sub"ekte RF: avtoref. diss. na soisk. uchyonoy stepeni kand. yurid. nauk. Ryazan'. 2017. 22 s.
6. Radovickij K.A. Prestupnost' v sovremennoj Rossii: sociologicheskij analiz: avtoref. diss. na soisk. uchyonoy stepeni kand. sociolog. nauk. M., 2004. 23 s.

7. Rukovodstvo OBSE po policejskoj deyatel'nosti na osnove operativnyh dannyh i informacii. Seriya: DTNU/OSVDP, izdanie 13. Vena. 2017.S.14-15.
8. Zarubezhnyj opyt ispol'zovaniya shtatnyh kriminologov v deyatel'nosti policii: nauchno-prakticheskoe posobie / G. Leskov, S. Ilij, V. Avanesyan, O. Bezhan. M., VNI MVD Rossii. 2011. 59 s.
9. Botvin I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2016. 23 s.
10. Fadeev V.N. Sud'ba Rossii – sud'ba chelovechestva. M., 2018. 543 s.
11. Kompleksnyj analiz kriminal'noj situacii v regione: teoriya, metodologiya, praktika. // Pod red. prof. Abyzova R.M. Monografiya. Barnaul. BYUI MVD Rossii. 2018. 299 s.
12. Kanygin V.I. Problemy kompleksnogo analiza i preduprezhdeniya prestupnosti v regione (po materialam Privolzhskogo federal'nogo okruga): avtor. diss. na soisk. uchenoj stepeni kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2002. S. 12-13.
13. Abyzov R.M. Opyt Izucheniya kompleksnogo analiza kriminal'noj situacii v regione. // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. CHast' 1. Barnaul. BYUI MVD Rossii. 2018. S. 3-7.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Бугаев В. А., Чайка А. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье исследуются проблемные вопросы теории и практики реализации уголовной ответственности за приготовление к преступлению. В частности, отдельные аспекты, как теоретического, так и практического характера, связанные с раскрытием содержания категории приготовления к преступлению, оснований уголовной ответственности за приготовление к преступлению, в том числе преступлениям небольшой и средней тяжести. Уяснение ряда названных проблем с теоретической точки зрения позволяет на уровне правоприменения разрешить сложные вопросы квалификации неоконченных преступлений на стадии приготовления.

Ключевые слова: приготовление к преступлению, неоконченное преступление, состав неоконченного преступления, уголовная ответственность за приготовление к преступлению.

Актуальность данной темы обусловлена сложностью квалификации приготовления к преступлению, как с теоретической стороны, так и с точки зрения правоприменения. Поэтому, рассмотрение некоторых проблемных аспектов установления уголовной ответственности за приготовление к преступлению может способствовать разрешению теоретических проблем, пробелов в законодательстве и улучшению правоприменительной практики.

Раскрывая особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению, отметим, что в соответствии с ч.1 ст.30 УК РФ, под приготовлением к преступлению понимается «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления, иное умышленное создание условий для совершения преступления [1, с. 2954]. Причём, согласно действующему уголовному законодательству, указанные действия могут быть признаны приготовлением только в случае, если они не были доведены до конца по причинам, не зависящим от воли лица их учинивших.

Не вдаваясь в детальный анализ содержания данной уголовно-правовой нормы, полагаем целесообразным рассмотреть основные проблемные аспекты, связанные с реализацией уголовной ответственности за приготовление к преступлению как к форме неоконченного преступления. Данные проблемы носят как теоретический, так и сугубо практический характер.

Согласно традиционной уголовно-правовой доктрине приготовление к преступлению признается начальной стадией совершения преступления и, наряду с покушением на преступление, рассматривается в качестве разновидности неоконченного преступления. В соответствии с таким подходом размещение указанных норм в главе 6 Общей части УК РФ под наименованием «Неоконченное преступление» представляется вполне логичным.

Между тем, существуют и концептуально иные подходы к определению места и роли приготовления к преступлению. В частности, отдельные авторы полагают, что приготовление к преступлению стадией преступления признаваться не может. В качестве аргументов этой позиции они отмечают «что приготовление всегда имеет место ещё до начала того преступления, к совершению которого готовилось лицо, а стадией преступления можно признать лишь ту его фазу, этап, ступень в развитии, которые имеют место уже после начала преступления» [2, с. 14].

Соответственно, по их мнению, данное обстоятельство выводит приготовление к преступлению из числа разновидностей неоконченного преступления и поэтому название главы «Неоконченное преступление» оказывается уже неверным, ибо теперь оно охватывает собой деяние (приготовление к преступлению), которое разновидностью неоконченного преступления не является. Данная позиция является достаточно спорной, и представляется, что на современном этапе развития уголовного закона не требуется внесения в него по этому поводу каких-либо изменений даже редакционного характера.

Одной из теоретических проблем установления ответственности за приготовление к преступлению является - проблема нормативной регламентации основания такой ответственности. Отечественная правовая теория принимает как аксиому законодательно закреплённое положение, согласно которому основанием уголовной ответственности является совершение действия (бездействия), содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом» [3, с.75].

Однако проблема основания уголовной ответственности за приготовление к преступлению этим не исчерпывается, поскольку при совершении таких деяний возникают вопросы, есть ли в них все признаки состава преступления. В этой связи Н.Н. Килимбаев, отмечает, что ч.1 ст.29 УК РФ даёт определение оконченного преступления, обязательным условием которого является наличие в деянии всех признаков состава преступления. Таким образом, вполне логично сделать вывод о том, что в неоконченном преступлении, соответственно, всех признаков состава преступления не содержится, а раз так, то нет и оснований уголовной ответственности» [4, с. 206].

Вследствие этого, на наш взгляд, правомерны два вопроса. Во-первых, распространяются ли положения ст.8 УК на приготовление к преступлению и во-вторых, насколько законно привлечение к уголовной ответственности, если в совершенном деянии нет всех признаков состава преступления, предусмотренного диспозицией статьи Особенной части УК, которая, как известно, устанавливает признаки оконченного преступления.

Для разрешения вышеуказанных вопросов об основании уголовной ответственности за приготовление к преступлению, в доктрине уголовного права выработаны три основных подхода, а именно: неполного состава, полного состава и общего состава преступления.

Теория неполного состава исходит из признания того, что уголовная ответственность за неоконченное преступление возможна в отсутствие всех признаков состава преступления в совершенном деянии, а, следовательно, в отсутствие основания. Как отмечает Р.В.Килимбаев, имея в виду приготовление и покушение, «уголовная ответственность зачастую имеет место быть и в случаях, когда в содеянном формально не содержится всех признаков состава преступления» [4, с. 206].

Суть концепции неполного состава заключается в предположении, что уголовная ответственность за неоконченные преступления наступает в отсутствие полноценного состава. Однако с подобной концепцией трудно согласиться, поскольку этим размывается основание уголовной ответственности, создаются условия для нарушения четких требований принципа законности в уголовном праве (ст. 3 УК РФ).

Теория общего состава характеризуется тем, что не учитываются особенности основания уголовной ответственности за неоконченное преступление и такая ответственность рассматривается, как простое исключение из общего правила. То есть, особенность ответственности за приготовление к преступлению заключается в том, что при отсутствии всех признаков ряда элементов состава преступления, вопреки общим принципам, уголовная ответственность за совершенное деяние не устраняется, а создается некое особое положение ответственности за неоконченное преступление.

Таким образом, данная концепция предусматривает, что независимо от вида преступления, окончено оно или нет, законом определяется один состав преступления. Таким образом, если мы говорим о неоконченном преступлении, то отсутствующий признак объективной стороны доказывается здесь не как фактически наступивший, а как таковой, которому надлежит наступить, в том случае если бы их наступлению не препятствовали обстоятельства, которые не зависят от лица.

Представляется, что наиболее верной с точки зрения соответствия, как положениям уголовного закона, так и требованиям формальной логики, является третья концепция - теория полного состава или, так называемая, «теория состава неоконченного преступления».

Теория полного состава исходит из того, что основанием уголовной ответственности за совершение неоконченного преступления служит совершение деяния, содержащего все признаки состава неоконченного преступления. Так, в комментарии к УК РФ под редакцией Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева и ряде других отмечалось, что основаниями ответственности за приготовление является наличие в действиях виновного состава неоконченного преступления. Соответственно при решении вопроса об уголовной ответственности в этих случаях необходимо учитывать положения ст.ст. 29 и 30 УК[5, с.56].

Этой позиции придерживаются и многие другие авторы. Так, Н.Н.Баймакова считает, что «основанием уголовной ответственности за приготовление к преступлению и покушение на преступление является наличие состава неоконченного преступления, признаки которого сформулированы в частях 1 и 3 ст.30 УК и диспозициях конкретных норм Особенной части УК РФ» [6, с. 81].

Одним из проблемных аспектов уголовной ответственности за приготовление к преступлению является вопрос наказуемости приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести. Как вытекает из положения ч.2 ст.30 действующего УК уголовная ответственность может наступать за приготовление только к тяжким и особо тяжким преступлениям [1].

Вместе с тем, в процессе правоприменения могут возникать проблемы реализации данных положений при уголовно-правовой оценке готовящихся преступлений с неконкретизированным умыслом. Например, при краже с неопределенным по отношению к стоимости похищаемого имущества умыслом. Если стоимость похища-

емого имущества оказывается не очень велика, то при отсутствии признаков особо квалифицированных составов (ч. 3 и 4 ст. 158 УК) ответственность за приготовление в силу указания ч.2 ст.30 УК полностью исключается, т.к. ч.1 ст.158 предусматривает ответственность за преступление небольшой тяжести, а ч. 2 ст.158 – средней тяжести.

Если же стоимость предмета кражи превысит 250 тыс. рублей (крупный размер), то основание для ответственности будет иметься. Причем в значительной части случаев о стоимости похищенного виновный имеет неточное представление. К тому же такая неопределенность влечет за собой проблемы уголовно-процессуального характера, особенно когда после тщательных подсчетов стоимости имущества может оказаться, что к задержанным необоснованно применялись строгие меры уголовно-процессуального принуждения или они вообще должны быть освобождены от уголовного преследования. Весьма вероятно, что по этой причине правоохранные органы ненадлежащим образом реагируют на большинство приготовлений к преступлениям.

В связи с этим отдельные криминалисты полагают, что декриминализация приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести существенным образом снижает превентивный потенциал уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. По их мнению, сложившаяся ситуация, при которой приготовление к нетяжким преступлениям остаётся без внятной реакции со стороны государственного аппарата, лишает правоохранные органы определённых возможностей по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это в свою очередь может подтолкнуть соответствующих субъектов к повторению попыток довести преступление до конца, а также в той или иной мере способствует появлению у преступников атмосферы безнаказанности. В связи, с чем предлагается отказаться от положений ч. 2 ст.30 УК.

Представляется, что с такой позицией согласиться сложно, поскольку в период действия предыдущего УК РСФСР 1960 г. (в котором не было исключений уголовной ответственности за приготовление к нетяжким преступлениям), судебной практики по указанной категории уголовных дел фактически не было. Это и послужило основанием для законодателя при разработке УК РФ 1996 г. декриминализовать ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что вопросы уголовной ответственности за приготовление к преступлению носят весьма дискуссионный характер. Для правильного их разрешения необходимо иметь четкое представление о том, что приготовление к совершению преступления – является стадией неоконченного преступления, и для правильной квалификации необходимо установление признаков его объективной стороны, которая закреплена в ч.1 ст.30 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, С. 2954;
2. Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Приготовление к преступлению стадией преступления не является // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск №4(38), 2014. – С. 14-15;
3. Романов А.К. Об основании уголовной ответственности за неоконченные преступления // Вестник МИЭП. 2016. № 3 (24). – С. 75-83;
4. Килимбаев Р.В. К вопросу об основании уголовной ответственности за неоконченное преступление // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 206-207;
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001. – С. 896;
6. Баймакова Н.Н. Неоконченное преступление и его признаки // Российское правосудие. 2010. № 4. С.77-81.

Bugayev V., Chaika A. V. Features of criminal liability for preparation for a crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 124-128.

The article is devoted to the peculiarities of establishing criminal liability for preparing for the commission of a crime as a form of an unfinished crime. The article considers some problematic aspects, both theoretical and practical, related to the content of the category preparation for a crime, the basis for the responsibility for preparing for a crime, as well as preparation for crimes of small and medium gravity.

Key words: preparation for crime, incomplete crime, composition of unfinished crime, responsibility for preparation for crime.

Spisok literatury

1. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, С. 2954;
2. Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Приготовление к преступлению стадией преступления не является // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск №4(38), 2014. – С. 14-15;
3. Романов А.К. Об основании уголовной ответственности за неоконченные преступления // Вестник МИЭП. 2016. № 3 (24). – С. 75-83;
4. Килимбаев Р.В. К вопросу об основании уголовной ответственности за неоконченное преступление // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 206-207;
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001. – С. 896;
6. Баймакова Н.Н. Неоконченное преступление и его признаки // Российское правосудие. 2010. № 4. С.77-81.

УДК 343.851+316.33

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ ИЛИ АВТОРИТАРНАЯ ИДИЛЛИЯ?

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены инновационные разработки в сфере криминологической превенции детерминант преступности, готовящихся преступлений и девиантного поведения граждан. В частности, проанализированы преимущества и недостатки экспериментальных площадок и пилотных проектов по созданию и функционированию систем общественного доверия (социального кредита) в Китайской Народной Республике и системы предупреждения преступлений в Соединенных Штатах Америки. Детально охарактеризованы устанавливаемые привилегии и льготы для законопослушных граждан, а также ограничения, запреты и санкции, вводимые для населения и юридических лиц с низким социальным рейтингом, как способы мотивации к правомерному поведению. Основное внимание в работе уделено исследованию возможности использования данных новаций и информационных ресурсов в правоохранительной деятельности в целом и системе предупреждения правонарушений и преступлений, в частности.

Ключевые слова: база данных, контроль и надзор, кредит доверия, криминологическая превенция, ограничения и запреты, персональные данные, предупреждение преступлений, привилегии и льготы, рейтинг граждан и юридических лиц, система общественного доверия (социального кредита).

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, внедрение инноваций во все сферы жизнедеятельности общества, сопряженные с ростом общественной опасности и усилением последствий совершаемых преступлений, диктуют необходимость совершенствования форм и методов криминологической превенции различных девиаций. Ни в коем случае не снижая значимость правоохранительной деятельности по обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности (в том числе в ее инновационных форматах [1, с. 106–107]), считаем, что достижения научно-технического прогресса и новаторские подходы к предупреждению преступности не должны становиться инструментом неоправданного ограничения прав и свобод граждан, интересов юридических лиц, материализуя сюжет романа Джорджа Оруэлла «1984» (1949).

Так, новое тысячелетие Китайская Народная Республика (далее – КНР) начала с поэтапного внедрения системы ранжирования граждан по категориям для мониторинга и оценивания их поведения на основании заданных показателей и определенных индикаторов. Пока система функционирует в пилотном режиме в нескольких регионах страны, а ее повсеместное использование намечено на 2020 г.

В 2010 г. экспериментальной площадкой послужил юг Китая (округ Суйнин провинции Цзяньгу), населению которого устанавливался рейтинг 1 000 условных единиц (баллов). Базовый рейтинг общественного доверия каждого гражданина увеличивался или уменьшался в зависимости от просоциального образа жизни либо асоциального поведения соответственно. Исходя из количества баллов, население было разделено на 4 категории («А», «В», «С», «D»), которым предоставлялись

льготы и привилегии или в отношении которых вводились ограничения и запреты. Так, граждане из категории «А» имели право на государственную поддержку в начале предпринимательской деятельности, льготный режим при подаче заявки на вступление в Коммунистическую партию или приеме на государственную службу. А граждане из категории «D» лишались социальной помощи и других видов государственной поддержки. Проект вызвал резкую критику общественности («граждане должны оценивать правительство, а не наоборот»), вследствие чего ранжирование населения по категориям было прекращено, но оценивание продолжилось [2]. При этом акценты сместились на оперативность сбора, систематизации, анализа, передачи и уточнения информации, осуществляемых на научной основе и легитимных основаниях.

С 2014 г. сбор онлайн-оценки, финансовой и правовой информации, влияющей на рейтинг граждан, обеспечивают правоохранители, муниципалитеты, финансовые учреждения и частные технологические платформы, хранящие персональные данные [3]. При совершении положительных с точки зрения государства поступков к базовому рейтингу также добавляются баллы, благодаря которым можно получить скидки на оплату жилищно-коммунальных услуг, оформить кредит по льготной ставке и без поручителей, взять что-либо в аренду без залога и т.д. Даже на сайтах знакомств профиль такого законопослушного гражданина попадает в топовый список. И, наоборот, при асоциальном образе жизни, нарушении трудовой дисциплины, совершении административных проступков или уголовных преступлений рейтинг снижается. То есть государственный и общественный «кредиты доверия» включают политическую, социальную, юридическую и коммерческую составляющие.

Интересно отметить, что обеспечение функционирования системы общественного доверия возложено на судебную ветвь власти КНР. Уже сегодня благодаря народным судам в качестве санкций к гражданам с низким социальным рейтингом могут применяться такие меры:

1. *Запрет на авиаперелеты и поездки железнодорожным транспортом.* Схожие нормы присутствуют и в российском законодательстве (ст. 107.1 Воздушного кодекса РФ), нормы которого уполномочивают перевозчика отказать в заключении договора воздушной перевозки пассажиру, внесенному в реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена. Однако процедура введения и снятия таких ограничений в отношении авиадебоширов регламентирована федеральными законами, а их применение связано исключительно с совершением правонарушений либо преступлений, посягающих на безопасность перевозок воздушным транспортом (ч. 6 ст. 11.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях, пункт «в» ч. 1 ст. 213, ст. 267.1 Уголовного кодекса РФ).

Что касается перевозок пассажиров железнодорожным транспортом, то пока в КНР ограничиваются возможности граждан с низким рейтингом путешествовать бизнес-классом и на высокоскоростных поездах, им уделяется более пристальное внимание при прохождении пограничного контроля и таможенного досмотра. По состоянию на апрель 2018 г. система уже заблокировала поездки для 11,14 млн граждан авиарейсами и 4,25 млн – высокоскоростным наземным транспортом [4]. Наряду с этим существенно понижают рейтинг населения безбилетный проезд, праздничное поведение перед посадочными воротами и курение в неположенных местах на объектах транспортной инфраструктуры.

2. *Ограничение скорости Интернета и трафика.* На наш взгляд, с учетом виртуализации всех сфер жизнедеятельности современного общества и тотальной зависимости от информационно-телекоммуникационных технологий, прежде всего подростков и молодежи, ограничения в области использования Интернет-ресурсов могут действительно стать одной из адресных мер и «болезненных» форм криминологической превенции, эффективным средством купирования асоциального поведения. С этим согласны и другие исследователи [5, с. 108–109; 6, с. 52]. Помимо цензуры, системы информационных фильтров и барьеров, жестких запретов и ограничений в киберпространстве КНР, проект «Золотой щит» позволяет осуществлять блокирование опасного и вредного контента, что также приносит положительный социальный эффект.

Система не только отслеживает своевременность уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей, но и учитывает такие моральные факторы, как длительное времяпрепровождение за компьютерными играми или размещением контента в социальных сетях, совершение легкомысленных трат и спонтанных покупок. Научные изыскания [7, с. 88–90; 8, с. 223] и трагические события в России и мире, связанные с проявлениями неосознанной жестокости в подростковой среде («колумбайн», «скулшутинг»), подтверждают взаимосвязь деструктивной и асоциальной активности с длительностью времени, проведенного в киберпространстве. Но использование данных детерминант в работе системы достаточно дискуссионное, поскольку такими лицами могут быть разработчики или тестирующие компьютерные игры, блогеры, журналисты, интернет-маркетологи и др. А совершение «легкомысленных трат и спонтанных покупок» может быть вызвано стечением личных, семейных и других обстоятельств конкретного «девианта», распродажей товаров и т.п., поэтому оценка таких действий не будет объективной и достоверной.

3. *Запрет на обучение в престижных образовательных организациях, в том числе осуществляющих деятельность на коммерческой основе.* Действие данного запрета распространяется также и на обучение в престижных школах детей граждан с низким социальным рейтингом. Более того, 17 человек, отказавшихся от призыва на военную службу в 2017 г., были не только лишены возможности получить высшее образование, но и им аннулировали аттестаты о среднем образовании, запрещены выезд за границу, заселение в престижные отели и приобретение объектов недвижимости [9].

4. *Запрет на посещение ресторанов класса «люкс» и «высшей категории», ограничения на посещения ночных клубов, гольф-клубов и других популярных мест проведения досуга; запрет на проживание в гостиницах высшей и первой категорий, ограничения на выезд за пределы страны в туристических целях.* В то же время для граждан с высоким социальным рейтингом допускается бронирование номеров в гостиницах без предоплаты, быстрее оформляются разрешения и выдаются визы для выезда за границу. Вместе с тем непонятно как будут реализованы данные запреты и ограничения в отношении граждан с низким социальным статусом определенных профессий, например, ресторанных критиков.

5. *Ограничения карьерного роста и запрет на продвижение по службе.* Лица с низкой социальной ответственностью лишаются возможности: работать на руководящих должностях в органах государственной власти и крупных банках; проходить военную службу; заниматься адвокатской деятельностью и юридической практикой;

работать на предприятиях, деятельность которых связана с продуктами питания, химической промышленностью, полезными ископаемыми, оборотом наркотических средств, психотропных веществ и др. Кроме этого, планируется поощрять работодателей, учитывающих социальный рейтинг граждан перед их трудоустройством.

6. *Ограничения на новое строительство, улучшение жилищных условий, покупки дорогостоящей недвижимости и транспортных средств.* Использование таких и схожих сумпуарных норм достаточно спорно, но, учитывая растущее благосостояние отдельных слоев населения при симбиозе коммунизма и капитализма, данные ограничения могут оказаться продуктивными.

7. *Общественное порицание.* Речь идет о недопустимости поощрений лиц с низким социальным статусом, в том числе присуждения почетных званий и государственных премий. Самые злостные нарушители попадают в «черные» списки, размещаемые в массмедиа, но перед включением в них такие граждане получают судебные уведомления, которые могут быть обжалованы в течение 10 дней [2].

Другими словами, права и интересы граждан в сфере потребления общественных благ, социальной мобильности, предоставления возможностей для отдыха и проведения досуга, открытия и развития бизнеса должны соответствовать уровню доверия к ним. А в контексте вопросов пенализации, с целью недопущения продолжения противоправного поведения субъектов девиации, для последних осуществляется постепенное увеличение «стоимости» дискредитации, ошутимости санкций, усиление болезненности от введенных ограничений и упущенных возможностей. По сути, система оценивает каждый аспект поведения гражданина по определенным параметрам, определяя ценность и пользу индивидуума для общества и государства.

Обратим внимание на то, что социальные кредиты граждан (как и персональные кредитные истории или страховые истории ОСАГО), не являются статичными, они могут варьироваться в зависимости от их поведения, трудовой активности и образа жизни. Действие системы общественного доверия распространяется также и на юридических лиц. Их рейтинг может повышаться, если у контролирующих и фискальных органов не возникают вопросы по ведению, предоставлению документации и отчетности, своевременности и полноте уплаты налогов и сборов, а также в случае отсутствия жалоб и претензий со стороны их персонала, партнеров и клиентов. За это юридические лица получают такие привилегии, как снижение ставок налогообложения, упрощение процедуры получения кредитов и обращения в государственные органы. В противном случае для них повышаются налоговые ставки, ограничиваются инвестиции, приостанавливаются субсидии и дотации, ужесточается контроль операций с ценными бумагами, вводится запрет на создание новых юридических лиц и т.д. Как следствие, граждане и юридические лица с низким социальным рейтингом не только лишаются определенных социальных благ, но и подвергаются ежедневному мониторингу, в отношении них повышаются частота и доля внезапных проверок.

Подчеркнем, что лейтмотив программной документации КНР в сфере общественного доверия – банкротство дискредитировавших себя граждан и юридических лиц с «запятнанной» репутацией. Однако методология, критерии и алгоритмы оценивания пока закрыты для общего доступа. В качестве примеров противоправного поведения граждан приводятся: нарушения правил дорожного движения; курение в

неположенных местах; приобретение значительного количества компьютерных игр; распространение ложной информации; критика органов власти и Коммунистической партии Китая; членство в сектах, лжеучениях и деструктивных культах; заведомо ложные доносы и сообщения об актах терроризма; блокирование государственных или общественных зданий, сооружений либо воспрепятствование осуществлению деятельности органов власти; уклонение от содержания престарелых родителей. А для юридических лиц (в том числе благодаря мониторингу отзывов потребителей) – оказание услуг ненадлежащего качества, продажа фальсифицированного товара, неуплата и уклонение от уплаты налогов и сборов.

Доступ к таким базам данных уже имеется у органов государственной власти, правоохранителей, коммерческих организаций и интернет-компаний. Но уже к 2020 г. планируется предоставить возможность каждому проверить на веб-сайте рейтинг любого гражданина или юридического лица, сведения о которых будут привязаны к обычным (общегражданским) паспортам и уставным документам соответственно. Однако не уточняются такие нюансы, как:

1) распространение действия системы на общественные объединения, религиозные и другие некоммерческие организации, лиц без гражданства и беженцев, а также граждан КНР, не достигших возраста получения паспорта. По нашему мнению, включение в систему рейтинговых оценок последней категории неоднозначно – с одной стороны, именно подростки наиболее активны в киберпространстве (социальные сети, мессенджеры, видеоигры), а с другой, в силу несформированности личности не всегда осознают асоциальность выбранной модели поведения и совершаемых поступков. Поэтому более чем абсурдными выглядят инициативы по снижению рейтингов подростков в будущем за списывание на выпускных экзаменах;

2) порядок формирования и доступа к рейтингам граждан, которые являются государственными служащими, членами Политбюро Коммунистической партии, занимают высшие посты в органах власти, на государственных предприятиях, в учреждениях, организациях и др. Полагаем, что при существующем политическом строе и государственном устройстве в КНР вряд ли будут соблюдены принципы прозрачности, гласности, транспарентности и открытости деятельности правящей политической партии, органов государственной власти, местного самоуправления, их руководства и должностных лиц;

3) возможность отказа граждан и юридических лиц от участия в рейтинговом оценивании, а также механизм функционирования системы в отдаленных регионах без сети Интернет. Впрочем, к 2020 г. планируется завершить развитие интернет-инфраструктуры и телекоммуникаций в таких местностях и обеспечить доступ к Интернету жителям 98 % сельских районов [10]. В то же время разработчикам программного обеспечения и контролерам работы системы необходимо учитывать субъективные факторы и непредвиденные обстоятельства. Например, отсутствие трудовой активности гражданина может быть связано с его недееспособностью, а ее снижение – с продолжительной болезнью; продажа недоброкачественного товара ритейлером вызвана недобросовестностью поставщиков, а неоказание услуг надлежащего качества обусловлена виной субподрядчиков или связана с возникновением чрезвычайных ситуаций;

4) механизмы защиты персональных данных и контроль функционирования системы. Помимо необходимости хранения и обработки огромного массива данных одной пятой населения Земли, необходимо обеспечить их сохранность и защищенность, а также минимизировать ошибки и сбои в работе системы. Учитывая тренды по максимальной автоматизации всех сфер жизнедеятельности общества, все же нельзя исключать погрешности. Так, в ноябре 2018 г. система распознавания лиц в г. Нинбо (провинция Чжэцзян), фиксирующая нарушения правил дорожного движения, зарегистрировала как нарушение переход дороги на красный свет светофора лицом, фотография которого была размещена в качестве рекламы на проезжающем общественном транспорте [11]. Следовательно, несмотря на задачи по автоматизации систем проверки, перехвата, наблюдения и даже наказания, актуализируются задачи по функционированию контрольно-надзорных механизмов в этой области, в том числе сосредоточенных в руках общественности.

Сегодня общее количество видеокамер в КНР составляет более 170 млн, а к 2020 г. планируется довести их число до 620 млн. В соответствии с техническим заданием Министерства общественной безопасности система должна распознавать лица в течение 3-х секунд с точностью до 90 %. Кроме правоохранительной сферы, возможности системы распознавания лиц предполагается применять и в коммерческом секторе. Уже сегодня она используется образовательными организациями высшего образования вместо студенческих билетов, компаниями авиаперевозчиков – взамен посадочных талонов, в ресторанах общественного питания «КФС» – для оплаты заказа благодаря подмигиванию или улыбке [12].

Учитывая эти обстоятельства, в работе системы также необходимо исключить возможности для злоупотреблений дискреционными полномочиями соответствующими органами, в ведении которых будет находиться система, и обеспечить безопасность персональных и финансовых данных от реальных и потенциальных киберугроз (хакинг, взлом, накрутка рейтинга, кража данных и др.) [13; 14, с. 304–305]. Именно поэтому осенью 2016 г. было задекларировано, что при построении системы кредитного надзора, предупреждения и наказания лиц с низким рейтингом необходимо учитывать следующие принципы: законность; взаимообмен и совместное использование информации всеми уполномоченными субъектами; единение в применении санкций («если доверие нарушается в одном месте, ограничения вводятся повсеместно»); взаимодействие государства с общественностью, включая координацию гражданских инициатив в этой сфере. Также уделено внимание информационно-пропагандистской работе, включающей усиление роли СМИ в этой сфере (в том числе опубликование списков лиц с низким рейтингом), а также координацию, надзор и давление на общественное мнение в целях убеждения в целесообразности функционирования системы [15]. Впрочем, последнюю задекларированную задачу считаем исключительной привилегией тоталитарного государства.

Что касается новаций в этой сфере в других зарубежных странах, то идентичная система, разработанная стартапом «Palantir», используется с 2011 г. в тестовом режиме органами безопасности и правопорядка Калифорнии и Луизианы (США). Применение данного сервиса осуществляется без соответствующего законодательного обеспечения (как и в КНР) и конкурсных процедур по государственным закупкам, а в некоторых случаях – даже без ведома муниципалитетов. Система баллов для граждан и оценок вероятных рисков от их асоциального образа жизни и проти-

воправного поведения используется для прогнозирования преступной (прежде всего террористической) угрозы от конкретного человека. Отметим, что «теория допре- ступности» в США не нова: идеи о функционировании «идеальной» системы пре- дупреждения преступлений «Precrime», позволившей в 2054 г. привлекать к ответ- ственности преступников еще до совершения преступления, были описаны в пове- сти американского писателя-фантаста Филипа Киндред Дика «Особое мнение» (1956).

Работа системы «Palantir» построена по аналогии с социальными сетями и поз- воляет по введенным данным о человеке (фамилия, пол, школа) определить круг его родственников, друзей и знакомых, прежде всего тех, которые причастны или могут быть причастны к противоправной деятельности. А благодаря специальному при- ложению на мобильные телефоны полицейских приходят уведомления о перемеще- нии интересующих их лиц, транспортных средств и т.п. Также могут быть сделаны поисковые запросы, по ключевым словам, («наркотические средства», «разбой», «мужчина, ростом 1,8 м» и др.) [16]. Несколько позднее районы городов, в которых проводился эксперимент, были оценены в зависимости от уровня криминологиче- ских угроз, в первую очередь по количеству членов организованных групп и пре- ступных сообществ, владельцев оружия, условно осужденных лиц, лиц с условно- досрочным освобождением и др. В этом случае чем выше рейтинг объектов право- охранительного контроля, тем пристальнее будет к ним внимание органов безопас- ности и правопорядка.

Иначе говоря, на основании систематизации полученных данных информаци- онно-аналитическая система указывает потенциальных преступников. Источниками информации для формирования американских баз данных служат материалы пре- ступлений и проступков, данные о местах жительства и работы (учебы) граждан, владении оружием, объектами движимого и недвижимого имущества, активности в сети Интернет и круге общения в социальных сетях. Для сравнения: в китайском уезде Жунчэн (провинция Шаньдун) в аналогичной системе 142 таких источника баз данных от органов публичной власти всех уровней, финансовых учреждений до интернет-провайдеров и гипермаркетов. Но в КНР система учитывает и информа- цию о поведении просоциальной направленности, гражданской и социальной ак- тивности, трудовой деятельности и т.п. То есть любой гражданин, ранее допускав- ший совершение проступков, может быть реабилитирован не только в глазах обще- ства, но и при рейтинговой оценке. Это делает китайскую систему лидером среди аналогичных разработок.

Таким образом, задача «Palantir» ограничена формированием прогноза о субь- екте, объекте и месте преступления с целью предотвращения последнего. Впрочем, система не лишена недостатков – исследование и статистические материалы свиде- тельствуют о ее предвзятости к афроамериканцам, лицам с низким уровнем доходов и высокой погрешности прогнозов и гипотез. К тому же дополнительный балл к «рейтингу» добавлялся даже после рутинной проверки документов сотрудниками полиции. Как следствие, пилотное функционирование системы (скрытое от обще- ственности и муниципалитетов) не отразилось на состоянии преступности в регио- нах проведения экспериментов.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что субъективное ранжирование населения по категориям и неправомерное использование органами власти баз дан-

ных даже в целях обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности недопустимо, а в тоталитарных странах или государствах с элементами автократии неизбежно приведет к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и законных интересов общества.

По нашему мнению, в обозримом будущем цель создания таких систем должна заключаться в: культивировании, поддержании и развитии мотивации к законопослушному поведению; содействии формированию самосознания и самооценки, всесторонней поддержке и стимулировании оцениваемых в выборе правомерной модели поведения; информировании общества о результатах рейтинга граждан и юридических лиц; корректировке системы ограничений, запретов и наказаний для реальных и потенциальных субъектов девиаций. Но возложение данных задач на судебную систему (КНР) нецелесообразно и контрпродуктивно, поскольку приоритетом мониторинга и оценки поведения и образа жизни граждан должна быть именно превенция преступлений, а не реализация государственной пенитенциарной политики и излишнее форсирование ее карательной составляющей.

Безусловно, такая геймифицированная система мотивации не должна становиться моделью тотального контроля и надзора за безальтернативными действиями граждан и деятельностью юридических лиц, высокоэффективным инструментом борьбы с оппозицией и нивелирования роли общественности в государственном управлении. Следует также учитывать, что большинство используемых параметров и категорий носит субъективно-оценочный характер, поэтому ранжирование граждан и юридических лиц по заданным критериям не может учесть все аспекты поведения, образа жизни и рода деятельности конкретного оцениваемого субъекта. Поэтому считаем, что система общественного доверия и ее аналоги должны использоваться исключительно в качестве дополнительного источника информационно-аналитического обеспечения правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Игнатов А. Н. Криминологический анализ основных рисков технологического развития человечества / А. Н. Игнатов // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы» (г. Симферополь, 29 июня 2018 г.). – Т. 1. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2018. – С. 204–209.
2. Independent <<https://www.independent.co.uk/news/world/asia/china-surveillance-big-data-score-sensorship-a7375221.html?ref=tjournal.ru>> (последнее обращение – 3 декабря 2018 г.).
3. China Copyright and Media. The law and policy of media in China – edited by Rogier Creemers <<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>> (последнее обращение – 1 декабря 2018 г.).
4. Global Times. Social credit system must bankrupt discredited people: former official – by Liu Xuanzun Source <<http://www.globaltimes.cn/content/1103262.shtml>> (последнее обращение – 2 декабря 2018 г.).
5. Коноплева А. А. Актуальные проблемы кросс-культурных взаимодействий в контексте осуществления правоохранительной деятельности / А. А. Коноплева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (25). – С. 105–111.
6. Чудина-Шмидт Н. В. Роль экстремальных проявлений в трансформации социальной системы / Н. В. Чудина-Шмидт // Социально-гуманитарное обозрение. – 2017. – № 4. – С. 51–53.
7. Никитина Л. Н. Чрезмерное увлечение компьютерными играми как фактор девиантного поведения несовершеннолетних / Л. Н. Никитина // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1. – С. 86–92.
8. Рудик М. В., Торопов С. А. Несовершеннолетний как субъект преступлений в сфере компьютерной информации / М. В. Рудик, С. А. Торопов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 222–225.

9. BJ News <<http://www.bjnews.com.cn/news/2018/03/19/479533.html>> (последнее обращение – 3 декабря 2018 г.).
10. China Daily. 140b yuan agreed for rural Net upgrading – by Zhao Yinan <http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-10/15/content_22188940.htm> (последнее обращение – 1 декабря 2018 г.).
11. РИА Новости. В Китае система распознавания лиц выписала штраф фотографии на автобусе <<https://ria.ru/world/20181123/1533395963.html>> (последнее обращение – 2 декабря 2018 г.).
12. South China Morning Post. Society. China to build giant facial recognition database to identify any citizen within seconds – by Stephen Chen <<https://www.scmp.com/news/china/society/article/2115094/china-build-giant-facial-recognition-database-identify-any>> (последнее обращение – 3 декабря 2018 г.).
13. Бачиева А. В., Светличный Е. Г. Способы совершения неправомерного доступа к компьютерной информации / А. В. Бачиева, Е. Г. Светличный // материалы междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической науки и практики» (г. Гатчина, 25 мая 2018 г.). – Гатчина, 2018. – С. 268–271.
14. Тагиров З. И. Перспективные правоохранные возможности институционализации сетевых баз персональных данных и права человека / З. И. Тагиров // материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Права и свободы человека в контексте развития современного государства» (г. Симферополь, 09 декабря 2016 г.). – Краснодар: КрУ МВД России, 2017. – С. 302–305.
15. China Copyright and Media. The law and policy of media in China – edited by Rogier Creemers <<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/09/25/opinions-concerning-accelerating-the-construction-of-credit-supervision-warning-and-punishment-mechanisms-for-persons-subject-to-enforcement-for-trust-breaking/>> (последнее обращение – 4 декабря 2018 г.).
16. CNN. Business. A rare look inside LAPD's use of data – by Matt McFarland <<https://money.cnn.com/2017/09/11/technology/future/lapd-big-data-palantir/index.html>> (последнее обращение – 1 декабря 2018 г.).

Butkevich S. Social credit system: criminological utopia or authoritarian idyll? // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – P. 129-138.

The article considers innovative developments in the field of criminological prevention of the determinants of crime, imminent crimes and deviant behavior of citizens. In particular, the advantages and disadvantages of experimental sites and pilot projects for the creation and operation of social credit systems in the People's Republic of China and crime prevention systems in the United States of America are analyzed. The privileges and concessions for law-abiding citizens, as well as restrictions, prohibitions and sanctions imposed for the population and legal entities with low social ratings, as ways of motivating to lawful behavior are described in details. The main attention is paid to the study of the possibility of using these innovations and information resources in law enforcement activity in general and the system for the prevention of offenses and crimes in particular.

Key words: database, control and supervision, credibility, criminological prevention, restrictions and prohibitions, personal data, crime prevention, privileges and concessions, rating of citizens and legal entities, social credit system.

Spisok literatury:

1. Ignatov A. N. Kriminologicheskij analiz osnovnyh riskov tekhnologicheskogo razvitiya chelovechestva / A. N. Ignatov // materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy» (g. Simferopol', 29 iyunya 2018 g.). – Т. 1. – Simferopol': KF KrU MVD Rossii, 2018. – S. 204–209.
2. Independent <<https://www.independent.co.uk/news/world/asia/china-surveillance-big-data-score-censorship-a7375221.html?ref=tjournal.ru>> (poslednee obrashchenie – 3 dekabrya 2018 g.).
3. China Copyright and Media. The law and policy of media in China – edited by Rogier Creemers <<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>> (poslednee obrashchenie – 1 dekabrya 2018 g.).
4. Global Times. Social credit system must bankrupt discredited people: former official – by Liu Xuanzun Source <<http://www.globaltimes.cn/content/1103262.shtml>> (poslednee obrashchenie – 2 dekabrya 2018 g.).
5. Konopleva A. A. Aktual'nye problemy kross-kul'turnyh vzaimodejstvij v kontekste osushchestvleniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti / A. A. Konopleva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 3 (25). – S. 105–111.

6. CHudina-SHmidt N. V. Rol' ehkstreml'nyh proyavlenij v transformacii social'noj sistemy / N. V. CHudina-SHmidt // Social'no-gumanitarnoe obozrenie. – 2017. – № 4. – S. 51–53.
7. Nikitina L. N. CHrezmernoe uvlechenie komp'yuternymi igrami kak faktor deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih / L. N. Nikitina // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2017. – № 1. – S. 86–92.
8. Rudik M. V., Toropov S. A. Nesovershennoletnij kak sub"ekt prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii / M. V. Rudik, S. A. Toropov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 3 (94). – S. 222–225.
9. BJ News <<http://www.bjnews.com.cn/news/2018/03/19/479533.html>> (poslednee obrashchenie – 3 dekabrja 2018 g.).
10. China Daily. 140b yuan agreed for rural Net upgrading – by Zhao Yinan <http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-10/15/content_22188940.htm> (poslednee obrashchenie – 1 dekabrja 2018 g.).
11. RIA Novosti. V Kitae sistema raspoznavaniya lic vypisala shtraf fotografii na avtobuse <<https://ria.ru/world/20181123/1533395963.html>> (poslednee obrashchenie – 2 dekabrja 2018 g.).
12. South China Morning Post. Society. China to build giant facial recognition database to identify any citizen within seconds – by Stephen Chen <<https://www.scmp.com/news/china/society/article/2115094/china-build-giant-facial-recognition-database-identify-any>> (poslednee obrashchenie – 3 dekabrja 2018 g.).
13. Bachieva A. V., Svetlichnyj E. G. Sposoby soversheniya nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii / A. V. Bachieva, E. G. Svetlichnyj // materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki» (g. Gatchina, 25 maya 2018 g.). – Gatchina, 2018. – S. 268–271.
14. Tagirov Z. I. Perspektivnye pravoohranitel'nye vozmozhnosti institucionalizacii setevyh baz personal'nyh dannyh i prava cheloveka / Z. I. Tagirov // materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Prava i svobody cheloveka v kontekste razvitiya sovremennogo gosudarstva» (g. Simferopol', 09 dekabrja 2016 g.). – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2017. – S. 302–305.
15. China Copyright and Media. The law and policy of media in China – edited by Rogier Creemers <<https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/09/25/opinions-concerning-accelerating-the-construction-of-credit-supervision-warning-and-punishment-mechanisms-for-persons-subject-to-enforcement-for-trust-breaking/>> (poslednee obrashchenie – 4 dekabrja 2018 g.).
16. CNN. Business. A rare look inside LAPD's use of data – by Matt McFarland <<https://money.cnn.com/2017/09/11/technology/future/lapd-big-data-palantir/index.html>> (poslednee obrashchenie – 1 dekabrja 2018 g.).

УДК 343.09

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ КАРШЕРИНГОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных с каршеринговыми автомобилями; рассматриваются конкретные случаи и результаты оценки действий злоумышленников, анализируются спорные вопросы квалификации. Автором изучен зарубежный опыт, приводятся данные статистики, что подтверждает достоверность полученных результатов. Сделаны выводы о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство в части отказа от деления на различные формы и виды хищений и не хищений, что затрудняет правоприменительную практику; даны практические рекомендации по квалификации различных деяний с каршеринговыми автомобилями.

Ключевые слова: мошенничество, каршеринг, автомобили, аренда автомобиля, угон, грабеж, хищения.

Новейшие IT технологии предоставляют предпринимателям все новые и новые способы зарабатывания денег. Совершенно логично, что эти же способы осваивают и злоумышленники. Новое явление в российском бизнесе – каршеринг.

Каршеринг – это сервис краткосрочной аренды автомобиля с поминутной или почасовой оплатой. «Он представляет собой совместное использование легковых автомобилей, организованное, как правило, по клубной модели. Автомобили используются для перевозки отдельных лиц или малых групп (например, семей)» [1, с. 78-85]. В Москве в этом сервисе услуги предлагают пять операторов: «Делимобиль», «Car5», «Anytimecar», «YouDrive» и «BelkaCar» [2]. Стоимость аренды автомобиля варьируется в среднем от 7 до 11 руб. за минуту езды, в эту сумму входят затраты на бензин, парковку и др. Для аренды автомобиля необходимо зарегистрироваться на сайте или в мобильном приложении каршеринговой компании. Доступ к автомобилю осуществляется без ключа, с помощью специального приложения на смартфоне пользователя, куда ему после регистрации аккаунта приходит электронный ключ. Для регистрации требуется фотография пользователя, копии паспорта и водительских прав. После чего служба безопасности проверяет полученные данные и оформляется договор.

Бизнес в сфере аренды автомобилей в России не получил пока еще большого распространения. Однако, по мнению экспертов, это очень быстрорастущий бизнес. По мнению представителей департамента транспорта, г. Москвы, «оптимальным для Москвы был бы каршеринговый автопарк объемом не менее 10–15 тыс. автомобилей. Емкость рынка, по нашим оценкам, не выбрана и на 30%, коммерческие перспективы развития данного сервиса в Москве оцениваются высоко» [2]. Зарубежные каршеринговые компании также регулярно сталкиваются с преступлениями. Деятельность целого ряда американских каршеринговых компаний была прекращена в результате действий мошенников, угонщиков и вандалов.

Одним из сдерживающих развитие данного рынка в России являются и риски утраты автомобилей в результате действий злоумышленников.

Анализ публикаций и заявлений официальных лиц, а также мнений ведущих ученых в сфере уголовного права, приводит нас к выводу, что использование преступниками ранее неизвестных способов завладения каршеринговыми автомобилями приводит к путанице в понятиях и квалификации данных деяний. Становится очевидно, что различные действия с аккаунтами и электронными ключами в конечном счете приводят к утрате автомобиля собственником: он либо разбирается и продается по частям; либо вместо частного использования, автомобиль используется в коммерческих целях (в такси или сдается частным лицом в аренду); либо его используют другие лица, которым доступ собственник автомобиля не предоставлял или запретил. Однако такие действия как руководством компаний, так и обывателями обозначаются как «мошенничество», а правоохранными органами как «угон».

Как показал опыт, «обозначение в каком-либо историческом периоде состава преступления с определенным названием, наименование его превращает этот состав не просто в юридическую конструкцию, а в понятие, в котором имя тесно связано с содержанием данного преступления. К определенному термину привязываются соответствующие признаки состава, становящиеся неизменными. В дальнейшем, как свидетельствует история и практика законодательства, при конструировании состава преступления, имеющего определенное имя, законодатель часто выводит его признаки не столько из социально обусловленной нормы, сколько исходя из имеющегося названия. Правоприменитель и общество в вопросе понимания нормы так же исходят из знакомой им терминологии» [10, с. 142-143]. Так, оказавшись в этой логической ловушке, законодатель увеличил количество видов мошенничества, при том что некоторые из них по своей сути вовсе мошенничествами не являются (например, ст. 159.6 УК РФ).

Рассмотрим указанные варианты с точки зрения квалификации по статьям Уголовного кодекса РФ.

Прежде всего, необходимо отметить, что квалификация действий злоумышленников по главе 21 «Преступления против собственности» зависит: во-первых, от целей преступника – будет ли это хищение или не хищение; во-вторых, от способа совершения преступления – открытое или тайное завладение, насилие, обман или присвоение.

Первый вариант – кража, грабеж или разбой. Чаще такие хищения совершаются все же тайно. Кража автомобиля с целью его использования целиком встречается реже [3], чем разукomплектование авто в целях продажи по частям, поскольку компании устанавливают различные датчики, в том числе и скрыто, которые сигнализируют о попытке взлома или разборки автомобиля. Поэтому сейчас весьма распространены кражи фар, колес, щеток стеклоочистителя, щеток для очистки от снега и др. [4]. Исключать классические варианты открытого физического завладения автомобилем с применением насилия во время посадки водителя в салон на стоянке или на светофоре тоже не приходится, хотя в России пока такие факты зафиксированы не были. В таких случаях квалификация осуществляется по ст. 158, 161 или 162 УК РФ в зависимости от способа завладения автомобилем или его элементами.

Второй вариант – «классический угон». Доступ в автомобиль осуществляется путем физического воздействия на запирающие устройства автомобиля (взлом) с целью осуществить поездку на нем, без цели хищения автомобиля, «просто покататься». Такие действия должны быть квалифицированы по соответствующей части ст. 166 УК РФ.

Третий вариант – использование автомобиля в коммерческих целях, что прямо запрещено договором аренды автомобиля. В данном случае говорить о признаках состава преступления в сфере экономической деятельности вряд ли придется, поскольку установленные в настоящий момент минимальные суммы ущерба или извлеченного дохода составляют 2 250 000 руб. по ст. 171 УК РФ или 900 000 руб. по ст. 198 УК РФ. Однако в практике известны случаи, когда угнанный автомобиль сдавался в аренду третьим лицам. Такие случаи были квалифицированы органами следствия как угон по ст. 166 УК РФ как неправомерное завладение чужим транспортным средством без цели хищения. Однако, если автомобиль использовался самим владельцем аккаунта в коммерческих целях, то правомерность такой квалификации вызывает большие сомнения. Речь должна идти исключительно о гражданских правоотношениях и ответственности за нарушение условий договора.

Четвертый вариант – завладение автомобилем путем обмана. В этом случае обман может быть способом совершения нескольких преступлений: мошенничества по ст. 159 УК РФ [5, с. 27-35], либо 165 УК РФ, либо такие действия могут быть расценены как угон по 166 УК РФ. Примечательно, что и владельцы каршерингового бизнеса, и представители журналистского сообщества в своих высказываниях для характеристики одних и тех же действий используют термины «мошенничество» и «угон» как синонимы.

Вместе с тем, с точки зрения уголовного права и квалификации деяний, это два совершенно разных преступления. Во-первых, мошенничество – это хищение, которое совершается с корыстной целью, а угон нет; во-вторых – при мошенничестве причиняется ущерб собственнику в размере похищенного имущества, а при угоне – ущерба собственнику нет, что подтверждается позицией и законодателя (согласно диспозиции ст. 166 УК РФ, угон совершается без цели хищения), и правоприменителя (Пленум ВС РФ говорит о необходимости дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ, если в ходе угона имущество было умышленно повреждено или уничтожено в крупном размере и более) [6], и позицией Конституционного Суда РФ [7]; в-третьих, предмет мошеннических действий может быть любое имущество, а предмет угона – только транспортное средство; в-четвертых, способ совершения мошеннических действий – обман или злоупотребление доверием, а при угоне – любой неправомерный способ, в том числе обман, или даже насилие; в-пятых, возраст уголовной ответственности субъекта при мошенничестве с 16 лет, а при угоне – с 14 лет. Соответственно при квалификации необходимо ориентироваться не только на способ совершения преступления, но и на все остальные признаки как объективных (предмет, ущерб), так и субъективных (цели, субъект) элементов состава преступления.

Рассмотрим наиболее распространенные способы обмана при каршеринге.

1. Регистрация аккаунтов по поддельным документам с последующим завладением автомобилем с целью его хищения целиком или по частям, в том числе с последующим вывозом за границу – в близлежащие государства (известен случай по-

пытки угона каршерингового автомобиля с последующим его задержанием на границе с Абхазией). Такие действия должны квалифицироваться как мошенничество по ст. 159 УК РФ, а не по ст. 166 УК РФ.

2. Регистрация аккаунта по украденным документам (в том числе со списанием денежных средств с чужой банковской карты) и «одноразовым» сим-картам. Например, гражданину приходит заманчивое предложение получить дешевый автокредит или снять квартиру на супервыгодных условиях, и просят выслать копии документов и фото. Если такие действия направлены на последующее хищение автомобиля, то они должны квалифицироваться как мошенничество по ст. 159 УК РФ. А если цель преступника только использовать автомобиль по назначению для поездок без оплаты либо за чужой счет, то исходя из диспозиции и толкования ст. 165 УК РФ квалификация должна осуществляться по этой норме, а не по ст. 166 УК РФ. Однако, исходя из правил разрешения конкуренции норм, ст. 166 УК РФ является более специальной – завладение осуществляется именно автомобилем, поэтому квалификация практиками совершенно обоснованно осуществляется по ст. 166 УК РФ «Угон», а причиненный имущественный ущерб подлежит возмещению по правилам ст. 1064 Гражданского кодекса РФ.

3. Регистрация аккаунта по подлинным документам на одно лицо с последующей добровольной передачей полученного аккаунта другому лицу за вознаграждение. Как вариант, злоумышленники покупают у других граждан фотографии настоящих документов и их селфи для регистрации. Несовершеннолетние регистрируют аккаунт на более взрослого родственника. Поскольку в настоящий момент службы безопасности начали активно блокировать пользователей, нарушающих правила дорожного движения, садящихся за руль в нетрезвом виде и т.п., то эти люди стали искать другие способы пользоваться каршерингом. В таком случае квалификация завладения автомобилем должна осуществляться в зависимости от конечной цели преступника. Если это цель обогащения – то квалификация должна идти по ст. 159 УК РФ. А если цель использовать автомобиль по его прямому назначению – то это уже угон по ст. 166 УК РФ. Однако в этом случае возникает вопрос об объективной стороне деяния и его субъекте.

Проанализируем конкретный пример. В начале августа 2017 г. в г. Москва было возбуждено уголовное дело по факту угона автомобиля, принадлежащего каршеринговому сервису «Делимобиль» (ООО «Каршеринг Россия»). Обвиняемый приобрел в интернете за 600 руб. чужой аккаунт для пользования сервисом, после чего арендовал автомобиль «Делимобиля». Злоумышленник был замечен службой безопасности компании, когда начал нарушать правила дорожного движения, в частности ездить по газонам. Действия нарушителя были квалифицированы как «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)» (ст. 166 УК РФ).

Диспозиция ст. 166 УК РФ предполагает неправомерное завладение автомобилем без цели хищения. Неправомерность означает отсутствие у субъекта как действительного, так и предполагаемого права на управление автомобилем. Правомерность присутствует у собственника или иного законного владельца – лица управляющего автомобилем по доверенности либо арендатора по договору аренды транспортного средства без экипажа. Выбытие автомобиля из обладания собственника или иного законного владельца против его воли с точки зрения ст. 302 Гражданского кодекса

РФ оставляет за собственником или иным законным владельцем абсолютное право на защиту даже от добросовестного приобретателя. Отчуждение же аккаунта (права пользования автомобилем) вопреки прямому запрету по договору аренды автомобиля при том, что приобретатель знал или мог знать об отсутствии у другой стороны права отчуждать имущество, делает приобретателя недобросовестным, а его владение неправомерным. Однако в нашей ситуации обе стороны – и владелец аккаунта, и его незаконный приобретатель, действуют неправомерно. В этом случае необходимо вести речь о соучастии в угоне автомобилем по ст. 166 УК РФ. Однако квалифицированным видом угона по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ является угон группой лиц по предварительному сговору [8, с. 61-64].

Можно ли в данном случае считать законного обладателя аккаунта соисполнителем угона или пособником? Пункт 24 Постановления Пленума ВС РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» устанавливает: «При неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого следует рассматривать как соучастие в преступлении, то есть как соисполнительство (часть 2 статьи 34 УК РФ), квалифицируя содеянное ими по пункту «а» части 2 статьи 166 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ независимо от того, кто из участников преступной группы фактически управлял транспортным средством» [9]. Полагаем, что привлечение к уголовной ответственности за соучастие в угоне владельца аккаунта позволит быстро пресечь распространение такого вида преступной деятельности, поскольку безнаказанность продавца аккаунта и его покупателя в настоящий момент рекламируется злоумышленниками.

Вместе с тем владелец аккаунта может заявить о выбытии автомобиля из его обладания помимо его воли. Это заявление может быть, как истинным, например, в случае электронного «взлома» аккаунта пользователя и получения права доступа к автомобилю с помощью специальной техники или программного обеспечения, так и ложным, с целью ухода от ответственности за неправомерную передачу аккаунта постороннему лицу. Соответственно, такие заявления должны проверяться оперативно-следственным путем.

На протяжении столетий, с Соборного уложения 1649 г. до 20-х годов XX века, мошенничество рассматривалось как вид карманной кражи. «Оно не включало имущественных обманов в каком-либо виде. Мошенничество обозначающее ловкое хищение ненасильственное и преимущественно открытое было использовано для объединения оставшихся (не попавших в первые два состава воровства) ненасильственных, но открытых казусов судебной практики о хищениях. В содержание воровства-мошенничества вошли также случаи имущественных обманов, отвечавшие данным признакам – открытым и ненасильственным» [10, с. 143].

Вместе с тем, потерпевшему собственнику такие тонкости и различия в квалификации не нужны, поскольку и при мошенничестве, и при угоне, ему причиняется ущерб – прямой или упущенная выгода, или и то и другое вместе. И в целях более полной защиты прав потерпевших в перспективе следует вообще отказаться от деления преступлений против собственности на хищения и не хищения.

Как справедливо указывает Р.Е. Токарчук, «на примере имен форм хищения видно, что в процессе научного исследования составов преступлений, имеющих долгую историю и названия, следует учитывать влияние на их содержание уже имеющихся имен. При разработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства необходимо исходить не из значения имен деяний, не из терминов и понятий, а из социально обусловленной их природы, часто отказываясь от самих старых имен... От односложных имен частных преступлений в уголовном праве следует отказаться, так как непостоянные юридические формы не могут удерживать в себе отражение какого-либо термина, соблюдать баланс имени и изменчивого содержания. В противном случае останутся предпосылки к двустороннему толкованию норм (от значения термина и от социально обусловленной природы уголовно-правовой нормы), а также возникнут препятствия для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства» [10, с. 144].

Разделение мошенничества на разновидности, выделение не хищений (в частности угона по ст. 166 УК РФ), которые тоже могут совершаться обманным путем, возникшая в результате конкуренция норм, только усложняет задачу правоприменителю по привлечению виновных к уголовной ответственности, приводит к излишней совокупности преступлений.

Список литературы:

1. Котляров И. Д. Организация автотранспортного обслуживания на основе коммерческого каршеринга // Мир транспорта. 2016. Т. 14, № 6, С. 78–85.
2. Коломыченко М., Ли И. Мошенники осваивают каршеринг // [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/09/07/59acc3869a7947b18eb23374>
3. За два года служба безопасности «Делимобиля» пресекла более 50 попыток кражи автомобилей. [Интернет ресурс] URL: <https://www.autonews.ru/news/5a2790619a7947fdbebc42b>
4. Что воруют из машин каршеринга // [Интернет ресурс] URL: https://pikabu.ru/story/chto_voruyut_iz_mashin_karsheringa_5738066
5. Евтушенко И.И. Отдельные вопросы теории и практики квалификации мошенничеств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 27-31.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // [Интернет ресурс] СПС «Консультант плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-п по делу о проверке конституционности Положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса РФ и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой Гражданина В.В. Кряжева.
8. Просочкин А.М. О некоторых пробелах регулирования уголовной ответственности за совершение мошенничества в соучастии // Юристь - Правоведь. 2015. № 4 (71).
9. Постановление Пленума ВС РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // [Интернет ресурс] СПС «Консультант плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
10. Токарчук Р.Е. О «негативном» значении имен преступлений в уголовном праве // Современное право, 2011 г. № 11.

Evtushenko I.I. The issue of qualification of criminal acts committed against car sharing // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 139-145.

The article deals with the issues of criminal-legal qualification of acts committed with car-sharing cars; discusses specific cases and the results of the assessment of the actions of intruders, analyzes the controversial issues of qualification. The author studied foreign experience, provides statistics, which confirms the reliability of the results.

The conclusions about the need to amend the criminal law in terms of non-division into different forms and types of theft and non-theft, which complicates law enforcement practice; practical recommendations for the skills of the various acts careregular cars.

Keywords: fraud, misappropriation, car-share, car, car hire, hijacking, robbery, theft.

Spisok literaturey:

1. Kotlyarov I. D. Organizaciya avtotransportnogo obsluzhivaniya na osnove kommercheskogo karsheringa // Mir transporta. 2016. T. 14, № 6, S. 78–85.
2. Kolomychenko M., Li I. Moshenniki osvayvayut karshering // [Internet-resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/09/07/59aec3869a7947b18eb23374>
3. Za dva goda sluzhba bezopasnosti «Delimobilya» presekla bolee 50 popytok krazhi avtomobilej. [Internet resurs] URL: <https://www.autonews.ru/news/5a2790619a7947fdebecb42b>
4. CHto voruyut iz mashin karsheringa // [Internet resurs] URL: https://pikabu.ru/story/chto_voruyut_iz_mashin_karsheringa_5738066
5. Evtushenko I.I. Otdel'nye voprosy teorii i praktiki kvalifikacii moshennichestv // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36). S. 27-31.
6. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 9 dekabrya 2008 g. № 25 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ehkspluatacii transportnyh sredstv, a takzhe s ih nepravomernym zavladeniem bez celi hishcheniya» // [Internet resurs] SPS «Konsul'tant plyus» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 7 aprelya 2015 g. № 7-p po delu o proverke konstitucionnosti Polozhenij punktov 1 i 2 stat'i 1064 Grazhdanskogo kodeksa RF i punkta «a» chasti vtoroj stat'i 166 Ugolovnogo kodeksa RF v svyazi s zhaloboj Grazhdanina V.V. Kryazheva.
8. Prosochkin A.M. O nekotoryh probelah regulirovaniya ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie moshennichestva v souchastii // YUrist" - Pravoved". 2015. № 4 (71).
9. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 9 dekabrya 2008 g. № 25 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ehkspluatacii transportnyh sredstv, a takzhe s ih nepravomernym zavladeniem bez celi hishcheniya» // [Internet resurs] SPS «Konsul'tant plyus» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
10. Tokarchuk R.E. O «negativnom» znachenii imen prestuplenij v ugolovnom prave // Sovremennoe pravo, 2011 g. № 11.

УДК 343.98.062

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

Журба О. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Сбор доказательств по уголовному делу процесс трудоемкий и ответственный, требующий от должностного лица соблюдения установленных действующим законодательством требований. Механизмом сбора доказательств является проведение следственных действий, порядок производства которых предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством. Неукоснительное соблюдение законодательства при производстве следственных действий, в том числе и при производстве обыска, обеспечивает признание полученных доказательств допустимыми, однако практика демонстрирует игнорирование или несоблюдение требований действующего законодательства, что приводит к нарушениям прав участников уголовного судопроизводства. Несовершенство действующего законодательства и самовольная трактовка закрепленных норм, негативно сказываются на качестве расследования уголовных дел. Обыск как следственное действие, которое характеризуется, в первую очередь, принудительным характером, затрагивает конституционные права участников уголовного процесса, поэтому рассмотрение вопросов, связанных с процессуальным порядком обыска, для научного сообщества не теряет своей актуальности. Данная статья посвящена отдельным проблемным положениям процессуального порядка производства обыска, которые, по нашему мнению, требуют более пристального рассмотрения.

Ключевые слова: уголовное дело, следственные действия, процессуальный порядок, обыск, права участников уголовного судопроизводства.

В теории отсутствует однозначность подходов в определении понятия обыска и в установлении признаков, отличающих его от других действий [1, с. 234; 2, с. 294; 3, с. 1198].

В главе 25 УПК РФ в перечне имеется такое следственное действие как обыск, при этом понятие данного следственного действия ни в одной статье не закреплено, что позволяет теоретикам предлагать свои понятия, которые остаются дискуссионными.

Считаем возможным согласиться с теми учеными, которые рассматривают обыск как следственное действие, направленное на принудительное обследование личности, помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, находящихся у обыскиваемого лица и членов его семьи или какой-либо организации, для отыскания и изъятия скрываемых объектов, имеющих значение для дела. Обыск в ходе расследования может производиться и тогда, когда объектом поиска являются разыскиваемое лицо, труп или его части [4, с. 132-138].

Соблюдение процессуального порядка производства обыска, предусмотренного действующим УПК РФ, является обязательным требованием для признания результатов данного следственного действия допустимыми доказательствами, поскольку очень часто результаты обыска являются теми доказательствами, на основании которых принимается решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Первоначальным этапом предусмотренной процедуры является вынесение соответствующим должностным лицом постановления о производстве обыска, а при производстве обыска в жилище и личного обыска закон предусматривает требование об обязательности получения разрешения суда. Составление данного процессуального документа, постановления, считаем важным элементом процессуальной деятельности при производстве обыска, поскольку обыск в отдельных случаях ограничивает или затрагивает конституционные права граждан, поэтому реализация права на обжалование, в том числе и процессуального решения, является обязательным условием расследования.

Ущемление прав личности при производстве обыска потребовало от законодателя закрепления нормы об обязательности участия таких участников как понятые, что, по нашему мнению, является обоснованным требованием. О привлечении понятых целесообразно позаботиться заранее, это позволит избежать бессмысленной траты времени на поиски данных участников позже, поскольку порой бывает затруднительно это сделать в силу особенностей местности, времени года или суток, да и тактически не целесообразно с учетом особенностей расследуемого уголовного дела или личности лица, у которого или в отношении которого проводится обыск. Законодателем все же предусмотрена в отдельных случаях альтернативность действий, а именно при наличии опасности для жизни и здоровья людей, следственные действия могут проводиться без участия понятых, в этом случае возможно применение дополнительной формы фиксации в виде технических средств, если и их применение невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись. Приоритет жизни и здоровья перед участием этих лиц в следственных действиях полностью оправдан, поэтому проведение данных следственных действий в исключительных случаях без участия понятых, но с неукоснительным соблюдением всех остальных требований процессуального характера, не должно влиять на результаты как следственных действий, так и расследования в целом [5, с. 303]. Участие переводчика, специалиста, представителя, законного представителя, защитника обеспечивается в случае их участия в расследуемом уголовном деле или при заявленном ходатайстве. Участие защитника при обыске требует отдельного рассмотрения, поскольку из тактических соображений о предстоящем обыске заранее лиц не уведомляют, поэтому подозреваемый и обвиняемый привлечь защитника к моменту начала данного следственного действия не могут. Перед началом следственного действия следователь, дознаватель обязан предъявить постановление о производстве обыска, а в необходимых случаях судебное решение, разрешающее его производство, а в соответствии со ст. 170 УПК РФ разъясняет понятым цель следственного действия, их права и ответственность. Закон предусматривает возможность для должностного лица запретить лицам, присутствующим при обыске, покидать место обыска и общаться друг с другом. Требование разъяснять какие-либо права данным лицам законом не закреплено.

Начало обыска обязывает соответствующее должностное лицо предъявить процессуальное решение о производстве следственного действия. Законодатель предусмотрел, что при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. Если же лицо, в помещении которого производится обыск, в период предварительного расследования находится в местах ограничения свободы, в силу избрания меры пресечения в виде

заклучения под стражу, то выполнить данное требование не представляется возможным. Ныне действующие нормативно-правовые акты [6] предусматривают порядок приема подозреваемых и обвиняемых только в места содержания под стражей и передачу их конвою для отправки к месту назначения и конвоирование подозреваемых и обвиняемых только для производства такого следственного действия, как проверка показаний на месте, все остальные следственные действия, предусмотренные в УПК РФ, проводятся только в специально оборудованных следственных комнатах, поэтому право на добровольную выдачу искомого, что предусмотрено нормой действующего законодательства, реализовать также невозможно.

Современная практика довольствуется предъявлением решения на обыск практически любому лицу из находящихся в обыскиваемом помещении или жилище и предложение добровольно выдать искомое предъявляется лицам, которые не имеют порой прямого отношения к расследуемому уголовному делу (знакомые, родственники, члены семьи, собственники помещений или жилища и т.д.). В этой части, считаем возможным рассмотреть зарубежный опыт. Так, согласно УПК Украины, следователь принимает надлежащие меры для обеспечения присутствия во время обыска лиц, чьи права и законные интересы могут быть ограничены или нарушены [7]. Обеспечение участия подозреваемого, обвиняемого при производстве обыска, позволит реализовать право на защиту, а именно еще перед началом следственного действия заявить ходатайство о привлечении и участии защитника, при желании выдать по предложению следователя, дознавателя подлежащее изъятию.

Далее проводится сам обыск, т.е. те поисковые действия, которые позволяют обнаружить и изъять все, что имеет отношение для расследуемого уголовного дела. Процессуальные же особенности самого обыска, на которые хотелось бы обратить внимание, связаны с возможностью должностного лица вскрывать любые помещения, если владелец отказывается их добровольно открыть. При этом законодательно никак не закреплено, что делать если имеются хранилища, вещи, которые лицо отказывается вскрывать. Законодатели других государств уже рассмотрели эти вопросы, внося соответствующие изменения в процессуальное законодательство, что полагаем, возможно принять на вооружение и российскому законодателю.

Отдельно хотелось бы остановиться на нормах, касающихся упаковывания обнаруженного и изъятых. Законодатель Беларуси обязывает упаковывать и опечатывать на месте производства обыска все обнаруженное и изъятые [8], российским законодательством предусмотрено, что данные действия могут производиться при необходимости, что, по нашему мнению, порождает отдельные проблемы на практике, когда под сомнение могут быть поставлены результаты обыска в части возможной подмены или иной манипуляции с изъятим. Поэтому нормы белорусского законодательства в данных вопросах, по нашему мнению, могут быть рассмотрены с точки зрения возможного заимствования при совершенствовании действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Производство обыска заканчивается составлением протокола. На данном этапе участники указанных следственных действий должны иметь возможность в обязательном порядке ознакомиться с содержанием протокола, внести замечания и уточнения. Эта обязанность возложена на соответствующее должностное лицо. Соблюдение данного требования считаем обязательным, поскольку не соблюдение в этой части процедуры производства следственных действий, может привести к негатив-

ным последствиям для всего расследуемого уголовного дела. Копия протокола в обязательном порядке вручается лицу, в помещении которого было проведено следственное действие, или совершеннолетнему члену его семьи.

Участники уголовного судопроизводства имеют право на обжалование действий и решений должностных лиц. Это право реализуется и при проведении обыска. С учетом негативного отношения к правоохранительной системе в целом, участниками уголовного судопроизводства действия должностных лиц по результатам производства обыска обжалуются в судебном порядке [9, с. 118; 10, с. 86-87]. Таким образом, можно говорить, что принятие решений судом относительно решений и действий следователя, дознавателя в рамках процедуры обжалования, является судебным контролем. Своевременное реагирование суда на незаконные действия должностных лиц при производстве вышеуказанного следственного действия должно способствовать повышению эффективности и качества предварительного расследования, повышению правовой дисциплины следователя, дознавателя и иных должностных лиц.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что судебный контроль — это неотъемлемая часть обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, однако он не должен собой подменять обязанность должностных лиц неукоснительно выполнять нормы уголовно-процессуального законодательства при производстве обыска. Только строгое соблюдение процедуры при проведении данных следственных действий исключит последующее принятие незаконных и необоснованных решений при расследовании уголовных дел. Хотя процессуальный порядок законодательно определенный не идеален, его совершенствование работа законодателя, обязанности же должностных лиц исключить разночтения при применении уже действующих норм.

Список литературы:

1. Соколов А. Б. К вопросу о понятии и сущности обыска в жилище // Соколов А.Б. // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации материалы международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. 2017. С.234-236.
2. Чураков С. Ю. Сравнение правовой регламентации осмотра и обыска. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №4 С. 293-295.
3. Загвоздкин Н.Н. Личный обыск и схожие правовые понятия: проблемы разграничения. Право и политика. 2015. №8. С. 1197-1207.
4. Журба О. Л., Торопов С. А. К вопросу повышения эффективности поисковых действий при производстве обыска // Журба О. Л., Торопов С. А. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 3 (69). № 3. – С. 132–138.
5. Торопов С. А., Фирюлина А. А. Роль следователя в обеспечении безопасности следственно-оперативной группы при проведении следственных действий // Торопов С. А. Фирюлина А. А. // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском Федеральном округе материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 303-306
6. ФЗ от 15.07.1995 г. №103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Приказ МВД России № 140 от 07 марта 2006г. «Об утверждении Наставления по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых»; Приказ МВД России № 950 от 22 ноября 2005 г. «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел».
7. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.03.2012 г. № 4651-IV // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2013. – №9–13. – Ст. 88.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2018 год).

9. Бородин В. В. Разрешение судьей производства обыска в жилище: сущность и процессуальные особенности. Общество: политика, экономика, право. 2017. №12. С. 115-118.
10. Омельченко Т. В. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве // Омельченко Т.В. // В сборнике: Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 86-87.

Zhurba O. L. Procedural features of search production // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 146-150.

The collection of evidence in a criminal case is a time-consuming and crucial process that requires an official to comply with the requirements established by current legislation. The mechanism for collecting evidence is conducting investigative actions, the procedure for which is provided for by criminal procedure legislation. Strict observance of the law during investigative actions, including the search, ensures that the evidence obtained is admissible, but practice demonstrates disregard or non-compliance with the requirements of current legislation, which leads to violations of the rights of participants in criminal proceedings. The imperfection of the current legislation and the unauthorized interpretation of the established norms negatively affect the quality of the investigation of criminal cases. Search as an investigative action, which is primarily characterized by a coercive nature, affects the constitutional rights of participants in criminal proceedings, therefore, the consideration of issues related to the search procedure does not lose its relevance for the scientific community. This work is devoted to certain problematic provisions of the search procedure, which, in our opinion, require closer examination.

Keywords: criminal case, investigative actions, procedure, search, rights of participants in criminal proceedings.

Spisok literatury:

1. Sokolov A. B. K voprosu o ponyatii i sushchnosti obyska v zhilishche // Sokolov A.B. // V sbornike: Aktual'nye problemy ugolovnoj i ugolovno-processual'noj politiki Rossijskoj Federacii materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otvetstvennyye redaktory I.G. Ragozina, YU.V. Derishev. 2017. S.234-236.
2. CHurakov S. YU. Sravnenie pravovoj reglamentacii osmotra i obyska. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. №4 S. 293-295.
3. Zagvozdkin N.N. Lichnyj obysk i skhozhie pravovye ponyatiya: problemy razgranicheniya. Pravo i politika. 2015. №8. S. 1197-1207.
4. ZHurba O. L., Toropov S. A. K voprosu povysheniya ehffektivnosti poiskovyh dejstvij pri proizvodstve obyska // ZHurba O. L., Toropov S. A. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2018. – Т. 3 (69). № 3. – S. 132–138.
5. Toropov S. A., Firyulina A. A. Rol' sledovatelya v obespechenii bezopasnosti sledstvenno-operativnoj greppy pri provedenii sledstvennyh dejstvij // Toropov S. A. Firyulina A. A. // V sbornike: Aktual'nye vloprosyy obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti v Krymskom Federal'nom okruge materialy Vserossijskoj nauchno-prkticheskoy konferencii. Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 2016. S. 303-306
6. FZ ot 15.07.1995 g. №103-FZ «O sodержanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij»; Prikaz MVD Rossii № 140 ot 07 marta 2006g. «Ob utverzhenii Nastavleniya po sluzhebnoj deyatel'nosti izolyatorov vremennogo sodержaniya podozrevaemyh i obvinyaemyh organov vnutrennih del, podrazdelenij ohrany i konvoirovaniya podozrevaemyh i obvinyaemyh»; Prikaz MVD Rossii № 950 ot 22 noyabrya 2005 g. «Ob utverzhenii Pravil vnutrennego rasporyadka izolyatorov vremennogo sodержaniya podozrevaemyh i obvinyaemyh organov vnutrennih del».
7. Ugolovno-processual'nyj kodeks Ukrainy ot 13.03.2012 g. № 4651-IV // Vedomosti Verhovnogo Soveta Ukrainy. – 2013. – №9–13. – St. 88.
8. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 16 iyulya 1999 goda № 295-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 2018 god).
9. Borodin V. V. Razreshenie sud'ej proizvodstva obyska v zhilishche: sushchnost' i processual'nye osobennosti. Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2017. №12. S. 115-118.
10. Omel'chenko T. V. Sudebnyj kontrol' v ugolovnom sudoproizvodstve // Omel'chenko T.V. // V sbornike: Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 86-87.

УДК 343.135

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА И ЭКСПЕРТИЗЫ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Ким А. В.

*Юридический институт
Кемеровского государственного университета*

В данной статье исследуется вопрос соблюдения конституционных прав при проведении осмотра и экспертизы электронных носителей информации, изъятых в ходе следственных действий. Цель данной статьи обозначить проблемы и вопросы, которые возникают при проведении следственных действий, в которых изымаются электронные носители информации. В статье проведен анализ действующего законодательства и судебных решений, на примере которых продемонстрированы существующие разногласия в правоприменительной практике. В результате проведенного анализа был сделан вывод о необходимости изменения и доработки законодательства.

Ключевые слова: электронный носитель информации, обыск, выемка, осмотр, следователь, конституционные права.

В настоящее время при расследовании уголовного дела или проведении процессуальной проверки все чаще приходится сталкиваться с такими объектами как электронные носители информации.

Как отмечает в своей работе Ю. Н. Соколов: «Под электронным носителем информации следует понимать технически и технологически адаптивное к многократному использованию электронное устройство, предназначенное для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации» [1].

Таким образом, к данным объектам можно отнести мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки, системные блоки и т.д.

Согласно проведенному Н. А. Архиповой исследованию среди следователей органов внутренних дел «52% следователей уделяют средствам мобильной связи особое внимание и принимают активные меры для получения сведений о мобильном телефоне. Около 37% следователей исследуют средства мобильной связи, если об этом стало заранее известно в ходе расследования преступления. И только 7% следователей не уделяют этому внимания и ранее не задумывались о возможностях хранения в средствах мобильной связи криминалистически значимой информации» [2].

Прогресс не стоит на месте и сейчас все больше электронных устройств разного вида и назначения становятся неотъемлемой частью нашей жизни, и внимание к таким устройствам со стороны органов предварительного расследования только усиливается.

Исследователи А. М. Багмет и С. Ю. Скобелин в своей работе отмечают: «Компьютеризация жизнедеятельности человека не могла не отразиться на таком негативном социальном явлении, как преступность, а следовательно, и на способах проти-

водействия этому явлению. Электронные носители информации были включены в уголовно – процессуальный закон России как новый вид вещественных доказательств» [3].

Такие носители содержат в своей памяти сведения о переписке между абонентами, иные файлы, относящиеся к частной жизни или содержащие личную, семейную тайну.

Принимая во внимание статью 13 УПК РФ, которая допускает ограничение конституционных прав граждан, указанных в статье 23 Конституции РФ, только на основании судебного решения, логично сделать вывод, что наличие такой информации в памяти вышеуказанных устройств может повлечь определенные сложности при работе с ними.

Так в настоящее время практика применения закона в части изъятия и осмотра электронных носителей информации складывается противоречиво. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда своим кассационным определением по делу №22-2225/12 от 24.05.2012, отменила постановление Советского районного суда г. Омска от 16 апреля 2012 года в части оставления без удовлетворения жалобы адвоката на действия следователя по производству выемки мобильного телефона и осмотру сообщений в нем.

В жалобе адвокат заявлял, что вывод суда о признании законным ограничения права потерпевшего на тайну переписки без судебного решения не основан на законе, так как осмотр телефона включает в себя осмотр телефонного аппарата, но не его содержимого.

Судебная коллегия отметила, что в главе 25 УПК РФ прямо не закреплена обязанность следователя получать судебное решение на осмотр сообщений в мобильном телефоне, однако, данная обязанность следует из других норм УПК РФ, положений Конституции РФ, а также из международных норм, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Далее Судебная коллегия отметила, что суд в своем постановлении не произвел анализ возможности применения вышеуказанных норм к осмотру сообщений, содержащихся в телефоне одного из участников судопроизводства, который с учетом природы и степени вмешательства фактически идентичен осмотру почтовых отправлений.

Вывод о законности проведенного следственного действия, содержащийся в постановлении суда, основанный на том, что со стороны участников судопроизводства не поступило возражений на осмотр переписки, а телефон был выдан добровольно, представляется Судебной коллегии неубедительным. В постановлении суд не учел, что переписка имеет двусторонний характер и включает в себя не только мысли потерпевшего, но и других лиц, не уведомленных о том, что их сообщения будут осматриваться.

В кассационном определении указано, что при осмотре телефона, следователем были довольно подробно описаны соединения между абонентами и суд в постановлении не учел, что статья 186.1 УПК РФ устанавливает, что для получения информации о соединениях между абонентами необходимо судебное разрешение [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что вышеуказанная судебная коллегия в данном случае допускает применение закона по аналогии.

Л. В. Головкин отмечает: «в отличие от уголовного права уголовно-процессуальная доктрина по традиции признает существование аналогии закона и аналогии права в уголовном процессе. Проблема заключается только в том, что в УПК РФ нет соответствующей нормы об аналогии закона и аналогии права, как, например, в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ. Поэтому допустимость применения в уголовном процессе аналогии вытекает из доктринальных положений» [5].

Но в судебной практике не все так однозначно складывается.

Так, в апелляционном определении Челябинского областного суда по делу №10-2537/2016 от 30.05.2016 апелляционная жалоба адвоката на приговор Увельского районного суда Челябинской области от 30 марта 2016 г. была оставлена без удовлетворения.

В жалобе адвокат указал, что осматривать изъятые у осужденного предметы (телефоны) сотрудники без решения суда не имели права. Обсудив доводы апелляционной жалобы, изучив материалы уголовного дела, Челябинский областной суд приговор не отменил.

Суд в апелляционном определении отметил, что УПК РФ не предусматривает необходимости вынесения судебного разрешения для проведения осмотра изъятых в ходе расследования уголовного дела мобильных телефонов, а доводы адвоката, который указывает на необходимость получения такого разрешения в соответствии с предписаниями ст.ст. 186, 186.1 УПК РФ ошибочны [6].

Таким образом, можно наблюдать две разные позиции судов по одному вопросу. В вышеуказанном примере суд апелляционной инстанции не усмотрел нарушений законодательства в осмотре информации, которая находилась на телефоне.

Помимо этого, в судебной практике существует такое мнение, что электронные носители информации, которые изымались в ходе следственного действия, на которое было выдано разрешение суда, могут быть осмотрены без судебного решения.

Например, Приморский краевой суд в своем апелляционном постановлении по делу № 22-455/15 от 02.02.2015 не усмотрел нарушений в постановлении Ленинского районного суда г. Владивостока от 27.11.2014, которым было отказано в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении производства осмотра мобильных телефонов, изъятых в ходе производства обыска в жилище.

Суд апелляционной инстанции указал, что телефоны, которые содержат переписку, были изъяты следователем в соответствии с процедурой, предусмотренной УПК РФ, в ходе обыска в жилище, который производился на основании решения суда и в целях изъятия электронных носителей информации и средств связи.

Приморский краевой суд в апелляционном постановлении обратил внимание на то, что согласно УПК РФ, не требуется судебное разрешение для производства осмотра протоколов телефонных соединений, предоставленных на основании судебного решения, а также, что в соответствии со ст.ст. 176, 177 УПК РФ, изъятые в ходе обыска предметы, при наличии времени и технической возможности, могут быть осмотрены следователем на месте производства обыска [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует неоднозначность толкования определенных норм УПК, практика применения норм противоречива, что является недопустимым.

Конституционный суд мог бы поставить точку в данном вопросе, однако в своем определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоров-

ского Д. А. на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 25.01.2018 он разъяснил, что «Проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации» [8].

Вышеуказанное определение Конституционного суда хотя и выражает его позицию в плане применения норм и говорит нам о том, что данные процессуальные действия законны и судебное разрешение не требуется, но, тем не менее, окончательную точку в данном вопросе не ставит. Конституционный суд в своем определении в рассмотрении данной жалобы отказал, и постановление о конституционности или неконституционности норм, указанных в жалобе, не вынес.

А. М. Багмет и С. Ю. Скобелин в своем исследовании пишут: «Законодательство оставляет открытым вопрос о том, следует ли сотрудникам правоохранительных органов получать судебное решение на осмотр телефонов и содержащейся в них информации участников уголовного судопроизводства» [9].

Если проанализировать действующие нормы УПК РФ, а именно ст.ст. 177, 182, 183, 184, 185, 186, 186.1 можно сделать вывод, что для процессуальных действий, в которых предусмотрено ограничение конституционных прав граждан, (неприкосновенность жилища, тайна переписки и частной жизни) продуман механизм разрешения данного следственного действия судом.

Так, например, отдельным следственным действием в ст. 186.1 оформлено получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Законодатель вынес данное следственное действие в отдельное положение, защищая тем самым конституционные права, и следовательно не вправе запросить без разрешения суда данную информацию или произвести выемку вышеуказанных сведений у оператора связи.

В настоящее время в случае проведения обыска (выемки) в жилом помещении, когда изымается электронный носитель информации – мобильный телефон, конституционные права ограничиваются на основании судебного решения и в дальнейшем данный телефон может быть осмотрен. В случае же проведения обыска (выемки) в нежилом помещении или в ходе осмотра места происшествия, когда изымается мобильный телефон, то для его осмотра или экспертизы УПК не содержит прямого требования о получении судебного решения.

Возможно ли, что в данном случае конституционное право гражданина на тайну переписки или частной жизни будет ограничено без разрешения суда? И следует ли из этого, что конституционные права граждан, электронные носители которых изымались в ходе следственных действий, не требующих разрешения суда, наименее защищены, чем права граждан, электронные носители которых изымались в ходе следственного действия, разрешенного судом?

Как отмечает в своем исследовании О.С. Бутенко: «Наиболее проблематичным и дискуссионным является вопрос о правовом статусе информации, которая содержится в сотовом телефоне. Наибольший интерес при этом вызывает вопрос о статусе сообщений электронной почты, SMS и MMS, мгновенных сообщениях Skype, Viber и WhatsApp, а также сообщениях, содержащихся в приложениях популярных социальных сетей – Vkontakte и др. Проблема кроется в том, что на уровне федерального законодательства не закреплено даже понятие электронной почты, не говоря уже о данных переписки из приложений для мобильных устройств» [10].

Возможно, проблему решит введение в УПК требования о необходимости получения разрешения суда для проведения осмотра или экспертизы электронного носителя, который был изъят в ходе процессуальных действий, на которые санкция суда не требовалась.

В случае если изъятый электронный носитель информации - мобильный телефон, то вышеуказанное решение вроде логично, но если в роли такого носителя выступает, например, изъятый на предприятии, жесткий диск из служебного компьютера, на котором не может быть информации о частной жизни граждан, то в данном случае такое требование будет излишним. Следовательно, возникает необходимость разделения электронных носителей информации на персонифицированные, которые могут содержать информацию, охраняемую законом, и неперсонифицированные.

При этом не стоит забывать, что мобильные телефоны, которым уделено внимание в большинстве работ других исследователей, не единственные носители информации, которые в своей памяти могут содержать сведения о переписке, переговорах и другую информацию, относящуюся к охраняемой законом личной и семейной тайне. Такими носителями могут быть жесткие диски, изымаемые из системных блоков, моноблоков, ноутбуков, а также ряд других устройств, которые появляются в нашей жизни благодаря техническому прогрессу, например, так называемые «умные часы», на которых дублируется информация, получаемая мобильным телефоном.

Таким образом, в результате рассмотрения приведенных примеров можно сделать вывод, что решение данного вопроса довольно неоднозначно и требует комплексного взвешенного подхода.

В судебной практике имеются противоречия, и в ходе предварительного расследования могут возникать вопросы в данной сфере.

Для решения вопросов необходима доработка УПК РФ в части добавления новых норм, регламентирующих порядок проведения осмотра и экспертизы электронных носителей информации, в ходе которых могут быть ограничены конституционные права граждан.

Список литературы:

1. Соколов Ю. Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе / Ю. Н. Соколов // Информационное право.- 2017.- N 3.- С. 22-26.
2. Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений / Н.А. Архипова // Сборник материалов криминалистических чтений.- 2014.- N 10.- С.16 – 17.
3. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин // Право и кибербезопасность. - 2013. - N 2.- С. 22-27.

4. Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3O7EjaCooxZr/> (дата обращения: 01.10.2018).
5. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головки // Статут, 2016. - С. 253.
6. Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/g0rztuIc426h/> (дата обращения: 01.10.2018).
7. СПС Прав.ру [сайт]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/68631850/> (дата обращения: 01.10.2018).
8. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o/> (дата обращения: 01.10.2018).
9. Багмет А. М., Скобелин С.Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин // Уголовное право. -2017.- N 6.- С. 97-103.
10. Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия / О.С. Бутенко // Lex Russia.- 2016.- N 4.- С. 49-60.

Kim A.V. separate questions of inspection and examination electronic media information // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 151-156.

This article examines the issue of compliance with constitutional rights during the inspection and examination of electronic media seized during investigative actions. The purpose of this article is to identify the problems and issues that arise during the conduct of investigative actions in which electronic media are seized. The article analyzes the current legislation and court decisions, which exemplified the existing differences in law enforcement practice. As a result of the analysis, the authors come to the conclusion that it is necessary to change and refine the legislation.

Keywords: electronic information carrier, search, seizure, inspection, investigator, constitutional rights.

Spisok literatury

1. Sokolov, Yu.N. Electronic media in criminal proceedings / Yu.N. Sokolov // Information Law .- 2017.- N 3.- С. 22-26.
2. N.A. Arkhipova On the issue of using the capabilities of mobile communications in the detection and investigation of crimes / N.A. Arkhipova // Collection of materials of criminalistic readings .- 2014.- N 10.- С.16 - 17.
3. Bagmet A.M., Skobelin S.Yu. Extraction of data from electronic devices as an independent investigative action / AM. Bagmet, S.Yu. Skobelin // Law and Cybersecurity. - 2013. - N 2.- p. 22-27.
4. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [website]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3O7EjaCooxZr/> (access date: 10/01/2018).
5. Golovko L.V. Course of the criminal process / L.V. Golovko // Statute, 2016. - p. 253.
6. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [website]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/g0rztuIc426h/> (appeal date: 10/01/2018).
7. SPS Prav.ru [website]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/68631850/> (access date: 10/01/2018).
8. Laws, codes and regulations of the Russian Federation [website]. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o/> (access date: 01.10.2018).
9. Bagmet A.M., Skobelin S.Yu. Limits of restriction of constitutional rights of citizens during the inspection of cell phones of participants in criminal proceedings / A.M. Bagmet, S.Yu. Skobelin // Criminal Law. -2017.- N 6.- p. 97-103.
10. Butenko O.S. Forensic and procedural aspects of the mobile phone inspection during the preliminary investigation / O.S. Butenko // Lex Russia.- 2016.- N 4.- p. 49-60.

УДК 343.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

Коблева М. М.

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются теоретические аспекты оглашения показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, особенности последствий неявки в судебное заседание потерпевшего или свидетеля, судебная практика оглашения показаний потерпевшего и свидетеля в случае их неявки в судебное разбирательство. Правоприменительная практика указывает на устойчивую тенденцию оглашения показаний потерпевших и свидетелей при несогласии стороны защиты на их оглашение. Автором предложены возможные варианты разрешения данной проблемы, а именно высказана позиция о том, что показания потерпевшего и свидетеля, оглашенные судом при возражении стороны защиты в нарушение требований статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (оглашение показаний потерпевшего и свидетеля), следует признавать недопустимыми доказательствами.

Ключевые слова: судебное разбирательство, сторона обвинения, сторона защиты, оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, неявившиеся потерпевший и свидетель, судебная практика, недопустимые доказательства

Одним из наиболее актуальных вопросов, возникающих в правоприменительной практике, является вопрос, связанный с оглашением показаний потерпевших и свидетелей в ходе судебного разбирательства.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ закреплена ст. 281 «Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля» [1]. По существу, данная норма позволяет при определенных условиях с согласия сторон процесса оглашать в суде показания потерпевших и свидетелей, ранее данных ими при производстве предварительного расследования. Однако, сразу же после вступления в законную силу уголовно-процессуального закона, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 10 октября 2002 г. вынесла Кассационное определение № 16-002-81 в отношении Кобыльникова И. В. Кассационная инстанция по названному делу не усмотрела нарушений норм УПК РФ в том, что в суде были оглашены показания свидетелей без получения согласия на производство названного процессуального действия со стороны защиты. В кассационном определении Судебная коллегия указала: «согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации».

В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативно-правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения и во всех исключительных случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия. Суд, разрешая дело, непосредственно применяет положения Конституции РФ, когда придет к убеждению, что закон или иной нормативно-правовой акт, принятый после

вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции РФ.

Применяя вышеназванное положение к случаю по делу в отношении Кобыльникова И. В., суд первой инстанции, огласив показания потерпевшего и свидетеля по ходатайству государственного обвинителя, правомерно руководствовался конституционным принципом уголовного судопроизводства, основанным на состязательности, обеспечении предусмотренных ст. 15 УПК РФ условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Другое толкование закона приведет к невозможности оглашения показаний потерпевшего и свидетелей, которые могут, как уличать, так и оправдывать обвиняемого, и не будет способствовать назначению уголовного судопроизводства.

Указание в ст. 281 УПК РФ на согласие сторон как необходимое условие для оглашения показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных ими при производстве предварительного расследования, по смыслу процессуального закона, рассматриваемому во взаимосвязи с вышеуказанным конституционным принципом, распространяется лишь на те случаи, когда суд придет к выводу о необходимости оглашения этих показаний по собственной инициативе» [9].

Получив такое разъяснение Судебной коллегии Верховного суда, появилась правовая возможность «легализовать» показания потерпевших и свидетелей при отсутствии этих процессуальных участников в суде. Ведь в большинстве случаев в суде именно стороной обвинения заявляются ходатайства об оглашении показаний потерпевших и свидетелей.

Кассационное определение фактически изменило уголовно-процессуальный закон. Впоследствии законодатель несколько раз уточнял редакцию ст. 281 УПК РФ, в последний раз внесены изменения Федеральным Законом № 40-ФЗ от 02.03.2016 «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», однако проблему не разрешил [2].

Многочисленная судебная практика указывает на то, что показания потерпевших и свидетелей оглашаются в судах и впоследствии эти показания суд использует в качестве доказательства по уголовному делу.

В большинстве случаев подлежат оглашению показания неявившихся в суд свидетелей. Потерпевший, являясь стороной обвинения и участником процесса, более других заинтересован в обвинительном исходе дела и наказании виновного. Будучи извещён надлежащим образом о дате и времени судебного заседания он в обязательном порядке прибывает в суд и даёт показания по обстоятельствам дела. Иная ситуация со свидетелями, которые зачастую не стремятся исполнить свой гражданский долг и не являются в суд даже по вызову суда. Они объясняют такое поведение существенной занятостью на работе, отдаленностью проживания от места проведения судебного заседания и другими причинами. А в некоторых случаях неявка свидетеля в суд – это возможность одной из сторон процесса устранить нежелательных свидетелей, которые к тому же могут изменить свои показания в ходе судебного разбирательства.

Поддерживаем мнение А. А. Васяева и С. А. Князькина в том, что «подобная практика служит инструментом для устранения неблагонадежных свидетелей стороной обвинения. Для государственного обвинителя показания важнее огласить,

чем слышать новые, подчас противоположные данным в ходе расследования, подвергая риску выстроенную следствием обвинительную конструкцию» [5, с. 8].

В силу совокупности вышеуказанных причин в судебной практике почти по каждому уголовному делу государственные обвинители настаивают на оглашении показаний свидетелей, а в некоторых случаях даже нескольких свидетелей. Показательным является уголовное дело, рассмотренное в Пролетарском районном суде г. Ростова-на-Дону. Подсудимый К. обвинялся в преступлении, предусмотренном по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. В ходе судебного разбирательства, по ходатайству государственного обвинителя, были оглашены показания трех неявившихся свидетелей. В данном случае суд удовлетворил ходатайство обвинителя, несмотря на возражения подсудимого по делу и его адвоката. Показательно, что перед оглашением показаний свидетелей сторона защиты несколько раз ходатайствовала перед судом о вызове названных свидетелей. Каждый раз обосновывала свои просьбы существенными процессуальными нестыковками в ходе проведения следствия. В основу приговора по делу суд положил показания именно неявившихся в суд свидетелей. Данное решение было обжаловано в суде апелляционной инстанции [10]. Такая практика не только «теснит состязательность», как выразилась М.Т. Аширбекова [4, с. 11], а вытесняет полностью ее из рамок уголовного судопроизводства, и вместе с ней равенство сторон и непосредственность исследования доказательств.

Совершенно очевидно, что ст. 281 УПК РФ по своему содержанию не ставит ни одну из сторон в благоприятное положение, не создает никаких правовых льгот и преимуществ. Возражать против оглашения показаний того или иного свидетеля может как прокурор, так и защитник. Возражать против оглашения может любая из сторон, исходя из процессуальных интересов.

Нельзя согласиться с тем выводом, что возражения одной из сторон на оглашение показаний не позволит лицам, принимающим участие в уголовном процессе, выполнить на основе состязательности функции обвинения или защиты. Выполнение этих функций напрямую связано с другими процессуальными нормами и сторонам следует умело ими пользоваться. У одной стороны всегда имеется возможность настаивать на вызове в суд того или иного потерпевшего и свидетеля, чьи показания не пожелала оглашать противоположная сторона. И если показания свидетеля и потерпевшего имеют существенное значение для разрешения уголовного дела, то суд обязан, удовлетворить ходатайство стороны и принять все меры к их вызову.

Согласно данным А.А. Васяева и С.А. Князькина «на вопрос, является ли нарушением оглашение показаний свидетеля (потерпевшего) в соответствии с ч. 1 ст. 281 УПК РФ без соответствующего согласия сторон процесса, 400 опрошенных судей, государственных обвинителей, адвокатов, ответили: а) да, поскольку УПК РФ предписывает только так применять данное процессуальное действие - 71%; б) нет, тем самым достигается проверка исследуемого доказательства - 29%» [5, с. 6].

Европейский Суд по правам человека неоднократно в своих постановлениях указывал на то, что власти должны предпринимать все усилия для обеспечения явки свидетелей и их допроса [7].

Ст. 253 УПК РФ является вспомогательной правовой нормой к ст. 281 УПК РФ, позволяющей суду в случае неявки кого-либо из вызванных лиц вынести постановление об отложении дела на определенный срок и одновременно с этим принять меры по вызову или приводу не явившихся лиц и истребованию новых доказательств.

Некоторые могут возразить, что это приведет к необоснованному затягиванию сроков рассмотрения уголовных дел. Однако, если увеличение этих сроков поможет улучшить качество судебного следствия, будет содействовать установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания и, как результат, - вынесению законного и обоснованного приговора, то можно ли в таком случае, жаловаться на сроки.

В судебном заседании зачастую бывают случаи, когда потерпевший или свидетель после допроса его стороной защиты дает показания принципиально иные, чем те, которые были изложены в протоколах допроса и зафиксированные следователем. Противоречия объяснялись тем, что такие показания ими в действительности не давались, в таком виде их записал следователь, либо протокол допроса они не читали, а следователь не настаивал на их чтении, либо торопил, либо даже запугал. К сожалению, такие ситуации встречаются достаточно часто. По вышеуказанному уголовному делу подсудимого К. в судебном заседании оглашались показания четырех свидетелей, которые явились в суд дали показания, но они противоречили тем, которые были изложены в протоколе допроса. Суд устранял противоречия непосредственно в ходе судебного разбирательства [10].

По другому уголовному делу, по факту угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) следователь допросил пожилую женщину и выяснил, что она реально воспринимала угрозы, высказанные в ее адрес со стороны мужа, который замахивался в ее сторону палкой. В протоколе допроса следователь записал «угрозу убийством воспринимала реально». В судебном заседании, после заданных ей стороной защиты стандартных вопросов, она заявила, что ее супруг каждый день угрожает ей убийством, грозит палкой и бросает в нее какие-либо предметы домашнего обихода. Она привыкла к такому поведению мужа, а угроза, которая была высказана в последний раз, хотя ее и расстроила, но совсем не напугала [11]. Такие показания потерпевшей полностью исключили уголовную ответственность ее мужа. Нетрудно представить, какой был бы приговор, если бы потерпевшая не пришла в суд, а ее показания были оглашены. Такие примеры можно продолжить.

Законодатель не для формальности обязывает суд проверять в судебном заседании правильность добытых следователем доказательств, именно по этой причине расследование называется предварительным, за которым следует основная стадия - судебное разбирательство.

Предлагаемая законодателем правовая конструкция ст. 281 УПК РФ позволяет принимать на веру при отсутствии какой-либо проверки то, что получено следователем, представителем стороны обвинения у юридически «необразованных» граждан - у потерпевших и свидетелей.

Какую роль в данной ситуации играет суд? Ст.ст. 231-232 УПК РФ обязывает суд осуществлять вызов в судебное заседание потерпевших и свидетелей по делу и извещать их о дне и времени судебного заседания. В случае их неявки, суд может применить меру процессуального принуждения в виде привода (ст. 113 УПК). Но как показывает практика, постановления суда тоже не всегда подлежат исполнению. В суд поступают рапорта судебных приставов о неисполнении привода ввиду отсутствия указанных лиц по известному суду адресу и невозможности их установления (отсутствие дома, переезда в другое место жительства, фактическое не проживание указанных лиц в данном адресе и др.) [6, с. 3]. Сами судебные органы не являются розыскными органами, они выполняют иную функцию в уголовном судопроизводстве.

производстве. «Публично-правовая обязанность суда - обеспечить судебную защиту прав и законных интересов личности посредством рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, как уголовно-правового спора» [4, с. 7].

В связи с этим, думается, что в большей степени заинтересованность в предоставлении доказательств имеется у органов предварительного следствия, тех органов, которые уполномочены обвинять лицо, в совершении преступления. Тем более, что «неофициальные» указания об установлении и доставке в суд таких потерпевших и свидетелей непосредственно органами дознания судом даются.

Законодателю необходимо внести изменения такого плана, которые бы по решению суда обязывали орган дознания доставлять в суд неявившихся потерпевших и свидетелей. Следовательно, заранее зная, что потерпевший и свидетель будут доставлены в суд для непосредственного допроса будет более правильно излагать показания в допросах. Особое внимание уделит выяснению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и четко зафиксирует их в протоколе.

Не разделяем мнение о том, что обязанность по доставлению неявившихся потерпевших и свидетелей может взять на себя сторона защиты [3, с. 12]. Во-первых, во избежание оказания влияния на точку зрения потерпевшего и свидетеля, во-вторых, потому, что защита выполняет абсолютно противоположную функцию.

С учетом того, что потерпевший и свидетель – это участники процесса, которые наделены в рамках уголовно-процессуальной деятельности правами и обязанностями, автор считает возможным внести дополнения в ст. 42 и ст. 56 УПК РФ и предусмотреть в дополнение к принудительному приводу в суд потерпевшего и свидетеля, наложение на них существенного денежного взыскания. Следует повсеместно применять данный вид административного наказания в случаях уклонения названных лиц от исполнения ими гражданского долга - обязательной явки в судебное заседание для дачи показаний.

Законодательная корректировка ст. 281 УПК РФ на настоящее время не привела и скорее всего не приведет к положительным результатам. На наш взгляд, заинтересованность в даче показаний непосредственно в ходе судебного разбирательства должна быть не только у стороны обвинения и защиты, но и у потерпевших и свидетелей.

Если у стороны защиты нет возможности задать вопросы потерпевшему или свидетелю в суде, то доказательства должны считаться не исследованными, поскольку были нарушены основополагающие начала уголовного судопроизводства – состязательность, равноправие сторон, непосредственность исследования доказательств.

В названном контексте, показания потерпевшего и свидетеля, оглашенные судом при возражении стороны защиты в нарушение требований ст. 281 УПК РФ, следует признавать недопустимыми доказательствами.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. 2001 г. (в ред. от 10.11.2018) // Сборник Законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Федеральный Закон № 40-ФЗ от 02.03.2016 «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 4 марта.
3. Аширбекова М.Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам. Волгоград, 2008.

4. Аширбекова М.Т. Новое в порядке оглашения в суде показаний потерпевшего и свидетеля // Мировой судья. 2016. № 7.
5. Васяев А. А., Князькин С. А. Стандарты Европейского суда по правам человека в части условий оглашения показаний свидетеля (потерпевшего) в ходе судебного следствия и российская судебная практика // Адвокат. 2013. № 7.
6. Материалы совещания судей и конференции судей Нижегородской области (13-14 марта 2013 г.) // Бюллетень Нижегородского областного суда. 2013. № 3.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 21.01.2011 № 17444/04 «По делу «Корнева и Карпенко против Украины» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обобщение Верховного суда Республики Калмыкия судебной практики соблюдения сроков рассмотрения уголовных дел в 2010 году (Электронный адрес) URL: <http://vs.kalm.sudrf.ru/module> (дата обращения 30.10.2018);
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 октября 2002 г. № 16-002-81 по делу И.В. Кобыльникова // СПС «КонсультантПлюс».
10. Уголовное дело № 1-157-18. Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону
11. Уголовное дело № 1-221-17. Архив Ленинского районного суда г. Ставрополь.

Kobleva M. M. Theoretical and practical aspects announcement statements sufferers and witnesses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – P. 157-162.

The article discusses the theoretical aspects of the announcement of the testimony of the victim and witness, previously given during the preliminary investigation or trial, the particular consequences of failure to appear at the court session of the victim or witness, the judicial practice of announcing the testimony of the victim and witness in the event of their non-attendance at the trial. Enforcement practice indicates a steady trend of disclosing testimonies of victims and witnesses in case of disagreement of the defense on their announcement. The author suggested possible solutions to this problem, namely, the position was expressed that the testimony of the victim and witness, announced by the court upon the objection of the defense in violation of the requirements of article 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (announcement of the testimony of the victim and witness), should be considered unacceptable evidence.

Keywords: court proceedings, the prosecution, the defense, the announcement of the testimony of the victim and the witness, the non-manifest victim and the witness, judicial practice, inadmissible evidence.

Spisok literary

1. Code of criminal procedure of Russian Federation. 2001 г. (in editorial 10.11.2018) // Compilation legislation of Russian Federation. 2001. № 52 (p. I). P. 4921.
2. Federal Law № 40-FZ of 03.0./2016 “On amendments to Article 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Russian newspaper. 2016. March 4th.
3. Ashirbekova M.T. The principle of publicity in criminal proceedings. Volgograd, 2008.
4. Ashirbekova M.T. New in the order of announcement in court the testimony of the victim and the witness // Magistrate. 2016. № 7.
5. Vasyaev A.A., Knyazkin S.A. Standards of the European Court of Human Rights in terms of the conditions for disclosure of the testimony of a witness (victim) during the judicial investigation and Russian judicial practice // Lawyer. 2013. № 7.
6. Proceedings of the meeting of judges and conference of judges of the Nizhny Novgorod region (March 13-14, 2013) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Regional Court. 2013. № 3.
7. Resolution of the European Court of Human Rights of January 21, 2011 No. 17444/04 “In the case of Korneva and Karpenko v Ukraine” // ConsultantPlus.
8. Summarizing the Supreme Court of the Republic of Kalmykia of the judicial practice of meeting the deadlines for the consideration of criminal cases in 2010 (Email address) URL: <http://vs.kalm.sudrf.ru/module> (appeal date 30.10.2018);
9. The definition of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2002 No. 16-002-81 in the case of I.V. Kobylnikova // ConsultantPlus.
10. Criminal case number 1-157-18. Proletarsky District Court of Rostov-on-Don
11. Criminal case No. 1-221-17. Archive of the Leninsky District Court. Stavropol.

УДК 343

КРИМИНОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ НА ДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Корнилова Т. В.

*«Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний» (ВИПЭ ФСИН России)*

В статье рассматривается проблема назначения и исполнения наказаний в виде длительных сроков лишения свободы. Обозначена авторская позиция в понимании временной длительности срока лишения свободы. Приводятся результаты анкетирования сотрудников исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области непосредственно взаимодействующих с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы. Также в статье раскрываются результаты исследования заявленной категории осужденных (96 респондентов) по вопросам их личностных особенностей, отношения к своему наказанию, трудностей, с которыми они сталкиваются в исправительном учреждении, перспективам жизненного пути и др. Приводится сравнительный анализ осужденных, участвующих в исследовании, в зависимости от их пола.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудники исправительных учреждений, осужденные, характеристика личности, длительные сроки, лишение свободы.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года ставит перед Федеральной службой исполнения наказаний России задачу регулярного проведения мониторинга состава осужденных в целях получения объективных данных для принятия решений о дальнейшем реформировании УИС [1].

Составление криминологико-психологических характеристик осужденных позволяет более эффективно организовать работу по их дальнейшему исправлению в целях успешного достижения задач уголовно-исполнительного законодательства, а также общего и частного (постпенитенциарного) предупреждения совершения гражданами преступных деяний.

Именно временная длительность определяет тот объем физических и моральных страданий, которые испытывает осужденный к наказанию в виде лишения свободы. Численным критерием временной длительности наказания является срок лишения свободы, который также выступает и средством индивидуализации наказания. Индивидуализация наказания заключается в определении количества лет лишения свободы, а также видом режима исправительного учреждения. Эффект устрашения, который лежит в основе карательного воздействия, обратно пропорционален длительности срока отбывания наказания, так как осужденный постепенно адаптируется к окружающей его среде, что непосредственно снижает уровень страха перед наказанием за совершенное преступление. Именно поэтому вопрос об определении длительности сроков лишения свободы является весьма спорным и наиболее обсуждаемым в юридической науке.

Стоит отметить, что в настоящее время проблема определения научных критериев длительности сроков наказания является актуальной как для России, так и для других государств. Решение данного вопроса основывается на субъективных позициях государств – правоприменителей.

В России само понятие «длительный срок лишения свободы» носит дискуссионный характер, так как существуют большие разногласия среди ученых в вопросе обозначения определенной временной продолжительности срока наказания как длительной. Непосредственно проблемы назначения и исполнения наказаний в виде длительных сроков лишения свободы, а также влияния на осужденных длительных сроков отбывания наказания анализировались в трудах многих юристов (В. В. Николайченко [2], И. Ю. Бобылева [3], С.С. Акуленко [4], М.Г. Детков [5], А. М. Смирнов [6] и др.), педагогов (В. И. Белослудцев [7], Э. В. Зауторова [8] и др.) и психологов (Е. Ф. Штефан [9], В. Г. Рогач [10], В. М. Поздняков [11] и др.).

На наш взгляд, к длительным срокам лишения свободы в РФ необходимо отнести срок свыше 7-8 лет, так как пик ориентирования на отрицательное поведение у большинства осужденных (около 82 %) проявляется после отбытия наказания, выпадающего под указанный промежуток времени. Также, в этот период (7-8 лет) происходит усиление воздействия отрицательных факторов на осужденных и снижается эффективность их воспитательного процесса. У отдельных осужденных такой пик проявляется после 5-6 летнего срока отбывания наказания [12].

Вышесказанное подтверждает и проведенное исследование, в котором приняли участие 38 сотрудников исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области, которые непосредственно взаимодействуют с осужденными. В ходе исследования было выявлено, что 11 респондентов к длительному сроку отбывания наказания относят период от 5 до 7 лет лишения свободы, в то время как большинство опрошенных (27 сотрудников) к такому периоду относят срок более 8 лет лишения свободы.

Периодом лишения свободы, за который, как правило, достигается цель наказания, по мнению сотрудников, считается:

- наказание до 3 лет лишения свободы (3 опрошенных);
- наказание от 3 до 5 лет лишения свободы (11 опрошенных);
- наказание от 6 до 8 лет лишения свободы (19 опрошенных);
- наказание более 8 лет лишения свободы (5 опрошенных).

В силу этого нами в сентябре-октябре 2018 г. на базе исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области было проведено исследование, позволяющее определить основные составляющие криминологическо-психологической характеристики лиц, отбывающих длительные сроки лишения свободы (свыше 8 лет).

В проведенном исследовании приняли участие 96 осужденных (50 мужчин и 46 женщин) к длительным срокам лишения свободы (свыше 8 лет). Участвующие в исследовании осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы впервые. Среди осужденных мужчин на момент анкетирования 7 человек отбыли наказание, срок которого не достигает 3-х лет, 24 человека отбывают наказание на протяжении 3-5 лет, у 19 человек срок отбытого наказания составляет от 6 до 10 лет. Среди осужденных женщин на момент анкетирования 26 человек отбыли наказание, срок которого не достигает 3-х лет, у 8 человек отбытая часть наказания составляет от 3-х до 5 лет, и у 12 человек срок отбытого наказания составляет от 6 до 10 лет. Все

участвующие в исследовании осужденные женщины и 39 осужденных мужчин независимо от назначенного им срока лишения свободы относят его к длительному.

Рассмотрим наиболее значимые результаты, полученные в ходе исследования.

Возраст большинства осужденных мужчин, участвующих в исследовании, попадает в пределы от 31 года до 40 лет. В данную категорию вошло 19 осужденных (38 %). 15 человек вошли в категорию от 26 до 30 лет (30 %), от 41 года до 50 лет – число осужденных составило 10 человек (20 %), и 6 человек – от 51 до 69 лет (12 %).

У осужденных женщин данный критерий распределился следующим образом: максимальное число осужденных (16 человек – 34,8 %) имеют возраст от 20 до 30 лет, 14 человек (30,4 %) входят в возрастную категорию от 31 года до 40 лет, возраст 12 осужденных составляет от 51 до 62 лет (26,1 %) и возраст 4 осужденных входит в рамки 41-50 лет (8,7 %).

Итак, нижний возрастной предел осужденных, участвующих в исследовании и отбывающих длительные сроки лишения свободы, составляет 26 лет у мужчин и 20 лет у женщин соответственно. Верхним возрастным пределом выступает возраст 69 лет у осужденных мужчин и 62 года у осужденных женщин.

Таким образом, можно говорить о том, что по сравнению с мужчинами, женщины значительно раньше начинают совершать преступные деяния (в нашем случае, разница составляет 6 лет), что компенсируется снижением верхнего возрастного критерия у данной группы осужденных, где разница между возрастными осужденных мужчин и женщин составила 7 лет.

На наш взгляд, причина данных возрастных несоответствий кроется в физиологическом влиянии возраста на молодого преступника. Женщины, и в особенности молодые девушки, более эмоциональны и возбудимы, чем молодые люди. Определенные опасения вызывает возраст осужденных женщин от 20 до 30 лет – число таких осужденных является преобладающим. Так как указанный возрастной период – время накопления знаний, профессиональных умений и навыков, формирования и укрепления мировоззрения, то это может оказать негативное влияние на формирование у них правопослушной модели поведения.

Уровень образования человека также является определенным антикриминогенным фактором. Чем он выше, тем меньше вероятность совершения преступлений. Стоит отметить, что преобладающее число осужденных мужчин имеют среднее профессиональное образование или среднее специальное образование – 28 осужденных и среднее общее образование – 12 осужденных. Начальное, неполное среднее имеют 7 человек. Также, 1 из респондентов имеет высшее образование, а 2 респондента высшее образование.

Наибольшее число респондентов женщин имеют среднее профессиональное образование или среднее специальное образование – 25. Начальное, неполное среднее образование имеют 7 опрошенных, 6 опрошенных имеют среднее общее образование. Незаконченное высшее и законченное высшее образование имеют 8 опрошенных (по 4 на каждый критерий).

Анализ образовательного критерия, также позволяет сделать вывод о том, что среди осужденных женщин преобладает большее число лиц, по сравнению с осуж-

денными мужчинами, имеющих высшее образование, или стремившихся его получить.

Существенным антикриминогенным фактором являются социально полезные связи, основной из которых выступает семья. Так, 29 из опрошенных мужчин не состоят в браке, 12 осужденных состоят в браке и 9 мужчин разведены. Детей на иждивении имеют 32 человека из 50 респондентов.

8 из опрошенных женщин состоят в зарегистрированном браке, 14 женщин в браке не состоят, 12 разведены и 12 являются вдовами. 34 из них имеют на иждивении детей.

Среди респондентов мужчин большинство отбывают наказание по ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) – «Убийство». Также, среди опрошенных встречаются лица, отбывающие наказание по ст. 111 УК РФ – «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 162 УК РФ – «Разбой»; 228 УК РФ – «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; ст. 229 УК РФ – « Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

Среди респондентов женщин большинство отбывает наказание по ст. 228 УК РФ – «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и ст. 228.1 УК РФ – «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». Также встречаются статьи: 105 – «Убийство»; 290 – «Получение взятки»; 111 – «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; 158 – «Кража»; 159 – «Мошенничество» [13].

В ходе проведенного исследования, было выявлено, что в отличие от респондентов мужчин, женщины в меньшей степени стремятся выполнять трудовые обязанности. Так, 96 % опрошенных мужчин (48 человек) о трудоустройстве в условиях заключения ответили утвердительно, в то время как утвердительные ответы женщин на поставленный вопрос составили лишь 30 из 46 человек.

Проблематичным периодом наказания 29 сотрудников считают начало отбывания наказания, 2 сотрудника проблематичным считают середину отбывания наказания и 7 сотрудников – конец срока отбывания наказания. Большинство опрошенных к проблемам отбывания наказания относят адаптацию к условиям отбывания наказания, разрыв социально полезных связей. В середине отбывания наказания, осужденные сталкиваются с такими проблемами, как ощущение длительности отбываемого срока (осужденный уже давно в ИУ и еще впереди такой же срок), «кризис перспективы». В конце срока отбывания наказания, осужденные испытывают страх

перед выходом на свободу, страх перед неизвестностью, которая их ожидает на свободе.

Для осужденных мужчин самым проблематичным этапом отбывания наказания является середина назначенного срока (28 осужденных), начало отбывания является проблематичным для 16 осужденных, конец отбывания наказания вызывает опасение у 6 опрошенных. Основными проблемами, возникающими у осужденных в указанные периоды времени, являются: адаптация к новому коллективу; адаптация к условиям исправительного учреждения; моральное давление других осужденных; проблемы, возникающие во взаимоотношениях с администрацией исправительного учреждения; боязнь приближения времени освобождения.

Опрошенные женщины указывают, что самым трудным периодом для них является начало отбывания наказания (27 опрошенных), середина срока наказания вызывает проблемы у 15 осужденных и конец отбывания наказания вызывает трудности у 4 опрошенных. Возникающие проблемы, в указанные периоды времени, осужденные связывают с адаптацией к условиям исправительного учреждения (29 опрошенных); адаптацией к новому коллективу (6 опрошенных); с утрачиванием связей с постоянно изменяющимся обществом (10 опрошенных); с невозможностью восстановления и установления связи с родственниками и близкими (8 опрошенных); с боязнью приближения времени освобождения (4 опрошенных).

По мнению большинства опрошенных сотрудников (31 человек), самым продуктивным периодом для исправления осужденных является середина отбывания наказания, причинами этого служит мотивация к УДО. В конце отбывания наказания, мотивирующими факторами выступают: осознание необходимости исправиться для лучшего «вливания» в существующие устои, нормы и правила общества.

Самым продуктивным периодом отбывания наказания в плане исправления, по мнению осужденных мужчин, является середина срока наказания (26 респондентов), 17 осужденных к продуктивному сроку отбывания наказания относят его начало, конец отбывания наказания считают продуктивным 7 опрошенных.

Самым продуктивным периодом отбывания наказания в плане исправления, по мнению осужденных женщин, является начало его отбывания (25 осужденных), 12 осужденных считают, что данным периодом является середина срока наказания, 9 осужденных к рассматриваемому периоду относят конец отбывания наказания.

По мнению опрошенных сотрудников исправительных учреждений, к факторам, мотивирующим к процессу исправления осужденных, относятся:

- наличие семьи, желание к ней вернуться (21 опрошенный);
- желание исправиться и не совершать в дальнейшем преступлений (12 опрошенных);
- желание реабилитироваться перед обществом (4 опрошенных);
- поиск смысла жизни (1 опрошенный).

1 респондент считает, что у большинства осужденных рассматриваемой категории нет желания исправляться.

По мнению осужденных мужчин, факторами, мотивирующими к процессу исправления, относятся:

- наличие семьи, желание к ней вернуться (24 опрошенных);
- желание исправиться и не совершать в дальнейшем преступлений (9 опрошенных);

– желание реабилитироваться перед обществом (20 осужденных).

Факторами, мотивирующими к процессу исправления осужденных женщин, являются:

– наличие семьи, желание к ней вернуться (34 опрошенных);

– желание исправиться и не совершать в дальнейшем преступлений (17 опрошенных);

– желание реабилитироваться перед обществом (8 опрошенных);

– желание вернуться домой (1 опрошенный).

К факторам, вызывающим нежелание исправления осужденных на длительные сроки лишения и возвращению к привычной жизни, мнению сотрудников, относятся:

– возвращение в негативную среду, способствующую совершению преступления (8 человек);

– нежелание самостоятельно удовлетворять жизненные потребности (11 человек);

– боязнь последующей социальной адаптации (14 человек);

– отсутствие поддержки среди родных и близких (12 человек).

Стоит отметить, что ни один из респондентов не указал на отсутствие желания исправиться, тем не менее, среди факторов, вызывающих нежелание к исправлению и возвращению к привычной жизни, осужденные мужчины называют:

– нежелание самостоятельно удовлетворять жизненные потребности (19 опрошенных);

– боязнь последующей социальной адаптации (21 опрошенный);

– отсутствие поддержки среди родных и близких (10 опрошенных).

Осужденные женщины к таким причинам относят:

– нежелание самостоятельно удовлетворять жизненные потребности, т. к. ранее вопросы социально-бытового обеспечения разрешались администрацией исправительного учреждения (7 опрошенных);

– боязнь последующей социальной адаптации (15 опрошенных);

– отсутствие поддержки родных и близких (23 опрошенных);

– убеждение в своей невиновности (1 опрошенный).

По мнению сотрудников исправительных учреждений, проблемы с последующей социальной адаптацией осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, могут быть связаны:

– с поиском работы (23 опрошенных);

– с поиском жилья (11 опрошенных);

– с недоверием и непониманием осужденного со стороны общества (14 опрошенных);

– с восстановлением социально полезных связей (с семьей, родственниками, знакомыми и т. д.) (24 опрошенных);

– с отвыканием от принятия самостоятельных решений (17 опрошенных).

Большинство осужденных мужчин (34 человека) считают, что не столкнутся с проблемами в социальной адаптации после отбывания наказания. 16 из осужденных мужчин считают, что могут столкнуться с проблемами. В основном такие проблемы, по мнению осужденных мужчин, могут быть связаны с поиском работы и с поиском жилья. Также среди указанных проблем встречаются: восстановление соци-

ально полезных связей (с семьей, родственниками, знакомыми и т. д.), недоверие со стороны общества. 2 осужденных отмечают, что после отбывания наказания у человека «изменяется мышление, ощущение нормы», что также повлечет проблемы после освобождения. Поровну разделились ответы в отношении целесообразности дальнейшего срока отбывания наказания. Так, 25 осужденных ответили, что отбывание оставшегося срока лишения свободы для них является бесполезным, а 25 опрошенных видят пользу в дальнейшем отбывании наказания.

17 осужденных женщин считают, что после отбытия установленного судом срока, в последующей социальной адаптации у них могут возникнуть проблемы, которые будут проявляться в поиске работы (14 человек); недоверии со стороны общества (12 человек); в восстановлении социально полезных связей (с семьей, родственниками, знакомыми и т. д.) (6 человек); отвыкании от принятия самостоятельных решений (3 человека); в наличии судимости (1 человек); в наличии материальных проблем (1 человек). 24 респондента считают отбытие дальнейшего срока наказания бесполезным.

26 сотрудников считают, что осужденные к длительным срокам лишения свободы заинтересованы в своем будущем, 12 сотрудников не согласны с данным утверждением.

Далее отметим, что условия мест лишения свободы воздействуют на людей, преломляясь через их жизненный опыт. Осужденные, отбывая длительные сроки, могут по-разному относиться к воздействиям специфических условий мест лишения свободы.

Сотрудниками было отмечено, что длительность отбывания наказания влияет на переживания, связанные с перспективами жизненного пути осужденного.

Описывая личностные особенности осужденных мужчин, отбывающих длительные сроки лишения свободы, сотрудники отмечают их агрессивность, враждебность, осмотрительность, замкнутость, внутреннюю напряженность и тревожность.

Среди личностных характеристик осужденных женщин, отбывающих длительные сроки лишения свободы, сотрудниками исправительного учреждения были отмечены их импульсивность, озабоченность своим положением, стремление привлечь к себе внимание окружающих, вызвать у них сочувствие к себе.

По мнению 27 опрошенных сотрудников, при длительных сроках лишения свободы, агрессивность осужденных выше, по сравнению с лицами, отбывающими краткие сроки лишения свободы. Особенно данный факт проявляется на начальном этапе и в конце отбывания наказания.

Агрессивность осужденных, можно связать со следующими факторами:

- попытка занять более высокое положение в среде лиц, отбывающих наказание (6 опрошенных);
- страх или состояние неопределенности (11 опрошенных);
- влияние криминальной субкультуры (9 опрошенных);
- влияние психологических защит осужденного (14 опрошенных);
- психическое напряжение, выступающее субъективным источником агрессивных действий (21 опрошенный);
- обострение переживаний, связанных с перспективами жизненного пути (17 опрошенных).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что составление криминологическо-психологических характеристик лиц, отбывающих наказания в виде длительных сроков лишения свободы, позволяет более детально изучить личность осужденного, с целью дальнейшего воспитательного воздействия на нее, а также, исходя из полученных результатов, организовать профилактику совершения новых преступлений данной категорией осужденных после выхода на свободу.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.
2. Николайченко В.В. Длительные сроки лишения свободы: уголовно-правовые, исправительно-трудовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1991. – 24 с.
3. Бобылева И. Ю. Длительные сроки лишения свободы: Пособие. – М., 1992. – 77 с.
4. Акуленко С. С. Реализация целей наказания при длительных сроках лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. – 2004. – 25 с.
5. Детков М. Г. Длительное лишение свободы: понятие, содержание, эффективность // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 2. – С. 28-32.
6. Смирнов А. М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин: Монография. – М., 2010. – 196 с.
7. Белослудцев В. И. Педагогические основы исправления осужденных к длительным срокам лишения свободы: дис. ... д-ра пед. наук. – Челябинск, 2000. – 354 с.
8. Зауорова Э. В. Ресоциализация осужденных к длительным срокам лишения свободы // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 8 (89). – С. 19-21.
9. Штефан Е. Ф. Психология агрессивного поведения осужденных к длительным срокам лишения свободы // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 2-3 (53-54). – С. 136-138.
10. Рогач В. Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2015. – 27 с.
11. Поздняков В. М. Психологические проблемы ресоциализации осужденных с длительными сроками лишения свободы // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т.3. № 1.– С. 38-40.
12. Коваль М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1995. – 22 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Kornilova T. V. Criminological psychological characteristics of the convicted serving long prison sentences // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 167-171.

The article deals with the problem of the imposition and implementing of such penalties as heavy terms of imprisonment. It explains the author's position on the length of imprisonment terms. The author presents the results of the survey conducted among the correctional officers of the Federal Penal Service of Russia working in Vologda Region and directly interacting with the convicted serving long prison sentences. The article also demonstrates the results of the survey among the convicted belonging to the category mentioned above concerning their personal characteristics, attitude to their penalties, difficulties that they have to overcome serving their sentences, life prospects, etc. The author gives a comparative analysis of the convicted of both genders taking part in the survey.

Key words: penitentiary system, correctional officers, the convicted, personality characteristics, heavy terms of imprisonment, penal custody.

Spisok literaturyi:

1. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 14.10.2010 # 1772-r (red. ot 23.09.2015) «O Kontseptsii razvitiya ugovovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. # 43. St. 5544.
2. Nikolaychenko V. V. Dlitelnyie sroki lisheniya svobody: ugovovno-pravovyye, ispravitelno-trudovyye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1991. 24 s.
3. Bobyileva I. Yu. Dlitelnyie sroki lisheniya svobody: Posobie. M., 1992. 77 s.
4. Akulenko S. S. Realizatsiya tseley nakazaniya pri dlitelnyih srokah lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M. 2004. 25 s.
5. Detkov M. G. Dlitelnoe lishenie svobody: ponyatie, sodержanie, effektivnost // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2008. # 2. S. 28-32.
6. Smirnov A. M. Dlitelnyie sroki lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennyih muzhchin: Monografiya. M. 2010. 196 s.
7. Belosludtsev V.I. Pedagogicheskie osnovyi ispravleniya osuzhdennyih k dlitelnyim srokam lisheniya svobody: dis. ... d-ra ped. nauk. Chelyabinsk, 2000. 354 s.
8. Zautorova E. V. Resotsializatsiya osuzhdennyih k dlitelnyim srokam lisheniya svobody // Globalnyiy nauchnyiy potentsial. 2018. # 8 (89). S. 19-21.
9. Shtefan E.F. Psihologiya agressivnogo povedeniya osuzhdennyih k dlitelnyim srokam lisheniya svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2006. # 2-3 (53-54). S. 136-138.
10. Rogach V. G. Psihologiya perezhivaniy u osuzhdennyih muzhskogo pola, otbyivayuschih dlitelnyie sroki lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Ryazan, 2015. 27 s.
11. Pozdnyakov V. M. Psihologicheskie problemy resotsializatsii osuzhdennyih s dlitelnyimi srokami lisheniya svobody // Mezhdunarodnyiy penitentsiarnyy zhurnal. 2017. T. 3. # 1. S. 38-40.
12. Koval M. I. Sotsialno-pravovaya adaptatsiya lits, otbyivshih dlitelnyie sroki lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan, 1995. 22 s.
13. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 # 63-FZ (red. ot 03.10.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 21.10.2018) // SZ RF. 1996. # 25. St. 2954.

УДК: 343.3

**ПОЛОВАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**
Никульченкова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматриваются вопросы квалификация ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с позиции правоприменительной практики. Личную безопасность несовершеннолетнего необходимо рассматривать с позиции не только физической, но и нравственной, духовной составляющей, а также криминологической защищённости от всех форм насилия.

Определение половой свободы несовершеннолетнего, достигшего 16-летия, на наш взгляд, является дискуссионным, не позволяет в полной мере обеспечить половую безопасность детей и требует дополнительного проведения криминологических исследований и осмысления.

Автором внесены предложения о внесении изменений в редакцию части 3 ст. 134 УК РФ и ст. 135 УК РФ с целью приведения данных уголовно-правовых норм в соответствие со степенью общественной опасности преступных посягательств.

Ключевые слова: половая неприкосновенность несовершеннолетних, нравственная безопасность, личная безопасность несовершеннолетних, защита детей от сексуального насилия, проблемы квалификации.

Конституция Российской Федерации как основной закон государства гарантирует каждому человеку право на свободу и личную неприкосновенность [2].

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» одной из целей государственной политики в интересах детей определяет недопущение посягательств на личную неприкосновенность и содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей [4].

Конвенция о правах ребенка в статье 34 обязывает каждое государство-участника «защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения», принимать в этих целях все необходимые меры для предотвращения, в частности, «склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности», «использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах» [1].

Половая неприкосновенность несовершеннолетних и проблема их нравственной безопасности взаимосвязаны и имеют ряд ключевых аспектов. Прежде всего, это возрастные границы, устанавливаемые законодателем при посягательствах на половую свободу. Половая свобода как право, реализуемое в рамках своей личной жизни, наступает с 16-летнего возраста. Термин «половая неприкосновенность» применяется в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста при определении объекта преступного посягательства в преступлениях половой направленности. Таким образом, по существу своего физического и психического развития ребенок, достигший возраста 16 лет, по мнению законодателя, уже самостоятельно может решать вопросы сексуальной жизни. На наш взгляд, это право не согласуется с понятием правоспособности, когда физическое лицо таковым становится только в момент совершеннолетия - по достижению 18-летнего возраста.

Следующий аспект имеет отношение к выбору (произвольному или навязанному) типа сексуального поведения. Засилие средств массовой информации новомодными словами «толерантность», «терпимость», «сексуальные меньшинства», «однополое браки» звучит как массовая пропаганда, развращающая наших детей. В связи с этим особую актуальность приобретают человеческие ценности, воспитывающие в ребёнке традиционную культуру, в том числе и сексуального поведения между мужчиной и женщиной.

Важным аспектом является обеспечение духовной и криминологической безопасности несовершеннолетних: защищенность личности в сферах культурной и религиозной жизни от проникновения различных лжеучений, в том числе религиозных, призывающих к самоубийству или вступления в различные секты; состояние защищенности их интересов от угроз, источниками которых выступают явления, в той или иной степени связанные с преступностью, общественно опасными посягательствами [9, с. 23-28].

Все эти проблемы требуют осмысления и повышенной защиты детей от любых сексуальных посягательств уголовно-правовыми средствами.

Исходя из названия Главы 18 Уголовного кодекса РФ [3], законодатель определил половую неприкосновенность и половую свободу основными объектами половых преступлений. Вместе с тем, в данной группе преступлений присутствуют и дополнительные объекты, которые страдают вместе с основным: физическая и психическая неприкосновенность лица, его здоровье и жизнь, нормальное, нравственное и духовное развитие несовершеннолетнего.

Как правило, указанные преступления разделяют по способу совершения преступления и классифицируют на насильственные и ненасильственные половые посягательства [6, 7.].

Уголовный закон России устанавливает уголовную ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности в статьях 134 и 135.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ - половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста – является половая неприкосновенность, нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних, здоровью которых может причинить вред раннее начало половых контактов ввиду не достижения половой зрелости.

Конституционный Суд РФ в своём Определении указал что, устанавливая уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, - хотя и не имеющие насильственный характер, - законодатель исходил из того, что потерпевшее лицо в силу психологической незрелости не осознаёт в полной мере характер совершаемых с ним действий и их физические, нравственные, психологические, социальные и иные последствия (лишение подростка детства и отрочества, торможение личностного развития, сокращение его социальных перспектив, препятствие получению образования) и, соответственно, выступает жертвой осознанных и волевых действий несовершеннолетнего лица [11].

Потерпевшими выступают: лицо женского пола (ч. 1 ст. 134 УК РФ); лицо мужского пола не достигшее 16 лет - при мужеложстве и лицо женского пола не достигшее 16 лет - при лесбиянстве (ч. 2 ст. 134 УК РФ).

Субъектом преступления является вменяемое лицо мужского или женского пола, достигшее 18 лет. Важным моментом является то, что субъект преступления должен осознавать, что совершает половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Поэтому субъективная сторона такого преступления характеризуется виной только в форме прямого умысла.

В правоприменительной практике при расследовании преступлений половой направленности возникают проблемы правильной квалификации. Так, например, в части 2 ст. 134 УК РФ предусматривается ответственность за мужеложство или лесбиянство в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет. Особо квалифицированный состав части 3 ст. 134 УК РФ предусматривает ответственность за совершение или полового сношения, или мужеложства или лесбиянства в отношении ребенка, достигшего 12 лет, но не достигшего 16 лет. Вместе с тем, очевидно, что содержание диспозиции ст. 134 УК РФ не соответствует ее содержанию, так как в части 3 ст. 134 УК РФ отсутствует указание на совершение «иных действий сексуального характера». Получается, что эти действия не наказуемы.

На практике это приводит к тому, что ответственность по ст. 134 УК РФ не могут нести лица, совершившие такие общественно опасные деяния с лицом, не достигшим возраста 16 лет, как оральный или анальный секс, и другие действия сексуального характера. Подобные деяния при отсутствии какого-либо насилия могут быть квалифицированы только по ст. 135 УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание, не соответствующее степени опасности содеянного.

Полагаем, необходимо изменить редакцию части 3 ст. 134 УК РФ и включить указание на «иные действия сексуального характера» в целях приведения данной уголовно-правовой нормы в соответствие со степенью общественной опасности такого посягательства.

Пробельность уголовного законодательства также наблюдается в отсутствии специального субъекта преступления. Исследования ученых свидетельствуют о том, что с несовершеннолетними лицами обоего пола совершают сексуальные действия как незнакомые, так и знакомые потерпевшему (потерпевшей) лица, в том числе и родственники. Сексуальные действия, совершенные лицами, находящимися в близком родстве с несовершеннолетним лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, существенно повышают общественную опасность содеянного. Поэтому представляется необходимым указание на специальных субъектов данного преступления родителей, или лиц, их заменяющих, а равно педагогов или других работников образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетними [13, с. 74].

Практика расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о ненасильственных половых преступлениях свидетельствует о значительных сложностях, возникающих при отграничении ненасильственных составов преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, от смежных насильственных составов, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, где потерпевшими выступают малолетние и несовершеннолетние. В частности, проблемы возникают при разграничении насильственных действий сексуального характера, предусмотренных ст. 132 УК РФ, и развратных действий, предусмотренных ст. 135 УК РФ.

Так, приговором Арзамасского городского суда Нижегородской области, вынесенным по результатам рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного

разбирательства, П. осуждён по ч. 2 ст. 135 УК РФ за совершение развратных действий в отношении своей 13-летней падчерицы В., являющейся инвалидом детства в связи с заболеванием детским церебральным параличом. Подсудимый демонстрировал девочке фильмы порнографического содержания, затем позвал пройти с ним в зал, на что потерпевшая ответила отказом. Тогда П. бросил табуреткой в стену и сказал, что если она не пойдёт с ним, то он оторвёт ей голову. Девочка испугалась, после чего прошла с подсудимым в зал, где он разделся, потребовал сделать ему массаж, а сам стал гладить потерпевшую по груди и ногам. После этого П. обнажил свой половой орган и прикасался к нему на глазах у потерпевшей, держа сверху её руку и не отпуская её. Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы потерпевшая в силу малолетнего возраста, психического расстройства и полной неосведомлённости в вопросах половых взаимоотношений не могла понимать характер и значение совершаемых с ней преступных действий и по этой же причине не могла оказывать сопротивление, следовательно, в момент совершения в отношении неё противоправных действий находилась в беспомощном состоянии, что было обусловлено сочетанием двух основополагающих факторов: наличием психического расстройства и малолетним возрастом. Органы расследования, а впоследствии суд квалифицировали действия П. как ненасильственное половое посягательство в виде развратных действий [5].

Вместе с тем п. 16 Постановления Пленума от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [12] предусмотрено, что уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а равно за совершение в отношении указанных лиц развратных действий (ст. 134 и 135 УК РФ) наступает в случаях, когда половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия были совершены без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица. Исходя из этого, действия виновного в указанном выше случае должны быть квалифицированы как насильственные действия сексуального характера, предусмотренные ст. 132 УК РФ.

При этом согласно диспозиции данной нормы, в ней предусмотрена ответственность за насильственные мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера. Однако ответственность за так называемые насильственные развратные действия в ней не предусмотрена. По мнению автора, решить эту проблему возможно путём введения особо квалифицирующего состава развратных действий, совершенных «с применением насилия, с угрозой его применения, а также с использованием беспомощного состояния потерпевшего».

Кроме того, возможность закрепления в рамках ст. 135 УК РФ ответственности как за ненасильственные, так и за насильственные развратные действия послужит цели их чёткого разграничения с иными действиями сексуального характера. Также данное законодательное нововведение позволит исключить из примечания к ст. 131 УК РФ указание на необходимость квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ деяний, подпадающих под признаки частей второй – четвертой ст. 135 УК РФ.

Полагаем, следует согласиться с мнением А.Д. Оберемченко о том, что развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста,

и преступления, предусмотренные п. "б" ч. 4 ст. 132 УК РФ, обладают несовпадающими объективными характеристиками и различной общественной опасностью [10].

Состав преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим 18-летнего возраста в отношении несовершеннолетних, не достигших 16 лет.

Объективная сторона преступления характеризуется отсутствием насилия и полового контакта и практически добровольным согласием потерпевшего. Развратными в том числе выступают действия, совершенные с использованием сети Интернет.

Однако, по нашему мнению, указание на отсутствие признака насилия при совершении данного преступления является спорным. Если говорить об отсутствии физического насилия и отсутствии полового контакта, то все логично. Однако законодатель не учёл психическое насилие и давление, которое может выражаться в запугивании потерпевшего и том психологическом давлении, которое может оказать взрослый человек на несовершеннолетнего ребенка, как в вышеуказанном примере приговора Арзамасского городского суда Нижегородской области, так и в следующем примере. Приговором Починковского районного суда Нижегородской области Г. признан виновным в развратных действиях. Преступление совершено им при следующих обстоятельствах. Совершеннолетний Г. решил совершить развратные действия в отношении малолетнего К., заведомо знал о том, что потерпевший не достиг двенадцатилетнего возраста, так как проживал с ним по соседству. Путем уговоров и обещания передачи денег он завёл малолетнего К. на территорию племенного конезавода. Г. без применения насилия незаконно потребовал от ребенка раздеться догола. Потерпевший подчинился его требованиям, после чего Г. стал прикасаться своими руками к ягодицам и половым органам ребенка, демонстративно совершать руками непристойные действия и потребовал от К. совершения аналогичных действий. Будучи запуганным, К. выполнил требование виновного. Через некоторое время Г., удовлетворив свои половые потребности, отпустил К. домой, а сам скрылся с места происшествия. Как видно изданного примера, сначала виновный использовал уговоры и обещания, а затем «потребовал» совершения от потерпевшего определенных действий [8, с. 17].

Подведём итог. Личную безопасность несовершеннолетнего необходимо рассматривать с позиции не только физической, но и нравственной, духовной составляющей, а также криминологической защищённости от всех форм насилия.

Определение половой свободы несовершеннолетнего, достигшего 16-летия, на наш взгляд, является дискуссионным, не позволяет в полной мере обеспечить половую безопасность детей и требует дополнительного проведения криминологических исследований и осмысления.

В рамках совершенствования УК РФ в диспозиции части 1 ст. 135 УК РФ необходимо указать на отсутствие именно физического насилия со стороны виновного лица, что обеспечит правильное толкование данной уголовно-правовой нормы.

Содержание диспозиции ст. 134 УК РФ требует корректировки ее содержания и включения в часть 3 ст. 134 УК РФ признака: «иные действия сексуального характера».

Список литературы

1. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), ратифицирована СССР 15 ноября 1990 года. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Гарант.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 12.11.2018г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 12.12.2018).
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 11.10.2018).
5. Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области. Дело № 1-349/2011. // Судебные и нормативные акты. [сайт]: <http://sudact.ru/regular/court/kY4G71lbv01n/?page=7>. (дата обращения: 09.10.2018).
6. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург, 2000.
7. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть. – 4-е изд., изм. и доп. – М., 2008.
8. Коняхин В. П. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. С. 16 - 17.
9. Никульченкова Е. В. Посягательства на личную неприкосновенность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и противодействие: монография. АНО ВПО «Омский экономический институт». Омск, 2010.
10. Оберемченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. - 24 с. / Библиотека диссертаций [сайт]: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/razvratnye-dejstviya-ugolovno-pravovaja-harakteristika-i-problemy-kvalifikacii.html>. (дата обращения: 15.09.2018).
11. Определение Конституционного суда РФ от 21.10.2008 г. № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова И.В. на нарушение его конституционных прав статьей 134 УК РФ». // Судебные и нормативные акты РФ. [сайт]: <http://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21102008-n>. (дата обращения: 03.10.2018).
12. Постановление Пленума от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Сяткин Н. Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты: автореф.дисс. ... к.ю.н. Краснодар, 2013. - 26с. / Юридическая Россия. Федеральный правовой портал [сайт]: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1519271>. (дата обращения: 10.10.2018).

Nikulchenkova E. V. Sexual impression of minors: problem questions // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 172-178.

The article deals with the issues of qualification of non-violent crimes against sexual inviolability of minors from the position of law enforcement practice. The personal security of a minor must be viewed from the perspective not only of the physical, but also of the moral, spiritual component, as well as of the criminological protection from all forms of violence.

The definition of sexual freedom of a minor who has reached the age of 16, in our opinion, is controversial, does not allow to fully ensure the sexual safety of children and requires additional criminological research and understanding. The author made proposals for amendments to the wording of Part 3 of Art. 134 of the Criminal Code and Art. 135 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purpose of bringing these criminal law norms in line with the degree of public danger of criminal encroachments.

Keywords: sexual inviolability of minor, moral safety, personal safety of minor, defence of children from sexual violence, problem

Literature:

1. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989), ratified by the USSR on November 15, 1990. [Electronic resource]. Access from sprav. Legal system "Garant".
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // SPS Garant.
3. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-ФЗ (as amended and added on November 12, 2018) // The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. (the date of circulation: 12.12.2018).
4. Federal Law "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" of July 24, 1998 No. 124-FZ. The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. (the date of circulation: 11.10.2018).
5. Archive of the Arzamas city court of the Nizhny Novgorod region. Case number 1-349 / 2011. // Judicial and regulatory acts. [site]: <http://sudact.ru/regular/court/kY4G71lbv01n/?page=7>. (the date of circulation: 09.10.2018).
6. Kondrashova T.V. Problems of criminal liability for crimes against life, health, sexual freedom and sexual integrity. - Ekaterinburg, 2000.
7. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. Criminal law. The special part. - 4th ed., Rev. and add. - M., 2008.
8. Konyakhin V.P. Depraved actions // Legality. 2008. № 12. P. 16 - 17.
9. Nikulchenkova E.V. Infringement on the personal integrity of minors: criminological characteristics and opposition: monograph. ANO VPO "Omsk Economic Institute". Omsk, 2010.
10. Oberemchenko A.D. Depraved actions: criminal-legal characteristics and problems of qualification: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2014. - 24 p. / Library of dissertations [site]: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/razvratnye-dejstviya-ugolovno-pravovaja-harakteristika-i-problemy-kvalifikacii.html>. (the date of circulation: September 15, 2018).
11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 21, 2008 No. 568-OO "On the refusal to accept for consideration of the complaint of citizen Pavlova I.V. on violation of his constitutional rights by article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation". // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [site]: <http://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21102008-n>. (the date of circulation: 03.10.2018).
12. Resolution of the Plenum of 04.12.2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual". [Electronic resource]. Access from sprav. Legal system "Garant".
13. Syatkin N.N. Sexual intercourse and other acts of a sexual nature with a person under the age of sixteen: legislative and law enforcement aspects: Abstract. ... Ph.D. Krasnodar, 2013. - 26c. / Legal Russia. The federal legal portal [website]: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID==19275>. (the date of circulation: 10.10.2018).

УДК 343.16

ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Поддубняк А. А., Аблаева Д. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье автором рассмотрен вопрос, касающийся реформирования уголовно-процессуального законодательства посредством введения института следственных судей в РФ. Рассмотрены различные точки зрения исследователей в данной сфере, проанализированы дискуссии, а также выделены позитивные и негативные аспекты нововведения. В статье проводится исторический анализ развития института следственных судей в период Российской империи, причины прекращения его существования. Также в статье проводится сравнительный анализ с зарубежным опытом существования данного института, проанализированы возможные позитивные и негативные последствия. Автор акцентирует внимание на том, что введение института следственных судей будет способствовать более объективному и беспристрастному установлению обстоятельств, имеющих значение для дела в отношении каждой из сторон. Главным достоинством введения нового института, по мнению автора, является недопущение обвинительного уклона в ходе предварительного расследования. Автором также предложен механизм введения нового института.

Ключевые слова: следственный судья, состязательность, судопроизводство, предварительное следствие, объективность.

Реформирование различных отраслей российского законодательства является обоснованным и соответствующим историческим этапам процессом, которому подвергаются все отрасли, в том числе и уголовно-процессуальное право. На протяжении длительного времени ведется дискуссия о реформировании института предварительного расследования в современном уголовном процессе. Данные дискуссии возникли в связи с тем, что следователь, осуществляющий предварительное следствие, уголовно-процессуальным кодексом отнесён к стороне обвинения. При этом в отношении него не предписана обязанность всесторонне, объективно устанавливать обстоятельства, которые имеют значение для дела в отношении каждой из сторон. Данное обстоятельство предопределило возможность полагать, что устоявшаяся система практически поощряет существование обвинительного уклона в осуществляемой следователем деятельности, что не раз утверждали учёные в данной сфере. Существующая ситуация противоречит принципам уголовного судопроизводства таким как: защита прав и свобод личности, состязательность, назначение справедливого наказания.

Как известно, в уголовно-процессуальном кодексе закреплён принцип состязательности, который подразумевает такую модель взаимоотношения участников судопроизводства, при которой стороны обладают равными правами, обязанностями и возможностями и предстают перед независимым, беспристрастным и справедливым арбитром – т.е. судом. В данном принципе отражается полная независимость суда и невозможность осуществления им уголовного преследования.

В России уголовный процесс представляет собой смешанную форму, сочетающую элементы розыскного (на досудебной стадии) и состязательного (на судебной стадии) процесса. Однако, как замечал профессор Н. Н. Ковтун, существующие

элементы состязательности и наличие судебного контроля малоэффективны, в подтверждение своим словам он приводит статистику, исходя из которой, суд практически в 95 % случаях удовлетворяет ходатайства следователей о применении отдельных мер принуждения, однако в 45 % случаях при обжаловании данные меры отменяются. В этой связи, при существовании несовершенства судебного контроля, обвинительного уклона предварительного следствия, неравноправия сторон обусловило появление и развитие идей о потребности в создании следственного судьи в России.

Впервые Концепция, о возможности возрождения института следственных судей в российском уголовном судопроизводстве, была предложена советником Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором А.В. Смирновым, где были внесены конкретные предложения для принятия нормативных актов, касающиеся введения института следственных судей в современной России [10].

По предложенному проекту, следственный судья представляет собой судью первой инстанции, действующего в пределах полномочий, предусмотренных УПК РФ, на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования и не участвующего в рассмотрении уголовных дел по существу, пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядках или ввиду новых, или вновь открывшихся обстоятельств. По делам, отнесенным к его подсудности, он осуществляет правосудие в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд, а также оказывает сторонам содействие в собирании судебных доказательств путем проведения судейских следственных действий. Также в данной концепции был описан порядок деятельности следственного судьи, дела, рассматриваемые с его участием, полномочия, обжалование действий и иные механизмы реализации данной концепции [8, с. 2].

Несмотря на достаточно детальное описание данного института, идея всё же не получила закрепления и разделила юристов, учёных на два блока: «за» и «против».

Одной из концепций, выдвинутой в поддержку введения в российском уголовном процессе института следственных судей явилась модель, которая была предложенная Комитетом гражданских инициатив А. Кудрина, которую разработали Т.Г. Морщакова, А.В. Смирнов. По их мнению, только следственный судья может обеспечить на стадии предварительного следствия равенство возможностей сторон в уголовном судопроизводстве, в том числе защиты, по собиранию и проверке доказательств, судебную защиту конституционных прав личности, а также создать независимый фильтр, предотвращающий поступление в суд незаконных или необоснованных обвинений [5, с. 12].

Вторая позиция, также направлена на поддержку введения данного института и была предложена нижегородской школой процессуалистов, профессорами Н.Н. Ковтуным, А.С. Александровым, которые подчеркивают необходимость участия в уголовном процессе следственного судьи. На их взгляд, институт следственного судьи обеспечит реализацию оперативного судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения [4, с. 41-45].

Наконец, сторонники, выдвигающие третью позицию, выступают против введения института следственных судей и обосновывают свою позицию тем, что данные изменения могут пагубно сказаться на всей существующей системе, они требуют

больших финансовых затрат, полного изменения законодательства, а общество к этому не готово. Представителем такой позиции является Л. В. Головкин [1, с. 1].

Безусловно, каждая из позиций заслуживает внимания и по-своему является правильной, однако на наш взгляд, утверждать о неготовности общества нельзя, так как данный институт не является новеллой в уголовном процессе. Так, его существование началось с 1860 года и получило закрепления после проведения Судебной реформы 1864 г. Примером для отечественного законодателя стал Французский кодекс уголовного следствия 1808. В данном кодексе главное место в предварительном следствии отводилось именно следственному судье. Юристы того времени придерживались мнения о том, что предварительное следствие существует только там, где действует следственный судья. Они полагали, что только в данной ситуации возможно сформировать судебные доказательства, которые были бы допустимы для рассмотрения в суде [11]. Это было гарантией обеспечения состязательности, равенства сторон и справедливости правосудия. В России институт судебных следователей действовал до конца существования Российской империи, а также недолгое время при большевистской власти. После, судебные следователи были сначала независимы от прокуратуры, однако в 1928 году в связи с переходом следственного аппарата в ведение прокуратуры, данный институт вовсе прекратил свое существование [9, с. 5].

Важно отметить, что и на современном этапе следственные судьи существуют в ряде развитых государств, таких как: Испания, Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды, Швейцария, Литва, Латвия, Молдова, Украина. Главными целями их деятельности являются обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан в уголовном процессе, справедливости и равенства сторон, а также расширение судебного контроля над органами досудебного расследования.

Как видим, эффективное существование следственных судей в зарубежных странах и былой исторический опыт нашего государства является одним из обоснований необходимости внедрения нового института в современное законодательство. Данный вопрос снова начал активно обсуждаться после утверждения Президентом РФ В.В. Путиным перечня поручений по итогам заседания президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека, который состоялся 14 октября 2014 года [7]. В одном из поручений Президент порекомендовал Верховному суду изучить предложения по формированию института следственных судей до 15 марта 2015 года [6, с. 12]. Данную идею поддержала судья Конституционного суда в отставке Т. Г. Морщакова, которая настаивала на исключении обвинительной связки между судебной системой и правоохранительными органами. Такого же мнения придерживался В. Д. Зорькин, председатель Конституционного суда, который подчеркнул, что с помощью института следственных судей возможно повысить объективность судебного разбирательства и эффективность судебного контроля при расследовании, а также разорвать обвинительную связку суда и следствия, которую постоянно обсуждают в юридическом сообществе. Также, он обосновывал своё мнение тем, что введение следственных судей поможет решить те нарушения системы, которые являются причиной направления в Конституционный суд обращений. Среди таких нарушений, В.Д. Зорькин выделял: нарушение сроков судопроизводства, длительность содержания под стражей, злоупотребление тайной следствия,

неэффективность судебной проверки действий органов предварительного следствия, нарушение права потерпевшего на защиту [2].

В этой связи, по приведённым нарушениям, разработчики проекта выделяют следующие основные направления деятельности следственного судьи:

- контроль за законностью действий органов расследования;
- помощь в собирании, представлении и признании доказательств для обеспечения подлинного равноправия сторон в собирании и предоставлении доказательств в процесс при отстаивании своих интересов;
- проверка допустимости доказательств по ходу следствия.
- рассмотрение ходатайств и жалоб сторон на стадии предварительного следствия;
- решение об избрании меры пресечения [9, с. 6].

По данному проекту следственный судья не должен подчиняться руководству судов и должен действовать самостоятельно и независимо. Также, следственный судья должен контролировать ход предварительного следствия, осуществлять вышеперечисленные функции и быть независимым и объективным, т.е. не должен выступать на стороне обвинения или защиты, а должен быть арбитром, способствующим беспристрастному и объективному расследованию и дальнейшему движению дела. При этом следственный судья ни в коем случае не может принимать дальнейшее участие в судебном разбирательстве, так как в данном случае будет нарушен принцип независимости, беспристрастности и объективности [3].

Подводя итог, можно сделать вывод, что создание института следственного судьи в той форме, которая описывается разработчиками, направлено на то, чтобы сделать более справедливое и объективное судопроизводство. Этот институт будет способствовать обеспечению состязательности уголовного процесса, поможет устранить обвинительный уклон и в конечном результате мы сможем достигнуть баланс между защитой, обвинением и судом.

Однако важно заметить, что такие изменения необходимо осуществлять постепенно. Для того чтобы институт следственных судей мог выполнять отведённые ему полномочия, нужно подготовить прочную законодательную почву. Изучение мнения процессуалистов, которые отстаивают разные стороны, также является необходимым для того, чтобы, понять цели той или иной концепции.

Разумеется, на данный момент вопрос об институте следственных судей бурно обсуждается в науке уголовного процесса России. И мы полагаем, что такие нововведения должны развиваться по эволюционной схеме, на первых этапах хотя бы в плане правового эксперимента, для того, чтобы понять, нужны ли такие изменения и насколько они обоснованы. Так, нам удастся выяснить возможные проблемные вопросы, определить влияние института на уголовное судопроизводство в целом, а также выделить задачи и функции, возлагаемые на него.

Список литературы

1. Головкин Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/1740>.
2. Зорькин В.Д. Конституционно-правовые проблемы судебной системы РФ // [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html (дата обращения: 24.03.2017)
3. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html#ixzz4NX7yguO71 (дата обращения: 24.03.2017)
4. Ковтун Н.Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – с.41-45.
5. Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/1718> (дата обращения: 24.03.2017).
6. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека 14 октября 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174> (дата обращения: 24.03.2017).
7. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 24.03.2017).
8. Рябинина Т.К. Быть ли следственному судье в российском уголовном процессе? // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. - Орёл, 29 мая 2015 г. - С. 2
9. Савицкая И.Г. Процессуальные и организационные проблемы становления института следственных судей (судебных следователей) в России: история и современность [Электронный ресурс] // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. 2016. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_27709967_41181619.pdf (дата обращения: 24.03.2017).
10. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html
11. Чуприн Д. А. Необходимость введения следственного судьи в уголовный процесс России. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_32517708_31858346.pdf (дата обращения: 07.04.2018).

Poddubnyak A. A., Ablaeva D. S., Institute of investigative judges in Russia: problems and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (71). № 1. – P. 179-184.

In this article, the author addressed the issue of reforming the criminal procedure legislation by introducing the institution of investigative judges in the Russian Federation. Different points of view of researchers in this field are considered, discussions are analyzed, and positive and negative aspects of innovation are highlighted. The article provides a historical analysis of the development of the institute of investigative judges in the period of the Russian Empire, the reasons for its cessation. The article also provides a comparative analysis with foreign experience of the existence of this institution, analyzed possible positive and negative consequences. The author emphasizes that the introduction of the institution of investigative judges will contribute to a more objective and impartial determination of the circumstances relevant to the case in relation to each of the parties. The main advantage of introducing a new institute, according to the author, is to prevent accusatory bias during the preliminary investigation. The author also proposed a mechanism for introducing a new institution.

Keywords: investigative judge, competitiveness, legal proceedings, preliminary investigation, objectivity.

Spisok literatury

1. Golovko L. V. Sledstvennye sud'i ili ocherednoj raund «amerikanizacii» rossijskogo ugolovnog processa? [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://www.iaaj.net/node/1740>.
2. Zor'kin V.D. Konstitucionno-pravovye problemy sudebnoj sistemy RF//[EHlektronnyj resurs]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html (data obrashcheniya: 24.03.2017)
3. Zor'kin V.D. Konstituciya zhivet v zakonah [EHlektronnyj resurs]. URL:http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/265821471.html#ixzz4NX7y (data obrashcheniya: 24.03.2017)
4. Kovtun N.N. Specializirovannyj sledstvennyj sud'ya: za i protiv // Rossijskaya yusticiya. – 2010. – № 9. - s.41-45.
5. Morshchakova T.G. O kompetencii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennyh sudej v Rossijskoj Federacii. [EHlektronnyj resurs].URL: <http://www.iaaj.net/node/1718> (data obrashcheniya: 24.03.2017).
6. Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Soveta pri Prezidente po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka 14 oktyabrya 2014 goda [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174> (data obrashcheniya: 24.03.2017).
7. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (data obrashcheniya: 24.03.2017).
8. Ryabinina T.K. Byt' li sledstvennomu sud'e v rossijskom ugolovnom processe? //Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. -Oryol, 29 maya 2015 g.- S. 2
9. Savickaya I.G. Processual'nye i organizacionnye problemy stanovleniya instituta sledstvennyh sudej (sudebnyh sledovatelej) v Rossii: istoriya i sovremennost' [EHlektronnyj resurs] // Sovremennoe ugolovno-processual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunar. konf. k 60-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF V.V. Nikol'yuka. 2016. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_27709967_41181619.pdf (data obrashcheniya: 24.03.2017).
10. Smirnov A.V. Vozrozhdenie instituta sledstvennyh sudej v rossijskom ugolovnom processe. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html
11. CHuprin D.A. Neobhodimost' vvedeniya sledstvennogo sud'i v ugolovnyj process Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_32517708_31858346.pdf (data obrashcheniya: 07.04.2018).

УДК 343.3/7

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОСОБО
ЦЕННЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, ЗАНЕСЕННЫХ В КРАСНУЮ КНИГУ,
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

Скворцова О. В., Шарапа Р. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье осуществлен правовой анализ нормы, предусмотренной ч.1.1 ст. 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая отнесена к экологическим преступлениям. Рассмотрены вопросы причин и необходимости ее введения. Изучены признаки состава преступления, характер санкции за деяние, выраженное в незаконном обороте особо ценных диких животных. Проведен сравнительный анализ сходных норм законодательства других стран, в ходе которого выявлены возможные методы совершенствования законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: экологические преступления, преступления против экологической безопасности, преступления против экологической безопасности и природной среды, незаконный оборот особо ценных диких животных, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, экология, дифференциация ответственности.

Сбережение генофонда живых организмов, отнесенных к особо ценным видам, находящимся под угрозой вымирания, и повышение их популяции на сегодняшний день не теряют актуальности. Охрана редких животных является одной из первоочередных задач современности, а ряд международных актов, подписанных Российской Федерацией, и Красная книга Российской Федерации призваны конкретизировать то, какие именно виды находятся под охраной.

Такое экологическое преступление, как незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных, их частей и производных было внесено в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в 2013 году. Норма нашла свое отражение в ст. 258.1, обозначив стремление совершенствовать законодательство в сфере экологии. Перечень животных, охраняемых данной нормой, регламентируется Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978. В него внесены такие редкие млекопитающие как амурский тигр, белый медведь, леопард, снежный барс, зубр, сайгак и так далее [1].

Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ дополнил ч. 1.1 вышеуказанную статью. Тем самым были введены меры уголовной ответственности за совершение противоправных действий по нелегальной продаже и приобретению особо ценных видов животных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Под охраной находятся такие редкие млекопитающие как амурский тигр, лошадь Пржевальского, черноморская афалина, манул, кавказская европейская норка, белый медведь, зубр, сайгак и так далее. Полный перечень официально закреплен в Постановлении Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978.

Актуальность темы обусловлена тем, что охрана благ, составляющих природное богатство народов, проживающих на территории Российской Федерации, является одним из важнейших направлений мировой и отечественной политики. Воздействие человека на окружающую среду посредством покушения на особо ценные виды живых организмов может привести к необратимым последствиям, если не создать надежный механизм правовой защиты этих видов. Одним из способов защиты являются меры уголовно-правового воздействия на субъектов, посягающих на сохранность видового разнообразия редких животных. Закрепление в уголовном кодексе норм, охраняющих фауну государства, установление соответствующих санкций и их дифференциация соответствуют целям общей и частной превенции.

Цель работы заключается в правовом анализе положений уголовного законодательства, регламентируемых в ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Задачами, посредством разрешения которых планируется осуществление данной цели, является изучение основных особенностей состава преступления; выявление признаков, присущих элементам состава преступления; анализ наиболее распространенных проявлений данного деяния; необходимость нововведения в действующий состав нормы и сравнительно-правовой анализ положений аналогичных норм других государств.

В ходе исследования использованы следующие методы: диалектический метод, метод анализа, сравнительно-правовой метод, метод наблюдения.

Научная новизна исследования состоит в необходимости изучения закономерностей, повлиявших на изменение редакции ст. 258.1 УК РФ путем введения дополнительного состава. В ходе исследования изучены предпосылки закрепления ч. 1.1 вышеуказанной статьи, проведен анализ санкции, предусмотренной за совершение данного преступления, выявлены признаки, имеющие значение для квалификации преступных посягательств в соответствии с указанной нормой.

Необходимость введения данного положения в уголовный закон вызвана тем, что телекоммуникационная сеть «Интернет» на данный момент служит распространенным инструментом для реализации преступного умысла лиц, ведущих незаконную торговлю редкими животными, а так же для их нелегального завладения.

В контексте данной статьи под незаконным приобретением и продажей подразумевается несоблюдение норм законодательства, регулирующего оборот особо ценных видов диких животных. Их добыча регламентируется специальными Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 6 января 1997 г. № 13. Исходя из положений данного акта, незаконным приобретением охватываются такие деяния как незаконное присвоение (добыча, вылов), покупка, принятие в дар либо в уплату долга, в обмен на товары и услуги, и иные действия, совершенные в обход действующих Правил. Согласно положениям данных правил, лицам, осуществляющим добычу особо ценных животных из среды природного обитания, обязательно получение соответствующего разрешения, выданного территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и последующее оформление события добычи в соответствующем акте с указанием наиболее важных обстоятельств [2]. К таким обстоятельствам относятся время, место, орудия, а так же фамилии лиц, привлеченных к добыванию животных, и ответственных за этот процесс лиц. В дальнейшем так же лицами, осуществившими добычу особо ценных животных, составляется отчет о результатах проведенного мероприятия.

Под продажей же следует понимать действия по передаче субъектом преступления особо ценных диких животных в распоряжение других лиц за определенную плату. С появлением информационно-телекоммуникационных сетей и их активным развитием продажа различного вида товаров через сеть «Интернет» обрела популярность. Для получения сведений о продаже объектов, продажа которых в свободном доступе запрещена, достаточно сделать запрос в одной из поисковых систем. Размещение информации о наличии в продаже особо ценных диких животных, их частей и дериватов с указанием стоимости и условий приобретений не составляет труда.

Действия по размещению информации на сайте в сети «Интернет», распространяющей информацию о незаконной продаже особо ценных диких животных с указанием стоимости, характеристик и других данных о сбываемом товаре, будут квалифицированы как приготовление к преступлению, предусмотренному ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Однако ответственности за них лицу удастся избежать, поскольку деяние не относится к категории тяжких и особо тяжких. При этом, как правило, продажа особо ценных диких животных зачастую сопровождается их незаконной добычей либо приобретением. В связи с этим, полное избежание ответственности лицами, осуществляющими продажу, практически исключено.

Совершая же незаконную покупку особо ценных видов животных, их частей и дериватов с использованием сети «Интернет», лицо так же становится субъектом преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Так, наиболее распространенным проявлением данного состава является приобретение икры осетрового вида, не имеющей соответствующей маркировки на таре. Такое деяние судами расценивается как незаконное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем. То есть ответственность за совершение данной сделки несет не только продавец осетровой икры, но и покупатель, осознающий общественную опасность совершаемого деяния. Менее распространенными объектами незаконной покупки служат части редких диких животных, таких как рога сайгака, клыки снежного барса, кости амурского тигра, шкуры, а так же дериваты, к примеру, чучела животных, которые для субъекта, как правило, являются элементами коллекций.

Так как нововведенная норма содержит запрет не только на продажу и приобретение непосредственно редких видов животных, но и их частей и дериватов, необходимо раскрыть содержание данных понятий. Под частями принято понимать доли живых организмов, отделенных от целостного тела млекопитающего, птицы, рыбы. К примеру, частями могут признаваться: хвост, рога, плавники, копыта, клыки, кости. Дериватами же считаются вещества, полученные непосредственно от особо ценных диких животных, такие как осетровая икра, яйца беркута, а так же произведенные с использованием их биологических ресурсов (органов, тканей, костей). К таким дериватам относится, как правило, различного рода продукция: мази на основе желчи белого медведя, крема, порошки, настойки и т.п. Общественная опасность продажи и приобретения частей и дериватов заключается в том, что особо ценные виды диких животных при этом подвергаются уничтожению ради пополнения дорогостоящих коллекций клыков, рогов, зубов и других частей. Кроме того, в условиях современности не прекращается функционирование так называемых черных рынков черной осетровой икры, сбыт которой для субъекта преступного посягательства служит источником получения крупной прибыли.

Введение в норму ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ способа совершения преступления с помощью сети «Интернет», как уже отмечалось, обусловлено многочисленными актами размещения информации о возможности приобретения особо ценных видов животных, в частности, на Интернет-ресурсах, обладающих функцией бесплатного размещения объявления. Таким образом, формируется общественное мнение о доступности особо ценных видов животных, что порождает возрастающий спрос на них среди населения, вовлекая законопослушных граждан в преступную деятельность. Кроме того, при размещении информации, содержащей сведения о незаконной добыче особо ценных видов диких животных, создаются условия, способствующие совершению преступлений и правонарушений в сфере экологии, что требует пресечения. Так, сайты, посвященные такого рода информации, в ходе судебного рассмотрения дел со ссылкой на ст. 258.1 УК РФ, как правило, признаются ресурсами, содержащими сведения, запрещенные в Российской Федерации. Признанные таковыми в судебном порядке сайты вносятся во введенный Приказом Роскомнадзора от 3 августа 2017 г. № 152 [3] «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». После внесения ресурсов в реестр доступ к ним ограничивается.

Относительно субъективных показателей преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, можно отметить следующее: в случае совершения деяний, охватываемых диспозицией статьи, вина заключается в прямом умысле лица, направленном на совершение действий, составляющих объективную сторону преступного посягательства. В своем исследовании о проблемах квалификации деяния, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, А. П. Дмитренко указывает: «виновный должен осознавать, что изначально животное или биологический ресурс добыты незаконно, а соответственно и то, что производные и части от незаконно добытых животных и биологических ресурсов. При этом, поскольку законодатель не устанавливает в рассматриваемом составе признак заведомости, то это преступление имеет место в случае, если лицо знало или допускало, что приобретает предметы, добытые незаконно, либо могло и должно было это сознавать» [4]. Лицо, которое может понести ответственность за совершение указанных в диспозиции действий, соответствует понятию общего субъекта – вменяемого лица, достигшего 16 лет.

Следует обратить внимание так же на санкцию ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. В отличие от ч. 1 указанной статьи, предусматривающей максимальный срок лишения свободы три года, исследуемая норма устанавливает до четырех лет лишения свободы. Данная санкция напрямую указывает, что деяние, предусмотренное ч. 1.1, отнесено к категории преступлений средней тяжести, из чего следует вывод о том, что использование средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», является отягчающим обстоятельством. Вероятно, отнесение преступления к категории средней тяжести обусловлено широким распространением в обществе деяний, подпадающих под действие нормы, и необходимостью принимать меры противодействия совершению данного рода преступных посягательств на общественные отношения в сфере экологической безопасности.

Нельзя оставлять без внимания так же вопрос регулирования данной сферы законодательствами других стран. К примеру, Германия пошла по пути возведения диких животных в одну из основных ценностей государства, закрепив положение об их охране в норме Конституции [5]. Такие страны как Хорватия, Бельгия, Словения и Нидерланды внесли запрет на содержание животных при цирке, и использование в цирковых представлениях. Круг стран отказался от выступлений в цирках конкретных видов животных. В Украине принят закон «О животном мире» [6], хотя и требующий некоторых доработок, однако закрепляющий механизм защиты животного мира от преступных посягательств. Данные примеры могут служить вектором для дальнейшего развития охраны животного мира в законодательстве Российской Федерации.

Что касается уголовного законодательства, в мировой практике так же нередко встречается довольно строгая позиция законодателя, отраженная в санкции за данную категорию экологических преступлений. К примеру, УК Испании в ст. 334 закрепляет ответственность за перевозку и реализацию лесных животных либо их останков и устанавливает санкцию за данное деяние в виде лишения свободы от шести месяцев до двух лет или штрафом в размере 24 заработных плат лица [7]. При этом если деяние посягает на особо охраняемые виды животных, санкция за деяние назначается наиболее высокая. Китайская Народная Республика ст. 341 УК установила ответственность за истребление вымирающих диких животных, а так же их покупку, перевозку и сбыт, как и сбыт их дериватов. Санкцией статьи предусмотрено до пяти лет лишения свободы, арест и, при необходимости, назначение взыскания. При наличии квалифицирующих признаков, предусматривается лишение свободы сроком от пяти до десяти лет. Наличие особо квалифицирующих признаков увеличивает санкцию, устанавливая лишение свободы от десяти лет, предусматривая штраф и конфискацию имущества лица в качестве дополнительных видов наказания. Из вышеизложенных примеров следует, что строгость наказания за осуществление данного деяния отражает характер общественной опасности посягательств на вымирающие особо ценные виды [8].

Итак, в ходе исследования была достигнута основная цель – проведен анализ положений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, путем решения поставленных задач. Рассмотрены особенности объекта данного посягательства; изучены формы проявления его объективной стороны, наиболее распространенные случаи реализации преступного умысла, посягающего на особо ценные виды животных; вопросы регламентации его субъективных показателей; проведен анализ санкции ч. 1.1 ст. 158.1 УК РФ, послуживший основанием отнесения анализируемого деяния к категории преступлений средней тяжести.

Проведя анализ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный оборот особо ценных диких животных, занесенных в Красную книгу, с использованием сети «Интернет», следует подчеркнуть, что ее введение вызвано актуальностью проблемы нелегальной торговли редкими видами живых организмов в виртуальном пространстве. Общественная опасность деяния обусловлена повышенной доступностью ценных объектов животного мира, и целесообразным является повышение мер по их охране. В связи с этим есть необходимость проработки более современных действующих механизмов борьбы с различными проявлениями пося-

гательств на охраняемые Красной книгой Российской Федерации и уголовным законом блага.

В качестве вывода стоит отметить, что законодателем предпринята попытка усовершенствования экологического законодательства, регулирующего сохранение разнообразия редких видов живых организмов путем уголовно-правового регулирования. Эффективность данной попытки будет показана дальнейшей практикой применения нормы судами, а так же органами предварительного расследования при квалификации деяний.

Список литературы:

1. «Консультант плюс» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/
2. «Консультант плюс» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.01.1997 № 13 (ред. от 05.06.2013) «Об утверждении Правил добывания объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации, за исключением водных биологических ресурсов». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12875/
3. «Консультант плюс» [Электронный ресурс]: Приказ Роскомнадзора от 03.08.2017 N 152 "Об утверждении порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" с уполномоченными органами и правоохранительными органами». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280846/
4. Дмитренко А. П. Проблемы квалификации незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации [Электронный ресурс]: статья д.ю.н., доц., зам. нач. каф. уг. права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (12.00.08). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nezakonnyh-dobychi-i-oborota-osobo-tsennyh-dikih-zhivotnyh-i-vodnyh-biologicheskikh-resursov-prinadlezhaschih-k>
5. Основной закон Федеративной Республики Германия (Вместе с <Извлечением из Конституции Веймарской республики от 11.08.1919>) (Принят 23.05.1949) (с изм. и доп. от 29.07.2009) [Электронный ресурс]: Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102947,100103065,100103575>
6. Уголовный кодекс Испании, 1998. [Электронный ресурс]: Jurisweb.com URL: <http://www.jurisweb.com/index.xml>
7. Закон Украины "О животном мире". [Электронный ресурс]: Правовед. URL: <http://pravoved.in.ua/section-law/197-zuozm.html>
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 01.11.2016. [Электронный ресурс]: Посольство Китайской Народной Республики в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>

Skvortsova O.V., Sharapa R.A. Criminal responsibility for the illegal turnover of the most valuable wild animals, recorded in a Red book, with the use of the Internet network // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 185-191.

This article contains a legal analysis of the norm provided for by Part.1.1 of Article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is related to environmental crimes. The issues of the causes and the need for its introduction were considered. The essential elements of an offence, the nature of the sanctions for the act, expressed in the illegal turnover of the most valuable wild animals, were studied. A comparative anal-

ysis of the similar norms of legislation of other countries, during which some possible methods for improving the legislation of the Russian Federation were identified, was conducted.

Keywords: environmental crimes, crimes against environmental safety, crimes against environmental safety and natural environment, illegal turnover of the most valuable wild animals, environmental protection, environmental safety, ecology, differentiation of responsibility.

Spisok literaturyi:

1. «Konsul'tant plyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 31.10.2013 № 978 «Ob utverzhdenii perechnya osobo cennyh dikih zhivotnyh i vodnyh biologicheskikh resursov, prinadlezhashchih k vidam, zanesyonnym v Krasnuyu knigu Rossiyskoy Federacii i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossiyskoy Federacii, dlya celey statey 226.1 i 258.1 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federacii». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/
2. «Konsul'tant plyus» [Elektronnyy resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 06.01.1997 № 13 (red. ot 05.06.2013) «Ob utverzhdenii Pravil dobyvaniya ob"ektov zhivotnogo mira, prinadlezhashchih k vidam, zanesyonnym v Krasnuyu knigu Rossiyskoy Federacii, za isklyucheniem vodnyh biologicheskikh resursov». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12875/
3. «Konsul'tant plyus» [Elektronnyy resurs]: Prikaz Roskomnadzora ot 03.08.2017 N 152 "Ob utverzhdenii poryadka vzaimodeystviya operatora edinoy avtomatizirovannoy informacionnoy sistemy "Edinyy reestr domennyh imen, ukazatelye stranich saytov v informacionno-telekommunikacionnoy seti "Internet" i setevykh adresov, pozvolyayushchih identifikirovat' sayty v informacionno-telekommunikacionnoy seti "Internet", soderzhashchie informaciyu, rasprostranenie kotoroy v Rossiyskoy Federacii zapreshcheno" s upolnomochennymi organami i pravoohranitel'nymi organami». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280846/
4. Dmitrenko A. P. Problemy kvalifikacii nezakonnyh dobychi i oborota osobo cennyh dikih zhivotnyh i vodnyh biologicheskikh resursov, prinadlezhashchih k vidam, zanesennym v Krasnuyu knigu Rossiyskoy Federacii i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossiyskoy Federacii [Elektronnyy resurs]: stat'ya d.yu.n., doc., zam. nach. kaf. ug. prava Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya (12.00.08). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nezakonnyh-dobychi-i-oborota-osobo-tsennyh-dikih-zhivotnyh-i-vodnyh-biologicheskikh-resursov-prinadlezhashchih-k>
5. Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germaniya (Vmeste s <Izvlecheniem iz Konstitucii Veymarskoy respubliky ot 11.08.1919>) (Prinyat 23.05.1949) (s izm. i dop. ot 29.07.2009) [Elektronnyy resurs]: YUridicheskaya Rossiya. Federal'nyy pravovoy portal. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102947,100103065,100103575>
6. Ugolovnyy kodeks Ispanii, 1998. [Elektronnyy resurs]: Jurisweb.com URL: <http://www.jurisweb.com/index.xml>
7. Zakon Ukrainy "O zhivotnom mire". [Elektronnyy resurs]: Pravoved. URL: <http://pravoved.in.ua/section-law/197-zuozm.html>
8. Ugolovnyy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki 01.11.2016. [Elektronnyy resurs]: Posol'stvo Kitayskoy Narodnoy Respubliki v RF. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>

УДК 343.46. (470+571)

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Скворцова О. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В работе рассмотрены существующие подходы к правовому и доктринальному определению понятия экономической преступности. Изучен уровень экономической преступности в Российской Федерации на сегодняшний день. Приведено обоснование высокой латентности данной категории преступлений. Исследована структура экономической преступности в России. Определены основные негативные тенденции и причины, обуславливающие социальную опасность преступлений в сфере экономической деятельности. Проанализированы данные, размещенные на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Выведены показатели, характеризующие динамику совершения экономических преступлений. Представлен первичный анализ специфики информационных источников по экономической преступности в России.

Ключевые слова: экономическая преступность, динамика, статистика, анализ, детерминанты, тенденции, причины, экономическая деятельность, правовая статистика, структура.

Показатели уровня преступности в современном обществе во многом объясняются социально-экономическими и политическими преобразованиями, которые в силу ряда объективных и субъективных причин затрагивают все стороны общественной жизни. Для Российской Федерации новая модель рыночных отношений требует включение мер правового, организационного и социального контроля, способных преодолеть детерминанты, криминализирующие экономику государства.

Такие факторы как общее снижение уровня жизни части населения, рост инфляции, расслоение общества по уровню доходов и другие оказывают отрицательное влияние на состояние общественных и государственных институтов. Социальная опасность преступлений в сфере экономики обусловлена такими негативными тенденциями: степень распространенности (экономические преступления преобладают в числе совершаемых в РФ); степень ущерба (определение ущерба затруднительно ввиду высокой латентности данного вида преступлений); высокий уровень рецидива и профессиональной преступности; коррупционный характер экономической преступности [1]. Достижение практически ощутимых результатов в вопросах преодоления социальных предпосылок преступности и ослабления криминогенной напряженности является приоритетной задачей государственной политики.

Актуальность данной темы исследования обусловлена необходимостью анализа криминологических показателей экономической преступности в России для разработки практических мер по преодолению латентности данной группы преступлений и их пресечению. Информационной базой проведения исследования стали данные, размещенные на официальном сайте Государственного информационного центра

Министерства внутренних дел Российской Федерации, портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Цели данного научного исследования: получение обзорных данных по ключевым криминологическим характеристикам, статистическим показателям, динамике преступлений экономической направленности, их значения для эффективности уголовно-правовых норм в этой сфере и противодействия экономической преступности.

Законодательно в Российской Федерации не закреплено понятие «экономическая преступность». Уголовное законодательство не содержит определение понятий преступлений в сфере экономики и преступлений в сфере экономической деятельности. Преступления в сфере экономики содержат широкий перечень деяний, объединяющих в Разделе VIII действующего Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях [2]. Для выявления общих и частных признаков понятия необходимо обратиться к доктринальным источникам.

Начиная с Э. Сатерленда, который впервые дал определение и ввел в научный оборот понятие «беловоротничковой преступности», никто из последующих европейских криминологов не смог создать определение, способное придать данному явлению четкое определение [3].

Отечественные криминологи предлагали собственные трактовки термина «экономическая преступность», как правило, отождествляя его с собственной сферой научных интересов. При этом не исключалась ошибка смешения терминов. Так, А. Г. Корчагин сводит понимание экономической преступности к общественно опасному деянию, которое посягает на экономику как совокупность производственных (экономических) отношений и причиняет ей материальный ущерб [4]. Следует отметить, что такое определение экономической преступности не учитывает особенности объективной стороны таких преступлений и не охватывает проблемы причинения вреда частным интересам лица. Более приемлемой, на наш взгляд, выглядит позиция С. Х. Нафиева и Г. Р. Хамидуллиной, которые рассматривают экономическую преступность как «совокупность групп преступлений, которые основаны на причинении вреда экономическим интересам всего общества и граждан вследствие совершения хищений, хозяйственных и корыстных должностных преступлений» [5].

Среди причин экономических преступлений основной является экономическая выгода, которую приносят незаконные виды предпринимательской (хозяйственной) деятельности. Это корыстные преступления, которые направлены на обогащение субъектов преступлений, их материальную выгоду, что в данный момент представляется возможным в условиях кризисного состояния экономики. Общественная опасность преступлений в сфере экономической деятельности заключается в том, что в результате таких посягательств создается реальная угроза причинения ущерба, в первую очередь, интересам государства, иным субъектам, связанным с экономической деятельностью.

Социально-правовыми детерминантами экономической преступности являются: существенный рост материальной дифференциации населения; экономический, правовой нигилизм и безграмотность при построении и осуществлении рыночных отношений; непоследовательность в принятии экономических, правовых и социаль-

ных решений при осуществлении реформ; неэффективность уголовно-правовых и административных норм в отношении отдельных экономических правонарушений; организационно-управленческие недостатки в деятельности правоохранительных и контролирующих органов.

Факторы правового характера, такие как несовершенство нормативной базы, регламентирующей различные виды экономической деятельности, пробелы уголовного законодательства в части ответственности за правонарушения в сфере экономики, затрудняют возможность эффективной борьбы с экономической преступностью.

Сложность уголовно-правовой оценки таких деяний заключается в сопряженности нескольких видов деяний и их квалификации, а также специальном субъекте данного вида преступлений. Так, например, Ю.П. Гармаев отмечает, что проблемы борьбы с должностными преступлениями в таможенной сфере связаны с тем, что такие преступления практически всегда неразрывно связаны с другими преступлениями в сфере экономической деятельности. Он отмечает, что наиболее организованные и крупномасштабные преступления редко совершаются без участия сотрудников таможенных органов [6]. Экономические преступления — категория преступлений, в которых основной ущерб наносится государственным интересам. Защитой таких интересов должны заниматься государственные органы.

Однако отмечается неэффективность мер, предпринимаемых правоохранительными органами. На наш взгляд, в первую очередь, это связано с тем, что правоохранительные органы в большей степени специализируются на выявлении и документировании уже произошедших преступлений и не имеют возможностей для проведения мер по предупреждению преступлений, в том числе, в сфере экономической деятельности. Во-вторых, специфика данного вида преступлений заключается в необходимости вмешательства в оперативную деятельность субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, на что действующее законодательство содержит категоричный запрет.

Представляется, что проведением мер по предупреждению экономических преступлений, в первую очередь, должны заниматься контролирующие органы, которые имеют возможность в процессе реализации контрольных мероприятий выявлять недостатки и другие правонарушения, создающие основу для совершения преступлений. Такая работа осуществляется, однако, как правило, выявление незаконных финансовых операций и иных экономических действий на начальном этапе ограничивается применением административно-правовых санкций и расследуется дополнительно для выявления признаков уголовного преступления.

Высокий уровень латентности экономической преступности препятствует получению объективной информации о количестве совершаемых деяний, что не позволяет точно и полно проанализировать степень и интенсивность совершаемых преступлений, вследствие чего затруднена оценка эффективности действующих и разрабатываемых уголовно-правовых норм.

С. С. Крашенинников и А. В. Покаместова, считают, что уровень латентности преступлений в сфере экономической деятельности достигает 95%. Основным фактором, определяющим уровень латентности, является пассивность населения. Так, около 80% граждан ежегодно становятся потерпевшими от экономических преступлений и только каждый 9 потерпевший заявляет о совершенном в его отношении преступлении [7].

В соответствии с данными, размещенными на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на момент осуществления аналогичных исследований в сентябре 2017 года наблюдалась тенденция к уменьшению показателей зарегистрированных преступлений в сфере экономической направленности. Да и в целом преступности.

Так, всего за период январь – август 2017 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 378 852 преступлений, что на 122 833 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-8,2 %). В этот же период было зафиксировано 81 929 преступлений экономической направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,2%. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 58,9 % [8].

Используя данные дальнейшего аналитического обзора структуры экономических преступлений в России, мы проследили изменение уровня экономической преступности в 2014-2017 годах. Так, в 2014 году всего зарегистрировано 107 314 преступлений данной категории, в 2015 году – 112 445, в 2016 году количество преступлений снизилось до 108 754, за отчетный период (январь – сентябрь 2017 года) количество преступлений данной категории составляет 89 849 [9].

Движение показателей экономических преступлений целесообразно проследить с помощью схемы (Схема 1).

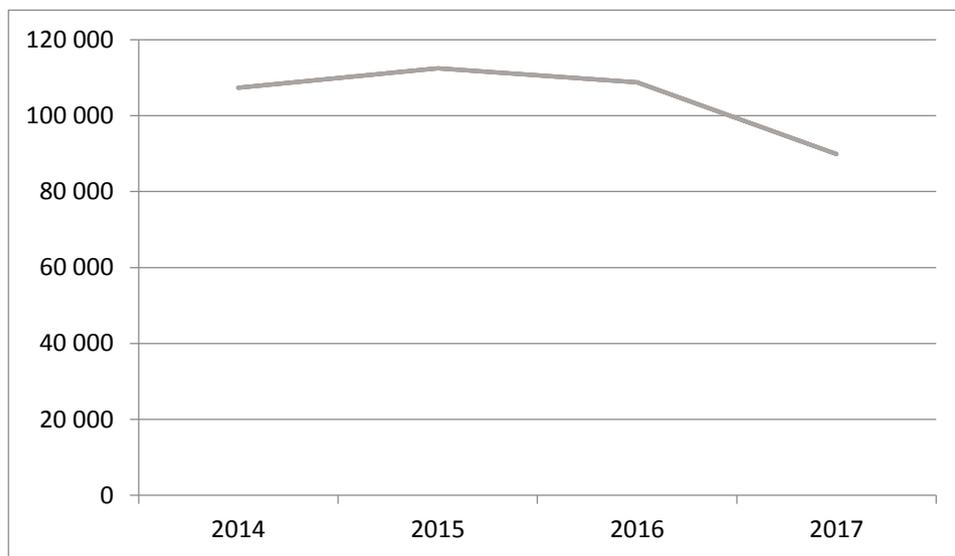

Схема 1. Динамика экономических преступлений за период 2014 – 2017 гг.

Для получения точной картины преступности огромное значение имеет такой ее показатель, как динамика, то есть изменение во времени. Динамика отдельных видов преступности характеризуется понятиями абсолютный рост (или снижение) и темпы роста и прироста преступности, для ее определения можно произвести вы-

числения этих характеристик. Для вычисления используется следующая формула [10]:

Абсолютный рост (снижение) преступности (А):
 $A = U - U_1$
 где U — показатель объема (уровня) преступности; U_1 — предшествующее значение того же показателя.
 Темп роста (снижения) преступности (T_p):
 $T_p = \frac{U}{U_1} \times 100\%$
 Темп прироста преступности ($T_{пр}$):
 $T_{пр} = T_p - 100\%$

Таким образом, мы смогли рассчитать значение абсолютного прироста (снижения) экономической преступности за период январь – декабрь 2017 года. В соответствии с данными, размещенными на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, всего было зарегистрировано 105 087 преступлений экономической направленности. По сравнению с аналогичным периодом 2016 года число выявленных преступлений данной категории снизилось на 3,4 %. [11]. Произведенные расчёты подтвердили этот показатель:

$$U - 105\ 087; U_1 - 108\ 754;$$

$$A = 105\ 087 - 108\ 754 = -3\ 667;$$

$$T_p = 105\ 087 / 108\ 754 \times 100\% = 96,63\ %;$$

$$T_{пр} = 96,63\ \% - 100\% = -3,37\ %.$$

Отрицательный результат темпа прироста экономических преступлений за январь – декабрь 2017 года по сравнению с аналогичным периодом 2016 года налицо. Однако такие расчеты являются ориентировочными и могут быть использованы только в рамках научных исследований.

В соответствии с имеющимися на сегодня данными, размещенными на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по сравнению с аналогичным периодом 2017 года за январь – июль 2018 года число выявленных преступлений экономической направленности возросло на 4,1 %. Всего поставлено на учет 76 858 указанных деяний, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 6,6 %. Из них налоговых, например, 5 295 (что на 13,9 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года). При этом всего на территории России за январь – июль 2018 года зарегистрировано 1 158 510 преступлений, что на 42 686 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (- 3,6 %). Но более трети всех зарегистрированных преступлений (40,6 %) составили именно экономические преступления, в частности, хищения чужого имущества, совершенные путем краж — 419 056 (- 6,2 %), мелкого хищения — 8 021 (+ 82,3 %),

присвоения или растраты — 9 727 (– 8,8 %), грабеже — 29 509 (– 12,3 %), разбоев — 4 305 (– 18,6 %) [12].

Итак, до настоящего момента отдельные группы и виды экономических преступлений остаются объектами исследований системы различных юридических наук, таких как криминология, криминалистика, уголовное право и уголовный процесс. При этом каждая из перечисленных наук содержит фрагментарные данные и значительно сужает возможности по разработке и совершенствованию методик профилактики, выявления и расследования экономических преступлений. Поэтому объективной является необходимость комплексного анализа и освоения знаний об экономической преступности в целом.

Не представляется возможным определить единую причину экономической преступности в Российской Федерации. Детерминанты совершаемых деяний носят комплексный характер и предполагают применение, в первую очередь, превентивных мер. При разработке мер по противодействию экономической преступности, необходимо всегда учитывать множественность причин и условий, способствующих данному виду преступности.

Список литературы

1. Лопашенко Н. А. // Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (Раздел VIII УК РФ). – М.: «Волтерс Клувер». – 2006. – 720 с.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Дмитриев О.В. // Понятие экономической преступности в современной криминологии // 09.09.2011. – М.: 2005. – с. 21-27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=368>
4. Зиновьев И. Ф. Экономическая преступность в России: проблемы трактовки и исследования // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 6. – ч. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/>
5. Нафиев С. Х., Хамидуллина Г. Р. Экономические преступления. Судебно-бухгалтерская экспертиза как метод предупреждения экономической преступности: Учебное пособие. / С.Х. Нафиев, Г.Р. Хамидуллина. — М.: Издательство «Экзамен». — 2003. — 192 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adhdportal.com/book_1061_chapter_5_1.2
6. Гармаев Ю. П. // Должностные преступления в таможенных органах. Издательство: Юрлитинформ. ISBN: 5932950455 – 2002 год.
7. Малкова В.Д. // Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ». – 2006. – 528 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.lunn.ru/KP/Sovremenniki/malkov_1.pdf
8. Статистика состояния преступности в России за январь - август 2017 года // Москва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics>
9. Четверикова Ирина, Титаев Кирилл «Структура и основные черты экономических преступлений в России (на основе данных 2013–2016 годов)» // – Аналитический обзор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-EC-1.pdf>
10. Статистические показатели экономической преступности (формула расчета). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3564274/page:2/>
11. Статистика состояния преступности в России за январь - декабрь 2017 года // Москва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics>
12. Статистика состояния преступности в России за январь - июль 2018 года // Москва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics>.

Skvortsova O. V. The analysis of certain criminological showings of economic crime in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 1. – P. 192-198.

The existing approaches to legal and doctrinal definition of a concept of economic crime have been considered in the article. The current level of economic crime in the Russian Federation has been studied. Justification of high latency of this category of crimes has been given. The structure and dynamics of economic crime in Russia has been given. The main negative tendencies and the reasons causing social danger of crimes in the sphere of business have been defined. The facts placed on the portal of crime statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation have been analyzed. The indicators characterizing the dynamics of commission of economic crimes have been removed. The primary analysis of the nature of information sources of economic crime in Russia has been submitted.

Keywords: economic crime, dynamics, statistics, analysis, determinants, tendencies, reasons, business, crime statistics, structure.

Spisok literatury:

1. Lopashenko N. A. // Prestupleniya v sfere ehkonomiki: Avtorskij kommentarij k ugolovnomu zakonu (Razdel VIII UK RF). – M.: «Volters Kluver». – 2006. – 720 s.
2. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.08.2017). – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Dmitriev O. V. // Ponyatie ehkonomicheskoy prestupnosti v sovremennoj kriminologii // 09.09.2011. – M.: 2005. – s. 21-27. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.blog.servituti.ru/?p=368>
4. Zinov'ev I. F. EHkonomicheskaya prestupnost' v Rossii: problemy traktovki i issledovaniya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. – 2015. – № 6. – ch. 3. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://web.snauka.ru/issues/>
5. Nafiev S. H., Hamidullina G.R. EHkonomicheskie prestupleniya. Sudebno-buhgalterskaya ehkspertiza kak metod preduprezhdeniya ehkonomicheskoy prestupnosti: Uchebnoe posobie. / S.H. Nafiev, G.R. Hamidullina. — M.: Izdatel'stvo «EHkzamen». – 2003. — 192 s. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://adhdportal.com/book_1061_chapter_5_1.2
6. Garmayev YU. P. // Dolzhnostnye prestupleniya v tamozhennyh organah. Izdatel'stvo: YUrlitinform. ISBN: 5932950455 – 2002 god.
7. Malkova V. D. // Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V. D. Malkova 2-e izd., pererab. i dop. – M.: ZAO «YUsticinform». – 2006. – 528 s. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://lib.lunn.ru/KP/Sovremenniki/malkov_1.pdf
8. Statistika sostoyaniya prestupnosti v Rossii za yanvar' - avgust 2017 goda // Moskva. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://crimestat.ru/analytics>
9. CHetverikova Irina, Titaev Kirill «Struktura i osnovnye cherty ehkonomicheskikh prestuplenij v Rossii (na osnove dannyh 2013–2016 godov)» // – Analiticheskij obzor. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-EC-1.pdf>
10. Statisticheskie pokazateli ehkonomicheskoy prestupnosti (formula rascheta). – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://studfiles.net/preview/3564274/page:2/>
11. Statistika sostoyaniya prestupnosti v Rossii za yanvar' - dekabr' 2017 goda // Moskva. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://crimestat.ru/analytics>
12. Statistika sostoyaniya prestupnosti v Rossii za yanvar' - iyul' 2018 goda // Moskva. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://crimestat.ru/analytics>

УДК 343.131

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Тихомирова Т. О.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется проблема соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в России, раскрываются особенности процессуального и разумного сроков. Автор обращает внимание на необходимость преодоления декларативного подхода к реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Обосновывается вывод о том, что принцип разумности реализуется через уголовно-процессуальные сроки. Делается вывод о необходимости в действующем УПК РФ закрепить разумность не только в качестве требования к процессуальным срокам, а как общее начало уголовного судопроизводства, основанное на принципе пропорциональности и обеспечивающее защиту прав и свобод личности в сфере уголовного преследования. Раскрываются причины необоснованных задержек при производстве по уголовному делу. Отсутствие четкой регламентации положений о сроках в уголовном судопроизводстве является результатом необоснованного затягивания разбирательства дел по существу. Сделан вывод о том, что появление в действующем процессуальном законодательстве Российской Федерации принципа «разумный срок» является необходимым условием реализации механизма защиты права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, разумный срок, процессуальный срок, качество правосудия, критерий разумности, участники уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная деятельность, как любой иной вид деятельности, кроме прочих характеристик имеют и временную характеристику. Не только в целом судопроизводство должно осуществляться в течении определённого времени, но и отдельные действия в рамках процессуальной деятельности для решения задач уголовного процесса должны выполняться в определенное время. Их выполнение за пределами установленных сроков в некоторых случаях могут не иметь важного значения (собственно для чего и устанавливаются сроки), а в некоторых случаях не будут иметь юридического значения.

Необходимость установления конкретных сроков расследования и разрешения уголовных дел обусловлено несколькими причинами. Прежде всего это необходимость приблизить момент совершения преступного деяния к моменту наказания. Деятельность субъектов процесса проходит в жестких временных рамках. Одной из насущных проблем правоприменителя найти разумное соотношение сроков расследования и разрешения уголовных дел.

Составляющими проблемы времени в уголовном процессе являются: 1) действие уголовно-процессуального закона во времени; 2) временная характеристика фактов, подлежащих доказыванию по уголовному делу (например, время совершения преступления, возраст лица и т.п.); 3) временной отрезок уголовно-процессуальной деятельности.

В юридической литературе обращалось внимание на некоторые проблемы исчисления сроков в уголовном процессе. Одной из таких проблем является проблема

принятия процессуальных решений за пределами рабочего времени. Нередко следователи, дознаватели и судьи принимают процессуальное решение не в официально установленное рабочее время, а после его истечения. Является ли это нарушением закона или нет – предмет отдельного исследования.

Не нашел разрешения в теории уголовного процесса и вопрос исчисления процессуальных сроков в разных часовых поясах. Можно ли считать достигшим возраста уголовной ответственности лицо, родившееся в Калининграде и совершившее преступление в день своего рождения в Хабаровске? Ведь фактически разница во времени составит 8 часов. По мнению А. Р. Михайленко эти часы имеют важное значение для определения законности привлечения к уголовной ответственности [1, с. 110]. Полагаем, что данная проблема должна найти нормативное разрешение.

Фактор времени может иметь и уголовно-правовое значение. Так, Уголовный кодекс РФ устанавливает сроки давности привлечения к уголовной ответственности, сроки погашения судимости и т.д. Время совершения преступления может влиять на квалификацию преступления, так, усиливаются санкции в военное время за отдельные составы преступлений.

Длительное время в законодательстве не раскрывалось уголовно-процессуальное понятие и содержание «сроков», что привело к многообразию точек зрения в специальной литературе. Так, М. А. Чельцов сроки в уголовном судопроизводстве раскрывал в широком и узком смысле. В широком смысле слова это определенный промежуток времени, в течение которого данное действие должно быть выполнено субъектом процессуальной деятельности. В узком смысле процессуальные сроки предназначены для выполнения какого-либо действия сторонами [2, с. 33–36; 3, с. 80]. И. М. Гуткин, Л. А. Мариупольский, И. М. Шереметьев полагают, что уголовно-процессуальные сроки это установленное законом время, в течение которого органы дознания, следствия, прокуратуры, суда и участники процесса не только должны (обязаны), но и могут (имеют право) совершить конкретные процессуальные действия [4, с. 57].

Современные авторы в целом не добавили кардинально нового в понимание содержания процессуальных сроков, наполняя определения конкретизирующими признаками. Так, И. В. Маслов под уголовно-процессуальным сроком понимает установленный уголовно-процессуальным законом на основе положений Конституции Российской Федерации, исчисляемый в соответствии с его предписаниями промежуток времени, в течении которого орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор суд, судья, а также подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, другие участники уголовного процесса имеют право, либо обязаны совершить определенные процессуальные действия, а в некоторых случаях воздержаться от их производства, и имеющий своей целью обеспечить своевременное выполнение назначения уголовного судопроизводства, соблюдение конституционных и иных предоставленных законом прав лиц, являющихся участниками уголовного процесса [5, с. 19, 20].

Временная характеристика в уголовном судопроизводстве может оказывать существенное влияние на дифференциацию уголовного процессуальной формы. Так, изменение только срока дознания или следствия по отдельной категории дел в сторону уменьшения приводит к появлению сокращенной формы судопроизводства, даже если при этом существенно не изменяется содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Определяющее значение для уголовно-процессуальной деятельности и характеристики судопроизводства в целом являются сроки применения мер пресечения, особенно наиболее строгой в виде заключения под стражу, длительность содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, длительность судопроизводства с момента выявления преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности и возмещению вреда потерпевшим. Основная масса критических замечаний направлена именно на эти сроки. В меньшей мере в процессуальной литературе рассматриваются и обосновываются сроки производства конкретных процессуальных действий. Установление того или иного срока преследует цель обеспечения выполнения задач судопроизводства и обеспечения прав лица, вовлеченного в судопроизводство. В некоторых случаях сроки, установленные еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, не поддаются переосмыслению. Например, о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого. При этом не обосновывается почему именно срок в 12 часов является достаточным и необходимым для отправления уведомления прокурору. Почему одновременно с составлением протокола задержания нельзя направить прокурору уведомление о произведенном задержании. Хотя в данном случае целесообразней установить срок проверки прокурором законности задержания, а не время отправления уведомления.

Интерес к уголовно-процессуальным срокам в российской процессуальной науке вновь проявился в связи с деятельностью Европейского суда по правам человека. Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит положение, согласно которому по уголовному делу должно быть проведено публичное разбирательство дела в разумный срок (п. 1 ст. 6). При этом европейское законодательство не содержит формализованных определений для признания того или иного срока судопроизводства разумным или нет. По делу «W. против Швейцарии» содержание под стражей четыре года по мнению ЕСПЧ было признано не нарушающим Конвенцию, а уже по делу «Калашников против Российской Федерации» Европейский суд признал неразумными сроки: а) содержания под стражей в течение четырех лет, одного месяца и четырех дней; б) производства по делу в течение 5 лет, 1 месяца и 23 дней [6]. В тоже время по делу «Летелье (Letellier) против Франции» содержание под стражей в течение двух лет и девяти месяцев было признано неоправданной задержкой [7].

Вероятно, правильным является подход установления не конкретного срока, а критериев нарушения разумности срока. Так, правовые позиции ЕСПЧ по разумности срока рассмотрения уголовного дела основываются на особенности конкретного уголовного дела, где права личности на справедливый процесс оказались нарушены.

Судебная практика ЕСПЧ в качестве критериев разумности срока уголовного судопроизводства определяет:

1) сложность уголовного дела - неожиданное и непредвиденное увеличение объема материалов дела, число расследуемых эпизодов, количество обвиняемых, потерпевших и свидетелей и т.п.;

2) поведение заявителей - действия по «затягиванию» процесса: подача многочисленных жалоб, заявлений, апелляций; просьбы о продлении сроков подачи

письменных возражений; систематическое заявление отводов судьям, совершение обвиняемым новых правонарушений и другие.;

3) наличие исключительных обстоятельств, которые индивидуальны для каждого случая по конкретному уголовному делу;

4) поведение властей.

Вероятно, нельзя признать соблюдением принципа разумности сроков уголовного судопроизводства неоднократное продление сроков предварительного расследования по одним и тем же основаниям, либо продление сроков расследования при отсутствии реально проведенных процессуальных действий.

Результатом взаимодействия практики ЕСПЧ и российского законодательства стало «появление» принципа разумности срока уголовного судопроизводства. На основании Федерального закона РФ от 30 апреля 2010 г. № 69–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» УПК РФ был дополнен новой статьей 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которой содержатся критерии определения разумности сроков уголовного судопроизводства.

Нормативное закрепление в качестве принципа положения о разумности сроков уголовного судопроизводства, по нашему мнению, существенно не улучшило защиту прав как обвиняемых, так и потерпевших. И судебная, и следственная волокита осталась. В юридической литературе предлагается минимизировать риски судебной волокиты путем отказа от законодательного установления сроков дознания, предварительного следствия и установить процессуальные сроки только для процедур, связанных с выдвижением обвинения, принятием мер принуждения, иных действий, с которыми сопряжено уголовное преследование [8]. По мнению А. С. Александрова подготовка уголовного иска должна быть осуществлена соответствующими должностными лицами в разумный срок, что позволяет сделать российский уголовный процесс более гармоничным и справедливым [9].

В юридической литературе предлагается установить предельный срок предварительного расследования, механизма его продления в определенных случаях [10, с. 71]. Целесообразность или пагубность такого новшества можно будет проанализировать на основе законодательства иных стран. Так, в Украине сделана попытка установления предельного срока досудебного уголовного производства. И уже на стадии обсуждения и принятия данной поправки к УПК Украины началась оживленная, подчас ожесточенная, дискуссия по поводу ее целенаправленности. Несмотря на существенные отличия в построении судебной системы в РФ и Украине установление предельного срока досудебного производства и негативные (или положительные) моменты позволят уже с учётом практики применения данной нормы обосновывать необходимость аналогичных нововведений в российском уголовном судопроизводстве.

В соответствии с УПК РФ в судебных стадиях устанавливаются следующие сроки: принятия решения по поступившему уголовному делу в суд, назначения судебного заседания без проведения предварительного слушания, извещения о судебных заседаниях, проведения судебного разбирательства, сроки содержания под стражей на период судебного разбирательства, сроки подачи апелляционной, кассационной

жалоб или представлений, сроки подачи возражений на апелляционные жалобы или представления и т.д. Безусловно, законодательная регламентация каждого из этих сроков существенно влияет на справедливость правосудия, разумность срока привлечения к уголовной ответственности и обеспечения прав потерпевших от преступных деяний, а потому их совершенствование возможно при наличии достаточной аргументации.

Одной из проблем, как нами указывалось выше, является неопределенность длительности, в том числе и предельной, сроков судебного разбирательства. Если вопрос о предельном сроке предварительного расследования, представляется, не должен решаться положительно, то срок судебного разбирательства не должен быть больше, или значительно больше сроков предварительного расследования. Судебное разбирательство может длительно продолжаться по разным причинам. Например, в суде недостаточно оборудованных залов для проведения слушаний по преступлениям, совершенным в соучастии несколькими подсудимыми, сложности в организации доставки содержащихся под стражей в судебное разбирательство, систематическая неявка участников разбирательства, возрастающая нагрузка судей и как следствие «объективная» волокита и т.п. И это только объективные условия. Мы не включаем сюда недобросовестные, а иногда и незаконные, действия судей по организации судебных разбирательств, так как усовершенствовать именно в этой сфере представляется мало реализуемым. Тогда как объективные причины несоблюдения сроков разумности уголовного судопроизводства могут устраняться путем внесения соответствующих изменений в законодательства, совершенствование материально-технического обеспечения судов и иных правоохранительных органов, чья деятельность непосредственно влияет на эффективность деятельности судов.

В качестве предложений по совершенствованию разумности сроков судебного разбирательства уголовных дел можно предложить, например, штрафные санкции за неявку в судебное заседание потерпевших или свидетелей. При этом штрафные санкции могут выражаться не столько в наложении денежных штрафов, сколько в улучшении положения подсудимого. Например, по уголовным делам небольшой или средней тяжести неявка свидетелей без уважительных причин должна приводить к невозможности оглашения их показаний, а неявка потерпевшего к исключению возможности применять арест. В данном случае сторона обвинения предпримет все необходимые меры для осуществления доставки в суд свидетелей и потерпевших.

Четкий механизм осуществления привода и соответствующая регламентация сроков переноса судебных заседаний позволит не допускать длительных перерывов в рассмотрении дела. Нередки случаи, когда судьи в силу своей загруженности судебные заседания назначают раз в месяц. Полагаем, что задача государства обеспечить такое количество судей, которое бы могло рассмотреть уголовные дела в определенном регионе в более сжатые сроки.

Список литературы

1. Михайленко А. Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан. Научно-практическое издание. – К.: Юринком Интер, 1999. – 448 с.
2. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. – 2-е изд., пере-раб. – М.: Госюриздат, 1951. – 512 с.
3. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс: Учебник для юридических институтов и факультетов. – 4-е изд., исправл. и перераб. – М.: Госюриздат, 1962. – 504 с.
4. Гуткин И. М., Мариупольский Л. А., Шереметьев И. М. Советский уголовный процесс: Учебник для средних юридических школ. – М.: Госюриздат, 1962. – 318 с.

5. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 222 с.
6. Решение Европейского суда по правам человека от 26 января 1993 г. по делу «W. против Швейцарии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm; Решение Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников против Российской Федерации» // Российская газета. – 2002. – 17 октября.
7. Решение Европейского суда по правам человека от 26 июня 1991 г. по делу «Летелье (Letellier) против Франции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm
8. Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54 – 62
9. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 39.
10. Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека и российское уголовное судопроизводство: Учебное пособие / Под ред. док. юр. наук, проф. А. П. Гуськовой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 71.

Tichomirova T. O. The implementation of the principle of reasonableness of time limits in judicial stages of criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 199-204.

This paper analyzes the issue of compliance with a reasonable period of criminal proceedings in Russia, reveals features of procedural and reasonable periods. The author draws attention to the necessity of overcoming the declarative approach to implementing the principle of a reasonable period of the Criminal Justice. The necessity is grounded that principle of reasonableness will be realized through the terms criminal proceedings. The conclusion about need for the existing Criminal Procedure Code of the Russian Federation to fix a rationality not only as the requirement to procedural terms is drawn and as the general beginning of criminal legal proceedings based on the principle of proportionality and providing protection of the rights and personal freedoms in the sphere of criminal prosecution. The reasons of undue delay in the criminal case. Lack of clear regulation of provisions dealing with timing of criminal proceedings results from unreasonable protraction in trials of cases on the merits. It is concluded that appearance of the principle of «reasonable time» in the current laws of procedure of the Russian Federation is a prerequisite for implementation of a mechanism for protecting the right to legal proceedings within a reasonable time or the right for a judicial act to be enforced within a reasonable time.

Keywords: criminal procedure, reasonable period, procedure period, quality of justice, criterion of reasonability, parties to criminal procedure.

Spisok literatury

1. Mihajlenko A. R. Rassledovanie prestuplenij: zakonnost' i obespechenie prav grazhdan. Nauchno-prakticheskoe izdanie. – K.: YUrinkom Inter, 1999. – 448 s.
2. СHEL'cov M. A. Sovetskij ugolovnyj process. – 2-e izd., pere-rab. – M.: Gosyurizdat, 1951. – 512 s.
3. СHEL'cov M. A. Sovetskij ugolovnyj process: Uchebnik dlya yuridicheskikh institutov i fakul'tetov. – 4-e izd., ispravl. i pererab. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 504 s.
4. Gutkin I. M., Mariupol'skij L. A., SHERemet'ev I. M. Sovetskij ugolovnyj process: Uchebnik dlya srednih yuridicheskikh shkol. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 318 s.
5. Maslov I. V. Aktual'nye problemy pravovoj reglamentacii processual'nyh srokov v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2004. – 222 s.
6. Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 26 yanvarya 1993 g. po delu «W. protiv SHvejcarii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm; Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 15 iyulya 2002 g. po delu «Kalashnikov protiv Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. – 2002. – 17 oktyabrya.
7. Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 26 iyunya 1991 g. po delu «Letel'e (Letellier) protiv Francii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm
8. Aleksandrov A. S. Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviyu // Gosudarstvo i pravo. – 2001. – № 9. – S. 54 – 62
9. Aleksandrov A. S. Ponyatie i sushchnost' ugolovnogo iska // Gosudarstvo i pravo. – 2006. – № 2. – S. 39.
10. YAgofarov S. M. Mezhdunarodnye standarty po pravam cheloveka i rossijskoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: Uchebnoe posobie / Pod red. dok. jur. nauk, prof. A. P. Gus'kovej. Orenburg: Izdatel'skij centr OGAU, 2006. – S. 71.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ «ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ»

Чеботарева Г. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются проблемы «врачебной ошибки», как одного из неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи. Анализируется понятие «врачебной ошибки», исследуются подходы к разграничению преступного деяния от непроступного при неблагоприятных результатах медицинской деятельности.

Автором рассматривается соотношение «врачебной ошибки» и «ошибки в уголовном праве», подчеркивается, что природа ошибки в уголовном праве состоит в неверном, искривленном отображении объективной действительности в психике лица. Врачебная ошибка, напротив, свидетельствует о неверных (ненадлежащих, неэффективных) результатах практического применения врачом своих профессиональных знаний и умений.

Аргументируется, что независимо от тяжести последствий, которые наступили от профессиональной ошибки, медицинский работник может привлекаться к уголовной ответственности или освобождаться от нее при наличии в его действиях всех признаков состава конкретного преступления. Предлагается проблему уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки» решать не с позиций ее медицинского или медико-правового понимания, а с позиций учения об основаниях уголовной ответственности и состава преступления. Таким образом, с уголовно-правовой точки зрения «врачебная ошибка» может рассматриваться как неосторожное преступление, посягающее на жизнь или здоровье человека в сфере медицинской деятельности или как невиновное причинение вреда (несчастный случай).

Ключевые слова: медицинская деятельность, врачебная ошибка, уголовная ответственность, вина.

Жизнь и здоровье человека как наивысшая ценность нуждаются в усиленной охране. В последнее время все чаще поднимается вопрос о совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность медицинских работников за причинение вреда жизни или здоровью человека в процессе оказания медицинской помощи. При этом, для обозначения деяний которые привели к неблагоприятным последствиям при выполнении медицинскими работниками своих обязанностей, все чаще используют термин «врачебная ошибка». В средствах массовой информации опубликованы сведения о том, что в структуре Следственного комитета РФ созданы специальные отделы, которые будут заниматься расследованием особых преступлений – «врачебных ошибок» [1].

По нашему мнению, практическая необходимость рассмотрения проблем «врачебной ошибки» объясняется потребностями разграничения преступного деяния от непроступного при неблагоприятных результатах медицинской деятельности. Преступный характер деяния в случае профессиональной ошибки медика означает необходимость квалификации совершенного деяния в соответствии с определенной статьей Особенной части Уголовного кодекса.

Считается, что в медицине термин «врачебные ошибки» ввел известный российский хирург М.И. Пирогов [2, с. 91], хотя само это явление известно в медицине и праве достаточно давно. В дореволюционном законодательстве Российской импе-

рии даже выделялся отдельный, самостоятельный вид нарушения медиками своих профессиональных обязанностей – «ошибка вследствие незнания», которая рассматривалась не как уголовно-наказуемое деяние, а как административный деликт (ст.ст. 872, 1522 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845—85гг.). Причинение пациенту вреда в результате неосторожного лечения, которое не содержало признаков «незнания» оценивалось на общих основаниях. Поэтому большее значение придавалось определению причин, обусловивших неправильное лечение. В теории в это время предлагалось, в частности, различать профессиональную небрежность врача, которая относилась к самому методу лечения, а также обычную небрежность как недостаток в выполнении исключительно технических действий (перепутал лекарства, причинил из-за невнимательности повреждение органов или тканей пациента и др.). Ответственность врача предлагалось устанавливать только по отношению к случаям «обычного» недосмотра или небрежности [3, с. 7].

По некоторым данным, первое место по совершению профессиональных ошибок занимают стоматологи, на втором месте - акушеры-гинекологи, третье место занимают хирурги всех специальностей [4]. Также есть информация, что врачебные ошибки, допущенные при назначении лекарственных средств, становятся причиной тяжких последствий значительно чаще, чем дорожно-транспортные происшествия. При этом в Германии из-за врачебных ошибок умирает ежегодно 25 тысяч человек, в США – приблизительно 98 тысяч, около 90 тысяч пациентов страдает от врачебных ошибок в Италии. Однако в России, подобной статистики, к сожалению, нет.

Несмотря на то, что проблема «врачебных» («медицинских») ошибок достаточно давно освещается на страницах специальной литературы – как медицинской, так и юридической, однако, ни среди представителей медицины, ни среди юристов единого мнения по этому вопросу не выработано. На наш взгляд — это можно объяснить тем, что и медицина, и право рассматривают проблемы врачебной ошибки с несовпадающих позиций, которые обусловлены самостоятельностью задач этих разных отраслей знаний. Когда в сфере уголовно-правовых дисциплин речь идет об ошибках, то во внимание берутся два аспекта значения этого понятия. Во-первых, ошибки, которые допускают субъекты, совершающие деяние, подлежащее уголовно-правовой оценке (фактическая ошибка в объекте преступления, ошибка в личности потерпевшего, юридическая ошибка в противоправности деяния и т.п.). Во-вторых, ошибки, которые допускаются субъектами уголовно-правовой квалификации при применении уголовно-правовой нормы.

Необходимо отметить, что сам термин «врачебная ошибка» оценивается некоторыми авторами как совершенно неудачный. Так, В.В. Козлов и С.В. Утехин считают, что, во-первых, термин «ошибка» допускает свободное и довольно широкое толкование, поскольку если понимать его в общепринятом значении (как неправильность действий, поступков, высказываний, мыслей), то всякое неверное действие медицинского работника, в том числе и преступно-небрежное, необходимо рассматривать как ошибку. Во-вторых, определение ошибки как «врачебной» не охватывает в точном значении ошибочные действия среднего медицинского персонала, хотя такие действия, например, при разнообразных медицинских манипуляциях могут допускаться медицинскими сестрами. В этой связи указанные авторы предлагают вести речь не о врачебных ошибках, а о «профессиональных ошибках медицинского персонала», и при этом рассматривать понятие ошибки исключи-

тельно в строго ограниченном смысле, который предусматривает не любое неправильное действие, а только такое, которое совершено вследствие добросовестного неверного понимания его сущности [5, с. 99–102].

В литературе по уголовному праву существует достаточно много вариантов определения «врачебной ошибки». Так одни исследователи понимают ее как неверное представление лица о фактических и юридических признаках совершенного деяния [6, с. 105–106]. Другие считают, что ошибка – неверное, неправильное представление лица о фактических и юридических признаках или особенностях совершенного деяния и его последствиях [7, с. 46], или неверная оценка лицом своего поведения [8, с. 449]. Третьи определяют врачебную ошибку как ошибочную оценку объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, которые характеризуют это деяние как преступление [9, с. 20].

Связь «врачебной ошибки» и ошибки в уголовно-правовом понимании не является однозначной. Так, А. Г. Кибальник и Я. В. Старостина утверждают, что врачебная ошибка является специфическим видом фактической ошибки в уголовном праве [10, с. 31]. Однако изучение литературных источников не позволяет однозначно согласиться с тем, что «врачебная ошибка» находится с «ошибкой в уголовном праве» в соотношении «род – вид». Природа ошибки в уголовном праве лежит в сферах чувственного и рационального элементов познания. Ошибка, ошибочное представление лица говорит о неверном, искривленном отображении объективной действительности в психике лица. Отсюда, как указывает В. А. Якушин, вытекает, что ошибка при совершении преступления – это ошибка не научно-практического характера, в процессе первичного познания действительности, а ошибка психологического характера, которая допускается в процессе вторичного познания, отображения этой действительности [11, с. 245]. Врачебная же ошибка, если выходить из ее распространенного понимания, напротив, свидетельствует о неверных (ненадлежащих, неэффективных) результатах практического применения врачом своих профессиональных знаний и умений (ошибочный диагноз, ненадлежащий прогноз развития заболевания, неверно избранный метод лечения, назначение неэффективных лекарств, и тому подобное), то есть она является ошибкой именно научно-практического характера.

В медицинской литературе советского периода под «врачебной ошибкой» понимали добросовестное заблуждение врача в диагнозе, методах лечения, технике операций, предопределенную или несовершенством медицинской науки в той или другой ее отрасли, или недостаточностью знаний и опыта врача [12, с. 35]. В современной отечественной медико-правовой литературе «врачебные ошибки» рассматриваются как разновидности дефектов оказания медицинской помощи – наряду с несчастными случаями и профессиональными преступлениями. Нельзя согласиться с пониманием «врачебной ошибки» И. Труновым, который считает, что «врачебная ошибка» – неверная оценка медицинским сотрудником, который осуществил ошибочный поступок, своих действий или бездействия, его последствий или фактических обстоятельств дела; неверное представление врача о настоящем и этическом характере совершенного им деяния, его последствий» [4]. Во-первых, данный автор различает умышленную ошибку и ошибку неосторожную, в то время как умышленной или неосторожной является вина. Во-вторых, из предложенного определения следует, что ошибка касается фактов прошлого, в то время как в действительности

правовое значение имеет оценка лицом событий, которые развиваются (осознание), а также событий будущего (предсказание).

Таким образом, существующие в литературе точки зрения по поводу «врачебной ошибки» можно определить, как такие, которые рассматривают ее в узком понимании, так и такие, которые рассматривают ее в широком значении. Кроме того, одни авторы рассматривают эти ошибки как оправдывающее обстоятельство, другие не исключают наступления ответственности, в том числе и уголовной, медицинского работника за такую ошибку.

Подход, по которому врачебная ошибка признается обстоятельством, которое свидетельствует о невиновном причинении вреда во врачебной практике, свойственен, прежде всего, исследованиям в медицине. Так, в справочно-энциклопедической медицинской литературе «врачебная ошибка» рассматривается как «ошибка врача при выполнении своих профессиональных обязанностей, которая является следствием добросовестного заблуждения и не содержит состав преступления или признаков проступка» [13, с. 442]. Судебно-медицинский эксперт И. А. Концевич утверждает, что врачебные ошибки не относятся к юридическим понятиям и не подлежат уголовной ответственности [14, с. 80]. Соответственно, к ошибкам автор предлагает относить лишь добросовестное заблуждение врача, основанное или на несовершенстве современного состояния медицинской науки и ее методов исследования, или на особенном протекании заболевания у определенного больного, или на недостаточности знаний и опыта врача. Кстати, как утверждают М. И. Ковалев и И. Г. Вермель, традицию классифицировать неправильные действия медицинских работников на преступления (умышленные или неосторожные), врачебные ошибки (как добросовестное заблуждение врачей в процессе диагностики и лечения) и несчастные случаи (когда неблагоприятный результат заболевания при врачебном вмешательстве предопределен внешними и обычно непредсказуемыми обстоятельствами), были выработаны именно специалистами по судебной медицине, такими как Ю. П. Едель, И. Ф. Огарков, А. П. Громов, И. А. Концевич, без участия в этом юристов. Соответственно, такая классификация и выводы, которые из нее вытекают, не всегда пригодна для решения вопросов правовой оценки неблагоприятных результатов врачебных действий. Более критично высказался по этому поводу П. С. Дагель: «В медицинской и судебно-медицинской литературе врачебная ошибка обычно противопоставляется преступлению и рассматривается как обстоятельство, которое исключает ответственность врача. Распространена такая классификация «врачебных дел»: 1) несчастные случаи; 2) врачебные ошибки; 3) небрежность или халатность врача; 4) другие правонарушения, которые совершаются врачами. С такой классификацией согласиться нельзя, она противоречит положениям уголовного права о влиянии ошибки на форму вины и ответственности субъекта», – писал он [15, с.12–14].

В. О. Глушков рассматривает «врачебную ошибку» как «ошибочные действия врача по установлению диагноза или лечению больного, предопределенные состоянием медицинской науки на данном этапе ее развития, особенными, неблагоприятными условиями и обстоятельствами оказания медицинской помощи, или недостатками врачебного опыта, совершенные при отсутствии осознания опасности, без предвидения возможности причинения вреда или при уверенности его недопущения». Целиком логично, что, понимая врачебную ошибку таким образом, В. О.

Глушков оценивает ее как обстоятельство, которое не может повлечь уголовную ответственность [16, с. 87].

По мнению других ученых, существуют уголовно наказуемые и непроступные «врачебные ошибки» [17, с. 44]. Так, Н. М. Малейна, последовательно обосновывает необходимость разграничивать врачебные ошибки, которые влекут уголовную ответственность и ошибки, являющиеся случаем, при котором отсутствует вина и уголовная ответственность [18, с. 128]. Она считает, что, в юридическом понимании, среди ошибок следует различать противоправные виновные деяния медицинских работников и случаи причинения вреда пациенту при отсутствии вины. Первое из указанных деяний, по ее мнению, следует квалифицировать как правонарушение, являющееся основанием юридической ответственности, а второе – это случай, при котором отсутствует вина, и, следовательно, ответственность. Критерием противоправности врачебной ошибки Н. М. Малейна считает субъективные причины – неосторожность, недостаточный опыт или незнание врача. Следует заметить, что противоправную «медицинскую ошибку» исследовательница рассматривает как основание не только уголовной, но и других видов юридической ответственности (в частности, гражданско-правовой) [19, с. 162]. Другой вид ошибок – врачебные ошибки, которые заключаются в добросовестном неверном представлении о процессах диагностики и лечения. Такие случаи И. М. Тяжкова квалифицирует как «профессиональные ошибки медицинских работников» [20, с. 15]. При этом, по мнению И. М. Тяжковой, добросовестная ошибка медицинского работника может быть учтена в законодательстве как признак, который смягчает уголовную ответственность и, соответственно, учитываться в привилегированном составе преступления [21, с. 88]. Так, например, хирург городской больницы был осужден за то, что перед осуществлением операции он не изучил амбулаторную карточку больной, где было отмечено, что ей противопоказано введение антибиотиков (на титульной странице карточки такая отметка отсутствовала). Ограничившись ответом больной о том, что она хорошо переносит все лекарства, врач при операции ввел ей антибиотик, от чего она умерла на операционном столе. Как выяснилось в ходе расследования, больная, побаиваясь того, что врач откажется делать операцию, скрыла непереносимость ею антибиотиков [22, с. 50]. Оценивая подобный случай, следует указать, что ошибочным решением в этой ситуации стало введение больной антибиотика, что привело к тяжким необратимым последствиям. Причиной этой ошибки стало незнание врача о существенных обстоятельствах, которые характеризовали особенности организма потерпевшей. Для ответа на вопрос о его ответственности за такую ошибку необходимо определить, нарушил ли врач требования, которые касаются данной деятельности, мог ли и должен был осознать факт такого нарушения. При позитивном ответе следует говорить о непростительной ошибке и уголовной ответственности за нанесенный вред. При негативном ответе – о казусе, несчастном случае. Определение неправильности лечения, причинной связи между неправильным лечением и наступившими последствиями, не предопределяет с неотвратимостью уголовной ответственности медицинского работника. Ошибки допускали и допускаются даже самые известные, опытнейшие, наиболее квалифицированные медики.

Соотношение несчастных случаев с врачебными ошибками часто проводят на основании следующих критериев: при несчастном случае вредные последствия нельзя заранее предвидеть даже при самом добросовестном и скрупулезном соблю-

дении медицинскими работниками всех требований, в то время как врачебная ошибка означает, что неблагоприятные последствия действий (бездействия) медицинских работников могли быть предвидены и предотвращены. Кроме того, если медицинский работник полностью соблюдал все правила проведения диагностики и лечения, но в силу непредвиденных обстоятельств неблагоприятные последствия все же наступили, деяние его надлежит квалифицировать как несчастный случай, поскольку отсутствует признак противоправности. Врачебная ошибка, как следует из самого ее названия, предполагает несоблюдение или неполное соблюдение установленных требований при проведении медицинских процедур в силу различных причин. Таким образом, несчастные случаи существенно отличаются от врачебных ошибок, поскольку не зависят от действий или бездействия врача, возникают при случайных обстоятельствах, которые тот не может предвидеть и принять соответствующие предупредительные меры.

А. Г. Кибальник и Я. В. Старостина развивают и углубляют подходы к разделению преступных и не преступных врачебных ошибок, предлагая такую классификацию: 1) релевантные – ошибки, которые влекут уголовную ответственность за совершение «профессионального» преступления по неосторожности; 2) нерелевантные – ошибки, которые исключают уголовную ответственность в результате невиновного причинения вреда [10, с. 31–50].

В современной литературе высказывается точка зрения, в соответствии с которой «врачебная ошибка» рассматривается как факт, который не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, поскольку «вопрос уголовной ответственности медицинского работника, который своим общественно опасным деянием повлек последствия, предусмотренные статьей УК, должен решаться с учетом анализа всех признаков состава соответствующего преступления, а также положений Общей части УК» [23, с. 341]. Безусловно, автор данной точки зрения прав в том, что вне положений закона об уголовной ответственности вопрос преступности (не преступности) поведения медицинского работника в профессиональной (как и любой другой) сфере не возникает и не решается. Ведь единственным источником уголовного права и основой для уголовно-правовой квалификации является Уголовный кодекс. Следует учесть, и то, что юридически значимым в уголовном праве может считаться лишь такое неверное представление, которое касается свойств деяния и может характеризовать его как преступление. Ошибка лица относительно обстоятельств, которые не имеют значения для характеристики деяния как преступного, не имеет уголовно-правового значения. Однако вряд ли все это является основанием отбрасывать существование феномена «врачебной ошибки». Как резонно замечает Н. М. Малеева, понятие и термин «врачебная ошибка», хотя и возникли в медицинской практике и литературе, однако неразрывно связаны с правом, поскольку жизнь и здоровье граждан охраняются уголовным законом, а неподобающее лечение влечет уголовную ответственность [19, с. 127].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что, независимо от тяжести последствий, которые наступили от профессиональной ошибки, медицинский работник может привлекаться к уголовной ответственности или освободиться от нее при наличии в его действиях всех признаков состава конкретного преступления, и, в частности, вины. В этой связи нам импонирует позиция И. М. Тяжковой, которая считает, что даже при добросовестной ошибке медицинских работников, совершен-

ной ими при выполнении профессиональных обязанностей, должна наступать ответственность, если такая ошибка была результатом нарушения установленных правил, предписаний и инструкций, и если при этом сознанием медицинского работника охватывалась возможность наступления тяжких последствий при несоблюдении тех предписаний, которые в данном случае были проигнорированы. Такое определение, по мнению автора, не исключает добросовестность неверного представления, поскольку медицинский работник, в нарушение определенных предписаний, что, вероятно, делалось им уже неоднократно, даже мысль не допускает о возможности наступления тяжких последствий, а это полностью «включается» в рамки неосторожной вины. Добросовестная ошибка медицинского работника при неукоснительном выполнении требований соответствующих инструкций или других предписаний должна исключать уголовную ответственность, прежде всего в силу отсутствия объективной стороны состава преступления.

По нашему мнению, уголовно-правовая оценка врачебных ошибок должна основываться на их классификации на такие, которые совершены при извинительных обстоятельствах и ошибки неизвинительные. Действие или бездействие врача, совершенное под влиянием добросовестного заблуждения, вызванного несовершенством современной медицинской науки и ее методов исследования, особым течением заболевания у определенного больного, извинительным недостатком знаний и малым опытом врача или иными объективными трудностями в работе нужно рассматривать как извинительную врачебную ошибку. Действие или бездействие врача, повлекшее причинение вреда больному по неосторожности (вследствие легкомыслия или небрежности), влекущее юридическую ответственность является неизвинительной врачебной ошибкой.

Как правильно подчеркнул в одной из своих работ по отмеченной проблематике П. С. Дагель, «ошибка ошибке рознь, и для правильного вывода о виновности или невинности врача следует тщательным образом исследовать причины, по которым она была допущена» [15, с. 12–14]. Ученый отмечает, что причинами врачебных ошибок может стать: а) добросовестное заблуждение врача в результате его недостаточной опытности при отсутствии возможности обратиться за консультацией к другому специалисту, несовершенство существующих методов диагностики и лечения, скрытых особенностей организма больного. В этих случаях уголовная ответственность врача исключается; б) небрежность врача (неполный анамнез и обследование больного, несоблюдение всех необходимых мер предосторожности, не учет противопоказаний для определенного вида лечения, замена лекарств, ошибки при дозировании медикаментов, оставление посторонних предметов в полостях организма при осуществлении операции и тому подобное); в) преступная самоуверенность (например, когда врач, экспериментируя, безосновательно применил новые лекарства или новый метод лечения) [15, с. 12–14]. Как видим, субъективную сторону деяний, связанных с противоправной «врачебной ошибкой» П. С. Дагель связал именно с неосторожностью. В частности, он утверждал при этом: если врач применил неверное лечение с умыслом относительно лишения больного жизни или причинения вреда его здоровью он должен отвечать за преднамеренное преступление против жизни или здоровья.

Таким образом, изучив понятие «врачебной ошибки» как дефекта, неблагоприятного результата медицинской деятельности, можно сделать вывод о том, что поня-

тия «врачебная ошибка» и «ошибка в уголовном праве» частично пересекаются. Однако, только часть «врачебных ошибок» действительно может рассматриваться как фактическая или юридическая ошибка в их уголовно-правовом понимании.

Уголовно-правовое понимание «врачебной ошибки» предусматривает наличие следующих признаков: 1) причинен вред или создана угроза причинения вреда объектам, охраняемым уголовным законом – жизни или здоровью человека; 2) вред причинен соответствующим субъектом (представителем медицинского персонала); 3) причинение вреда связано с выполнением указанным субъектом своих профессиональных обязанностей (его поведение прямо или опосредовано влияет на наступление указанных последствий); 4) при выполнении профессиональных обязанностей медицинским работником полностью или частично были нарушены медицинские правила; 5) медицинский работник осознает, или может и должен осознавать неправильный характер своих действий [24, с. 25].

Проблема уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки» должна решаться не с позиций ее медицинского или медико-правового понимания, а с позиций учения об основаниях уголовной ответственности и состава преступления. Таким образом, с уголовно-правовой точки зрения «врачебная ошибка» может рассматриваться как неосторожное преступление, посягающее на жизнь или здоровье человека в сфере медицинской деятельности или как невиновное причинение вреда (несчастный случай).

Список литературы:

1. Добролюбов Н. Следственный комитет создал спецотряд по врачебным ошибкам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://life.ru/1174178>
2. Концевич И. А. Судебно-медицинские аспекты врачебной практики. – К.: «Здоров'я», 1974. – 128 с.
3. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей / Ф. Ю. Бердичевский. – М.: Юрид. лит., 1970. – 128 с.
4. Трунов И. Врачебная ошибка, преступление, проступок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liberty.ru/columns/Antikorrupcioner/Vrachebnaya-oshibka-prestuplenie-prostupok>
5. Козлов В. В., Утехин С. В. О сущности нарушений профессиональных обязанностей медицинского персонала // Проблемы социальной справедливости в отраслевых юридических науках сборник статей. – Саратов: Изд-во саратовского университета, 1988. – С. 99–102.
6. Коптякова Л. И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1978. – С. 105–106.
7. Курс советского уголовного права: в 5-ти т. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1. Часть Общая / М.Д. Шаргородский, И.И. Солодкин, С.А. Домахин и др.; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – 1968. – 646 с.
8. Гилязов Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. – Уфа: Изд-во Башк. Ун-та, 1993. – 110 с.
9. Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 128 с.
10. Кибальник А. Г., Старостина Я. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. – М.: Илекса, 2006. – 92 с.
11. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. - Тольятти: ТолПИ, 1998. – 296 с.
12. Громов А. П. Врачебная деонтология и ответственность медицинских работников. – М.: Изд-во «Медицина», 1969. – 78 с.
13. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б.В. Петровский: в 30-ти томах. – [3-е изд.]. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – Т. 4. «Валин - Гамбия» – 576 с.
14. Концевич И. А. Долг и ответственность врача (судебно-медицинские аспекты). – К.: Вища школа, 1983. – 112 с.

15. Дагель П. Об уголовной ответственности врачей // Советская юстиция. – 1964. – № 10. – С. 12–14.
16. Глушков В. А. Ответственность за преступления в области здравоохранения / В. А. Глушков. – Киев: Выща школа, 1987. – 200 с.
17. Глашаев А. А. Медицинское право: Практическое руководство для юристов и медиков. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 208 с.
18. Малейна М. Н. Юридическая квалификация врачебной ошибки // Советское государство и право. – 1984. – № 9. – С. 127-130.
19. Малейна М. Н. Человек и медицина в современном праве. Учебное и практическое пособие. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 272 с.
20. Тяжкова И. М. Уголовная ответственность медицинских работников // Вестник МГУ. – 1994. – Сер. 11. – N 6. – С. 14-21.
21. Тяжкова И.М. Ответственность за незаконное принуждение // Вестник Моск ун-та. Сер. 11. Право. – 2006. – № 5. – С. 83–93.
22. Попов Н. За профессиональную ошибку медицинский работник ответственности не несет// Соц. Законность 1987. – №2. – С. 49-50.
23. Рустимова Г. Р. Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере медицинского обслуживания населения: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.08 / Рустимова Гаухар Рустембековна – Алматы, 2003. – 359с.
24. Костикова Е. О. О понятии медицинской ошибки //Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 10. – С.18-25.

Chebotareva G. “Medical malpractice” criminal and legal assessment problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 205-214.

The article studies “medical malpractice” problems as one of adverse consequences of healthcare delivery. We analyze the concept of “medical malpractice”, study the approaches to distinction between both criminal and non-criminal act resulted from adverse consequences of healthcare delivery.

The author reviews the concepts of “medical malpractice” and “legal error” in criminal law, and emphasizes that error in criminal law consists in incorrect, distorted representation of objective reality in a person’s mind. “Medical malpractice”, on the contrary, is the evidence of incorrect (improper, non-effective) results of professional knowledge and skills application in practice.

We argue that, with proof of constituent element of concrete offence and regardless of severity of consequences resulted from professional error, a medical worker may either be arraigned on a criminal charge or exempted from criminal liability. We suggest dealing with an issue of criminal and legal assessment of “medical malpractice” not from the position of medical and legal interpretation, but from the point of view of grounds of criminal responsibility and constituent element of offence. Thus, in the criminal and legal sense, “medical malpractice” can be viewed as a negligent crime endangering the life and well-being of a patient in the medical field or as an innocent infliction (an accident).

Key words: medical activities, “medical malpractice”, criminal liability, guilt.

Spisok literatury:

1. Dobrolyubov N. Sledstvennyj komitet sozdal specotryad po vrachebnym oshibkam. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://life.ru/1174178>
2. Koncevich I. A. Sudebno-medicinskie aspekty vrachebnoj praktiki. – K.: «Zdorov'ya», 1974. – 128 s.
3. Berdichevskij F. YU. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskogo personala za narushenie professional'nyh obyazannostej / F. YU. Berdichevskij. – M.: YUrid. lit., 1970. – 128 s.
4. Trunov I. Vrachebnaya oshibka, prestuplenie, prostupok [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.liberty.ru/columns/Antikorrupcioner/Vrachebnaya-oshibka-prestuplenie-prostupok>
5. Kozlov V. V., Utekhin S. V. O sushchnosti narushenij professional'nyh obyazannostej medicinskogo personala // Problemy social'noj spravedlivosti v otraslevykh yuridicheskikh naukah sbornik statej. – Saratov: Izd-vo saratovskogo universiteta, 1988. – S. 99–102.
6. Koptyakova L. I. Ponyatie oshibok v sovetskom ugolovnom prave i ih klassifikaciya // Problemy prava, socialisticheskoy gosudarstvennosti i social'nogo upravleniya. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural.un-ta, 1978. – S. 105–106.

7. Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava: v 5–ti t. – L.: Izd–vo LGU, 1968. T. 1. CHast' Obshchaya / M.D. SHargorodskij, I.I. Solodkin, S.A. Domahin i dr.; otv. red. N.A. Belyaev, M.D. SHargorodskij. – 1968. – 646 s.
8. Gilyazev F.G. Osobennosti viny i znachenie oshibki v ugolovnom prave. – Ufa: Izd-vo Bashk. Un-ta, 1993. – 110 s.
9. YAkushin V. A. Oshibka i ee ugolovno–pravovoe znachenie. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. – 128 s.
10. Kibal'nik A. G., Starostina YA. V. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov. – M.: Ileksa, 2006. – 92 s.
11. YAkushin V. A. Sub"ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugolovnom prave. - Tol'yatti: Tol'PI, 1998. – 296 s.
12. Gromov A. P. Vrachebnaya deontologiya i otvetstvennost' medicinskih rabotnikov. – M.: Izd–vo «Medicina», 1969. – 78 s.
13. Bol'shaya medicinskaya ehnciklopediya / gl. red. B.V. Petrovskij: v 30–ti tomah. – [3–e izd.]. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1976. – T. 4. «Valin - Gambiya» – 576 s.
14. Koncevich I. A. Dolg i otvetstvennost' vracha (sudebno–medicinskie aspekty). – K.: Vishcha shkola, 1983. – 112 s.
15. Dage'l P. Ob ugolovnoj otvetstvennosti vrachej // Sovetskaya yusticiya. – 1964. – № 10. – S. 12–14.
16. Glushkov V. A. Otvetstvennost' za prestupleniya v oblasti zdravoohraneniya / V. A. Glushkov. – Kiev: Vyshcha shkola, 1987. – 200 s.
17. Glashaev A. A. Medicinskoe pravo: Prakticheskoe rukovodstvo dlya yuristov i medikov. – M.: Volters Kluver, 2004. – 208 s.
18. Maleina M. N. YUridicheskaya kvalifikaciya vrachebnoj oshibki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. - 1984. - № 9. - S. 127-130.
19. Maleina M. N. CHelovek i medicina v sovremennom prave. Uchebnoe i prakticheskoe posobie. – M.: Izdatel'stvo BEK, 1995. – 272 s.
20. Tyazhkova I. M. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov // Vestnik MGU. - 1994. - Ser. 11. - N 6. - S. 14-21.
21. Tyazhkova I.M. Otvetstvennost' za nezakonnoe prinuzhdenie // Vestnik Mosk un–ta. Ser. 11. Pravo. – 2006. – № 5. – S. 83–93.
22. Popov N. Za professional'nuyu oshibku medicinskij rabotnik otvetstvennosti ne neset// Soc. Zakonnost' 1987. – №2. – S. 49-50.
23. Rustemova G. R. Problemy sovershenstvovaniya bor'by s prestupleniyami v sfere medicinskogo obsluzhivaniya naseleniya: dis. ... doktora yurid. nauk: 12.00.08 / Rustemova Gauhar Rustembekovna – Almaty, 2003. – 359s.
24. Kostikova E. O. O ponyatii medicinskoj oshibki //Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2008. - № 10. – C.18-25.

УДК 3.08

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Шадрин И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В работе исследованы вопросы роли органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан, целей, поставленных перед надзорным ведомством в данной сфере и практические аспекты их достижения, а также соотношение указанной деятельности с функциональными задачами органов исполнительной власти государства специально уполномоченных на контроль (надзор) за соблюдением требований трудового законодательства. При написании статьи проанализированы статистические показатели работы Федеральной службы по труду и занятости и органов прокуратуры Российской Федерации, достигнутые в результате реализации возложенных на них полномочий в сфере защиты трудовых прав. Кроме того, в работе приведены характерные примеры практической деятельности органов прокуратуры на данном направлении работы – выявленные нарушения и принятые меры реагирования, направленные на их устранение и восстановление нарушенных прав.

Ключевые слова: прокурорский надзор, трудовые права, труд, оплата труда, прокурорское реагирование, выявление нарушений, привлечение к ответственности, трудовой кодекс, трудовой договор, размер заработной платы.

Принятая всенародным голосованием Конституция Российской Федерации в 1993 году, как констатация верховенства права и закона провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – первоочередной обязанностью государства.

Согласно постулатам, зафиксированным в основном законе государства, одним из важнейших направлений защиты прав и свобод является защита социальных и в частности трудовых прав граждан [1].

Как правило, с таких мыслей начинаются большинство статей и публикаций, посвящённых трудовым правам граждан и их защите.

Для более глубокого понимания смысла, вложенного в указанные формулировки, необходимо обратиться к сущности деятельности человека, называемой трудом.

Русский писатель, этнограф и лексикограф Даль В.И. в своем труде «Толковый словарь живого великорусского языка» определил труд как работу, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старания и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет [2].

Советский лингвист, лексикограф Ожегов С.И. автор «Толкового словаря русского языка» признал труд целесообразной деятельностью человека, направленной на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей [3].

Изучаемая история человечества свидетельствует об определяющем влиянии труда человека на его формировании и развитии как личности, так и составной части общества. Труд является первым и основным условием всей сознательной и

бессознательной человеческой жизни. Бытуют категорические утверждения, что непосредственно труд создал самого человека в его естественном понимании.

Труд как понятие научное и бытовое проявление является категорией социально-экономической. Люди, в стремлении сделать комфортнее быт и улучшить имеющиеся условия существования, влияют на среду обитания бесконечно преобразовывая ее. Человек стремится надолго и надежно сделать свою жизнь качественнее и безопаснее. В желании удовлетворить свои первичные потребности в еде, жилье и одежде человек совершает цепочку взаимосвязанных и последовательных действий, взаимодействуя с окружающей средой, используя материалы природы, которые в свою очередь позволяют ему создать необходимые более удобные условия жизнедеятельности. Природные материалы он использует и преобразует на пользу и на благо себе. Изначально именно такая деятельность связана с трудом. Однако в современном и в большинстве своем развитом обществе человеку социальному также необходимо прикладывать усилия по поддержанию состояния своего здоровья, получению некоторого образования, а также по защите предусмотренных законодательством его юридических прав, и в последствии оказанию необходимой помощи при возникновении нетрудоспособности.

Как следствие труд, под влиянием стремления человека к развитию и динамически меняющегося общества, становился более разнообразным, все совершеннее и многостороннее.

Неизбежно в процессе осуществления действий, образующих собой непосредственно труд, человек прямо и опосредованной вступает в различного рода отношения с другими людьми и различными социальными группами, в результате, чего происходит определенные изменения некоторых состояний самого человека, вовлеченных социальных групп и как результат общества в целом. Таким образом, труд в любом его проявлении, является важной основой жизни и деятельности не только отдельного индивидуума - человека, но и общества в целом [4].

Как нормативную реализацию установления высшей ценности и значимости труда на государственном уровне Конституция Российской Федерации в статье 37 закрепляет свободу труда, свободу каждого на право распоряжаться любыми своими способностями к труду, возможность выбирать по желанию род деятельности и интересующую профессию. При этом запрещая труд принудительный. Также гарантировано право трудиться в безопасных и гигиенических условиях, на получение вознаграждение за труд без дискриминации и не ниже минимального размера оплаты труда, предусмотренного федеральным законом, а также быть защищенным от безработицы.

Трудовые споры, как индивидуальные, так и коллективные, тоже отнесены к праву работника при условии использования способов, предусмотренных законодательством и в том числе крайней меры – забастовки.

Гарантировано и право отдыхать, в том числе работать, не превышая установленной законодательством продолжительности рабочего времени, иметь выходные и соответствующие праздничные дни, а также, безусловно, ежегодный оплачиваемый отпуск [5].

Однако, не смотря на закрепление постулатов о важности и значимости труда и ценности трудовых прав на высшем государственном уровне, нарушение таковых

не носит единичный характер и деятельность по их охране и защите требует особого внимания.

Детально закрепляет и регламентирует трудовые права граждан и их реализацию Трудовой кодекс Российской Федерации. Кроме того, положениями данного нормативного правового акта предусмотрен и порядок защиты нарушенных прав, а также установлены государственные органы, призванные надзирать за неукоснительным соблюдением установленных прав граждан в данной сфере и при необходимости применять соответствующие меры реагирования, направленные на восстановление нарушенных прав и привлечение виновных к ответственности.

Анализ положений ст. 353, ст. 353.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - кодекс) показывает, что федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства призвана осуществлять федеральная инспекция труда. Надзор за безопасностью работ в различных сферах осуществляется соответствующими уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, а ведомственный надзор осуществляется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в соответствующем, установленном законодательством порядке.

При этом прокуратура как один из основных надзорных органов государства в данной сфере в положениях Трудового кодекса не указана. Предусмотрена только необходимость федеральной инспекции труда осуществлять свою деятельность во взаимодействии, в том числе с органами прокуратуры (ст. 365). Также в ст. 391 кодекса прокурор упоминается как лицо, уполномоченное обращаться в суд с заявлениями в защиту нарушенных трудовых прав граждан в том случае, если принятое решение комиссии по трудовым спорам не соответствует нормам трудового права.

Кроме того, в кодексе имеется ссылка на возможность проведения внеплановой проверки на основании требования прокурора, при этом направленного только в рамках надзорной деятельности, осуществляемой исключительно по поступившим в прокуратуру материалам и обращениям (ст. 360).

И в заключение, статьей 413 прокурор приравнен к работодателю, на равне с которым имеет право обращаться в соответствующие судебные органы с заявлением о признании забастовки незаконной [6].

Однако, осознавая высшую ценность прав человека, а также возложенную государством ответственность за обеспечение соблюдения и исполнения, установленных законодательством требований, прокуратура Российской Федерации своими внутренними организационно-распорядительными документами установила приоритетность работы на уровне защиты трудовых прав граждан, максимально реализуя в данной сфере предоставленные законодателем полномочия и надзорные функции.

Непосредственно в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 года № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [7] в спектре реализации положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 [8], приказано считать надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина одним из основных видов деятельности. Призвано акцентировано внимание на охране трудовых прав граждан в ходе чего необходимо поддавать анализу выполнение работодателем обязанностей по безопасности труда, а

также соблюдению требований по своевременности выплаты заработной платы. Кроме того, прокурорам приказано принимать меры к руководителям предприятий по повышению их ответственности за нарушение трудовых прав работников.

В некоторых субъектах, при наличии необходимости, руководители прокуратур принимают отдельные организационно-распорядительные документы в указанной сфере.

Так, в прокуратуре Республики Крым действует Указание прокурора республики № 63/7/1 от 16.05.2014 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на оплату труда».

Согласно данного документа, с учетом многочисленных нарушений прав работников со стороны работодателей, в целях обеспечения действенного надзора в указанной сфере, прокурор субъекта обязал городских, районных и межрайонных прокуроров организовать во взаимодействии со специалистами уполномоченных органов и представителями профсоюзных организаций мониторинг реального положения дел в сфере оплаты труда. Прогнозировать складывающуюся ситуацию и обеспечивать превентивную направленность надзора, использовать предостережение в целях недопущения нарушения прав граждан на оплату труда. В целях предотвращения роста задолженности по заработной плате на поднадзорной территории по причине появления новых организаций-должников обеспечить поступление сведений о наличии скрытой, просроченной задолженности по заработной плате из органов статистики, обращения граждан, сообщения средств массовой информации, данных органов местного самоуправления (в отношении муниципальных предприятий и учреждений), сведений службы судебных приставов о поступающих исполнительных документах о взыскании задолженности по заработной плате, территориальных органов Пенсионного фонда Российской Федерации о задолженности работодателей по страховым взносам на обязательное пенсионное страхование.

Особое внимание прокуроров при осуществлении надзора за соблюдением прав граждан на оплату труда акцентировано на предприятиях-должниках, в отношении которых применены процедуры банкротства, а также организациях, занимающих ведущее место в сфере экономических правоотношений муниципальных образований. Указано на необходимость использования оперативно-розыскных возможностей уполномоченных органов, а также данных контролирующих органов посредством которых своевременно выявлять имеющие признаки банкротства предприятия, в том числе не подпадающие под официальное статистическое наблюдение. Проверять обоснованность произведенных расходов, исполнение обязанностей по формированию и сохранению конкурентной массы, соблюдение порядка удовлетворения требований кредиторов. Инициировать проверки сомнительных операций по выводу активов. Прокурорам необходимо обеспечить своевременное и комплексное реагирование на выявленные нарушения, в том числе мерами судебного принуждения. Неукоснительно добиваться их реального устранения. Прокуроры ориентированы на то, что количество предъявленных заявлений (исков) в суд должно соответствовать количеству работников организации, перед которыми имеется задолженность по заработной плате (за исключением случаев самостоятельного обращения граждан в суд). При направлении исковых заявлений в суд необходимо применять положения ст. 236 Трудового кодекса Российской Федерации о денежной компенсации за задержку выплаты заработной платы. При наличии оснований иницииро-

вать привлечение работодателей к административной ответственности по части 1 и части 2 ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП Российской Федерации), а по фактам скрытой задолженности также решать вопрос о привлечении их к ответственности по ст. 19.7 КоАП Российской Федерации. При повторных нарушениях в сфере оплаты труда добиваться дисквалификации руководителей. Произошедшие акции протеста работников, организованных в связи с нарушением их прав на своевременное вознаграждение за труд взяты на особый контроль. В связи с их возникновением необходимо принимать исчерпывающие меры по урегулированию конфликта и защите нарушенных прав граждан и давать оценку действиям Инспекции по вопросам труда Республики Крым, региональных органов государственной власти, местного самоуправления. Необходимо пресекать факты осуществления деятельности по управлению коммерческой организацией лицами, ранее дисквалифицированными судом за нарушение законодательства об оплате труда. В обязательном порядке проверять соблюдение работодателями условий коллективных договоров и соглашений, а также требований о выплате заработной платы не ниже прожиточного минимума. Ежеквартально проверять в подразделениях службы судебных приставов исполнительные производства по взысканию задолженности по заработной плате. При выявлении нарушений мерами прокурорского реагирования добиваться надлежащего исполнения службой судебных приставов полномочий по принудительному исполнению документов о взыскании задолженности по оплате труда. При установлении фактов невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат свыше двух месяцев организовывать проведение соответствующих проверок, а при наличии оснований и доследственных проверок в порядке ст.ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Наладить действенный надзор за исполнением уголовно-процессуального законодательства при принятии, учете, регистрации и разрешении органами предварительного расследования заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 145.1 УК Российской Федерации, а также об иных уголовно-наказуемых деяниях, повлекших несвоевременную выплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат (статьи 159, 196, 315 и др. УК Российской Федерации). Обеспечить полноту реализации полномочий прокурора по обеспечению надзора за проведением предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных, в том числе ст. 145.1, 159, 196, 315 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации, связанных с несвоевременной выплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат. Соответствующие материалы для проверки законности принятых решений о приостановлении расследования, прекращении уголовных дел, (уголовных преследований) истребовать незамедлительно. Обеспечить контроль за законностью окончательных процессуальных решений [9].

О значительной роли органов прокуратуры Российской Федерации также, безусловно и красноречиво свидетельствуют статистические данные, освещающие показатели результатов работы на данном направлении.

Для наглядности целесообразно представить данные показатели в сравнении с органом, уполномоченным на осуществление государственного надзора за соблюдением трудового законодательства Трудовым кодексом РФ. При этом необходимо

акцентировать внимание на том, что федеральная служба по труду и занятости с ее территориальными органами – государственными инспекциями труда в субъектах Российской Федерации, является специально созданным органом исполнительной власти уполномоченным осуществлять государственный контроль (надзор) в конкретной узкой сфере только трудовых правоотношений, а органы прокуратуры осуществляют указанную деятельность в комплексе других многочисленных сфер надзора охватывая весь спектр возникающих отношений в обществе и вместе с тем не должны подменять соответствующие государственные органы, непосредственно призванные законодателем защищать трудовые права граждан.

И так, для последующего сравнения приведем данные по работе на исследуемом направлении федеральной службы по труду и занятости, территориальными органами которой в 2017 году в порядке реализации представленных полномочий в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей проведено 149 030 проверок по вопросам соблюдения трудового законодательства, что на 10,7% больше, чем в 2016 году.

В ходе надзорных мероприятий проведенных в 2017 году, выявлено свыше 462 200 нарушений законодательства, что составило только 97,1% от общего количества выявленных в 2016 году нарушений.

В целях устранения данных нарушений выдано более 93 600 предписаний, что также меньше чем в предыдущем периоде и составило 99,5% прошлогоднего показателя.

Количество работников, отстраненных от работы оказалось в 1,2 раза меньше, чем в 2016 году и составило 29 100.

К административной ответственности в виде предупреждений привлечено 39 995 лиц, что превысило показателя предыдущего года в 1,6 раза.

Всего административных штрафов наложено на общую сумму 3 555 400 рублей, что оказалось ниже аналогичного показателя в 2016 году на 253 500 рублей - 6,7 %.

Судами, по результатам рассмотрения административных протоколов, составленных работниками федеральной инспекции труда, приняты решения о привлечении к ответственности 8 483 должностных лиц и индивидуальных предпринимателей [10].

Работу органов прокуратуры будем рассматривать через призму имеющихся в ее распоряжении правовых инструментов, а также в динамике соответствующих показателей.

Несмотря на прослеживающуюся, согласно данных официальных статистических отчетов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, динамику по снижению количества нарушений трудовых прав граждан, их уровень остается довольно значительным.

И так, всего органами прокуратуры Российской Федерации в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в 2017 году выявлено 2 623 583 нарушения (2016 – 3 164 209) что ниже на 17,1%.

Из них в сфере оплаты труда установлено 519 452 нарушений, что составляет 19,7% от общего количества выявленных нарушений в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (2016 – 708 145, составляет 22,4% от общего количества) -26,6%.

С целью устранения выявленных нарушений и привлечения виновных к предусмотренной законодательством ответственности в суды направлено 284 621 исков и заявлений (2016 – 333 624) -14,7%, из которых удовлетворено и прекращено ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора 264 882 дел (2016 – 310 750) - 14,8%. Внесено 33 409 представлений (2016 – 36 006) – 7,2%, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 24 367 лиц (2016 – 26 394) – 7,7%. По результатам рассмотрения постановлений прокуроров к административной ответственности привлечено 24 951 виновное лицо (2016 – 28 705) -13,1%. При этом наблюдается положительная динамика в вопросе уголовно-правового преследования виновных лиц, а именно: для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК Российской Федерации направлено 1 224 материала (2016 – 1 091) +12,2% по которым возбуждено 1 050 уголовных дел (2016 - 925) + 13,5% [11].

Таким образом, можно сделать обоснованные выводы о том, что выполняя возложенные государством надзорные функции, в том числе непосредственно в сфере соблюдения трудового законодательства, несмотря на наличие действующих специальных государственных органов исполнительной власти, осуществляющих работу исключительно в данной сфере, органы прокуратуры выявляют значительное количество нарушений и принимают существенные и комплексные меры, направленные на восстановление нарушенных прав граждан и привлечение виновных к установленной законодательством ответственности.

Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об оплате труда свидетельствует о том, что проблемы несоблюдения прав граждан на получение причитающихся им выплат, приема граждан на работу без оформления трудовых договоров, установления им заработной платы ниже минимального размера оплаты труда, уклонения от начисления выплат компенсационного и стимулирующего характера являются крайне распространенным явлением.

Повсеместно прокурорами в целях пресечения такого неправомерного явления инициировано административное и уголовное преследование виновных лиц, для взыскания задолженности по оплате труда установлены в судебном порядке факты наличия между гражданами и хозяйствующими субъектами трудовых отношений. К примеру, прокуратурой Приморско-Ахтарского района Краснодарского края выявлено, что ООО «Возрождение-Агро» к сезонным работам привлекались граждане Республики Дагестан, с которыми заключались договоры подряда, фактически регулирующие трудовые отношения. При этом заработная плата работникам в сумме 1,8 млн. рублей не выплачена.

По исковым заявлениям прокурора района 28 гражданско-правовых договоров были признаны судом трудовыми, по направленным в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации материалам проверки возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). В результате нарушения законодательства устранены, долги перед работниками погашены. Не оформление трудовых отношений в установленном порядке послужило основанием для возбуждения прокуратурой Пролетарского района г. Ростова-на-Дону и Красносулинской городской прокуратурой Ростовской области дел об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 5.27 Кодекса Российской Федерации об администра-

тивных правонарушений и внесения работодателям представлений об устранении нарушений закона. Требования прокуроров удовлетворены, права граждан восстановлены. Аналогичные факты выявлены прокурорами в республиках Калмыкия, Крым, Астраханской и Волгоградской областях, г. Севастополе, в результате принятых мер реагирования они устранены. Случаи начисления заработной платы ниже минимального размера оплаты труда пресечены прокурорами в республиках Калмыкия, Крым, Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях, г. Севастополе. К примеру, по постановлению прокурора г. Феодосии Республики Крым следственным органом возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 145.1 УК РФ в отношении индивидуального предпринимателя, нарушившего в том числе права 2 работников. В результате вмешательства прокуратуры причитающиеся работникам суммы выплачены. По инициативе прокуроров в Республике Калмыкия и Краснодарском крае за такие действия 4 работодателя привлечены к административной ответственности по части 6 статьи 5.27 КоАП РФ, гражданам доначислена заработная плата. Прокурорами в Волгоградской области принимались меры реагирования в связи с неисполнением юридическими лицами регионального соглашения о минимальном размере оплаты труда на территории области. По материалам проверки, направленным прокурорами в государственную инспекцию труда в области, виновные лица привлечены к административной ответственности по статье 5.31 КоАП РФ, по результатам рассмотрения представлений прокуроров нарушения закона устранены.

Прокурорскими проверками пресекались факты несоблюдения прав работников на получение доплат, надбавок и иных выплат компенсационного и стимулирующего характера. Так, по иску прокурора г. Керчи Республики Крым признан недействительным приказ главного врача ГБУЗ РК «Керченская городская больница № 2» о приостановлении выплат врачам за квалификационную категорию. Прокуратурой Сарпинского района Республики Калмыкия в интересах учителей в суд направлены заявления о взыскании с образовательных учреждений компенсации, не выплаченной педагогам за выслугу лет. Миллеровским межрайонным прокурором Ростовской области главному врачу МБУЗ «ЦРБ Миллеровского района» внесено представление по факту непредоставления сотрудникам выплат стимулирующего характера за проведение диспансеризации взрослого населения, детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Прокуратурой Дзержинского района г. Волгограда в суд направлены заявления о перерасчете размера заработной платы работникам ООО «ТерраСтройИнжиниринг», выполнявшим трудовые обязанности в районах Крайнего Севера и не получившим за это процентные надбавки. Требования прокуроров удовлетворены, права работников восстановлены. Прокурорами в Республике Крым, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях выявлены факты выплаты гражданам неофициальной, так называемой «серой» заработной платы. Например, прокуратурой Октябрьского района г. Ростова-на-Дону установлена выдача заработной платы в ООО «Навесофф» под видом премии и без перечисления в налоговые органы налога на доходы физических лиц. Во исполнение представления прокурора района нарушения закона устранены, обществом в бюджет перечислен налог. Основанием для вмешательства прокурора Приволжского района Астраханской области послужила выплата индивидуальными предпринимателями работникам заработной платы ниже минимального размера оплаты труда и

ежемесячное предоставление им дополнительных денежных средств. По постановлениям прокурора района предприниматели привлечены к административной ответственности по части 1 статьи 5.27 КоАП РФ, нарушения законодательства устранены. Однако анализ практики прокурорского надзора показал, что прокурорами выявляются лишь единичные факты выплаты работникам «серой» заработной платы. Вместе с тем такая форма оплаты труда является одним из способов уклонения от уплаты страховых взносов и налога на доходы физических лиц, что напрямую влияет на последующее пенсионное обеспечение работника.

Таким образом, роль органов прокуратуры в сфере защиты трудовых прав граждан переоценить сложно, однако вопросы нормативного урегулирования разграничения сфер деятельности и повышения уровня ответственности органов исполнительной власти, призванных законодателем осуществлять контроль (надзор) на данном направлении требуют дополнительной проработки.

Список литературы

1. Прокурорский надзор за исполнением законов о труде Большов В. Я., Текаев Х. А., Викторов И. С., Алексеева Д. Г., Швецов А. Б. [Электронный ресурс] https://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=241&pub_name
2. «Толковый словарь живого великорусского языка» Даль В.И. [Электронный ресурс] <https://slovar.cc/rus/dal/578371.html>
3. «Толковый словарь русского языка». Ожегов С.И. [Электронный ресурс] [TP://OZHEGOV.INFO/SLOVAR](http://OZHEGOV.INFO/SLOVAR)
4. Экономика и социология труда Иванова Н., Жулина Е. [Электронный ресурс] https://www.ereading.club/chapter.php/88407/4/Ivanova%2C_Zhulina_Ekonomika_i_sociologiya_truda_Shp_argalka.html
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] - URL <https://www.constitution.ru/>
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 11.10.2018) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации РФ от 07.12.2007 № 195 (ред. от 21.06.2016) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
8. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.10.2018) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
9. Указание прокурора Республики Крым 63/7/1 от 16.05.2014 [Электронный ресурс] <http://rkproc.ru/>
10. Статистический отчет Федеральной службы по труду за 2017 год [Электронный ресурс] <https://www.rostrud.ru/>
11. Статистический отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] <https://www.genproc.gov.ru/>

Shadrin I.A. The role of prosecutors in the protection of labor rights of citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – С. 215-224.

The paper investigates the role of prosecutors in the protection of labor rights of citizens, the goals set before the Supervisory authority in this area and the practical aspects of their achievement, as well as the ratio of this activity with the functional tasks of the Executive authorities of the state specially authorized to monitor (supervise) compliance with the requirements of labor legislation.

Keywords: prosecutorial supervision, labor rights, labor, remuneration, prosecutorial response, detection of violations, prosecution, labor code, labor contract, salary.

Spisok literatury

1. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o trude Bol'shov V. YA., Tekaev H. A., Viktorov I. S., Alekseeva D. G., SHvecov A. B. [EHlektronnyj resurs]
https://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=241&pub_name
2. «Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka» Dal' V.I. [EHlektronnyj resurs]
<https://slovar.cc/rus/dal/578371.html>
3. «Tolkovyy slovar' russkogo yazyka». Ozhegov S.I. [EHlektronnyj resurs]
TP://OZHEGOV.INFO/SLOVAR
4. EHkonomika i sociologiya truda Ivanova N., Zhulina E. [EHlektronnyj resurs]
https://www.ereading.club/chapter.php/88407/4/Ivanova%2C_Zhulina_Ekonomika_i_sociologiya_truda._Shp_argalka.html.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [EHlektronnyj resurs] - URL
<https://www.constitution.ru/>.
6. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 11.10.2018) [EHlektronnyj resurs]
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
7. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii RF ot 07.12.2007 № 195 (red. ot 21.06.2016) [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
8. Federal'nyj zakon «O prokulture Rossijskoj Federacii» ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 30.10.2018) [EHlektronnyj resurs] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
9. Ukazanie prokurora Respubliki Krym 63/7/1 ot 16.05.2014 [EHlektronnyj resurs] <http://rkproc.ru/>.
10. Statisticheskij otchet Federal'noj sluzhby po trudu za 2017 god [EHlektronnyj resurs]
<https://www.rostrud.ru/>.
11. Statisticheskij otchet General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii za 2017 god [EHlektronnyj resurs]
<https://www.genproc.gov.ru/>.

УДК 343.973

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ СНЯТИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ: СОСТОЯНИЕ И МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Шароваров И. А.

*Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В.
Плеханова*

В статье рассматриваются основные способы хищения денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан. Представлены характерные особенности личности преступника, совершающего преступления в данной сфере, а также проанализированы наиболее криминогенные возрастные группы преступников. Дано описание лиц, которые наиболее чаще становятся объектом преступления. С использованием статистического материала исследованы: динамика выпуска платежных карт в Российской Федерации, количество и объём несанкционированных операций с 2015 по 2017 гг., рассмотрена доля несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе их объема, а также объём несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе места их совершения. На основе произведенного анализа сделаны выводы, а также рассматриваются методы профилактики данного вида преступления, представленные Министерством внутренних дел РФ.

Ключевые слова: денежные средства, хищение, банковские карты, платежные карты, несанкционированные операции, мошенничество, кража.

Деньги – это одно из самых значимых изобретений в истории человечества; в общем виде деньгами называют все то, что члены общества принимают в счет оплаты товаров и услуг или при возврате долга. Прогресс не стоит на месте, в современном быстроразвивающемся мире, в мире, в котором постоянно усиливается влияние процессов глобализации, наличные денежные средства постепенно утрачивают свою актуальность, на смену им приходят банковские карты и сопутствующие им методы оплаты товаров и услуг.

С каждым годом потребность в наличных деньгах снижается – такова общая тенденция в мире. Развиваются современные платежные инструменты – оплата с помощью банковских карт или мобильного телефона.

В сфере хищения денежных средств с банковских карт граждан наиболее распространенными видами преступлений являются: мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ); неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ); неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

Анализ материалов судебно-следственной практики позволил выделить следующие современные способы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан [5]:

- хищение денежных средств с лицевых счетов банковских карт, сопряженное с использованием подлинной банковской карты (кредитной либо расчетной) потерпевшего;

- хищение денежных средств с лицевых счетов банковских карт, сопряженное с использованием поддельной банковской карты (кредитной либо расчетной), содержащей информацию о номере отделения банка, выдавшего карту, номере карты, дате окончания действия карты и сведения о ее владельце;

- хищение денежных средств с лицевых счетов банковских карт, сопряженное с осуществлением неправомерного доступа к базе данных, содержащей сведения о реквизитах лицевого счета владельца карты, путем несанкционированного ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей;

- хищение денежных средств с лицевых счетов банковских карт, сопряженное с осуществлением неправомерного доступа к базе данных, содержащей сведения о реквизитах лицевого счета владельца карты, путем использования вредоносных компьютерных программ, либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, совершенное организованной преступной группой.

Совершающий преступления в данной сфере преступник имеет ряд характерных особенностей. Согласно данным материалов уголовных дел и материалов уголовной статистики, доля мужчин, совершающих преступления, достаточно высока и составляет около 78%. Удельный вес женщин, совершивших мошенничества и хищения с банковских карт, значительно ниже и составляет около 22%. Роль женщин, в такого рода преступлениях, чаще всего сводится к оказанию содействия в совершении преступления, в отличие от обычного мошенничества. Содействие может выражаться, например, в помощи по обналачиванию денежных средств.

Говоря о наиболее криминогенных возрастных категориях, то наиболее часто совершают преступления лица в возрасте от 26 до 39 лет: их доля в структуре преступности доходит до 54%. Возрастная категория же осужденных за данное деяние: от 39 до 50 лет (около 26%), от 18 лет до 26 лет (около 18%), от 50 лет и старше (2%) [1].

Наиболее часто объектом преступления становятся лица, обладающие следующими признаками виктимности: неразборчивость в знакомствах, злоупотребление алкоголем; наличие дефектов слуха, зрения, пожилой возраст и т.п. Как правило, преступник ищет жертву среди тех, кому на банковскую карту регулярно перечисляются денежные средства, например, пенсия или заработная плата. Преступники могут вступать в доверительные отношения с жертвой, получать, тем самым, сведения о месте хранения банковской карты и данные ее PIN-кода от самой жертвы, либо обнаруживают указанные карту и данные в жилище жертвы.

Ещё одним способом несанкционированного снятия денежных средств с банковской карты является кража банковской карты. В большинстве случаев кража осуществляется в условиях неочевидности, то есть, путем свободного доступа из одежды (сумки, портмоне и т.п.), принадлежащей потерпевшему в период, когда владелец карты непосредственно пользуется услугами заведения (выполняет профессиональные обязанности, занимается спортом, обедает и др.). Данные PIN-кода банковской карты, как правило, обнаруживаются преступниками в месте хранения банковской карты. Снятие денежных средств с лицевого счета банковской карты осу-

ществляется через банкомат, либо путем оплаты приобретенного товара в терминале торговой точки.

Рассмотрим динамику увеличения числа банковских карт на рынке, эмитированных кредитными организациями Российской Федерации, опираясь на данные статистики Центрального Банка Российской Федерации. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями представлено в таблице 1.

Таблица №1. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями [3].

	1.01.2014	1.01.2015	1.01.2016	1.01.2017	1.01.2018
Дебетовые карты, в т.ч. с овердрафтом	188 275	195 904	214 443	224 592	239 556
Кредитные карты	29 189	31 761	29 464	30 144	32 155
Всего	217 463	227 666	243 907	254 737	271 711

Исходя из данных таблицы 1, видим, что количество платежных карт с каждым годом уверенно растет. Если на начало 2014 года российские банки выпустили 217463 карты, то по состоянию на 1 января 2018 года количество выпущенных карт составило аж 271711 карт. Рост составил около 20%.

Одновременно с ростом количества карт в определенный период возросло и количество несанкционированных операций, в связи с мошенничеством. Несанкционированной операцией является операция, выполненная без разрешения или участия гражданина, которому принадлежит банковская карта/банковский счет. Рассмотрим динамику количества и объема несанкционированных операций. Количество и объем несанкционированных операций с использованием платежных карт представлено в таблице 2.

Таблица №2. Количество и объем несанкционированных операций с использованием платежных карт [4].

	2015	2016	2017
Объем несанкционированных операций, млн руб.	260,4	284,4	259,9
Количество несанкционированных операций, ед.	57929	90277	84559

Исходя из данных таблицы 2, наблюдаем, что пик количества несанкционированных операций наблюдался в 2016 году, количество операций составило 90277 единиц, а объем операций в денежном выражении составил 284,4 млн. рублей. В 2017 году количество несанкционированных операций снизилось на 6,3%, а объем несанкционированных операций снизился на 8,6%. Динамика положительная. Данное снижение может быть обусловлено повышением осведомленности у населения о правилах безопасности использования банковских карт, а также внедрением в Российской Федерации систем мобильных платежей, таких как Apple Pay и Samsung Pay, заметно повышающих безопасность проведения банковских транзакций.

Также рассмотрим долю объема несанкционированных операций в общем объеме операций, совершенных с использованием платежных карт. Доля несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе их объема представлена в таблице 3.

Таблица №3. Доля несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе их объема [4].

2015	2016	2017
0,0021 %	0,0021 %	0,0015 %

Исходя из данных таблицы 3, делаем вывод, что доля объема несанкционированных операций в общем объеме операций, совершенных с использованием платежных карт в 2015 и 2016 гг. Составила 0,0021%, а в 2017 г. показатель снизился и составил 0,0015%. При этом, нисходящий тренд не изменился. Указанное значение не превышает установленный Банком России целевой показатель доли объема несанкционированных операций в общем объеме операций, совершенных с использованием платежных карт. Данный показатель установлен Центральным Банком Российской Федерации на уровне 0,0050%.

Далее рассмотрим динамику и объем несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе места их совершения. Объем несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе места их совершения представлен в таблице 4.

Таблица №4. Объем несанкционированных операций с использованием платежных карт в разрезе места их совершения [4].

	2015	2016	2017
В организациях торговли и услуг, млн руб.	60	36,6	19,4
Посредством банкоматов и платежных терминалов, млн руб.	59,0	36	36,3
Посредством сети Интернет и устройств мобильной связи, млн руб.	139,9	206,9	204,2

Исходя из данных таблицы 4, видим, что объемы несанкционированных операций, осуществленных в банкоматах и торговых точках организациях торговли снижаются, в то время как объем несанкционированных операций без предъявления карты растет. Данная тенденция может быть обусловлена как обязательным выпуском в Российской Федерации с 1 июля 2015 года платежных карт с микропроцессором (чипом), а также тенденция может быть обусловлена смещением направления интересов провайдеров услуг и пользователей банковских карт в сторону сети Интернет, так как повышается доступность и развитость платежных услуг посредством сети Интернет у населения. Одновременно с смещением интересов провайдеров и пользователей банковских карт в сторону сети Интернет, смещаются также интересы злоумышленников в сторону транзакций без присутствия карты. Важную роль в противодействии несанкционированным транзакциями без присутствия карты играет взаимодействие организаций кредитно-финансовой сферы с регистраторами доменных имен в части доведения сведений о фишинговых ресурсах (домены, с которых осуществляются мошеннические действия, связанные с использованием платежных карт).

Исходя из вышеприведенного анализа стоит отметить, что пусть объем ущерба и количество мошеннических операций/количество преступлений снижается, но все больше преступлений перетекает в сеть Интернет и уже развивается там. Компьютерная информация в преступных целях может быть применена в качестве способа,

средства, либо цели достижения преступного умысла. Такое разнообразие составов преступлений, которые связаны с незаконным использованием компьютерной информации в сети Интернет, не противоречит, а даже наоборот, полностью соответствует такому важному принципу оперативно-розыскной деятельности, как наступательность, когда необходимо быстро, в сжатые сроки собрать информацию в сети Интернет, могущие содержать следы того или иного преступления [7, с.24]. Криминал относительно давно освоил виртуальное пространство, новейшие достижения в сфере ИТ-технологий в целях реализации преступного замысла. Но только сейчас использование криминалом последних достижений науки и техники вызывает серьезные опасения в обществе [2, с.65].

В целях профилактики мошеннических операций с банковскими картами, необходимо каждому гражданину соблюдать правила безопасности при расчетах с банковскими картами: никогда не хранить PIN-код от карты вместе с картой, а уж тем более, писать его на самой карте, никому не сообщать трехзначный код на обратной стороне карты, не отвечать на незнакомые СМС-сообщения, связанные с банковским счетом, не пользоваться банкоматах в подозрительных местах, где может использоваться специализированное оборудование, перехватывающее информацию о карте и владельце.

В целях профилактики мошенничества с банковскими картами МВД Российской Федерации приводит правила, которым необходимо следовать [6]:

- никому не давать свою карту, использовать ее только по назначению;
 - быть внимательным, смотреть, не имеет ли банкомат «странные» конструкции: накладная клавиатура бывает заметна, под ней виден оригинал, а также мини-камера, которая может быть вмонтирована в банкомат;
 - иногда банковские организации устанавливают специальные наклейки на картридер – антискиммеры. Антискиммер не дает возможности установить скиммер;
 - ни в коем случае никому не сообщать ПИН-код;
 - вводить ПИН-код только прикрывая клавиатуру рукой;
 - на банкомате всегда есть номер телефона, по которому можно заблокировать карту. Блокировать карту необходимо не отходя от банкомата.
 - при получении карты нужно ее подписать, что снизит риск ее использования в случае утраты;
 - регулярно менять ПИН-код. Специалисты советуют делать это не реже раза в 30 – 60 дней;
- При нахождении в Сети Интернет:
- проверять доменное имя внимательно;
 - не доверять сообщениям, которые просят внести личные данные, лучше позвониться с банком, если что-то насторожило;
 - регулярно необходимо обновлять антивирусное программное обеспечение, которое отвечает за доступ к сайтам.

Список литературы

1. Васюков С. В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего общественно опасные деяния в сфере проведения безналичных расчетов с использованием банковских карт [Электронный ресурс] / Васюков С. В. // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti>

- prestupnika-sovershayuschego-obschestvenno-opasnye-deyaniya-v-sfere-provedeniya (дата обращения: 25.10.2018).
2. Драпезо Р. Г. Особенности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» / Драпезо Р.Г., Шелестюков В.Н. // Российский следователь - 2018 - №9 - С. 65-72.
 3. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями, по типам карт [Электронный ресурс] / Центральный Банк Российской Федерации. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm&pid=psrf&sid=ITM_55789 (дата обращения: 25.10.2018).
 4. Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2017 год [Электронный ресурс] / Банк России Финцрт. - URL: http://www.cbr.ru/stathtml/file/14435/survey_transfers_17.pdf (дата обращения: 25.10.2018).
 5. Попова Т.В. Способы и преступные схемы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан [Электронный ресурс] / Попова Т.В., Котязов А.В. // Академическая мысль. 2018. №2 (3). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-prestupnye-shemy-hischeniy-denezhnyh-sredstv-s-litsevyh-schetov-bankovskih-kart-grazhdan> (дата обращения: 25.10.2018г.).
 6. Профилактика мошенничества с банковскими картами [Электронный источник] / Управление МВД России по Сахалинской области. - URL: <https://65.mvd.rf/news/item/9225639> (дата обращения: 25.10.2018).
 7. Шелестюков В. Н. Особенности нового оперативно-оперативно-розыскного мероприятия - получение компьютерной информации / Шелестюков В.Н. // Оперативник (сыщик). - 2018 г. - №1 (54) - С. 23-36.

Sharovarov I.A. Unauthorised cash withdrawals from bank cards: condition and methods of protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 225-230.

The article discusses the main methods of stealing money from personal accounts of citizens' bank cards. The characteristic features of the identity of the perpetrator who commits crimes in this field are presented, and the most criminogenic age groups of criminals are analysed. The description of persons who most often become the object of a crime is given. Using the statistical material, the dynamics of issuing payment cards in the Russian Federation, the number and volume of unauthorised operations from 2015 to 2017 were studied, the share of unauthorised operations using payment cards in terms of their volume, and the volume of unauthorised operations using payment cards in terms of places of their commission. On the basis of the analysis made, conclusions are drawn, and methods for the prevention of this type of crime are presented, presented by the The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: cash, theft, bank cards, payment cards, unauthorised transactions, fraud, theft.

Spisok literatury

1. Vasyukov S. V. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika, sovershayuschego obshchestvenno opasnye deyaniya v sfere provedeniya bezlichnyh raschetov s ispol'zovaniem bankovskih kart [Электронный ресурс] / Vasyukov S. V. // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. №5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-sovershayuschego-obschestvenno-opasnye-deyaniya-v-sfere-provedeniya> (data obrashcheniya: 25.10.2018).
2. Драпезо Р. Г. Особенности использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» / Драпезо Р.Г., Шелестюков В.Н. // Российский следователь - 2018 - №9 - С. 65-72.
3. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями, по типам карт [Электронный ресурс] / Центральный Банк Российской Федерации. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm&pid=psrf&sid=ITM_55789 (data obrashcheniya: 25.10.2018).
4. Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2017 год [Электронный ресурс] / Банк России Финцрт. - URL: http://www.cbr.ru/stathtml/file/14435/survey_transfers_17.pdf (data obrashcheniya: 25.10.2018).
5. Попова Т.В. Способы и преступные схемы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан [Электронный ресурс] / Попова Т.В., Котязов А.В. // Академическая мысль. 2018. №2 (3). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-prestupnye-shemy-hischeniy-denezhnyh-sredstv-s-litsevyh-schetov-bankovskih-kart-grazhdan> (data obrashcheniya: 25.10.2018г.).
6. Профилактика мошенничества с банковскими картами [Электронный источник] / Управление МВД России по Сахалинской области. - URL: <https://65.mvd.rf/news/item/9225639> (data obrashcheniya: 25.10.2018).
7. Шелестюков В. Н. Особенности нового оперативно-оперативно-розыскного мероприятия - получение компьютерной информации / Шелестюков В.Н. // Оперативник (сыщик). - 2018 г. - №1 (54) - С. 23-36.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 347.635

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ ПРИ ОТМЕНЕ УСЫНОВЛЕНИЯ

Аблятинова Н. А., Форостян А. С.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается проблема отмена усыновления в контексте защиты прав и законных интересов детей. Проанализированы основания отмены усыновления, статистические данные за последние годы, последствия прекращения данного правоотношения между усыновителями и усыновленными детьми. Выделены особенности участия органов опеки и попечительства при реализации и защите прав детей. В результате анализа были выявлены недостатки в теории и практике как подготовительного этапа перед принятием ребенка в семью, так и процедуры отмены усыновления в судебном процессе. Установлено, что законодательно не закреплен механизм защиты прав бывших усыновленных детей, последствия отмены усыновления не восстанавливают нарушенных прав. По результатам исследования, авторами выведены практические предложения и рекомендации по совершенствованию действующего порядка процедуры усыновления, а также гарантий соблюдения прав и интересов детей при его отмене в Российской Федерации.

Ключевые слова: отмена усыновления; усыновитель; усыновленный; гарантии; интересы ребенка; защита прав; законные интересы.

Институты семьи, материнства и детства, относят к конституционным институтам государства, которые имеют приоритетную защиту (ст. 38 Конституции РФ) [1]. При формировании физического, психического здоровья, полноценного гармоничного развития личности важно, чтобы ребенок получал заботу, внимание и воспитание от родителей. Защита детей – комплекс внутрисемейных и государственных мер, направленных на обеспечение гарантии интересов каждого ребенка. Семейным Кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) в статье 54 закреплено основное для каждого ребенка право – проживать и воспитываться в семье [2]. Для детей, которые остались без попечения родителей, государством были предусмотрены альтернативные способы устройства в семью, среди которых усыновление – самая комфортная, приоритетная форма устройства детей на воспитание. Установленный судебный порядок усыновления в Российской Федерации, соблюдение большого количества условий (получение необходимых разрешений, соответствие усыновителя ряду требований, проверка органами опеки и попечительства условий жизни усыновителя) – способ гарантии прав ребенка и стабильности возникающих правоотношений между усыновляемым и усыновителями. [3, с.188] Однако законодателем и практикой не сформирован единый подход по защите прав детей, в отношении которых усыновление было отменено. Именно поэтому является актуальным выявление проблемных аспектов соблюдения и защиты прав и законных интересов детей при усыновлении на практике и их совершенствование.

Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации неоднократно ставился вопрос о качественной составляющей правовых возможностей воспитания детей, которые остались без попечения родителей и гарантиях государственной защиты их прав и законных интересов. Отмечается, что государство, в лице государственных органов, не может справиться со многими обязанностями, связанными с обеспечением каждому ребенку достойного уровня жизни, необходимого для нормального физического, психо-эмоционального, умственного, духовного и социального развития. Федеральное законодательство не содержит инструментария, теоретически определяющего основные понятия, используемые в научной литературе и практике. Так, в законе не определены понятия «ребенок, нуждающийся в помощи государства», «социальный патронат неблагополучной семьи» и др. Это приводит к неоднозначной трактовке теоретических положений, их некорректному применению на практике. Способом преодоления подобного рода пробелов, является разработка и принятие на уровне Государственной Думы законопроектов, устанавливающих общий минимальный стандарт для семей. Путем реализации конкретных норм, будет достигнут адекватный механизм защиты прав усыновленных детей.

Статьей 15 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4] полномочия по защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, принадлежат органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Следовательно, законодатель, вопросы семейных отношений отнес к исключительной компетенции субъектов Российской Федерации. Права детей, которые находятся в трудной жизненной ситуации, но содержатся и обучаются в государственных учреждениях, обеспечиваются федеральными органами государственной власти. Как и каждый гражданин, ребенок имеет права на судебную защиту своих интересов. Реализация данного права ставится в зависимость от способа устройства ребенка на воспитание, его возраста, иных факторов.

Нормативная база Российской Федерации за последнее десятилетие проходит стадию активного развития. Было рассмотрено и принято немало социально значимых нормативных актов, в сфере семейного права, в целом, и в частности, регулирующих институт усыновления, в основу которых заложена интеграция российского национального права и международных норм и стандартов. Однако это не исключает наличие недостатков в регулировании института усыновления, в частности его отмены.

Целью установления усыновления является не просто воспитание и содержание ребенка, а обеспечение его полноценной семьей, социально здоровыми условиями, заботой и опекой. Тем не менее, далеко не всегда намерения и ожидания усыновителей оправдываются. Принятие ребенка в семью, общение с ребенком, налаживание с ним контакта иногда может стать задачей, с которой не справляется усыновитель. Особенно тяжело, в случаях с детьми со слабым здоровьем, задержкой развития, которые требуют особого внимания и могут не получать его в новой семье.

При разработке норм права, законодатель понимает, что решение проблем, связанных с детьми-сиротами, требует руководства в первую очередь нормами морали, воспринимающими усыновление как позитивное явление, поскольку ребенок в этом случае становится полноправным членом семьи. Закон идет по пути ужесточения требований к усыновителям, к условиям жизни и содержания ребенка. И даже, не-

смотря на получение свидетельства о прохождении обязательной психолого-педагогической и правовой подготовки по установленной форме (подготовка кандидатов в приемные родители, в ходе которой с лицами, желающими усыновить ребенка, проводится обучение, консультирование психологом и пояснение основных сложностей и рисков, возможных при усыновлении), развитие подинститута отмены усыновления набирает обороты и усыновители, столкнувшись с первыми трудностями, спешат вернуть ребенка.

Проанализировав данные статистики случаев усыновления и его отмены в Российской Федерации за 2015-2017 года (См. таблицу 1), можно проследить динамику этого института, причины, послужившие основанием для принятия решений об отмене усыновления [5].

Таблица №1.

	Количество детей, принятых на воспитание в семью	Усыновлено детей	Отменено решений по усыновлению
2015 год	91161 (100 %)	6348 (6,96 %)	65 (1,02 %)
2016 год	87964 (100 %)	4915 (5,6 %)	33 (0,67 %)
2017 год	76846 (100 %)	4580 (5,9 %)	55 (1,26 %)

Как мы видим, уменьшения случаев отмены усыновления не наблюдается, что обуславливает необходимость соблюдения прав детей при осуществлении процедуры отмены усыновления. Изучив статистическую информацию по усыновлению в Республике Крым по данным Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым (См. таблицу 2) можно отметить рост количества отмененных решений по усыновлению. Это обуславливает несовершенство института усыновления как приоритетной формы устройства детей, нуждающихся в заботе, и требует пристального изучения последствий с целью разработки механизма защиты детей согласно реалиям сегодняшнего дня.

Таблица №2.

	Всего на учете детей, нуждающихся в попечительстве	Усыновлено детей	Отменено решений по усыновлению
2015 год	1414 (100 %)	43 (3,04 %)	1 (2,33 %)
2016 год	1317 (100 %)	42 (3,19 %)	0 (0 %)
2017 год	1263 (100 %)	51 (4,04 %)	4 (7,84 %)

Ранее, в законодательстве СССР существовало понятие «признание усыновления недействительным», или же «фиктивное усыновление». Теоретики до сих пор прибегают к упоминанию названных институтов, как социально негативных, однако необходимых в практике реализации норм права. В Кодексе о браке и семье РСФСР [6] было указано, что усыновление может быть признано недействительным «при фиктивности усыновления». «Может быть признано» – формулировка нормы, которая содержала в себе указание на не безусловный характер отмены факта усыновления, а прохождения специальной процедуры, сбор сведений, доказательств фиктивности и т.д. При этом закон не содержал определение понятия «фиктивность», фактическое понимание термина, осуществлялось только на основе анализа судебной

практики и разъяснений органов государственной власти. Под фиктивным усыновлением понималась ситуация, когда ребенок усыновлялся только и исключительно для получения каких-либо благ или льгот от государства. Такие действия совершались с сопутствующими нарушениями – с применением подложных документов, подставных лиц, использованием служебного положения.

Следует сказать, что факты установления фиктивного усыновления не были исключением из правила, а мотивы лиц, совершавших данные действия, не всегда были объяснимы. Например, встречалась ситуация, когда молодой мужчина решался на усыновление малолетнего ребенка для того, чтобы избежать службы армии или хотя бы получить отсрочку. Естественно, такое положение вещей приводило к психологическим травмам у детей, по отношению к которым совершалось фиктивное усыновление. В целом, такие мотивы принятия ребенка на воспитание, обесценивали институт в семье, как основополагающий в государственной системе.

Такой способ расторжения установленной связи усыновленного и усыновителя еще сохраняется в законодательстве ряда стран постсоветского пространства (например, Белоруссия, Казахстан). В России понятие фиктивное усыновление не используется, а нормы КоБС РСФСР могут применяться в силу п.1 ст.169 СК РФ, применяющиеся к отношениям, возникшим после вступления в силу СК РФ, то есть с 1 марта 1996 года. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении №8 от 20.04.2006 года «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 8)[7] высказал возможность применения ранее действующих норм к отношениям, возникшим позднее установленной даты, однако отмена усыновления невозможна по отношению к совершеннолетним детям, что автоматически лишает указанные правовые положения любого юридического значения.

Современным семейным законодательством предусмотрены случаи отмены усыновления. Для соблюдения принципов законности, целесообразности при принятии решения об отмене усыновления, процедура проводится в судебном порядке, с обязательным присутствием органов опеки и попечительства, сотрудников прокуратуры [8]. Такие процессуальные меры направлены на минимизацию рисков при анализе судом материалов дела, соблюдение гарантий защиты прав усыновителей и усыновленных. Отмена усыновления может нести как принудительный, так и добровольный характер. Таким образом, соблюдается право самостоятельного принятия решений в семейных отношениях, которые возникают в связи с усыновлением. Одновременно с этим, допускаются случаи, когда отмена усыновления может стать необходимой мерой. Институт отмены усыновления относят к числу негативных социальных явлений, отрицательно сказывающееся на психике ребенка, в целом дестабилизирующее институт семьи.

Случаи отмены усыновления регламентированы и закреплены в действующем семейном законодательстве. Семейный кодекс РФ определяет, что, такая мера, как отмена усыновления, может приниматься судом, с учетом оценки доказательств, по внутреннему усмотрению, в ряде случаев, среди которых: усыновителями не выполнялись родительские обязанности по отношению к ребенку. Исходя из положений гл. 12 СК РФ, закрепляющей полный перечень родительских прав, можно сделать вывод, что отмена усыновления в связи с уклонением усыновителей от выполнения родительских обязанностей возможна только в случае, когда будет установ-

лено, что один из усыновителей или оба сразу ненадлежащим образом исполняют или вообще не исполняют законодательно закрепленные обязанности родителей.

При этом оценивается не только уровень материального содержания ребенка, но и моральная, эмоциональная связь, уровень общения, воспитания, участие в жизни несовершеннолетнего. Доказательствами в таких делах, как правило, являются показания органов опеки и попечительства, родственников, друзей, лично ребенка. Усыновление будет отменено, если выяснится, что усыновитель злоупотребляет своими правами, принадлежащими ему как родителю. Так, например, усыновитель распоряжается наследственным имуществом усыновленного, как его законный представитель, но не в интересах несовершеннолетнего.

Особая категория оснований отмены усыновления – жестокое отношение к ребенку. При воспитании усыновленного ребенка должно быть полностью исключено пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, а также оскорбления или эксплуатация детей. Учитывая, оценочность критериев жестокости, не всегда психологическое давление, моральное подавление во время выявляется, что наносит вред психическому здоровью и влечет тяжкие последствия для несформированной личности. Предотвращение жестоких проявлений по отношению к усыновленным, наиболее сложная задача государственных органов. Злоупотребление запрещенными препаратами, незаконная деятельность усыновителей, физическое и моральное насилие – эти, и многие другие факты могут стать причинами, по которым усыновление отменяется. Если родительские обязанности выполняются ненадлежащим образом, по любой из перечисленных причин, либо усыновители перестали быть «надлежащими» (алкоголизм, наркомания), инициация процедуры лишения их статуса и изъятия ребенка принадлежит органам опеки, в полномочия которых входит контроль за благоустройством детей-сирот. Закон не запрещает иным лицам, которым стало достоверно известно о фактах нарушения прав детей, принимать действия по обращению к сотрудникам государственных учреждений за защитой прав пострадавшей стороны.

Практике известны случаи, когда фактов жестокого обращения с ребенком выявлено не было, но семейные связи между усыновителем и усыновленным не установились, отношения неприязненные, атмосфера для воспитания неблагоприятна. Такое усыновление для обеих сторон не имеет смысла. Необходимо принять во внимание, что в случаях, когда усыновителем является мачеха или отчим, а второй родитель – биологический отец или мать, то в большинстве случаев, развод этих лиц не будет являться основанием отмены усыновления. Связано это с тем, что обязательства по усыновлению устанавливаются между взрослым и ребенком, и не касаются брачно-семейных отношений двух супругов. Исключением может стать ситуация, когда развод будет препятствовать выполнению родительских обязанностей (смена страны проживания).

Не следует упускать случаи так называемой «безвинной» отмены усыновления. Практика показывает, что не всегда удается найти подход к ребенку, дать ему почувствовать себя членом большой семьи. При этом, усыновители могут иметь высокий уровень сознательности, ответственности, добросовестно исполнять все родительские обязанности, однако, не иметь связи с конкретным ребенком. Если было обнаружено, что родителям не удалось расположить к себе несовершеннолетнего, то может быть начата процедура отмены усыновления. «Суд, исходя из пункта 2

статьи 141 СК РФ, вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении» [п.19, 7].

В таком процессе определяющим является мнение ребенка и его желание жить и воспитываться в данной семье. На данный момент, к сожалению, растет статистика таких отказов от усыновленных детей. Несмотря на различные точки зрения, позицию законодателя и необходимость детального анализа обстоятельств каждого отдельного случая, на наш взгляд, эта норма дает возможность усыновителю законно «дать задний ход» родительскому правоотношению. Если биологический родитель родного по крови ребенка будет искать пути выхода из ситуации разнообразными способами разрешения конфликта, обращения за помощью к близким, приемами и способами семейного воспитания, осознает, что сам родил этого ребенка, то усыновитель, сбрасывая с себя ответственность отсутствием кровной связи. Вспоминая, что усыновители при обучении были осведомлены о рисках, проходят долгий путь к родительским правоотношениям, значит, их деятельность должна быть направлена в первую очередь на создание ребенку надлежащих условий воспитания в семье. В СК РФ предусмотрены императивные правила в отношении способов воспитания детей, обязательные не только для родителей, но и для усыновителей, наделяемых полным объемом родительских прав. Поэтому вызывает вопрос позиция, согласно которой с одной стороны согласно п.1 ст.137 СК РФ усыновление приравнивает усыновленных к родным детям, и порождает родительское правоотношение равное биологическому происхождению, а с другой стороны Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 8 указывает, что «поскольку родительские права и обязанности возникают у усыновителей в результате усыновления, а не происхождения от них детей, необходимо иметь в виду, что ... судом может быть решен вопрос об отмене усыновления, а не о лишении или ограничении родительских прав». На наш взгляд, данное правило не отображает полную защиту прав и законных интересов детей. Напомним, лишение родительских прав является мерой пресечения ненадлежащего выполнения родительских правоотношений и не освобождает них (сохраняется обязанность содержания, право наследования ребенком имущества). Отмена усыновления полностью разрывает связь с ребенком и ставит его в худшее положение (например, повторного усыновления может не состояться).

Таким образом, отдельного внимания заслуживает ситуация, когда происходит пересечение интересов усыновителей и усыновленного ребенка, что приводит к противоречиям. Категории соблюдения баланса интересов обеих сторон не раскрываются в современных источниках. Проблема оценочного характера данных отношений не позволяет сформировать единый подход к определению таких случаев. Поэтому, основной контроль за соблюдением прав ребенка, его комфортным пре-

быванием в семье усыновителя возлагается на орган опеки и попечительства. Представляется возможным определить в качестве одного из видов уклонения усыновителей от осуществления родительских прав ситуацию, когда усыновители, объективно понимая возникновение противоречий между их интересами и интересами усыновленного, не принимают необходимых мер для урегулирования и нейтрализации последствий конфликта, не ставят в известность органы опеки и попечительства.

При анализе случаев и оснований отмены усыновления, следует упомянуть о недобросовестном поведении самих органов опеки и попечительства. Случается, что ребенок, помещенный на воспитание в государственное учреждение, страдает патологиями физического или психического развития, скрытыми дефектами здоровья, о которых приемным родителям не сообщается. Мотивы таких действий заключаются в стремлении отдать на усыновление как можно больше детей, повысить уровень эффективности семейного устройства на воспитание. В такой ситуации, ставшие родителями граждане по своему усмотрению вправе обращаться в суд и просить отменить усыновление. Моральная сторона таких оснований неоднозначна, но возможность такой защиты прав усыновителей, возможно, предотвращает более серьезные последствия.

Таким образом, следует помнить, что список не исчерпывающий, суд с учетом анализа материалов дела, изучением мнения, взвешиванием интересов ребенка, может отменить усыновление и по другим основаниям. Интересные разъяснения дает Верховный суд РФ в Постановлении Пленума № 8, который гласит, что суд, руководствуясь нормам ч. 2 ст. 140 СК РФ, имеет право отменить усыновление и в иных случаях. Судебная практика, обобщенная Верховным Судом РФ, позволяет выделить случаи, когда допустим отказ от усыновления, а суды имеют право удовлетворить такое заявление усыновителей. Первым является отсутствие взаимопонимания между усыновителем и ребенком, которое не может быть устранено. Второй случай – умственная неполноценность или наследственное заболевание ребенка, которые делают невозможным процесс воспитания, но о которых усыновитель не был осведомлен заранее.

Примечательной в правоприменительной практике является возможность возложения алиментных обязательств на бывших усыновителей, в качестве гарантии прав бывшего усыновленного. Единственным критерием, которым руководствуется суд, когда решается вопрос необходимости возложения на бывшего усыновителя этой обязанности, закон называет интересы ребенка[7]. Статьей 56 СК РФ определено, что ребенок имеет право на защиту. Под защитой понимается восстановление нарушенного права, при возможности – возврат правоотношений в состояние, которое существовало до нарушения, или создание условий, компенсирующих утрату прав, нанесенный ущерб, устранение препятствий по осуществлению прав. Реализация защиты прав детей возможна при помощи различных отраслей права.

Ряд авторов к трактовке понятия «интересы ребенка» подходит узко, воспринимая всю совокупность прав ребенка как воплощение понятия «нуждаемость». Большинство авторов поддерживает точку зрения, что алиментная обязанность усыновителей не является мерой ответственности, а выступает гарантией прав бывшего усыновленного. В некоторых исследованиях указывается, что данная обязанность является лишь средством защиты интересов детей и, по сути, всегда вынужденная,

так как позволяет обеспечить материальную поддержку бывшему усыновленному, при отсутствии иных источников дохода на содержание несовершеннолетнего.

Критерий нуждаемости является точкой отсчета при разрешении судом вопроса о реализации такой законной гарантии. Необходимо анализировать каждый отдельный случай, исходя из конкретных обстоятельств и интересов ребенка. Такой анализ необходим для предотвращения подмены понятий. Например, когда ребенок работает и имеет доход. При таких обстоятельствах оснований для присуждения алиментов не возникает, что представляется спорной точкой зрения. Усыновители принимают на себя родительскую обязанность по содержанию детей, которая тождественна обязанности кровных родителей и должна выполняться безусловно. В связи с чем, алиментная обязанность бывших усыновителей не должна стоять в прямой взаимосвязи от нуждаемости бывшего усыновленного ребенка. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №8 не содержит разъяснений по данному вопросу, что предоставляет судам возможность принимать решение по своему усмотрению и оценочно, ситуативно определять, в каких случаях алиментная обязанность должна быть возложена. В связи с неоднозначной судебной практикой, отсутствием нормативных способов разрешения алиментных правоотношений между бывшими участниками усыновления, следует внести в Семейный кодекс РФ норму, следующего содержания: «Факт принятия судом решения об отмене усыновления не освобождает бывших усыновителей от алиментных обязанностей перед бывшим усыновленным ребенком».

Кроме того, при разрешении данной категории дел, следует помнить о психологической стороне вопроса, возможной моральной травме, которая будет нанесена ребенку в случае отмены усыновления. В данном аспекте подлежит рассмотрению вопрос о возможности присуждения возмещения морального вреда бывшему усыновленному ребенку. Полагаем, что, не соответствует в полной мере интересам ребенка факт, что вопрос о компенсации морального вреда не обсуждается в судебном заседании, так как его нарушенные права не восстанавливаются в полном объеме. Более того, после отмены усыновления статус ребенка меняется в худшую сторону, а повторное усыновление так может и не состояться.

Следовательно, интерес ребенка является главным критерием для правильного разрешения дела в суде, в противовес которому стоят заинтересованные лица, чей интерес объективно противоречит интересам ребенка. Именно поэтому, для объективного установления и защиты интересов ребенка, суд нуждается в полноте и непредвзятости предоставленной информации, которая, должна отражать определенные факты действительности, источником которой является процессуально нейтральный источник. Такая информация, с одной стороны, могла бы использоваться для проверки объяснений сторон судом, с другой может служить самостоятельным судебным доказательством определенных обстоятельств. Именно этим объясняется в целом доказательственная значимость выводов, содержащихся в заключениях экспертов, приглашенных в заседание суда.

Для ребенка отмена усыновления может стать препятствием к возможности реализовать свое право на проживание и воспитание в семье. Поэтому необходимость повышенного внимания и дальнейшего изучения вопросов соблюдения прав ребенка при отмене факта усыновления является неоспоримым.

Острота проблемы охраны прав несовершеннолетних детей требует укрепления гарантий их защиты на законодательном уровне. Рассматривая правовые акты и обобщения практики по делам об отмене усыновления, можно отметить основную формулировку при возникновении споров «...вопрос также решается судом исходя из интересов ребенка». Понятно, что каждая отдельная ситуация требует детального изучения, экспертной оценки, анализа фактов, однако на сегодняшний день статистика случаев отмены усыновления показывает, что необходим дополнительный инструмент для защиты бывших усыновленных детей. Исходя из содержания ст. 143 СК РФ при отмене усыновления ребенок передается родителям, а при их отсутствии или если передача родителям противоречит его интересам – на попечение органа опеки и попечительства. В качестве защиты прав и законных интересов ребенка предусмотрено лишь разрешение судом вопроса о сохранении или изменении за ребенком присвоенных ему усыновлением фамилии, имени, отчества и возможное взыскание алиментов. Равноценно ли это тому эмоциональному и психическому состоянию ребенка, который возвращается в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Отмена усыновления (удочерения) во многих случаях является не результатом стечения жизненных (объективных, субъективных) обстоятельств, а следствием неадекватного правового, правоприменительного, социально безответственного поведения взрослых людей на этапе реализации процедур усыновления (удочерения). Необходимо дополнить ст. 143 СК РФ нормой, предусматривающей право ребенка при отмене усыновления на компенсацию вреда причиненного его здоровью, включая компенсацию морального вреда, если вред причинен бывшими усыновителями.

Анализ конкретных судебных решений, связанных с отменой усыновления (удочерения), а также практика усыновления, многими десятилетиями складывающиеся в цивилизованных странах, позволяют делать вывод о том, что проблемы в этой сфере во многом порождаются поспешностью и формализмом, характеризующими подготовительную стадию процессов, процедур усыновления (удочерения), некачественной информационно-аналитической работой, особенно в той ее части, которая позволяет предельно адекватно представлять потенциальные возможности усыновителя, его семьи, понимать и успешно реализовывать наилучшие интересы усыновляемых (удочеряемых) детей. Исходя из этого, рекомендуется усилить контроль за прохождением подготовки приемных родителей, исключить формализм процедуры и установить обязательную экспертную оценку психолога с заключением о психологической готовности потенциального усыновителя к приему ребенка, оставшегося без попечения родителей. Именно подготовка к решению возможных социальных и психологических проблем, возникающих в процессе вхождения ребенка в семью и выработка возможных путей решения, позволят успешно адаптироваться членам семьи. Также, необходимо дополнить главу 19 СК РФ нормой, предоставляющей суду право при наличии сомнений в психологической или иной совместимости усыновителя и усыновляемого передавать усыновляемому ребенка под опеку или попечительство на срок, устанавливаемый судом, по истечении которого суд окончательно принимает решение об усыновлении.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // "Собрание законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16.
3. Аблятипова Н. А., Форостян А. С. Условия усыновления в российском семейном праве // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 5А. С. 186-192.
4. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 04.06.2018) "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 03.08.1998, N 31, ст. 3802.
5. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
6. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (утратил силу) // "Ведомости ВС РСФСР", 1969, N 32, ст. 1397.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 N 8 (ред. от 17.12.2013) "О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей" // "Российская газета", №92, 3 мая 2006 г.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

Ablyatipova N. A., Forostyan A. S. Problems of ensuring the interests of children in case of adoption annulment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – T. 4 (72). № 1. – P. 231-240.

The article deals with the problem of abolition of adoption in the context of protection of the rights and legitimate interests of children. Analyzed the grounds for the abolition of adoption, statistics in recent years, the consequences of the termination of the legal relationship between adoptive parents and adopted children. The features of participation of guardianship authorities in the implementation and protection of children's rights. The analysis revealed shortcomings in the theory and practice of both the preparatory stage before the adoption of a child into the family and the procedure for the abolition of adoption in court. It is established that the mechanism of protection of the rights of former adopted children is not fixed by law, the consequences of the abolition of adoption do not restore the violated rights. According to the results of the study, the authors derived practical proposals and recommendations for improving the current procedure of adoption, as well as guarantees of the rights and interests of children in its abolition in the Russian Federation.

Keywords: abolition of adoption; adoptive parent; adopted; guarantees; interests of the child; protection of rights; legitimate interests.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchedom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 04.08.2014, N 31, st. 4398.
2. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 03.08.2018) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 01.01.1996, N 1, st. 16.
3. Ablyatipova N. A., Forostyan A. S. Usloviya usynovleniya v rossiiskom semeinom prave // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2018. Tom 8. № 5A. S. 186-192.
4. Federal'nyi zakon ot 24.07.1998 N 124-FZ (red. ot 04.06.2018) "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii" // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 03.08.1998, N 31, st. 3802.
5. Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/>
6. Kodeks o brake i sem'e RSFSR (utv. VS RSFSR 30.07.1969) (utratil silu) // "Vedomosti VS RSFSR", 1969, N 32, st. 1397.
7. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 20.04.2006 N 8 (red. ot 17.12.2013) "O primeneniі sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob usynovlenii (udocherenii) detei" // "Rossiiskaya gazeta", №92, 3 maya 2006 g.
8. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 03.08.2018) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 18.11.2002, N 46, st. 4532.

УДК 349.41

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛИ РЕКРЕАЦИОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Алимов З. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Данная работа раскрывает содержание и особенности права собственности на земли рекреационного назначения в контексте субъективного и объективного права. В работе подробно описывается каждый из элементов института права собственности на земли, в тоже время дается подробная характеристика таких элементов, что позволяет изучить содержание института права собственности на земли рекреационного назначения в деталях. Огромное значение имеет данное исследование, как для науки земельного права, так и при изучении и учебной дисциплине земельного права. Раскрытие содержание права собственности на земли рекреационного назначения позволяет установить своего рода границу, в пределах которой собственник вправе оказывать влияние, как на фактическую, так и на юридическую судьбу земельного участка. Изучение теоретических аспектов, права собственности на земли рекреационного назначения способствует для осуществления дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: земли рекреационного назначения, земельный участок, собственность, право собственности, право пользования, право владения, право распоряжения.

По своей природе право собственности на землю является одним из основных имущественных прав. Ведь выступая в качестве объекта права собственности, земля получает особые правовые признаки: она становится особым имуществом, то есть тем предметом гражданского, а теперь и земельного права, который отличают особые юридические признаки. Современное социально-правовое положение в Российской Федерации характеризуется тем, что земельные проблемы, и особенно проблемы права собственности на землю, вызывают к себе повышенный интерес, как со стороны теоретиков, так и практиков.

Право на собственность – это одно из фундаментальных прав человека. Оно отражено в целом ряде международных документов. Так, Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г. в ст. 1 провозгласил фундаментальный принцип защиты собственности, в соответствии с которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности [2].

На сегодняшний день данное право гарантируется Конституцией РФ [1]. Реализуя конституционные положения в соответствии с главой III (собственность на землю) ЗК РФ земли рекреационного назначения (как и любые другие категории земель) могут находиться в государственной, муниципальной, а в отдельных случаях, установленных законом, и частной собственности [3].

Исследуя право собственности на землю необходимо подчеркнуть, что, исходя из того что выступает в качестве объектов правового регулирования земельных отношений (ст. 6 ЗК РФ), а также в силу ст. 130 ГК РФ земельные участки относятся к недвижимым вещам, то есть, недвижимому имуществу, таким образом, в качестве объекта права собственности на землю выступает земельный участок. Следовательно, говоря о праве собственности на земли рекреационного назначения, речь

будет идти о праве собственности на земельный участок, используемый для организации отдыха физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности. Однако говоря о земельном участке как об объекте недвижимости, стоит также отметить, что земельный участок является специфическим объектом недвижимости, тем самым подлежит государственной регистрации.

Специфика данного объекта выражается в том, что земля, трансформируясь в конкретный земельный участок, становится особым видом имущества, так как после преобразования земли в качестве земельного участка, земельный участок не перестает выступать в качестве природного объекта и природного ресурса. В этой связи имущественные отношения на земельный участок не могут регулироваться исключительно гражданским законодательством, так как земельное законодательство устанавливает, как субъектов, которые могут быть собственниками земельного участка, обороноспособность земельного участка, так и порядок его использования.

Рассмотрим более подробно, что собой представляет, право собственности на земельный участок (вещное право). Право собственности вообще так и на земельный участок может, рассматривается в двух аспектах, в объективном и субъективном смысле. Право собственности на земельный участок в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, закреплённых в Конституции, гражданском кодексе, земельном кодексе, и в иных правовых актах, посредством которых регулируются отношения собственности на земельный участок, тем самым устанавливаются способы и пределы осуществления такого права, основания его возникновения, изменения и прекращения. Говоря о праве собственности на земельный участок в субъективном смысле, следует обратить особое внимание на то, что: во-первых, данное право предусматривает возможность иметь в собственности землю, и во-вторых, представляет собой конкретные правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению, принадлежащим ему земельным участком путем совершения в отношении данного участка действий, в рамках строго установленных законом, при этом, не нарушая права и законные интересы других лиц. Обычно в теории и практике земельного права под правом собственности на земельный участок зачастую понимается право собственности в субъективном смысле, о котором собственно и будет идти речь.

Раскрывая субъективное право собственности на землю, стоит отметить, что данное право по большому счету регулируется в наибольшей степени нормами гражданского и земельного права. Однако та совокупность правовых норм, которую содержит Конституция РФ в отношении права частной собственности, также является весьма значимой [12, с. 33]. В этой связи, такие ученые как, В. И. Крусс [15], Н. В. Витрук [11, с. 19.], предлагают разграничивать соответствующие категории, отделяя от права собственности в гражданско-правовом смысле так называемое субъективное конституционное право собственности. При этом содержание конституционного субъективного права собственности трактуется ими шире, чем понятие субъективного гражданского права собственности [19, с. 28]. Придерживаясь данной позиции, Г. А. Гаджиев отмечает, что конституционное право собственности имеет следующие отличия от субъективного гражданского права собственности: 1) моменты возникновения и прекращения субъективного конституционного права не

совпадают с моментами возникновения и прекращения субъективного гражданского права частной собственности; 2) возможность путем компенсации посылить восстановить прежнее положение (в случае, если государство лишило собственника его имущества) [12, с. 34].

Таким образом, раскрыв субъективное право собственности на землю, в силу его специфики, тем самым основываясь на вышеизложенных позициях, можно констатировать о наличии конституционно-правового и гражданско-правового институтов субъективного права собственности на землю.

Определив, сущность и специфику субъективного права собственности на землю, раскроем его содержание. Согласно ст. 209 ГК РФ содержание права собственности составляет классическая триада правомочий как, владение пользование и распоряжение. В этой связи установим особенность каждого такого правомочия. Раскрывая сущность данных категорий, следует подчеркнуть, что такие категории достаточно полно исследованы в научной литературе [23], однако, не смотря на это, в доктрине как земельного, так и гражданского права единой позиции относительно понимания данных институтов не разработано.

Рассматривая такую категорию как «владение земельным участком» можно встретить совершенно разные определения относительно понимания данных институтов. Так, например, А. В. Устинова отмечает, что «право владения – фактическое обладание имуществом» [25, с. 90]. Однако с данным определением невозможно полностью согласиться, так как если имеет место право владения, то такому праву должна корреспондировать юридическая возможность такого владения.

В свою очередь, по мнению З. Г. Юсуповой, «владение земельным участком представляет собой фактическое обладание, господство лица над данным объектом», с такой позицией автора касаясь понимания владения земельным участком мы абсолютно, согласны. А вот что касается понимания «правомочия владения земельным участком» как «основанного на законе, и охраняемая им возможность иметь земельный участок у себя в хозяйстве» [26, с. 49], то такое суждение автора видится на наш взгляд не совсем верным. В свою очередь не целесообразно говорить о правомочии владения как возможности иметь земельный участок у себя в хозяйстве, так как правомочие, связанное с владением земельного участка, возникает лишь после приобретения земельного участка на каком-либо титуле, то есть такое правомочие может возникнуть либо после реализации самого права на землю, либо после приобретения права позволяющего владеть земельным участком.

Как отмечает А. В. Терентьев, «правомочие владения это юридически обеспеченная возможность хозяйственного господства собственника над вещью». При этом речь идет о хозяйственном господстве над вещью, которое вовсе не требует, чтобы собственник находился с ней в непосредственном соприкосновении [24, с. 21]. С таким суждением автора невозможно не согласиться, так как оно максимально полно отражает сущность института владения земельным участком.

Вместе с тем, также необходимо отметить, что владение может быть, как законным, так и не законным, не законное владение также может быть добросовестным и не добросовестным. Таким образом, раскрывая сущность такой категории как «владение земельным участком» целесообразно подчеркнуть, что «право владения» и «владение» земельным участком это разные категории, так как владение земель-

ным участком может быть, и не основано на нормах права (как пример незаконное владение земельным участком). Что касается «правомочия владения» и «право владения» земельным участком то данные понятия можно рассматривать как синонимы, так как указанные права возникают исключительно после приобретения права позволяющего владеть земельным участком.

Следует также подчеркнуть, что владение обеспечивает контроль собственнику за своей земельной, недвижимостью [9, с. 78], следовательно, владение выступает в качестве условия осуществления пользования такой недвижимостью, или как верно отмечается в литературе, извлечения полезных свойств и получения дохода [8]. Таким образом, между правомочием владения имеет место неразрывная связь с правомочием пользования, так как в большинстве случаев для того, чтобы пользоваться имуществом, необходимо иметь его в своем владении. В этой связи определим «правомочие пользования» земельным участком.

Говоря о правомочии пользование, следует подчеркнуть, что именно содержится под данным правомочием. Так, по мнению В. В. Андропова, К. П. Беляева, Б. М. Гонгалю, «право пользования – это обеспеченная законом возможность извлекать из вещи ее полезные свойства» [6, с. 707]. В свою очередь Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева под данным правомочием понимают, «юридически обеспеченную возможность извлечения из вещи полезных свойств, плодов и иных доходов в процессе ее эксплуатации» [4]. Вместе с тем, как отмечают С. С. Алексеев, А. С. Васильев, В. В. Голофаев, «правомочие пользования связано с извлечением из имущества полезных свойств, выгоды, получение доходов» [5]. Содержание вышеуказанных понятий позволяют подчеркнуть, что на современном этапе развития науки как земельного, так и гражданского права, имеет место единый подход относительно понимания правомочия пользования.

Также достаточно целесообразно обратить внимание на мнения других авторов, относительно понимания такой категории как пользование землей, например, Е.Л. Минина, отмечает, что «пользование землей – это возможность извлекать ее полезные свойства: размещать на ней постройки и сооружения, выращивать сельскохозяйственную продукцию и т.д.» [16, с. 105]. На наш взгляд такова позиция недостаточно оправданна, так как если понимать, что пользование землей – это возможность извлекать ее полезные свойства, то в таком случае имеет место отождествление понятий «право пользования землей» и «пользование землей», так как «право пользования» и есть возможность извлекать полезные свойства земли, но не фактическое извлечение полезных свойств. По нашему мнению, пользование землей – это фактическое извлечение полезных свойств земли правомочным лицом (правомерное пользование) либо лицом, не имеющим такого права (не правомерное пользование).

Довольно интересная позиция В. И. Романова, который, под использованием земель понимает, как «активный элемент отношения собственности, владелец пользуется землей, извлекает из нее ее полезные свойства: обрабатывает и возделывает нужные ему культуры, передает в арендное или рентное пользование другому лицу и получает за эту обусловленную договором выгоду» [17, с. 131]. С таким мнением можно, согласится частично, в частности, что касается извлечения полезных свойств земли, то в это части мы абсолютно солидарны с автором, однако, что каса-

ется передачи земли в какое-либо пользование другому лицу, как реализации правомочия пользования, то с таким суждением мы не можем согласиться, так как действия, связанные с передачей в арендное или рентное пользование другому лицу, подпадают под правомочие распоряжения.

Проведенное исследование институтов пользования и права пользования землей позволяет подчеркнуть, что ГК РФ регулирует общественные отношения связанные исключительно с правом пользования землей, однако что касается реализации такого права, то данное право реализуется с помощью норм земельного законодательства, которые непосредственно и устанавливают сам порядок пользования землей, в свое время такой позиции придерживался С. И. Вильянский, который отмечал, что пользование землей находится вне круга отношений регулируемых гражданским правом [10, с. 29]. Таким образом, следует различать понятия «право пользования землей» и «пользование землей», так как непосредственному пользованию землей предшествует право пользования. В свою очередь, бывают случаи, когда непосредственное пользование землей осуществляется без наличия права пользования, однако такое пользование является не правомерным.

Право распоряжения выступает в качестве главенствующего правомочия собственника, так как данное правомочие позволяет разрешить юридическую судьбу земельного участка. Что касается понимания данного правомочия, то под таким правомочием понимается основанное на законе совершение в отношении земельного участка, актов, определяющих его судьбу [18, с. 111], (то есть отчуждать в собственность третьих лиц, передавать в залог, сдавать в аренду и т.п.). При этом следует иметь в виду, что распоряжение землей не всегда означает передачу права собственности на нее (например, передача земельного участка в доверительное управление), такая передача каким-либо образом не повлечет возникновения права собственности у доверительного управляющего. Также следует различать: распоряжение, влекущее передачу права собственности на земельный участок – отчуждение; распоряжение, влекущее передачу права пользования и владения (например, при аренде земельного участка к арендатору переходит только право пользования и владения) [7, с. 304].

Что касается передачи отдельно права пользования и отдельно права владения земельным участком, то в силу того, что земельный участок выступает в качестве особого объекта, то передача таких правомочий по отдельности является не возможной.

Достаточно целесообразно отметить, что правомочие распоряжения граждан и юридических лиц, имеющих землю на праве частной собственности, находится в соответствии с цивилистическим понятием распорядительных сделок, в результате которых происходит отчуждение земли, передача ее в аренду, залог, по наследству и т. д., однако правомочие распоряжения государственной собственностью на землю осуществляется в процессе деятельности государственных органов по управлению землей в форме принятия административного акта предоставления (передачи) земли, определения целевого назначения, условий, формы использования земли [14, с. 106]. В этой связи можно прийти к выводу, что правомочия по распоряжению земельным участком, условно можно разделить на две группы, гражданско-правовые и административно правовые. Однако большинство существующих в доктрине зе-

мельного права определений права распоряжения земельными участками выходят из устоявшегося цивилистического понимания права распоряжения как юридически обеспеченной возможности определять дальнейшую судьбу вещи путем совершения в отношении нее юридических актов.

В свою очередь, помимо традиционного подхода (речь идет о триаде правомочий собственника) к определению содержания права собственности, ряд ученых рассматривает этот вопрос по-другому, тем самым отмечают, что реализация права собственности осуществляется: «своей властью и в своем интересе» (А. В. Венедиктов); «по своему усмотрению» (Д. М. Генкин); «не зависимо от других лиц» (С. М. Корнеев) [18, с. 23-25]. Также, в странах общего права принято считать, что собственник имеет не три правомочия, а одиннадцать [13]. На наш взгляд такая тенденция расширения правомочий является не совсем оправданной, так как, указанные выше правомочия фактически являются составными традиционных правомочий собственника, а в некоторых случаях собственно и вытекают из классических правомочий.

На основе вышеприведенного целесообразно отметить, что классическая триада правомочий позволяет собственнику, совершать в отношении земельного участка следующие действия, закрепленные ст. 40 ЗК РФ, а именно: 1) использовать в установленном порядке для собственных нужд имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, пресные подземные воды, а также пруды, обводненные карьеры в соответствии с законодательством Российской Федерации; 2) возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов; 3) проводить в соответствии с разрешенным использованием оросительные, осушительные, культурно-технические и другие мелиоративные работы, строить пруды (в том числе образованные водоподпорными сооружениями на водотоках) и иные водные объекты в соответствии с установленными законодательством экологическими, строительными, санитарно-гигиеническими и иными специальными требованиями; 4) осуществлять другие права на использование земельного участка, предусмотренные законодательством [3].

Таким образом, вышеуказанное позволяет подчеркнуть, что права собственников не имеют полной свободы относительно использования земельного участка по своему усмотрению. В тоже время действующее законодательство позволяет собственнику совершать любые действия в отношении земельного участка при условии, что такие действия не будут нарушать права третьих лиц, причинять вред окружающей природной среде, а также противоречить законодательным нормам.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014г. №11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – №31. – Ст. 4398.
2. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952г. № 009 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001г. №136-ФЗ (ред. от 25.12.2018г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147

4. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. М. – 2010.
5. Алексеев С.С., Васильев А.С., Голофаев В.В. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / под ред. С.А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Екатеринбург. – 2009.
6. Андропов В. В., Беляев К. П., Гонгалло Б. М. и др. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М. – 2012. – 1326 с.
7. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Гражданское право России / под общ. ред. А.Я. Рыженкова. М., 2012. С. 304.
8. Ахметьянова З. А. К вопросу о содержании права собственности // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции России): междунар. Науч.-практ. конф. (Саратов, 1–3 октября 2003 г.): в 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.И. Демидова, В.Т. Кабышева. Саратов, 2003. С. 184 – 185.
9. Бочаров Н. Н. Правовой режим земельного участка как объекта права собственности граждан: дис. канд. юрид. наук, Рязань. – 2014.
10. Вильянский С. И. В украинском юридическом обществе / Вестник советской юстиции. – 1923г. – № 8. – С. 29.
11. Витрук Н. В. Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Киев. – 1965.
12. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 30-41.
13. Гуревський В. К. Право приватної власності громадян України на землі сільськогосподарського призначення: [монографія] / В.К. Гуревський. Одеса: Астропринт. – 2000. – 136 с.
14. Ковалева И. С. Особенности возникновения и реализации прав на землю: дис. канд. юрид. наук. М. – 2008.
15. Крусс В. И. Концепция конституционного правоупотребления (право на предпринимательскую деятельность): Дис. ... докт. юрид. наук. М. 2004.
16. Минина Е.Л. и др. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017. – 784 с.
17. Романов В. И. Право собственности на землю в России: понятие, содержание, история становления //Марийский юридический вестник. – 2005. – № 4. – С.123-132.
18. Сарьян Е. Р. Вещные права на землю и их государственная регистрация: На примере Московской области: дис. канд. юрид. наук. М. – 2005.
19. Саурин А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. М.: Статут. – 2014. – С. 28.
20. Склоцкий К. И. Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие. 5-е изд., перераб. М. – 2010.
21. Становление гражданского общества в России. Правовой аспект / под ред. О.И. Цыбулевской. 3-е изд., перераб. Саратов. –2005. – С. 90–93.
22. Суханов Е. А. Право собственности в Гражданском кодексе / Закон. – 1995. – №11. – С. 23-25.
23. Тархов В. А., Рыбаков В. А. Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М. – 2007. – С. 119 – 143.
24. Терентьев А. В. Курс лекций по учебной дисциплине «Право собственности и другие вещные права на землю»: учебно-теоретическое издание, для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр»). – СПб.: СПбГАУ. – 2016. – 127 с.
25. Устинова А. В. Гражданское право: учебник. – Москва: Проспект. – 2016. – 496 с.
26. Юсупова, З. Г. Земельное право: учеб. пособие / З. Г. Юсупова; Институт экономики, управления и права. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права. – 2014. – 224 с.

Alimov Z. Content of property rights on the earth of recreational assignment in the context of subjective and objective right // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 241-248.

This work reveals the content and features of the right of ownership of land for recreational purposes in the context of subjective and objective rights. The work describes in detail each of the elements of the institution of land ownership, at the same time gives a detailed description of such elements, which allows to study the content of the institution of land ownership of recreational purposes in detail. Of great importance is this study, both for the science of land law, and in the study and academic discipline of land law. The disclosure of the content of the right of ownership to the lands of recreational purpose allows us to establish a kind of boundary within which the owner is entitled to influence both the actual and the legal fate of the land plot. The study of theoretical aspects, the ownership of land for recreational purposes contributes to the implementation of further research in this area.

Keywords: recreational land, land, property, right of ownership, right of use, right of ownership, right of disposal.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993g.) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008g. №6-FKZ, ot 30.12.2008g. №7-FKZ, ot 05.02.2014g. №2-FKZ, ot 21.07.2014g. №11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2014. – №31. – St. 4398.
2. Protokol № 1 k Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 20.03.1952g. № 009 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1998. – № 20. – St. 2143.
3. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001g. №136-FZ (red. ot 25.12.2018g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 44. – St. 4147
4. Abramova E. N., Averchenko N. N., Bajgusheva YU. V. i dr. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' pervaya: uchebno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) / pod red. A.P. Sergeeva. M. – 2010.
5. Alekseev S.S., Vasil'ev A.S., Golofaev V.V. i dr. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij). CHasti pervaya, vtoraya, tret'ya, chetvertaya (postatejnyj) / pod red. S.A. Stepanova. 2-e izd., pererab. i dop. M.; Ekaterinburg. – 2009.
6. Andropov V. V., Belyaev K. P., Gongalo B.M. i dr. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj / pod red. P.V. Krashennnikova. M. – 2012. – 1326 s.
7. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. YA., CHarkin S. A. Grazhdanskoe pravo Rossii / pod obshch. red. A.YA. Ryzhenkova. M., 2012. S. 304.
8. Ahmet'yanova Z. A. K voprosu o sodержanii prava sobstvennosti // Konstituciya Rossijskoj Federacii i sovremennoe zakonodatel'stvo: problemy realizacii i tendencii razvitiya (k 10-letiyu Konstitucii Rossii): mezhdunar. Nauch.-prakt. konf. (Saratov, 1–3 oktyabrya 2003 g.): v 3 ch. CH. 1 / pod red. A.I. Demidova, V.T. Kabysheva. Saratov, 2003. S. 184 – 185.
9. Bocharov N. N. Pravovoj rezhim zemel'nogo uchastka kak ob'ekta prava sobstvennosti grazhdan: dis. kand. jurid. nauk, Ryazan'. – 2014.
10. Vil'janskij S.I. V ukrainskom juridicheskom obshchestve / Vestnik sovetskoj yusticii. – 1923g. – № 8. – S. 29.
11. Vitruk N.V. Sub"ektivnye prava sovetskih grazhdan i ih razvitie v period stroitel'stva kommunisticheskogo obshchestva: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. Kiev. – 1965.
12. Gadzhiev G. A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo prava sobstvennosti // ZHurnal rossijskogo prava. – 2006. – № 12. – S. 30 - 41.
13. Gurevskij V. K. Pravo privatnoj vlasnosti gromadyan Ukraïni na zemli sil'skogospodars'kogo priznachennya: [monografiya] / V.K. Gurevskij. Odesa: Astroprint. – 2000. – 136 s.
14. Kovaleva I. S. Osobennosti vozniknoveniya i realizacii prav na zemlyu: dis. kand. jurid. nauk. M. – 2008.
15. Kruss V. I. koncepciya konstitucionnogo pravopol'zovaniya (pravo na predprinimatel'skuyu deyatel'nost'): Dis. ... dokt. jurid. nauk. M. 2004.
16. Minina E. L. i dr. Kommentarij k Zemel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod red. S. A. Bogolyubova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2017. – 784 s.
17. Romanov V.I. Pravo sobstvennosti na zemlyu v Rossii: ponyatie, sodержanie, istoriya stanovleniya // Marijskij juridicheskij vestnik. – 2005. – № 4. – S.123-132.
18. Sa'ryan E. R. Veshchnye prava na zemlyu i ih gosudarstvennaya registraciya: Na primere Moskovskoj oblasti: dis. kand. jurid. nauk. M. – 2005.
19. Saurin A.A. Pravo sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye predely realizacii i ogranicheniya. M.: Statut. – 2014. – S. 28.
20. Sklovskij K. I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave: uchebno-prakticheskoe posobie. 5-e izd., pererab. M. – 2010.
21. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Pravovoj aspekt / pod red. O.I. Cybulevskoj. 3-e izd., pererab. Saratov. – 2005. – S. 90–93.
22. Suhanov E. A. Pravo sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse / Zakon. – 1995. – №11. – S. 23-25.
23. Tarhov V. A., Rybakov V. A. Sobstvennost' i pravo sobstvennosti. 3-e izd., dop. M. – 2007. – S.119–143.
24. Terent'ev A. V. Kurs lekcij po uchebnoj discipline «Pravo sobstvennosti i drugie veshchnye prava na zemlyu»: uchebno-teoreticheskoe izdanie, dlya obuchayushchihysya po napravleniyu podgotovki 40.03.01 «YUrisprudenciya» (kvalifikaciya (stepen') «bakalavr»). – SPb.: SPbGAU. – 2016. – 127 s.
25. Ustinova A. V. Grazhdanskoe pravo : uchebnik. – Moskva: Prospekt. – 2016. – 496 s.
26. YUsupova, 3. G. Zemel'noe pravo: ucheb. posobie / 3. G. YUsupova; Institut ehkonomiki, upravleniya i prava. Kazan' : Izd-vo «Poznanie» Instituta ehkonomiki, upravleniya i prava. – 2014. – 224 s.

УДК 342.519

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНИИ

Казарян К. В.

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В содержании статьи рассматриваются особенности государственно-правового регулирования миграционной деятельности в Германии. Рассматривается как европейское, так и немецкое миграционное законодательство. Исследуются немецкий опыт содействие внешней трудовой миграции с учетом применения селективного подхода при привлечении мигрантов по различным критериям (возраст, квалификация, профессиональный опыт, знание языка). Автором проанализирована деятельность федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих те или иные миграционные функции в Германии.

Автором исследуется институционально-правовое обеспечение миграционной деятельности в Германии, которая представлена системой органов, регулирующих миграционные процессы.

В статье проводится анализ немецкого миграционного законодательства с учетом проводимой миграционной политики в настоящее время. Автор приходит к выводу, что настоящее время миграционная деятельность Германии модернизируется, путем разработки миграционного законодательства по канадскому образцу, который направлен на достижения прозрачности установленных критериев и процедур, с установлением ежегодных квот на мигрантов, в зависимости от набранных баллов. Также либерализируется законодательство в отношении воссоединении семей беженцев с ограниченной степенью защиты.

Ключевые слова: миграция, демография, миграционная деятельность, иммиграционная политика Европейского союза, свобода передвижения, иммигрант, беженец, миграционное законодательство, государственные структуры.

Миграционный кризис в Европе характеризуется значительным увеличением потока нелегальных иммигрантов из регионов Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии в страны Европейского союза, а также неготовностью ЕС к сдерживанию и эффективному распределению указанного потока. Реальные последствия этого кризиса, который не имеет четких временных рамок, пока не проявились в полной мере. Однако уже сейчас можно говорить, что он неизбежно ведет к изменению миграционного, визового законодательства ЕС, законодательства о предоставлении убежища, законодательства о границах [1].

В большинстве случаев миграционное законодательство зарубежных стран можно разделить на две основные группы, а именно те страны, в законодательных нормах которых преобладающим вектором является дефиниция «иммигрант» и деятельность государства направлена на активное привлечение иммиграционных потоков (например, США и Канада); а также страны, в которых законодательством, предусмотрено преобладающим понятие "иностранец", что определяет направленность политики данных государств главным образом на временную миграцию населения (например, ФРГ и Швеция) [2. с. 28-32] .

В последнее время в западной литературе, (в частности в исследованиях Вебера, Валлерстайна и Бурдье), ставится вопрос об экономической целесообразности ми-

грантов, о том, необходимы ли различные интеграционные программы для поддержания их идентичности в европейском обществе. Данные проблемы отразились на современной иммиграционной политике большинства европейских государств, что не всегда имеет положительный результат, хотя изначальная цель такой политики являлась создание и поддержание мигрантов, сохранение их этнической идентичности в целях укрепления и наращивания среднего класса принимающих стран [4].

Таким образом, наблюдаем, что в настоящее время миграционная политика становится все более ограничительной. Приведём данные отчета Организация экономического сотрудничества и развития (далее-ОЭСР) в 2015 году, «ряд стран коренным образом пересмотрели свое миграционное законодательство в ответ на ... меняющуюся политическую среду [более консервативную и правую склонность]». Действительно, ограничительная тенденция, согласно докладу, может быть оценена по пяти рубрикам: «(1) квалифицированные рабочие все еще хотят, но страны выбирают их более выборочно, (2) ищут инвесторов и предпринимателей, но все чаще изучаются, (3) некоторые семейные иммиграционные процедуры ослабевают, но общая тенденция по-прежнему направлена на ограничение; (4) были приняты новые меры в ответ на гуманитарный кризис в Средиземноморском регионе и (5) меры по укреплению пограничного контроля, поощрение добровольных были реализованы возвращения и борьба с незаконной занятостью иностранных рабочих» [4].

Программы по привлечению иностранных рабочих в Германии стали проводиться со второй половины 1950-х гг.

Нормативно правовое регулирование миграционной деятельности в Германии представлено как немецким законодательством, так и европейским.

Принципиально важное значение для ФРГ имеют также и законодательные акты Европейского союза (акты Еврокомиссии и Европарламента) в сфере миграции и директивы, в частности Директива об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы от 25 мая 2009 г., Директива «Об установлении минимальных стандартов в отношении санкций и мер к работодателям незаконно пребывающих граждан третьих стран» от 18 июня 2009 г., регулирующие миграционные перемещения, а также акты федеральных ведомств, ответственных за разработку и реализацию миграционной политики в ФРГ

Институционально-правовое обеспечение миграционной деятельности в Германии представлено системой органов, регулирующих миграционные процессы.

В немецкую систему организационных структур, деятельность которых так или иначе связана с миграцией, входят: федеральный парламент ФРГ, состоящий из двух палат - бундестага и бундесрата, и федеральное правительство страны [12] и начавшие продуктивную работу в области миграционной политики, Федеральное министерство внутренних дел, Федеральная служба по миграции и проблемам беженцев при МВД Германии, Федеральная полиция, Федеральное ведомство по охране Конституции ФРГ (БФФ), Министерство иностранных дел, Федеральное министерство труда и социальных вопросов (BMAS), Уполномоченный федерального правительства по вопросам миграции, беженцев и интеграции, Федеральное министерство по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи, Федеральный уполномоченный по делам репатриантов, Совет по вопросам репатриации и, наконец, на уровне территориальных структурных образований - земельные ведомства по делам иностранцев. Также необходимо, отметить, трудовую инспекцию, дея-

тельность которой направлена на соблюдение законности при привлечении и использовании рабочей силы в стране пребывания. В случае выявления нарушения норм законодательства в стране пребывания к указанным лицам, как работникам, так и работодателям, могут быть применены меры административной и уголовной ответственности [13, с.16].

Коренной пересмотр иммиграционной политики ФРГ связан с принятием в 2004 г. Закона «Об иммиграции» (*Zuwanderungsgesetz*), вступившего в силу 1 января 2005 г. На основании данного Закона функции по реализации миграционной политики централизованы и переданы в ведение Федеральной службы миграции и проблем беженцев (*Federal Office for Migration and Refugees*) [14, с. 217].

Федеральная служба миграции и проблем беженцев организует курсы по интеграции иностранных граждан по таким направлениям, как: язык, правопорядок, культура и история ФРГ.

В этой связи заметим, что в российское законодательство введена аналогичная норма, направленная на создание условий для адаптации трудящихся-мигрантов в России. Так, с 1 января 2015 г. трудящиеся-мигранты должны (если иное не установлено международным договором) подтвердить знание ими русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации [15] при обращении за получением разрешения на работу или патента. Исключение сделано, например, для высококвалифицированных специалистов и иностранных студентов, обучающихся по очной форме.

Федеральное министерство внутренних дел (*Federal Ministry of the Interior*) ответственно за разработку стратегии иммиграционной политики, координацию исполнений миграционного законодательства. Кроме того, это Министерство занимается выдачей разрешений на пребывание, рассматривает заявления на предоставление гражданства, принимает решения о возможных депортациях. В подчинении Министерства находится Федеральная пограничная служба (*Border Guard*) и Федеральное агентство по делам беженцев (*Federal Agency for the Recognition of Foreign Refugees*).

Федеральное министерство иностранных дел (*Federal Ministry of Foreign Affairs*) через посольства и консульства Германии за рубежом осуществляет рассмотрение заявлений иностранных граждан на выдачу въездных виз.

Федеральное министерство труда и социальных дел (*Federal Ministry of Labor and Social Affairs*) отвечает за интеграцию иностранных граждан, в том числе интеграцию и реинтеграцию временных иностранных работников в Германии, разрабатывает т.н. мониторинг работ для определения профессий, сфер и регионов, в которых можно ожидать нехватки трудовых ресурсов.

Федеральное ведомство по труду, г. Нюрнберг (*Federal Labor Office, Nurnberg*), осуществляет контроль за выполнением Закона о содействии занятости, регулирование допуска иностранной рабочей силы на рынок труда, а также выдачу разрешений на работу и принятие санкций к работодателям за незаконное использование иностранной рабочей силы. Через Центральное бюро по труду, г. Франкфурт-на-Майне (*Central Labor Office, Frankfurt*), и региональные службы занятости (*State Employment Agencies*) реализует государственные программы в области трудовой миграции [16, с. 57].

В ФРГ все граждане обязаны регистрироваться в соответствии с законом, но существует большое количество неофициальных иммигрантов в стране. Кроме того, несмотря на обязательную регистрацию для граждан, в ФРГ в каждой земле города и муниципалитеты фактически самостоятельно осуществляют процесс регистрации граждан.

Пребывание граждан стран – членов ЕС в Германии определяется Законом «О праве свободного передвижения и повсеместного проживания граждан стран - членов Союза» (FreizbgG/EU), определяющим порядок пребывания в стране. Граждане стран ЕС пользуются свободой въезда в Германию и могут работать без разрешения на трудовую деятельность, однако им необходимо регистрироваться по месту пребывания и получать в административном порядке свидетельство о праве пребывания.

В ФРГ осуществляется содействие внешней трудовой миграции с учетом селекции мигрантов по таким критериям, как: возраст, квалификация, профессиональный опыт, знание языка. Данное обстоятельство связано с тем, что существует острая необходимость в привлечении мигрантов.

Федеральное министерство труда и социальных вопросов ФРГ указала на высокую потребность в привлечении мигрантов, однако здесь статистические данные разнятся. Согласно прогнозируемому демографическому изменению, к 2021 году лишь благодаря 300 000 иммигрантам возможно остановить сокращение рабочей силы. В тоже время, было подсчитано, что по прогнозам экспертов в ФРГ придут к 2021 году от 100 000 до 200 000. По другим данным, только 270 000 иммигрантов необходимы для удовлетворения потребностей рабочей силы. Согласно Хаугу, чистая иммиграция должна составлять 400 000 – 530 000 человек, чтобы достичь стабильности в части наличия рабочей силы [17]. В ФРГ в 2011 году 15,96 миллиона мигрантов приходилось 19,6% населения, причем 6,9 млн. из них были не гражданами с миграционной биографией и 6,1 млн. граждан ФРГ [17].

Из документа на сайте Бундестага можно узнать и общую величину расходов на беженцев с 2016 по 2021 год. Итак, всего за данный период ФРГ потратит «на беженцев» 110,14 млрд. евро. Цифра, конечно, немалая: например, весь федеральный бюджет республики-2018 — 337,5 млрд евро; иными словами, за шестилетку на обустройство мигрантов предполагается пустить почти треть данной суммы. Впрочем, поскольку сейчас прошло не больше половины этого хронологического отрезка, итоговые затраты могут отличаться от прогнозируемых (в любую сторону).

Проект бюджета ФРГ

Направления	Планируемый бюджет					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
	6,54	6,86	6,55	6,43	6,27	6,18
Борьба с причинами появления беженцев	1,14	1,02	1,02	1	1,02	1,02
Приём, учёт и временное размещение в ходе принятия решения о предостав-	1,80	3,11	3,72	3,80	3,76	3,15

лении [политического] убежища						
Обеспечение интеграции	1,71	2,68	3,29	4,14	4,31	4,48
Социальные выплаты после предоставления [политического] убежища	9,26	6,78	6,81	1,72	0,45	0,12
Компенсация расходов [федеральных] земель и коммун	20,45	20,45	21,39	17,09	15,82	14,94

Высококвалифицированные специалисты, такие, как ученые с уникальными знаниями, руководители с особым профессиональным опытом и минимальным годовым заработком в 66 тыс. евро, могут незамедлительно получить разрешение на постоянное проживание в ФРГ. В 2005 г. были введены, а в 2009 г. усовершенствованы правила, облегчившие получение разрешения на проживание квалифицированным работникам.

В июне 2011 г. Федеральное правительство вместе с ассоциациями работодателей и профсоюзами опубликовало Совместное заявление о защите квалифицированного труда в ФРГ. Оно ставит в приоритет более полное использование внутренних трудовых ресурсов. Одновременно необходимой признается квалифицированная иммиграция. Целью является обеспечение большего числа квалифицированных иностранных работников для германской экономики и создание правовой базы для привлечения на рынок труда иностранных студентов, обучавшихся в ФРГ.

Согласно новому Закону «О пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан на территории Германии» число предоставляемых в Германии разрешений на пребывание сокращено до 2: разрешение на временное пребывание (§ 7 AufenthG); разрешение на постоянное проживание (§ 9 AufenthG).

В соответствии с указанным Законом высококвалифицированные специалисты могут сразу получить разрешение на постоянное проживание, члены семьи, въезжающие в ФРГ вместе с такими лицами, соответственно, имеют право на трудовую деятельность в стране.

С 2009 г. сезонные рабочие из третьих государств получили возможность наниматься на срок до 6 месяцев в календарном году в определенных секторах экономики: сельском и лесном хозяйстве, гостиничном и ресторанном обслуживании, обработке фруктов и овощей. Компании имеют право нанимать сезонных рабочих на протяжении 8 месяцев в календарном году. Предварительным условием найма сезонных рабочих должно быть то, что для выполнения определенных работ не находится граждан Германии или иностранных граждан с равным им статусом. Для этого Федеральное ведомство по труду проводит исследование рынка труда. Будущий работодатель должен представить трудовой договор в Федеральное ведомство по труду и подтвердить наличие жилья для рабочих, при привлечении сезонных рабочих должны выплачиваться взносы социального страхования.

В настоящее время миграционная деятельность ФРГ модернизируется. В частности, социал-демократическая партия ФРГ в настоящее время разработала

свой вариант миграционного закона, который ориентируется на канадскую модель, который направлен на достижения прозрачности установленных критериев и процедур. Согласно ему, в ФРГ должна существовать ежегодная квота на мигрантов. Решающую роль при выдаче виз будут играть баллы, которые начисляются за знание немецкого языка, образование, опыт работы и наличие родственников в ФРГ. Согласно этой модели, теоретически мигранты могут попасть в страну, не имея конкретного предложения рабочего места. Хотя противники, считают, что миграция в Германию возможна только при наличии рабочего места.

Одновременно в 2018 году германский бундестаг принял спорный закон о воссоединении семей беженцев с ограниченной степенью защиты. В поддержку этого документа 15 июня 2018 г., проголосовали 370 депутатов, 279 были против и еще трое воздержались.

Согласно принятому закону, с 1 августа 2018 г. в ФРГ смогут ежемесячно въезжать в рамках воссоединения семей не более одной тысячи человек. Решающее значение будут иметь гуманитарные факторы. Разрешение будут получать в первую очередь давно разлученные супруги, несовершеннолетние дети, тяжело больные, инвалиды и родственники, чья жизнь или свобода находятся под угрозой. Отбор кандидатов на воссоединение будет производить Федеральное административное ведомство (Bundesverwaltungsamt). В первые пять месяцев действия нового закона неизрасходованный за один месяц контингент кандидатов на воссоединение семей может переноситься на следующий месяц.

Альтернативные законопроекты, направленные на отложения воссоединение семей беженцев с ограниченной степенью защиты еще на два года не набрали большинства голосов, а также на незамедлительно снятие всех ограничений на воссоединение семей таких мигрантов [18].

Изучение и внедрение в миграционную деятельность российских правоохранительных органов немецкого опыта по правовому регулированию незаконной миграции будет способствовать повышению эффективности противодействия нелегальной миграции в России и, как следствие, сокращению количества незаконных мигрантов и как следствие уменьшению противоправных деяний.

Список литературы:

1. Войников В. В. Реформирование законодательства Европейского союза о границах в свете миграционного кризиса в Европе // Труды Института государства и права РАН". 2017. N 1.
2. Елисеев А.В., Дорошенко О.М. Актуальные проблемы применения административно-правовых мер противодействия незаконной миграции в зарубежных странах // Миграционное право. 2018. N 1. С. 28 - 32.
3. Vacci Massimo Livi Does Europe need mass immigration? // Конференция: 9th AFD-World Bank Migration and Development Conference, European Univ Inst, Migrat Policy Ctr, Fiesole, ITALY, JUN, 2016
4. Journal of Economic Geography Том: 18 Выпуск: 4. Специальный выпуск: SI. JUL 2018 P.: 695-703.
5. Kersting, N Migration and Integration in German Cities.//Croatian and comparative public administration. Jun 2018 T. 18 P. 201-222.
6. Малышев Е.А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции: теория и практика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 140.
7. Statistisches Bundesamt (2015). Bevölkerung Deutschlands bis 2060, April 2015. 13. Koordinierte Bevölkerungsvorausberechnung [German population until 2060, April 2015. 13. Coordinated population projection] [Report]. Wiesbaden, Germany: Federal Statistics Office.
8. Elrick, Jennifer; Winter, Elke Managing the National Status Group: Immigration Policy in Germany International migration. Том: 56 Выпуск: 4. AUG 2018, P 19-32

9. BVerfG, Beschl. 12.05.1987 - 2 BvR 1226/83 (Familien-nachzug) - E 76, 1 (47); Urt. v. 10.03.1981 - 1 BvR 92/71 (Gondelbahn) - E 56, 254 (258).
10. Lieber H., Iwers S.J., Ernst M. Kommentar zur Verfassung des Landes Brandenburg. 2003. S. 78. Gropf Ch. Staatsrecht I. München: C.H. Beck, 2012.
11. Орешина Н.И. Административно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.15
12. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003. С.217.
13. Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. N 74-ФЗ (в ред. от 23.06.2014) "О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2014. N 16. Ст. 1831.
14. Карачурина Л.Б. Иммиграционная политика Германии: успешный - неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. N 7. С. 57.
15. Haug, S. (2017). Migration und migrationsbedingte Veränderungen der Bevölkerungsstruktur in Deutschland. Befunde, Prognosen und Herausforderungen [Migration and migration-related changes in the population structure in Germany: Findings, predictions and challenges]. In T. Mayer (Ed.), Die transformative Macht der Demografie [Transformational power of demography] (pp. 257–278). Wiesbaden, Germany: Springer VS.
16. <https://korrespondent.net/world/3981029-v-hermanyyu-prynialy-sporny-zakon-o-vossoedynenyu-semeibezhentssev>.

Kazaryan K.V. State and legal regulation of migration activity in Germany // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 249-256.

In contents of article features of state and legal regulation of migration activity in Germany are considered. Both the European, and German migration legislation is analyzed.

German experience of assistance the external labor force, taking into account a selective approach of involvement of migrants under afferent of criteria (age, qualification, professional experience, knowledge of language) is investigated in the paper.

The author has analysed activity of the federal executive authorities, which are carrying out these or those migration functions in Germany.

There institutional legal support of migration activity in Germany, which is presented by the system of the bodies regulating migration processes, is put under investigation.

Analysis of the German migration legislation taking into account, the pursued migration policy which is carried out now. The author comes to a conclusion that the present migration activity of Germany is modernized, by development of the migration legislation on the Canadian sample which is directed by achievements of transparency of the established criteria and procedures, with establishment of annual quotas for migrants, depending on the gained points. Also the legislation in the relation reunion of families of refugees with limited degree of protection is liberalized.

Keywords: migration, demography, migration activity, immigration policy of the European Union, freedom of movement, immigrant, refugee, migration legislation, government institutions.

Spisok literaturi:

1. Voinikov V. V. the Reform of European Union legislation on the boundaries in the light of the migration crisis in Europe.//Proceedings of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences". 2017. N 1
2. Eliseev, A.V., Doroshenko O. M. Actual problems of application of administrative-legal measures of counteraction to illegal migration in foreign countries // Migration law. 2018. N 1. P.32.
3. Massimo Livi Bacci Does Europe need mass immigration?//Conference: 9th AFD-World Bank Migration and Development Conference, European Univ Inst, Migrat Policy Ctr, Fiesole, ITALY, JUN, 2016
4. Journal of Economic Geography Volume: 18 Issue: 4 Special issue: SI. FEB 2018 P.: 695-703
5. Kersting, N. Migration and Integration in German Cities.//Croatian and comparative public administration. Jun 2018 T. 18 P. 201-222
6. Malyshev E. A. State control in the sphere of external labor migration: theory and practice: monograph. M.: Yustitsinform, 2017. S. 140.
7. Statistisches Bundesamt (2015). Bevölkerung Deutschlands bis 2060, April 2015. 13. Koordinierte Bevölkerungsvorausberechnung [German population until 2060, April 2015. 13. Coordinated population projection] [Report]. Wiesbaden, Germany: Federal Statistics Office.
8. Elrick, Jennifer; Winter, Elke Managing the National Status Group: Immigration Policy in Germany
9. International migration Т.: 56 Выпуск: 4. AUG 2018 P. 19-32
10. BVerfG, Beschl. 12.05.1987 - 2 BvR 1226/83 (Familien-nachzug) - E 76, 1 (47); Urt. v. 10.03.1981 - 1 BvR 92/71 (Gondelbahn) - E 56, 254 (258).

11. Lieber H., Iwers S.J., Ernst M. Kommentar zur Verfassung des Landes Brandenburg. 2003. S. 78. Gropl Ch. Staatsrecht I. Munchen: C.H. Beck, 2012.
12. Question N.And. Administrative and legal regulation of counteraction to illegal migration in foreign countries: Dis. kand. the faculty of law. Sciences. M., 2010. With.15
13. Denisenko M. B., Kharaeva O. A., Chudinovskikh O. S. Immigration policy in the Russian Federation and the countries of the West. M., 2003. P. 217.
14. Federal law of April 20, 2014 N 74-FZ (as amended on 23.06.2014) "On amendments to the Federal law "On legal status of foreign citizens in the Russian Federation" // collected legislation of the Russian Federation. 2014. N 16. P. 1831.
15. Karachurina L. B. Immigration policy of Germany: successful - unsuccessful experience // World economy and international relations. 2008. N 7. P. 57.
16. Haug, S. (2017). Migration und migrationsbedingte Veränderungen der Bevölkerungsstruktur in Deutschland. Befunde, Prognosen und Herausforderungen [Migration and migration-related changes in the population structure in Germany: Findings, predictions and challenges]. In T. Mayer (Ed.), Die transformative Macht der Demografie [Transformational power of demography] (pp. 257–278). Wiesbaden, Germany: Springer VS
17. <https://korrespondent.net/world/3981029-v-hermany-prynialy-sporny-zakon-o-voossoedynenyy-semei-bezhentse>

УДК: 346.52

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ПРИНЦИПА ФИДУЦИАРНОСТИ

Колиева А. Э.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»

В данной статье рассматривается корпоративное управление и его совершенствование благодаря фидуциарным принципам. Изучаются властные полномочия собственника. Характеризуется механизм их проявления. Рассматривается взаимозависимость качественной работы органа управления с решением насущных задач компании. Рассматривается сформированная Конституционным Судом фидуциарная природа отношений в компании. Отмечается взаимозависимость показателей результатов деятельности с качественным управлением компанией. Изучаются важные составляющие фидуциарных обязанностей. Оценены составляющие, которые способствуют стабилизации корпоративных отношений. Обозначается сложность понимания фидуциарного права. Указывается, как фидуциарный характер отношений влияет на возникновение конфликтов. Изучается сложность фидуциарного права. Рассматривается разработанность в трудах ученых представления о понятии фидуции. Дается пояснение, относительно того, чем являются фидуциарные обязанности. Характеризуется механизм взыскания убытков собственником. Описываются задачи лиц, обладающих фидуциарными обязанностями. Формируется модель добросовестности и разумности поведения (фидуциарных обязанностей) органа управления. Указывается цель, выполняемая фидуциарными принципами. Рассматривается бездействие органа управления и его последствия. Изучаются условия, при которых необходимо считать доказанной неразумность действий (бездействия) органа управления. Описываются материально-правовые требования компании (ее собственников) о взыскании убытков с руководителя. Характеризуются фидуциарные обязанности собственника. Указываются критерии привлечения собственника к гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности; фидуциарные принципы; корпоративное управление; собственник; властные полномочия; орган управления; экономическая деятельность; руководитель; директор; фидуциарное право.

При создании коммерческой организации, собственниками (акционерами), определяется самостоятельная экономическая стратегия, точное направление в развитии бизнеса, при этом активно начинает использоваться имущество. Собственник наделен властными правомочиями, особенно этот показатель начинает проявляться, когда дело доходит до принятия решений в сфере бизнеса [1, с. 45-47]. И собственник вправе для достижения наибольшей эффективности экономической деятельности и точного использования имущества (активов) самостоятельно и под свою ответственность назначать руководителя, которому доверит управление новой организацией, принадлежащим собственнику имуществом, при этом имуществу будет обеспечена целостность и сохранность. И когда новоиспеченный руководитель начнет выступать от имени организации, он должен представлять только интересы организации и действовать добросовестно и разумно, согласно пункту 3 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [2]. От качественной работы органа управления во многом будет зависеть соответствие результатов деятельности организации целям, для которых она создавалась, сохранность ее имуще-

ства, а зачастую и само существование организации [3, с. 15-18]. Руководитель наделяется определенными полномочиями по управлению активами, и предъявляемые к нему в связи с этим требования предполагают в качестве одного из необходимых условий успешного сотрудничества собственника с лицом, управляющим его имуществом, наличие доверительности в отношениях между ними (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.03.2005 № 3-П.). При этом, собственник оставляет за собой контрольные функции.

Конституционным Судом была сформулирована фидуциарная природа отношений в компании между собственниками и менеджментом (советом директоров). И основополагающим критерием достижения экономической эффективности деятельности компании было определено командное сотрудничество на основе принципа фидуции [4, с. 34-36].

Собственник в полной мере может передать руководству не только фидуциарные обязанности должной заботливости, осмотрительности, лояльности, но и право принимать решения в сфере бизнеса по своему усмотрению. Стоит отметить, что от качественного управления компанией, могут меняться показатели результатов её деятельности, и поставленные цели руководством должны реализовываться (Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2013 № 33-АПГ13-1). Основной целью компании является достижение корпоративного блага, это может выражаться в приросте прибыли, более улучшенном качестве корпоративного управления и повышенной инвестиционной привлекательности.

При принятии управленческих решений руководитель полностью защищен правилом бизнес-решения (Business Judgment Rule), которое сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации. Орган управления может обладать самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений, в том числе по вопросу определения приоритетных направлений деятельности компании. Суды, при осуществлении контроля за управленческими решениями, не могут оценить экономическую цель принятого решения, так как в силу рискованного характера предпринимательской деятельности руководитель может совершить деловые ошибки и просчеты (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П.).

Совет директоров, менеджмент может быть наделен не только фидуциарными обязанностями и обширной управленческой дискрецией, но и в полной мере защищен от возможных столкновений интересов, со стороны собственников в отношении совершения разных сделок в будущем. Стоит отметить, что природа фидуциарных обязанностей обладает несколькими важными моментами, такими как управленческая дискреция и контрольная функция [5, с.12-13].

Обращаясь к практике, учеными правоведами было отмечено, что фидуциарный характер отношений между разными участниками компании, в том числе, между собственниками, препятствует возникновению конфликтов. Так как собственники получают достоверную информацию о любой сделке, а также о ситуации в компании, что стабилизирует корпоративные отношения и не допускает разрушения «акционерной стоимости» компании.

Но при этом ряд авторов описывают фидуциарную обязанность как неуловимое понятие. Отмечалось, что фидуциарное право является наименее понятным из большого разнообразия юридических конструкций.

В своих статьях Рибштейн [6, р. 212] попытался систематизировать понятие фидуции применительно к корпоративному управлению. Фидуциарная обязанность является следствием управленческой дискреции, которая делегируется от собственников к менеджменту (совету директоров). При этом последние наделяются обязанностями должной осмотрительности, лояльности. Рибштейн попытался очертить определенный круг обязанностей между ее участниками. Кроме того, он отметил, что фидуциарные особенности базируются на договорных отношениях между собственниками и руководством компании.

Рибштейн построил свою теорию фидуциарного права на парадигме отношений, в которых собственник делегирует управленческую власть совету директоров и получает часть активов после их продажи. Фидуциарные отношения представляют собой подмножество экономических агентских отношений, в которых «управленческое усмотрение не может быть ограничено, кроме как фидуциарными обязанностями, не подрывая цели собственника в делегировании контроля. Он отмечает, что природа фидуциарных отношений отличается от других отношений делегированием управленческой власти директорату.

П. Миллер описывает «фидуциарную власть» как некую форму власти, предоставляемую руководителю, который должен действовать в интересах собственника [7, р. 987].

Особенности фидуциарных отношений рассматриваются через призму «просоциального» поведения собственника (руководителя) [8, р. 1017].

Фидуциарными обязанностями наделяются не только менеджмент (совет директоров), но и собственники (акционеры), в силу подразумеваемых ограничений. Модель пассивного поведения собственника, акционера является недопустимой в компании. У субъекта, который приобрел пакет акций или долю в компании, возникает естественное желание повысить доходность своих инвестиций: возникает ожидаемое стремление проявлять интерес к судьбе своих вложений, то есть получать сведения о деятельности компании, проверять обоснованность собственных прогнозов относительно прироста цены акций, в том числе посредством анализа раскрываемых компанией документов, контролировать причитающийся по акциям доход (дивиденды) и т.п. [9, с. 15-17].

Фактически, правоприменитель устанавливает обязанность по отношению к собственнику активно участвовать в деятельности по управлению компанией (проявлять должную заботливость о своих правах и обязанностях, поскольку затрагивается финансовый интерес собственника). Акционеру вменяются фидуциарные обязанности в силу его правовой природы (он наделен контролирующими функциями). В случае проявления бездействия к деятельности компании (контроля за исполнительным органом), собственнику может быть отказано в удовлетворении требований, связанных с нарушением фидуциарных обязанностей управленческого органа (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 07.12.2015 по делу № А29-2869/2014). Тем самым, правоприменитель вводит «инъекцию» в модель поведения собственника, наделенного подразумеваемыми фидуциарными обязанностями.

Поскольку в процессе корпоративного управления возникает агентская проблема (разделения экономических интересов участников и контрольных прав), постольку предполагаются заведомо неравноценные возможности собственника вли-

ять на управленческие решения в зависимости от доли участия (пакета акций). В такой ситуации в качестве компенсации каждый собственник наделяется правом на взыскание убытков, причиненных компании управленческим органом (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2014 № 09АП-5606/2014, 09АП-5628/2014).

Универсальная модель корпоративного управления с учетом фидуциарных обязанностей органов управления может быть описана следующим образом.

Лица (совет директоров) в силу явных фидуциарных обязанностей и собственности в силу подразумеваемых фидуциарных обязанностей, осуществляющие управление коммерческой организацией (административно-властная дискреция), при осуществлении своих прав и исполнения обязанностей должны действовать в интересах общества и его собственников, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно. При осуществлении своих прав по управлению обществом соответствующее лицо обязано не только не нарушать обязанности, возложенные на него законом или уставом, но и вести внешние и внутренние дела общества способом, оптимальным для достижения целей общества, а также обеспечивать контроль (прежде всего, это функция собственников) за выполнением решений, принимаемых органами управления. Эффективное управление обществом позволяет создать баланс интересов акционеров (собственников), руководителей, работников общества и самого акционерного общества как субъекта права. При определении эффективности действий органа управления принимается во внимание результативность действий, в которых заинтересована организация (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2015 по делу № А12-13018/11). Модель добросовестности и разумности поведения (фидуциарных обязанностей) органа управления должна оцениваться участниками (собственниками) с учетом масштабов деятельности компании, характера действий (намеренное или неосторожное поведение), воли руководителя при совершении той или иной сделки (принцип целеполагания), с учетом практики, обычаев делового оборота и последующего поведения органа управления (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2013 № 441-О). Применение фидуциарных обязанностей в гражданско-правовых отношениях должно оцениваться с учетом соразмерности действий органа управления (активных действий по достижению эффективности сделки) с целью компании. Поскольку связь агентских отношений (столкновение экономических интересов руководитель — собственник или собственник — собственник) и фидуциарных принципов является очевидной, целью последних является обеспечение баланса и предупреждение разрушения «акционерной стоимости» компании. Поэтому нарушение фидуциарных обязанностей со стороны органа управления является основанием для привлечения виновного лица к гражданско-правовой ответственности за причиненные убытки по правилам корпоративного законодательства (Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2012 по делу № А70-11950/2011).

Данная позиция национальных судов коррелирует с позицией американского правоприменителя. В частности, Верховный Суд штата Делавэр по делу «Gats Props., LLC v. Auriga Capital Corp» (59 A.3d 1206 (Del. 2012) отметил, что если лицо действовало недобросовестно (например, совершив сделку по явно заниженной цене), оно несет фидуциарные обязанности и подлежит привлечению к гражданско-

правовой ответственности. Желание капитализировать «акционерную стоимость» (даже если стоимость компании сократилась) со стороны руководителя (при условии отсутствия в действиях управленца элементов мошенничества, обмана, недобросовестности или злоупотребления правом) соответствует доктрине «деловой цели» и снимает с него несение фидуциарных обязанностей (Решение Апелляционного суда седьмого округа США по делу «Panter v. Marshall Field Co» (646 F.2d 271 (7th Cir.1981)).

Необходимо учитывать, что органы управления реализуют управленческую дискрецию в условиях неполных контрактов, поскольку невозможно учесть все обстоятельства в договорных отношениях, которые могут произойти в будущем. Поэтому, собственники (акционеры) являются уязвимыми перед менеджментом (советом директоров) компании.

В свою очередь, фидуциарная обязанность не только защищает в какой-то степени собственника от следования своим интересам, в том числе обманным путём со стороны руководства компании, но и призывает руководство жертвовать своим личным интересом во имя интересов акционеров.

Говоря о злоупотреблении руководителем, который действует против интересов собственников и самой компании, необходимо отметить несоблюдение должной осмотрительности и заботливости со стороны органа управления, приводящее к потере активов компании, извлечение личной выгоды и умышленное хищение денежных средств (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.11.2015 № Ф05-7596/2014 по делу № А40-39577/13, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.12.2015 № Ф09-9500/15 по делу № А50-22374/2014, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2015 № 15АП-18299/2015).

Если же бездействие органа управления привело к утрате имущества компании, то даже это не может обозначаться как обычное условие гражданского оборота или же предпринимательского риска. При этих условиях руководитель несет гражданско-правовую ответственность, так как нарушает фидуциарные обязанности (Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.12.2015 по делу № А64-3874/2015.).

Необходимо определение интересов компании, для того чтобы определить, нарушал ли орган управления фидуциарные обязанности или нет. Основная цель коммерческой организации – это извлечение прибыли. Не стоит забывать про соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица, такие как утверждение стратегий и бизнес-планов, указание на приоритетные направления деятельности компании. Если же директор действовал в интересах одного или нескольких участников, но при этом принес ущерб, он не будет признан действовавшим в интересах юридического лица.

Существуют условия, при которых необходимо считать доказанной неразумность действий (бездействия) органа управления.

- руководитель принял конкретное решение, но не учел информацию, которая была известна ему на момент принятия решения, и которая имела значение в этой ситуации;
- руководитель до принятия решения не произвел действий, которые направлены на получение необходимой и достаточной для его принятия информации.

Данные действия являются обычными для деловой практики, так как ситуация определенно имеет сходные обстоятельства с другими ситуациями, которые уже были в прошлом. Например, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации;

- руководитель не соблюдал обычных внутренних процедур при совершении аналогичных сделок, которые приняты или требуются в данном юридическом лице (согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.).

К примеру, руководитель, при совершении сделки по приобретению ценных бумаг, не учитывал выгоду от такой покупки. Активы компании были искусственно увеличены при помощи приобретения ценных бумаг, однако они являлись неликвидными. В данном случае руководитель нарушил фидуциарные обязанности должной осмотрительности (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2015 № 09АП-50235/2015 по делу № А40-57914/12).

В другой ситуации руководителем грубо была нарушена фидуциарная обязанность лояльности. В частности, директор компании с высокой деловой репутацией создал по аналогии с корпоративной структурой несколько компаний, где являлся единственным учредителем, виды деятельности их были идентичны компании, где он был руководителем. Он осуществлял недобросовестные и противоречащие интересам компании с высокой деловой репутацией (известным именем) действия, включая введение в заблуждение клиентов этой компании, их «переманивание» в корпоративные структуры, где он был учредителем. Он совершал сделки в интересах своих компаний, необоснованно использовал деловую репутацию компании, где являлся руководителем, а также использовал финансовые, трудовые и иные ресурсы данной организации. Тем самым данный руководитель создал прямых конкурентов основной компании в личных интересах, что само по себе является недобросовестным действием, осуществленным в условиях очевидного конфликта интересов. Он не мог не осознавать, что его действия влекут существенное снижение доходов компании с деловой репутацией и с сохранением высокого уровня расходов. Следовательно, руководитель умышленно действовал против интересов компании, понимая, что такие действия неминуемо повлекут для нее убытки как в форме упущенной выгоды (неполученные доходы от основной деятельности), так и в форме реального ущерба (расходы на оплату труда работников, которые фактически выполняли работу в интересах компаний, где он являлся единственным учредителем). Являясь директором основной компании, он не принял мер к сохранению ее клиентской базы, напротив, способствовал переводу ранее сложившейся клиентуры в новые компании, в том числе путем введения контрагентов в заблуждение относительно их функционирования.

Он действовал при наличии конфликта между интересами его аффилированных лиц и интересами основной компании, при этом должен был знать о том, что его действия на момент их совершения не отвечали интересам организации, где он являлся руководителем (Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2015 № 05АП-9302/2015 по делу № А59-1152/2015). Тем самым, органом управления были грубо нарушены фидуциарные обязанности лояльности.

Как отмечает правоприменитель, материально-правовое требование компании (ее собственников) о взыскании убытков с руководителя наступает, когда послед-

ний совершает действия (сделки), связанные с превышением полномочий органа управления, тем самым нарушая явные фидуциарные обязанности (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 306-ЭС14-5368).

Стоит отметить, что собственник тоже несет фидуциарные обязанности. Однако, когда совет директоров наделяется фидуциарными обязанностями, собственник несет данные обязанности, учитывая его правовую природу. В начале, собственник обладает контрольными функциями и управленческой дискрецией, однако, далее он обладает только контрольными функциями, когда передает управленческие полномочия руководству.

Необходимо отметить, что собственник несет солидарную ответственность за причиненные убытки не только остальным учредителям, но и самой компании (Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2014 по делу № А65-22842/2013).

Члены коллегиального органа юридического лица не несут ответственность за убытки, которые были причинены юридическому лицу, если они голосовали против конкретного решения, которое повлекло за собой причинение убытков (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.04.2015 № Ф09-1019/15 по делу № А71-10688/2013).

Существуют определенные критерии привлечения собственника к гражданско-правовой ответственности, если были нарушены фидуциарные обязанности.

Для того, чтобы привлечь учредителей к ответственности при нарушении фидуциарных обязанностей, необходимо учитывать конкретные условия:

- собственник должен иметь право давать указания, которые необходимы для юридического лица или же указывать на возможности другим способом определить его дальнейшие действия;
- собственник обязан совершать действие или бездействие;
- должна быть причинно-следственная связь между противоправным поведением собственника и фактом (размером) причинения ущерба компании и ее учредителям (Постановление ФАС Уральского округа от 03.04.2014 № Ф09-8028/11 по делу № А07-17182/2010).

Необходимо отметить, что собственник выполняет определенную миссию, так как он является хранителем фидуциарных ценностей всей компании. В основном это касается контролирующих участников. В первую очередь должны быть удовлетворены интересы компании, нежели интересы отдельных собственников (Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2015 № 04АП-3628/2015 по делу № А10-6398/2014).

Важно то, что гарантией стабильности отношений в компании и защитой ее собственников от корпоративного разделения, являются именно фидуциарные обязанности. В дополнении, существует защита ответственных руководителей от приписывания им при совершении конкретной сделки со стороны собственника (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2014 № 07АП-8561/2014 по делу № А45-6793/2014).

Если в компании возникает какой-либо корпоративный конфликт, то руководитель как никогда нуждается в защите. В этом случае участники пытаются при любых обстоятельствах приписать гражданско-правовую ответственность руководителю, который в свою очередь совершил сделку. Учитывать нужно тот факт, что ру-

ководитель всегда действует с учетом добросовестности и разумности. В данном случае правоприменитель вводит критерий представления обоснования со стороны собственника, то есть увольнение руководителя происходит по порочащим основаниям, тем самым правоприменитель встает на сторону руководителя (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2015 № 09АП-36871/2015-ГК по делу № А40-14203/2014).

Подводя итог, хотелось бы отметить, что поддержание духа командного сотрудничества, является задачей фидуциарных отношений между участниками компании. Для достижения стабильности в корпоративных отношениях, повышения качества управления в компании и исключения неправомерных действий отдельных участников, необходимо учитывать фидуциарные принципы, которые налагаются на совет директоров и собственников. Акционер начинает активно участвовать в деятельности по управлению компанией, когда ему присваивают определенные фидуциарные обязанности. Собственники же, в свою очередь, имеют право участвовать в принятии важных решений в пользу компании, если на них возложены определенные обязанности, то есть функция контроля и управления.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 03.08.2018 № 339-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. № 0001201702070053. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.12.2018).
2. Сырбо В. А. К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. №8. С. 45-47.
3. Чеховская С. А. Обязанности лиц, входящих в органы управления хозяйственных обществ // Предпринимательское право. 2017. № 1. С. 15-18.
4. Шашков Ю. В. Фидуциарные обязанности директора (director's fiduciary duties); от англо-американской доктрины к российской корпоративной практике // Закон. 2016. - № 12. – С. 34-36.
5. Символокова О.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности. Автореф. дисс. . к.ю.н. Волгоград, 2015. 25 с.
6. Ribstein L. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005, vol. 2005, p. 212.
7. Miller P. Justifying Fiduciary Duties // McGill Law Journal. 2013, vol. 58, p. 987.
8. Miller P. Justifying Fiduciary Duties // McGill Law Journal. 2013, vol. 58, p. 1017.
9. Сырбо В. А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность). Автореф. дисс. .к.ю.н. М., 2016. 25 с.

Kolieva A. E. Corporate governance and its improvement due to fiduciary principles // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 257-265.

This article discusses corporate governance and its improvement due to fiduciary principles. The authority of the owner is being studied. Characterized by the mechanism of their manifestation. The interdependence of the quality work of the governing body with the solution of the pressing problems of the company is considered. The fiduciary nature of relations in the company formed by the Constitutional Court is considered. The interdependence of performance indicators with the quality management of the company is noted. The important components of fiduciary duties are being studied. The components that contribute to the stabilization of corporate relations are evaluated. Indicates the complexity of understanding fiduciary law. Indicates how the fiduciary nature of the relationship affects the occurrence of conflicts. The complexity of fiduciary law is being studied. The development of the concept of fiducia in the works of scientists is considered. An explanation is given of what are the fiduciary duties. Characterized by a mechanism for recovery of losses by the owner. Describes the tasks of persons with fiduciary duties. A model of good faith and reasonableness of behavior (fiduciary duties) of the management body is being formed. Indicates the purpose performed by fiduciary principles. Considers the inaction of the governing body and its consequences. The conditions under which it is necessary to consider the unreasonableness of the actions (inaction) of the governing body are stud-

ied. The substantive requirements of the company (its owners) for recovery of damages from the manager are described. Characterized by the fiduciary duties of the owner. The criteria for bringing the owner to civil liability are indicated.

Keywords: fiduciary duties; fiduciary principles; corporate governance; owner; authority; government; economic activity; supervisor; director; fiduciary law.

Spisok literatury

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (CHast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ: v red. ot 03.08.2018 № 339-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. № 0001201702070053. URL: www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 10.12.2018).
2. Syrbo V. A. K voprosu o fiduciarnom (doveritel'nom) haraktere grazhdanskih pravootnoshenij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. №8. S. 45-47.
3. Chekhovskaya S. A. Obyazannosti lic, vkhodyashchih v organy upravleniya hozyajstvennyh obshchestv // Predprinimatel'skoe pravo. 2017. № 1. S. 15-18.
4. Shekharov YU. V. Fiduciarnye obyazannosti direktora (director's fiduciary duties); ot anglo-amerikanskoj doktriny k rossijskoj korporativnoj praktike // Zakon. 2016. - № 12. - S. 34-36.
5. Simvolokova O.A. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stv pri osushchestvlenii predprinimatel'skoj deyatel'nosti. Avtoref. diss. . k.yu.n. Volgograd, 2015. 25 s.
6. Ribstein L. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005, vol. 2005, p. 212.
7. Miller P. Justifying Fiduciary Duties // McGill Law Journal. 2013, vol. 58, p. 987.
8. Miller P. Justifying Fiduciary Duties // McGill Law Journal. 2013, vol. 58, p. 1017.
9. Syrbo V. A. Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt grazhdansko-pravovogo regulirovaniya fiduciarnykh otnoshenij (istoriya i sovremennost'). Avtoref. diss. .k.yu.n. M., 2016. 25 s.

УДК 346.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Пасечник О. С., Бекирова Р. Ф.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья рассматривает некоторые проблемы привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны. Авторами проанализированы отдельные аспекты привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны, на основе исследования и анализа общих теоретических и законодательных положений о коммерческой тайне. Проанализированы ключевые нормативно-правовые акты об информации. Выявлены основные цели законодательства о коммерческой информации. Исследованы основные виды ответственности за разглашение коммерческой тайны. Рассмотрены основные аспекты отечественного правового регулирования отношений в сфере использования коммерческой информации. Раскрыты особенности привлечения к уголовной ответственности за разглашение коммерческой тайны. На основе анализа законодательства Российской Федерации выявлены проблемы привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны и предложены способы их решения.

Ключевые слова: коммерческая тайна, законодательство, коммерческая информация, субъект предпринимательской деятельности, неправомерное использование, привлечение к ответственности, разглашение, конфиденциальность, дисциплинарная ответственность, материальная ответственность, уголовная ответственность.

В центре рассматриваемого нами вопроса выступает коммерческая тайна и непосредственно сам механизм ее правовой защиты в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Поскольку тенденция перехода к рыночным отношениям влечет за собой повышение конкурентоспособности между хозяйствующими субъектами с целью достижения максимальных преимуществ на рынке товаров и услуг, особо важным становится обеспечение реализации надлежащим образом права субъекта предпринимательской деятельности на защиту своей коммерческой информации от ее неправомерного использования. В свою очередь, мы бы хотели затронуть проблему затруднительности привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны. Недостаточный уровень правового регулирования отношений по использованию и распространению коммерческой тайны, а в связи и с этим затруднительность механизма реализации ее защиты обуславливает необходимость приданию данному вопросу особого внимания и актуальности в изучении рассматриваемой темы.

Коммерческая информация любого субъекта предпринимательской деятельности, независимо от сферы его деятельности, представляет собой определенную систему сведений о деятельности организации, предприятия, которая в соответствии с законодательством и соответствующей ей учредительной документацией не относится к категории общедоступной. Выделяют три категории коммерческой информации: первая – общедоступная (несекретная), вторая – предназначенная исключительно для служебного пользования внутри фирмы (доступная для всех работников

или только определённой категории работников) и непосредственно третья – секретная информация, доступная к использованию лишь с особо ограниченным кругом лиц (руководству или иным ответственным лицам в организации) и не подлежащая передаче иным сотрудникам как в рабочем процессе, так и за их пределами.

Так, к числу информации, составляющей коммерческую тайну, могут быть отнесены сведения о коммерческих нововведениях предприятия, информационных процессах и коммерческих сведениях, секретах производства и иная информация, за исключением той, которая согласно ст. 5 Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ не может быть отнесена к данной категории [1]. В связи с тем, что коммерческие данные являются составляющей частью документооборота предприятия, будучи ее неотъемлемой принадлежностью и основой ее деятельности, она должна подлежать защите от недобросовестных работников этих организаций, а также от возможных посягательств со стороны конкурентов. Поскольку назначением коммерческой информации выступает возможность торговым фирмам проведения анализа коммерческой деятельности, ее планирование и осуществления контроля на результатами соответствующей деятельности, любое распространение ограниченной в доступе такой информации может повлечь за собой колоссальные убытки для такой организации, предприятия.

В свою очередь со стороны владельца коммерческой тайны должна быть использована следующая система защитных от похищения и незаконного распространения конфиденциальных сведений компании мер, включающую: разработку инструктажа по использованию информации, подлежащей защите, назначение ответственных за делопроизводство организации лиц, применение строгого механизма контроля по допуску работников к служебной документации, внедрение в работу автоматизированных технологий по защите коммерческой информации и иные незапрещенные действующим законодательством меры. Оознавательным признаком наличия специального защитного режима рассматриваемых сведений является указание на ней особого грифа секретности, который устанавливается непосредственно владельцем конфиденциальной, недоступной к широкому кругу лиц коммерческой информации [2, с.43]. Особая роль в обеспечении защитного режима коммерческой информации фирмы отдается принятию работниками письменных обязательств о сохранении коммерческой тайны, осуществлению повседневного контроля со стороны администрации предприятия за обеспечением безопасности в использовании указанной конфиденциальной, недоступной для третьих лиц документации.

Что касается получателей указанных сведений и способов утраты конфиденциальности коммерческой тайны, то как правило это происходит в форме распространения сведений как лицам, являющимся конкурентами, так и для тех, которые таковыми не являются. Согласно пункту 7 ст. 243 Трудового кодекса Российской Федерации, работник разгласивший коммерческую тайну несет полную материальную ответственность [3]. Наступление такой ответственности, возможно при противоправном поведении работника, то есть нарушение норм федерального закона предусматривающего разглашение тайны. В данном вопросе мнения ученых разделились, одни считают невозможным наступление такого вида ответственности, в виду отсутствия федерального закона, другие считают, что полная материальная ответственность наступает в отношении некоторых категорий работников (которые обязаны хранить тайну) [4, с. 437].

Распространяться такая информация может нацелено для нанесения убытков организации, коммерческая тайна которой раскрывается, повышение товарооборота и тем самым популярности другого предприятия, либо без таких корыстных побуждений, но которые так или иначе при дальнейшем распространении могут повлечь определенные убытки для деятельности хозяйствующего субъекта. Более того, коммерческая тайна может разглашаться лицами, являющимися работниками данного предприятия, так и те, которые никоим образом к ней не имеют никакого отношения.

Сам по себе институт коммерческой тайны в рамках российского законодательства проходил довольно-таки с большими трудностями и препятствиями. Режим коммерческой тайны изначально был закреплен лишь в Гражданском кодексе Российской Федерации [5]. Было закреплено существование такого режима как такового, а непосредственно сам механизм реализации права на использование сведений, входящих в данную категорию информации и ее защиты регламентирован не был. В связи с этим возникла необходимость законодательных преобразований, которые в свою очередь нашли свое отражение в Федеральном законе «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗ. Так, в указанном законе «коммерческая тайна» определяется не как разновидность коммерческой информации, а как ее определенный режим, свойство конфиденциальности [6, с. 8]. К информации, которая формирует коммерческую тайну относятся разносторонние сведения (экономические, технические, организационные и т.д.), а также о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность ввиду того, что у третьих лиц отсутствует свободный доступ к соответствующей информации и за разглашение которой, соответственно применяются меры по привлечению к ответственности.

Что касается ответственности за совершенные преступления, то она может выражаться в следующих формах: дисциплинарная, материальная и уголовная. Независимо от того какой вид ответственности будет применяться к работнику, на работодателя ложится бремя доказывания факта разглашения коммерческой тайны.

Так, например в трудовое законодательство рассматривает работника как более уязвимую, незащищенную сторону, по сравнению с работодателем, в рамках трудовых правоотношений. В связи с этим в случае привлечения работника к дисциплинарной ответственности, действует так называемая, подразумеваемая «презумпция невиновности работника». Ввиду того, что наиболее эффективным механизмом возмещения причинённых убытков организации, предприятию в связи с разглашением информации, является привлечение нарушителя правового режима конфиденциальности коммерческой тайны к уголовной ответственности или не менее эффективным, специализированным механизмом по признанию ФАС факта недобросовестной конкуренции, сопряженной с незаконным использованием указанных сведений, особое внимание хотелось бы уделить непосредственно уголовной ответственности за указанные действия. Закреплена она в ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации как «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Объективная сторона части первой указанной статьи включает преступные действия, выраженные в собирании информации, включающей сведения коммерческой, банковской либо налоговой тайны следующими способами: хищение соответствующей документа-

ции путем подкупа, угроз или другим противозаконным способом [7]. Перечень способов неисчерпывающий, однако необходимым, обязательным условием для квалификации данного деяния правонарушителя будет предъявление особых требований к самой информации и ее владельцу. То есть, раскрытая коммерческая информация должна носить секретный, недоступный характер, а ее владелец, в свою очередь, принял для ее сохранности весь комплекс законодательно предусмотренных мер по предоставляемой защите. Квалифицирующий состав части второй указанной статьи включает ответственность, наступающую при противозаконном разглашении или использовании рассматриваемых сведений без наличия согласия на их распространения владельцем лицом, который выступал ответственным за сохранность данной информации или которому данная скрытая информация стала ему известна в связи с осуществляемой работой, трудовой деятельностью. Что касается особо квалифицированных составов, то говоря о части третьей ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации – это крупный ущерб либо совершение незаконного разглашения коммерческой тайны из корыстной заинтересованности, а в свою очередь часть четвертая – это наличие в обязательном порядке тяжких последствий, которые как правило выражаются не только в негативных последствиях материального характера (вреда). Так, в качестве тяжких последствий признаются: банкротство, ликвидация предприятия, или организации, причинение серьезного вреда здоровью личности или массово обществу, нарушение общественного порядка и так далее.

Переходя к проблематике рассматриваемого нами вопроса, необходимо прежде всего перечислить допустимые средства доказывания факта незаконного получения, использования и распространения информации, попадающей под защитный режим коммерческой тайны. Сложившееся практика показывает, что доказывание факта разглашения конфиденциальной информации противозаконным способом и соответственно определить размер причиненных таким действием убытков считается довольно-таки сложным. Чтобы подтвердить факт нарушения работником правового режима хранения и использования коммерческой тайны, владельцу таких сведений нужно будет собрать как можно больше очевидных, достоверных доказательств для установления субъекта совершенного проступка, правонарушения или преступления. Такими доказательствами в частности могут выступать зафиксированный на фотографиях или видеозаписях камер наблюдения в помещении с материальными носителями секретных сведений. Одним из не менее достоверных источников могут служить и показания свидетелей, которые непосредственно или косвенно явились очевидцами произошедшей незаконной утери конфиденциальной информации фирмы [8, с. 17]. Также при доказывании противоправности совершенного деяния и наличия вины по данному составу у соответствующего субъекта, возможно использование в качестве доказательств фиксации факта пересылки документации третьим лицам системным администратором соответствующей базы данных предприятия или организации. Данный вариант может быть использован в случае распространения информации, сохраненной и используемой с рабочего компьютера или иного материального носителя в электронном формате. В таком случае, возможным будет считаться доказать факт пересылки информации, составляющую коммерческую тайну без особых затруднений. Однако, при рассмотрении данной категории дел по судебной практике можно столкнуться с тем, что зачастую суд не приравнивает пе-

решилку указанных сведений на свою электронную почту или сохранения их на флэш-накопитель к их разглашению. Конечно же в таком случае говорить об очевидном умышленном разглашении коммерческой тайны невозможно, однако данная информация может в последующем быть отправлена третьим лицам, которые уже в свою очередь смогут воспользоваться ею с максимально извлеченной пользой. Именно подтверждение факта пересылки данной информации третьим лицам от работника, которому была доверена конфиденциальная информация фирмы третьему лицу, будет безусловным подтверждением совершенного противозаконного деяния. Однако, ни в коем случае нельзя забывать о конституционном праве работников на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается лишь на основании решения суда, в чем и заключается основная проблема в рамках применения данного способа доказывания [9, с. 76–77]. Связано это с тем, что получить данное судебное решение возможно только при уже подготовленной бесспорной совокупности доказательств, подтверждающих необходимость, возможность и обоснованность ограничения конституционного закрепленного права. Основанием большинства указанных способов доказывания по факту разглашения конфиденциальной информации фирмы, является подписка о неразглашении работником организации или предприятия коммерческой тайны. Возможно и предоставления иных не запрещенных законом доказательств, однако с соблюдением прав и свобод, законных интересов работников и иных лиц. Таким образом, чем больше достоверной информации, полученный законным образом, будет приобщено к доказыванию – тем выше вероятность вынесения справедливого решения по привлечению к ответственности за разглашение коммерческой тайны.

Таким образом, из выше сказанного мы можем сделать вывод что, с целью осуществления надлежащей защиты нарушенных в рамках совершенного деяния прав, владелицу коммерческой тайны предоставляется право на инициацию процесса в суде общей юрисдикции или арбитражном суде. В рамках проводимого судопроизводства возможно предъявление разносторонних требований к предоставляемым доказательствам. То есть, для бесспорной обоснованности факта нарушения правового режима информации, суд в первую очередь удостоверится в том, что владельцем указанной информации были введены все меры по надлежащей защите коммерческой тайны и лишь потом произвести оценку и анализ предоставляемых этим лицом доказательств и факта наличия причинной связи по совершенному деянию. Лишь в результате трудоемкого, детального процесса доказывания факта разглашения коммерческой тайны, будет возможным осуществить защиту нарушенных прав владельца коммерческой тайны и непосредственно самой организации или предприятия. В заключении хотелось бы отметить, что изучаемый в рамках нашей статьи вопрос о надлежащей реализации правовой защиты права субъекта предпринимательской деятельности на коммерческую тайну, в виду возникновения определенных проблем в механизме реализации указанного права, а в частности, по привлечению к ответственности за незаконное разглашение коммерческой тайны, является актуальным, целесообразным и требует более детальной регламентации.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 2004. Ст. 3283.
2. Полетаев, Ю. Н. Материальная ответственность лица. М., 2006. С. 96.; Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации (краткий постатейный) / отв. ред. Ю. П. Орловский. М., 2006. – 493 с.
3. Трудовой кодекс от 30 декабря 2001 г. № 97 [Электронный ресурс] // Официальный Сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
4. Головина, С. Ю. Трудовое право России / С. Ю. Головина, М. В. Молодцов. М., 2003 – 855 с.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
6. Конкурентное право России: учебник [Текст] / Д.А. Алешин, И.Ю. Артемьев, И.В. Башлаков-Николаев и др. ; отв. ред. И.Ю. Артемьев [и др.]. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 789 с.
7. Уголовный кодекс от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный Сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
8. Городов, О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика [Текст] / О.А. Городов. – М. : Статут, 2008. – С. 17–19.
9. Казаков, Е.С. Договоры аренды государственного и муниципального имущества для малых и средних предприятий: как перезаключать? [Текст] / Е.С. Казаков // Бухгалтер Крыма. – 2015. – № 9. – С. 75 – 78.

Pasechnyk O. S., Bekirova R.F. To problem of accountability for the disclosure of trade secrets // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 266-271.

The article considers the problem of bringing to responsibility for the disclosure of trade secrets. The authors analyze some aspects of bringing to responsibility for the disclosure of trade secrets, based on research and analysis of General theoretical and legislative regulations on commercial secret. The key normative legal acts about this kind of information are analyzed by authors. The main objectives of the legislation on commercial information are identified. The main types of responsibility for the disclosure of trade secrets are investigated. The main aspects of domestic legal regulation of relations in the use of commercial information of bringing to criminal responsibility for the disclosure of trade secrets are considered in this article. On the basis of the analysis of the legislation of the Russian Federation, problems of bringing to responsibility for disclosing commercial secrets are revealed and ways to solve them are proposed.

Key words: commercial secret, legislation, commercial information, entrepreneurial entity, illegal exploitation, bringing to responsibility, disclosure, confidentiality, disciplinary liability, liability, criminal liability.

Spisok literatury:

1. Sbranie zakonodatel'stva RF. 2004. St. 3283.
2. Poletaev, YU. N. Material'naya otvetstvennost' lica. M., 2006. S. 96.; Kommentarij k trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii (kratkij postatejnyj) / отв. red. YU. P. Orlovskij. M., 2006. – 493 s.
3. Trudovoj kodeks ot 30 dekabrya 2001 g. № 97 [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj Sajt kompanii «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
4. Golovina, S. YU. Trudovoe pravo Rossii / S. YU. Golovina, M. V. Molodcov. M., 2003 – 855 s.
5. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya)» ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. - 1994. - № 32. - St. 3301.
6. Konkurentnoe pravo Rossii: uchebnik [Tekst] / D.A. Aleshin, I.YU. Artem'ev, I.V. Bashlakov-Nikolaev i dr. ; отв. red. I.YU. Artem'ev [i dr.]. – М.: Изд. дом VSHEH, 2014. – 789 s.
7. Ugolovnyj kodeks ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj Sajt kompanii «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
8. Gorodov, O.A. Nedobrosovestnaya konkurenciya: teoriya i pravoprimenitel'naya praktika [Tekst] / O.A. Gorodov. – М. : Statut, 2008. – С. 17–19.
9. Kazakov, E.S. Dogovory arendy gosudarstvennogo i municipal'nogo imushchestva dlya malyh i srednih predpriyatij: kak perezaklyuchat'? [Tekst] / E.S. Kazakov // Buhgalter Kryma. – 2015. – № 9. – С. 75 – 78.

УДК 342.951

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Руденко А. В., Полынцева К. А.

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; военная
прокуратура*

В статье на основе проведенного анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, судебной практики и теоретических взглядов юристов – правоведов, автором рассматривается проблема отсутствия законодательного закрепления одного из элементов доказывания – относимость доказательств, его сути, а также роли и значению при производстве дел об административных правонарушениях. В статье приводится судебная практика, оперирующая понятием относимости доказательств, указывается на проблемы правоприменения возникающие в связи с отсутствием нормативного закрепления требования относимости в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

По результатам анализируемой работы действующего законодательства автор предлагает собственный вариант закрепления данного элемента в структуре Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, для единого толкования в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, относимость, относимые доказательства, доказывание в делах об административных правонарушениях.

Для установления объективной истины по делу об административном правонарушении субъекту административной юрисдикции необходимо провести комплекс мероприятий, направленных на выявление всех фактических данных по делу. Административно-процессуальное законодательство под фактическими данными подразумевает доказательства, посредством которых уполномоченное лицо устанавливает наличие либо отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) (далее – КоАП РФ). При этом, в соответствии со ст. 26.11 КоАП РФ субъекты административной юрисдикции оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Из обозначенного выше усматривается, что прежде чем установить наличие или отсутствие события административного правонарушения, необходимо произвести оценку соответствующих доказательств.

Согласно теории административно-процессуального права, оценка доказательств является логическим процессом установления относимости, допустимости и достоверности доказательств, наличия и характера связей между ними, а также определения значения и возможностей использования доказательств для установления исти-

ны по делу [1, с. 487]. В настоящей статье предлагается рассмотреть такой критерий оценки доказательств как относимость.

В теории права относимость доказательств рассматривается с позиции признака судебных доказательств, правил поведения, а также условий допущения доказательств в процессе [2, с. 253]. Относимость доказательств составляет неотъемлемый элемент доказывания при установлении истины по административному делу. Иными словами, «относимость» представляет собой логическую связь между доказательством и доказываемым фактом.

Справедливым будет указать, что, рассматривая относимость доказательств через призму доказательственного права, усматривается единство проявлений данного критерия во всех процессуальных юридических науках, что относит данный элемент оценки доказательств к внешним признакам комплексного межотраслевого института [3, с. 41]. Единство таких проявлений прежде всего вытекает из логического процесса познания субъектом, исследующим то или иное доказательство (т.е. носит аксиологический характер) [4, с. 29]. Исходя из указанного полагаем, что при изучении правовой природы относимости доказательств не будет излишним обратиться к позициям ученых - юристов, исследовавших рассматриваемый критерий оценки доказательств в различных процессуальных отраслях, в частности, в уголовно-процессуальном праве, которое по своей природе наиболее близко соотносится с юридической отраслью права, регулирующей отношения в сфере административных правонарушений.

Представляется, что интерес ученых – правоведов к вопросу «относимости доказательств» вызван прежде всего малосодержательным закреплением данного элемента оценки доказательств в процессуальных отраслях права (ст. 59 ГПК РФ, ст. 60 КАС РФ, ст. 67 АПК РФ) [5, с. 223] либо отсутствием такого закрепления вовсе (УПК РФ, КоАП РФ). Так как, в законодательстве, в том числе в КоАП РФ, не содержится четкого определения понятию «относимость доказательств», необходимо обратиться к теории права. Однако, и в теории нет единства мнений относительно определения данного элемента доказывания. Так, одни авторы считают, что относимость – это один из признаков доказательств, другие признают ее свойством, а третьи - понимают «относимость» как критерий оценки доказательств, то есть соответствие каждого из доказательств, используемого уполномоченным субъектом выводам по делу [6, с. 199]. По нашему мнению, указанные подходы к «относимости доказательств» отражают в себе одну и ту же суть не зависимо от того, как ее называют: признаком, свойством или критерием, и в исследуемой проблематике данные термины предлагается считать тождественными. При этом следует признать, что качество относимости является первоначальным этапом оценки. После установления относимости можно оценить исследуемое доказательство на предмет соответствия остальным критериям. Например, в ходе личного досмотра (досмотра вещей, находящихся при физическом лице) фиксируются только те предметы или вещи, которые имеют отношение к делу. В связи с чем, следует согласиться с теми авторами, которые определяют содержание относимости доказательств, как процесс установления связи фактических данных с обстоятельствами дела или как способность доказательств свидетельствовать о фактах. При этом, данная связь носит объективный характер.

Суть относимости – служить средством установления события административного правонарушения и других обстоятельств дела. Поэтому доказательствами по административному делу признаются не любые фактические данные, а лишь те, которые отражают суть относимости. Как было указано выше обязанность установления субъектом административной юрисдикции наличия или отсутствия события административного правонарушения устанавливает ст. 26.2 КоАП РФ, которая составляет предмет доказывания. В связи с чем, высказывание Белкина Р.С. о том, что «Под относимостью доказательств, следует понимать их связь с предметом доказывания... Относимость доказательств есть проявление их свойства подтверждать или опровергать существенные для дела обстоятельства», по нашему мнению, является вполне обоснованным [7, с. 71]. Другими словами, фактические данные, которые пригодны по своему содержанию к предмету доказывания и будут являться относимыми доказательствами.

Для определения такого критерия оценки доказательств как «относимость» необходимо установить два основных параметра. Первое - принадлежность обстоятельства, которое установлено доказательством, к предмету доказывания. Второе - способность доказательства посредством своего содержания установить (подтвердить) такое обстоятельство. При этом необходимо учитывать, что обстоятельства, подлежащие выяснению и доказыванию, будут определяться конкретным составом административного правонарушения. Следует также отметить, что особое значение имеют фактические данные, устанавливающие объективную сторону состава административного правонарушения. Например, при доказывании состава правонарушения, предусмотренного ст. 12.18 КоАП РФ, а именно невыполнение требования Правил дорожного движения (далее – Правила) уступить дорогу пешеходам, велосипедистам или иным участникам дорожного движения (за исключением водителей транспортных средств), пользующимся преимуществом в движении, необходимо доказать, помимо прочего, следующие обстоятельства:

- действительно ли водитель, которому вменяется указанное административное правонарушение, управлял транспортным средством;
- обладал ли пешеход, велосипедист или иной участник дорожного движения преимуществом в движении в соответствии с Правилами дорожного движения (например, п. 14.1 Правил);
- какие действия совершил водитель транспортного средства, послужившие помехой для движения пешехода, велосипедиста или иного участника дорожного движения (в соответствии с п. 1.2 Правил).

Вышеуказанные обстоятельства можно подтвердить объяснениями самого водителя, показаниями свидетелей, а также фиксацией специальных технических средств [8].

Из приведенного примера вытекает правило, согласно которому доказательство будет относиться к делу только тогда, когда может быть использовано для выяснения наличия или отсутствия какого-либо обстоятельства, входящего в предмет доказывания по данному конкретному делу об административном правонарушении.

Вместе с тем, соби́рание не относящихся к делу доказательств и, наоборот, отказ от необходимых (относящихся к делу) доказательств служит предпосылками к неверному определению фактических обстоятельств дела, и, как следствие, приводит к необоснованности решения.

В качестве примера можно привести решение судьи Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 06 февраля 2018 года по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч.1 ст.12.15 КоАП РФ, в отношении Осипенкова А. А., которое было отменено решением Санкт-Петербургского городского суда ввиду того, что обстоятельства административного правонарушения Осипенковым А. А. надлежащим образом не установлены, соблюдение последним требований вышеприведенного пункта Правил дорожного движения РФ не проверено, доказательства, имеющиеся в материалах дела, в том числе видеозапись дорожно-транспортного происшествия, в нарушение требований ст. 26.11 КоАП РФ не исследованы и не оценены. Кроме того, судья Санкт-Петербургского суда в своем решении указал, что заключение эксперта, положенное в основу решения, является недопустимым и не относимым доказательством [9].

Справедливости ради необходимо указать, что оценка заключения эксперта в качестве относимых доказательств имеет определенную специфику. В частности, относимость заключения эксперта зависит от относимости объектов экспертного исследования. Так, при предоставлении эксперту (например, по ошибке) объекта, не относящегося к делу, повлечет негативные последствия в виде признания самого заключения эксперта неотносимым доказательством [10, с. 144–145].

Как нами уже указывалось, исходными положениями относимости доказательств, является объективная связь между явлениями окружающей действительности и исследуемыми предметами (связь между фактическими данными и обстоятельствами по конкретному делу), которая носит причинно-следственный, пространственно-временной и другой характер. Таким образом, относимость доказательств – есть логическая проекция данных связей, то есть способность доказательств быть аргументом во всей совокупности полученных познающим субъектом умозаключений, которые могут подтвердить или опровергнуть наличие искомого факта.

Исходя из философского содержания относимости доказательств, а также их классификации, логично сделать вывод о том, что прямые доказательства изначально обладают свойством (признаком) относимости, но при этом такие фактические данные необходимо оценить на предмет достоверности. Например, прибор, определивший состояние алкогольного опьянения водителя является прямым доказательством и относим к обстоятельствам административного правонарушения (ст. 12.8 КоАП РФ), но при этом, должен быть достоверен, то есть быть проверенным, исправным и выдавать фактические значения измеряемых показателей содержания паров алкоголя у водителя [11, с. 256].

Что касается косвенных доказательств, то в данном случае вопрос относимости составляет определенную трудность, которая связана, прежде всего, с наличием множества различных взаимоисключающих сведений. В связи с чем, относимость косвенного доказательства носит предварительный характер и имеет форму предположительного суждения о его вероятной (возможной) связи с устанавливаемым обстоятельством. Вероятностную (предположительную) относимость исследуемого доказательства необходимо удостоверить в ходе дальнейшего административного расследования по данному делу. Например, наличие в салоне автомобиля открытой бутылки с содержащую спиртной напиток лишь вероятно может указывать на состояние алкогольного опьянения водителя транспортного средства где она была

обнаружена. Относимость бутылки со спиртным к алкогольному опьянению водителя может быть удостоверена другими доказательствами (например, объяснением самого водителя или свидетеля).

Следует также обратить внимание на то, что оценочное суждение уполномоченного субъекта административной юрисдикции об относимости доказательства к предмету доказывания по конкретному делу должно зиждется на объективности процесса исследования. Однако, данный принцип оценки доказательств не всегда лежит в основе исследования. Так, Треушников М.К. раскрывает суть относимости доказательств через правила «поведения суда, в силу которого он принимает, истребует, исследует только те доказательства, способные подтвердить факты, имеющие значение по делу» [12, с. 123–125]. Несмотря на то, что судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу, определяют относимость имеющихся доказательств исходя из своего внутреннего убеждения, полагаем, что с данным суждением Треушникова М.К. нельзя согласиться, так как представляется ошибочным оценивать доказательства только исходя из своего внутреннего (субъективного) побуждения в вопросе познания, тем более определяющим фактором так или иначе выступает наличие или отсутствие необходимой связи между доказательством и доказуемым событием. Такое суждение может стать предпосылкой к необъективности процесса исследования со всеми вытекающими последствиями. Прежде всего, это обусловлено тем, что относимость как свойство является необходимым и неотъемлемым элементом оценки доказательств и может осуществляться только в совокупности с всесторонним, полным и объективным исследованием всех обстоятельств дела. При этом, действия субъекта административной юрисдикции, направленные на оценку относимости того или иного доказательства, должны носить обязательный характер, и основываться на объективности исследования фактических данных.

Обобщая наше исследование следует отметить, что оценка относимости доказательств имеет важное значение для административно-деликтной практики, так как на субъекты, осуществляющие производство по административному делу, возлагается обязанность отбирать и исследовать из большого количества различных сведений только те, которые обладают способностью устанавливать обстоятельства, имеющие значения для правильного разрешения дела (устанавливать предмет и пределы доказывания).

Кроме того, практическое значение свойства (признака) относимости доказательств выражается в обеспечении процедуры оценки доказательств полнотой и всесторонностью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, а также в критерии, который позволяет избавить материалы административного дела от засилья сведениями, не имеющими отношения к предмету доказывания, и тем самым не создавать сложности и волокиты для субъекта административной юрисдикции при рассмотрении и разрешении административного дела по существу (соблюдать разумные сроки).

Следует признать, что в силу отсутствия закрепления понятия «относимость доказательств» в административном процессе данный элемент доказывания не является правовой категорией, а лежит в плоскости научных представлений. В КоАП РФ имеются лишь косвенные предписания, на основе которых можно судить о необхо-

димости оценки доказательств в делах об административных правонарушениях с точки зрения их относимости.

Представляется, что данный пробел в процессуальном законодательстве должен быть восполнен, в связи с чем предлагаем дополнить КоАП РФ ст. 26.10.1 «Собирание доказательств» в которой указать:

«Орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, обязаны собирать относимые к делу доказательства, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Также дополнить статью 26.11 КоАП РФ «Оценка доказательств» частью 2, в которой указать:

«Судья, на рассмотрении которого находится дело об административном правонарушении, обязан оценивать доказательства по делу об административном правонарушении на предмет их относимости.

Относимыми доказательствами по делу об административном правонарушении являются фактические данные, содержание которых позволяет установить объективную связь между исследуемыми сведениями и обстоятельствами, указанными в ст. 26.1 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. - 5 -е изд., пересмотр. - М.: Норма : ИНФРА-М, 2018. - 576 с.
2. Панова И. В. Административно-процессуальное право России: Монография / Панова И.В. - 4-е изд., пересмотр. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 288 с.
3. Нахова Е. А. Доказательственное право в гражданском процессе и административном судопроизводстве: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) - СПб: Изд-во «ВВМ», 2017. - 405 с.
4. Докучаев И. И., Мерецкий Н. Е. Аксиологические и гносеологические аспекты категории доказательства в системе права. - Владивосток: Дальнаука, 2015. - 360 с.
5. Фокина М. А. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред. М.А. Фокиной. - М.: Статут, 2014. - 496 с.
6. Акмолдоев Б. Ч. Сущность и значение относимости доказательств по уголовным делам: статья / Известия вузов № 3 – Каз.: КГУ, 2014. – С. 199-201;
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. - 3-е изд., дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. - 837 с.
8. Решение суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 12-24/2018 7-249/2018 от 26 апреля 2018 г. по делу № 12-24/2018 [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://sudact.ru/regular/doc/XXVkrVQkfxdr/>;
9. Решение Санкт-Петербургского городского суда № 12-37/2018 7-527/2018 от 26 апреля 2018 г. по делу № 12-37/2018 [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://sudact.ru/regular/doc/jbC7K1C6ID1q/>;
10. Воронин С. А. Определение относимости заключения эксперта в уголовном процессе: статья / Успехи современной науки и образования № 4 – изд. «Клюев Сергей Васильевич», 2016. – С. 144–146.
11. Панова И. В. Административно-процессуальное право России.... - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 288 с.
12. Треушников М. К. Судебные доказательства / Треушников М.К.. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Городец, 2005. - 288 с.

Rudenko A.V., Polyntsov K.A. Some legal issues of relevance of evidence in cases of administrative offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – Р. 272-278.

In this article the author, basing on the analysis of the Russian Federation Administrative Offence Code, judicial practice and theoretical views of lawyers, studies the problem of the lack of legislative consolidation of one of the elements of proof such as relevance of evidence. The author studies the essence of the relevance of evidence, its role and importance in the administrative enforcement proceedings.

The article provides the readers with judicial practice, operating with the notion of the relevance of evidence, highlights the problems of law enforcement arising in connection with the lack of normative consolidation of the requirement about relevance of evidence in the Russian Federation Administrative Offence Code.

According to the results of analyzing the functioning of legislation in power the author suggests his own variant of consolidation of this element in the structure of Special Part of Russian Federation Administrative Offence Code to unify its interpretation in law enforcement.

Key words: evidence, proving, relevance, relevant evidence, proofs in administrative offences.

Spisok literaturyi:

1. Rossinskiy B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo : uchebnik / B. V. Rossinskiy, Yu. N. Starilov. - 5-e izd., peresmotr. - M. : Norma : INFRA-M, 2018. - 576 s.
2. Panova I. V. Administrativno-protssual'noe pravo Rossii: Monografiya / Panova I.V. - 4-e izd., peresmotr. - M.: Yur.Norma, NITs INFRA-M, 2016. - 288 s.;
3. Nakhova E. A. Dokazatel'stvennoe pravo v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy po napravleniyu «Yurisprudentsiya» (spetsialist, bakalavr, magistr) - SPb: Izd-vo «VVM», 2017. - 405 s.
4. Dokuchaev I. I., Meretskiy N. E. Aksiologicheskie i gnoseologicheskie aspekty kategorii dokazatel'stva v sisteme prava. - Vladivostok: Dal'nauka, 2015. - 360 s.
5. Fokina M. A. Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess / Pod red. M.A. Fokinoy. - M.: Statut, 2014. - 496 s.
6. Akmol'doev B. Ch. Sushchnost' i znachenie otnosimosti dokazatel'stv po ugovolnym delam: stat'ya / Izvestiya vuzov № 3 - Kaz.: KGU, 2014. - S. 199-201.
7. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: ucheb. posobie dlya vuzov / R.S. Belkin. - 3-e izd., dopolnennoe. - M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2001. - 837 s.
8. Reshenie suda Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry № 12-24/2018 7-249/2018 ot 26 aprelya 2018 g. po delu № 12-24/2018 [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa]: <http://sudact.ru/regular/doc/XXVkrVQkfxdr/>
9. Reshenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda № 12-37/2018 7-527/2018 ot 26 aprelya 2018 g. po delu № 12-37/2018 [Elektronnyy resurs] // [Rezhim dostupa]: <http://sudact.ru/regular/doc/jbC7K1C6ID1q/>
10. Voronin S. A. Opredelenie otnosimosti zaklyucheniya eksperta v ugovolnom protsesse: stat'ya / Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya № 4 - izd. «Klyuev Sergey Vasil'yevich», 2016. - S. 144-146.
11. Panova I. V. Administrativno-protssual'noe pravo Rossii.... - M.: Yur.Norma, NITs INFRA-M, 2016. - 288 s.
12. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatel'stva / Treushnikov M.K.. - 4-e izd., pererab. i dop. - M.: Gorodets, 2005. - 288 s.

УДК 342.92

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Султанов К. А., Устинов П. В.

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

Предметом исследования данной работы являются вопросы возбуждения административного расследования в отношении неустановленного лица. Объектом исследования является стадия производства по делам об административных правонарушениях – проведение административного расследования. Автор рассматривает действующую нормативную правовую базу и законопроекты регламентирующие проведение расследования в отношении неустановленных лиц. Особое внимание уделяется процедуре возбуждения административного расследования в территориальных органах МВД. Описываются случаи, при которых возбуждение расследования в отношении неустановленного лица не возможно. Приводятся конкретные рекомендации для формирования единой правоприменительной практики в территориальных органах МВД и иных органах при производстве по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: Кодекс РФ об административных правонарушениях, органы внутренних дел, полиция, административной штраф, правонарушение, административное право, административное расследование, неустановленное лицо, административный процесс, правонарушитель.

С момента принятия федерального закона о гуманизации уголовного законодательства [1] должностным лицам полиции была вменена обязанность обязательного проведения административного расследования в случаях совершения гражданами административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1 и 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. В этой связи в территориальных органах внутренних дел остро возник вопрос о законности возбуждении дела административном правонарушении, если на момент возбуждения данные о виновном лице не известны. Однако данная проблематика имеет место не только в органах полиции.

На различных научных конференциях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и иных государственных органах довольно бурно обсуждается один из дискуссионных вопросов по которому в Российской Федерации стране ещё не сформировалась судебная практика – возможность возбуждения дел об административных правонарушениях и ведения по ним производства в отношении неустановленных лиц в обязательном порядке.

Так, кандидат юридических наук Шарафутдинов А.Ш. в своем выступлении, на конференции Уфимского юридического института МВД РФ, доказывает допустимость возбуждения дела об административном правонарушении в отношении неустановленного лица [3, с. 35]. В качестве довода указывает на невозможность прекращения дела за отсутствием лица, как субъекта состава административного правонарушения, в то время как событие административного правонарушения имело

место быть и сроки давности привлечения к ответственности не истекли. Ввиду чего, Шарафутдинов А.Ш. допускает проведение административного расследования в целях установления лица совершившего правонарушение.

Прошедшая в 2013 г. дискуссия в Магаданской таможне также допускает такой вариант событий. По мнению начальника отдела административных расследований Магаданской таможни А.С. Резниченко при обнаружении незаконного перемещения товаров через таможенную границу, установить лиц, которые их перемещают, не представляется возможным. В момент выявления тайников на морских судах с алкогольной продукцией, никто из членов экипажа не берёт на себя ответственность за данные действия. Установить виновное лицо на момент возбуждения дела не представляется возможным. Поэтому в акте таможенного досмотра данный факт фиксируется, и отражается изъятие незаконно перемещаемых товаров. Дело об административном правонарушении возбуждается в отношении неустановленного лица, о чём выносится соответствующее определение и передаётся в отдел административных расследований для ведения производства по делу [4].

На какой стадии может быть установлено виновное лицо сложно прогнозировать, поэтому процессуальные действия проводятся в отсутствие данного лица, так как многие процедуры требуют значительных временных затрат, в том числе проведение экспертизы. И когда виновное лицо установлено (что происходит не всегда), по данному делу могут быть проведены все оставшиеся процессуальные действия: получение заключения экспертов, опрос свидетелей, помещение изъятых товаров на хранение. От лица, привлекаемого к административной ответственности, требуются только его объяснения перед тем, как дело будет передано на рассмотрение в суд. Как правило, это физические лица, но в ряде случаев виновными устанавливаются юридические лица, которые обжалуют постановления таможенных органов в арбитражном суде.

КоАП РФ сконструирован в таком виде, что изначально предполагает, при возбуждении административного дела присутствие лица, привлекаемое к административной ответственности, хотя из статьи 28.1 КоАП РФ следует, что для возбуждения дела достаточно выявления данных, указывающих на наличие события административного правонарушения [12, с. 30].

Следовательно, по мнению А.С. Резниченко должностное лицо вправе возбуждать административное дело в отношении неустановленного лица. Однако, каким образом соблюсти все права неустановленного лица при возбуждении производства по делу и в дальнейшем, вопрос остаётся открытым и ничем не регламентированным. При этом, С.А. Резниченко предложил несколько вариантов соблюдения прав лиц, привлекаемых к административной ответственности по таким делам. Либо при установлении конкретного лица дублировать ранее проведённые значимые процессуальные действия, либо выяснять у лица, если оно не заявляет никаких ходатайств или возражений, считает ли оно проведённые ранее процессуальные действия законными и обоснованными.

Председатель судебного состава Магаданского арбитражного суда Н.Ю. Нестерова высказывает мнение о том, что необходимо, в первую очередь, направить усилия административных органов на установление лица, совершившего вменяемое нарушение, нет необходимости спешить совершать процессуально значимые действия, в которых по КоАП РФ может участвовать лицо, привлекаемое к админи-

стративной ответственности, так как если лицо не будет установлено, все действия административного органа теряют смысл [4].

Практика возбуждения административного расследования в отношении неустановленного лица по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством широко применяется в некоторых территориальных органах МВД РФ и иных государственных надзорных структурах. Особенно часто такую практику можно заметить в природоохранных надзорных ведомствах, где возбуждение осуществляется по факту выявленного противоправного деяния с признаками административного правонарушения в области экологии и природопользования. Обоснованность таких процессуальных действий, должностные лица государственных органов власти объясняет необходимостью возбуждения дела об административном правонарушении по факту обнаружения признаков административного правонарушения и установления лица совершившего это правонарушение. Приведем пример из административной практики органов внутренних дел. В ходе анализа и изучения 300 административных материалов составленных в УМВД России по г. Калуге мы выявили, что административное расследование в отношении неустановленного лица возбуждается, в 10% случаях, в основном при выявлении правонарушений в области безопасности дорожного движения [5]. Например, при выявлении фактов оставления водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся (то есть в момент, когда данные о нарушителе неизвестны). Однако административное расследование в существующем виде не предполагает установление и поиск виновного лица, а предназначено несколько для иных целей.

Согласно ст. 28.7 КоАП РФ, административное расследование является одной из стадий производства по делу об административном правонарушении. Частью 4 статьи 28.1 КоАП РФ определено, что дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении проведении административного расследования. При этом по мнению Верховного суда Российской Федерации административное расследование представляет собой комплекс, требующих значительных временных затрат, процессуальных действий должностных лиц, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление [6].

Наряду с этим не стоит забывать, что в соответствии с ч. 3.1 ст. 28.7 КоАП РФ, копия определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в течение суток должна быть вручена под расписку либо высылается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему. И вот тут возникает резонный вопрос, кому вручать копию определения, если дело возбуждается «глухарем»? Существует мнение, что определение может быть вручено виновному лицу после его установления. Однако, если следовать логике можно и протокол об административном правонарушении составить в отношении неустановленного лица, а сведения о нем внести когда анкетные данные станут известны [11, с. 60]. При внимательном прочтении ст. 28.7 КоАП РФ мы увидим, что уполномоченное лицо обязано выявить не событие правонарушения или его признаки, а конкретно правонарушение со всеми элементами состава.

Напомню, что событием административного правонарушения является объективная сторона статьи КоАП РФ с формальными признаками (дата, время, место), а понятие самого административного правонарушения дано в ч.1 ст.2.1 КоАП. Следовательно, в момент возбуждения дела об административном правонарушении все элементы состава правонарушения должны быть определены (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). А в нашем случае отсутствует субъект правонарушения, без установления которого возбуждение дела является нарушением порядка привлечения к административной ответственности [13, с. 123].

Совсем недавно дискуссия по данному вопросу возникла на самом высоком уровне судебных инстанций. В частности, авторы из Верховного суда РФ пресловутого законопроекта о декриминализации некоторых статей Уголовного кодекса РФ, очевидно поддерживая позицию о возбуждении дела в неустановленного лица, предложили изложить ст. 28.7 КоАП РФ в редакции допускающей проведение расследования в отношении неустановленного лица [7].

Однако юристы Управления администрации Президента РФ не поддержали данное нововведение. В официальном отзыве сообщалось: «Не может быть поддержано предлагаемое законопроектом дополнение статьи 28.7 КоАП в части проведения административного расследования в отношении неустановленного лица, поскольку КоАП не содержит положений об осуществлении розыскных мер в отношении лица, совершившего административное правонарушение. С учетом того, что КоАП РФ не предусмотрено приостановление производства по делу об административном правонарушении, а также то, что протокол об административном правонарушении может быть составлен, а постановление по делу об административном правонарушении вынесено только в отношении установленного лица, представляется неясным, какое процессуальное решение необходимо будет принять по окончании срока административного расследования в случае, если лицо, совершившее административное правонарушение, в ходе такого расследования, не будет установлено [8]. Аналогичная позиция также была изложена правовым управлением Государственной Думы РФ, согласно которой, возможность проведения административного расследования в отношении неизвестного лица противоречит предназначению расследования и требует комплексного урегулирования в КоАП РФ [9]. С данным мнением мы полностью согласны.

Следовательно, абсолютно незаконно проводя аналогию с уголовно-процессуальным законодательством возбуждать дела об административном правонарушении в отношении неустановленных лиц. Например, в статье 146 УПК РФ при возбуждении уголовного дела должностное лицо не обязано указывать сведения о лице в отношении, которого возбуждено уголовное дело. В то время как ч. 3.1 ст. 28.7 КоАП РФ, прямо предписывает копию определения о возбуждении расследования вручить лицу, привлекаемому к административной ответственности. Уголовный закон в отличие от КоАП РФ допускает розыск подозреваемых лиц.

МВД России в своих директивах также указывает о недопустимости проведения расследования в отношении неустановленных лиц. Например, в письме от 16.02.2017 г. № 1/1615 «О порядке применения норм законодательства об ответственности за побои» сказано, что в случае отсутствия виновного лица, решение по делу в порядке КоАП РФ не может быть принято [10].

По нашему мнению, в настоящее время нет никаких предпосылок для внесения изменений в КоАП РФ в части проведения административного расследования в отношении неустановленного лица. В случае необходимости установления лица, КоАП РФ в действующей редакции предусматривает возможность проведения проверочных мероприятий, в частности: поручения и запросы по делу об административном правонарушении (ст. 26.9 КоАП РФ), истребование сведений (ст. 26.10 КоАП РФ), получение объяснений свидетелей и подозреваемых лиц (ст. 26.3 КоАП РФ), осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (ст. 27.8 КоАП РФ), получение иных доказательств имеющих отношение к делу (26.2 КоАП РФ). После проведения указанных проверочных мероприятий КоАП РФ позволяет составить протокол об административном правонарушении с нарушением сроков предусмотренных ст. 28.5 КоАП РФ, поскольку данные сроки не являются пресекательными [6]. Допустимость возбуждения дела в отношении неустановленного лица требует внесение изменений не только в ст. 28.7 КоАП РФ, как планировали разработчики законопроекта в Верховном суде РФ, но предполагает кардинальную смену всего формата административного процесса (введение норм о розыске лиц, приостановление производства по делу и т.д.). В настоящее время возбудить расследование без нарушения норм КоАП РФ не возможно.

Следовательно, в целях обеспечения законного порядка производства по делу об административном правонарушении необходимо отметить следующее:

2. Административное расследование проводится в обязательном порядке в случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1 и 7.27 КоАП РФ, а также по необходимости в отдельных областях законодательства. Однако ввиду того, что возбуждение административного расследования в отношении неустановленного лица приведет к нарушению ст. 27.8 КоАП РФ, данное процессуальное действие может быть осуществлено после установления виновного лица, что не повлечет существенного нарушения порядка привлечения к административной ответственности.

3. Административное расследование проводится после выявления состава административного правонарушения, а не его события и только в отношении конкретного лица.

Список литературы

1. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" от 03.07.2016 N 323-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" от 03.07.2016 N 326-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. Шарафутдинов А.Ш. Производство по делу об административном правонарушении в отношении неустановленных лиц // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения права и свобод гражданина. Уфимский юридический институт МВД, 2015. № 18-4. С. 34-37.
4. Обобщение по итогам работы круглого стола по теме: «Проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам порядка привлечения лиц к административной ответственности». <http://magadan.arbitr.ru/node/22751> (дата обращения 01.11.2018 г.).
5. Форма отчетности 1-АП УМВД России по г. Калуге Калужской области за 2014-2017 гг.

6. Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2015 N 5. "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС «Консультант Плюс».
7. Проект 953398-6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» внесенный в Государственную Думу Федерального собрания РФ председателем Верховного суда РФ (текст по состоянию на 31.07.2015 г.) // СПС «Консультант Плюс». Проекты правовых актов.
8. Официальный отзыв от 10.12.2015 г. № 8390п-П4 Правительства РФ на проект федерального закона 953398-6 от 31.07.2015 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" // СПС «Консультант Плюс». Проекты правовых актов.
9. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания РФ от 16.02.2016 N 2.2-1/711 "По проекту федерального закона N 953398-6 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" // СПС «Консультант Плюс». Проекты правовых актов.
10. Письмо МВД России от 13.02.2017 г. № 1/1615 «О порядке применения норм законодательства об ответственности за побои» // СПС «Консультант Плюс».
11. Султанов К. А. Вопросы возбуждения административного расследования в отношении неустановленного лица // *Вестник Административного права и практики администрирования*. — 2017. - № 3. - С.57-63.
12. Щепалов С. В. К вопросу о совершенствовании процессуальной формы административного судопроизводства // *Российская юстиция*. 2014. N 8. С. 29–32.
13. Костеников М. В., Куракин А. В. Актуальные проблемы административного права. М., 2015. С. 383.

Sultanov K. A., Ustinov Pavel. Some of the topical issues of the administrative investigation // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 279-285.

The Subject of this work is the initiation of an administrative investigation against an unidentified person. The object of the study is the stage of production in cases of administrative offenses – an administrative investigation. The author considers the existing legal framework and draft laws regulating the investigation of unidentified persons. Special attention is paid to the procedure of initiation of administrative investigation in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs. It describes cases in which the initiation of an investigation against an unidentified person is impossible. Specific recommendations are given for the formation of a unified law enforcement practice in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs and other bodies in the proceedings on an administrative offense.

Keywords: Code of administrative offences of the Russian Federation, internal Affairs bodies, police, administrative fine, offense, administrative law, administrative investigation, unidentified person, administrative process, offender.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" ot 03.07.2016 N 323-FZ // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" ot 03.07.2016 N 326-FZ // SPS «Konsul'tant Plyus».
3. SHarafutdinov A.SH. Proizvodstvo po delu ob administrativnom pravonarushenii v otnoshenii neustanovlennyh lic // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prava i svobod grazhdanina. Ufimskij yuridicheskij institut MVD. 2015. № 18-4. S. 34-37.
4. Obobshchenie po itogam raboty kruglogo stola po teme: «Problemy primeneniya Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah po voprosam poryadka privlecheniya lic k administrativnoj otvetstvennosti». <http://magadan.arbitr.ru/node/22751> (data obrashcheniya 01.11.2018 g.).
5. Forma otchetnosti 1-AP UMVD Rossii po g. Kaluge Kaluzhskoj oblasti za 2014-2017 gg.
6. Punkt 3 Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2015 N 5. "O nekotoryh voprosah, voznykayuschih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" // SPS «Konsul'tant Plyus».
7. Proekt 953398-6 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» vnesennyj v Gosudarstvennyu Dumu Federal'nogo sobraniya RF predsedatelem Verhovnogo suda RF (tekst po sostoyaniyu na 31.07.2015 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus». Proekty pravovyh aktov.
8. Oficial'nyj otzyv ot 10.12.2015 g. № 8390p-P4 Pravitel'stva RF na proekt federal'nogo zakona 953398-6 ot 31.07.2015 g. "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" // SPS «Konsul'tant Plyus». Proekty pravovyh aktov.
9. Zaklyuchenie Pravovogo upravleniya Apparata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo sobraniya RF ot 16.02.2016 N 2.2-1/711 "Po proektu federal'nogo zakona N 953398-6 "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti" // SPS «Konsul'tant Plyus». Proekty pravovyh aktov.
10. Pis'mo MVD Rossii ot 13.02.2017 g. № 1/1615 «O poryadke primeneniya norm zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za poboii» // SPS «Konsul'tant Plyus».
11. Sultanov K. A. Voprosy vzbuzhdeniya administrativnogo rassledovaniya v otnoshenii neustanovlennogo lica // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. — 2017. - № 3. - S.57-63.
12. SHCHepalov S. V. K voprosu o sovershenstvovanii processual'noj formy administrativnogo sudoproizvodstva // Rossijskaya yusticiya. 2014. N 8. S. 29–32.
13. Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Aktual'nye problemy administrativnogo prava. M., 2015. S. 383.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 347.734

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКОВСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА КАПИТАЛЬНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ В СССР

Красавцева Н. Г.

Московский гуманитарный университет

Статья посвящена изучению правовых норм, регулирующих контроль банками за капитальным строительством в СССР, а также обобщению материалов контрольной работы на примере коммунальных банков в системе Цекомбанка СССР. Учитывая законодательно введенный с 1 июля 2018 года контроль уполномоченными банками за целевым использованием застройщиками жилья денежных средств дольщиков, сравнительно-правовой анализ норм, касающихся проведения банковского контроля за жилищным строительством в СССР, поможет определить слабые места действующего законодательства и возможности его развития в данном направлении.

Ключевые слова: банковский контроль, жилищное строительство, СССР, капитальное строительство, банки долгосрочных вложений.

В соответствии с последними изменениями Федерального закона от 30 декабря 2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» [13] уполномоченные банки обязаны проводить контроль целевого использования денежных средств дольщиков, поступивших в распоряжение застройщиков жилья. Установленный контроль должен осуществляться на этапе направления застройщиком платежного поручения в банк для совершения расходной операции путем контроля соответствия назначения и размера платежа, указанного в распоряжении, содержанию документов, представленных застройщиком и являющихся основанием для составления распоряжения.

Изменения существовавшего ранее порядка были вызваны его неэффективностью [5, с. 21], система контроля ежеквартальной отчетности застройщиков об осуществлении деятельности, связанной с привлечением денежных средств дольщиков, направляемой уже после расходования средств, не позволяла пресечь их нецелевое использование и, как следствие, не допустить развития и без того острой социальной проблемы «обманутых» дольщиков.

В советское время механизм контроля за целевым использованием бюджетных средств банками долгосрочных вложений действовал не один десяток лет, в связи с чем исследование нормативно-правовых актов, касающихся проведения банковского контроля за жилищным строительством в СССР и обобщенные материалы проверки, помогут определить слабые места действующего законодательства и возможности его развития в данном направлении.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 5 мая 1932 г. «Об организации специальных банков долгосрочных вложений» [9] в соответствии с интересами быстро развивающегося капитального строительства, требующего специализированной ор-

ганизации финансирования, контроля за установленным целевым использованием государственных средств и удешевления строительства были организованы четыре всесоюзных специальных банка долгосрочных вложений – Промбанк, Сельхозбанк, Всекобанк и Цекомбанк.

Постановление ознаменовало завершение реформы банковской системы СССР, в результате которой были ликвидированы кооперативные и акционерные банки краткосрочного кредита, в целях успешной индустриализации страны финансирование капитальных вложений государством стало осуществляться на безвозвратной основе.

Сложившаяся в ходе реформы структура кредитной системы просуществовала с небольшими модификациями несколько десятилетий вплоть до проведения банковской реформы в 1987–1991 гг. [17, с. 63], что дает обширные практические данные для анализа эффективности примененных методов и инструментов.

Финансирование всего жилищного, коммунального и культурно - бытового строительства, а также комплексного строительства новых городов и поселков было возложено постановлением от 5 мая 1932 г. на Цекомбанк (Банк финансирования коммунального и жилищного строительства), осуществляющий свою деятельность не через филиальную сеть, а через систему местных коммунальных банков. В этой связи в настоящей работе были использованы эмпирические данные по данной организации.

Все средства, предназначенные на капитальные вложения за счет бюджетных ассигнований, собственных средств государственных и кооперативных организаций и специальных фондов, сосредоточивались в банках долгосрочных вложений, осуществлявших свои операции на плановой основе.

Банки долгосрочных вложений осуществляли контроль за целевым использованием отпущенных средств в соответствии с фактическим ходом работ. При этом первоначально к функциям банковского контроля были отнесены [7] только документарные проверки - банки проверяли наличие утвержденных в установленном порядке сметы и титула, оплату счетов производили по установленным ценам или ценам, предусмотренным в договорах или прейскурантах, выдавали денежные средства на заработную плату в пределах установленных фондов, а средств на административно-хозяйственные и прочие расходы - по утвержденным сметам, а также проводили контроль соответствия цен, указанных в акцептованных заказчиками счетах за выполненные подрядчиками работы, положениям заключенных договоров между подрядчиками и заказчиками.

При обнаружении объектов строительства, по которым фактически произведенные расходы уже превысили смету, финансирование объекта должно было прекратиться.

Позднее, Правилами финансирования строительства промышленным банком, утвержденными Постановлением СНК СССР от 26 февраля 1938 г. № 233 «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства», примененными и к другим банкам долгосрочных вложений [1, с. 146], в дополнение к указанным выше обязанностям документарного контроля на банки была возложена уже непосредственная проверка фактического состояния дел на объекте, в том числе, инженерными методами. Для реализации указанных контрольных функций были установлены следующие права банков:

- а) производить обследования строек и подрядных организаций;
- б) производить контрольные обмеры выполненных работ;
- в) требовать предъявления всех необходимых документов;
- г) получать балансы и другую установленную по строительству периодическую и годовую отчетность.

С предоставлением банкам прав производить обследования строек, контрольные обмеры выполненных работ и требовать от субъектов строительной деятельности различные документы, банки долгосрочных вложений, как органы государственного управления, стали осуществлять систематический контроль в капитальном строительстве [1, с. 195]. Важная его особенность состоит в том, что результаты проверок, проводимых инженерными методами, завершают регулирование, осуществляемое на организационно-экономической основе [6, с. 152].

Хотелось бы отметить, что максимальный эффект контрольных мероприятий достигался в совокупности применяемых методов. Например, согласно Отчету Цескомбанка СССР о контрольной работе при финансировании капитального строительства в 1950 году [14, л. 15–16]:

- 1) при проверке наличия и состояния проектно-сметной документации, а также установленной договорами стоимости подрядных работ по предложениям банков договорная стоимость снижалась в среднем на 8%;
- 2) проверка процентов до их оплаты давала снижение стоимости работ на 4,2%;
- 3) выявленные после оплаты методами контрольных обмеров завышения и приписки составляли 5,3%.

Закономерным экономическим эффектом от усиления банковского контроля за деятельностью подрядных организаций явилось оздоровление их финансово-хозяйственного состояния [2, л. 36], однако, реализация выбранного курса была бы невозможна без создания специализированных обучающих программ для повышения квалификации банковских инспекторов [2, л. 8–13], согласно которым обследование строительства признавалось наиболее активной формой банковского контроля.

После создания 9 мая 1950 г. [8] центрального государственного органа межотраслевой координации (Госстроя СССР) развитие нормативно-правовой основы для строительства пошло еще более ускоренными темпами. К постановлениям и распоряжениям высших органов власти СССР и союзных республик, регламентирующим многочисленные вопросы капитального строительства, добавились инструктивные указания Госстроя СССР, инструкции и инструктивные указания банков долгосрочных вложений.

Действующая система расчетов за выполненные работы была очень сложна, банковский контроль носил в значительной степени формальный характер и не способствовал в должной мере укреплению финансовой дисциплины в строительстве [1, с. 145]. При этом банки осуществляли не только контроль за строительством, включая ежемесячный анализ отчетности строек [14, л. 21], но и контроль за финансово-хозяйственной деятельностью подрядных организаций, вплоть до проверки правильности проведения инвентаризаций товарно-материальных ценностей и расчетов [16, л. 26–28] согласно Плану основных работ банка.

Постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. № 1552 «Об упорядочении планирования, укреплении хозяйственного расчета, финансовой дисциплины и улучшении сметного дела в строительстве» права банков в области контроля за расходованием средств были расширены. Теперь банкам долгосрочных вложений было разрешено производить обследования не только строек и подрядных организаций, но и иных предприятий и организаций, запрашивать и получать документы по строительству, включая бухгалтерскую и статистическую отчетность по капитальному строительству, у всех субъектов строительной деятельности (подрядчики, строительные управления, тресты, министерства и пр.), а также предоставлялось право требовать устранения выявленных недостатков.

В дополнение к вышеуказанным правам изменились и полномочия банков в случае обнаружения излишне полученных бюджетных средств. Если ранее банки были вправе прекращать финансирование вплоть до решения вышестоящего органа подрядной организации, то правилами 1955 г. установлена обязанность банков по взысканию излишне полученных сумм, выявленных в результате контрольных обмеров и проверки документов, служащих основанием для получения средств. Кроме того, в случае выявления фактов незаконного присвоения бюджетных ассигнований банкам предписывалось взыскивать штрафы: в размере 1,5% от незаконно полученных средств - с заказчика, и в аналогичном размере - с подрядной организации.

Кроме возможности применения гражданско-правовой ответственности к виновным организациям, банки были обязаны в случае выявления завышений и приписок передавать материалы проведенных проверок в органы прокуратуры для привлечения к административной и уголовной ответственности виновных работников подрядных организаций, подписавших несоответствующие фактическому положению акты выполненных работ [14, л. 20].

Обобщенные материалы контрольной работы коммунальных банков свидетельствуют о том, что основными причинами удорожания строительства являлись [4, л. 7–16]:

- а) неудовлетворительное использование механизмов, перерасходы по транспорту;
- б) неэкономное (бесхозяйное) расходование строительных материалов, излишнее затоваривание ненужным инвентарем, оборудованием и материалами [14, л. 26, л. 38];
- в) превышение фондов заработной платы;
- г) включение в акты выполненных работ невыполненных работ, работ по завышенным расценкам, завышенных объемов работ и незавершенного производства [3, л. 1–5];
- д) иные непроизводительные затраты и потери (штрафы, пени и прочее) [14, л. 136–146].

Выработанный партией курс на повышение эффективности экономики требовал реализации основного принципа социалистического хозяйствования – хозяйничать экономно, обеспечивая более быстрый рост результатов производств, чем рост затрат на него. В разрезе строительной отрасли данный принцип дополнительно реализовался в Технических правилах по экономному расходованию основных строи-

тельных материалов [15], которые после утверждения в 1970 г. неоднократно дополнялись и совершенствовались вплоть до их отмены в 1989 г.

В 1980-х гг. научные исследования в области эффективности банковского контроля, основанные на анализе материалов проверок, показали, что перерасход материальных ресурсов в строительстве вызывается в основном отступлениями от утвержденных проектных решений, несоблюдением Технических правил по экономному расходованию основных строительных материалов, дополнительным расходом материалов на работы по исправлению недостатков, несоблюдением технологии производства строительно-монтажных работ и иными причинами. В связи с чем автор обосновал необходимость формирования в системе банка фонда технико-экономических показателей расхода основных видов строительных ресурсов в качестве объективной основы всестороннего анализа и контроля [6, с. 156–157].

В современной России законодательно установленные полномочия банков по контролю за целевым использованием застройщиками жилья денежных средств дольщиков выглядят аналогично полномочиям банков долгосрочных вложений в начале 30-х годов, а именно: современным банкам предоставлены права проверять документы, являющиеся основанием для составления распоряжения на расходную операцию по расчетному счету застройщика [12], в том числе сводную накопительную ведомость проекта строительства, договоры подряда и акты о приемке выполненных работ (КС-2) и их стоимости (КС-3), акты приемки объекта (КС-11, КС-14), договоры возмездного оказания услуг и акты к ним, товарные и товарно-транспортные накладные на приобретаемые застройщиком товарно-материальные ценности и акты их приемки-передачи, универсальные передаточные документы, счета, счета-фактуры, иные документы, подтверждающие исполнение получателем средств своих обязательств по договору. При этом законом определены ограничения размера административно-хозяйственных расходов застройщика, размеров авансовых платежей по договорам подряда, запрет на перенаправление целевых средств на строительство иных объектов, а также запрет на совершение ряда операций по расчетному счету застройщика.

По факту проведенной проверки уполномоченный банк имеет право отказать в проведении операции, если будет выявлен нецелевой характер использования средств, то есть фактически прекратить финансирование работ за счет средств дольщиков. Вместе с тем, в случае, если платеж по документам будет соответствовать цели строительства объекта, но не соответствовать фактическому состоянию дел на строительной площадке (работы фактически не выполнены или выполнены в меньшем объеме), банк проведет нецелевую расходную операцию.

Учитывая опыт советского регулирования, по нашему мнению, расширение имеющихся прав уполномоченных банков в современной России, а в ряде случаев, и прав уполномоченного органа по контролю за привлечением денежных средств участников долевого строительства, необходимо для разрешения уже имеющихся в отрасли проблем¹.

Целесообразно уполномоченным банкам предоставить права обследовать подконтрольные строительные объекты и проводить контрольные замеры выполненных работ, с правом передавать материалы проверок в уполномоченный орган по контролю за долевым строительством для рассмотрения вопросов о привлечении виновных лиц к административной ответственности или передачи материалов в след-

ственные органы. Дополнительно, необходимо введение права уполномоченного органа по контролю за долевым строительством истребовать в рамках внеплановых проверок застройщиков договоры и первичные документы по строительству конкретного объекта от подрядных и субподрядных организаций контролируемых застройщиков.

В целях проведения объективного анализа сметной стоимости затрат на строительные материалы и недопущения завышения указанных расходов в составе планируемой стоимости строительства объектов могут помочь утвержденные нормы расхода основных видов ресурсов в жилищном строительстве.

Для своевременной и качественной подготовки кадровых ресурсов в системе уполномоченных банков будет полезна разработка профильной обучающей программы по вопросу правового регулирования банковского контроля за жилищным строительством с включением в нее юридического, инженерно-технического и финансового блоков.

Резюмируя данные, полученные в рамках настоящего исследования, полагаю, что введение банковского сопровождения жилищного строительства в целом благотворно скажется на состоянии отрасли. Непрозрачные компании будут вынуждены перейти на новый способ работы, недобросовестные – уйти с рынка долевого строительства, а застройщики, которые продолжают осуществление деятельности в данном сегменте, произведут модернизацию бизнес-процессов, что приведет к их финансово-хозяйственному оздоровлению и устойчивости.

Список литературы:

1. Барышев М. И. Правовые вопросы капитального строительства в СССР. М.: Госюриздат, 1958. 260 с.
2. Директивные письма Цekomбанка за 1940 г., 21 января 1940 - 27 декабря 1940 // Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф. 9028. Оп. 1. Д. 97. 64 л.
3. Докладная записка Цekomбанка СССР в Совмин РСФСР о приписках и завышениях стоимости выполненных строительно-монтажных работ строительными организациями, подведомственными Минжилгражданстрою РСФСР // РГАЭ. Ф. 9028. Оп. 1. Д. 633. 73 л.
4. Доклад Цekomбанка о результатах рассмотрения отчетов министерств и ведомств по подрядной деятельности за 1956 год // РГАЭ. Ф. 9028. Оп. 1. Д. 696. 33 л.
5. Зимнева С. В. Ответственность застройщика за целевое использование денежных средств участников долевого строительства // Юрист. 2016. № 19. С. 20–24.
6. Лукашевский В. М. Выявление и реализация резервов экономии металла в строительстве методами банковского контроля (на опыте работы Стройбанка СССР): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 1984. 178 с.
7. О порядке контроля, осуществляемого банками долгосрочных вложений при финансировании капитального строительства: Постановление СНК СССР от 27 апреля 1933 № 848 // Собрание законодательства СССР. 1933. №28. Ст. 169.
8. Об образовании Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства: Указ Верховного Совета СССР от 9 мая 1950 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938 – июль 1956 / под ред. Мандельштам Ю. И. М.: Госюриздат, 1956. С. 94–95.
9. Об организации специальных банков долгосрочных вложений: Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 5 мая 1932 // Собрание законодательства СССР. 1932. № 31. Ст. 191.
10. Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства: Постановление СНК СССР от 26 февраля 1938 № 233 // Собрание законодательства СССР. 1938. №9. Ст. 58.
11. Об упорядочении планирования, укреплении хозяйственного расчета, финансовой дисциплины и улучшении сметного дела в строительстве: Постановление Совета Министров СССР от 24 августа 1955 № 1552 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1693687363006618749625715448&cacheid=FCC4EB9D30A10CEE30FA61B80A44430F&mode=splus&base=ESU&n=6881&rnd=0.8079163919543528#014063438825340824> (дата обращения: 08.12.2018).

12. Об утверждении состава документов, необходимых для проведения операций по расчетному счету застройщика: Постановление Правительства РФ от 01 августа 2018 № 897 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 33. Ст. 5412.
13. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. №1 (часть 1). Ст. 40.
14. Отчет Цеккомбанка СССР о контрольной работе при финансировании капитального строительства в 1950 году // РГАЭ. Ф. 9028. Оп. 1. Д. 615. 236 л.
15. Технические правила по экономному расходованию основных строительных материалов. ТП 101-70 / Госстрой СССР. - М.: Стройиздат, 1971. 32 с.
16. Указания и инструкции Цеккомбанка СССР по системе, т. 1, 04 января - 29 апреля 1950 // РГАЭ. Ф. 9028. Оп. 1. Д. 607. 237 л.
17. Уразова С. А. Особенности и значение кредитной реформы 1930 – 1932 годов // Деньги и кредит. 2011. № 4. С. 58–63.

Krasavtseva N. G. Legal regulation of bank control over capital construction in the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 293.

The article is devoted to the study of legal norms regulating the control of banks over capital construction in the USSR, as well as the generalization of the materials of control work on the example of municipal banks in the system of the USSR Bank of financing of municipal and housing construction. Taking into account the legislative control of authorized banks over the targeted use of housing developers' funds of shareholders, introduced from July 1, 2018, the comparative legal analysis of the norms relating to the banking control over housing construction in the USSR, will help to determine the weaknesses of the current legislation and the possibility of its development in this direction.

Keywords: Bank control, housing construction, USSR, capital construction, long-term investment banks.

Spisok literaturyi:

1. Baryshev M.I. Pravovyye voprosy kapitalnogo stroitelstva v SSSR. M.: Gosyurizdat, 1958. 260 s.
2. Direktivnyye pisma Cekombanka za 1940 g., 21 yanvarya 1940 - 27 dekabrya 1940 // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (dalee - RGAE). F. 9028. Op. 1. D. 97. 64 l.
3. Dokladnaya zapiska Cekombanka SSSR v Sovmin RSFSR o pripiskah i zavysleniyah stoimosti vypolnennykh stroitelno-montazhnykh rabot stroitel'nymi organizacijami, podvedomstvennymi Minzhilgrazhdanstroyu RSFSR // RGAE. F. 9028. Op. 1. D. 633. 73 l.
4. Doklad Cekombanka o rezultatax rassmotreniya otchetov ministerstv i vedomstv po podryadnoj deyatelnosti za 1956 god // RGAE. F. 9028. Op. 1. D. 696. 33 l.
5. Zimneva S.V. Otvetstvennost' zastrojshhika za necelevoe ispol'zovanie denezhnykh sredstv uchastnikov dolevogo stroitel'stva // Yurist. 2016. № 19. S. 20–24.
6. Lukashevskij V.M. Vyyavlenie i realizaciya rezervov ekonomii metalla v stroitel'stve metodami bankovskogo kontrolya (na opyte raboty Strojbanka SSSR): dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05. M., 1984. 178 s.
7. O poryadke kontrolya, osuschestvlyаемого bankami dolgosrochnykh vlozhenij pri finansirovanii kapitalnogo stroitel'stva: Postanovlenie SNK SSSR ot 27 aprelya 1933 № 848 // Sobranie zakonodatel'stva SSSR. 1933. №28. St. 169.
8. Ob obrazovanii Gosudarstvennogo komiteta Soveta Ministrov SSSR po delam stroitel'stva: Ukaz Verhovnogo Soveta SSSR ot 9 maya 1950 // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR: 1938 – iyul 1956 / pod red. Mandelshtam Yu. I. M.: Gosyurizdat, 1956. S. 94–95.
9. Ob organizacii specialnykh bankov dolgosrochnykh vlozhenij: Postanovlenie CIK SSSR i SNK SSSR ot 5 maya 1932 // Sobranie zakonodatel'stva SSSR. 1932. № 31. St. 191.
10. Ob uluchshenii proektnogo i smetnogo dela i ob uporyadochenii finansirovaniya stroitel'stva: Postanovlenie SNK SSSR ot 26 fevralya 1938 № 233 // Sobranie zakonodatel'stva SSSR. 1938. №9. St. 58.
11. Ob uporyadochenii planirovaniya, ukreplenii xozyajstvennogo rascheta, finansovoj discipliny i uluchshenii smetnogo dela v stroitel'stve: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 24 avgusta 1955 № 1552 //

Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1693687363006618749625715448&cacheid=FCC4EB9D30A10CEE30FA61B80A44430F&mode=splus&base=ESU&n=6881&rnd=0.8079163919543528#014063438825340824> (data obrascheniya: 08.12.2018).

12. Ob utverzhenii sostava dokumentov, neodimimyh dlya provedeniya operacij po raschetnomu schetu zastroyshchika: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 01 avgusta 2018 № 897 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2018. № 33. St. 5412.

13. Ob uchastii v dolevom stroitelstve mnogokvartirnyh domov i inyx obektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatelnye akty RF: Federalnyj zakon ot 30.12.2004 № 214-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF. 2005. №1 (chast 1). St. 40.

14. Otchet Cekombanka SSSR o kontrolnoj rabote pri finansirovanii kapitalnogo stroitelstva v 1950 godu // RGAE. F. 9028. Op. 1. D. 615. 236 l.

15. Texnicheskie pravila po ekonomnomu rashodovaniyu osnovnyh stroitelnyh materialov. TP 101-70 / Gosstroj SSSR. - M.: Strojizdat, 1971. 32 s.

16. Ukazaniya i instrukcii Cekombanka SSSR po sisteme, t. 1, 04 yanvarya - 29 aprelya 1950 // RGAE. F. 9028. Op. 1. D. 607. 237 l.

17. Urazova S.A. Osobennosti i znachenie kreditnoj reformy 1930 – 1932 godov // Dengi i kredit. 2011. №4. S. 58–63.

УДК 340.15:347.79

РЕОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ В СССР В 1934 – 1939 гг.

Змерзлый Б. В., Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ реформ в отношении управления морскими торговыми портами СССР во второй половине 1930-х гг. Проанализированы основные законодательные акты, посвященные данной проблеме, а также отдельные ведомственные инструкции и циркуляры, раскрыто их содержание, логическая взаимосвязь и взаимная дополняемость. Раскрыта структура государственного управления морским торговым флотом вообще, и торговыми портами в частности, сложившаяся к концу 1930-х гг., на уровне от соответствующих комиссариатов до начальников отдельных участков и секторов в торговых портах.

Ключевые слова: реформа, морской торговый порт, постановление, структура.

Особенности административной и правовой организации деятельности торгового флота и по сегодняшний день является важной и актуальной тематикой многочисленных научных исследований [1-16]. Однако, занимаясь в первую очередь изучением данной проблематики, в основном на современном этапе, не стоит забывать, что эта система уходит своими корнями в далекое, в основном советское прошлое, т.к. основные этапы ее эволюции относятся именно к этому периоду истории.

Реорганизацию органов управления портами в СССР, произошедшую в 1934 г., заложило положение о взаимоотношениях управляющих портовых таможен и начальниками торговых портов от 24 апреля 1934 г. Для нас оно важно тем, что конкретизировало отдельные права и обязанности начальников портов.

Так, в нем указывалось, что во главе управления морского торгового порта стоит начальник порта, ответственный за управление портовым хозяйством, за сохранность грузов как при производстве погрузочно-разгрузочных операций, так и при хранении на складах. Органам же таможни не разрешалось вмешиваться в хозяйственную деятельность начальника порта (п. 1).

Контроль за выполнением на всей территории порта всех таможенных правил возлагался на таможенные органы в портах (п. 2). В тоже время, районы выгрузки и погрузки грузов внешнеторгового оборота, как и места стоянки в районе порта иностранных судов и советских судов заграничного плавания и большого каботажа устанавливались начальником торгового порта по согласованию с управляющим таможней (п. 3).

При этом, в районах порта, установленных для выгрузки и погрузки грузов внешнеторгового оборота, начальник порта обязан был выделять по взаимному согласию с управляющими таможней складочные помещения для их хранения, которые находились в исключительном ведении порта, но под контролем таможни. В тех случаях, когда портовых складских помещений не хватало для размещения гру-

зов внутреннего оборота, разрешалось на свободную площадь, выделенную для внешнеторгового, помещать грузы внутри-оборотные, но при обязательном условии отдельного расположения грузов без смешивания внешнеторговых с внутри-оборотными (п. 4).

Устанавливалось как правило, что выгрузка с пароходов грузов производилась по коносаментам, представляемым начальником порта таможне, а в тех случаях, когда коносаменты отсутствовали – по манифестам (п. 5).

Порядок хранения грузов внешнеторгового оборота (в части соблюдения таможенных правил), поступающие на склады, выделенные портом, определялись правилами, издаваемыми Наркомвнешторгом, в порядке ст. 3 таможенного кодекса, которые были обязательны для исполнения начальниками портов (п. 6).

Так же подчеркивалось, что все ведомственные распоряжения и постановления центральных органов системы Наркомвнешторга, не касающиеся соблюдения таможенного режима и Наркомвода по портовым делам были обязательны как для управляющего, так и для начальника порта, если таковые не противоречили изданным и согласованным правилам (п. 9) [17, л. 224 – 225].

15 марта 1934 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации органов управления водного транспорта». Его целью объявлялись ликвидация организационных недостатков в деле управления водным транспортом, коренное улучшения его работы, укрепления единоначалия и насаждение «сознательной пролетарской дисциплины». Для решения этих задач предписывалось реорганизовать Наркомводтранс и его органы.

Что касается центрального аппарата НКВТ, то следовало ликвидировались его различные функциональные объединения и центральные управления, в том числе и центральное управление портов (Цупорт), с передачей портов морским пароходствам. Также предписывалось объединить Морфлот, Совторгфлот и Цупорт в одно центральное управление морского флота (Цуморфлот).

Кроме того, при НКВТ создавалось политическое управление водного транспорта. В самом же НКВТ предписывалось создать следующие отделы: а) планово-финансовый; б) рабочего снабжения; в) подготовки кадров; г) военизированной и пожарной охраны; д) судоходного надзора; е) регистр СССР; ж) мобилизационный; з) управление делами.

Устанавливалось, что непосредственно при НКВТ состоят: а) группа инспекторов; б) группа по распределению руководящих кадров; в) совещание по перевозкам; г) арбитраж.

Сохранялись на правах самостоятельных хозяйственных предприятий управления крупнейших строителей на водном транспорте и экспедицию подводных работ особого назначения на морях и реках СССР (ЭПРОН).

Для Цуморфлот была установлена такая структура: а) эксплуатационный сектор; б) механико-судовой сектор; в) плановый сектор; г) финансовый сектор; д) сектор капитального строительства; е) административный сектор; ж) сектор пути и связи (в речных управлениях); з) сектор портового хозяйства (в управлении морского флота).

Для эксплуатации морского флота, производства судоремонта и судостроения и руководства портовым хозяйством, постановлением предписывалось образовать следующие управления морских пароходств: Черноморское управление сухогруз-

ного и пассажирского флота – в Одессе; Черноморское управление нефтеналивного флота – в Туапсе; Каспийское управление морского флота – в Баку; Азовское управление морского флота – в Ростове на Дону; Северное управление морского флота – в Архангельске; Балтийское управление морского флота – в Ленинграде; Дальневосточное управление морского флота – во Владивостоке.

Устанавливалась следующая типовая структура морских пароходств: а) начальник управления, заместитель начальника управления – главный инженер, помощник начальника управления по рабочему снабжению; б) служба эксплуатации с группой связи; в) служба портового хозяйства; г) механико-судовая служба; д) планово-финансовый отдел; е) строительный отдел (при большом объеме строительных работ); ж) отдел рабочего снабжения; з) мобилизационная группа; и) административный отдел с группой подготовки кадров.

В управлениях морских пароходств, обслуживающих внешний торговый оборот и каботажное плавание, в составе службы эксплуатации следовало создать группы по заграничному плаванию и по каботажному плаванию.

Устанавливалось, что начальники управлений морских пароходств непосредственно назначают и смещают начальников служб и отделов, капитанов судов, начальников портов и начальников судоремонтных мастерских, с представлением на утверждение центрального управления морского флота (Цуморфлота) произведенных ими назначений начальников портов, начальников служб и капитанов крупнейших пароходов и теплоходов.

При этом ликвидировались такие самостоятельные отделы в управлениях портов как: а) экономики труда; б) технического нормирования; в) оздоровление условий труда и техники безопасности; г) массовой производственной работы; д) бюро по улучшению производства.

Одновременно с этим устанавливалась типовая структура управлений портов первого разряда: а) начальник порта – с возложением на него непосредственного руководства организацией погрузочно-разгрузочных работ, помощник начальника по технической части; б) портовой надзор (капитан порта); в) начальник судоремонтных мастерских, непосредственно подчиненный начальнику порта; г) материально-заготовительная часть; д) планово-финансовая часть; е) отдел рабочего снабжения; ж) мобилизационная группа; з) административный отдел.

Что же касается портов иных разрядов, то разработка их структур поручалась НКВТ. В завершении постановления по этому вопросу указывалось, что начальники портов в дальнейшем будут непосредственно подчинены начальникам управлений морских пароходств.

Кроме того, НКВТ обязали: а) провести указанные выше мероприятия по реорганизации органов управления водного транспорта к 1 апреля 1934 г.; б) в двухдекадный срок представить в СНК СССР проект нового положения о НКВТ; в) одновременно с реорганизацией органов управления водного транспорта произвести на основе тщательного персонального отбора передвижку значительной части инженерно-технических работников и хозяйственников из управленческого аппарата в низовые производственные звенья водного транспорта (порты, пристани, затоны, участки, суда) в целях их укрепления (С.З. СССР, 1934, № 15, ст. 104).

Во исполнение данного постановления 4 апреля 1934 г. был издан приказ НКВТ «О структуре портов и портовых мастерских II и III разрядов». Им устанавливалась

такая структура управления портов 2-го разряда: а) начальник порта; б) помощник начальника порта; в) капитан порта; г) отдел рабочего снабжения (ОРС); д) планово-финансовый и материальный отдел; е) административный сектор (п. 1).

Структура управления портов 3-го разряда была более упрощенной: а) начальник порта, б) производственная часть, в) капитан порта, г) финансово-материальная часть с функциями рабочего снабжения; д) административная часть (п. 2).

Судоремонтные мастерские портов данным приказом распределялись по следующим разрядам: а) 1-й – с годовой продукции свыше 2-х мл. р.; 2-й – от 500 тыс. руб. до 2 млн. руб.; 3-й до 500 тыс. руб. (п. 3). Согласно этому к 1-му разряду портовых мастерских были отнесены: а) Керченские – Керченского торгового порта; б) Таганрогские; в) Мариупольские; г) Николаевские; д) Владивостокские.

Структура портовых мастерских 1-го разряда равно как подчиненных непосредственно управлению флота заводов им. А. Марти в Одессе, Канонерские мастерские в Ленинграде, Красная Кузница в Архангельске, Пар. Коммуна и Закфедерация в Баку и имени Дзержинского в Туапсе, имени десятилетия октября и К. Маркса в Астрахани устанавливались согласно ст. 13 пост. ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. «о реорганизации органов управления водного транспорта».

Структура судоремонтных мастерских 2-го разряда включала в себя: а) начальник мастерских; б) зам. начальника и главный инженер; в) плановый отдел (подчиненный начальнику); г) технический отдел (подчиненный главному инженеру); д) бухгалтерия; е) материально-хозяйственная часть. В связи с указанным распределением к 2-му разряду главных мастерских были отнесены мастерские Ростова, Баку, Одессы, Мурманска, Архангельска, Новороссийска, Поти (п. 4).

Структура мастерских 3 разряда была более сжатой: а) начальник мастерских; б) начальник планово-технической части инженер; в) материально-хозяйственная часть. К 3-му разряду отнесли мастерские в Махач-Кале, Батуми, Феодосии, Красноводске и Ейске.

При это указывалось, что мастерские 2-го и 3-го разряда своих отделов рабочего снабжения не организуют, а обслуживаются по вопросам рабочего снабжения единым портовым отделом рабочего снабжения. Финансовое планирование мастерских 2-го и 3 разрядов возлагалось на управление порта. Законченную бухгалтерскую отчетность по мастерским 2 разряда (кроме расчетных функций) возложили на финансово-материальный аппарат соответствующего порта (п. 5) [19, л. 244-245].

Следующим шагом стала подготовка и издание приказа НКВТ №118 от 9 апреля 1934 г., которым вводилось с 1 апреля 1934 г. в действие «временное положение о морском торговом порте». Им, морской торговый порт объявляется самостоятельной хозяйственно-производственной организацией, подчиняющейся начальнику управления морского флота и работающий на основе полного хозрасчета по промфинплану, утвержденному начальником управления морского флота (п. 1).

К ведению морского торгового порта были отнесены портовые воды (гавани и рейды), портовая территория со всеми находящимися на ней сооружениями, технический, вспомогательный, парусно-моторный и ледокольный флот и судоремонтные мастерские (п. 2).

К функциям морского торгового порта относились: а) организация и производство погрузочно-разгрузочных работ, транспортно-экспедиторских операций и автожелезных перевозок в порту, организация и эксплуатация служебного хозяйства и

перевозка грузов и пассажиров местных сообщений; б) эксплуатация всех береговых сооружений на территории порта; в) эксплуатация приписанного к порту служебно-вспомогательного, технического и ледокольного флота; г) проведение ледокольных кампаний; д) производство дноуглубительных работ; е) портовые изыскания, строительство и ремонт всех портовых сооружений; ж) содержание в исправности портовых огней, предостерегательных знаков, средств сигнализации, подъездных путей, водоснабжения, освещения, противопожарного устройства, как и выполнения работ по общему благоустройству порта и портовой территории; и) поддержание в судоходном состоянии портовых вод и подходных к порту каналов; л) осуществление портового и ветеринарно-санитарного надзора; м) организация пригородного хозяйства и баз по снабжению рабочих и служащих порта продовольствием (п. 3).

Права и обязанности начальника порта 1 разряда устанавливались разделом III приказа. Устанавливалось, что во главе морского торгового порта стоит начальник порта, назначаемый начальником управления морского флота, утверждаемый начальником Цуморфлота и ответственный перед начальником управления флота за управление портовым хозяйством (п. 4). Правительственные же функции начальников портов и вытекающие из этих функций права и обязанности их осуществляются согласно постановления СТО от 10 апреля 1931 г. (С.З.СССР 1931 №22 ст. 186) «о правах и обязанностях начальников морских торговых портов СССР» (п. 5).

Начальник порта, согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. («О реорганизации органов управления водного транспорта»), непосредственно руководил производственными погрузо-разгрузочными участками. При этом указывалось, что производственный погрузочно-разгрузочный участок является хозрасчетной единицей, работающей на основе сметно-суточного и месячного производственного задания, утвержденного начальником порта.

К производственному участку прикреплялись стационарные механизмы, расположенные на данном участке, склады, необходимый для бесперебойной работы инвентарь и передвижные механизмы, рабочая сила с инженерно-техническим обслуживающим персоналом (п. 6).

Для обеспечения круглосуточного производственного процесса на погрузочно-разгрузочных работах, осуществления единого сметно-суточного производственного плана по всем хозрасчетным звеньям портового хозяйства, участвующим в транспортно-перевалочном процессе (производственные погрузочно-разгрузочные участки, авто-электро-гужевой транспорт, вспомогательный буксирный и баржевой флот, расстановка пароходов и вагонов по производственным участкам, очередность подачи судов, вагонов и распределение по производственным участкам грузопотоков и средств производства в соответствии с объемом работ), непосредственно при начальнике порта полагалась диспетчерская часть.

Она организовывалась из расчета непрерывной круглосуточной работы по всем хозяйственным единицам порта с обеспечением на каждую смену ответственного диспетчера по всему порту в целом. При этом главному диспетчеру и ответственному сменному диспетчеру подчинялись все производственные звенья порта в период выполнения погрузо-разгрузочных работ (п. 7).

Отдельно устанавливалось, что начальник порта имел право: а) заключать договора, сделки и соглашения по всем хозяйственным операциям порта; б) выдавать от

имени управления порта доверенности; в) председательствовать во всех органах, судебных и арбитражных, установлениях от имени управления порта, без особой на то доверенности; г) назначать, перемещать и увольнять рабочих и служащих во всех отраслях портового хозяйства, а также налагать на них дисциплинарные взыскания и осуществлять меры поощрения в соответствии с особым законом; д) устанавливать правила внутреннего распорядка как в береговых портовых организациях, так и на судах, эксплуатируемых портом.

Указывался также и круг ведения входящих в состав Управления порта и подчиненных начальнику порта должностных лиц и частей порта 1-го разряда (раздел IV приказа).

Это, во-первых, помощник начальника порта по технической части. На него возлагалось: а) регулирование взимания сборов и платы за услуги оказываемые в портах; б) выдача разрешений на производство строительных работ на территории порта и в портовых водах; в) эксплуатация территорий порта, причальных линий, складского хозяйства и других сооружений порта; г) эксплуатация буксирного, парусно-моторного и ледокольного флота и местные перевозки пассажиров и грузов вспомогательным портовым флотом; д) эксплуатация и ремонт механизмов и автомобильного транспорта; е) руководство тепло-техническими мероприятиями в области экономии топлива; ж) заключение договоров по хозяйственным операциям порта, рассмотрение претензий и установление тарифов и калькуляций по производственной деятельности порта и согласование с местными правительственными и другими организациями вопросов о границах порта; з) замещение начальника порта.

Во-вторых, капитан порта. На него возлагалось: а) осуществление портового надзора. Контроль за соблюдением посещающими порт судами законов и правил, обеспечивающих безопасность торгового мореплавания, а также за соблюдением портовых обязательных постановлений и привлечение нарушителей указанных законов, правил и постановлений к ответственности; б) регулирование движения судов в порту и в морских каналах и контроль правильной расстановки судов у причалов, регистрация прихода и ухода судов; в) осуществление ветеринарно-санитарного надзора, а равно и надзора за пожарной и общей охраной всего имущества, находящегося в пределах порта; г) контроль состояния портовых огней, маяков и других предостерегательных знаков в границах порта, производство сигнализации штормовых и других предупреждений, а также заведывание зрительной связью между берегом и судами; д) принятие мер по спасению людей и грузов при авариях, сбережение спасенного имущества; е) руководство службой портовых лоцманов; ж) проверка документов судоводителей и судовых механиков по управлению судами и машинами, в портах 1 разряда и некоторых портах 2-го разряда, а также и производство дел по выдаче дипломов и свидетельств, на судоводительские и судомеханические звания; з) выдача мореходных книжек и засвидетельствование записей о плавании; и) регистрация судов морского торгового флота СССР и выдача соответствующих судовых документов; к) контроль за пассажирскими перевозками и за содержанием пассажирских вокзалов.

В-третьих, старший инженер порта. В его обязанности входило: а) производство гражданских и гидротехнических работ порта; б) инспектирование и приемка работ, проводимых для порта другими организациями; в) наблюдение за техническим со-

стоянием портовых береговых сооружений, каналов и вспомогательного флота; г) разработка планов, проектов и смет строительства и ремонта портовых сооружений.

В-четвертых, планово-финансовая часть, на не возлагались: разработка и составление перспективных, годовых, квартальных и месячных планов по всему порту, приписным пунктам, отдельным портовым единицам, по грузообороту, перевозкам, ремонту и строительству; разработка мероприятий по внедрению и проведению хозрасчета всех хозяйственных единиц порта; разработка плана и основных мероприятий в области реконструкции всего хозяйства порта; методическое руководство низовым планированием и технормированием; разработка измерителей и показателей по отдельным видам портовых операций; составление финансовых приходно-расходных смет, планов и разассигнование кредитов в пределах утвержденных финпланом лимитов по отдельным единицам порта; учет договоров и установление охвата ими плановых заданий по доходам и расходам порта, согласование размеров и сроков платежей по договорным обязательствам и промфинпланам и ведение приходо-расходной денежной отчетности по всем видам портового хозяйства; производство оперативно-расчетных операций, а также денежных расчетов с флотом и клиентурой по фрахтам, портовым сборам и разным услугам порта другим организациям; ведение морской грузовой отчетности и отчетности по транспортно-перевалочным операциям и агентированию судов; контроль за расходованием фондов заработной платы, материалов и имущества; ведение статистического и оперативного учета хозяйственной деятельности порта; составление и представление статистических отчетов и конъюнктурных экономических обзоров Управлению флотом по формам и в сроки, установленные последними; экономический анализ себестоимости и учет результатов внедрения хозрасчета в отдельных хозяйственных единицах порта и общий анализ хозяйственной деятельности порта на основе учетно-статистических данных; проведение паспортизации и инвентаризации всего портового имущества; организация и ведение бухгалтерского учета хозяйственной деятельности порта; составление бухгалтерской отчетности о себестоимости, по выполнению финплана, месячных, квартальных и годовых отчетов и балансов; наблюдение за финансово-кредитно-сметной дисциплиной и своевременное принятие мер для устранения всех отрицательных отклонений от промфинплана.

В-пятых, на отдел рабочего снабжения (ОРС) возлагалось: обеспечение рабочих и служащих продовольствием путем организации продовольственных баз (пригородные, рыболовецкие хозяйства, свинарники, молочные фермы и т.д.), организация магазинов, столовых, ларьков, фабрик-кухонь, децентрализованных заготовок в районах, выделенных надлежащими организациями и снабжение рабочих и служащих порта заборными продовольственными документами.

В-шестых, материально-техническая часть. Ей поручалось: а) разработка планов и норм на все виды материального и топливного снабжения всех единиц порта и строительства; б) заготовка материалов и снабжение всех единиц порта топливом, материалами и инвентарем; в) реализация нарядов по централизованному снабжению материалами и топливом и заведывание материальными и топливными складами; г) выдача топлива и его учет порта и флота, а также ведение материальной отчетности.

В-седьмых, административный отдел, который занимался административно-хозяйственным обслуживанием управления порта; оформлением приема и увольне-

ния рабочих и служащих; учетом личного состава рабочих и служащих порта, подготовкой и переподготовка кадров по курсовой системе и ФЗУ как с отрывом от производства, так и без отрыва; делопроизводством управления порта и управление жилищным фондом порта (п. 9).

Что касается мобилизационной группы портов 1-го разряда, то предписывалось их работу строить на основании особого положения (п. 10).

Для портов 2-го разряда право и функции планово-финансовой и материально-заготовительной частей портов 1-го разряда присваивались планово-финансовому и материально-техническому отделу портов 2-го разряда (п. 11).

Для портов 3-го разряда производственной части порта присваивались функции помощника начальника порта 1-го разряда, а также производство строительных и ремонтных работ; функций рабочего снабжения и материального снабжения – планово-финансовой части (п. 12) [19, л. 237 – 243].

В развитие данного приказа 9 июля 1934 г. издана инструкция НКВТ «О мероприятиях, связанных с п. 6-м 20-го раздела постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКПб от 5.05.1934 г. О планировании перевозок и улучшения работы водного транспорта». Данным документом вся находящаяся на территории пристаней и портов военизированная стрелковая и пожарная охрана оперативно была подчинена начальникам пристаней и портов с предоставления им права расположения постов охраны по их усмотрению [20, л. 38 – 39].

Кроме того, ЦУМОР 15 июля 1934 г. за №530 указал всем НМОР «О функциях служб портового хозяйства управлений морских пароходств». Так, в частности, на них возлагалось: 1) руководство деятельностью портов, принимая в необходимых случаях, конкретные меры к предупреждению или ликвидации прорывов, путем своевременного инструктирования и командирования в порты работников соответствующих специальностей;

2) составлять месячные планы грузооборота портов, спуская их последним в сроки, установленные Цуморфлотом;

3) производить ежемесячный анализ выполнения месячного плана работы порта, а равно эксплуатационных измерителей, на основе отчетов о выполнении планов, докладов, рейсовых донесений, таймшитов и др.

4) принимать участие в составлении годовых и квартальных планов работы порта, устанавливая совместно с планово-финансовым отделом общий грузооборот порта и измерители по отдельным элементам портового хозяйства (погрузочно-разгрузочные работы, использование механизмов, пристанское хозяйство, ледокольный, буксирный флот, самоходный и не самоходный флот и т.д.);

5) рассматривать предложения портов в области разработки тарифа, ставок и сборов по операциям порта, представляя их на рассмотрение Цуморфлота для внесения в тарифный комитет;

6) осуществлять общее инструктирование порта в области соблюдения правил торгового мореплавания о осуществления лоцманской службы в портах;

7) наблюдать за выполнением плана работ по ремонтному землечерпанию и текущему ремонту береговых сооружений;

В соответствии с перечисленными функциями, в службе портового хозяйства пароходств, имеющих не менее 3 портов первого и второго разрядов требовалось наличие специальных работников (специалисты по организации и выполнению по-

грузочно-разгрузочных работ, по эксплуатации служебно-вспомогательного, ледокольного и портового транспортного флота и т.д.) [17, л. 155].

Как видим, перестройка всей системы управления водным транспортом вообще и морскими торговыми портами в частности, была предпринята весьма масштабная, однако ее реализация оказалась сложной, потребовала множество усилий, уточнения принятых положений. К тому происходило все это в начале навигации. Так, совместное обсуждение 21 – 22 апреля 1934 г. на совещании начальников портов Черноморского бассейна итогов перестройки портов свидетельствовало о неудовлетворительном выполнении постановления ЦИК и СНК от 15 марта и изданных в развитие этого постановления приказов Наркомвода и Цуморфлота о реорганизации органов Морского транспорта. Оказалось, что все порты 2-го и 3-го разряда все еще не закончили перестройки своего аппарата.

При этом, переброска инженерно-технических работников на производственные участки производилась чрезвычайно медленно и в недостаточном количестве, причем по ряду портов (Одесса, Николаев) показывались в числе переброшенных на производство лица, не являющихся специалистами или лица, числившиеся на производстве задолго до постановления ЦИКа и СНК от 15 марта.

Ряд начальников портов вопреки постановления не взяли на себя непосредственное руководство погрузочно-разгрузочными операциями, перекладывая его на главных диспетчеров портов или на сохраненные в составе портов погрузо-разгрузочные части (Одесса, Евпатория, Севастополь).

Среди Черноморских портов наилучшее понимание директив о перестройке аппарата показал Новороссийский порт, перебросивший на производство 22 ИТР и начавший упрощение производственных процессов путем ликвидации на основе тщательного изучения излишних звеньев (приемщики, нарядчики, десятники и т.п.).

Однако, даже в этом порту отдельные части перестроенного аппарата все еще были не слажены между собой. В целях скорейшего завершения перестройки портов приказом №312 по управлению Черноморского пароходства 23 апреля 1934 г. начальникам всех портов Черноморского бассейна предписывалось не позднее 30 апреля закончить реорганизацию аппарата в соответствии с положением о морских торговых портах, сократить штаты управленческого аппарата не ниже установленной нормы [19, л. 234].

Однако, выполнение этого приказа в полном объеме было невозможно, так как требовались постоянные уточнения к действующим положениям. Так, начальникам портов, циркуляром ЦУМОРФЛОТ от 15 июня 1934 г. (№520) были уточнены функции службы Портового хозяйства управления Морского Пароходства. В частности, служба портового хозяйства управления Черноморского пароходства предупреждала начальников портов, что по всем нижеследующим вопросам, во избежание излишней переписки и волокиты, им надлежало обращаться непосредственно к таким секторам Управления Пароходства: капитальное строительство – к СКС; кредитование и финансирование – планово-финансовый сектор; новые дноуглубительные работы – Днобаза; снабжение – сектор снабжения; тарифное нормирование – планово-финансовый сектор; кадры – админсектор; ремонт вспомогательной техники и портофлота – судо-механический сектор; техники и пропаганды – админсектор.

Таким образом, за службой портового хозяйства остались исключительно руководство за нижеследующей деятельностью: а) организация и выполнение погрузоч-

но-разгрузочных работ со всеми вытекающими из этих работ вопросами; б) эксплуатация служебно-вспомогательного, ледокольного и портового транспортного флота; в) эксплуатация и использование перегрузочных механизмов и средств; г) складское хозяйство и авто-гузевой транспорт; д) вопросы торгового мореплавания и портового надзора; наблюдение за выполнением плана работ по ремонтному землерпанию и текущему ремонту береговых сооружений.

В соответствии с этим, к каждому порту предполагалось прикрепление ответственного работника службы портового хозяйства УЧП, который, как предполагалось, и будет заниматься всем комплексом вышеуказанных вопросов по порту [17, л. 159].

Конкретизация прав, обязанностей различных служб, ведомств и должностных лиц происходило и в дальнейшем. Так, постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июля 1934 г. «О дополнении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 15 марта 1934 г. о реорганизации органов управления водного транспорта» предписывалось, кроме прочего, создать в НКВТ учетно-статистический отдел, в центральных управлениях морского флота и речного транспорта – учетно-статистические сектора, в морских и речных пароходствах – учетно-статистические отделы, а в главнейших портах – учетно-статистические части.

Кроме того, центрально управление Наркомвода, для четкого разграничения руководства строительством, эксплуатацией, а также административным и хозяйственным обслуживанием всех видов связи в портах, 15 сентября 1934 г. циркулярно указало начальникам портов Черноморского пароходства, о том, что, кроме прочего, начальник порта наравне как и всем хозрасчетным единицам порта, предоставляет органам связи: снабжение (кроме специального), транспорт, служебные помещения, отопление и освещение их и мелкое обслуживание административно-хозяйственных нужд связи, на которые кредиты отдельно по связи не отпущены. Также начальник порта, по представлению начальника связи, принимал и увольнял с работы всех работников связи, кроме начсвязи, за нарушения трудовой дисциплины и невыполнение приказов начпорта, касающихся административно-хозяйственного обслуживания связи. За состояние трудовой дисциплины начальник связи нес ответственность именно перед начальником порта.

В случае, когда в части технического и эксплуатационного руководства требования начальника порта шли в разрез распоряжениям УЧП Начсвязи, то он, приняв меры к исполнению, одновременно должен был донести о этих требованиях группе связи УЧП. При этом, за невыполнение распоряжений начпорта, отмененных правлением пароходства, начальник связи ответственности перед начальником порта не нес.

Обслуживание бытовых нужд, предусмотренных КЗОТ, коллективного договора и правительственных постановлений возлагалось на начальника порта. В тоже время, начальник связи порта ведал и нес ответственность перед УЧП за инвентаризацию, своевременный и качественный ремонт, за соблюдение технических норм и правил эксплуатации оборудование связи, за своевременное составление планов, смет и заявок на правильный расход по прямому назначению материалов и предметов снабжения и оборудования связи.

При этом, в Херсонском, Одесском и Новороссийском портах начальник связи подчинялись начальнику порта по принципу подчинения всего руководящего состава

ва порта и пункт №Х данного распоряжения распространялся в этих портах только на радиостанцию [21, л. 3 – 4].

В тоже время, ситуация в развитии портов, не смотря на реформу их управления к концу 1934 г. в Черноморско-Азовском регионе сложилась весьма непростая. Так, из-за скудного финансирования медленно строилась пристань №4 в Новороссийске. Острой проблемой оставалось строительства жилья при портах, категорически не хватало автотранспорта и тракторов. В ряде портов: Херсон, Евпатория, Севастополь, Ялта, Феодосия у портов не было ни одной машины. В таких разбросанных портах как Новороссийск и Одесса у начальника порта была всего 1 машина [21, л. 8]. Плохо обстояло дело с снабжением флота и портов. Ситуацию с кадрами в портах усугубляли низкие зарплаты высококвалифицированного персонала [21, л. 9].

В таких условиях СНК СССР 9 декабря 1934 г. принимает постановление №2691 «О государственных морских пароходствах». Им, правопреемниками по имущественным требованиям и обязательствам бывших всесоюзных объединений «Совторгфлот» и «Морфлот» объявлялись образованные в порядке реорганизации этих объединений, согласно ст. 1 раздела 2 постановления от 15 марта 1934 г., государственные морские пароходства, принявшие по распоряжению НКВТ те принадлежащие СССР суда и те операции названных объединений, с которыми были связаны соответствующие имущественные требования и обязательства (ст. 1).

Государственные морские пароходства объявлялись самостоятельными хозяйственными организациями, пользующиеся правами юридического лица и не отвечали по обязательствам государства и других предприятий и организаций, в частности, каждое пароходство не отвечало по обязательствам других пароходств. Равным образом государство не брало на себя обязательств пароходств. НКВТ поручалось утвердить уставы морских пароходств, согласовав с Наркомфином СССР размеры их уставных капиталов (ст. 2) [23].

Безусловно, что начатая в 1934 г. реорганизация управления морских торговых портов региона не была завершена окончательно в этом же году, уточнялась (менялась) разрядность портов, вводились новые органы в системе их управления.

Последние преобразования в деле управления морскими торговыми портами в СССР в изучаемый период произошли уже накануне Второй мировой войны. В их основу был заложен указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1939 г. «О разделении народного комиссариата водного транспорта СССР». Им, в частности, предписывалось, разделить этот комиссариат на два: 1) Народный Комиссариат Морского Флота СССР с передачей ему находившихся в ведении Наркомвода морского флота, морских портов, судоремонтных и судостроительных заводов и других предприятий и организаций морского транспорта.

2) Народный Комиссариат Речного Флота СССР с передачей ему находившихся в ведении Наркомвода судоходных речных путей, речного флота, речных портов и пристаней, речных затонов, судоремонтных и судостроительных заводов и других предприятий и организаций речного транспорта [23].

В развитие этого указа 25 мая 1939 г. СНК принял постановление (№ 748) «О структуре народного комиссариата морского флота СССР», которым создавалось 11 управлений, а также 23 отделов и секторов. Среди указанных управлений было и Центральное Управление морских портов [24].

Список литературы:

1. Гончаров Н. А. Модели и экономические механизмы управления транспортными системами. Автореферат дисс. канд. экон. наук. Ростов н/Д. 2004.
2. Государственное регулирование морской транспортной отрасли в Российской Федерации: монография / под. общ. ред. А. П. Заливко. – Новороссийск: РИО ГМУ им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2015. – 186 с.
3. Коротков Э. М. Исследование систем управления. М.: ООО «ДеКа». 2000.
4. Носов Б. А. Проблемы функционирования и развития морских портов России // Бюллетень транспортной информации. №9 (123). - 2005. С. 33-40/
5. Носов Б. А. Теоретические аспекты построения системы управления морскими портами России // Труды Союзморниипроекта. №1. - 2000. С. 29-41.
6. Парфенов Ю. В. Совершенствование системы государственного управления морскими портами : на примере создания и развития вертикально интегрированной компании ФГУП "Росморпорт" : дис. на соискание учен. степени к.э.н. : спец. 08.00.05 / Ю. В. Парфенов. – М., 2006. – 147 с.
7. Попов В. В. Управление работой порта и портовой деятельностью. - Новороссийск. НТГЛА. 1997. 138 с.
8. Правовое регулирование организации управления транспортным комплексом РФ. - Новороссийск: РИО ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2017. – 166 с.
9. Регулирование правовых отношений на морском транспорте: монография / под общей редакцией А. П. Заливко. – Новороссийск: ГМУ имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, 2013. – 272 с.
10. Сачкова О. Ю. Управление развитием рыночной институциональной среды портовых услуг: на примере Туапсинского филиала ФГУП "Росморпорт" : дис. на соискание учен. степени к.э.н. : спец. 08.00.05 / О. Ю. Сачкова. – Ростов н/Д., 2007. – 195 с.
11. Скрынник А. М. Совершенствование системы управления предприятиями инфраструктуры водного транспорта в Азово-Донском бассейне. Автореферат дисс. . канд. экон. наук. Ростов н/Д. 2005.
12. Скрынник, А. М., Троилин В. В. Совершенствование системы управления водным транспортом в Приазовье / А.М.Скрынник, В.В.Троилин // Морской флот. 2004. - № 6.
13. Трунин Е. На пути интеграции морских портов Юга России // Морские порты. №6. - 2005. - С. 17-19
14. Трунин Е. Г. Совершенствование управления морскими портами Азово-Черноморского бассейна // Транспорт Юга России. - 2002. – №5. - С. 6-8
15. Трунин Е. Г., Носов Б.А. Совершенствование системы управления морскими портами // Бюллетень транспортной информации. – 2002. – №9. – С. 5-7.
16. Эглит Я. Я. Проблемы совершенствования управления морскими транспортными системами. В кн. Экономическая эффективность морских перевозок. Рига: Зинатне. 1990. - 221 с.
17. ГАРК. Р-1599. Оп. 1. Д. 110.
18. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. «О реорганизации органов управления водного транспорта» // С.З. СССР, 1934, № 15, ст. 104.
19. ГАРК. Р-1599. Оп. 1. Д. 158.
20. ГАРК. Р-1599. Оп. 1. Д. 169.
21. ГАРК. Р-1599. Оп. 1. Д. 159.
22. Постановление СНК СССР от 9 декабря 1934 г. №2691 «О государственных морских пароходствах». – Исторические материалы. – URL: istmat.info/node/43104
23. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1939 г. О разделении народного комиссариата водного транспорта СССР // Ведомости Верховного Совета СССР” 1939 г. № 16.
24. Постановление СНК принял 25 мая 1939 г. (№ 748) «О структуре Народного Комиссариата Морского Флота СССР». – URL: sssr.regnews.org/doc/qq/19.htm

Koval A. V. Reorganization of the management of trading ports in the Soviet Union in 1934 – 1939 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – Р. 294-306.

In the article the analysis of reforms in relation to the management of commercial sea ports of the Soviet Union in the second half of the 1930s, Analyzes the main legislative acts dealing with the problem, and a separate departmental instructions and circulars, revealed their contents, the logical relationship and mutual complementarity. The structure of the state management of the sea merchant fleet in General, and commercial ports in particular, developed by the end of the 1930s, at the level from the relevant commissariats to the heads of individual sections and sectors in commercial ports is revealed.

Key words: reform, sea trade port, resolution, structure.

Spisok literatury:

1. Goncharov H. A. Modeli i ehkonomicheskie mekhanizmy upravleniya transportnymi sistemami. Avtoreferat diss. kand. ehkon. nauk. Rostov n/D. 2004.
2. Gosudarstvennoe regulirovanie morskoy transportnoj otrasli v Rossijskoj Federacii: monografiya / pod. obshch. red. A. P. Zalivko. – Novorossijsk: RIO GMU im. adm. F.F. Ushakova, 2015. – 186 s.
3. Korotkov E.H. M. Issledovanie sistem upravleniya. M.: OOO «DeKa». 2000.
4. Nosov B. A. Problemy funkcionirovaniya i razvitiya morskikh portov Rossii // Byulleten' transportnoj informacii. №9 (123). – 2005. S. 33-40/
5. Nosov B. A. Teoreticheskie aspekty postroeniya sistemy upravleniya morskimi portami Rossii // Trudy Soyuzmorniiproekta. №1. – 2000. S. 29-41.
6. Parfenov YU. V. Sovershenstvovanie sistemy gosudarstvennogo upravleniya morskimi portami : na primere sozdaniya i razvitiya vertikal'no integrirovannoj kompanii FGUP "Rosmorport" : dis. na soiskanie uchen. stepeni k.eh.n. : spec. 08.00.05 / YU. V. Parfenov. – M., 2006. – 147 s.
7. Popov V. V. Upravlenie rabotoj porta i portovoj deyatel'nost'yu. – Novorossijsk. NTGLA. 1997. 138 s.
8. Pravovoe regulirovanie organizacii upravleniya transportnym kompleksom RF. – Novorossijsk: RIO GMU imeni admirala F.F. Ushakova, 2017. – 166 s.
9. Regulirovanie pravovyh otnoshenij na morskome transporte: monografiya / pod obshchej redakciej A. P. Zalivko. – Novorossijsk: GMU imeni admirala F. F. Ushakova, 2013. – 272 s.
10. Sachkova O. YU. Upravlenie razvitiem rynochnoj institucional'noj sredy portovyh uslug: na primere Tuapsinskogo filiala FGUP "Rosmorport" : dis. na soiskanie uchen. stepeni k.eh.n. : spec. 08.00.05 / O. YU, Sachkova. – Rostov n/D., 2007. – 195 s.
11. Skrynnik A. M. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya predpriyatiyami infrastruktury vodnogo transporta v Azovo-Donskom bassejne. Avtoreferat diss. . kand. ehkon. nauk. Rostov n/D. 2005.
12. Skrynnik, A. M., Troilin V. V. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya vodnym transportom v Priazov'e / A.M.Skrynnik, V.V.Troilin // Morskoy flot. 2004. - № 6.
13. Trunin E. Na puti integracii morskikh portov YUga Rossii // Morskie porty. №6. - 2005. - S. 17-19
14. Trunin E. G. Sovershenstvovanie upravleniya morskimi portami Azovo-CHernomorskogo bassejna // Transport YUga Rossii. - 2002. – №5. - S. 6-8
15. Trunin E. G., Nosov B.A. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya morskimi portami // Byulleten' transportnoj informacii. – 2002. – №9. – S. 5-7.
16. EHglit YA. YA. Problemy sovershenstvovaniya upravleniya morskimi transportnymi sistemami. V kn. EHkonomicheskaya ehffektivnost' morskikh perevozok. Riga: Zinatne. 1990. - 221 s.
17. GARK. R-1599. Op. 1. D. 110.
18. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 15 marta 1934 g. «O reorganizacii organov upravleniya vodnogo transporta» // S.Z. SSSR, 1934, № 15, st. 104.
19. GARK. R-1599. Op. 1. D. 158.
20. GARK. R-1599. Op. 1. D. 169.
21. GARK. R-1599. Op. 1. D. 159.
22. Postanovlenie SNK SSSR ot 9 dekabrya 1934 g. №2691 «O gosudarstvennyh morskikh parohodstvah». – Istoricheskie materialy. – URL: istmat.info/node/43104
23. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 9 aprelya 1939 g. O razdelenii narodnogo komissariata vodnogo transporta SSSR // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR” 1939 g. № 16.
24. Postanovlenie SNK prinyal 25 maya 1939 g. (№ 748) «O strukture Narodnogo Komissariata Morskogo Flota SSSR». – URL: sssr.regnews.org/doc/qq/19.htm

УДК 341.64

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЕСПЧ В 2018 ГОДУ: РОССИЙСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Оганесян Т. Д., Сафронова Е. В.

Северо-Кавказский филиал «Российский государственный университет правосудия»; Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Настоящая статья в большей части посвящена анализу постановлений Европейского суда по правам человека в отношении России, которые были в центре внимания в 2018 году не только российской, но и международной общественности и которые затрагивают ряд проблем, решение которых потребует в 2019 году принятия особых мер для устранения их системного характера. Особое внимание авторы уделяют анализу таких системных проблем российской правовой системы, как: необходимость соблюдения баланса между правом на свободное выражение мнения и оскорблением чувств верующих; преследования и угрозы в отношении журналистов и неэффективности проводимых расследований; «виртуальный экстремизм» и ее частичная декриминализация; проблемные вопросы согласования времени и места проведения публичных мероприятий; свободы собраний и дискриминации в отношении ЛГБТ-сообществ и др. В рамках настоящей статьи авторы анализируют также результаты деятельности «московского механизма» ОБСЕ и ЕСПЧ по вопросам, связанным с нарушениями и злоупотреблениями в Чечне в области прав человека. Авторы приходят к выводу, что по некоторым структурным проблемам (например, ЛГБТ-митингов), констатированных ЕСПЧ в 2018 году, ждать изменения положений российского законодательства, а тем более правоприменительной практики не придется, поскольку для российских властей на сегодняшний день более удобным вариантом является выплата присуждаемых ЕСПЧ компенсаций, нежели принятие соответствующих мер общего характера.

В заключительной части статьи отмечается, что проблемы защиты прав человека в России, на которые указывает и ЕСПЧ и другие международные правозащитные организации, не являются «открытиями» 2018 года и год 2019 обещает быть не менее насыщенным в области защиты прав и свобод российских граждан. В то же время на повестку в 2019 году встанут и вопросы, связанные с защитой персональных данных, что, впрочем, является общей тенденцией в связи с развитием технологий и формированием международных стандартов в этой сфере, и все более сложные проблемы биоэтики. В качестве прогноза отмечается также, что 2019 год обещает быть насыщенным не только решениями ЕСПЧ по индивидуальным, но и по межгосударственным жалобам Грузии и Украины против России.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; защита прав человека; международное правосудие.

Несмотря на «юбилейность», связанную с 20-летием ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция, ЕКПЧ) и 70-летием Всеобщей декларации прав человека, 2018 год оказался непростым. Во многом это было связано с рядом постановлений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд), которые привлекли внимание общественности и подогрели интерес правозащитных организаций к состоянию прав человека в России.

Прежде чем переходить к анализу постановлений, затрагивающих ряд проблем, решение которых потребует принятия особых мер для устранения их системного характера, остановимся на нескольких фактах, зафиксированных в 2018 году.

Во-первых, с сожалением приходится констатировать, что в новый 2019 год Россия вступает со старыми проблемами, являясь лидером по абсолютному количеству поданных в ЕСПЧ жалоб, ожидающих рассмотрения. Если в начале 2018 г. Россия по данному показателю занимала второе место (7750 жалоб, что составляло 13,8% от общего количества), то к декабрю (11250 жалоб - 19,5%) уже во многом опережала Румынию и Украину [1].

Во-вторых, 2018 год стал кризисным для отношений между Россией и Советом Европы, что привело к еще большей эскалации сложившейся ситуации, связанной с взаимными угрозами: со стороны России – выйти из состава Совета Европы и денонсировать Конвенцию, со стороны Совета Европы – исключить Россию из состава организации. Однако, несмотря на политические перипетии, ЕСПЧ продолжал рассмотрение поступающих жалоб в отношении России, которая уже который год становится лидером среди государств-членов по количеству вынесенных постановлений.

В-третьих, 2018 год запомнился и положительной новостью - присуждением Советом Европы ежегодной премии имени Вацлава Гавела в области прав человека руководителю грозненского офиса правозащитного центра «Мемориал» Оюбу Титиеву, который с января 2018 г. содержится под стражей (как полагают многие правозащитники и международные правозащитные организации, уголовное дело против О. Титиева — месть за расследование массовой казни в Грозном).

Холодное лето 18-го

Лето 2018 года было ознаменовано вынесением Европейским судом ряда постановлений в отношении России, которые привлекли особое внимание не только российской, но и международной общественности.

Одним из них стало постановление по делу «**Мария Алехина и другие против России**», в котором ЕСПЧ установил различные нарушения прав членов феминистской панк-группы Pussy Riot. Суд установил нарушения в статье 3 (запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение), статьи 5 § 3 (право на свободу и безопасность) и статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) в отношении условий их транспортировки и содержания под стражей в здании суда, содержания под стражей до суда, обращения в ходе судебных слушаний, а также ограничений на оказание правовой помощи. Самое главное, что ЕСПЧ признал уголовное преследование и тюремное заключение членов Pussy Riot нарушением их свободы выражения мнения в соответствии со статьей 10 ЕКПЧ. Суд также установил, что их право на свободу выражения мнения было нарушено в связи с объявлением видеоматериала «Pussy Riot», доступного в Интернете, экстремистским и его последующим запретом [2].

Решение в этом деле не стало чем-то революционным в прецедентной практике ЕСПЧ. Суд, по сути, применил те позиции, которые были изложены в его предыдущих постановлениях (например, «Стомахин против России», «Синькова против Украины»). Однако данное постановление является еще одним сигналом властям о необходимости соблюдения баланса между правом на свободное выражение мнения и оскорблением чувств верующих (разжиганием ненависти и нетерпимости).

Еще одно постановление, вынесенное в тот же день, что и вышеупомянутое, по делу «**Мазепа и другие против России**» касалось расследования убийства журна-

листки Анны Политковской, совершенного в 2006 году. Европейский суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение процессуального аспекта статьи 2 (право на жизнь) ЕКПЧ. Суд отметил, что, несмотря на то, что были найдены и привлечены к ответственности непосредственные исполнители, власти тем не менее не предприняли надлежащих следственных действий для установления личности заказчика убийства журналистки [3].

Здесь позволю себе привести некоторые подробности. Власти придерживались точки зрения, согласно которой заказчиком убийства являлся российский бизнесмен Б. Березовский, на тот момент проживавший в Лондоне и скончавшийся в 2013 г., однако так и не объяснили, каким образом они следовали этому направлению расследования. Тем самым ЕСПЧ пришел к выводу, что власти РФ *«не объяснили, какие следственные действия были предприняты для того, чтобы можно было пролить свет на роль г-на Березовского в совершенном преступлении»*, а также не изучили должным образом другие версии, предложенные заявителями, согласно которым к убийству могли быть причастны сотрудники ФСБ России или представители администрации Чеченской Республики. Таким образом, ЕСПЧ был вынужден констатировать невыполнение российскими властями конвенционных обязательств по проведению эффективного расследования убийства журналистки.

Примечательно, что собственное расследование гибели А. Политковской ведет и «Новая газета», в которой и работала журналистка. Редакция заявила, что официальное следствие не раскрыло и не раскроет преступление по политическим причинам: «Заказчик до сих пор занимает в российской властной иерархии не последнее место». Версию, называвшую заказчиком убийства олигарха Б.Березовского, «Новая газета» считает ложной.

Разумеется, данное решение затрагивает уже не только проблему расправы в России с журналистами (начиная с преследований и угроз), но и неэффективности проводимых расследований и зачастую странной неспособности установить заказчиков убийств. Эти и многие другие факторы естественным образом влияют на имидж России и служат поводом для упреков со стороны Запада.

Очередным сигналом национальным властям со стороны ЕСПЧ о необходимости применения более осторожного подхода к определению преступлений о разжигании ненависти стало постановление по делу **«Савва Терентьев против России»**, в котором страсбургские судьи единогласно констатировали нарушение статьи 10 Конвенции (свобода выражения мнений) [4]. Дело касалось осуждения заявителя за разжигание ненависти после оскорбительных высказываний в адрес сотрудников полиции в комментарии под постом в блоге на популярной платформе livejournal.com. Блоггер был признан виновным (приговорен к одному году условно) в том, что «публично совершил действия, направленные на разжигание ненависти и вражды и унижение достоинства группы людей на основании их принадлежности к социальной группе».

В данном деле ЕСПЧ применил высокий уровень защиты свободы слова для оскорбительных и враждебных комментариев о сотрудниках полиции, опубликованных в блоге. Европейским судом было отмечено, что, несмотря на то, что речь блоггера была оскорбительной и шокирующей, одного этого недостаточно для оправдания нарушения его права на свободу выражения мнений: хотя некоторые формулировки в посте были оскорбительными и злобными, но (эмоциональные)

комментарии в целом нельзя рассматривать как разжигание ненависти или насилия. В отличие от выводов российских властей, ЕСПЧ посчитал, что блог Терентьева не представляет «явную и неизбежную опасность» и не может рассматриваться как разжигание «базовых эмоций или скрытых предрассудков», пытающихся разжечь ненависть или спровоцировать насилие против российских полицейских.

Несколькими месяцами ранее в постановлении по делу «Стомахин против России» ЕСПЧ подчеркнул жизненную важность того, чтобы национальные власти применяли осторожный подход к определению масштабов преступлений «на почве ненависти» и строго истолковывали соответствующие правовые положения, дабы избежать чрезмерного вмешательства под видом действий, предпринимаемых против «высказываний на почве ненависти», если таковые обвинения выдвинуты за простую критику правительства, государственных учреждений и их политики и практики [5]. В своем особом мнении по данному делу судья Х. Келлер отмечает: *«впервые Суд должен был принять решение по делу, которое вытекает из применения Закона о пресечении экстремистской деятельности (...), и, таким образом, станет отправной точкой совокупности прецедентного права, которая послужит ссылкой не только на будущие дела, касающиеся России, но и на все другие государства-члены»*.

Безусловно, данное постановление подтверждает практику ЕСПЧ строго контролировать стандарты в делах о разжигании ненависти. Подход ЕСПЧ, применяемый в отношении комментариев в Интернете и «разжигания ненависти», объединяет принципы, закрепленные в 2012 г. в Докладе Специального докладчика Франка Ла Рю (Frank La Rue) по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение. Согласно докладу ООН, для определения того, является ли выражение разжиганием ненависти, необходимо оценить следующие элементы:

«Реальная и неизбежная опасность насилия в результате выражения; намерение оратора подстрекать к дискриминации, вражде или насилию; и тщательное рассмотрение судебными органами контекста, в котором выражалась ненависть (...). Соответственно, любая контекстная оценка должна включать рассмотрение различных факторов, включая наличие моделей напряженности между религиозными или расовыми общинами, дискриминацию в отношении целевой группы, тон и содержание речи, разжигание ненависти и способы распространения выражения ненависти. Например, заявление, опубликованное отдельным лицом для небольшой и ограниченной группы пользователей Facebook, не имеет такого же веса, как заявление, опубликованное на основном веб-сайте (...)» [6, § 46].

По следам вынесенного ЕСПЧ постановления и возникших в обществе дискуссий Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее - СПЧ) в декабре 2018 г. принял экспертное заключение [7], в котором предложил частично декриминализовать ту самую ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Следует отметить, что ранее СПЧ неоднократно призывал к декриминализации ст. 282 УК РФ [8] и в октябре 2018 г. Президентом РФ был внесен в Госдуму соответствующий законопроект [9].

Нельзя не согласиться с членами СПЧ в том, что нынешняя анти экстремистская политика стала слишком широкой, не сфокусированной на реальных угрозах, что породило ряд негативных побочных эффектов, среди которых – чрезмерные ограни-

чения прав граждан. В этой связи Совет по правам человека предложил исключить из состава ст. 282 УК РФ элемент «унижения достоинства» по разным групповым признакам, оставив его только в составе добавляемой ст. 20.3.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Кроме того, предлагается отказаться от понятия вражды к «определенной социальной группе», поскольку термин «социальная группа» не имеет строго определенного значения ни в законе, ни в социальных науках, что лишает норму закона столь необходимой для нее правовой определенности, и порождает различные злоупотребления.

Вышеизложенное свидетельствует о несовершенстве и неопределённости антиэкстремистского законодательства и его неоднозначном применении. Принятие во внимание данных замечаний и выводов в 2019 году позволит в определенной степени скорректировать не только законодательство, но нынешнюю правоприменительную практику. Буквально во время подготовки данного материала, 28 декабря 2018 г. стало известно, что Президент РФ подписал закон о частичной декриминализации 282-й статьи Уголовного кодекса: начиная с 2019 года предусмотренное частью 1 данной статьи преступление, совершенное физическим лицом впервые, будет караться административным наказанием, а при повторном совершении в течение одного года за него будет наступать уголовная ответственность.

Однако можно с долей уверенности предположить, что 2019 год будет богат не только продолжающимися дискуссиями вокруг проблемы «виртуального экстремизма», но и новыми решениями ЕСПЧ с теми же вопросами к российским властям.

Разогнать нельзя оставить

В 2018 году впервые за долгое время в отношении России была признана нарушенной статья 18 Конвенции (до сих пор единственным заявителем из России, которого ЕСПЧ официально признал преследуемым по политическим мотивам, был медиа магнат В. Гусинский [10]). В частности, в постановлении по делу «**Навальный против России**» ЕСПЧ пришел к выводу, что аресты заявителя были политически мотивированы и фактически направлены на подавление политического плюрализма в нарушение статьи 18 в сочетании со статьями 5 и 11 Конвенции. В данном деле ЕСПЧ связал нарушение статьи 11 Конвенции (свобода собраний и объединений) со структурной «неадекватностью» нормативной базы, которая не обеспечила эффективных правовых гарантий против злоупотреблений со стороны властей. Суд также отметил, что «российское законодательство о митингах» не предоставляет гражданам «адекватных гарантий против произвола», и поэтому происходят «систематические разгоны митингов в нарушение статьи 11» «по единственному поводу: они не были разрешены» [11].

Данное постановление не было громом среди ясного неба. ЕСПЧ ранее уже указывал российским властям на наличие подобной системной дисфункции, призывая принять меры по ее устранению на законодательном уровне. До сих пор остается открытым вопрос исполнения общих мер, предписанных ЕСПЧ еще в 2017 г. в постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», когда Суд указал на отсутствие эффективных правовых гарантий защиты от произвольного и дискриминационного осуществления широкой свободы усмотрения, предоставленной законодательством органам исполнительной власти для принятия решений о

согласовании либо отказе в согласовании времени и места проведения публичных мероприятий [12]. Станет ли год 2019 годом принятия общих мер, направленных на обеспечение права на мирные собрания, покажет время.

Нерадужные дни

Права сексуальных меньшинств в России также не остались без внимания Страсбурга в 2018 году. В постановлении по делу «Алексеев и другие против России» ЕСПЧ продублировал свои выводы, изложенные еще в 2010 г. по аналогичному делу того же заявителя, которое также касалось продолжающегося отказа российских властей удовлетворить просьбы организаторов о проведении ЛГБТ-митингов. В частности, было констатировано, что решение российских властей об отклонении требований заявителей о проведении публичных ЛГБТ-мероприятий не может быть оправдано соображениями общественного порядка и нарушает их право на свободу собраний. Кроме того, решение властей о запрете мероприятий ЛГБТ было мотивировано неодобрением властями темы демонстраций и, таким образом, представляло собой дискриминацию (ст. 14 Конвенции). Одним из главных пунктов данного постановления является предписание российским властям принять комплекс общих мер для недопущения в последующем нарушения свободы собраний и дискриминации в отношении ЛГБТ-сообществ [13].

Эта проблема уже затрагивалась в декабре 2016 г., когда Комитет министров Совета Европы в своей резолюции CM/Del/Dec(2016)1273/H46-23 призвал российские власти принять все необходимые дополнительные меры для обеспечения права на свободу собраний, на защиту от дискриминации. Однако с момента вынесения первого постановления по делу Алексеева в 2010 г. и по настоящее время российские власти не приняли никаких мер. Частично это можно объяснить нежеланием властей признавать те или иные права в отношении представителей ЛГБТ-сообществ.

Следует отметить, что в данном деле избранный от России судья Д.И. Дедов выступил с особым совпадающим мнением, которое некоторые «обозреватели» восприняли достаточно болезненно. Поводом для такой реакции послужила мысль, что подобные запреты «не соответствуют насущной социальной необходимости» и неприемлемы в демократическом обществе и, в частности, следующие слова: *«Я считаю, что компромисс и социальную гармонию можно было бы найти на основе взаимного уважения прав человека и, в частности, прав меньшинств, которые стремятся не к поощрению своего личного образа жизни, а к признанию того, что их гражданские права должны в равной степени уважаться и защищаться государством. Я имею в виду право создавать семейные отношения, которые отличаются от обычного понятия союза между мужчиной и женщиной. Юридическое признание таких партнерских отношений может стать отправной точкой для защиты всех других потребностей, обычно возникающих в связи с любыми членами семьи. Я голосовал вместе с большинством в данном случае, потому что некоторые мероприятия, организованные заявителями, были посвящены защите их прав, а не продвижению сексуальных отношений».*

Отрицательная реакция на определенную прогрессивность и инакомыслие в решении вопроса с правами представителей ЛГБТ в России свидетельствуют не только о нежелании российских властей находить компромисс на правовом уровне, но и

неготовности некоторой части общества даже не к подобным переменам, а к самой мысли о них.

Уже в декабре 2018 г. Комитет министров Совета Европы рассмотрел вопрос об исполнении Россией постановления ЕСПЧ от 21 октября 2010 г. по делу «Алексеев против России» (жалоба № 4916/07), указав, что власти за 8 лет не смогли предоставить какие-либо статистические данные по запросу КМСЕ, и отметил «ограниченный прогресс» в исполнении постановления Суда в части мер общего характера.

На мой взгляд, постановление по делу «Алексеев и другие против России» в ближайшем будущем никак не сможет повлиять на изменение положений российского законодательства, а тем более правоприменительной практики в отношении прав представителей ЛГБТ-сообществ на проведение митингов. Данная позиция уже давно проявляется в действиях российских властей, для которых на сегодняшний день более удобным вариантом является выплата присуждаемых ЕСПЧ компенсаций, нежели принятие соответствующих мер общего характера.

«Чеченский след» ушедшего года

Особое внимание следует уделить также правозащитной риторике ОБСЕ, которая под конец уходящего года успела отметиться докладом профессора международного права университета Граца (Австрия) Вольфгана Бенедика о тяжких нарушениях прав человека в Чеченской Республике [14]. Доклад стал итогом расследования, проведенного в рамках так называемого «Московского механизма», впервые инициированного против Российской Федерации.

Среди сообщений о нарушениях и злоупотреблениях в Чечне в области прав человека с января 2017 г. по настоящее время в представленном докладе было выявлено следующее: преследования; произвольные и незаконные аресты или задержания; пытки; насильственные исчезновения; внесудебные казни, а также наличия секретных тюрем. Эти серьезные нарушения сопровождаются другими нарушениями прав человека, в частности нарушениями свободы выражения мнений, неприкосновенности частной жизни, совести и дискриминации. Призывы к проведению эффективного расследования в Чеченской Республике в отношении лиц, причастных к данным нарушениям прав человека, звучали и звучат уже давно, в том числе из уст известных международных правозащитных организаций, таких как «Amnesty International», «Human Rights Watch». В 2017 году «Новая газета» провела собственное расследование и установила факты массовых задержаний и убийств жителей Чечни по обвинению или одному лишь подозрению в гомосексуальной ориентации [15].

Несмотря на кризис отношений между Россией и Советом Европы, ПАСЕ приняла резолюцию 2230 (2018) о преследовании представителей ЛГБТ в Чеченской Республике, основываясь на положениях доклада, представленного докладчиком Питом де Брюйном [16]. В своем докладе он также отметил, что в Чечне имели место серьезные, систематические и широко распространенные случаи жестокого обращения и насилия в отношении представителей ЛГБТ. Следует отметить, что подобные доклады о вопиющих нарушениях прав человека в Чеченской Республике публиковались и в 2017 году. Достаточно вспомнить доклад Франка Швабе, который повлиял на принятие резолюции ПАСЕ 2157 (2017) «Права человека на Северном Кавказе: какие меры необходимо принять?»

Безусловно, отрицать, что подобные грубые нарушения в Чечне не имеют места, было бы издевательством над здравым смыслом. Кажется, про нарушения прав человека в Чечне сказано уже достаточно. И сам ЕСПЧ из года в год фиксирует эти нарушения в своих решениях. Однако ситуация существенным образом не меняется и данный вопрос иногда даже становится предметом переговоров западных стран с Россией. С чего нужно начать, чтобы к концу 2019 года не стало хуже? На наш взгляд, важнейшим шагом для борьбы с системными грубыми нарушениями прав человека в Чеченской Республике должно стать проведение компетентными органами эффективного расследования и привлечение к ответственности причастных лиц.

На другой ноте, не можем не упомянуть одно из последних постановлений ЕСПЧ в ушедшем году - по делу **Зары Муртазалиевой**, приговоренной в 2005 году к 8,5 годам заключения за подготовку теракта в московском торговом центре «Охотный ряд». Поданная в Страсбург индивидуальная жалоба своего рода «долгожитель», поскольку делопроизводство с момента получения ЕСПЧ первого письма до провозглашения окончательного постановления Большой Палатой заняло более 13 лет. Следует отметить также, что это первое дело в практике споров с российскими властями, которое было пересмотрено Большой палатой ЕСПЧ исключительно по инициативе заявительницы. При этом ЕСПЧ, также как годом ранее, не нашел нарушений в деле Муртазалиевой, которая, ссылаясь на ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), указывала, что в процессе производства Московский городской суд не допросил одного из ключевых свидетелей по формальным причинам, отказался вызвать и допросить в суде понятых, которые присутствовали во время обыска у заявительницы, и не разрешил подсудимой посмотреть видеозапись камеры наблюдения, которую силовики установили в ее квартире [17].

Значимость данного постановления заключается в конкретизации сложившихся в прецедентной практике ЕСПЧ консервативных стандартов защиты права стороны защиты на вызов и допрос свидетелей в своих интересах в ходе судебного разбирательства уголовного дела. Постановление ЕСПЧ сопровождается объемным особым мнением судьи ЕСПЧ от Португалии П. Пинту де Альбукерке, который акцентирует внимание на изменении правовых подходов ЕСПЧ к критериям оценки соблюдения права подсудимого на вызов и допрос свидетелей в свою пользу.

Дела государственные

Если же говорить о межгосударственных жалобах, то следует отметить, что в конце февраля 2019 г. состоится слушание «**Украина против России**» (жалоба № 20958/14). Еще 17 декабря 2018 г. ЕСПЧ приостановил рассмотрение всех индивидуальных жалоб (более 4 тысяч жалоб, включая жалобы родственников погибших в крушении малазийского Боинга, жалобу украинской летчицы Н. Савченко, а также жалобу украинского режиссера О. Сенцова), касающихся событий на Юго-Востоке Украины и в Крыму, до оглашения постановления Большой Палаты ЕСПЧ по межгосударственным спорам между Украиной и Россией [18]. Ключевой вопрос, который должен быть определен в ходе судебного разбирательства - обладает ли Украина или Россия юрисдикцией в отношении нарушений прав человека в самопровозглашенных Луганской и Донецкой Народных Республиках. В настоящее время на

рассмотрении находятся уже пять межгосударственных жалоб Украины против России [19].

Судя по всему, именно в 2019 году будет оглашено постановление о присуждении справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 ЕКПЧ по другой межгосударственной жалобе «**Грузия против России (I)**», которая касается обвинений грузинской стороны в проведении Российской Федерацией осенью 2006 г. дискриминационной политики в отношении этнических грузин, законно находящихся на территории России или являющихся ее гражданами. Утверждалось, что имело место массовое выдворение таких лиц из Российской Федерации, сопровождавшееся пытками и иным жестоким обращением, ущемлением прав на уважение частной и семейной жизни, получение образования и защиту собственности. Еще в 2014 году по итогам разбирательства Европейский суд отказался рассматривать претензии грузинской стороны о нарушении российскими властями статьи 14 Конвенции, запрещающей дискриминацию по любым основаниям, а также статьи 18 Конвенции, которая устанавливает пределы возможных ограничений прав граждан. В своем постановлении ЕСПЧ признал лишь нарушения, связанные с процедурой принятия решений о депортации и условиями пребывания в центрах временного содержания незаконных мигрантов и лиц, нарушивших установленный российским законодательством порядок пребывания на территории России [20]. Есть основания полагать, что речь пойдет в общей сложности о миллионной сумме, что несомненно ляжет дополнительным бременем на российский бюджет.

Что касается другой жалобы – «**Грузия против России (II)**», слушание по которой состоялось в ушедшем году и которая касается военных действий на территории Южной Осетии в 2008 году и их последствий, то не исключено, что решение Большой палаты по существу жалобы будет оглашено именно до конца текущего года.

Таким образом 2019 год обещает быть насыщенным не только решениями ЕСПЧ по индивидуальным, но и по межгосударственным жалобам, которые в свою очередь при всей палитре факторов, влияющих на напряженность отношений России с Украиной и Грузией, вряд ли повысят «градус», но привнести что-то новое – вполне смогут.

Вместо послесловия

Двадцатилетний юбилей ратификации Россией Европейской конвенции и одновременно – начала работы постоянно действующего ЕСПЧ не были с одинаковым энтузиазмом отмечены в 2018 году как в Москве, так и в Страсбурге. Во многом это было обусловлено той коррозией отношений, которая присутствует между Россией и Советом Европы. Вполне можно предположить, что в 2019 году российские власти и вправду решат сделать очередной шаг к тому, чтобы лишить россиян, как выразился Генеральный секретарь Совета Европы Т.Ягланд, той самой «подушки безопасности для миллионов граждан». Говоря, в частности, о конвенционной системе, нужно отметить, что и она несовершенна и требует постоянного реформирования. Однако, на сегодняшний день вряд ли любая другая международная система защиты прав человека может похвастаться той популярностью, которой она пользуется среди российских граждан, являясь порой последней инстанцией для поиска справедливости и ежегодно принимая тысячи жалоб от российских граждан. В этой связи

стала примечательной публикация Совета Европы, посвященная 20-летию ратификации Конвенции РФ «20 дел в Европейском суде, изменивших российскую правовую систему». Несмотря на краткость изложенного, данная «памятка» еще раз напоминает о тех значимых изменениях, которые произошли и происходят в российской правовой системе под влиянием именно страсбургских стандартов защиты прав и свобод.

Еще одним мостом для диалога России и ЕСПЧ в 2019 году может стать новый механизм, закрепленный Протоколом № 16 к ЕКПЧ, который с августа 2018-го позволяет высшим национальным судам обращаться к Европейскому суду за консультативными заключениями по принципиальным вопросам, касающимся толкования или применения прав и свобод, закреплённых в Конвенции (данной возможностью уже успел воспользоваться Кассационный суд Франции по делу о суррогатном материнстве). Есть основания полагать, что это новшество поможет сгладить возникшие в свое время разногласия между Конституционным Судом РФ и ЕСПЧ по поводу эволютивного толкования последним некоторых положений Конвенции. Кроме того, консультативные заключения ЕСПЧ, носящие рекомендательный характер, смогут способствовать эффективности принятия российскими властями общих мер по тем самым вышеупомянутым болезненным вопросам защиты прав и свобод отечественной правовой системы.

Как видим, проблемы защиты прав человека в России, на которые указывает и ЕСПЧ и другие международные правозащитные организации, не являются «открытиями» 2018 года и год 2019 обещает быть не менее насыщенным в области защиты прав и свобод российских граждан. Вышеупомянутые дела, затрагивающие в том числе очень чувствительные вопросы, будут продолжать находиться в центре внимания международных правозащитных организаций, гражданского общества и СМИ. Перечисленные выше дисфункции, свидетельствующие об их системном характере и существовавшие ранее, продолжают оставаться предметом рассмотрения новых жалоб в отношении России. В то же время на повестку в 2019 году встанут и вопросы, связанные с защитой персональных данных, что, впрочем, является общей тенденцией в связи с развитием технологий и формированием международных стандартов в этой сфере, и все более сложные проблемы биоэтики. При этом не избежать новых постановлений ЕСПЧ, в которых будет применяться толкование конвенционных норм в свете реалий сегодняшнего, вернее - завтрашнего, дня.

Список литературы:

1. Официальная статистика ЕСПЧ. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_pending_month_2018_BIL.pdf
2. «Мария Алехина и другие против России», жалоба № 38004/12, постановление от 17.07.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6147945-7951852>
3. «Мазепа и другие против России», жалоба № 15086/07, постановление от 17.07.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6147957-7951870>
4. «Савва Терентьев против России», жалоба № 10692/09, постановление от 28.08.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6173342-7999424>
5. «Стомахин против России», жалоба № 52273/07, постановление от 09.05.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=003-6081409-7832636>
6. Frank La Rue. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. 4 June 2012. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session20/A-HRC-20-17_en.pdf

7. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» (законопроект № 558345-7). URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5094/>
8. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по совершенствованию антиэкстремистского законодательства. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5743/>.
9. Законопроект № 558345-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/558345-7>.
10. «Гусинский против России», жалоба № 70276/01, постановление от 10.11.2004. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ.яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-1002190-1035313>.
11. «Навальный против России», жалоба № 29580/12 и 4 других, постановление Большой Палаты от 15.11.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ.яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6252011-8134836>.
12. «Лашманкин и другие против России», жалоба № 57818/09, постановление от 07.02. 2017. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-5621965-7111249>.
13. «Алексеев и другие против России», жалоба № 14988/09, постановление от 27.11.2018. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ.яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6262020-8153391>.
14. OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on alleged Human Rights Violations and Impunity in the Chechen Republic of the Russian Federation, by Professor Dr. Wolfgang Benedek. URL: <https://www.osce.org/odihr/407402>.
15. «Убийство чести». Новая газета. № 34. 03.04.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/01/71983-ubiystvo-chesti>.
16. Доклад ПАСЕ от 08.06.2018, Док. 14752, URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24805&lang=en>, и Резолюция 2230 (2018), URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24962&lang=en>.
17. «Муртазалиева против России», жалоба № 36658/05, постановление от 18.12.2018 (на англ.яз.). Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6283094-8191209>.
18. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ от 17.12.2018 (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6282063-8189102>.
19. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ от 27.08.2018 (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6172867-7998333>.
20. «Грузия против России (I)», жалоба 13255/07, постановление Большой Палаты (по существу) от 03.07.2014. Пресс-релиз секретариата ЕСПЧ (на англ. яз.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-4811514-5865358>.

Oganessian T. D. Safronova E. V. Protection of human rights in echr in 2018: the Russian results and prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 307-317.

This article is mostly devoted to the analysis of the judgments of the European court of human rights in relation to Russia, which were in the focus of attention in 2018 not only of the Russian, but also of the international community and which affect a number of problems, the solution of which will require special measures to eliminate their systemic nature in 2019. The authors pay special attention to the analysis of such systemic problems of the Russian legal system as: the need to maintain a balance between the right to freedom of expression and insulting the feelings of believers; harassment and threats against journalists and ineffectiveness of investigations; "virtual extremism" and its partial decriminalization; problematic issues of coordination of time and place of public events; freedom of Assembly and discrimination against LGBT communities, etc. within the framework of this article, the authors also analyze the results of the "Moscow mechanism" of the OSCE and the ECHR on issues related to violations and abuses in Chechnya in the field of human rights. The authors come to the conclusion that for some structural problems (for example, LGBT meetings), stated by the ECHR in 2018, it is not necessary to wait for changes in the provisions of the Russian legislation, and even more law enforcement practice, since for the Russian authorities today a more convenient option is the payment of compensation awarded by the ECHR than the adoption of appropriate measures of a General nature.

In the final part of the article it is noted that the problems of human rights protection in Russia, pointed out by the ECHR and other international human rights organizations, are not "discoveries" in 2018 and 2019 promises to be no less intense in the field of protection of rights and freedoms of Russian citizens. At the same time, the agenda for 2019 will include issues related to the protection of personal data, which, however, is a General trend in connection with the development of technologies and the formation of international standards in this area, and increasingly complex problems of bioethics. As a forecast, it is also noted that 2019 promises

to be saturated not only with the decisions of the ECHR on individual, but also on interstate complaints of Georgia and Ukraine against Russia.

Key words: European court of human rights; European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms; protection of human rights; international justice.

Spisok literatury:

1. Oficial'naya statistika ESPCH. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_pending_month_2018_BIL.pdf
2. «Mariya Alekhina i drugie protiv Rossii», zhaloba № 38004/12, postanovlenie ot 17.07.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6147945-7951852>.
3. «Mazepa i drugie protiv Rossii», zhaloba № 15086/07, postanovlenie ot 17.07.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6147957-7951870>.
4. «Savva Terent'ev protiv Rossii», zhaloba № 10692/09, postanovlenie ot 28.08.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6173342-7999424>.
5. «Stomahin protiv Rossii», zhaloba № 52273/07, postanovlenie ot 09.05.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=003-6081409-7832636>.
6. Frank La Rue. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. 4 June 2012. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session20/A-HRC-20-17_en.pdf.
7. EHkspertnoe zaklyuchenie Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka na proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (zakonoproekt № 558345-7). URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5094/>
8. Rekomendacii Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka po sovershenstvovaniyu antiehkstremistskogo zakonodatel'stva. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/5743/>.
9. Zakonoproekt № 558345-7 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/558345-7>.
10. «Gusinskij protiv Rossii», zhaloba № 70276/01, postanovlenie ot 10.11.2004. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-1002190-1035313>.
11. «Naval'nyj protiv Rossii», zhaloba № 29580/12 i 4 drugih, postanovlenie Bol'shoj Palaty ot 15.11.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6252011-8134836>.
12. «Lashmankin i drugie protiv Rossii», zhaloba № 57818/09, postanovlenie ot 07.02. 2017. Press-reliz sekretariata ESPCH, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-5621965-7111249>.
13. «Aleksiev i drugie protiv Rossii», zhaloba № 14988/09, postanovlenie ot 27.11.2018. Press-reliz sekretariata ESPCH (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6262020-8153391>.
14. OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on alleged Human Rights Violations and Impunity in the Chechen Republic of the Russian Federation, by Professor Dr. Wolfgang Benedek. URL: <https://www.osce.org/odihr/407402>.
15. «Ubiystvo chesti». Novaya gazeta. № 34. 03.04.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/01/71983-ubiystvo-chesti>.
16. Doklad PASE ot 08.06.2018, Doc. 14752, URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24805&lang=en>, i Rezolyuciya 2230 (2018), URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24962&lang=en>.
17. «Murtazaliev protiv Rossii», zhaloba № 36658/05, postanovlenie ot 18.12.2018 (na angl. yaz.). Press-reliz sekretariata ESPCH, URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6283094-8191209>.
18. Press-reliz sekretariata ESPCH ot 17.12.2018 (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6282063-8189102>.
19. Press-reliz sekretariata ESPCH ot 27.08.2018 (na angl. yaz.), URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6172867-7998333>.
20. «Gruziya protiv Rossii (I)», zhaloba 13255/07, postanovlenie Bol'shoj Palaty (po sushchestvu) ot 03.07.2014. Press-reliz sekretariata ESPCH

УДК: 343.9

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Игнатов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В данной работе исходя из методологии философского учения о личности человека, понимания человека как биосоциальной системы, с позиций системно-структурного анализа, дано понятие личности преступника, как системы взаимосвязанных и взаимодействующих биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих личности индивида, которая отражаясь сквозь призму объективных и субъективных факторов, реализуется в конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения. Исходя из методологии анализа личности преступника, определяющей логику исследования от объективно-формальных (социально-демографические характеристики индивида) к специально-предметным данным (уголовно-правовая характеристика субъекта преступления) и далее к глубинно-психологическим и морально-духовным сферам психики и личности преступника, дана общая характеристика личности преступника. Охарактеризованы основные составляющие структуры личности преступника, блоки, сочетающие соответствующие элементы: социально-демографический, уголовно-правовой и морально-психологический блок.

Ключевые слова: человек, биосоциальная система, личность, структура личности, преступное поведение, преступник.

Общепризнано, что проблема личности преступника является центральной в криминологической науке. Несмотря на значительное внимание, проблема личности преступника с развитием наук о человеке оставляет исследователям все больше вопросов. Это обусловлено тем, что именно личность человека, совершающего преступное деяние, является тем ключевым «узлом», в котором пересекаются во взаимодействии объективные и субъективные факторы детерминации преступного поведения.

Методологической основой криминологического исследования личности преступника является философское учение о личности человека – как система социально значимых качеств индивида, как целостное образование, то есть единство всех взаимосвязанных и взаимодействующих свойств и качеств, которые отражают связь и взаимодействие личности и ее социального окружения, в котором личность живет и воспитывается и в котором себя проявляет [1, с. 11; 2, с. 188]. Таким образом, исследование личности преступника как системного образования обуславливает анализ всех его элементов.

Принципиальным моментом в изучении личности преступника является понимание того, что человек является биосоциальной системой, находящейся в центре других взаимодействующих биосоциальных систем, элементом которых он выступает. В связи с этим центральное место в криминологическом изучении преступности занимает именно человек с его биосоциальной природой [3, с. 63-73].

Человек с точки зрения биосоциального имеет двойственную природу и сущность. Будучи социальным существом, он выступает в качестве субстратного и функционального элемента общества, т. е. является социальным элементом общества или субъектом, вступающим в социальные отношения. Ведь и с субстратной, и

с функциональной стороны человек – существо социальное. Но одновременно он – биологический организм, служащий биологической основой его социальной сущности и социального существования. Поэтому поведение человека, имеющего целостную социальную сущность, также включает в себя биологическое поведение в качестве биологической основы или уровня, входящего в социальное поведение как в целостную систему. Исходя из диалектики социальной и биологической сторон, наука об обществе должна учитывать «естественную основу» деятельности людей и те видоизменения, которые возникают в результате их деятельности в ходе истории [4].

Личность – это система психических процессов, состояний и свойств, возникающих, с одной стороны, вследствие социализации под влиянием воспитания и среды, а с другой – в результате преобразований врожденных внутренних условий организма, которые управляют деятельностью человека, влияя на выбор им различных способов поведения [5]. С точки зрения диалектико-материалистического понимания, личность всегда выступает как конкретный человек, который характеризуется социально-психологическими и биологическими особенностями, выступающими в единстве и определяющими программу и содержательную сторону его поведения.

Как отмечал И.С. Ной, психологическое строение личности производно от деятельности человека и детерминировано, прежде всего, общественными условиями его жизни, однако индивидуальность, как неповторимость каждого отдельно взятого человека, есть, в первую очередь, факт биологический [6, с. 138]. Активно-деятельная природа человека всегда выступает в единстве общественных и естественных качеств, проявляется в процессе реализации человеком своих биологических и социальных способностей, задатков и возможностей. В «индивидуальном действии» человека могут проявиться любые из следующих свойств личности: 1) социально-психологические особенности поведения (в том числе демографические, культурные, социальный и межличностный статус, роли, стиль жизни и общение); 2) направленность (потребности, мотивы, установка, жизненные планы и концепции, ценностные ориентации, склонности, вкусы); 3) психохарактерологические качества (черты характера, акцентированные свойства личности); 4) психические свойства и процессы (особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сферы, восприятие, внимание, речь); 5) операционные характеристики (привычки, умения, навыки, знания); 6) биопсихические свойства (половые, возрастные, морфологические, темперамент, патология, состояние здоровья); 7) особенности сексуальной сферы (сексуальная ориентация, биологические и социальные факторы личностных проблем) [7].

Понятием «личность преступника» в литературе принято обозначать совокупность наиболее характерных свойств и особенностей человека, совершившего преступление, которые определяют его как социальное существо и вместе с тем в наибольшей мере выражают его индивидуальность [8, с. 7-28; 9, с. 6].

Действительно, как свидетельствует история исследования преступности, «преступного человека» как такового не существует. Есть определенная специфика личности человека, совершающего преступление. Она определяется взаимодействием биосоциальной природы человека с комплексом объективно-субъективных факторов действительности и проявляется в конкретной жизненной ситуации в виде акта преступного поведения.

Личность преступника необходимо рассматривать с позиций системно-структурного анализа, согласно которому любое явление имеет свою структуру, которая состоит из ряда взаимосвязанных и взаимодействующих элементов.

Исходя из указанных методологических положений, *личность преступника* можно определить как *систему взаимосвязанных и взаимодействующих биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих личности индивида, которая отражаясь сквозь призму объективных и субъективных факторов, реализуется в конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения.*

В качестве *основных составляющих структуры личности преступника*, блоков, сочетающих соответствующие элементы, можно выделить следующие:

1) социально-демографический блок (включая социальный статус, роли и связи и пр.);

2) уголовно-правовой блок (персональный или групповой характер преступного поведения, направленность преступного поведения, предыдущая преступная деятельность, наказание и особенности его назначения и пр.);

3) морально-психологический блок (психические свойства, психологические и морально-ценностные особенности и пр.).

Методологическая логика исследования личности преступника основана на эталонной общенаучной стратегической модели анализа личностных составляющих преступника, которая предусматривает исследование от общего (социально-демографические данные и т.п.) к частному (специфика потребностно-мотивационной сферы личности преступника). Конкретно-научный уровень методологии анализа личности преступника представлен с помощью направления логики от объективно-формальных (социально-демографические характеристики индивида) к специально-предметным данным (уголовно-правовая характеристика субъекта преступления) и далее к глубинно-психологическим и морально-духовным сферам психики и личности преступника.

Социально-демографический блок. Социально-демографические признаки составляют объективную фундаментальную основу изучения личности преступника и поэтому должны быть исследованы в первую очередь. Возраст, пол, профессия, уровень образования, семейное положение и социальный статус и т. д., эти особенности являются первичными показателями, наиболее очевидными, а потому именуются как формально-объективная характеристика индивида. Это так называемый уровень социальной роли, персоны.

Несмотря на кажущуюся поверхностность содержания социально-демографических данных, они имеют непосредственное отношение к личности преступника и при внимательном их обобщении и анализе помогают объяснить некоторые закономерности и тенденции в совершении преступлений представителями определенного пола, возраста, экономического и социального статуса и т.д. Анализ социально-демографических признаков не только дает нам интегрированное представление о личности преступника, но и раскрывает ее функциональную связь с совершенным преступлением. Функциональная связь социально-демографических признаков личности преступника с совершенным преступлением обусловлена преобладающими особенностями тех или иных признаков. Именно особенности соци-

ально-демографических признаков личности существенно влияют на формирование преступной мотивации и механизм совершения преступления в целом.

Возраст преступника коррелирует не только с соматическим и психическим здоровьем преступника, но и некоторым образом определяет жизненные цели, потребности человека, круг интересов, образ жизни и т.п. С увеличением возраста индивида происходят не только изменения его организма, но и его личности (её социальных ролей и функций, привычек, характера, мотивации поступков, реакции на конфликтные ситуации), что влияет на формирование мотивации и механизм реализации преступного поведения.

В криминологическом плане большое значение имеет и то, в каком возрасте человек совершает преступление, поскольку, более ранний криминальный опыт влечет большую вероятность рецидива в будущем.

Образование человека является фактором, который в значительной степени определяет его социальный статус, влияет на формирование интересов, окружения и жизненных установок. Следует учитывать, что зависимость между уровнем образования людей и вероятностью их антиобщественного поведения носит сложный характер, поскольку знание может быть использовано и во вред. Само по себе образование не может дать рецепт нравственного поведения человека на каждый случай. Оно внедряет относительно устойчивый и в то же время гибкий способ поведения, закрепляет в сознании принципы адекватного реагирования на требования, существующие в обществе, что помогает человеку соизмерять поведение с собственными личными убеждениями и конкретной опциональной ситуацией, выбирать приемлемую линию поведения [10].

Большинство видов преступлений, прежде всего насильственных, коррелирует с низким уровнем культуры и интеллектуального развития личности. Немалую роль в этом играет именно образовательный уровень индивида, который тесно связан с его правосознанием и уровнем правовой культуры.

Социальный статус индивида в свою очередь обуславливается его образовательным уровнем. Значительная часть преступников не задействованы в социально-полезном труде или обучении, либо задействованы преимущественно в малоквалифицированном или неквалифицированном труде. Некоторые виды преступной деятельности напротив непосредственно связаны с трудовой деятельностью преступника (должностная, экономическая преступность, преступность военнослужащих и т.д.).

Низкий социальный статус преступника, обусловленный уровнем образования, незанятостью в труде и обучении, определяет также низкий и средний уровень его материального обеспечения (благосостояния). Следует отметить, что вместе с высоким уровнем претензий и проблемами с самооценкой преступника этот фактор играет значительную роль в механизме совершения части преступлений, прежде всего, насильственных преступлений корыстной направленности [11].

Социальные роли преступника в значительной степени определяются его семейным статусом, свидетельствующим об уровне его социальной адаптации [12].

Уголовно-правовой блок. Уголовно-правовые признаки личности преступника (вид (направленность преступного посягательства) и степень тяжести совершенного преступления, форма вины, состояние в момент совершения преступления, персональный или групповой характер преступного поведения, роль в совершении груп-

пового преступления, наличие совокупности преступлений, уровень и характер рецидива и т.п.) являются важным критерием в оценке такого свойства личности преступника, как его общественная опасность (характеризуя при этом его определенные нравственно-психологические качества).

Кроме того, анализ вида и меры наказания, особенности его применения к преступнику и т.д. свидетельствует о специфике реакции на преступное поведение индивида со стороны государства, ее эффективности и специфической тенденции в данной сфере.

Исследуя личность преступника, следует учитывать, что именно данные относительно социально-демографических и уголовно-правовых признаков личности, когда они анализируются в значительном объеме, характеризуются высокой степенью достоверности и предоставляют наиболее качественный в этом отношении материал для последующей обработки в масштабах статистического исследования.

Анализ соответствующих данных на статистическом уровне позволит не только установить особенности тех или иных признаков личности преступника, но и выявить изменения в их динамике, установить связь характера этих изменений с определенными процессами и явлениями, которые имеют место в социуме, следовательно, установить закономерности и современные тенденции формирования личности преступника на общестатистическом уровне. Анализ соответствующих данных и его результаты являются логическим основанием для закономерного перехода к основной, собственно психологической основе раскрытия проблемы личности преступника.

Морально-психологический блок. Исследование субъективных характеристик индивидов, совершивших преступление, позволяет создать внутреннюю основу для дальнейшей познавательной-пояснительной логики исследования личности преступника. Получение представления о внутреннем мире преступника предполагает исследование специфики его психических свойств, психологических и морально-ценностных особенностей его личности.

Исследованию, прежде всего, подлежат направленность личности, моральные качества, знания, навыки, привычки, уровень личной культуры. Кроме того, исследования психологической структуры личности невозможно без исследования индивидуальных особенностей отдельных психических процессов (памяти, мышления, эмоций, воли), а также основы психики – темперамента, а в необходимых случаях и патологических изменений психики [13, с. 158; 14].

Ценностные ориентации определяют главное и относительно устойчивое отношение человека к основным сферам жизни, а также характеризует личность в целом. Значительный интерес для исследования морально-психологической характеристики преступника представляют данные относительно его девиантного допустимого поведения.

Анализ *мотивов и мотивации* преступленного поведения является содержательной основой исследования личности преступника и его основой, «методологической осью», поскольку именно он раскрывает глубинные составляющие структуры личности преступника, а также и одну из ее основных категорий, которая непосредственно коррелирует с базисом совершения преступления – категорию потребностно-мотивационной сферы. Такой методологический подход базируется на том, что глубинные основания первопричины совершения преступлений имплицитно содер-

жаты в потребностно-мотивационной сфере личности преступника. Это требует своего раскрытия, описания и объяснения с помощью обращения к таким понятиям как влечение, страсть, жизненный стиль личности, жизненные установки и т.п., широко представленных в работах как отечественных, так и зарубежных криминологов, антропологов, теологов, социологов, психологов и психиатров.

Именно сочетание двух методологически различных, автономных концепций – глубинно-психологической и духовно-нравственной позволяет осуществить обобщающий анализ личности преступника как биосоциального единства, представленного с одной стороны глубинными пластами «бессознательного психического», с другой – так называемыми вершинными уровнями человеческой природы, которая представляет морально-духовные аспекты личности. Главная особенность глубинно-психологического подхода, широко представленного в психологии, социологии и психиатрии, который во многом объясняет проблемы совершения преступлений, сосредоточена в исследовательских интенциях З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера, Л. Сонди и др., которые уделяли большое внимание сфере бессознательного личности. Исследование морально-духовных аспектов личности преступника предусматривает анализ экзистенциальных, нравственно-антропологических, духовных подструктур личности и психики преступника и обращение к таким фундаментальным междисциплинарным и философским категориям, как: добро и зло, сила и насилие, дух, добродетель, страсть, грех, влечение и т.д. [15].

Следует учитывать, что среди характеристик личности, которые могут негативно влиять на ее развитие и процесс социализации человека в целом и, как следствие, детерминировать девиантное поведение, необходимо также учитывать такие *психофизиологические признаки*, как физические или психические недостатки (аномалии) человека.

Как на формирование психики человека и его характерные психологические черты, так и на их проявление в поведении влияет соматическое и психическое состояние человека.

Физические или психические недостатки – это именно те индивидуальные психофизиологические особенности человека, которые влияют на формирование личности, ограничивают ее жизненные интересы и потребности. Уже само осознание конкретных физических недостатков пагубно отражается на психике человека. Наличие внешних проявлений наследственных болезней, увечий и инвалидности приводит к возникновению своеобразного характера, привычек, взглядов, а иногда всего поведения. Такие люди плохо приспособлены к социальным условиям [16, с. 15]. Кроме того, в силу тех или иных недостатков, существующих у человека, его физические и психические свойства могут не развиваться, потому его способности временами принимают извращенную форму, а сама личность становится неполноценной, дефективной, плохо приспособленной к жизни в определенной социальной среде. Люди, страдающие физическими недостатками, отличаются патологическими особенностями, которые являются следствием главным образом тех моральных, этических и других осложнений, которые возникают во взаимоотношениях подобных лиц с окружающими, в их фактическом общественном положении [17]. Такого рода психофизиологические особенности индивида и связанные с ними (формирующиеся под их воздействием) специфические негативные характеристики личности в опре-

деленных случаях находят свое отражение в особенностях преступного поведения [18].

Таким образом, исходя из методологии философского учения о личности человека, понимания человека как биосоциальной системы, находящейся в центре других взаимодействующих биосоциальных систем, элементом которых он выступает, с позиций системно-структурного анализа, личность преступника следует понимать как систему взаимосвязанных и взаимодействующих биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих личности индивида, которая отражаясь сквозь призму объективных и субъективных факторов, реализуется в конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения.

Основными составляющими структуры личности преступника, блоками, сочетающимися соответствующие элементы, являются: социально-демографический блок (включая социальный статус, роли и связи и пр.); уголовно-правовой блок (персональный или групповой характер преступного поведения, направленность преступного поведения, предыдущая преступная деятельность, наказание и особенности его назначения и пр.); морально-психологический блок (психические свойства, психологические и морально-ценностные особенности и пр.).

Теоретическая значимость изучения личности преступника состоит, прежде всего, в необходимости криминологического познания факторов, механизма формирования личности преступника как отдельного, специфического типа личности и механизма преступного поведения как такового. Именно личность преступника, как активного субъекта, представленного во всей своей антропологической полноте в феноменологии преступления – основная фигура. Потому ее изучение требует адекватного методологического и аналитического инструментария.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. – 172 с.
2. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. – М.: Юристъ, 1996. – 631 с.
3. Игнатов А. Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2016. – Выпуск 1. – С. 63-73.
4. Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – СПб.: Питер, 2013. – 304 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2005. – 346 с.
6. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. – 222 с.
7. Бродченко О. И., Логунова О. А. Психолого-криминалистическое обеспечение раскрытия серийных сексуальных преступлений: метод. пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 118 с.
8. Личность преступника / Под ред. Б. С. Волкова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. – 187 с.
9. Сундуров Ф. Р., Артюшина О. В. Личность террориста: понятие, особенности формирования преступного поведения и мотивация: Лекция. – Казань: КЮИ МВД России, 2005. – 29 с.
10. Колесников Р. В., Ильяшенко А. Н. Криминологическая характеристика лиц, совершающих угоны и хищения транспортных средств // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 38-46.
11. Игнатов А. Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2015. – № 4 (39). – С. 93-98.
12. Шестаков Д. А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 2. – С. 91-100.
13. Личность преступника / Алимов С. Б., Кондрашков Н. Н., Кудрявцев В. Н., Лейкина Н. С. и др.; отв. ред. В. Н. Квляев. – М.: Юрилит., 1971. – 356 с.
14. Васильева И. В., Григорьев П. Е., Иванов С. В., Игнатов А. Н. Особенности интуиции у осужденных за насильственные преступления // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2 (93). – С. 108-114.

15. Игнатов А. Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 63–68.
16. Щерба С. П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. – М., 1975. – 144 с.
17. Сахаров А. Б. О тех, кто преступает закон // Наука и жизнь. – 1969. – № 5. – С. 47-48.
18. Игнатов А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. № 2. – С. 223-233.

Ignatov A.N. Concept and general characteristics of the personality of the criminal // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 319-326.

In the work, proceeding from the methodology of the philosophical doctrine of a person's personality, understanding of a person as a biosocial system, from the standpoint of system-structural analysis, the notion of a person's criminal is given as a system of interconnected and interacting biological, psychophysiological, psychological, social and spiritual components of an individual's personality, which is reflected through the prism of objective and subjective factors is realized in a concrete life situation in the form of criminal behavior. Based on the methodology of analyzing the personality of the offender, which determines the logic of the research from objective-formal (socio-demographic characteristics of the individual) to the specific subject data (criminal law characteristics of the subject of the crime) and further to the deep psychological and moral-spiritual spheres of the psyche and personality of the offender, given the general characteristics of the identity of the offender. The main components of the personality structure of the criminal are characterized, the blocks combining the corresponding elements: the socio-demographic, criminal law and moral-psychological block.

Key words: man, biosocial system, personality, personality structure, criminal behavior, criminal

Spisok literary:

1. Antonyan YU. M., Enikeev M. I., EHMInov V. E. Psihologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenij. – M., 1996. – 172 s.
2. Enikeev M. I. Osnovy obshchej i yuridicheskoj psihologii. – M.: YUrist", 1996. – 631 s.
3. Ignatov A. N. O biosocial'noj prirode prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo. – 2016. – Vypusk 1. – S. 63-73.
4. Kriminologiya: uchebnoe posobie. Standart tret'ego pokoleniya / pod red. V. N. Burlakova, N. M. Kropacheva. – SPb.: Piter, 2013. – 304 s.
5. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: Smysl, 2005. – 346 s.
6. Noj I. S. Metodologicheskie problemy sovetskoj kriminologii. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1975. – 222 s.
7. Brodchenko O. I., Logunova O. A. Psihologo-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya serijnyh seksual'nyh prestuplenij: metod. posobie. – M.: VNIi MVD Rossii, 2004. – 118 s.
8. Lichnost' prestupnika / Pod red. B. S. Volkova. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1972. – 187 s.
9. Sundurov F. R., Artyushina O. V. Lichnost' terrorista: ponyatie, osobennosti formirovaniya prestupnogo povedeniya i motivaciya: Lekciya. – Kazan': KYUI MVD Rossii, 2005. – 29 s.
10. Kolesnikov R. V., Il'yashenko A. N. Kriminologicheskaya harakteristika lic, sovershayushchih ugony i hishcheniya transportnyh sredstv // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 38-46.
11. Ignatov A. N. Social'no-demograficheskaya i ugovovno-pravovaya harakteristika lichnosti sovremennogo nasil'stvennogo prestupnika // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. – 2015. – № 4 (39). – S. 93-98.
12. SHestakov D. A. Konflikt'naya semejnaya situaciya kak kriminogennyj faktor. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. – 2011. – № 2. – S. 91-100.
13. Lichnost' prestupnika / Alimov S. B., Kondrashkov N. N., Kudryavcev V. N., Lejkina N. S. i dr.; otv. red. V. N. Kudryavcev. – M.: YUrid. lit., 1971. – 356 s.
14. Vasil'eva I. V., Grigor'ev P. E., Ivancov S. V., Ignatov A. N. Osobennosti intuiicii u osuzhdennyh za nasil'stvennye prestupleniya // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2016. – № 2 (93). – S. 108-114.
15. Ignatov A. N. Strast' kak fundamental'naya sostavlyayushchaya motiva prestupnogo povedeniya // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 1 (51). – S. 63–68.
16. SHcherba S. P. Rassledovanie i sudebnoe razbiratel'stvo po delam lic, stradayushchih fizicheskimi ili psihicheskimi nedostatkami. – M., 1975. – 144 s.
17. Saharov A. B. O tekh, kto prestupaet zakon // Nauka i zhizn'. – 1969. – № 5. – S. 47-48.
18. Ignatov A. N. Biologicheskie faktory determinacii nasil'stvennoj prestupnosti // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. № 2. – S. 223-233.

УДК: 343.9

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Игнатов А. Н., Хун А. З.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;
Краснодарский университет МВД России*

В статье на основании системного и сферного подходов, концепции антропологического кризиса исследованы социальные факторы детерминации насильственной преступности с учетом современного состояния таких сфер (подсистем) общества, как: 1) политическая (сфера государственного и общественного управления); 2) социально-экономическая (экономическая, т.е. материально-производственная сфера и социальные общности, группы и институты); 3) духовная (идеология, религия, образование и воспитание, наука, искусство). Выявлены наиболее криминогенно значимые проблемы и дефекты политической, социально-экономической и духовной сфер жизнедеятельности современного общества, переживающего кризисный, транзитивный этап развития и их роль в детерминации насильственной преступности. Установлено, что социально-экономические факторы порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций, влияют на маргинализацию населения, критически влияют на уровень социальной напряженности в обществе; дефекты духовной сферы общества, обусловленные процветанием культов потребления, насилия и жестокости на фоне слабой государственной идеологии, обуславливают процессы трансформации ценностного сознания, следствием чего являются кризис института семьи, развитие технологий манипуляции сознанием, конституирующих насильственное поведение человека; дефекты политической сферы (правовой нигилизм, протекционизм, коррупция и пр.) порождают кризисные явления и катализируют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах.

Ключевые слова: насилие, насильственная преступность, детерминация, система, общество, транзитивный период, социальные факторы, политика, экономика, духовная сфера.

Исследуя проблему преступного насилия в социальном измерении, необходимо исходить из системности общественной жизни (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. О. Сорокин и др.). Соответственно системному подходу общество является сложной системой взаимосвязанных элементов. «Общество, – как отмечает А.А. Давыдов, – это определенный тип системы, которая состоит из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах» [1, с. 14]. Без учета внешних связей с природой общество существовать не может. Общество – это форма организации жизни людей. Человек, как и любая живая система, как известно, «строится» на основе вещества, энергии и информации. Соответственно, и связь общества с природой осуществляется через три основных канала – обмен веществом, обмен информацией и обмен энергией. Несомненно, это деление условное. Однако оно позволяет четко выделить три подсистемы общества: экономическую, политическую и духовную. Характер развития общества определяется принципами соотношения, взаимовлияния этих трех подсистем.

При исследовании социальных факторов детерминации насильственной преступности методологически верным, на наш взгляд, является обращение, наряду с системным подходом и другим методологическим инструментарием [2, с. 129-133], к обычной в современной философской антропологии концепции антропологического кризиса [3, с. 133-141; 4, с. 277-282; 5]. Основными признаками антропологического кризиса называются такие явления, как: 1) трансформация ценностного сознания, которое затронуло социальную, политическую, научную и культурную сферы; 2) развитие технологий манипуляции сознанием; 3) изменчивость идентичности, маргинализация человека; 4) нивелирование специфики национальных государств и локальных культур в условиях глобализации; 5) распространение массовой культуры; 6) кризис человеческой субъективности и виртуализация человеческого «я» как результат прогресса технологий; планетарный экологический кризис [6, с. 8]. Указанные признаки, как можем видеть, отображают основные противоречия общественного развития нынешней эпохи, порождающих и обостряющих множество отрицательных социальных явлений, в частности девиантное поведение и крайнюю его форму – насильственную преступность.

Итак, при анализе социальных факторов детерминации насильственной преступности следует исходить из обозначенного системного понимания общества, а также так называемого «сферного» подхода [7] при анализе указанных выше подсистем общества, акцентируя внимание на таких сферах, как: 1) политическая (сфера государственного и общественного управления); 2) социально-экономическая (экономическая, т.е. материально-производственная сфера и социальные общности, группы и институты); 3) духовная (идеология, религия, образование и воспитание, наука, искусство). При этом в контексте детерминации насильственной преступности мы сосредоточим внимание на наиболее криминогенно значимых проблемах жизнедеятельности современного общества, переживающего кризисный, транзитивный этап своего развития.

Политическая сфера. Огромная роль политических факторов обуславливается тем, что в детерминационной цепи преступности именно политические интересы и конфликты (отношения) нередко определяют и экономические, и социальные отношения, при этом их отрицательные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными [8, с. 66].

В транзитивный период в любом обществе происходит интенсивная криминализация всех общественных отношений в политической, экономической, социальной, духовной сферах жизнедеятельности [9, с. 73-81]. Источниками данной проблемы являются просчеты в управлении, его неэффективность, преимущество групповых, клановых, корпоративных интересов над национальными.

Характерной особенностью политической сферы большинства государств, к сожалению, является связь в подавляющем большинстве случаев политических интересов с борьбой за власть, в процессе которой в выборе средств политические антиподы не церемонятся [8, с. 64]. Политическое противостояние в обществе влияет как на уровень социального напряжения в обществе в целом, так и непосредственно на криминогенную ситуацию в нем.

Результатом продолжительных политических противоречий стало затягивание на долгие годы решения важнейших для реформирования и нормального функционирования общества проблем. Сегодня мы можем наблюдать неполноту и несовер-

шенство правовой регламентации деятельности многих органов государственной власти, несогласование их функций и соподчиненности. Несовершенство законодательных актов, их неполнота, неясность, а временами и противоречивость, провоцируют формирование у всех слоев населения правового нигилизма, нередко приобретающего форму установки у чиновников и разного рода управленцев на произвольное толкование закона и других нормативных актов, а у рядового гражданина – на исполнение закона и распоряжений названных лиц по собственному желанию и усмотрению.

Безусловно дефекты политической сферы современного общества порождают кризисные явления и заостряют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах. Однако наибольший криминогенный потенциал с точки зрения детерминации насильственной преступности кроется в таком следствии несовершенства Закона и его поддержки со стороны государства в лице законодотворцев, чиновников и управленцев, как правовой нигилизм.

Построение правового государства требует достаточного уровня правовой культуры тех, кому народом делегировано право его строить. Сегодня, к сожалению, непосредственно в политической сфере (в широком понимании) остается высоким уровень протекционизма, интриг, а временами – и неприкрытого попрания законов, не говоря уже о масштабах и системности коррупции [10, с. 161-164].

В политической жизни чаще всего общие для всех законы теряют свою силу в том случае, когда речь заходит об интересах господствующей элиты. Действует двойная мораль и двойное право: для управляющих – «своих» и управляемых – «чужих». А, как известно, законность и правопорядок зависят в значительной степени от того, как сами руководители выполняют требования законов; если руководитель на словах призывает соблюдать законность, а сам в своей деятельности ее нарушает, эффект его указаний будет иметь обратную силу [11, с. 206]. Любая вольность толкования «буквы и духа» закона и субъективная целесообразность его применения должна отождествляться с нелегитимностью принимаемого решения. К сожалению, в законодательстве существует множество норм, позволяющих их свободное толкование, следствием чего становится возможным нарушение прав и интересов человека, общества и государства.

На индивидуальном уровне соответствующее отношение к Закону со стороны носителей государственной власти приводит к нивелированию как правовых норм, так и легитимности самой власти. Именно в кризисном социуме приобретает распространение феномен правового нигилизма, непосредственно связанный с феноменом преступного насилия.

В современном кризисном социуме правовой нигилизм приобрел ощутимые масштабы и распространился от повседневной, бытовой сферы к деятельности органов власти. Истоки этого явления выходят из кризиса современного общества, которое теряет такие универсальные фундаментальные составные правосознания, как свобода, совесть, солидарность, патриотизм, справедливость, ответственность, обязанность – принципы, которыми должен руководствоваться человек, определяя свою причастность к обществу и государству.

Правовой нигилизм современного человека выражается в отрицании права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. Известно, что существуют две основные формы

правового нигилизма: теоретическая и практическая. К теоретической принадлежат концепции отдельных мыслителей, социологов, юристов, отдельных индивидов, целых идеологических течений и доктрин, в которых постулируется критическое или равнодушное отношение к праву, явная недооценка его роли и значения в жизни общества. Ко второй относятся непосредственно факты нарушения прав человека, законов и других нормативно-правовых актов, несоблюдение и невыполнение юридических распоряжений, издание противоречивых правовых актов, подмена законности целесообразностью и т.п. Наиболее ярко и болезненно с точки зрения ценности человеческой жизни и свободы правовой нигилизм выражается именно в актах преступного насилия.

В таких условиях происходит эскалация криминального насилия во все сферы жизнедеятельности общества, все больше людей берут на «вооружение» насилие как типичное универсальное средство удовлетворения нужд, достижение жизненных целей и решение внутриличностных и межличностных конфликтов.

Социально-экономическая сфера. Одной из основных характеристик современной переходной эпохи является социально-экономическая нестабильность. Именно экономическая нестабильность приводит к бедности, безработице, отсутствию условий для самореализации личности, социальной стратификации населения и конфронтации между разными его группами [12, с. 277]. В обществе накапливаются и обостряются такие проблемы, как безработица, миграция населения (а вместе с ней – и ксенофобия), рост количества обездоленных и беспризорных, алкоголизм, наркомания и т.п.

Экономические факторы – одна из основных причин обострения криминогенной обстановки, поскольку системный кризис, поразивший все постсоветское пространство с начала 1990-х гг. (разбалансированность экономики, инфляция, безработица, падение жизненного уровня населения и т.п.), и его, прежде всего, экономические последствия из-за значительной деформации социально-экономических отношений и стихийной стратификации общества привели к тяжелым последствиям для государства и большинства граждан, создав благоприятную среду для противоправного поведения.

Кроме общих проблем экономического характера необходимо отметить недифференцированность и несоответствие труду его оплаты. Еще Аристотель указывал, что «борьба и жалобы в суд случаются каждый раз, когда неравные части имеют и получают равные люди или, наоборот, неравные люди – равные части» [13, с. 151]. В свое время Д. Дидро отмечал, что «если в государстве материальные блага распределены справедливо, то народ такой страны добродетелен и не предрасположен к преступлениям» [14, с. 592].

Рассматривая экономические факторы детерминации преступности, следует одновременно учитывать, что между экономикой и преступностью нет полных и прямых корреляций [15, с. 15]. Суть социально-экономических детерминант насильственной преступности заключается в специфике их влияния. Социально-экономические факторы являются основной причиной высокого, а временами критического уровня социального напряжения на уровне социума, а также тревожности и отчужденности на индивидуальном уровне. Постоянная тревожность и отчуждение порождают ощущение отсутствия безопасности, нестабильности существова-

ния, страха, беспокойства, неуверенности и, как следствие, агрессию и ее крайнее проявление – насилие – как наиболее доступный защитный инструментарий.

Кроме того, детерминированные воздействием социально-экономических факторов тревожность и отчужденность, порождают различного рода социальные девиации (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), несущие деструктивные последствия не только для самих девиантов, но и для лиц, их окружающих, которые часто становятся жертвами их агрессии и откровенного насилия.

Таким образом, социально-экономические факторы не только порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), влияют на маргинализацию населения, их мощный криминогенный потенциал кроется в критическом влиянии на уровень социальной напряженности в обществе.

Духовная сфера. К сожалению, характерной особенностью современного общества сегодня является низкий уровень духовности и культуры населения. Криминогенный потенциал дефектов духовной сферы большинства современных обществ связан, прежде всего, с отсутствием единой конструктивной государственной идеологии при господстве культа потребления, насилия и жестокости.

Благодаря воздействию неолибералистической идеологии, утвердившейся в западном мире на протяжении двух последних столетий, главными ценностями общественной жизни стали обновление, рост, прогресс. Они всего за пару столетий изменили характер взаимоотношений между людьми, между личностью и социумом. Навязанная западным миром глобалистическая идеология ориентирована на нивелирование ценностей локальных культур, что содействует обезличиванию и унификации, вплоть до вырождения таких культур в этнографическую массу – население. Такое навязывание чуждых социокультурных моделей представителям автохтонных, самозамкнутых культурных групп порождает культурное насилие, связанное с борьбой за собственную идентичность. Признаком эпохи глубоких культурных трансформаций является кардинальное изменение как духовно-психологического расположения духа социума в целом, так и самого содержания внутренней жизни каждого человека. Возрастает моральный релятивизм, который, как известно, легко перерождается в принцип «все разрешено». Складывается и развивается мощнейшая индустрия технологий из наращивания экзотических, даже извращенных нужд и превращения их в главный мотив поведения и ценностных ориентаций. Господство подобных потребительских устремлений в жизненной динамике современной цивилизации не может не вызывать тревоги [16, с. 48-50].

Наибольшее влияние на проявления насильственного поведения, безусловно, имеют процессы трансформации ценностного сознания, коснувшиеся, прежде всего, социальной сферы. Одной из наиболее животрепещущих проблем, что непосредственно влияет на психологическое состояние людей, их повседневную жизнь, является кризис института семьи.

Разрушение традиционных семейных устоев приводит, как справедливо отмечает Е.Б. Ильянович, к тому, что отношения почитания, уважения старших вытеснены из современной жизни и заменены активным противостоянием молодежи авторитету взрослых, педагогов. Потребительское отношение к жизни, связанное с культом материального благополучия, жизненного успеха, профессионального и социального роста привели к катастрофическому падению престижа материнства и отцовства.

Изменилось отношение к феномену брака как к священному, неразрывному, основанному на верности союзу; потеря самими родителями традиционных моральных ориентиров препятствует духовному воспитанию детей; нарушены родовые и семейные связи между поколениями. В итоге, традиционное понимание семейного воспитания, связанное с культивированием чувства ответственности перед семьей, обществом, нацией, государством и т.п., трансформировалось до неузнаваемости [17, с. 29-38]. Также очень остро стоит проблема преемственности поколений, так как механизм передачи социального опыта от старших поколений к младшим нарушен.

Практически полное отсутствие сегодня в государстве системы планирования семьи и отсутствие контроля за этим процессом со стороны государства приводит к прогрессирующему увеличению неблагополучных семей. Без надлежащего правового регулирования и государственного контроля даже такой социальный институт, как финансовая помощь матерям при рождении ребенка, стимулирует использование репродуктивной функции в корыстных целях. Следствием этого является массовое оставление в детских домах ненужных после получения средств, запущенных, больших или искалеченных детей.

Неправильное родительское воспитание ООН относит к числу основных причин, порождающих преступность. Эмоциональное отчуждение со стороны родителей выталкивает ребенка на улицу, где, враждебный к окружающему миру, ребенок старается любым путем реализоваться, самоутвердиться в неформальных группах ровесников, нередко проявляя при этом исключительную жестокость. Семейное же насилие, прежде всего, насилие по отношению к детям со стороны родителей, как известно, является одним из основных факторов детерминации насильственной преступности, обуславливающих «преемственность» и цикличность насилия в обществе [18, с. 138-139].

Особую опасность скрывает в себе тот факт, что в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным эффектом или же прямым результатом чего являются проявления преступного насильственного поведения. А само развитие технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека. Транслируя информацию, СМИ, СМК не видят ни семантических, ни этических, ни любых других препятствий, а передаваемая ими информация становится не просто избыточной, а начинает выступать в качестве средства манипуляции человеческим сознанием. Официальные СМИ в стремлении к высоким рейтингам перенасыщены информацией об угрозах миру и безопасности граждан, терроризма, экологических, техногенных и других катастроф, разного рода экстремальных событий – голода, войны и т.п. Коммерческие СМИ в погоне за прибылью питают культ потребления человеческими «жертвами», навязывая аудитории в темпе социальных соревнований жесткую потребность в вещах, реально не имеющих ни единой ценности для человека. Отсутствие обратной связи с источником отрицательной информации и возможности влиять, контролировать его нередко приводит к психологическому «вымещению» отрицательного агрессивно-деструктивного потенциала, который накопился в человеке, на окружающих. Отсюда массовое совершение, особенно молодежью, на первый взгляд ничем не мотивированных, бессмысленных преступлений: от насильственного овладения имуществом (которым преступник и не соби-

рался пользоваться), уничтожения или повреждения имущества до убийства из зависти, подсознательной «мести» за зажиточность или «элитарность» другого человека. А акцентировать внимание на криминогенном влиянии сети Интернет, крайне перенасыщенной порнографией и пропагандирующей культ насилия и жестокости продукцией, стимулируя при этом потребителей к обмену информацией и получению и повышению собственного «статуса» потребителя, вообще не имеет смысла [16, с. 48-50].

Таким образом, при исследовании социальных факторов детерминации насильственной преступности методологически верным является обращение, наряду с системным подходом и другим методологическим инструментарием, к концепции антропологического кризиса, а также к сферному подходу, акцентируя внимание на политической, социально-экономической и духовной сферах (подсистемах) общества, переживающего, в контексте сегодняшних реалий, кризисный, транзитивный этап развития.

Дефекты политической сферы (конфликты, противостояние и пр.) общества нередко определяют и экономические, и социальные отношения, порождают кризисные явления и катализируют влияние отрицательных факторов в социально-экономической и духовной сферах. Наибольший криминогенный потенциал кроется в таком следствии несовершенства Закона и его поддержки со стороны государства в лице законотворцев, чиновников и управленцев, как правовой нигилизм, непосредственно связанный в кризисном социуме как с попранием закона, протекционизмом, коррупцией, так и с феноменом преступного насилия. Социально-экономические факторы не только порождают наиболее тяжелые формы социальных девиаций (алкоголизм, наркоманию, суицидальность и пр.), влияют на маргинализацию населения, их криминогенность проявляется в критическом влиянии на уровень социальной напряженности в обществе. Дефекты же духовной сферы общества, обусловленные процветанием культов потребления, насилия и жестокости на фоне слабой государственной идеологии, обуславливают процессы трансформации ценностного сознания, следствием чего являются кризис института семьи, развитие технологий манипуляции сознанием, конституирующих насильственное поведение человека.

Список литературы:

1. Давыдов А. А. К вопросу об определении понятия «общество» // СоцИс. – 2004. – № 2.
2. Игнатов А. Н., Ильянович Е. Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.
3. Ильянович Е. Б. Основные признаки антропологического кризиса современности // Ученые записки ТНУ Серия: Философия. – 2006. – Т. 19 (58). – №2. – С. 133-141.
4. Ильянович Е. Б. Антропологический кризис в контексте современной техногенной цивилизации // Ученые записки ТНУ Серия: Философия. – 2008. – Т. 21 (60). – № 4. – С. 278-282.
5. Лазарев Ф. В. Ноосферно-антропологический манифест. – Симферополь : КНЦ, 2008. – 22 с.
6. Ильянович К. Б. Антропологическая кризис в условиях современной техногенной цивилизации: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Симферополь, 2008.
7. Барулин В. С. Социальная философия : учебник. Изд. 2-е. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
8. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. – М.: Норма, 2006. – 112 с.
9. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Заброда Д. Г. Факторы криминализации экономики Крыма в транзитивный период // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 4. – С. 73-81.

10. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Коррупция в органах публичной власти как системное явление // В сборнике: Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы Российская криминологическая ассоциация. – 2015. – С. 161-164.
11. Давыденко Л. М., Бандурка А. М. Противодействие преступности: теория, практика, проблемы : монография. – Х.: Изд-во ун-та внутр. дел, 2005. – 302 с.
12. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004. – 448 с.
13. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / общ. ред. А. И. Доватура; АН СССР, Ин-т филос. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
14. Дидро Д. Сочинения; в 2 т.; пер. с франц.; сост., ред. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. Т. 1. – 592 с.
15. Лунеев В. В. Рыночная экономика и экономическая преступность в России // Экономическая преступность / под ред. В. В. Лунеева, В. И. Борисова. – М.: Юрист, 2002.
16. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (41). – С. 48-50.
17. Ильяхнович Е. Б. Фундаментальные ценности техногенного цивилизационного развития // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2009. – Т. 22. № 1 (61). – С. 29-38.
18. Уоллер И. Латентная преступность и вопросы предупреждения преступности и раскрытия преступлений: международные разработки // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сб. материалов междунар. семинара. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1993. – С. 138-139.

Ignatov A. N., Hun A. Z. Social factors of determination of violent crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 327-335.

In the article, on the basis of the system and sphere approaches, the concept of the anthropological crisis, the social factors of the determination of violent crime are studied, taking into account the current state of such areas (subsystems) of society as: 1) political (state and public administration); 2) socio-economic (economic, ie, material and production sphere and social communities, groups and institutions); 3) spiritual (ideology, religion, education and upbringing, science, art). The most criminally significant problems and defects of the political, socio-economic and spiritual spheres of life of modern society that are experiencing a crisis, transitive stage of development and their role in the determination of violent crime are revealed. It has been established that socio-economic factors give rise to the most severe forms of social deviations, affect the marginalization of the population, critically affect the level of social tension in society; defects in the spiritual sphere of society, caused by the prosperity of the cults of consumption, violence and cruelty against the background of weak state ideology, cause the processes of transformation of value consciousness, resulting in a crisis of the institution of the family, development of technologies for manipulating consciousness, constituting the violent behavior of a person; defects in the political sphere (legal nihilism, protectionism, corruption, etc.) give rise to crisis phenomena and catalyze the influence of negative factors in the socio-economic and spiritual spheres.

Keywords: violent, violent crime, determination, system, society, transitive period, social factors, politics, economics, spiritual sphere.

Spisok literatury:

1. Davydov A. A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «obshchestvo» // SocIs. – 2004. – № 2.
2. Ignatov A. N., Il'yanovich E. B. Metodologicheskie osnovy issledovaniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 2 (52). – S. 129-133.
3. Il'yanovich E. B. Osnovnye priznaki antropologicheskogo krizisa sovremenosti // Uchenye zapiski TNU Seriya: Filosofiya. – 2006. – Т. 19 (58). – №2. – S. 133-141.
4. Il'yanovich E. B. Antropologicheskij krizis v kontekste sovremennoj tekhnogennoj civilizacii // Uchenye zapiski TNU Seriya: Filosofiya. – 2008. – Т. 21 (60). – № 4. – S. 278-282.
5. Lazarev F. V. Noosferno-antropologicheskij manifest. – Simferopol' : KNC, 2008. – 22 s.
6. Il'yanovich K. B. Antropologicheskaya krizis v usloviyah sovremennoj tekhnogennoj civilizacii: Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Simferopol', 2008.
7. Barulin V. S. Social'naya filosofiya : uchebnik. Izd. 2-e. – М.: FAIR-PRESS, 2000. – 560 s.
8. Kudryavcev V. N., EHminov V. E. Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskij analiz. – М.: Norma, 2006. – 112 s.
9. Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Zabroda D. G. Faktory kriminalizacii ehkonomiki Kryma v tranzitivnyj period // Vestnik ehkonomicheskoy bezopasnosti. – 2017. – № 4. – S. 73-81.

10. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Korrupciya v organah publichnoj vlasti kak sistemnoe yavlenie // V sbornike: Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya. – 2015. – S. 161-164.
11. Davydenko L. M., Bandurka A. M. Protivodejstvie prestupnosti: teoriya, praktika, problemy : monografiya. – H.: Izd-vo un-ta vnutr. del, 2005. – 302 s.
12. Antonyan YU. M. Kriminologiya. Izbrannye lekicii. – M.: Logos, 2004. – 448 s.
13. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. / obshch. red. A. I. Dovatura; AN SSSR, In-t filos. – M.: Mysl', 1984. – T. 4. – 830 s.
14. Didro D. Sochineniya; v 2 t.; per. s franc.; sost., red. V.N. Kuznecova. – M.: Mysl', 1986. T. 1. – 592 s.
15. Luneev V. V. Rynochnaya ehkonomika i ehkonomicheskaya prestupnost' v Rossii // EHkonomicheskaya prestupnost' / pod red. V. V. Luneeva, V. I. Borisova. – M.: YUrist", 2002.
16. Ignatov A. N. Krizis duhovnoj sfery kak faktor determinacii ehkstremizma, terrorizma i kriminal'nogo nasiliya v celom // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 3 (41). – S. 48-50.
17. Il'yanovich E. B. Fundamental'nye cennosti tekhnogennogo civilizacionnogo razvitiya // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. – 2009. – T. 22. № 1 (61). – S. 29-38.
18. Uoller I. Latentnaya prestupnost' i voprosy preduprezhdeniya prestupnosti i raskrytiya prestuplenij: mezhdunarodnye razrabotki // Latentnaya prestupnost': poznanie, politika, strategiya: sb. materialov mezhdunar. seminar. – M.: VNII MVD RF, 1993. – S. 138-139.

УДК 343.9

ЛАТЕНТНОСТЬ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Тамазов Э. И.

Тимашевский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю

В статье на основании результатов социологического исследования (опроса экспертов – 1440 сотрудников органов внутренних дел, чья служебная деятельность непосредственно связана с охраной общественного порядка) исследованы уровень (как в целом, так и относительно отдельных видов) коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка. Выявлены и проанализированы следующие группы факторов, детерминирующих латентность данных преступлений: факторы, связанные с виктимологическими особенностями коррупционных преступлений; факторы, связанные с организационной спецификой функционирования и негативными проявлениями бюрократии в органах внутренних дел; факторы, связанные со спецификой субъектов преступной коррупционной деятельности – сотрудников органов внутренних дел; факторы, связанные со спецификой преступной деятельности как объекта противодействия, прежде всего, с особенностями выявления и пресечения, а также квалификации и доказывания преступных деяний.

Ключевые слова: латентность, фактор латентности, коррупция, коррупционные преступления, сотрудник органов внутренних дел, охрана общественного порядка.

Проблема латентности преступности является актуальной уже очень давно. На так называемую «темную цифру» преступности обращал внимание еще А. Ж. Кетле, указывающий, что неучтенные преступления превышают количество тех, которые отражены в статистических учетах [1, с. 262]. Латентность как коррупционной преступности как таковой, так и преступности сотрудников правоохранительных органов имеет свою специфику, обусловленную как уровнем, так и факторами «неучтенности» соответствующих преступлений.

Основной характерной чертой коррупционной преступности сотрудников правоохранительных органов наряду с тотальной эскалацией практически во все сферы функционирования правоохранительных органов, является чрезвычайно высокий уровень латентности [2]. Как отмечают А. Н. Игнатов и А. А. Кашкаров, «уровень латентности преступности сотрудников органов внутренних дел не только в несколько раз превышает уровень латентности преступности вообще, но и повышается в зависимости от конкретного вида преступлений – от насильственных преступлений к взяточничеству» [3, с. 32]. Специалисты указывают, что «официальная статистика отражает лишь верхушку айсберга, по заключению ряда экспертов МВД, латентность преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, составляет 99,9%» [4, с. 71].

Существующие на сегодня формы статистической отчетности не позволяют анализировать данные о состоянии коррупционной преступности сотрудников органов

внутренних дел в соответствии с различными сферами их служебной деятельности, а содержат лишь обобщенные данные. Для получения необходимой информации о состоянии коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, нами был проведен опрос экспертов, в качестве которых выступили 1440 сотрудников органов внутренних дел, чья служебная деятельность непосредственно связана с охраной общественного порядка.

Уровень латентности (в % по отношению к фактически регистрируемым) коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, по мнению большинства экспертов (57,3% опрошенных), составляет от 60% до 80%. В целом на то, что латентность исследуемых преступлений составляет от 60 до 100% указали 81,6% экспертов.

Наиболее латентными коррупционными преступлениями, совершаемыми сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, по оценкам экспертов, являются:

- 1) мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ) – 96,4%;
- 2) получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 88,9%;
- 3) злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) – 48,1%;
- 4) превышение должностных полномочий (чч. 1, 2, п. "в" ч. 3 ст. 286 УК РФ) – 44,7%;
- 5) посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) – 37,8%;
- 6) мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 34,2%;
- 7) дача взятки (ст. 291 УК РФ) – 31,2%;
- 8) незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. "б" ч. 4, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ) – 31,1%;
- 9) служебный подлог (ст. 292 УК РФ) – 27,2%;
- 10) незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) – 25,8%;
- 11) приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) – 24,1%;
- 12) воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) – 17,5%;
- 13) внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285³ УК РФ) – 15,8%;
- 14) организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 3 ст. 210 УК РФ) – 15,7%;
- 15) принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) – 14,7%;
- 16) оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 1,2 ст. 184 УК РФ) – 11,7%;
- 17) присвоение или растрата (чч. 3, 4 ст. 160 УК РФ) – 9,1%.

Как можем видеть, наиболее остро стоит проблема латентности таких преступлений, как взяточничество (ст. 290–291² УК РФ), а также злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (чч. 1, 2, п. "в" ч. 3 ст. 286 УК РФ). Примечательно, что каждый третий эксперт указал на крайне высокий уровень латентности таких преступлений, как посредничество во взяточничестве и дача взятки, что, по нашему мнению, может свидетельствовать об институционализации коррупционных отношений в деятельности органов внутренних дел и существование коррупционных норм и отношений сетевого типа.

Вторую группу наиболее латентных преступлений исследуемого вида, по оценкам обеспокоенности экспертов, составляют такие преступления, как: мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. "б" ч. 4, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

Оценка латентности иных видов преступлений исследуемого вида в целом соответствует мнению экспертов относительно их уровня и распространенности.

Что касается факторов латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, то здесь можно выделить следующие их группы.

Прежде всего, это факторы, связанные с виктимологическими особенностями коррупционных преступлений. Кроме правовой безграмотности, неверия граждан в целесообразность обращения в правоохранительные органы и нежелания с ними сотрудничать, следует учитывать, что, как правило, в коррупционных преступлениях, в первую очередь во взяточничестве, обе стороны коррупционных отношений совершают преступные действия. Этот фактор играет роль также в ситуациях инициации коррупционного преступления со стороны лица, нарушившего закон и желающего избежать наказания.

Лица, вступающие с работниками правопорядка в коррупционные взаимоотношения, сами становятся субъектами преступления и поэтому фактически не заинтересованы в раскрытии указанных фактов. Как следствие, жалобы и заявления о подобных противоправных контактах в правоохранительные органы практически не поступают. Кроме того, сотрудники органов внутренних дел зачастую совершают преступления в отношении лиц, нарушивших закон, которые боятся наказания за свои деяния, не верят в возможность привлечения сотрудников-коррупционеров к ответственности и поэтому не сообщают о фактах вымогательства у них взяток в органы прокуратуры или подразделения собственной безопасности органов внутренних дел [5, с. 65-66]. Нежелание потерпевших от преступных посягательств, совершаемых должностными лицами правоохранительных органов, обращаться с заявлением в соответствующие органы связано и с опасением мести за такие действия со стороны виновных сотрудников правоохранительных органов [6, с. 96-97]. В свою очередь, как верно отмечает А. А. Кашкаров, «Высокий уровень латентности виктимности должностной преступности приводит не просто к рецидиву, а к мульт-

типликативному эффекту, который выражается в новом витке вовлечения жертв в сферу преступной деятельности должностных лиц органов публичной власти. Потенциальные жертвы должностной преступности признают (осознают) безысходность положений дел в органах публичной власти и с целью реализации своих конституционных прав, а также как законных, так и незаконных интересов начинают втягиваться в преступную деятельность» [7, с. 208].

Как показало наше исследование, по мнению экспертов именно боязнь и нежелание граждан заявлять и участвовать в расследовании коррупционных преступлений, совершаемых представителями власти (70,5%) и отсутствие заявителя в силу преступности действий подкупающего лица (взяткодателя) (61,8%) являются одними из основных факторов латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка.

Вторая группа факторов латентности исследуемых преступлений связана с организационной спецификой функционирования и негативными проявлениями бюрократии в органах внутренних дел.

Что касается чрезвычайно высокого уровня латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, то помимо традиционной незаинтересованности всех сторон коррупционных сделок в афишировании информации о них, ключевую роль здесь играет возможность правоохранительной системы «контролировать» уровень нарушения законности ее сотрудниками.

Как отмечают специалисты, основными факторами существования латентной преступности сотрудников органов внутренних дел являются такие черты бюрократии в указанных органах, как: авторитаризм, конформизм, корпоративность, противодействие внешнему социальному контролю и т. п. В то же время уровень регистрируемой преступности в органах внутренних дел связан со спецификой деятельности и статуса субъекта преступления, степенью активности руководителей тех или иных органов по сокрытию или маскировке под различного рода правонарушения преступлений, совершенных подчиненными сотрудниками [3, с. 32].

Секретность и недоступность статистических данных о преступности позволяет правоохранительным органам поддерживать ложную видимость благополучия в состоянии преступности, в том числе и в своих рядах. Можно с уверенностью утверждать, что любому виду преступности свойственна латентность, но когда речь идет о преступности в самих правоохранительных органах, то следует иметь в виду ее значительно более высокий уровень. Этот факт отчасти объясняется, помимо общих причин, той или иной степенью закрытости деятельности правоохранительных органов [8, с. 77].

Нередко руководство подразделений органов внутренних дел «закрывает глаза» на нарушения закона, допускаемые подчиненными. Причины этого могут быть различны: нежелание ухудшать показатели работы подразделения, соблности «честь мундира», принизить собственные просчеты в воспитании и контроле за подчиненными. Зачастую, сотрудники, использующие незаконные методы получения доказательств, проведения расследования, оперативно-разыскных мероприятий и т.п., находятся на хорошем счету у руководства по причине достаточно высоких результатов деятельности, в том числе раскрытия и расследования преступлений, осуществления административной практики. Поэтому некоторые руководители не

только не обращают внимания на различные правонарушения своих подчиненных, но и поощряют их в ряде случаев [5, с. 65-66].

Как указывает А. В. Синельников, «Во-первых, криминологически значимой особенностью системы службы в правоохранительных органах является то, что начальствующий состав несет ответственность за противоправное поведение подчиненных, порой довольно строгую. Отсюда и скрытое противодействие отдельных руководителей органов правопорядка привлечению своих сотрудников к уголовной ответственности. Расчет на «профессиональное алиби», поддержку либо лояльность руководства, позволяющих избежать ответственности, является одним из наиболее существенных обстоятельств, влекущих формирование субъективной готовности к совершению преступных посягательств. Во-вторых, труднопреодолимым препятствием в формировании доказательственной базы против виновных должностных лиц правоохранительных органов выступает так называемая «корпоративная солидарность» среди сослуживцев, которые в силу сложившейся профессиональной деформации психологии покрывают своих коллег, допустивших нарушения закона. В итоге попытки выяснить обстоятельства совершения преступления и выявить его свидетелей натываются на «стену молчания» [6, с. 96-97].

Таким образом, следует согласиться с тем, что латентность преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, в том числе и коррупционных, в большей, чем другие виды преступлений, мере обусловлена такими особенностями функционирования правоохранительных органов, как авторитаризм процесса управления и противодействие внешнему сольному контролю. Противодействие внешнему социальному контролю во многом вызвано тактико-организационным, чисто ведомственным характером функций, обусловленных спецификой служебной деятельности правоохранительных органов. Режим секретности и недостаточность общественного контроля дает правоохранительным органам поддерживать кажущуюся видимость благополучия относительно состояния преступности в целом, и состояния законности в самих правоохранительных органах в частности [9].

Среди факторов латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, связанных с организационной спецификой функционирования и негативными проявлениями бюрократии в органах внутренних дел, эксперты выделили такие, как: корпоративная солидарность сотрудников ОВД и терпимость к коррупционному поведению коллег (61,4%), обеспечение «чистоты мундира», показателей законности и правопорядка и незаинтересованность руководства ОВД в выявлении фактов совершения коррупционных преступлений (43,5%), возможности руководства уволить сотрудника «вчерашним днем», в т.ч. «по собственному желанию» (38,6%), незаинтересованность руководства в выявлении фактов совершения коррупционных преступлений в силу системности коррупции в ОВД (27,9%).

Следует отметить, что проблема состояния и объективности показателей уровня законности и правопорядка в органах внутренних дел, к сожалению, не является проблемой отдельных руководителей на местах. Системность соблюдения законности в целом и противодействие коррупции в органах внутренних дел в частности невозможны без наличия и проявления политической воли руководства государства и, соответственно, неукоснительного следования ей «на местах». Не случайно, что

практически каждый второй опрошенный в ходе исследования эксперт (40,9%) в качестве фактора латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, указали на незаинтересованность государства афишировать реальный уровень преступной коррупции в органах внутренних дел.

Третья группа факторов латентности исследуемых преступлений связана со спецификой субъектов преступной коррупционной деятельности – сотрудников органов внутренних дел.

Как отмечают А. Н. Игнатов и А. А. Кашкаров, «В отдельных случаях в силу специфики служебного статуса сотрудники правоохранительных органов имеют реальные возможности для осуществления длительной безнаказанной преступной деятельности. Так, сотрудник органов внутренних дел в рамках закона наделяется специфическими полномочиями, имеет соответствующие знания уголовного, уголовно-процессуального закона, а также специальные навыки (в том числе оперативно-розыскной деятельности) и умения, которые могут быть использованы как при совершении преступления, так и при сокрытии своего участия в преступлении, следов преступления и т.д.» [3, с. 5]. Как утверждают специалисты, почти 2/3 сотрудников органов внутренних дел, совершивших преступления, удается избежать ответственности в силу знания оперативно-розыскной работы, уголовного и уголовно-процессуального законодательства [10; 5, с. 65-66].

Как показало наше исследование, по мнению экспертов, факторами данной группы являются: возможность у сотрудника использовать коррупционные связи или свое служебное положение для оказания влияния на ход и результаты предварительного следствия или судебного разбирательства с целью избежать ответственности или изменить квалификацию содеянного (48,4%), а также владение преступником специальными знаниями, навыками и умениями, в т.ч. оперативно-розыскной деятельности и т.п. (25,4%).

Четвертая группа факторов латентности исследуемых преступлений связана со спецификой преступной деятельности как объекта противодействия.

В данном случае латентность обусловлена, прежде всего, имеющимися особенностями выявления и пресечения, а также квалификации и доказывания коррупционных преступлений рассматриваемого вида.

Речь идет о так называемой смежной латентности как смежном (между естественной и искусственной латентностью) состоянии преступлений, обуславливаемом существованием факторов, из-за которых лица, выявившие факт их совершения, по причине неясности ситуации или неверной правовой оценки не сообщают об этом в правоохранительные органы, а уполномоченные лица не регистрируют их или не делают это надлежащим образом. Также обуславливают существование латентности преступности как смежного состояния сложности уголовно-правовой оценки, связанные с несовершенством уголовного законодательства и недостатками и/или ошибками его применения. Данные недостатки и ошибки имеют место вследствие, во-первых, дефицита кадров и несовершенства профессиональной подготовки соответствующих работников правоохранительных и судебных органов; во-вторых, вследствие низкого материально-технического обеспечения соответствующей деятельности и недостатков существующей системы профессионального стимулирования и контроля (надзора) [11, с. 240-241].

Адекватная квалификация преступных деяний сама по себе является эффективной мерой предупреждения преступности. Более того, правильность квалификации совершенных преступлений влияет на достоверность криминологической характеристики преступности сотрудников органов внутренних дел, а, следовательно, на эффективность произведенных на ее основе превентивных мер. Однако нередко трудности и ошибки при квалификации соответствующих деяний возникают из-за отсутствия законодательного закрепления и, соответственно, неоднозначности трактовки и правовой оценки такогоотягчающего обстоятельства, как совершение преступления сотрудником правоохранительного органа с использованием служебного положения [3, с. 31-32; 12]. Эффективное выявление, пресечение, квалификация и доказывание коррупционных преступлений, совершаемых таким специфическим субъектом, как сотрудник органов внутренних дел, требует надлежащее методическое, техническое и прочее обеспечение, но, прежде всего, обеспечение соответствующими высококвалифицированными кадрами.

К факторам латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, данной группы, эксперты относят: отсутствие (нехватку) квалифицированных кадров, способных эффективно выявлять и расследовать коррупционные преступления сотрудников ОВД (30,7%), нежелание выявлять и расследовать «проблемные» в плане доказывания преступления в связи с бесперспективностью их судебного рассмотрения в силу системности коррупции в правоохранительных и судебных органах (20%), а также сложности выявления и документирования (фиксации) преступных деяний (19,3%).

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Уровень латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка составляет от 60 до 100%. Наиболее остро стоит проблема латентности таких преступлений, как взяточничество (ст. 290–291² УК РФ), а также злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (чч. 1, 2, п. "в" ч. 3 ст. 286 УК РФ) – преступления с максимальной латентностью, а также таких преступлений, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. "б" ч. 4, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Крайне высокий уровень латентности таких преступлений, как посредничество во взяточничестве и дача взятки, может свидетельствовать об институционализации коррупционных отношений в деятельности органов внутренних дел и существование коррупционных норм и отношений сетевого типа.

Латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, детерминируют факторы следующих групп: 1) факторы, связанные с виктимологическими особенностями коррупционных преступлений; 2) факторы, связанные с организационной спецификой функционирования и негативными проявлениями бюрократии в органах внут-

ренных дел; 3) факторы, связанные со спецификой субъектов преступной коррупционной деятельности – сотрудников органов внутренних дел; 4) факторы, связанные со спецификой преступной деятельности как объекта противодействия, прежде всего, с особенностями выявления и пресечения, а также квалификации и доказывания коррупционных преступлений рассматриваемого вида.

Список литературы

1. Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей / Кэтлз; Под ред. [и с предисл.] А. Русова. Т. 1-2. - Киев : Киев. коммерч. ин-т, 1911-1913. – Т.1. – 336 с.
2. Тамазов Э. И. Общая криминологическая характеристика коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 12. – С. 174-180.
3. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного насилия в органах внутренних дел: научно-практическое пособие. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – 152 с.
4. Ломов А. М. Проблемы противодействия коррупции в органах внутренних дел // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 2.
5. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / [Иванцов С. В. и др.]. – Москва : Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2015. – 157 с.
6. Синельников А. В. Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 94-101.
7. Кашкаров А. А. Виктимологический механизм должностной преступности // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 206-209.
8. Алтухов С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики). – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 271 с.
9. Игнатов А.Н. Организационно-управленческие факторы сокрытия преступлений от учета // Государство и регионы. Серия: ПРАВО. – 2012. – № 3. – С. 116-122. – DOI: 10.18411/b-2016-043
10. Шмарин П.В. Негативные последствия коррупции // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств-участников СНГ в выявлении, раскрытии, расследовании коррупционных преступлений» 21.12.2016. – М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. – С. 300-303.
11. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник / под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 639 с.
12. Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Венедиктов А. А. К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2. № 1 (68). – С. 87-93.

Tamazov E.I. Latency of corruption crimes committed by employees of internal affairs officers in the sphere of protection of public order // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 336-344.

In the article, based on the results of a sociological research (a survey of experts - 1,440 employees of internal affairs officers, whose official activities are directly related to the protection of public order) investigated the level (both in general and in relation to certain types) of corruption crimes committed by employees of internal affairs officers in the sphere of protection of public order. The following groups of factors determining the latency of these crimes were identified and analyzed: factors associated with victimological features of corruption crimes; factors related to the organizational specifics of functioning and the negative manifestations of bureaucracy in the internal affairs officers; factors related to the specifics of the subjects of criminal corruption activities – employees of the internal affairs officers; factors related to the specifics of criminal activity as an object of counteraction, primarily with the peculiarities of detection and suppression, as well as the qualification and proof of criminal acts.

Key words: latency, latency factor, corruption, corruption crimes, employee of the internal affairs officers, protection of public order.

Spisok literatury

1. Social'naya fizika, ili Opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskih sposobnostej / Kehtleh; Pod red. [i s predisl.] A. Rusova. T. 1-2. - Kiev : Kiev. kommerch. in-t, 1911-1913. – T.1. – 336 s.
2. Tamazov E.H. I. Obshchaya kriminologicheskaya harakteristika korrupcionnyh prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2016. – № 12. – S. 174-180.
3. Ignatov A. N., Kashkarov A. A. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie nezakonnogo nasiliya v organah vnutrennih del: nauchno-prakticheskoe posobie. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2017. – 152 s.
4. Lomov A. M. Problemy protivodejstviya korrupcii v organah vnutrennih del // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 2.
5. Preduprezhdenie korrupcii v organah vnutrennih del i formirovanie antikorrupcionnogo povedeniya sotrudnikov i rabotnikov organov vnutrennih del: uchebnoe posobie / [Ivancov S. V. i dr.]. – Moskva : Moskovskij un-t MVD Rossii im. V. YA. Kikotya, 2015. – 157 s.
6. Sinel'nikov A. V. Kriminologicheskie osobennosti prestuplenij protiv pravosudiya, sovershaemyh dolzhnostnymi licami organov ugolovnogo presledovaniya // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava. – 2013. – № 2. – S. 94-101.
7. Kashkarov A. A. Viktimologicheskij mekhanizm dolzhnostnoj prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 2 (56). – S. 206-209.
8. Altuhov S. A. Prestupleniya sotrudnikov milicii (ponyatie, vidy, osobennosti profilaktiki). – SPb.: Izdatel'stvo «YUridicheskij centr Press», 2001. – 271 s.
9. Ignatov A.N. Organizacionno-upravlencheskie faktory sokrytiya prestuplenij ot ucheta // Gosudarstvo i regiony. Seriya: PRAVO. – 2012. – № 3. – S. 116-122. – DOI: 10.18411/b-2016-043
10. SHmarion P.V. Negativnye posledstviya korrupcii // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy sovershenstvovaniya sotrudnichestva pravoohranitel'nyh i inyh organov gosudarstvuchastnikov SNG v vyyavlenii, raskrytii, rassledovanii korrupcionnyh prestuplenij» 21.12.2016. – M.: MosU MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya. – S. 300-303.
11. Preduprezhdenie prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij organami vnutrennih del: uchebnik / pod red. V. YA. Kikotya, S. YA. Lebedeva. 3-e izd., pererab. i dop. – M.: YUNITI-DANA, 2017. – 639 s.
12. Ignatov A. N., Kashkarov A. A., Venediktov A. A. K opredeleniyu soderzhaniya i ugolovno-pravovoj ocenke ponyatiya «ispol'zovanie sluzhebnogo polozheniya» // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. YUridicheskie nauki. – 2016. – T. 2. № 1 (68). – S. 87-93.

УДК 347.1

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Таран П. Е., Погребняк Е. С.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена положительным и отрицательным аспектам процедур банкротства физических лиц в Великобритании и Российской Федерации. В работе рассматриваются требования к конкурсным управляющим, порядок проведения конкурсного производства и удовлетворения требований кредиторов в Российской Федерации и Великобритании. Основной акцент данной статьи направлен на изучение в большей степени защиты интересов неплатежеспособного должника, хотя в определенных аспектах присутствует перевес в «прокредиторскую» сторону.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, кредитор, должник, исполнительное производство, конкурсное производство, сравнительный анализ.

Великобритания и Российская Федерация, в силу сложившихся правовых систем, на формирование которых влияли исторические и геополитические факторы, развиваются по определенному плану с учетом уникальных особенностей деятельности государственного аппарата.

Обозначенный курс развития государства определяет вектор реализации государственно-правовых явлений, включающих в себя правотворчество, судебную и правоприменительную деятельность, правопонимание и иные разнообразные по своей природе феномены, которые связаны с установлением государства и права, а также их воздействием на общественные отношения.

Такой институт, как банкротство физических лиц, поддается воздействию от многих сфер деятельности государства, взаимодействует и находится в корреспондирующих связях с ними.

Основными сферами взаимодействия института банкротства физических лиц являются социальная и экономическая, так как непосредственная взаимосвязь экономики и социального благополучия населения зависит от платежеспособности и баланса требований между субъектами государства.

Для выявления позитивных и негативных аспектов в существующих процедурах банкротства физических лиц в Великобритании и Российской Федерации необходимо осветить этапы современного становления и функционирования данных процедур.

Великобритания, в отличие от иных европейских стран и США, характеризуется особой гуманностью по отношению к неплатежеспособным должникам. Должник

после признания банкротом продолжает жить без особых ограничений, имеет право заключать кредитные договоры без обращения в суд. Однако, английское законодательство о банкротстве все равно является «прокредиторским», о чем свидетельствуют нормы, рассмотренные далее.

Законодательство о банкротстве в Великобритании представлено законом о несостоятельности. Этот закон был принят в 1914 году и изменен в 1986 году до современного его состояния Закона «О несостоятельности и банкротстве».

Данный нормативно-правовой акт является основным источником правового регулирования отношений в сфере банкротства.

На современном этапе институт банкротства в Великобритании претерпевает значительные законодательные изменения. Одно из предложений парламента - переименовать акт в Закон «О восстановлении», целью которого будет применения широкого спектра мер по улучшению финансового состояния должника.

Данным законом предусмотрено право воспользоваться режимом управления в целях реабилитации должника, но применение данного режима осложнено «правом плавающего» обеспечения на все активы должника, который активно используют кредиторы [3, с. 149].

Особенностью английского законодательства является дифференциация в зависимости от предмета деятельности должника и иных обстоятельств.

Возбуждение производства по делу о несостоятельности практически идентично соответствующей процедуре в Российской Федерации.

Круг субъектов банкротства в Великобритании достаточно расширен, в сравнении с российским законодательством: несостоятельными могут быть признаны все хозяйствующие субъекты, кроме страховых компаний и банковских институтов, а также физические лица.

Условия возбуждения производства по делу, такие как просрочка платежа, определенный размер задолженности имеют свои национальные особенности.

Производство по делу о банкротстве начинается с подачи письменного заявления о признании должника несостоятельным. Правом подачи заявления обладают должник, кредиторы, уполномоченные государственные органы, суд, клерк суда магистрата, а в исключительных случаях другие лица (например, «ликвидаторы»).

Подведомственность данной категории дел отнесена к компетенции специальных судов о банкротстве, в Российской Федерации - к компетенции арбитражных судов.

Инстанционность, присущая Великобритании с созданием специальных судов, отражает идею предоставления прав по рассмотрению дел о признании граждан банкротом арбитражным судам, что является явным сходством правовых институтов, даже в разных правовых системах, в том числе с Российской Федерацией.

Существенным отличием от законодательства Великобритании в Российской Федерации является положение о необходимости при подаче заявления согласно части 4 статьи 213.4 Федерального закона от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» внесения должником на депозит арбитражного суда денежных средств, которые являются вознаграждением финансового управляющего [1].

В законодательстве Великобритании для защиты интересов кредиторов предусмотрена обязанность должника в отдельных случаях обратиться с заявлением в суд о признании себя банкротом.

Процедура банкротства в Великобритании предусматривает несколько механизмов:

- 1) соглашение должника с кредиторами о погашении долговых обязательств или об утверждении плана реорганизации;
- 2) управление конкурсной массой (введение моратория на удовлетворение требования кредиторов с целью дать должнику возможность реструктурировать свою задолженность);
- 3) конкурсное производство.

Особое внимание необходимо уделить управлению имуществом должника. Для регулирования данного механизма назначается конкурсный управляющий, в обязанности которого входит формирование конкурсной массы, реализация имущества неплатежеспособного должника, распределение средств между кредиторами.

Отличительной чертой английского законодательства о банкротстве является право суда назначить временного управляющего имуществом должника в период между подачей заявления о признании банкротом и открытием производства по делу о банкротстве.

Порядок удовлетворения требований кредиторов имеет схожие черты с иными европейскими законодательствами:

- 1) требования кредиторов, обеспеченные залогом имущества должника;
- 2) требования по покрытию расходов по ликвидации (для юридических лиц);
- 3) требования кредиторов, имеющих преимущества (связанные с налоговыми выплатами, обязательными платежами, требования по заработной плате);
- 4) требования, обеспеченные залогом, обременяющим имущество, невыделенное из общей массы;
- 5) требования, не обеспеченные залогом;
- 6) требования, возникшие после открытия процедуры банкротства [2, с. 25-26].

Законодательство Великобритании ориентировано на возвращение денежных средств кредиторам, исполнение обязательств посредством реализации имущества должника-банкрота.

В некоторых случаях процедура банкротства не позволяет освободить должника от своих долговых обязательств после завершения конкурсного производства.

Анализируя законодательство Великобритании о банкротстве физических лиц, выяснена взаимосвязь со многими положениями российского законодательства, что связано, прежде всего, с рецепцией норм римского права.

Видоизменение норм и наличие различий, обусловленных территориальными и национальными признаками, позволили обособлено существовать нескольким схожим институтам и развиваться со своей спецификой.

Многие механизмы, используемые в Великобритании, активно применяются в российском законодательстве. Механизмы регулирования банкротства отличаются своей направленностью на «продолжниковый» или «прокредиторский».

Еще одним отличительным признаком является круг лиц, которые могут быть признаны банкротами.

Для Великобритании перечень лиц, которые могут быть признаны банкротами, достаточно расширен в сравнении с Российской Федерацией.

Несостоятельными могут быть признаны все хозяйствующие субъекты, кроме страховых компаний и банковских институтов, а также физические лица.

Следующим признаком является перечень субъектов, имеющих право подачи заявления о признании должника банкротом.

В Великобритании правом подать заявление о банкротстве обладают должник, кредиторы, уполномоченные государственные органы, суд, клерк суда магистрата, а в исключительных случаях другие лица (например, «ликвидаторы»).

В Российской Федерации согласно статье 213.3 Федерального закона от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом обладают гражданин, конкурсный кредитор, уполномоченный орган [1].

Одним из важных признаков являются условия признания должника несостоятельным.

Для Великобритании условием признания лица несостоятельным будет являться просрочка платежа не менее 3 недель. При определенных условиях необходимо обязательное наличие неисполненного исполнительного листа, превышение стоимости активов юридического лица над стоимостью задолженности и доказательства неисполнения обязательств.

В Российской Федерации существует два условия: сумма долговых обязательств должна превышать 500 тыс. руб., а просрочка платежей должна превышать срок 3 месяца.

В Российской Федерации и Великобритании требования к конкурсному управляющему одинаковые, как и порядок проведения конкурсного производства, порядок удовлетворения требований кредиторов также имеет большое сходство.

В рассмотренных выше правовых системах регулирование банкротства физических лиц в большей степени направлено на защиту интересов неплатежеспособного должника, хотя в определенных аспектах присутствует перевес в «прокредиторскую» сторону.

Законодательство Великобритании и Российской Федерации имеет большое количество типовых норм, которые являются фундаментальными и схожими в применении.

Однако каждая правовая система определила четкое направление развития процедуры банкротства физических лиц со своими как положительными, так и отрицательными аспектами.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Степанов В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999. С. 25 - 26.
3. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. В. В. Залесского. – М.: НОРМА, 1999. - С.149.
4. Процедура банкротства граждан. – Арбитражный суд Республики Саха (Якутия). – URL: yakutsk.arbitr.ru/process/bankrotstvo_grajdan/procedure
5. Процедуры банкротства. Виды. – ЛЮГОС. Правовой центр. – URL: ogos-pravo.ru/articles/procedure-bankrotstva-vidy

Taran P. E., Pogrebnyak E.S. Comparative legal analysis of the modern procedure of bankruptcy of individual in Great Britain and Russian Federation // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 345-349.

The article is devoted to the positive and negative aspects of the bankruptcy procedures of individuals in the UK and the Russian Federation. The paper examines the requirements for the bankruptcy trustee, the procedure for conducting bankruptcy proceedings and meeting the claims of creditors in the Russian Federation and the United Kingdom. The main focus of this article is aimed at studying to a greater degree the protection of the interests of the insolvent debtor, although in certain aspects there is an advantage to the “pro-creditor” side.

Key words: bankruptcy of individuals, insolvency, creditor, debtor, enforcement proceedings, bankruptcy proceedings, comparative analysis.

Spisok literatury:

1. Federalnyj zakon ot 26.10.2002 goda №127-FZ «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)».
2. Stepanov V.V. Nesostoyatelnost (bankrotstvo) v Rossii, Francii, Anglii, Germanii. – M., 1999. S. 25 – 26.
3. Osnovnye instituty grazhdanskogo prava zarubezhnyh stran. Sravnitelno-pravovoe issledovanie / Pod red. V.V. Zaleskogo. – M.: Norma, 1999. – S.149.
4. Procedura bankrotstva grazhdan. – Arbitrazhnyj sud Respubliki Saha (Yakutiya). – URL: yakutsk.arbitr.ru/process/bankrotstvo_grajdan/procedury
5. Procedury bankrotstva. Vidy. – LOGOS. Pravovoj centr. – URL: ogos-pravo.ru/articles/procedury-bankrotstva-vidy.

УДК 347.7 : 652.612

О ФРАХТОВАНИИ СУДОВ ДЛЯ ВНУТРЕННИХ ПЕРЕВОЗОК

В СССР В 1920-1930-х гг.

Кириллова Т. К.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассмотрены вопросы, связанные с фрахтованием иностранных судов для внутренних перевозок в СССР в 1920-1930-х гг. Указано, что, не смотря на создание специального органа Совфрахт, данная организация лишь действовала от лица заинтересованных государственных органов и ведомств на внешних фрахтовых рынках, однако не только с целью получения тоннажа для внешних перевозок, но и для внутренних. По причине нехватки тоннажа отечественного торгового флота для внутренних перевозок использовались не только иностранные суда, но и фрахтование таковых судов, что обуславливало использование фрахтования в той части перевозок, которую СССР в изучаемый период не мог обеспечить собственными судами.

Ключевые слова: фрахт, Совфрахт, фрахтование, постановление правительства, перевозки.

В современной историко-правовой литературе сложилось не совсем точное мнение о том, что с образованием Совфрахт и развитием его деятельности фрахтование иностранных судов для внутренних перевозок постепенно было прекращено, а сами эти перевозки исполнялись лишь силами отечественного торгового флота [1-4], на основе специальных хоздоговоров и без использования фрахтования [5, с. 103].

На самом деле такое мнение нельзя считать совсем верным. Причинами к использованию во внутренних перевозках зафрахтованных за рубежом судов были достаточны просты – отечественный торговый флот по своему количественному составу все еще не мог самостоятельно обслуживать потребности быстроразвивающейся экономики страны [6, л. 1]. К тому же качество его работы зачастую стояло на весьма невысоком уровне.

С начала образования Совфрахт, одной из его важнейших задач являлось уменьшение расходов в конвертируемой валюте. Исходя из этого, предпринимались активные попытки частичного использования при уплате фрахта национальных валют стран судовладельцем. Так, в частности, известно, что 19 января 1933 г. Совфрахт своим агентам за границей, а также экспортирующим организациям отправил копию циркулярного письма В/О Экспортлес и копию инструкции филиалам о порядке оплаты фрахта в эстонских кронах пароходам эстонского флага [7, л. 1]. Данными документами предлагалось не менее фрахта 30% оплачивать кронами.

Инструкция не только устанавливала, что Совфрахт и его конторы будут фрахтовать плававшие под эстонским флагом на условиях частичной или полной оплаты фрахта в эстонских кронах, но и требовала, при получении (отделениями) чартера на такой пароход немедленно сообщать в Совфрахт его название; канцелинг, дату, порт назначения, грузится ли конкретный товар (и по какому контракту) или консигнационный, ориентировочная сумма фрахта в фунтах стерлингов, какая часть фрахта оплачивается в эстонских кронах.

Торгпредства СССР в Дании и Эстонии о таком ходе были уже предупреждены и задействованы в схему. Совфрахт же брал на себя наличие соответствующих суммы и их проводку через Госбанк немедленно еще до выхода или входа такого теплохода в порт [7, л. 3].

Кроме того, специальными постановлениями правительства регулировались различные вопросы, относящиеся к перевозкам, фрахтованию, деятельности на территории СССР иностранных представительства и т.д.

Среди них, очевидно следует выделить «Положение об ответственности органов водного транспорта и клиентуры за невыполнение государственного плана перевозок по внутренним водным путям и по морским путям в малом каботаже» от 3 июля 1934 г. Не углубляясь в изучение этого известного документа, отметим, что несмотря на то, что «Настоящее положение относится к перевозкам, производимым органами Народного комиссариата водного транспорта (далее НКВТ) по внутренним водным путям и по морским путям в малом каботаже» (п. 1), им устанавливалось, что согласно пункту «13» данного положения, устанавливалось, что «За недоставку груза в установленный срок пароходство несёт ответственность в следующем размере:

10% фрахта (без дополнительных сборов) при просрочке до 1/10 срока
20% фрахта (без дополнительных сборов) при просрочке до 2/10 срока
30% фрахта (без дополнительных сборов) при просрочке до 3/10 срока
40% фрахта (без дополнительных сборов) при просрочке до 4/10 срока
50% фрахта (без дополнительных сборов) при просрочке превышающей 4/10 срока.

Ответственность пароходства за несвоевременную доставку грузов, перевозимых в малом каботаже, ограничивается 30% фрахта» [8].

Как видим, расчет штрафов в данном случае производился из стоимости именно фрахта.

Что же касается монополии Совфрахта на фрахтование иностранного тоннажа, то в данном случае следует напомнить «Постановление ЦИК СССР N 28, СНК СССР N 2756 от 26.12.1935 "О порядке подписания сделок по внешней торговле». Им, во изменение постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 13 октября 1930 г. «О порядке подписания сделок и выдачи доверенностей на оформление операций по внешней торговле» (С.З. СССР, 1930, N 56, ст. 583), ЦИК и СНК СССР постановили:

во-первых, разрешить торговым представителям СССР единолично подписывать в соответственной стране сделки по внешней торговле на сумму, в каждом отдельном случае, до 100000 руб., а свыше ста тысяч рублей с предварительного разрешения в каждом отдельном случае комиссара внешней торговли или его заместителя (п. 1);

во-вторых, сделки по внешней торговле, заключаемые всесоюзными внешнеторговыми объединениями в Москве, далее должны были подписываться двумя лицами, из которых одним являлся председатель объединения или его заместитель, а другим - лицо, уполномоченное на право подписи внешнеторговых сделок доверенностью, подписанной председателем объединения; векселя и другие денежные обязательства по внешней торговле, выдаваемые указанными объединениями в Москве, должны были иметь подпись председателя объединения либо его заместителя и главного бухгалтера объединения.

В случае необходимости заключения указанными объединениями внешнеторговых сделок или выдачи ими векселей и других денежных обязательств вне Москвы (как на территории СССР, так и за границей) указанные сделки и денежные обязательства следовало подписывать двум лицам, получившими доверенность за подписью председателя объединения [9].

Постановление ЦИК и СНК СССР от 02.02.1936 «О налоговом обложении представительств иностранных хозяйственных организаций, производящих торговые операции на территории Союза ССР», в свою очередь, устанавливало, что иностранные торговые, промышленные и иные торговые организации (общества, товарищества и т.п.) и отдельные граждане, которым принадлежали за границей торговые промышленные и иные хозяйственные предприятия, допущенные в установленном законами СССР порядке к производству торговых операций на территории СССР и открывшие в СССР для этой цели представительства, конторы, отделения и т.п. (С.З. СССР, 1931, N 24, ст. 197), облагаются вместо промыслового и подоходного налогов налогом в размере 1/4% от оборотов на территории СССР, исчисленных в советской валюте (п. 1).

Предусмотренный в ст. 1 налог исчислялся с суммы заключенных указанными в ст. 1 иностранными организациями и гражданами на территории СССР сделок:

- «а) по продаже и поставке товаров советским организациям;
- б) по фрахтованию иностранных судов советскими организациями» (п. 2).

При этом суммой сделки признавалась сумма, полученная или причитающаяся к получению на основании сделки, независимо от того, заключена ли сделка за наличные или в кредит (п. 3) [10].

Еще одним шагом к уменьшению валютных расходов, в том числе при фрахтовании иностранного тоннажа, а также при разборе спорных дел по фрахтам стало создание постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 декабря 1930 г. Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате (действовала до распада СССР, а в РФ получила новую правовую основу). Кроме прочего, на эту комиссию было возложено разрешение споров, которые вытекают из договорных и других отношений в области торгового мореплавания, в том числе и по фрахтованию судов [11, с. 408-409].

Приведем следующие данные о работе МАК. Так, к примеру, в 1938 г. на разрешение МАК поступило 142 дела, что составило вместе с 29 делами, находившимися в производстве на 1 января 1938 г. Из них в течение 1938 г. было окончательно разрешено 130, 10 дел были рассмотрены предварительно, и производство 13 дел было прекращено до арбитража или по миролюбивому соглашению сторон или же путем передачи их по подсудности в ведомственные арбитражи.

Из разрешенных МАК 130 дел, 93 дела относились к фрахтованию морских судов и морской перевозке грузов. При этом, почти все фрахтовые дела относились к спорам между советскими органами (пароходствами и экспортными или импортными организациями) [12, с. 210 – 211].

Таким образом, как видим, приведенные данные говорят о том, что фрахтование судов для внутренних перевозок, наряду с иными формами их организации, во второй половине 1930-х гг. оставалось нормальным явлением в деятельности государственных хозяйственных органов.

Список литературы:

1. Благодатная, Е. Ю. Планирование и проведение В/О «Совфрахт» кампаний по фрахтованию в 1933–1934 гг. [Текст] / Е. Ю. Благодатная // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 3–14.
2. Благодатная, Е. Ю. Деятельность советских органов фрахтования в 1929–1933 гг. [Текст] / Е. Ю. Благодатная // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – С. 3–14.
3. Благодатная, Е. Ю. Правовые основы организации всесоюзного объединения «СОВФРАХТ» в 1930-е гг. [Текст] / Е. Ю. Благодатная // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 3–14.
4. Благодатная, Е. Ю. Реорганизация управления фрахтовым делом в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. [Текст] / Е. Ю. Благодатная // Власть Закона. – 2016. – №1. – С. 234–247.
5. А.Д. Кейлин и П.П. Виноградов. Морское право. – И-во «Водный транспорт», Москва, 1939 г.
6. Государственный архив Николаевской области. Р-945. Оп. 2. Д. 31.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-9052. Оп. 1. Д. 6.
8. Постановление ЦИК и СНК от 3 июля 1934 г. «Положение об ответственности органов водного транспорта и клиентуры за невыполнение государственного плана перевозок по внутренним водным путям и по морским путям в малом каботаже». - Исторические материалы. – URL: istmat.info/node/23820 (дата обращения 17.11.2018 г.).
9. Постановление ЦИК СССР N 28, СНК СССР N 2756 от 26.12.1935 "О порядке подписания сделок по внешней торговле». - Правовая Россия. – URL: lawru.info/dok/1935/12/26/n1195892.htm (дата обращения 17.11.2018 г.).
10. Постановление ЦИК СССР N 39, СНК СССР N 161 от 02.02.1936 «О налоговом обложении представительств иностранных хозяйственных организаций, производящих торговые операции на территории Союза ССР». - Правовая Россия. – URL: lawru.info/dok/1936/02/02/n1195844.htm (дата обращения 17.11.2018 г.).
11. Костылев Г. А. Сборник нормативных актов по морскому транспорту. – М.: Транспорт, 1968. – 448 с.
12. Международный коммерческий арбитраж : опыт отечественного регулирования. 80 лет МАК при ТПП СССР / ТПП РФ. 1930–2010 гг. : сб. избр. док. и анализ. материалов / Торгов.-пром. Палата Российской Федерации, Морская арбитраж. Комис. При ТПП РФ, МГИМО (У) МИД РФ, Каф. междунар. част. и гражд. права ; сост. и науч. ред. А. И. Муранов. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 816 с.

Kirillova T. K. On the chartering of vessels for internal transport in the USSR in 1920-1930-ies. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 4 (72). № 1. – P. 350-354.

The article deals with the issues related to the chartering of foreign vessels for domestic transport in the USSR in the 1920s-1930s. It is stated that, despite the creation of a special body of the Sovfracht, this organization only acted on behalf of interested state bodies and agencies in the foreign freight markets, but not only to obtain tonnage for external transport, but also for internal. Due to the lack of tonnage of the domestic merchant fleet, not only foreign vessels were used for domestic transportation, but also chartering of such vessels, which led to the use of chartering in the part of transportation that the USSR could not provide with its own vessels during the study period.

Keywords: freight, Sovfracht, chartering, government decree, transportation.

Spisok literatury:

1. Blagodatnaya, E. YU. Planirovanie i provedenie V/O «Sovfraht» kampanij po frahtovaniyu v 1933–1934 gg. [Tekst] / E. YU. Blagodatnaya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 3–14.
2. Blagodatnaya, E. YU. Deyatel'nost' sovetskih organov frahtovaniya v 1929–1933 gg. [Tekst] / E. YU. Blagodatnaya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – С. 3–14.
3. Blagodatnaya, E. YU. Pravovye osnovy organizacii vsesoyuznogo ob"edineniya «SOVFRAHT» v 1930-е gg. [Tekst] / E. YU. Blagodatnaya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – Т. 3 (69). № 2. – С. 3–14.

4. Blagodatnaya, E. YU. Reorganizaciya upravleniya frahtovym delom v SSSR v konce 1920-h – pervoj polovine 1930-h gg. [Tekst] / E. YU. Blagodatnaya // *Vlast' Zakona*. – 2016. – №1. – S. 234–247.
5. A.D. Kejlin i P.P. Vinogradov. *Morskoe pravo*. – I-vo «Vodnyj transport», Moskva, 1939 g.
6. Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti. R-945. Op. 2. D. 31.
7. CGA SPB. F. R-9052. Op. 1. D. 6.
8. Postanovlenie CIK i SNK ot 3 iyulya 1934 g. «Polozhenie ob otvetstvennosti organov vodnogo transporta i klientury za nevypolnenie gosudarstvennogo plana perevozok po vnutrennim vodnym putyam i po morskim putyam v malom kabotazhe». - *Istoricheskie materialy*. – URL: istmat.info/node/23820 (data obrashcheniya 17.11.2018 g.).
9. Postanovlenie CIK SSSR N 28, SNK SSSR N 2756 ot 26.12.1935 "O poryadke podpisaniya sdelok po vneshnej torgovle». - *Pravovaya Rossiya*. – URL: lawru.info/dok/1935/12/26/n1195892.htm (data obrashcheniya 17.11.2018 g.).
10. Postanovlenie CIK SSSR N 39, SNK SSSR N 161 ot 02.02.1936 «O nalogovom oblozhenii predstavitel'stv inostrannyh hozyajstvennyh organizacij, proizvodyashchih torgovye operacii na territorii Soyuzha SSR». - *Pravovaya Rossiya*. – URL: lawru.info/dok/1936/02/02/n1195844.htm (data obrashcheniya 17.11.2018 g.).
11. Kostylev G. A. *Sbornik normativnyh aktov po morskomu transportu*. – M.: Transport, 1968. – 448 s.
12. *Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh : opyt otechestvennogo regulirovaniya. 80 let MAK pri TPP SSSR / TPP RF. 1930–2010 gg. : sb. izbr. dok. i analit. materialov / Torgov.-prom. Palata Rossijskoj Federacii, Morskaya arbitrazh. Komis. Pri TPP RF, MGIMO (U) MID RF, Kaf. mezhdunar. chast. i grazhd. prava ; sost. i nauch. red. A. I. Muranov*. – M. : Infotropik Media, 2011. – 816 s.

НАШИ АВТОРЫ

Аблятинова Н. А.	<i>к.ю.н., доцент к-ры гражданско-правовых дисциплин Крымского Филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Абызов Р. М.	<i>д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России</i>
Абызов К. Р.	<i>к.ю.н., доц. начальник к-ры психологии и педагогики в ОВД Барнаульского юридического института МВД России</i>
Алимов З. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Бекирова Р. Ф.	<i>обучающаяся 1 курса, направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, профиль «Юрист в сфере предпринимательства, закупок и государственного управления»</i>
Ботвин И. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России</i>
Бугаев В. А.	<i>к.ю.н., доцент, зав. к-рой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».</i>
Буткевич С. А.	<i>к.ю.н., доц., заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной работе)</i>
Губченко А. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Гундерич Г. А.	<i>Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Журба О. Л.	<i>к.ю.н., заместитель начальника к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Задерейчук А. А.	<i>доцент к-ры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат исторических наук, доцент</i>
Задерейчук И. П.	<i>доцент кафедры социально-экономических и общегуманитарных дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент</i>
Змерзлый Б. В.	<i>д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Иващенко Е. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права</i>

	<i>юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Игнатов А. Н.	<i>д.ю.н., проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Казарян К. В.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Ким А. В.	<i>аспирант Юридического института Кемеровского государственного университета</i>
Кириллова Т. Г.	<i>Д.ю.н., проф. к-ры государственного (конституционного) права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»</i>
Клименко Е. П.	<i>к.ю.н., преп. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Коблева М. М.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовно-процессуального права, декан ф-т повышения квалификации судей и госслужащих судов Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Коваль А. В.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права» юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Колиева А. Э.	<i>к.ю.н., доц. к-ры земельного, трудового и экологического права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина», г. Краснодар</i>
Корнилова Т. В.	<i>Научный сотрудник организационно-научного отдела федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики» Федеральной службы исполнения наказаний» (ВИПЭ ФСИН России)</i>
Красавцева Н. Г.	<i>аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Московского гуманитарного университета</i>
Латышева Е. В.	<i>д.и.н., проф., зав. кафедрой документоведения и архивоведения, исторический ф-т, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Никитина А. П.	<i>к.ю.н., доц. заведующий к-рой «Морское и таможенное право» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Никульченкова Е. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Оганесян Т. Д.	<i>к.ю.н., преподаватель кафедры международного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>

Пасечник О. С.	<i>к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Поддубняк А. А.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Полынецов К. А.	<i>капитан, дознаватель военной прокуратуры – войсковая часть 32012</i>
Руденко А. В.	<i>к.ю.н., доц., зав. к-рой административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Сафронова Е. В.	<i>д.ю.н., профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
Скакун О. Ф.	<i>д.ю.н., проф. к-ры теории государства и права Юридического института Севастопольского государственного университета</i>
Скворцова О. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Соколова Н. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры истории и права ФГБОУ ВО Шадринский государственный педагогический университет</i>
Старостин В. А.	<i>Преподаватель первой квалификационной категории, г. Симферополь, Таврический колледж (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского</i>
Струнский А. Д.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права» юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Султанов К. А.	<i>к.э.н., доц., преподаватель к-ры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Всероссийского и-та повышения квалификации сотрудников МВД России</i>
Тамазов Э. И.	<i>заместитель руководителя Тимашевского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю, майор юстиции</i>
Тихомирова Т. О.	<i>Старший преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Устинов П. В.	<i>Преподаватель к-ры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Всероссийского и-</i>

	<i>та повышения квалификации сотрудников МВД России</i>
Форосян А. С.	<i>магистрант Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия</i>
Хун А. З.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России</i>
Хутько Т. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».</i>
Чеботарева Г. В.	<i>д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Чибисов С. В.	<i>соискатель к-ры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета</i>
Чайка А. В.	<i>студентка 3 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шадрин И. А.	<i>Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Шарана Р. А.	<i>Студентка 2-го курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского</i>
Шароваров И. А.	<i>Студент 5 курса Кемеровского института (филиала) Российского Экономического университета им. Г. В. Плеханова</i>
Шармоянц А. Н.	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Губченко А. А. Пожарный устав Российской империи 1857 г. как основа обеспечения противопожарной безопасности торгового флота в XX – начале XX вв.....	3
Гундерич Г. А., Латышева Е. В. О правовом регулировании архивного документа как культурно-исторической ценности.....	9
Задерейчук А. А., Задерейчук И. П. Осуществление прокурорского надзора в Таврической губернии в дореформенный период (1803–1860 гг.).....	15
Клименко Е. П. Правовое регулирование судо-суточных норм грузовых работ в морских портах СССР в конце 1930-х гг. XX в.....	23
Никитина А. П. Правовое регулирование деятельности морских лоцманов в СССР в 1969-1991 гг.....	34
Иващенко Е. С. Развитие морского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. в России.....	45
Скакун О. Ф. К вопросу об эффективности взаимодействия правовой и экономической систем в контексте экономико-правового методологического подхода.....	54
Соколова Н. В. Проблемные аспекты обеспечения конституционных прав граждан России: на практике юридической клиники Шадринского государственного педагогического университета.....	61
Старостин В. А. Законодательные акты о труде и рабочем времени в деятельности Государственной Думы и правительственных комиссиях в России в период 1906-1915 гг.....	69
Струнский А. Д. Основные тенденции в развитии учения о правотолковании в немецкой правовой доктрине XX в.....	78
Хутько Т. В. Реализация судебной реформы 1864 года в Таврической губернии.....	87
Чибисов С. В. Правовое регулирование комплектования армии на начальном этапе советской государственности.....	99
Шармоянц А. Н. Правовое регулирование развития радиосвязи в постреволюционный период в СССР.....	107

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

Абызов Р. М., Абызов К. Р., Бовтин И. В. Особенности криминологического обеспечения деятельности ОВД	114
Бугаев В. А., Чайка А. В. Особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению	124
Буткевич С. А. Система общественного доверия: криминологическая утопия или авторитарная идилия?	129
Евтушенко И. И. К вопросу о квалификации преступных деяний, совершенных в отношении каршеринговых автомобилей	139
Журба О. Л. Процессуальные особенности производства обыска	146
Ким А. В. Отдельные вопросы проведения осмотра и экспертизы электронных носителей информации	151
Коблева М. М. Теоретические и практические аспекты оглашения показаний потерпевших и свидетелей	157
Корнилова Т. В. Криминологическо-психологическая характеристика осужденных на длительные сроки лишения свободы	163
Никульченкова Е. В. Половая неприкосновенность несовершеннолетних: проблемные вопросы	172
Поддубняк А. А., Аблаева Д. С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы	179
Скворцова О. В., Шарпа Р. А. Уголовная ответственность за незаконный оборот особо ценных диких животных, занесенных в красную книгу, с использованием сети «интернет»	185
Скворцова О. В. Анализ отдельных криминологических показателей экономической преступности в Российской Федерации	192
Тихомирова Т. О. Реализация принципа разумности сроков в судебных стадиях уголовного судопроизводства	199
Чеботарева Г. В. Проблемы уголовно-правовой оценки «врачебной ошибки»	205
Шадрин И. А. Роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан	215
Шароваров И. А. Несанкционированное снятие денежных средств с банковской карты: состояние и методы профилактики	225

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

Аблятипова Н. А., Форостян А. С.	
Проблемы обеспечения интересов детей при отмене усыновления.....	231
Алимов З. А.	
Содержание права собственности на земли рекреационного назначения в контексте субъективного и объективного права	241
Казарян К. В.	
Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в Германии	249
Колиева А. Э.	
Совершенствование корпоративного управления на основании принципа фидуциарности.....	257
Пасечник О. С., Бекирова Р. Ф.	
Проблемы привлечения к ответственности за разглашение коммерческой тайны.....	266
Руденко А. В., Польшцов К. А.	
Некоторые правовые вопросы относимости доказательств в делах об административных правонарушениях	272
Султанов К. А., Устинов П. В.	
Некоторые актуальные вопросы проведения административного расследования	279

СРОЧНО В НОМЕР

Красавцева Н. Г.	
Правовое регулирование банковского контроля за капитальным строительством в СССР	286
Змерзлый Б. В., Коваль А. В.	
Реорганизация управления торговыми портами в СССР в 1934–1939 гг	296
Оганесян Т. Д., Сафронова Е. В.	
Защита прав человека в ЕСПЧ в 2018 году: российские итоги и перспективы	307
Игнатов А. Н.	
Понятие и общая характеристика личности преступника	319
Игнатов А. Н., Хун А. З.	
Социальные факторы детерминации насильственной преступности.....	327
Тамазов Э. И.	
Латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка	336
Таран П. Е., Погребняк Е. С.	
Сравнительно-правовой анализ современной процедуры банкротства физических лиц в Великобритании и Российской Федерации	345
Кириллова Т. Г.	
О фрахтовании судов для внутренних перевозок в СССР в 1920–1930-х гг	350